

Wittenberg

K 76 ³/₁₉₉

m 2

3
199

ГОРОДСКАЯ БИБЛИОТЕКА
 ВЪ ПАМЯТЬ И. А. КРАСНОВА.
 Шкафъ 15
 Полка 1 6
 № 4432
 Разр. 11а

Государственная публичная
 историческая библиотека

Шифр	Инвентарный №
K 76 ^{3/} 199	56 50.35
	№ тома 72
Количество страниц или листов текста	стр. 327-639
Количество иллюстраций, таблиц, карт и т. п.	20 л
Дефекты	
Примечания	Иттенберг 7/11/12
Дата составления паспорта	14/3 60

MP

K76 ³/₁₉₉

new loc
1-20

2

82

9/47/
И-90

К76³/₁₉₉

15
1.6

ИСТОРИЯ
РОССИИ
ВЪ XIX ВѢКѢ

3185

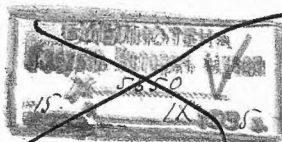
Мамы.

Изд. М.-ва. Бр.
А. У. Франкфурт

№ 2

В. Пастернак

И. П. ПОНЕВ. ДТЕ
А. П. ПОНЕВ. ДТЕ

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР

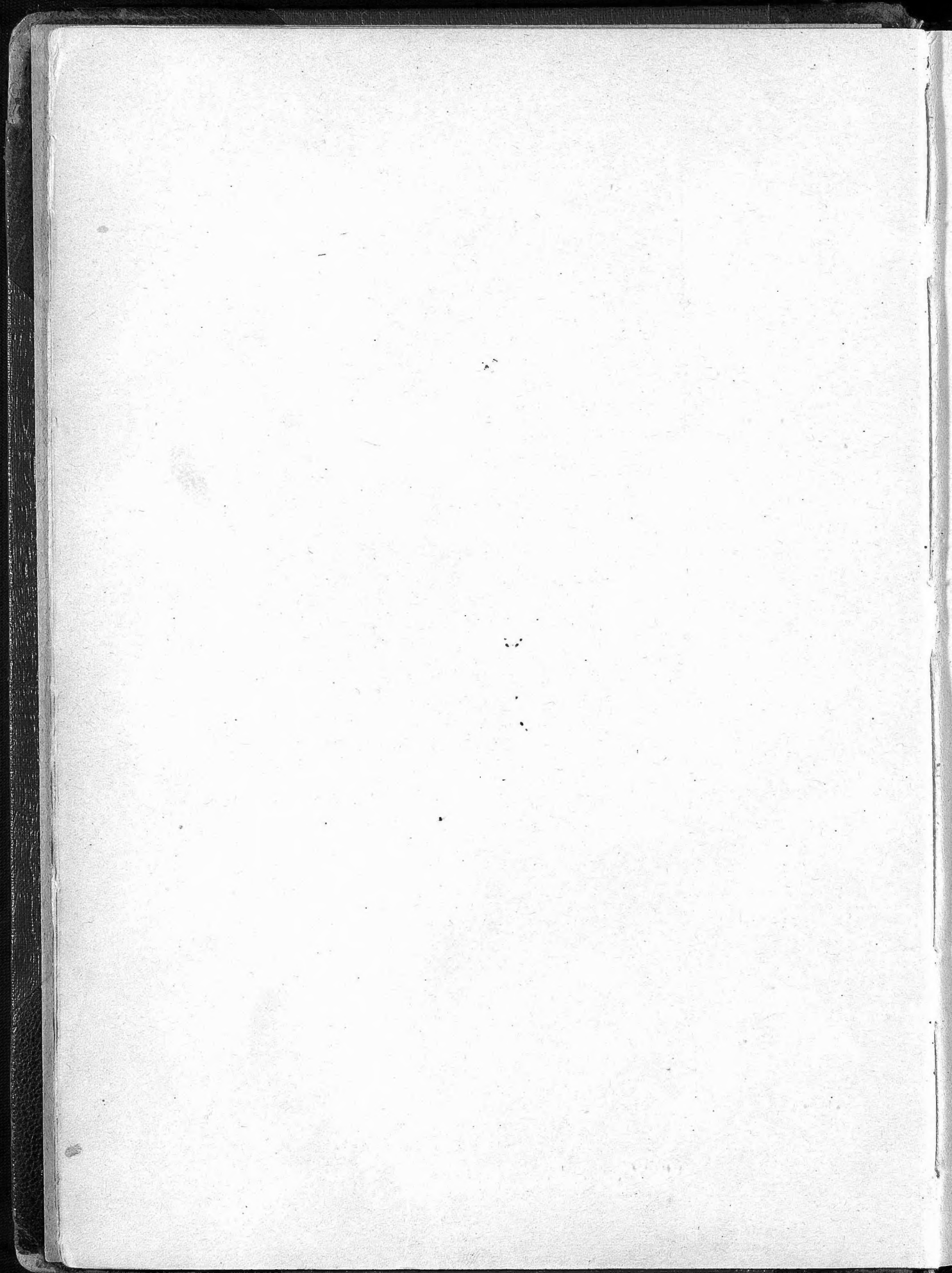
5650-35

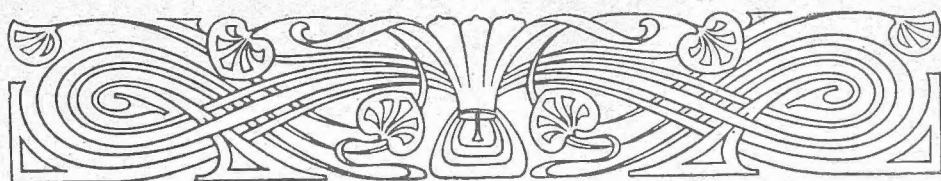
ТЕКСТЪ ОТПЕЧАТАНЪ ВЪ ТИПО-
ГРАФИИ „РУССКАЯ СКОРОПЕЧАТНЯ“
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, ЕКАТЕРИНИНСКІЙ
КАНАЛЪ, 94.

ЗАГЛАВНЫЙ ЛИСТЪ ОТПЕЧАТАНЪ
ВЪ ТИПОГР.МИНИСТЕРСТВА ПУТЕЙ
СООБЩ. (Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К^о.)
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, ФОНТАНКА, 117. —

ДОРЕФОРМЕННАЯ РОССИЯ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

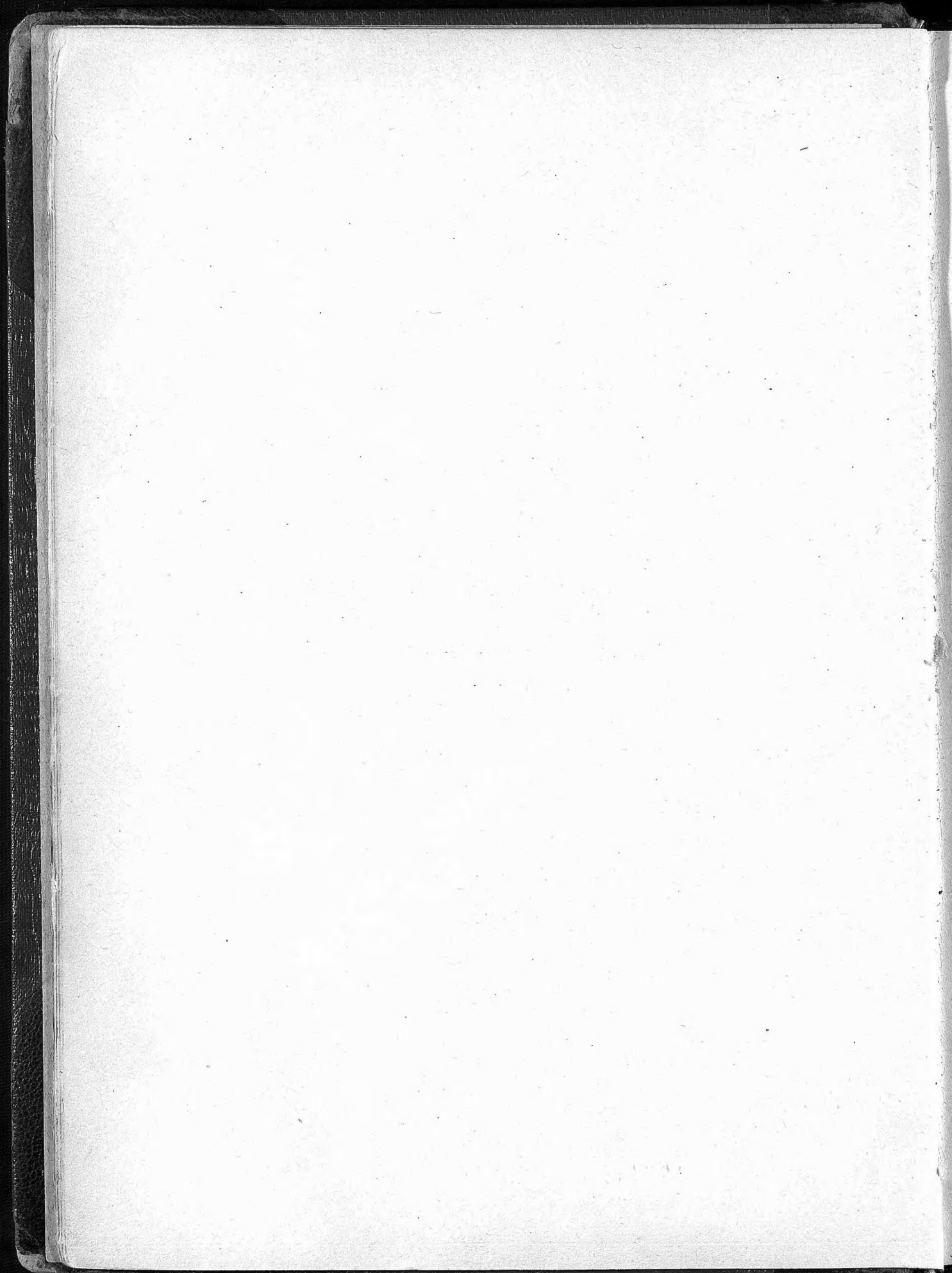

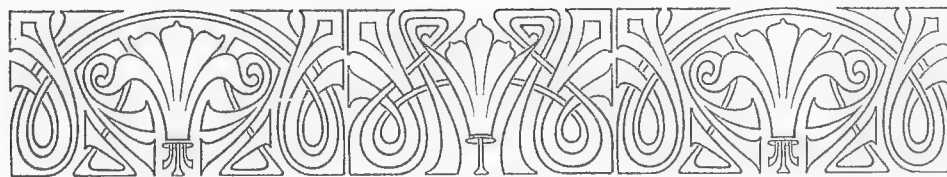
Оглавление II-го тома.

(Часть первая, отдѣлъ второй.)

	Стр.
IX. Прибалтійскій край въ первой половинѣ XIX вѣка. <i>К. И. Ландера</i>	327—349
X. Университеты въ Россіи въ первой половинѣ XIX вѣка. <i>И. Н. Бороздина</i>	349—379
XI. Русская литература до Пушкина. <i>П. Н. Сакулина</i>	379—402
XII. Очеркъ Пушкинскаго періода. <i>Е. В. Аничкова</i>	403—443
XIII. Русская литература во второй четверти вѣка. <i>П. Н. Сакулина</i>	443—508
XIV. Внѣшняя политика Россіи въ первыя десятилѣтія XIX вѣка. <i>М. Н. Покровскаго</i>	508—606
Библіографія	607—622
Оглавленіе конспектъ I части	623—637
Пояснительный указатель художественныхъ приложеній	638—639

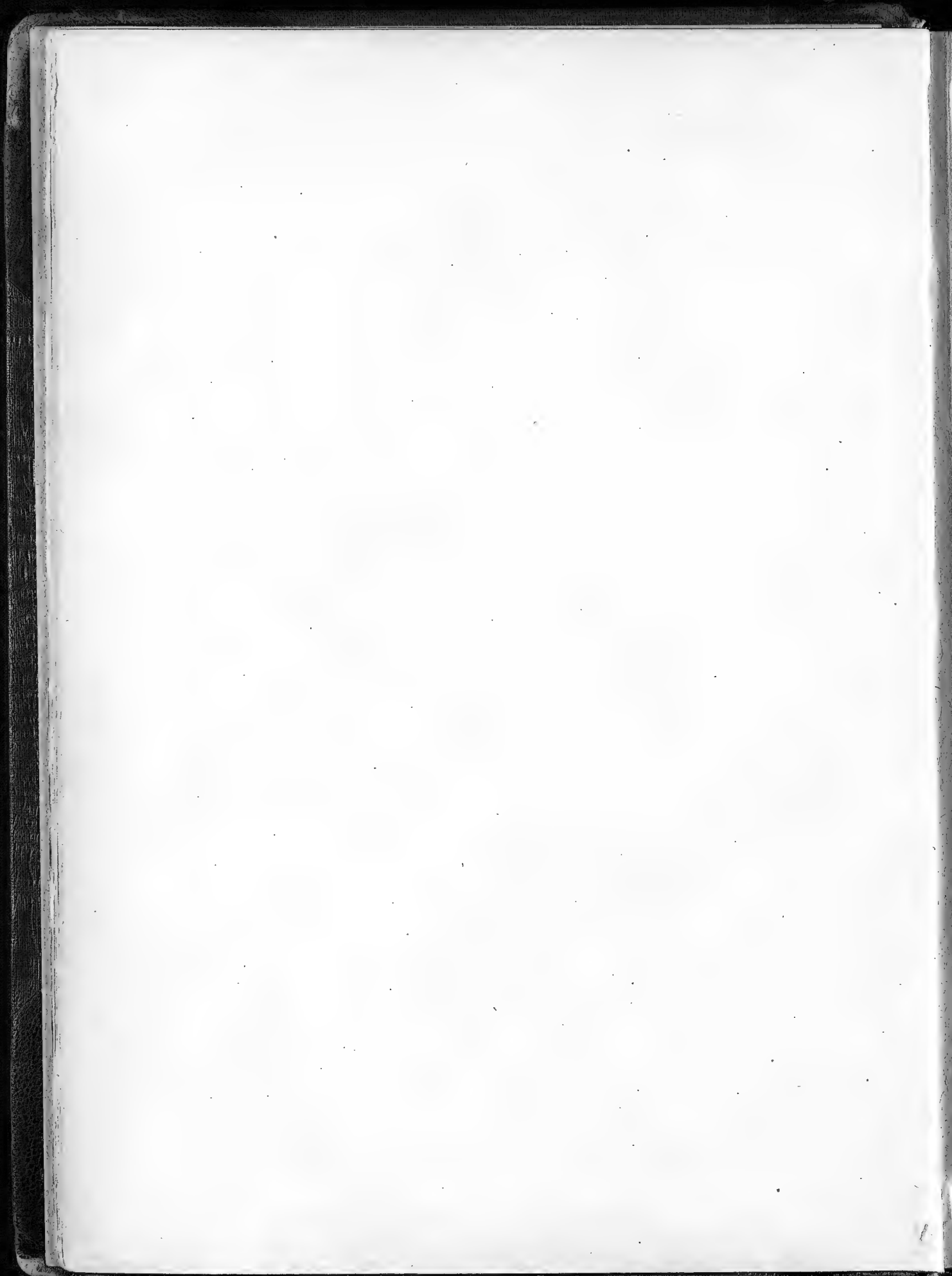

Портреты, помѣщенные во II томѣ.

Стр.	Стр.
К. Н. Батюшковъ ... 337 1	А. Н. Островскій ... 481 11
М. П. Погодинъ ... 353 2	Н. В. Станкевичъ ... 497 12
Гр. А. А. Аракчеевъ ... 368 3	М. С. Щепкинъ .. 513 13
А. Н. Майковъ ... 385 4	А. А. Григорьевъ ... 529 14
А. И. Герценъ ... 401 5	А. Θ. Писемскій ... 545 15
П. Я. Чаадаевъ .. 416 6	Θ. М. Достоевскій.. 561 16
А. В. Кольцовъ .. 433 7	И. А. Гончаровъ ... 577 17
Н. В. Кукольникъ... 449 8	И. С. Аксаковъ.. 585 18
Гр. П. Д. Киселевъ ... 465 9	Я. П. Полонскій ... 593 19
С. Т. Аксаковъ ... 480 10	С. М. Соловьевъ ... 601 20

ственного развитія Царства Польскаго. Для того, чтобы странѣ съ $3\frac{1}{2}$ милліонами жителей помѣряться съ россійскимъ самодержцемъ, требовалось максимальное напряженіе ея силъ. Но для этого нужно было, чтобы народъ, крестьяне, считалъ войну съ Россіей не *панской* войной, какъ онъ ее называлъ, а *хлопской*. Если бы армія крѣпостной Россіи пришлось воевать съ арміей раскрѣпощенной Польши, то на сторонѣ послѣдней было бы такое преимущество, которое могло бы сыграть рѣшающую роль. Но польское крестьянство покорно переносило свое рабство, и шляхта не думала поступаться своимъ правомъ на крѣпостной трудъ, ибо господствующій классъ никогда добровольно не выпускаетъ изъ рукъ орудій своего господства.

Притомъ слѣдуетъ помнить, что противъ возставшей Польши была не одна только Россія, но были также

Австрія и Пруссія. Разбить коалицію трехъ монарховъ, на которую и Франція и Англія также смотрѣли, какъ на оплотъ *общественнаго* порядка въ Европѣ—было ли въ силахъ маленькаго Царства Польскаго? Мохнацкій прекрасно выясняетъ всю неосновательность надеждъ, которыя аристократически-дипломатическая партія возлагала на европейскіе кабинеты, совершенно забывая, что „*интересъ иностранныхъ кабинетовъ требуетъ, чтобы Польша никогда не была возстановлена въ своихъ старыхъ границахъ*“ *). Нужно было дѣло Польши связать съ интересомъ европейскихъ народовъ, а не европейскихъ кабинетовъ—говоритъ Мохнацкій. Но для этого польская революція должна была перестать быть тѣмъ, чѣмъ она была—только реставраціей, и требованія соціальнаго характера должны были быть поставлены не на послѣдній, а на первый планъ.

ГЛАВА IX.

Прибалтійскій край въ первой половинѣ XIX вѣка.

(К. И. Ландера).

Прибалтійскія провинціи-латышскій и эстонскій край—были присоединены къ Россіи въ XVIII ст.: Лифляндія и Эстляндія въ 1721 г., а Курляндія въ 1795 г. До присоединенія къ Россіи аграрныя и соціально-экономическія отношенія во всѣхъ трехъ областяхъ края развивались болѣе или менѣе одинаковыми путями, за исклю-

ченіемъ леннаго польскаго герцогства Курляндскаго, гдѣ въ развитіи помѣщичье-крестьянскихъ отношеній замѣчаются нѣкоторыя характерныя особенности. Послѣ присоединенія развитіе аграрныхъ отношеній и аграрнаго законодательства во всѣхъ

*) Курсивъ Мохнацкаго.

трехъ губерніяхъ совершается далеко не по одному плану.

Въ Лифляндіи, напр., раздѣленіе земли на помѣщичью и крестьянскую, или мызную и усадебную, остается въ силѣ даже послѣ самыхъ крупныхъ реформъ въ области аграрныхъ отношеній, а въ Курляндіи оно мало-по-малу сглаживается и, наконецъ, официально отмѣняется въ 1863 г. Задача настоящей главы — рассмотреть развитіе социальное-экономическихъ отношеній и политическаго строя мѣстной жизни въ первой половинѣ вѣка и въ частности — эволюцію аграрныхъ отношеній и аграрнаго законодательства въ краѣ.

1.

Начало XIX ст. въ Прибалтійскомъ краѣ ознаменовалось глубокими и серьезными реформами. Чтобы понять значеніе этихъ реформъ и причины, вызвавшія ихъ, слѣдуетъ нѣсколько остановиться на прошломъ края, на социальное-экономическомъ состояніи его въ концѣ XVIII ст.

Населеніе края тогда рѣзко дѣлилось на двѣ части: крѣпостныхъ крестьянъ (латышей и эстовъ), съ одной стороны, и помѣщиковъ и бюргеровъ (нѣмцевъ), съ другой.

Характерною особенностью мѣстной жизни является и по настоящее время совпаденіе національнаго различія съ классовымъ. Въ XVIII ст. оно особенно рѣзко бросалось въ глаза. Всѣ безъ исключенія латыши и эсты принадлежали къ крѣпостному сословію крестьянъ и батраковъ, а нѣмцы были здѣсь только помѣщиками, купцами, промышленниками, или пополняютъ ряды мѣстной администраціи. Нѣмцевъ-рабочихъ, мастеровыхъ и тѣмъ

болѣе крестьянъ здѣсь имѣется самая ничтожная горсточка.

Покореніе края нѣмцами совпало съ развитіемъ здѣсь первичныхъ формъ государственности и общественности, съ разрушеніемъ патриархально-общиннаго строя и, можно сказать, произошло именно на почвѣ этого историческаго процесса. Нѣмцы явились для латышей тѣмъ военнослужилымъ классомъ, который въ силу своего естественнаго превосходства вытѣснилъ и замѣнилъ собою мѣстную слабую военную организацію. Установивъ въ краѣ прочную военную организацію, создавъ цѣлый рядъ укрѣпленныхъ пунктовъ, нѣмцы въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій успѣшно выполняли свою историческую миссію, защищали мирное земледѣльческое населеніе латышскаго и эстонскаго края отъ разорительныхъ набѣговъ воинственныхъ сосѣдей.

Между пришельцами-нѣмцами и „покоренными“ народностями сразу установились тѣ же отношенія, что и въ другихъ странахъ между „мирными“ слоями народа и военнымъ сословіемъ. Впослѣдствіи въ Прибалтійскомъ краѣ изъ воиновъ-рыцарей, нѣмцевъ, такъ же естественно и закономѣрно развились феодалы-помѣщики, какъ и въ другихъ странахъ, гдѣ военное сословіе принадлежало къ одному племени съ „покореннымъ“ народомъ.

Национальное различіе между классомъ побѣжденныхъ и классомъ побѣдителей впослѣдствіи только усилило и обострило классовый антагонизмъ въ краѣ. Этотъ взглядъ отнюдь не разрушается частыми безпорядками и возстаніями латышей и эстовъ противъ нѣмецкаго ига, на что любятъ

ссылаться буржуазные латышскіе писатели-націоналисты; то были волненія угнетенныхъ классовъ противъ слишкомъ сильной эксплуатаціи угнетателей, и такія же волненія или „народные бунты“ переживали всѣ страны и народы, не подпавшіе никакому иноплеменному игу.

Въ концѣ XVIII ст. мы застаемъ въ Прибалтійскомъ краѣ полный расцвѣтъ феодально-крѣпостническихъ отношеній. Безправіе угнетенныхъ классовъ, латышскихъ и эстонскихъ крестьянъ, произволъ угнетателей, нѣмецкихъ бароновъ—достигли своего высшаго предѣла. Власть помѣщиковъ надъ крестьянами была неограничена; крѣпостныя повинности регулировались по усмотрѣнію помѣщиковъ, придерживавшихся лишь одного правила—какъ можно больше взять съ крестьянъ. Крестьяне были лишены элементарнѣйшихъ гражданскихъ правъ и вмѣстѣ съ семьями и всѣмъ добромъ составляли неотъемлемую собственность помѣщиковъ. Крестьяне были лишены даже права жаловаться кому бы то ни было, кромѣ своихъ помѣщиковъ, на чрезмѣрные притѣсненія со стороны помѣщичьихъ властей, на обременительность барщины и т. д. Особенно ухудшилось положеніе крестьянъ съ присоединеніемъ края къ Россіи.

Шведское правительство, опиравшееся у себя дома на классъ свободныхъ крестьянъ-землевладѣльцевъ, пыталось и здѣсь въ интересахъ государственной и экономической политики поднять матеріальное и правовое положеніе крестьянъ, съ цѣлью создать изъ нихъ противовѣсъ нѣмецкому дворянству. Съ этою цѣлью шведскимъ правительствомъ

былъ предпринятъ цѣлый рядъ мѣропріятій законодательнаго характера.

Понятно, что всѣ подобнаго рода дѣйствія шведскаго правительства встрѣтили сильное противодѣйствіе со стороны мѣстнаго дворянства, усмотрѣвшаго въ дѣятельности правительства дерзновенное посягательство на свои освященные вѣками привилегіи и права. Вслѣдствіе этого правительство было лишено возможности осуществить полностью намѣченныя реформы. Но все-таки имъ было издано нѣсколько важныхъ законовъ объ урегулированіи крѣпостныхъ повинностей крестьянъ, составлены вакенбухи—расписаніе повинностей и, между прочимъ, произведена крупнѣйшая для того времени по своимъ размѣрамъ и характеру аграрная реформа—передача помѣщичьихъ земель (85%) казнѣ.

Но съ присоединеніемъ края къ Россіи положеніе здѣсь круто измѣнилось. Всѣ законы, изданные шведскимъ правительствомъ въ пользу крестьянъ, были отмѣнены и упразднены, помѣщикамъ возвращены всѣ ихъ конфискованныя земли, и восстановлены въ полномъ объемѣ всѣ поправныя дворянскія привилегіи.

Въ Россіи въ то время царило необузданное крѣпостное рабство, помѣщичій произволъ достигъ своего апогея и самодержавное правительство, оставаясь на высотѣ своей задачи, отстаивало интересы и права крѣпостническаго дворянства. И понятно, что политика правительства по отношенію къ окраинамъ не могла быть иною; нѣмцы-феодалы нашли въ своемъ новомъ верховномъ правительствѣ лучшаго защитника са-

мыхъ крайнихъ своихъ требованій и крѣпостническихъ вожделѣній.

Особой силы крѣпостнической гнетъ достигъ въ царствованіе Екатерины II, узаконившей административно-судебную власть помѣщиковъ надъ крестьянами, отнявшей у прибалтійскихъ крестьянъ право искать въ правительственныхъ судахъ и другихъ учрежденіяхъ защиты отъ чрезмѣрныхъ требованій и притѣсненій дворянъ-помѣщиковъ.

Разсмотримъ вкратцѣ аграрныя отношенія въ краѣ въ началѣ XIX ст., наканунѣ освобожденія крестьянъ въ Лифляндіи и Эстляндіи.

Крупныя сельскія хозяйства (помѣстья, имѣнія) въ краѣ раздѣлялись на 4 разряда: 1) дворянскія вотчины, 2) патримоніальныя имѣнія, 3) казенныя имѣнія, 4) церковныя видмы или пастораты.

Дворянскія вотчины, занимавшія первое мѣсто въ качествѣ хозяйственно-политической единицы, возникли здѣсь на той же правовой нормѣ, какъ и въ Германіи *). Онѣ составляли неотъемлемую и наследственную собственность рыцарей и ихъ потомковъ, свободныхъ отъ земельного налога и прочихъ повинностей. Единственная повинность, которую древній рыцарь несъ по отношенію къ государству, была военная повинность на конѣ, замѣненная впослѣдствіи поземельнымъ налогомъ.

Согласно существовавшему законодательству помѣщики-дворяне обладали слѣдующими „естественными правами“: 1) они были свободны отъ всѣхъ косвенныхъ налоговъ, 2)

таможенныхъ сборовъ и 3) воинскаго постоя. Особымъ правомъ помѣщиковъ-дворянъ считалось также участіе ихъ въ ландтагѣ.

Насколько были ограничены и совершенно упразднены всякія чело-вѣческія права крестьянъ, настолько дворянамъ-помѣщикамъ была дарована самая широкая свобода самоуправленія и политическаго самоопредѣленія. Органомъ, руководящимъ мѣстнымъ самоуправленіемъ, были дворянскіе ландтаги.

До покоренія края русскими правомъ участія и голоса на ландтагахъ пользовались не только дворяне, но и всѣ крупныя землевладѣльцы. Но съ 1783 г. это право предоставлялось уже исключительно дворянамъ; лица не дворянскаго происхожденія были лишены его одновременно съ потерю права владѣнія вотчиной, которое было тоже предоставлено исключительно дворянамъ.

Но кромѣ этихъ обычныхъ дворянскихъ правъ бароны въ силу гражданскихъ законовъ и обычнаго права пользовались еще рядомъ исключительныхъ правъ и монополій. Важнѣйшія изъ нихъ: 1) исключительное право винокуренія и пивоваренія, 2) исключительное право торговли водкой, пивомъ и съѣстными припасами, 3) право содержанія шинковъ и корчемъ, 4) право устройства и содержанія мельницъ, 5) право охоты и рыбной ловли. Право охоты впослѣдствіи было милостиво предоставлено также помѣщикамъ не дворянскаго происхожденія.

Принадлежащая къ дворянской вотчинѣ земля подраздѣлялась на 1) мызную, которою пользовался самъ помѣщикъ, и 2) крестьянскую, которая

*) Тобинъ.—Аграрное законодательство Лифляндіи.

отдавалась въ пользованіе крестьянъ за отбываніе барщины и всякаго рода податей и повинностей. Величина дворянскихъ вотчинъ отъ 1—100 кр. дворовъ-усадебъ (3000—5000—10000 десятинъ).

Право „не-дворянъ“ на владѣніе на правахъ собственника или арендатора имѣніями было отмѣнено уже съ самаго начала русскаго господства въ краѣ. Въ капитуляціи 1710 г. лифляндское дворянство выговорило себѣ право исключительнаго владѣнія имѣніями. Только для рижскихъ гражданъ тою же капитуляціей было сдѣлано исключеніе: за ними оставлено право пользованія помѣстной землею. Создавшееся благодаря этому противорѣчіе было послѣдствіемъ устранено. Подтвержденное указомъ 1754 г., это „право“ неукоснительно осуществлялось въ Лифляндіи, благодаря чему число частныхъ имѣній все уменьшалось.

Патримоніальными имѣніями назывались имѣнія съ прилегающими землями и угодьями, которыя дарились правительствомъ городамъ для расширенія площади городского землевладѣнія и хозяйства. Эти имѣнія освобождались отъ многихъ повинностей (фуражной, конной и др.). Впрочемъ, патримоніальныхъ имѣній было немного, и выдающейся хозяйственной роли они не играли.

Происхожденіе казенныхъ имѣній относится къ глубокой древности. То были древнія орденскія и епископскія земли, а также часть церковныхъ и монастырскихъ земель, перешедшія по присоединеніи края къ Россіи въ собственность казны. Казенныя имѣнія были лишены всѣхъ преимущественныхъ правъ дворян-

скихъ вотчинъ. Такъ же, какъ дворянскія вотчины, они дѣлились на 1) мызную и 2) крестьянскую землю. Правомъ участія въ ландтагѣ арендаторы казенныхъ имѣній не обладали. Казенныя имѣнія были свободны отъ сборовъ на государственныя и земскія повинности и добровольнаго, такъ называемаго дворянскаго, налога. Слѣдуетъ замѣтить, что большинство казенныхъ имѣній послѣ присоединенія края къ Россіи были подарены прибалтійскимъ баронамъ—за разныя историческія услуги.

Церковныя видмы или пастораты возникли еще въ первой половинѣ XIII ст. То были земли и имѣнія (до 3—35 дворовъ) католическихъ, позже лютеранскихъ священниковъ.

Дѣйствовавшимъ въ краѣ законодательствомъ дворянскому ландтагу были присвоены самыя широкія права. Сужденію его между прочимъ подлежали: 1) всѣ общественныя дѣла края, 2) защита предъ правительствомъ всѣхъ интересовъ дворянскаго сословія и всего мѣстнаго населенія, 3) раскладка денежныхъ и др. повинностей; 4) замѣщеніе вакантныхъ, зависящихъ отъ дворянства должностей (къ числу которыхъ принадлежали и всѣ судебскія должности).

Ландтагу принадлежало также право законодательной инициативы, право подачи ходатайствъ на высочайшее имя и. т. д. Въ его рукахъ было сосредоточено завѣдываніе дѣломъ народнаго образованія въ краѣ (устройство и содержаніе школъ, завѣдываніе ими).

Черезъ ландтагъ лифляндскіе феодалы въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій управляли краемъ. Вся эконо-

мическая и политическая власть была сосредоточена въ его рукахъ. И чтобы ландтагъ оставался постоянно на высотѣ своего положенія, составъ его тщательно процѣживался. Даже во времена шведскаго господства, когда правомъ участія въ ландтагѣ пользовались всѣ крупные землевладѣльцы, а не только дворяне, уже тогда въ самомъ ландтагѣ чистокровные дворяне пользовались многими существенными преимуществами.

Такъ, напр., не всѣ участники ландтага, а только дворяне выбирали изъ своей среды предводителя дворянства и предсѣдателя ландтага; ландратами (членами ландратской коллегіи, см. дальше) могли быть только дворяне и только дворяне могли выбрать изъ своей среды членовъ высшаго административнаго учрежденія края—гофгерихта.

При русскомъ господствѣ путемъ примѣненія такъ называемой индигинатной системы составъ ландтага процѣживался еще тщательнѣе. Право участія и рѣшающаго голоса въ ландтагѣ было предоставлено лишь рожденнымъ въ краѣ „кореннымъ“ дворянамъ, владѣющимъ дворянскою вотчиною, или такимъ, отцы которыхъ владѣли въ Лифляндіи земельными имѣньями. Крупнымъ землевладѣльцамъ, не принадлежавшимъ къ родовитой знати, разрѣшалось лишь присутствовать на засѣданіяхъ ландтага въ качествѣ зрителей и слушателей. Право голоса имъ предоставляли въ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось распределять мѣстные налоги и подати.

Такимъ образомъ лифляндское самоуправленіе находилось въ рукахъ родовитой дворянской аристократіи.

Ландтаги пополнялись по собственному выбору этой знати, ревниво оберегавшей свое корпоративное учрежденіе отъ проникновенія туда всякаго неблагороднаго вліянія. Такимъ олигархическимъ учрежденіемъ ландтаги оставались до 1866 г., когда послѣ крупныхъ аграрныхъ реформъ туда проникли новые элементы—представители всѣхъ владѣльцевъ земельныхъ имѣній. Изъ городовъ только Рига пользовалась правомъ участія съ рѣшающимъ голосомъ на засѣданіяхъ ландтага.

Для осуществленія важной привилегіи лифляндскаго дворянства—быть выслушаннымъ по мѣстнымъ дѣламъ—существовало особое учрежденіе—ландратская коллегія или постоянный совѣтъ при мѣстной высшей правительственной власти (ген.-губернаторѣ).

На обязанности ландратской коллегіи лежало попеченіе объ охраненіи правъ, преимуществъ и учреждений мѣстнаго дворянства.

Ландратская коллегія состояла изъ 12 членовъ, избравшихся изъ среды мѣстныхъ дворянъ, и считалась исполнительнымъ органомъ дворянства. Изъ этихъ 12 чл. поочередно ежемѣсячно дежурилъ одинъ членъ, въ рукахъ котораго и были сосредоточены всѣ дѣла коллегіи (исполнительная часть). Вся же коллегія представляла изъ себя руководящій коллективъ, центръ мѣстнаго дворянскаго самоуправленія и несла главную отвѣтственность по дѣламъ дворянства. О самоуправленіи широкихъ слоевъ народа въ то время, понятно, не могло быть и рѣчи. За него все рѣшали его господа и повелители—помѣщики и богатые купцы.

Занятія между дежурными ландратами распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: 1—дежурный, 3—засѣдали въ мѣстномъ высшемъ гражданскомъ и уголовномъ судебномъ учрежденіи—гофгерихтѣ, 1 состоялъ предсѣдателемъ лифляндской евангелическо-лютеранской консисторіи, 4 находились во главѣ четырехъ главныхъ церковныхъ попечительствъ (важнѣйшихъ административныхъ единицъ уѣзда), а одинъ ландратъ завѣдывалъ почтовою частью.

Кромѣ того еще существовалъ особый институтъ дворянскаго самоуправления, такъ называемые уѣздные депутаты, образовывавшіе двѣ коллегии: 1) комитетъ и 2) конвентъ. Комитетъ давалъ заключенія по поступившимъ на разсмотрѣніе ландтага дѣламъ, а конвентъ представлялъ изъ себя учрежденіе, дѣйствовавшее въ промежуточное между засѣданіями ландтага время.

Комитетъ обсуждалъ всѣ доклады по текущимъ дѣламъ, и его заключенія вмѣстѣ съ заключеніями ландратской коллегіи представлялись на разсмотрѣніе ландтага. Ландтагъ созывался 1 разъ въ теченіе 3 лѣтъ.

Церковныя дѣла были урегулированы во время шведскаго господства. Внутренняя и внѣшняя организація лютеранской церкви были крайне сложны и обнимали собою всѣ области мѣстной жизни — попечительство о бѣдныхъ, школахъ, дорогахъ и т. д.

Всѣми дѣлами церкви и прихода управляли главные церковныя попечительства и церковные конвенты. Церковныя попечительства всецѣло находились въ рукахъ дворянъ. Въ конвенты съ правомъ совѣщательнаго голоса входили представители

крестьянъ (церковные старосты) и пасторы.

Во время шведскаго господства въ краѣ появилась первая правильная школьная организація; были основаны первыя латышскія и эстонскія учительскія семинаріи и народныя школы, латышамъ и эстамъ былъ открытъ доступъ къ среднему и высшему образованію. Но дѣло народнаго просвѣщенія такъ и осталось на зачаточной ступени, а при покореніи края русскими быстро заглохло.

Даже консервативный, однако обладающій солидною эрудиціею въ области мѣстнаго законодательства, историкъ края г. Тобинъ *) признаетъ, что состояніе дѣла народнаго просвѣщенія въ краѣ въ теченіе всего XVIII и первой половины XIX ст. было очень жалкое.

Къ концу XVIII ст. было всего нѣсколько народныхъ школъ самого допотопнаго образца, да по латышскимъ и эстонскимъ деревнямъ существовали особые учителя грамотности, обучавшіе дѣтей грамотѣ, а подростковъ конфирмаціоннаго возраста — молитвамъ и церковнымъ псалмамъ. Кромѣ того—уже послѣ 1739 г., когда былъ изданъ законъ объ обязательномъ знаніи конфирмантами молитвъ, катехизиса и нѣсколькихъ церковныхъ пѣсень, — въ каждомъ приходѣ при пасторатѣ стали устраиваться подъ руководствомъ кистера (пономаря) курсы для подростковъ 16—18 лѣтъ, гдѣ они наставлялись истинамъ христіанской вѣры и непреложнымъ догматамъ лютеранской церкви. О дѣйствительномъ же на-

*) „Аграрное законодательство въ Лифляндіи въ XIX ст.“.

родномъ образованіи въ то время не могло быть и рѣчи.

Изъ судебныхъ учреждений въ началѣ XIX ст. въ краѣ дѣйствовали ландгерихты и гофгерихты.

Ландгерихтъ (земскій судъ) представлялъ изъ себя низшую судебную слѣдственную инстанцію, рѣшавшую всѣ уголовныя и гражданскія дѣла, касающіяся лицъ недворянскаго происхожденія. Гофгерихтъ былъ высшей инстанціей для ландгерихтовъ и I инстанціей для всѣхъ важнѣйшихъ дѣлъ, касающихся дворянъ. Въ гофгерихтъ приносились также жалобы крестьянъ на притѣсненія помѣщиковъ. Рѣшенія гофгерихта считались безапелляціонными, однако дворянамъ разрѣшалось приносить по поводу этихъ рѣшеній прошенія на высочайшее имя. Въ 1786 г. была учреждена апелляціонная и ревизіонная инстанція по дѣламъ гофгерихта, такъ называемая юстицъ-коллегія лифляндскихъ и эстляндскихъ дѣлъ.

Низшими полицейско - административными учреждениями были орднунгсъ-герихты, рѣшавшіе мало-важныя дѣла въ административномъ порядкѣ. Нечего и упоминать о томъ, что всѣ должности въ судахъ и полиціи были заняты нѣмцами-баронами; даже послѣ покоренія края русскими за нѣмцами-помѣщиками было оставлено преимущественное право замѣщать своими людьми всѣ вакантныя должности въ краѣ.

Представителемъ высшей государственной власти въ краѣ былъ генераль-губернаторъ. Сначала въ каждой губерніи былъ свой отдѣльный генераль-губернаторъ, но съ 1801 г. было учреждено Прибалтійское генераль-губернаторство, просущество-

вавшее до 1876 г., а затѣмъ снова введенное въ 1905 г.

Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію системы прибалтійскаго помѣщичьяго и крестьянскаго хозяйства, къ характеристикѣ мѣстныхъ аграрныхъ и экономическихъ отношеній, обусловливающихъ весь социальный строй мѣстной жизни.

Мѣриломъ обложенія крестьянской земли повинностями являлся лифляндскій гакенъ („Haken“—соха), или пространство земли, которое можно было обработать при помощи одной сохи и 1 человѣка въ одинъ день. Сначала величина гакена колебалась, и вслѣдствіе этого обложеніе крестьянской земли повинностями находилось въ зависимости отъ другихъ условій крестьянскаго хозяйства—инвентаря, напр. Но впослѣдствіи гакенъ сдѣлался опредѣленною топографическою величиной и сталъ мѣрою земли, хотя еще въ XVI ст. въ Лифляндіи было 6 различныхъ гакеновъ, такъ какъ пространство земли, которое можно было обработать при помощи 1 лошади и 1 сохи, не всегда было одинаково.

Лишь Карлу XI удалось установить одинаковый для всей Лифляндіи гакенъ и этимъ нормировать крѣпостныя повинности крестьянъ, что было достигнуто путемъ измѣренія всѣхъ крестьянскихъ земель. Тогда же были составлены вакенбухи или расписаніе крестьянскихъ крѣпостныхъ повинностей, причемъ всѣ повинности были переведены на деньги и точно разсчитаны.

Такъ какъ шведскій способъ расцѣпки былъ возстановленъ законами 1804,—9,—17 и —19 гг. и дѣйствовалъ послѣ этого долгое время, то

нелишнее будетъ на немъ остановиться нѣсколько подробнѣе.

Оцѣнкѣ подверглись только казенныя — съ цѣлью опредѣленія размѣровъ аренды — и крестьянскія земли. Земля дѣлилась на 1) постоянную пашню и 2) переложную. Пашней называлась находящаяся въ постоянномъ пользованіи крестьянъ по системѣ 3-польнаго хозяйства земля, подъ перелогомъ (рариуе) — земля, находящаяся подъ паромъ. Количесствомъ приходящагося на долю помѣщика дохода съ 1 тонштейла земли являлась 1 тонна ржи. Въ основу этого постановленія легло то соображеніе, что 1 тонна будто бы является точной нормою чистаго дохода крестьянина съ 1 тонштейла, за вычетомъ содержанія земледѣльца и общественныхъ податей. Стоимость тонны (бочки) ржи = 1 шведскому талеру.

Стоимость пѣшаго рабочаго дня = 3 грошамъ, коннаго = 4 гр. По исчисленіи стоимости лежащихъ на крестьянинѣ тягостей и отдаваемыхъ взамѣнъ этого въ пользованіе его земель, полученныя данныя заносились на противоположныя страницы вакенбуха, причемъ каждые 60 талеровъ на кредитной сторонѣ — итогъ коей вполнѣ равнялся итогу дебетовой — считались за 1 гакенъ *).

За этотъ гакенъ, равный 60 талерамъ, крестьянинъ долженъ былъ отбывать: 1) разныхъ государственныхъ повинностей на $24\frac{1}{3}\%$ — 1.312,65 гр. 2) *помѣщичьихъ повинностей* на сумму 4.087,35 гр.: а) 10 конныхъ рабочихъ дней въ недѣлю (т. е. выставять 2 работниковъ съ 2 лошадыми по 5 дней въ недѣлю въ продолженіе 48 недѣль въ году), итого —

*) Тобинъ. — Аграрное законодательство.

480 конныхъ рабочихъ дней, считая по 4 гр. — 1.920 грошей; б) 10 пѣшихъ рабочихъ дней въ недѣлю въ теченіе 21 лѣтней недѣли, итого — 210 раб. дней въ теченіе года по 3 гр. — 630 гр.; с) около 35 рабочихъ (пѣшихъ) дней на помѣщика во время жатвы по 3 гр. — 105 гр.; д) особыхъ сверхурочныхъ рабочихъ дней — по подвозу строительныхъ матеріаловъ и т. п. — 60 (конныхъ) по 4 гр. — 240 гр. и 75 пѣшихъ по 3 гр. — 225 гр.; е) доставка продуктовъ для помѣщичьей семьи — на сумму 270 гр., или до 90 пѣш. и 65 конныхъ рабочихъ дней; ф) поставкою предметовъ въ натурѣ слѣдовало покрыть остальные 697,35 грошей.

Такимъ образомъ крѣпостному крестьянину-дворохозяину приходилось работать на помѣщика *по меньшей мѣрѣ 925 дней въ теченіе года*. Поля помѣщика обрабатывались крѣпостными, а безземельные крестьяне-батраки работали лишь на дворохозяевъ, помогая имъ отбывать тяжелую барщину и добывать скудные средства къ жизни. Такимъ образомъ чрезъ дворохозяевъ помѣщики эксплуатировали также трудъ батраковъ, а сами непосредственно пользовались ими лишь въ качествѣ дворни и мызной прислуги. Понятно, что такой способъ хозяйничанья оказывался пригоднымъ лишь до тѣхъ поръ, пока пзмѣнившаяся культура земледѣлія не потребовала другой организаціи, въ основу которой былъ положенъ уже наемный трудъ.

Вскорѣ послѣ покоренія края русское правительство отступило отъ шведскихъ порядковъ и ввело въ Лифляндіи подушную подать, что повлекло за собою усиленіе крѣпо-

стного гнета и произвола помѣщиковъ, которые уже по собственному усмотрѣнію производили регистрацію крестьянскихъ повинностей, а согласно полученнымъ даннымъ устанавливали размѣры ихъ. Законъ пересталъ ограждать крестьянъ отъ чрезмѣрной эксплуатаціи помѣщиковъ, законодательная нормировка помѣщичье-крестьянскихъ отношеній уступила мѣсто патріархальному помѣщичьему усмотрѣнію и самодержавію.

Гнетъ крѣпостничества сдѣлался невыносимымъ. Всякаго рода повинности буквально разоряли крестьянъ.

Кромѣ помѣщичьихъ повинностей были еще церковныя и государственныя повинности.

Церковныя повинности были двоякаго рода: 1) повинности въ пользу духовенства (поставка натурою зернового хлѣба, дровъ, льна, рыбы, куръ, гусей и т. п., а также исполненіе барщинныхъ работъ и денежные взносы на содержаніе пастора); 2) кромѣ этого была еще особая церковно-строительная повинность, заключавшаяся тоже въ денежныхъ и натуральныхъ взносахъ и работахъ. Всѣ пасторы, имѣвшіе самостоятельные приходы, жили помѣщиками, владѣли пасторатомъ—имѣніемъ, распадавшимся на мызную и крестьянскую землю, имѣли своихъ крестьянъ-крѣпостныхъ.

Государственныя повинности были троякаго рода: конная служба, фуражная, балочная (подвозъ балокъ для казенныхъ построекъ) и подводная. Подушная подать была введена въ 1783 г., и введеніе ея сопровождалось крупными беспорядками среди крестьянъ; полагавшихъ, что по-

душною податью замѣняются всѣ крѣпостныя повинности.

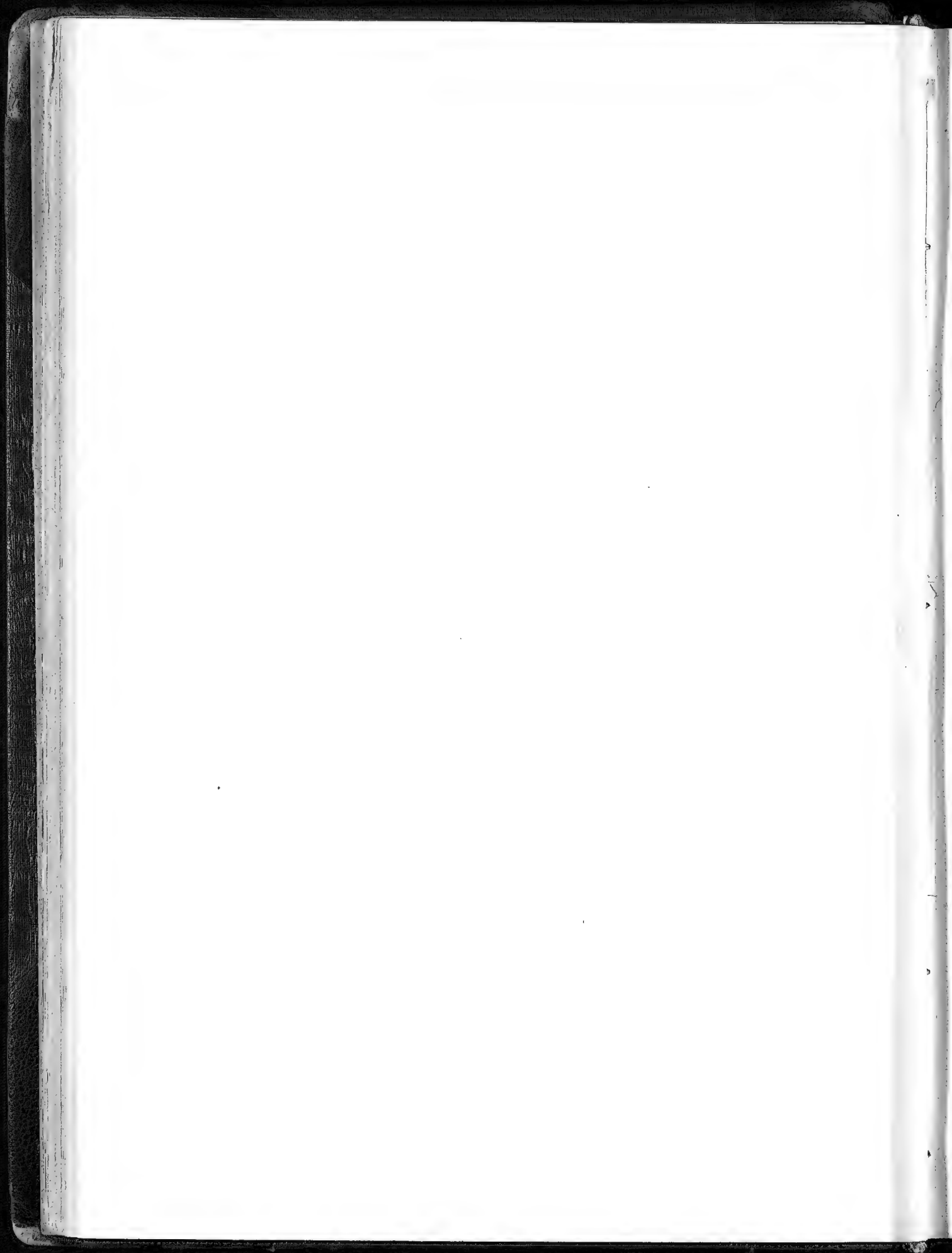
Въ 1796 г. вводится рекрутскій наборъ (до того здѣсь происходила вербовка новобранцевъ). По закону о намѣстничествахъ въ 1784 г. вступили въ силу новыя постановленія о расквартированіи войскъ, согласно которымъ каждое земельное имѣніе величиною не менѣе 5 гаковъ содержало въ особыхъ для того выстроенныхъ помѣщеніяхъ 15 конныхъ солдатъ, а имѣнія въ 10 гак.—40-50 солдатъ съ лошадьми. Кромѣ этихъ обыкновенныхъ государственныхъ повинностей приходилось отбывать многія чрезвычайныя—военные налоги и т. п.

Кромѣ того были еще особыя губернскія общественныя повинности: устройство и содержаніе въ исправности дорогъ, мостовъ—главныхъ, церковныхъ, проселочныхъ; помѣщики предоставляли необходимый для этого матеріалъ, а крестьяне—трудъ. Существовала еще такъ называемая почтовая повинность.

Всякаго рода повинности и подати—помѣщичьи, церковныя, государственныя и общественныя особенно возросли послѣ Сѣверной войны. Всѣ старались наперерывъ возстановить свое разоренное войной благополучіе трудомъ крѣпостныхъ. Система крѣпостной эксплуатаціи достигла страшныхъ размѣровъ. Это было уже не обычнымъ грабежомъ, а настоящимъ вымогательствомъ съ насиліемъ. У крестьянъ въ буквальномъ смыслѣ слова „выколачивались“ чрезмѣрныя подати. На помѣщиковъ была, напр., возложена отвѣтственность за исправное поступленіе государственныхъ податей съ крестьянскаго на-

Н. Н. Бамсруковъ

селенія и наблюденіе за порядкомъ въ имѣніи. Крестьяне были отданы въ полное распоряженіе помѣщиковъ, которые являлись единственными судьями и начальниками ихъ. При преемникахъ покорителя Лифляндіи Петра I помѣщичья власть надъ крестьянами еще усиливалась. Такъ, напр., въ 1760 г. издается законъ, согласно которому помѣщикъ имѣетъ право за непристойное и дерзостное поведеніе ссылать крѣпостныхъ въ Сибирь. Въ 1762 г. русское правительство идетъ еще дальше: издается законъ, слагающій съ помѣщика всякую отвѣтственность за убійство крѣпостного. До Александра I всѣ эти законы остаются въ силѣ и еще дополняются цѣлымъ рядомъ аналогичныхъ „законовъ“. Такъ, напр., былъ изданъ законъ, воспрещавшій подъ страхомъ смертной казни и ссылки въ Сибирь крестьянамъ приносить жалобы на помѣщиковъ кому бы то ни было, кромѣ самихъ притѣснителей. Единственнымъ закономъ, какъ справедливо замѣчаетъ Тобинъ, сдѣлалось неограниченное самовластіе помѣщиковъ.

Жизненные потребности помѣщиковъ увеличились, появилась потребность въ роскоши. А порядки оставались тѣ же, система хозяйства сохранилась прежняя. Единственное средство увеличить свои доходы помѣщики видѣли въ усиленіи и безъ того уже чрезмѣрной эксплуатаціи крестьянъ и земли. Нѣкоторые стали прибѣгать къ разнымъ аферамъ — искусственному насажденію отхожихъ промысловъ, развитію винокуренія, овцеводства и т. д. И въ результатѣ получалось только окон-

чательное и полное разореніе крѣпостныхъ, обнищаніе и неработоспособность ихъ, а отсюда неизбежно вытекало „оскудѣніе дворянства“. Усилились въ краѣ сельско-хозяйственные кризисы, голодовки и къ нимъ, наконецъ, присоединились крестьянскіе бунты (1784, 1796 и 1802 гг.). Предоставивъ помѣщикамъ полную власть надъ крестьянами, правительство перестало вмѣшиваться во внутреннія дѣла Лифляндіи, лишь изрѣдка присылая солдатъ для подавленія крестьянскихъ волненій. Правительство стойко охраняло конституцію лифляндской дворянской республики, но одного этого, къ сожалѣнію, оказалось недостаточнымъ для процвѣтанія края. Измѣнившіяся хозяйственные условія потребовали коренного преобразованія всего мѣстнаго соціальнаго строя, и требованія эти выражались въ столь категорическихъ формахъ голодовокъ, кризисовъ и безпорядковъ, что правительство, наконецъ, признало необходимымъ уступить. Уступка эта произошла въ началѣ царствованія Александра I и санкціонируется законами 1804,—9,—17,—19 гг.

2.

При вступленіи на престолъ Александра I въ Лифляндіи была отмѣнена фуражная повинность, но одновременно утверждены нѣкоторыя важныя привилегіи дворянства. Въ 1803 г. былъ изданъ весьма неопредѣленный законъ о выкупѣ крестьянскихъ усадебъ, а еще раньше — въ 1801 г. былъ сдѣланъ высочайшій запросъ лифляндскому и эстляндскому дворянству, что они находятъ возможнымъ и желательнымъ пред-

принять для улучшения участи крестьян и урегулирования помещичье-крестьянских отношений. Ответы дворянства послѣдовали въ 1802 г., причемъ былъ предложенъ проектъ аграрныхъ реформъ, разработанный Фридрихомъ фонъ Сиверсомъ, лифляндскимъ ландратомъ. Въ томъ же 1802 г. произошли крупные крестьянскіе безпорядки въ Кокенгузенѣ и Каугерсгофѣ изъ-за подушной подати. Число участниковъ безпорядковъ достигло 3.000 ч. Было вызвано войско всѣхъ родовъ оружія и пришлось употребить въ дѣло даже артиллерию, причемъ было убито нѣсколько десятковъ человѣкъ. Допрошенные послѣ усмиренія бунта „зачинщики“ показали, что народъ волновался потому, что былъ убѣжденъ, что указомъ 1801 г. — о выкупѣ усадебъ и подушной подати — дарована полная свобода крестьянству, но гражданскими и военными чинами, подкупленными помещиками, обнародованъ подложный указъ, вслѣдствіе чего они и намѣревались истребить этихъ чиновъ.

Ландтагъ неохотно согласился на проведеніе назрѣвшихъ реформъ. Дѣйствительно предусмотрительныхъ, развитыхъ, и дальновидныхъ людей среди помещиковъ-феодаловъ было очень немного. Реформисты составляли незначительное меньшинство въ лифляндскомъ ландтагѣ, и правительству пришлось провести неотложныя реформы, опираясь на эту незначительную кучку съ Сиверсомъ во главѣ.

Положеніе о крестьянахъ 1804 г. состоитъ изъ 4 частей: 1) о личномъ состояніи крестьянъ, 2) о крестьянской собственности, 3) о крестьянскихъ повинностяхъ и 4) о подсудности

крестьянъ. Первая глава (о личномъ состояніи крестьянъ) дѣлилась на 2 части: 1) о земледѣльцахъ (хозяевахъ, батракахъ и бобыляхъ) и 2) о дворовыхъ людяхъ.

Главныя, принципиальныя положенія этого закона слѣдующія: 1) признаніе политическаго существованія крестьянъ, 2) признаніе за ними права владѣнія законно приобрѣтеннымъ имуществомъ (также недвижимымъ), 3) защита крестьянъ отъ притѣсненій помещиковъ и 4) опредѣленіе крѣпостныхъ повинностей.

Крестьянамъ предоставлено право приобрѣтать участки земли — преимущественно отведенные въ ихъ пользованіе за отбываніе барщины — въ свою полную собственность, равно и управлять землею, продавать ее и наследовать. Находящіяся въ пользованіи крестьянъ участки можно отнимать у нихъ лишь въ очень рѣдкихъ, строго опредѣленныхъ закономъ случаяхъ и лишь по приговору крестьянскаго суда. Вся усадебная земля крестьянина считается неприкосновенной, и законъ положительно воспрещаетъ присоединять ее къ имѣнію. Но тутъ же сдѣлана оговорка: въ исключительныхъ случаяхъ помещикамъ все же предоставлено право отчуждать крестьянскія земли, а именно, когда а) площадь помещичьей земли недостаточна по сравненію съ количествомъ рабочихъ рукъ (крѣпостныхъ), б) у помещика нѣтъ собственныхъ, принадлежащихъ къ имѣнію свободныхъ необработанныхъ земель для увеличенія площади землевладѣнія.

Такимъ образомъ спасительная „оговорка“ выручала и на этотъ разъ! Выходило такъ, что при жела-

ни помѣщикамъ не стоило труда всегда добиться истолкованія закона въ свою пользу...

Конечно—присвоеніе, сирѣчь отчужденіе, крестьянскихъ земель должно было производиться на законномъ основаніи. Во-первыхъ, за 3 года помѣщикъ долженъ былъ предупредить хозяина объ угрожающей ему экспроприаціи. Во-вторыхъ, онъ долженъ былъ вознаградить выселяемаго за всѣ издержки 1) по улучшенію хозяйства, 2) за послѣдній посѣвъ ржи въ размѣрѣ стоимости всего урожая и 3) уплатить выселяемому полностью всю стоимость усадьбы и земли.

Эти условія были далеко не пріятны для помѣщиковъ, но нечего говорить о томъ, что послѣдующими разъясненіями они были смягчены, а затѣмъ и вовсе упразднены. Для урегулированія крѣпостныхъ повинностей и согласованія ихъ съ величиною земельныхъ участковъ снова была введена упраздненная было метода шведской таксаціи (см. выше).

Довольно широкія права новый законъ даровалъ крестьянамъ-дворохозяевамъ, которые съ того времени выступаютъ здѣсь уже какъ отдѣльное политически-самостоятельное сословіе, насколько вообще можетъ быть рѣчь о политической самостоятельности при самодержавномъ режимѣ Николая I.

Крестьяне-дворохозяева не подлежали домашнему суду (расправѣ, какъ ее здѣсь характерно опредѣляли сами помѣщики) помѣщиковъ. На нихъ не распространялся также законъ о рекрутскомъ наборѣ. Были учреждены выборные крестьянскіе суды, причемъ судьи избирались самими крестьянами и вполнѣ само-

стоятельно рѣшали дѣла въ первой инстанціи, а во второй и третьей пользовались совѣщательнымъ голосомъ.

Новый законъ коснулся также безземельныхъ крестьянъ-батраковъ и дворовыхъ людей. Было установлено минимальное вознагражденіе батраковъ (годовое) слѣдующихъ размѣровъ: въ пользованіе батрака—взрослаго мужчины—отводились $4\frac{1}{2}$ лофштели (почти $1\frac{1}{2}$ десят.) пашни, $\frac{1}{2}$ лофштели перелога, 3 тонштели сѣнокоса, участокъ земли для огорода и выгонъ для скота; но за это содержаніе батракъ долженъ былъ работать на хозяина со своею лошадыю и содержать ее; безлошадному батраку, понятно, отводилось меньше земли. Каждый взрослый холостой батракъ пользовался хозяйскою квартирою и столомъ и разъ въ 4 года получалъ шубу, разъ въ 2 года—суконный кафтанъ, пару суконныхъ штановъ, суконный камзолъ, пару онучей, а ежегодно—3 рубашки, 3 пары кальсонъ, холщевой китель, 3 пары лаптей, 2 пары шерстяныхъ чулковъ, пару носковъ и $\frac{1}{2}$ лофштели перелога. Самую незначительную часть вознагражденія батраки получали деньгами; батрачки получали то же, что и мужчины, но въ нѣсколько меньшихъ размѣрахъ.

Одновременно была проведена аграрная реформа въ Эстляндіи. Въ 1802 г. были изданы такъ называемыя регулятивы, а въ 1804 г.—положеніе о крестьянахъ. Оно было гораздо несовершенноѣ, чѣмъ въ Лифляндіи, и свелось не къ упраздненію, а къ смягченію крѣпостной повинности. Барщина не была нормирована, а въ основаніе попытки

нормировать ее было взято *предположеніе*, что у каждого крестьянина-дворохозяина уже имѣется достаточное количество земли; на основаніи этой „аксіомы“ произвели оцѣнку земель и распредѣленіе повинностей.

Курляндской губерніи реформа 1804 г. вовсе не коснулась. Здѣсь все осталось по старому.

Новый законъ породилъ въ латвйскомъ и эстонскомъ крестьянствѣ сильныя волненія, выразившіяся въ цѣломъ рядѣ *забастовокъ*. Многія волости Лифляндской губ. отказывались работать на помѣщиковъ. Во многихъ имѣніяхъ забастовали также дворовые. Многимъ пасторамъ, по мнѣнію народа, неправильно толковавшимъ законъ 1804 г., запретили проповѣдовать. Въ г. Вольмарѣ собрались тысячныя толпы крестьянъ и требовали у мѣстныхъ русскихъ чиновниковъ, чтобы они сами непосредственно, а не чрезъ нѣмцевъ, управляли ими. Когда же ихъ требованіе было отвергнуто, они приготовились разгромить городъ, напали на ген.-губернатора и чуть не убили его. На Вольмаръ двинулся сильный отрядъ войска. Вооруженные чѣмъ попало, крестьяне пытались оказать войску сопротивленіе, но были разбиты. Предводители и подстрекатели были схвачены, частью казнены, частью сосланы или заточены въ тюрьмы. Одновременно (въ 1805 г.) происходили сильныя волненія въ сосѣдней Эстляндіи. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ этихъ событій собрался ландтагъ обсуждать мѣры къ постепенному раскрѣпощенію крестьянъ и урегулированію помѣщичье-крестьянскихъ отношеній.

Создалось явное противорѣчіе ме-

жду назрѣвавшими экономическими отношеніями въ краѣ и новымъ закономъ. Современныя условія сельскохозяйственной техники и требованія мірового рынка находились въ противорѣчьи съ созданными положеніемъ 1804 г. условіями. Въ сельскомъ хозяйствѣ начался крупный переворотъ. Только что въ Германіи стала примѣняться новая, плодоперемѣнная, система Теэра, знаменитаго агрономареформатора. Отголоски произведенной этою системою революціи въ области земледѣлія дошли и до Прибалтійскаго края, и здѣсь многіе, слѣдуя проповѣди Теэра, завели скотоводство, стали переходить отъ трехпольной къ 6—, 9—, 12-типольной системѣ полеводства. Но крупныя реформы въ области сельскаго хозяйства требовали увеличенія площади земледѣлія и эксплуатаціи рабочей силы крестьянъ въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, что, согласно закону 1804 г., сдѣлалось совершенно невозможнымъ. Необходимо было или совершенно отказаться отъ всякаго участія на міровомъ рынкѣ, обречь весь край на экономическую смерть, или найти выходъ изъ создававшагося положенія. На необходимость этого указывали также періодическія крестьянскія волненія, голодовки, сельскохозяйственныя кризисы. Въ 1807—8 г. страну постигъ сильный голодъ, а въ 1811—16 гг. — необыкновенные урожаи, вызвали небывалое дотого паденіе цѣнъ на хлѣбъ. Это былъ уже типичный сельско-хозяйственный кризисъ.

Уже въ 1809 г. были изданы дополнительные законы къ положенію 1804 г. Но дѣло необходимо было довести до конца. Развитіе *капитала*

требовало рациональнаго сельскаго хозяйства крупнаго типа, а законъ создавалъ серьезныя препятствія къ развитію ихъ, покровительствуя хозяйствамъ мелкаго типа. Кромѣ того, производители были прикрѣплены къ землѣ, а капиталъ требовалъ примѣненія въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ *наемнаго труда*.

Это противорѣчіе и было устранено законами 1816,—17 и—19 гг. И сдѣлано это было настолько удачно, что въ теченіе цѣлаго почти столѣтія крестьяне оказались закрѣпощенными двойному игу—капитализма и остатковъ феодальнаго строя. Благодаря феодальнымъ прерогативамъ, помѣщикамъ была предоставлена возможность эксплуатировать крестьянскую рабочую силу на самыхъ выгодныхъ для себя условіяхъ. Работа крестьянина-батрака и дворохозяина на помѣщика была смѣсью труда наемнаго съ подневольнымъ, крѣпостническимъ трудомъ.

3.

Въ 1816 г. были изданы законы объ освобожденіи эстляндскихъ крестьянъ. Основныя черты этого закона слѣдующія: 1) крестьяне освобождаются отъ наслѣдственной крѣпостной зависимости помѣщику; 2) помѣщикамъ воспрещается продавать и дарить крестьянъ съ землею и безъ нея; 3) крестьянамъ предоставляется право пріобрѣтать въ наслѣдственное владѣніе или въ личную собственность землю и др. недвижимое имущество; 4) по гражданскимъ дѣламъ крестьяне подчиняются крестьянскимъ судамъ 2 инстанцій, причемъ судьи частью избираются самимъ населеніемъ, частью назначаются; 5) крестьянамъ предоста-

вляется право свободнаго договора при наймѣ на работы—помѣщичьи или крестьянскія,—а также аренды; 6) основывается мірское общество—зачаточная форма крестьянскаго самоуправления; 7) крестьянину предоставляется право свободной перемѣны мѣстожителства и приписки, „буде онъ удовлетворитъ всѣмъ требованіямъ, какія мірское общество, въ коемъ онъ состоялъ, и прежній *его помѣщикъ* къ нему имѣютъ“ *); 8) *полная собственность на всю землю сохраняется за помѣщикомъ*, почему ему и предоставляется имѣть надзоръ за *благоустроеніемъ* состоящихъ въ его помѣстьхъ мірскихъ обществъ и живущихъ въ ономъ крестьянъ.

Законы эти были изданы съ такимъ расчетомъ, что пользоваться ими крестьяне могли лишь по истеченіи 14 лѣтъ со дня опубликованія ихъ. Когда по истеченіи 14 лѣтъ состоялось фактическое освобожденіе—въ 1830 г.—новыя цѣпи рабства уже такъ плотно охватили эстляндскаго крестьянина, что онъ не замѣтилъ ни малѣйшей разницы между прежнимъ рабствомъ и теперешней „свободой“.

Въ 1817 г. состоялось „освобожденіе“ курляндскихъ крестьянъ. Согласно новому закону, вся земля была объявлена собственностью помѣщиковъ, а крестьянамъ дарована свобода договора и передвиженія, но лишь въ предѣлахъ губерніи, и еще нѣсколько незначительныхъ „личныхъ правъ“. Но зато крестьянамъ категорически воспрещено подавать какія бы то ни было жалобы на помѣщиковъ, и оставлена въ силѣ домашняя расправа, т. е. тѣлесное наказаніе крестьянъ въ администра-

*) Тобинъ, указан. сочиненіе.

тивномъ порядкѣ по усмотрѣнію помѣщичьей полиціи.

Закономъ 1819 года объ освобожденіи лифляндскихъ крестьянъ были уничтожены всѣ обѣщанія правительства относительно улучшенія быта крестьянъ, данныя въ 1804 г., всѣ благодѣтельныя для крестьянъ усадебовладѣльцевъ послѣдствія законовъ 1804 и 1809 гг. Это была полная побѣда крупнаго сельскаго хозяйства надъ мелкимъ; въ жертву молоху-капиталу были принесены насущные, жизненные интересы мелкихъ землевладѣльцевъ и всего землевладѣльческаго населенія Лифляндіи.

Какъ и въ Курляндіи, законъ 1819 г. объявилъ всю удобную для обработки землю собственностью помѣщиковъ, а крестьянамъ предоставилъ свободу договора—на выработанныхъ помѣщикомъ условіяхъ—и свободу передвиженія въ предѣлахъ губерніи.

Законъ 1819 г. освободилъ дворянъ-помѣщиковъ отъ отвѣтственности за исправное несеніе крестьянами личныхъ и поземельныхъ общегосударственныхъ податей и повинностей, а также отъ чрезвычайно непріятной для нихъ обязанности оказывать нуждающимся крестьянамъ поддержку.

Коренному переустройству было подвергнуто также крестьянское самоуправленіе. Волость была преобразована въ чисто административную единицу, на обязанность которой возложено слѣдить за исправнымъ несеніемъ платежей и повинностей, отбываніемъ рекрутчины; компетенція волости по мѣстнымъ общественнымъ дѣламъ была ограничена заботою объ устройствѣ и содержаніи школъ, попечительствомъ о бѣдныхъ и т. п.

Высшимъ органомъ, контролирующимъ и направляющимъ дѣятельность крестьянскаго самоуправления была помѣщичья полиція. По приказу ея собирались волостные сходы выслушивать распоряженія помѣщиковъ и обсудить мѣры къ исполненію ихъ. Каждое рѣшеніе волостного схода помѣщичья полиція по своему усмотрѣнію могла отмѣнить или опротестовать.

Волостные старшины и волостные судьи выбирались волостнымъ сходомъ. Выборы производились слѣдующимъ образомъ: на каждую должность схода выбиралъ 3 кандидатовъ, а изъ нихъ управленіе имѣніи утверждало одного. Обыкновенно предсѣдатель волостного схода справлялся у помѣщичьей полиціи—кого она намѣтила въ кандидаты, чтобы избѣгнуть лишней волокиты. На волостной судъ возлагались довольно сложныя и тяжелыя полицейскія обязанности, изъ которыхъ главныя были—отстаиваніе интересовъ помѣщиковъ предъ крестьянами. Собственно говоря, волостной судъ являлся только филиальнымъ отдѣленіемъ помѣщичьей полиціи.

Естественно, что послѣ этого освобожденія положеніе крестьянъ-усадебовладѣльцевъ, помѣщичьихъ арендаторовъ, сильно ухудшилось. Арендныя условія сдѣлались невыносимо тяжелыми. Въ связи съ реформою было произведено перемежеваніе крестьянскихъ и помѣщичьихъ участковъ, которое свелось къ тому, что обработанныя крестьянскія земли были отняты и присоединены къ имѣнію, а крестьянамъ отведены пустыри, поросшіе мелкимъ кустарникомъ. Пустыри эти однако были

оцѣнены какъ пахотныя поля, и крестьяне-арендаторы должны были за право пользованія ими—т. е. за обработку пустыря и доведенія его до извѣстной степени культурности—уплачивать полную арендную плату и нести всѣ натуральныя повинности.

Когда же послѣ страшныхъ трудовъ и лишеній крестьяне наконецъ превращали пустыри въ плодородныя пахотныя поля, помѣщики снова отнимали у нихъ все и снова переселяли ихъ на пустыри и т. д. безъ конца. Размѣръ арендной платы и повинностей крестьянъ опредѣлялись соотвѣтственно отведенныхъ имъ земельныхъ участковъ, но эти участки были переоцѣнены вдвое-втрое противъ ихъ настоящей стоимости, благодаря чему арендная плата и повинности достигали страшной высоты. Но даже при сколько-нибудь правильной оцѣнкѣ арендныхъ крестьянскихъ участковъ, латышскіе крестьяне-дворохозяева все же не могли избѣгнуть крѣпостнической кабалы вслѣдствіе недостатка денегъ въ крестьянскомъ быту, благодаря чему главная часть арендной платы была замѣнена натуральными повинностями на помѣщика, главнымъ образомъ, конечно, работой, барщиной. Эта работа отнимала у крестьянина столько времени, что онъ иногда едва успѣвалъ обрабатывать $\frac{1}{24}$ своихъ арендныхъ участковъ, а повинности и подати должны были нести за всю землю.

Хотя долгое время еще помѣщики обрабатывали свои поля при помощи барщиннаго, крѣпостническаго труда, и чистый наемный трудъ появился лишь во второй половинѣ XIX ст., но сейчасъ же послѣ реформъ 20-хъ гг. въ

краѣ сложился многочисленный классъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ, батраковъ, работающихъ уже не только на крестьянъ, какъ это было раньше, но и на помѣщиковъ.

Они во всемъ были подчинены произволу помѣщиковъ и во многомъ даже—дворохозяевамъ. Правда—на нихъ также былъ распространенъ законъ о свободѣ договора и свободѣ передвиженія, но послѣднему батракъ пользовался очень рѣдко, а первая „свобода“ привела его къ фактическому закрѣпощенію.

Согласно общераспространеннымъ условіямъ найма, батракъ обязывался безпрекословно исполнять всѣ работы, какія ему укажетъ хозяинъ; всякій убытокъ, который хозяинъ несъ по винѣ батрака, онъ обязанъ былъ возмѣщать—работою, понятно. Батракъ обязанъ былъ безпрекословно подчиняться всѣмъ домашнимъ правиламъ и порядкамъ своего хозяина и всегда, вездѣ и во всемъ соблюдать и защищать хозяйскіе интересы. За непослушаніе, грубость, лѣнь и т. п. дерзостныя поступки хозяинъ могъ подвергать батрака тѣлесному наказанію (до 6 ударовъ палкою или кнутомъ и до 15 ударовъ въ недѣлю). Съ этого времени начинается въ краѣ проявленіе антагонизма между двумя классами сельскаго населенія—батраками и дворохозяевами.

Тогда же было положено начало крайне разорительной для крестьянъ системѣ выселенія (Sprengsysteme). Она заключалась въ томъ, что по прошествіи извѣстнаго времени помѣщикъ, пользуясь своей неограниченной властью, выселялъ изъ усадебъ

крестьянъ-арендаторовъ, дабы присоединить къ имѣнію ихъ участки. По закону 1819 г. помѣщики могли уже въ любое время безъ предупрежденія арендатора выселить его изъ родной усадьбы, придравшись къ первому формальному предлогу, обыкновенно несоблюденію арендныхъ условій. А эти условія были составлены именно съ такимъ расчетомъ, что исполненіе ихъ было выше человѣческихъ силъ.

Система выселенія разорила цѣлыя волости. Наконецъ, крестьяне лишились также свсей „птичей свободы“, свободы передвиженія даже въ предѣлахъ губерніи. Оказалось, что большинство дворохозяевъ до того задолжали своимъ помѣщикамъ, что вынуждены были закабалить себя снова игу крѣпостничества, а на уплату долговъ когда бы то ни было нечего было и рассчитывать.

Послѣ войны 1812 г. въ Прибалтійскомъ краѣ сталъ наблюдаться усиленный наплывъ крестьянъ въ города. Города быстро и успѣшно развивались. Промышленность и торговля пышно расцвѣли послѣ войны, значительно расширилась область приложенія наемнаго труда. Уже тогда образовался классъ городскихъ пролетаріевъ—рабочихъ-грузчиковъ, ремесленниковъ и т. д.

Въ послѣдніе годы царствованія Александра I положеніе латышскихъ и эстонскихъ крестьянъ все ухудшалось; дворохозяева разорялись непосильными повинностями, тяжелыми арендными условіями и системою выселенія; батраки находились на положеніи безотвѣтныхъ рабовъ. Полукапиталистическій, полукрѣпостнический гнетъ оказался сильнѣе до-

реформеннаго феодалнаго рабства. Опять пошли періодическія голодовки, крестьянскіе бунты.

Уже въ 1819 г. вспыхнули въ Лифляндіи сильныя безпорядки по поводу новаго закона о крестьянахъ. Въ 1832—34 гг. край снова постигъ страшный голодъ. Но зато эта атмосфера народнаго безправья, бунтовъ и голодовокъ оказалась благодатной для развитія образцоваго крупнаго хозяйства помѣщиковъ.

Въ 30-хъ гг. въ краѣ сильно развилось также винокуреніе, явившееся важнымъ подспорьемъ для аграріевъ. Увлеченіе винокуреніемъ, на которое иногда уходилъ весь урожай, неоднократно являлось причиной голодовокъ крестьянъ.

За періодъ 1810—1835 гг. сложились и окрѣпли новыя формы хозяйства. Начался усиленный ростъ городовъ, усилился наплывъ въ города сельскаго населенія. Появились первые латышскіе полноправные граждане—ремесленники, мастера, лабчичники, перекупщики, содержатели трактировъ.

Постепенно совершалась также пролетаризація широкихъ крестьянскихъ массъ и обособленіе класса мелкихъ землевладѣльцевъ-дворохозяевъ, несмотря на крайне невыгодныя для послѣднихъ условія. И всѣ эти крупныя историческія процессы сопровождались цѣлымъ рядомъ волненій, кризисовъ, или, вѣрнѣе, совершались чрезъ нихъ.

4.

Сороковые годы начались цѣлымъ рядомъ крупныхъ крестьянскихъ безпорядковъ (1841,—42,—43 гг.), потрясшихъ всю экономическую и со-

ціальную жизнь края и снова поставивших ребром вопросъ о неотложныхъ и насущныхъ реформахъ.

Движеніе 1841 г. въ самомъ началѣ носило мирный характеръ. Доведенные до послѣдней степени отчаянія, полуголодные батраки стали собираться толпами и отказывались работать на помѣщиковъ. Толпы бастующихъ батраковъ ходили по имѣніямъ и снимали съ работъ своихъ товарищей. Скоро къ батракамъ присоединились также дворохозяева, крайне недовольные своимъ положеніемъ и въ особенности разорительною системою выселеній. Они отказывались нести арендные повинности и работать на помѣщиковъ. Волненія быстро охватили всю Лифляндію и угрожали распространиться навесь край.

Снова выступили на сцену войска, произошли кое-гдѣ стычки съ безоружными стачечниками, окончившіяся, понятно, пораженіемъ послѣднихъ. Толпы стачечниковъ быстро были разсѣяны, безпорядки подавлены. Началось усмиреніе съ неизбѣжнымъ уже въ то время сѣченіемъ до смерти. Очень много подстрекателей и зачинщиковъ были разстрѣляны и повѣшены, не считая убитыхъ въ стычкахъ съ войсками; еще большее количество людей были подвергнуты жесточайшему тѣлесному наказанію, заключены въ тюрьмы, сосланы въ Сибирь. Толпы бѣглецовъ, уцѣлѣвшихъ отъ пуль, штыковъ, висѣлицъ, шпиритеновъ и Сибири, со своими семьями стекались въ города. Голодные, оборванные, они надѣялись спасти хоть свою жизнь.

Ихъ усадьбы были сожжены, по возвращеніи ихъ ожидала смертная казнь или жестокое истязаніе. Мно-

гіе города и мѣстечки были буквально наводнены бѣглецами, которые располагались лагеремъ на городскихъ площадяхъ. И вдругъ среди нихъ, а также остального населенія края распространился слухъ, что латышамъ будутъ отведены земли гдѣ-то на югѣ и что туда уже разрѣшено переселяться.

Этотъ вздорный слухъ, возникшій, надо полагать, благодаря правительственному проекту переселенія нѣкоторыхъ непокорныхъ волостей въ отдаленныя сѣверо-восточныя губерніи, взбудоражилъ населеніе, вызвавъ у него новыя несбыточныя надежды. Со всѣхъ сторонъ народъ громадными толпами сталъ стекаться въ города. Здѣсь крестьяне настоящими полчищами по цѣлымъ недѣлямъ осаждали правительственныя учрежденія, добиваясь разрѣшенія на переселеніе въ теплыя края. Но просьбы ихъ оказались тщетными; вмѣсто ожидаемаго разрѣшенія былъ изданъ строгій приказъ, чтобы всѣ бѣглецы немедленно же вернулись въ свои волости, къ своимъ помѣщикамъ, что переселенія правительство никогда не разрѣшитъ, потому что вслѣдствіе него можетъ пошатнуться экономическое благосостояніе страны.

Но крестьяне отказывались вѣрить этому указу; они считали его ложнымъ, сочиненнымъ помѣщиками, чтобы обмануть ихъ. Напрасно самъ генераль-губернаторъ разъѣзжалъ по всему краю, уговаривая оставить всякія надежды на переселеніе, которое никогда не можетъ быть разрѣшено; напрасно изъ Петербурга были командированы 2 генераль-адъютанта со спеціальною миссіею успокоить мятущееся населеніе; го-

лодные, обозленные крестьяне упорно стояли на своемъ и все требовали отпустить ихъ въ теплый край, гдѣ они надѣялись избавиться отъ баронскаго рабства. Для вразумленія непокорныхъ снова пришлось пустить въ ходъ ружья, штыки и нагайки.

Вожаки-ходоки были арестованы и заключены въ тюрьмы, а остальныхъ войска разогнали по домамъ. Снова населеніе словно присмирѣло, но ненадолго—черезъ годъ волненія вспыхнули съ новою силой, хотя уже въ другомъ видѣ.

Съ 1843 г. въ краѣ началась дѣятельная пропаганда православія, которая велась преимущественно только среди латышскаго и эстонскаго населенія края. Среди лютеранскаго населенія она могла встрѣтить сочувствіе только при самыхъ исключительныхъ условіяхъ.

Для того, чтобы обезпечить успѣхъ своей пропагандѣ, православному духовенству необходимо было создать подходящую почву для агитаціи. Этого оно достигло, отстаивая, или, вѣрнѣе, дѣлая видъ, что отстаиваетъ, нѣкоторые экономическіе интересы латышскаго крестьянства и въ особенности дворохозяевъ.

Не успѣла улечься переселенческая смута, какъ среди латышскаго населенія стали распространяться новые смущавшіе его слухи о томъ, что препятствіемъ къ освобожденію латышей отъ нѣмецкаго ига является ихъ лютеранское вѣроисповѣданіе, — если бы латыши были одной вѣры съ русскими, правительство охотно облегчило бы ихъ участь. Наряду съ этимъ распространялся еще болѣе возбуждающій населеніе слухъ о томъ, что всѣ

принявшіе православіе латыши будутъ надѣлены землею и освобождены отъ всякой зависимости отъ помѣщиковъ. Впослѣдствіи было установлено, что эти слухи распускались и православнымъ духовенствомъ съ рижскимъ епископомъ во главѣ. Правда—руссификаторская дѣятельность православнаго духовенства и русскихъ властей въ краѣ сопровождалась нѣкоторыми подачками латышскому крестьянству, особенно при ген.-губернаторѣ Головинѣ, когда эта политика одержала было побѣду, но нечего, кажется, и говорить про то, что эти подачки не соотвѣтствовали прежнимъ обѣщаніямъ. Въ частности руссификаторской политикѣ въ значительной степени край обязанъ реформами 40 гг.

Движеніе въ пользу перехода въ православіе сначала было очень сильно среди латышей. Крестьяне устремились въ Ригу, гдѣ тысячами толпами въ теченіе многихъ дней окружали дворецъ генералъ-губернатора, прося его выдать разрѣшеніе на перемѣну вѣры. Это религіозное движеніе, возникшее на чисто экономической подкладкѣ, было крайне непріятно для помѣщиковъ-бароновъ, и они рѣшили бороться съ нимъ.

Генералъ-губернаторъ (гр. Суворовъ) былъ на ихъ сторонѣ. Онъ воспретилъ крестьянамъ лично хлопотать о перемѣнѣ вѣроисповѣданія, а „зачинщиковъ“ велѣлъ заключить въ тюрьмы и наказывать розгами. Тогда крестьяне стали подавать письменныя заявленія о желаніи перемѣнить вѣроисповѣданіе, но имъ была воспрещена и эта форма ходатайства. Однако вскорѣ руссификаторская политика взяла верхъ, и тогда нача-

лись въ краѣ массовые переходы въ православіе. За 1842—46 гг. въ православіе перешли свыше 100.000 человекъ.

Новообращенные съ нетерпѣніемъ ожидали обѣщанной земли и „воли“, но, не дождавшись ничего, пожелали вернуться обратно въ лютеранство. Это, конечно, оказалось невозможнымъ. Тогда крестьяне стали самостоятельно посѣщать лютеранскія церкви и требовали отъ пасторовъ совершенія надъ ними требъ. На этой почвѣ произошли новые безпорядки (въ 1847 г.). Открылось гоненіе на лютеранскихъ пасторовъ за совершеніе требъ надъ православными въ виду того, что многіе латыши выдавали себя за лютеранъ, между тѣмъ какъ въ церковныя книги они занесены не были, и формально числились православными. И только лишь законъ 17 апрѣля 1905 г. далъ, наконецъ, возможность диссидентамъ, числившимся православными, но посѣщавшимъ лютеранскія церкви и не имѣвшимъ рѣшительно ничего общаго съ православіемъ вернуться въ лютеранскую церковь.

5.

Крестьянскія волненія, не прекращавшіяся въ продолженіе 40-хъ гг., заставили помѣщиковъ задуматься надъ создавшимся положеніемъ и провести кое-какія палліативныя реформы. Уже въ 1841 г. была учреждена комиссія для разработки законопроекта аграрной реформы, чтобы представить его на обсужденіе ландтага. Въ основу этого законопроекта, согласно директивамъ ландтага, легло то соображеніе, что необходимо создать сословіе землевладѣльческаго

крестьянства, которое владѣло бы земельною собственностью на тѣхъ же началахъ, какъ дворяне, и представляло бы изъ себя политически-консервативный элементъ, на который въ извѣстныхъ случаяхъ дворяне могли бы опираться.

Въ 1845 г. были высочайше утверждены новые аграрные законы, являющіеся въ извѣстной степени дополненіемъ къ законамъ 1817-19 гг.

Оставляя въ силѣ основныя положенія закона 1819 г., новые законы нѣсколько облегчаютъ нѣкоторыя повинности крестьянъ. Такъ, напр., 1) воспрещено заставлять крестьянъ работать на помѣщика въ уплату накопившихся за нимъ долговъ болѣе чѣмъ 1 годъ, 2) рабочее время женатаго крестьянина ограничено 4 днями въ недѣлю, 3) продолжительность рабочаго дня опредѣлена въ 12 часовъ, 4) воспрещено было брать на помѣщичьи работы болѣе половины всего числа рабочихъ крестьянской усадьбы.

Въ болѣе широкомъ объемѣ была проведена аграрная реформа въ 1849 г., когда было издано извѣстное „крестьянское и поземельное уложеніе“. Эта реформа коснулась главнымъ образомъ аренднаго договора, превративъ его въ своего рода крѣпостническое обязательство для крестьянъ. Законъ 1849 г., вопреки измѣнившимся экономическимъ условіямъ, устанавливаетъ барщину въ качествѣ аренднаго вознагражденія—т. е. крестьянамъ-арендаторамъ „разрѣшается“ взамѣнъ арендной платы отбывать натуральныя повинности, главнымъ образомъ работою на помѣщиковъ.

Тотъ же законъ проводитъ рѣз-

кую границу между крестьянской и помещичьей землей. Воспрещается отчуждение крестьянских земель въ пользу помещиковъ, но это воспрещеніе серьезнаго фактическаго значенія не имѣло, потому что подъ извѣстнымъ условіемъ—при отбываніи всѣхъ поземельныхъ и личныхъ, государственныхъ и общественныхъ повинностей — крестьянскую землю разрѣшалось приобретать и помещикамъ и бюргерамъ. При сохраненіи „арендной барщины“ это огражденіе крестьянскихъ земельныхъ интересовъ сводилось къ нулю. Всѣ болѣе или менѣе дѣйствительно серьезные и продуманные проекты улучшенія быта крестьянъ (напр., барона Фелькерзама) были провалены ландтагомъ. Сохранились въ полной силѣ и неприкосновенности существеннѣйшія феодальныя привилегіи дворянъ, и долго еще въ краѣ царилъ смѣшанный феодально-капиталистическая система. Предложенія замѣнить крѣпостнически-барщинную систему хозяйства системою денежной аренды, исходившія отъ наиболѣе передовыхъ помещиковъ, были рѣшительно отвергнуты громаднымъ большинствомъ ландтага.

Батраковъ законъ 1849 г. не кончился. Его задачей было создать „консервативное сословіе мелкихъ землевладѣльцевъ“, но и этой своей задачи онъ не могъ достигнуть благодаря слишкомъ явному классовому противорѣчію между мелкими и крупными землевладѣльцами. Все же тенденція реформы въ этомъ направленіи была выдержана; законъ въ извѣстной степени оградилъ права крестьянъ-дворохозяевъ и создалъ возможность постепеннаго перехода

отъ полукрѣпостнической аренды къ постоянному и наслѣдственному землепользованію. Были продлены сроки аренды (до 50 лѣтъ и больше), установлена наслѣдственная аренда, разрѣшено приобретать арендную землю и усадьбу въ собственность, а 300 дворохозяевамъ въ видѣ опыта проданы усадьбы на условіяхъ льготной разсрочки. Съ этою же цѣлью—облегченія крестьянамъ-дворохозяевамъ условій аренды и выкупа усадебной земли—были основаны въ томъ же 1849 г. первые крестьянскіе банки.

Съ 1849 г. было положено прочное начало латышскому крестьянскому (мелкому) землевладѣнію. И несмотря на сохранившіеся въ полной силѣ остатки крѣпостного права и нѣмецкаго, средневѣковаго феодализма новое теченіе успѣшно и быстро пролагало себѣ путь къ жизни, создавая новыя экономическія отношенія, новыя соціальныя условія.

Періодъ 50-хъ гг. характеризуется именно этою борьбою—иногда скрытою, глухою, иногда явною и очень страшною—мелкаго землевладѣнія съ крупнымъ, денежнаго хозяйства съ остатками натурального. И кончилась эта борьба, какъ и слѣдовало ожидать, полною побѣдою капиталистическихъ отношеній надъ феодальными. Но завершилась она всего лишь въ началѣ XX ст., во время великой русской революціи.

Въ 40—50 годахъ латышскихъ крестьянъ сильно угнетала повинность, извѣстная подъ названіемъ закона о желѣзномъ инвентарѣ.

По истеченіи срока аренды дворохозяинъ-арендаторъ, уходя изъ арендуемой имъ усадьбы, обязанъ былъ

оставить въ ней для новаго арендатора извѣстную часть живого и мертваго инвентаря — это и былъ такъ называемый „железный инвентарь“. Но онъ доставался далеко не всегда въ своемъ настоящемъ видѣ новому арендатору. По уходѣ арендатора помѣщикъ производилъ ревизію инвентаря, причемъ все лучшее изъ него отбиралъ себѣ, а для новаго арендатора оставлялъ кое-какія мелочи“. Общая стоимость этого желѣзнаго инвентаря въ 60-хъ годахъ достигала

въ одномъ латышскомъ краѣ солидной суммы въ 18.000.000 рублей. Была еще масса другихъ „остатковъ“ крепостничества, которые сохранили силу до реформъ 1863—64 гг. Тяжелымъ бременемъ ложились они на крестьянское населеніе края, стѣсняя и ограничивая свободу его политическаго и экономическаго развитія. Однако всѣ эти преграды должны были пасть съ поступательнымъ ходомъ капитализма.

ГЛАВА X.

Университеты въ Россіи въ первой половинѣ XIX вѣка.

(И. Н. Бороздина).

Изученіе судебъ высшаго образованія въ Россіи въ первое пятидесятилѣтіе XIX вѣка представляетъ большой культурно-историческій и общественный интересъ. Нигдѣ, можетъ быть, такъ ярко не сказались, такъ типично не отразились всѣ волнообразныя движенія правительственной политики, какъ на жизни и судьбахъ высшей школы. Періоды громко провозглашаемыхъ, но по большей части остававшихся въ теоріи, либеральныхъ начинаній смѣнялись періодами очень опредѣленной и открытой реакціи. И потому цѣлый рядъ отдѣльныхъ стадій этой эпохи ознаменованъ не столько заботами правительства о просвѣщеніи, сколько „борьбой съ просвѣщеніемъ“. Съ другой стороны, значительный инте-

ресъ представляютъ взаимоотношенія университетовъ и общества и роль первыхъ въ дѣлѣ пробужденія и развитія общественнаго сознанія.

Петровскія реформы, наиболѣе ярко опредѣлившія назрѣвшій переходъ отъ старозавѣтныхъ устоевъ къ новымъ жизненнымъ формамъ, коснулись и области народнаго образованія. Съ этого времени можно считать начало опредѣленной, измѣняющейся лишь въ формѣ правительственной политики по народному просвѣщенію; отличительными чертами ея являются практическій, утилитарный и дворянскій, классовый характеръ. Для новыхъ потребностей государству необходимы образованные слуги, чиновники; поэтому создается рядъ учебныхъ заведеній,

удовлетворяющихъ практическимъ потребностямъ момента. Ближайшей опорой правительственной власти является дворянство; необходимо, слѣдовательно, въ новыя школы привлечь дворянство и въ свою очередь школы приспособить въ интересахъ господствующаго класса. Въ первой половинѣ XVIII вѣка основывается прежде всего рядъ профессиональныхъ школъ: артиллерійскихъ, навигацкихъ, математическихъ и т. п. Очень ярко выразилась вторая тенденція правительственной политики въ созданіи (въ 1731 г.) строго-сословнаго сухопутнаго шляхетскаго кадетскаго корпуса. Но наряду съ энергичнымъ насажденіемъ разсадниковъ профессиональнаго образованія, правительство не лишено было мысли создать и высшія ученыя и учебныя учрежденія, преслѣдующія цѣли общаго образованія. Уже Петръ I мечталъ объ основаніи университета и велъ по этому поводу переписку съ Лейбницемъ и Вольфомъ. Но въ значительной степени планы эти отличались отвлеченнымъ, теоретическимъ характеромъ. Открытая въ 1725 году Академія Наукъ — высшее учебное установленіе имѣло своей задачей также готовить въ академическомъ „университетѣ“ молодыхъ русскихъ ученыхъ. Однако, общее равнодушіе, выразившееся въ почти полномъ отсутствіи слушателей, не дало развиваться этому начинанію.

Въ 1755 году дѣлается новая попытка создать высшее учебное заведеніе; основывается Московскій университетъ. Выборъ Москвы обусловливался тѣмъ, что въ ней жило множество дворянъ, что эта столица

находится въ серединѣ государства, что новое учрежденіе привлечетъ къ себѣ помѣщичьихъ дѣтей, получающихъ образованіе отъ невѣжественныхъ учителей и т. п. Для приготовленія въ университетъ учреждается гимназія съ двумя отдѣленіями — для дворянъ и для разночинцевъ (почти въ то же время аналогичная гимназія основывается въ Казани). Правительство всячески старалось привлечь дворянъ въ университетъ; въ награду за ученіе учебные годы зачитывались въ службу, и по окончаніи курса студентъ получалъ оберъ-офицерскій чинъ. Но, несмотря на всѣ эти правительственныя мѣропріятія, дворянство оставалось весьма холоднымъ къ попыткамъ насажденія русскаго высшаго образованія. Въ царствованіе Екатерины II, когда на крѣпостныхъ основахъ пышно расцвѣтали либеральныя идеи и усиленно работала въ теоріи творческая мысль, народное образованіе подверглось довольно-существеннымъ реформамъ. Просвѣтительныя идеи Наказа, педагогическія планы Бецкаго и т. п. завершились основаніемъ „комиссіи объ учрежденіи училищъ“ (1782) подъ предсѣдательствомъ будущаго перваго министра народнаго просвѣщенія Завадовскаго. Въ числѣ работъ этой комиссіи наше вниманіе займетъ составленный въ 1787 г. „планъ“ университетовъ. Екатерина задавалась цѣлью создать нѣсколько новыхъ университетовъ, и „планъ“ комиссіи является проектомъ устава университетовъ. Нельзя не отмѣтить, что этотъ проектъ, никогда не осуществленный, является однимъ изъ самыхъ либеральныхъ университетскихъ уставовъ. Свобода препода-

ванія признается основой ученой дѣятельности; „профессора не подвергаются принужденію ни въ разсужденіи правилъ науки, ни въ разсужденіи книгъ учебныхъ; свобода мыслей способствуетъ вообще знаніямъ, но при такой наукѣ, въ коей ежедневно являются новыя разрѣшенія и новыя открытія, нужна она особливо“. Очень характернымъ для фразеологіи Екатерининскаго времени является признаніе общедоступности („для всѣхъ любознательныхъ посѣтителей“), безъ различія состоянія, — академическаго образованія. Эта мысль выражена въ слѣдующихъ, нѣсколько высокопарныхъ выраженіяхъ: „Несвободные люди также должны имѣть право быть въ университетѣ; когда несвободные люди будутъ въ университетѣ учиться, какъ и прочіе студенты, то сила науки и ученые люди ни мало не будутъ унижаемы, такъ какъ цари и князи не унижаются тѣмъ, когда несвободные бываютъ съ ними вмѣстѣ въ храмахъ и слушаютъ слово Божіе; науки свободными называются для того, что всякому оставлена свобода ихъ пріобрѣтать, а не для того, чтобы сіе право предоставлять только людямъ свободнымъ“. Но этотъ проектъ, подобно большинству проектовъ эпохи Екатерины, остался только на бумагѣ въ качествѣ интереснаго историческаго документа. Впрочемъ, этотъ „планъ“ имѣлъ нѣкоторое вліяніе на выработку уставовъ въ царствованіе Александра I.

Но прежде чѣмъ перейти къ этой эпохѣ, мы должны нѣсколько остановиться на слѣдующемъ вопросѣ. До сихъ поръ мы изучали правительственную дѣятельность въ обла-

сти народнаго образованія; теперь интересно разсмотрѣть, какъ русское общество XVIII вѣка относилось къ новому просвѣщенію и поскольку, въ свою очередь, разсадники высшаго образованія вліяли на русское общество. Намъ уже приходилось отмѣчать, что общество первой половины XVIII вѣка относилось въ высокой степени инертно и пассивно ко всякимъ просвѣтительнымъ начинаніямъ; судьба академическаго „университета“ служить лучшей иллюстраціей къ этому положенію. Военныя заведенія или домашніе воспитатели, въ лучшемъ случаѣ, удовлетворяли образовательнымъ запросамъ дворянства. Во второй половинѣ вѣка положеніе мало измѣнилось; комедія Фонвизина имѣетъ очень реальныя основанія. Высшій классъ дворянства, находившійся подъ сильнымъ вліяніемъ западныхъ идей, стремился къ источникамъ просвѣщенія—въ западные университеты и проводилъ свои „Lehr- und Wanderjahre“ за границей. И потому положеніе Московскаго университета—разсадника высшаго образованія было далеко не блестящимъ; недостаточное число слушателей является показателемъ еще недостаточной развитости сознанія общества. Но все же и тогда Московскій университетъ выполнялъ свою высокую культурную и извѣстную общественную миссію. Достаточно указать на связь Дружескаго Общества и всей просвѣтительной дѣятельности Новикова съ Московскимъ университетомъ, на громадное идейное вліяніе предшественника Грановскаго — профессора Шварца и мн. др., чтобы признать вліяніе Московскаго университета на

передовое общество того времени. Не лишеннымъ значенія является и тотъ фактъ, что любопытный конституціонный проектъ, проектъ ограниченія верховной власти, принадлежалъ перу профессора Московскаго университета Десницкаго.

1.

Новое правленіе Александра I*) было до извѣстной степени реставраціей Екатерининской эпохи. Такая же торжественная и пышная либеральная фразеологія сверху, такіе же пропитанные гуманными и просвѣтельными началами Запада проекты, по большей части лишь провозглашенные, такое же несоотвѣтствіе высшихъ идеаловъ съ окружающей дѣйствительностью и такой же во вторую половину царствованія поворотъ къ открытой реакціи, къ уничтоженію всего, что знаменовало „дней Александровыхъ прекрасное начало“ **).

Но все же первые годы царствованія ознаменованы рядомъ существенныхъ реформъ въ центральномъ управленіи, и начинанія эти окрашены въ извѣстный либеральный колоритъ. Намъ интересно прослѣдить, какъ эти новыя начинанія были примѣнены къ реформѣ и устройству дѣла народнаго просвѣщенія.

Прежде всего было организовано

*) Правленіе его непосредственнаго предшественника въ исторіи просвѣщенія ничѣмъ положительнымъ не ознаменовано, кромѣ разрѣшенія прибалтійскому дворянству основать собственный университетъ въ Дерптѣ.

**) Теперь, когда стали доступны изслѣдователямъ протоколы негласнаго комитета и другіе документы, можетъ быть совершенно оставлена легенда объ опредѣленной систематической либеральной политикѣ молодого императора.

особое вѣдомство для руководства народнымъ образованіемъ — 8 сентября 1802 года учреждено министерство народнаго просвѣщенія. Съ учрежденіемъ министерства, во главѣ котораго сталъ Завадовскій, прежняя коммиссія объ учрежденіи училищъ была переименована въ „главное училищъ правленіе“ и на это учрежденіе была возложена задача разработать планы общаго устройства учено-воспитательной части въ имперіи. Вся имперія была раздѣлена на шесть учебныхъ округовъ, подчиненныхъ особымъ попечителямъ, состоявшимъ въ то же время непремѣнными членами главнаго училищъ правленія. Попечители обязаны были ревизовать округа, но постоянно жить внѣ его предѣловъ, въ Петербургѣ, чтобы не стѣснять мѣстную академическую дѣятельность. Постоянными замѣстителями попечителя во главѣ учебнаго округа были университеты, которые являлись, такимъ образомъ, не только высшими учебными и учебными учрежденіями, но и учебно-административными органами. Вся новая система въ теоріи являлась очень стройной; четыре типа учебныхъ заведеній представляли собою пирамиду — училища приходскія, училища уѣздныя, гимназіи и университеты.

Правительство открыло рядъ новыхъ университетовъ; въ главномъ училищъ правленіи были разработаны основанія новыхъ университетскихъ уставовъ. Хотя уставы отдѣльныхъ университетовъ и различались въ нѣкоторыхъ деталяхъ и частностяхъ, тѣмъ не менѣе можно говорить объ ихъ общихъ основахъ, можно отмѣтить ихъ отличительный

2

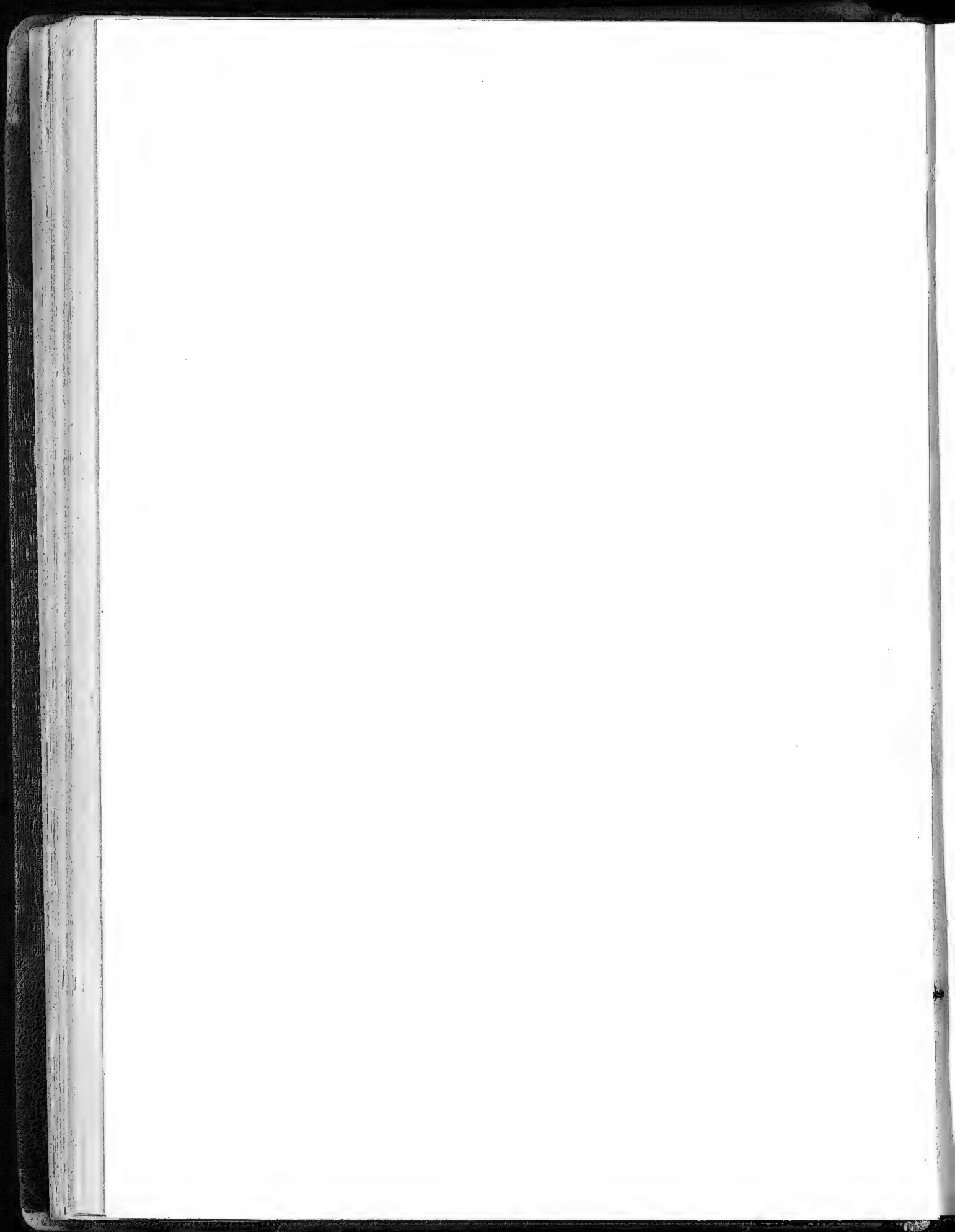
Михаилъ Петровичъ Погодинъ.

Съ портрета, писаннаго В. Г. Перовымъ. 1872 г.
(Городская галлерей П. и С. Третьяковыхъ въ Москвѣ).

„ИСТОРИЯ РОССИИ ВЪ XIX ВѢКѢ“. Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К^о“.

21
The following is a list of the
names of the persons who
were present at the meeting
of the Board of Directors
of the Bank of the City of New York
on the 1st day of January, 1881.

„духъ“ и главные идеи. За основу при составленіи уставовъ были положены порядки западно-европейскихъ, по преимуществу германскихъ университетовъ, но кромѣ того приняты во вниманіе были особыя мнѣнія и замѣчанія специальныхъ экспертовъ и совѣтниковъ—графа д'Антрега, нѣмецкаго историка университетовъ Мейнерса, Брандеса и др. Разсмотримъ теперь въ общихъ чертахъ основныя положенія устава. Въ статьѣ, устанавливающей понятіе и задачу университета, онъ опредѣляется, какъ высшее учебное заведеніе, обязанное готовить юношество „для вступленія въ различныя званія государственной службы“. Наряду съ этими практическими цѣлями университету вмѣняется въ обязанность распространеніе знаній вообще и специальная научная дѣятельность преподавателей въ частности. Уставъ предписываетъ, чтобы ежемѣсячно были собранія совѣта чисто ученаго характера, „въ которыхъ профессора и почетные члены подъ председательствомъ ректора разсуждаютъ о сочиненіяхъ, новыхъ открытіяхъ, опытахъ, наблюденіяхъ и изслѣдованіяхъ, ректоромъ или кѣмъ изъ членовъ предложенныхъ“. При университетѣ должны быть основываемы научныя и литературныя общества, должны быть организуемы конкурсы, преміи и т. п. Университетъ состоитъ изъ четырехъ факультетовъ или отдѣленій, которые были представлены слѣдующимъ образомъ: 1) отдѣленіе нравственныхъ и политическихъ наукъ, 2) отдѣленіе физическихъ и математическихъ наукъ, 3) отдѣленіе врачебныхъ или медицинскихъ наукъ и 4) отдѣленіе словес-

ныхъ наукъ. Академическое сословіе составляютъ „преподающіе въ наукахъ наставленія ординарные и экстраординарные профессора, адъюнкты, магистры, студенты и учителя языковъ, пріятныхъ искусствъ и гимнастическихъ упражненій“. Уставъ довольно подробно формулируетъ обязанности профессоровъ; они должны „преподавать курсы лучшимъ и понятнѣйшимъ образомъ и соединять теорію съ практикой во всѣхъ наукахъ, въ которыхъ сіе нужно“. Характерно, что при этомъ профессору вмѣнялось, „преподавая наставленія, пополнять курсы свои новыми открытіями, учиненными въ другихъ странахъ Европы“. Но уже въ этомъ уставѣ, уставѣ либеральномъ, свобода преподаванія основательно ограничена; свои лекціи профессора обязаны читать по точно опредѣленнымъ и одобреннымъ совѣтомъ пособіямъ (въ качествѣ такового пособия преподаватель могъ взять „книгу своего сочиненія или другого извѣстнаго ученаго мужа“). Профессора и адъюнкты избираются въ совѣтъ по рекомендаціи членовъ соответствующихъ отдѣленій; при этомъ въ уставѣ пояснено—„природные россияне, нужныя знанія и качества имѣющіе, должны быть предпочтены чужестраннымъ“.

Переходя теперь къ административному строю университетовъ по новому уставу, мы должны отмѣтить слѣдующія основныя черты. Органами коллегіальнаго управленія являются—совѣтъ университета, собранія отдѣленій (факультетовъ) и правленіе. Совѣтъ, состоящій изъ профессоровъ ординарныхъ и экстраординарныхъ и избирающій изъ своей среды ректора, вѣдаетъ всѣ университетскія дѣла;

кромѣ того, ему принадлежитъ руководство училищными дѣлами учебнаго округа. По дѣламъ учебнымъ и судебнымъ совѣтъ является высшей инстанціей. Засѣданія совѣта бываютъ обычныя, экстренныя и чисто-ученыя (о послѣднихъ мы уже говорили). Факультетскія собранія вѣдаютъ дѣла своихъ отдѣленій,—дѣла, по преимуществу, учебнаго характера; окончательное утвержденіе принятія факультетомъ постановленія получаютъ въ совѣтѣ.

Правленіе является исполнительнымъ органомъ совѣта и состоитъ изъ ректора, декановъ факультетовъ и особаго непремѣннаго засѣдателя, назначаемаго изъ среды ординарныхъ профессоровъ попечителемъ. Правленіе вѣдаетъ всю хозяйственную и отчетную часть; въ то же время оно является одной изъ судебныхъ инстанцій, и тогда въ его засѣданіи принимаетъ участіе особое выборное (изъ профессоровъ — юристовъ) лицо—синдикъ. Переходя къ организаціи университетскаго суда, нужно отмѣтить, что она была разработана очень обстоятельно, и судъ имѣлъ цѣлыхъ три инстанціи: ректоръ, правленіе и совѣтъ. Сфера вліянія университетскаго суда была довольно широка и касалась нѣкоторыхъ виѣ-университетскихъ проступковъ членовъ профессорской коллегіи, студентовъ, университетскихъ чиновниковъ и служащихъ; вѣдѣнію университетскаго суда, напр., подлежали дѣла по раздѣлу наслѣдственнаго движимаго имущества и т. п. Въ дѣлахъ уголовныхъ сфера университетскаго суда ограничивалась лишь производствомъ дознанія; но въ подлежащемъ присутственномъ

мѣстѣ при разборѣ дѣла допускался въ качествѣ депутата отъ университета синдикъ. Регламентація жизни студентовъ представлена въ самыхъ общихъ чертахъ; характерной особенностью этого устава является отсутствіе полицейской опеки, фискальнаго надзора. Наблюденіе за устройствомъ академической жизни возложено на совѣтъ: „студенты въ разсужденіи нравственности и поведенія сообразуются съ правилами благочинія, сочиненными университетскими совѣтами и на утвержденіе начальства внесенными“. Инспекція надъ студентами является выборной; инспекторъ избирается изъ числа ординарныхъ профессоровъ, его помощники изъ числа магистровъ или кандидатовъ. Главнымъ представителемъ университета является ректоръ, избираемый на годъ изъ числа ординарныхъ профессоровъ и утверждаемый высочайшей властью; ректоръ является предсѣдателемъ совѣта и другихъ собраній, онъ отвѣчаетъ за внутренній распорядокъ университета. Замѣстителемъ его является также выборный проректоръ. Въ такомъ видѣ представляется университетскій строй по уставу 1804 г. Въ заключеніе надо замѣтить, что на университетахъ еще лежала обязанность стоять во главѣ учебнаго округа и руководить всей образовательной частью въ его предѣлахъ; кромѣ того, на ихъ же обязанности была цензура книгъ и сочиненій.

Изъ этого общаго обзора содержанія новаго устава мы видимъ, что онъ въ теоріи былъ построенъ по западнымъ образцамъ и переносилъ къ намъ понятія германской академической жизни. Но въ сильномъ

противорѣчіи со всѣмъ самоуправляющимся строемъ стоитъ власть попечителя. Хотя много подчеркивалось то обстоятельство, что попечитель живетъ внѣ округа, не вмѣшивается во внутреннюю жизнь университета, не зависитъ отъ вліянія партій и самъ въ свою очередь не оказываетъ давленія, однако на практикѣ власть попечителя являлась очень сильной и существенной. Даже въ раннюю лучшую эпоху дѣйствія устава 1804 г. постоянно приходится считаться съ этимъ фактомъ.

Подвергая критическому анализу новый уставъ и вскрывая его историческія основы, мы увидимъ въ немъ очень опредѣленную правительственную тенденцію—тенденцію „государственнаго утилитаризма“. Сколь много ни говорилось бы въ новомъ уставѣ о высокомъ научномъ и культурно-просвѣтительномъ значеніи университетовъ, государству прежде всего и главнымъ образомъ были необходимы слуги — „чиновники“. Исторіографъ Казанскаго университета проф. Загоскинъ, первые вышедшіе три тома обстоятельнаго труда котораго являются однимъ изъ основныхъ сочиненій по исторіи университетовъ Александровскаго времени, прекрасно замѣчаетъ по этому поводу: „Подготовленіе для государства чиновниковъ по „разнаго рода службамъ“ — выступаетъ, такимъ образомъ, факторомъ первенствующаго значенія въ дѣлѣ зарожденія русскихъ университетовъ; да и сами профессора университетовъ представлялись въ глазахъ правительства не свободными представителями свободной науки, но чиновниками („чиновникъ по философіи“, „чиновникъ

по словесности“, „чиновникъ по естественному праву“—обычныя выраженія добраго стараго времени для обозначенія представителей кафедръ), обязанными читать свои курсы въ строго опредѣленномъ направленіи и по строго опредѣленнымъ программамъ и руководствамъ“. Пышныя, либеральныя разсужденія покрывали старыя и очень опредѣленныя тенденции правительственной политики по народному образованію. Уставъ 1804 г. стоитъ, такимъ образомъ, въ прямой и непосредственной связи съ практической политикой XVIII вѣка и является въ свою очередь однимъ изъ промежуточныхъ звеньевъ въ общей исторіи русскаго народнаго просвѣщенія.

Мы видѣли, слѣдовательно, тѣ задачи, которыми руководилось правительство при созданіи университетовъ; теперь намъ интересно остановиться на отношеніи общества къ факту созданія новыхъ университетовъ, рассмотреть степень его пониманія насущныхъ потребностей высшаго образованія. Оставивъ въ сторонѣ Московскій университетъ, который уже имѣлъ свои традиціи, и основанные на окраинахъ университеты Дерптскій (стоявшій въ культурной преемственности съ латиношведскими университетами) и Вѣленскій, мы остановимся на основаніи Харьковскаго и Казанскаго университетовъ *). При созданіи перваго изъ этихъ университетовъ невольно бросится въ глаза фактъ общественной инициативы; лишь благодаря ей, благодаря крупнымъ де-

*) Петербургскій университетъ, преобразованный изъ Педагогическаго института, началъ функционировать въ 1819 г.

нежнымъ пожертвованіямъ дворянства, Харьковъ, спорившій съ другими южными городами, получилъ университетъ. Но всякое априорное заключеніе о сильно развитой общественности и высокомъ культурномъ уровнѣ мѣстной дворянско-помѣщичьей среды будетъ ошибочнымъ и опрометчивымъ. Конечно, отдѣльные высоко-интеллигентные люди, какъ В. Н. Каразинъ и др., вполне ясно и сознательно шли къ опредѣленной цѣли, вполне стояли на высотѣ пониманія задачъ высшаго образованія. Отнюдь нельзя сказать того же о дворянской массѣ. Подобно правительству, проводившему съ начала XVIII вѣка свою точку зрѣнія, дворянство оставалось вѣрнымъ старымъ традиціямъ и всему предпочитало военную карьеру, какъ наиболѣе „благородный“ родъ занятій. Харьковское дворянство прежде, чѣмъ просить университетъ, хлопотало объ открытіи кадетскаго корпуса. И лишь кипучая дѣятельность Каразина, его пламенные рѣчи побудили дворянство ходатайствовать объ открытіи высшаго учебнаго заведенія. Характерно, что въ первоначальномъ проектѣ, выработанномъ Каразинымъ и одобреннымъ дворянствомъ, — въ „Предначертаніи о Харьковскомъ Университетѣ“ — предполагено въ рядѣ другихъ девяти отдѣленій отдѣленіе *военныхъ познаній*. На торжественномъ открытіи университета профессоръ Беленъ де-Баллю произнесъ на французскомъ языкѣ рѣчь „О необходимости наукъ для всѣхъ государственныхъ званій и въ особенности военнаго“. Въ качествѣ уступки разочарованному дворянству, не получившему „военнаго

факультета“, на отдѣленіи физическихъ и математическихъ наукъ была учреждена кафедра *военныхъ наукъ*. Но все же харьковское дворянство было культурнѣе другихъ и способствовало развитію просвѣщенія въ Слободской Украинѣ. Совсѣмъ другая картина представляется намъ при основаніи Казанскаго университета. Главной причиной, побудившей правительство создать здѣсь разсадникъ высшаго образованія, было то обстоятельство, что въ Казани существовала гимназія, основанная еще при Елизаветѣ. По мнѣнію главнаго училищъ правленія, для университета являлась здѣсь подготовленная почва; но, какъ мы увидимъ дальше, это присоединеніе университета къ гимназіи пагубно отразилось на судьбахъ перваго и надолго помѣшало правильному функционированію академической жизни. Казанское общество, въ громадномъ большинствѣ мало культурное и погруженное въ непробудную спячку, весьма пассивно отнеслось къ правительственному намѣренію открыть университетъ.

Однако и въ Казани нѣкоторая часть дворянской „интеллигенціи“ сочла долгомъ выразить свои пожеланія и подала соотвѣтствующее заявленіе въ главное училищъ правленіе. Документъ этотъ является типичнымъ образцомъ сословно-дворянскаго мышленія; прежде всего въ немъ говорилось: „Учрежденіе университетовъ должно наиболѣе клониться къ просвѣщенію юношей *дворянскаго сословія*, занимающаго важнѣйшія должности въ государствѣ“. Далѣе, какъ обычный лейтъ-мотивъ, выдвигается необходимость преподаванія военныхъ наукъ: „Въ

университетахъ необходимо преподаваніе наукъ: воинскихъ, чтобы отвратить издержки, соединенныя съ учрежденіемъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ военныхъ училищъ, а равнымъ образомъ и для того, чтобы отъ раздѣленія образованія на гражданское и военное не вкралось излишнее и вредное по своимъ дѣйствіямъ пристрастіе къ одной изъ государственныхъ службъ въ ущербъ другой“. Въ послѣднемъ случаѣ звучитъ опасеніе, чтобы университетъ не отвлекалъ дворянство отъ его обязанностей „noblesse d'érée“. Но этотъ актъ казанскаго дворянства, не подкрѣпленный никакой существенной помощью, мало повліялъ на планъ открытія университета, да и самъ по себѣ является лишь необходимой отпиской. Мы думаемъ, что этихъ двухъ краснорѣчивыхъ примѣровъ достаточно для характеристики отношенія дворянскаго общества къ факту открытія университетовъ.

И въ цѣломъ получается довольно оригинальная комбинація: правительство съ очень опредѣленной, узко утилитарной точки зрѣнія основываетъ университеты, но даетъ имъ либеральные уставы; дворянское общество пассивно относится къ насажденію высшихъ знаній, но всякій разъ считаетъ своимъ долгомъ подчеркнуть свои классовыя требованія и пожеланія; наконецъ, университеты—двигатели науки и просвѣщенія въ теоріи, автономныя и независимыя по уставу, не могутъ на практикѣ ни выполнять свои культурно-просвѣтительныя задачи, ни обезпечить свою свободу.

На двухъ послѣднихъ обстоятель-

ствахъ мы позволимъ себѣ остановиться нѣсколько подробнѣе. Большой интересъ въ этомъ отношеніи представляетъ вопросъ, какъ, при какихъ условіяхъ и въ какой обстановкѣ начали функционировать университеты. Здѣсь опять любопытно будетъ обратиться къ исторіи двухъ провинціальныхъ университетовъ—Харьковскаго и Казанскаго; на нихъ въ особенно чистомъ видѣ были проведены эксперименты.

Прошлое этихъ университетовъ прекрасно разработано, и труды проф. Багалѣя по исторіи Харьковскаго университета и упомянутый выше трудъ проф. Загоскина по исторіи Казанскаго университета даютъ возможность во всѣхъ деталяхъ возсоздать интересные культурные и общественные моменты изъ ранней исторіи нашего высшаго образованія. Нигдѣ такъ ярко не сказался конфликтъ идеаловъ съ дѣйствительностью, какъ на первоначальной организаціи и дѣятельности университетовъ. Правительство полагало, что, написавъ и подписавъ хорошую бумагу, оно сдѣлало уже все, а остальное, т. е. проведеніе въ жизнь предначертаній, не столь существенно. Только этимъ своеобразнымъ пониманіемъ правительственныхъ задачъ можно объяснить первоначальную судьбу Казанскаго университета. Получивъ уставъ и грамоту въ 1804 г., университетъ былъ открытъ въ буквальномъ смыслѣ лишь въ 1814 году. До этого времени университетъ являлся какимъ-то высшимъ классомъ мѣстной гимназіи и, въ сущности, былъ подчиненъ волѣ директора гимназіи. Всѣ великолѣпныя статьи устава объ автономіи, о главенствѣ

совѣта и т. п. оставались „втулѣ сокровенными“, и пока что университетъ управлялся самодержавнымъ директоромъ. Первый попечитель Казанскаго округа, нѣкогда извѣстный ученый Румовскій, былъ старъ и дряхлъ; мало вмѣшиваясь въ дѣла округа, онъ во всемъ довѣрялъ своему клеврету—директору Яковкину и не спѣшилъ съ введеніемъ полного дѣйствія устава. Нѣтъ ничего поучительнѣе, какъ читать переписку попечителя съ директоромъ; послѣдній, кромѣ цѣлаго ряда жалобъ и кляузъ, сообщаетъ своему начальнику грязныя и пикантныя сплетни про профессоровъ, особенно про враждебно къ нему настроенныхъ. И впадшій въ дѣтство попечитель въ отвѣтныхъ письмахъ не столь интересуется дѣломъ ввѣреннаго его попеченію округа, сколько дальнѣйшими перипетіями какой-нибудь скандальной исторіи. Яковкинъ, утѣшая своими рапортами начальника, самовластно распоряжался дѣлами университета. Приглашенные профессора, особенно иностранные ученые, видѣли нарушеніе не только автономіи, но и всякихъ элементарныхъ основъ ученой самодѣятельности. Университетскій совѣтъ ничего не могъ постановить вопреки мнѣнію директора; въ противномъ случаѣ ему грозило строгое внушеніе отъ попечителя. Профессора не только въ научно-общественной, но и въ личной жизни были подвергнуты строгому надзору и опеѣ. Особеннымъ непріятностямъ и придиркамъ подвергались тѣ, которые выражали протестъ противъ дѣйствій директора-временщика. Не лучше административной была поставлена и научно-

образовательная часть въ Казанскомъ университетѣ. Основаніе университета застало Казань врасплохъ, не было предварительной культурной и созидательной работы (какъ въ Харьковѣ); но попечитель и директоръ рѣшили, что все можно сдѣлать скорѣйшимъ и простѣйшимъ образомъ. Для занятія кафедръ были приглашены иностранные ученые, а также въ ученныя званія были возведены нѣкоторые преподаватели гимназій. Слушатели также были набраны изъ гимназій; и вотъ домашними средствами былъ готовъ университетъ.

При всякомъ случаѣ директоръ старался блеснуть виѣшной стороной и устраивалъ пышныя официальные торжества, акты и т. п. Преподаваніе въ ново-открытомъ университетѣ, въ виду неподготовленности слушателей и недостатка научныхъ силъ, велось самымъ элементарнымъ образомъ. Достаточно указать, что самъ директоръ, профессоръ русской исторіи, читалъ университетскій курсъ по изданному имъ для народныхъ училищъ руководству; и другіе курсы отличались въ большинствѣ случаевъ подобнымъ же общимъ характеромъ. Иностранные ученые старались исправить недостатки ученаго механизма, но всѣ ихъ усилія оставались тщетными. И едва Казанскій университетъ сталъ приходить въ норму послѣ настоящаго открытія въ 1814 году, какъ вскорѣ бурнымъ шкваломъ налетѣла эпоха ревизіи и попечительства Магницкаго, и еще не окрѣпнувшее высшее заведеніе было подвергнуто полному разгрому.

Когда мы перейдемъ къ разсмо-

трѣнію судебъ другого ново-открытаго провинціального университета—Харьковскаго, то мы найдемъ нѣкоторыя существенныя черты различія. Энергичная дѣятельность Каразина и перваго попечителя округа—культурнаго и прогрессивнаго графа Потоцкаго способствовала тому, что Харьковскій университетъ сравнительно скоро былъ обставленъ научными силами и могъ начать правильно функціонировать. И здѣсь главнымъ контингентомъ учащихся были иностранные ученые, приглашенные изъ Германіи и Франціи; многіе изъ нихъ пользовались заслуженной извѣстностью и опредѣленной репутаціей за границей. Нѣсколько хуже обстояло дѣло съ учащимися; недостаточность общаго образованія и малое знакомство съ языками мѣшали правильному слушанію лекцій. И подобно Казанскому собрату, Харьковскій университетъ вначалѣ насчитывалъ лишь нѣсколько десятковъ слушателей. Харьковскій университетъ былъ сразу открытъ по уставу, безъ всякихъ предварительныхъ уклоненій; и потому на его судьбахъ особенно ярко сказались противорѣчія между торжественными провозглашеніями и реальной дѣйствительностью. Съ самаго начала въ совѣтѣ начинаются раздоры между русскими и иностранными профессорами; послѣдніе, воспитанные на заграничныхъ университетскихъ порядкахъ, строго проводятъ принципы академической автономіи. Но, хотя университетскій совѣтъ и правильно функціонировалъ, однако его выступленія оканчивались совершенно непредусмотрѣннымъ либеральнымъ уставомъ образомъ.

Такъ, при попыткѣ совѣта настоять на одномъ изъ принятыхъ совѣтомъ постановленій, неправильно кассированныхъ попечителемъ, протестовавшихъ профессоровъ велѣно было „призвать въ Харьковское губернское правленіе и сдѣлать имъ строжайшій выговоръ съ подтвержденіемъ, что ежели впредь окажутъ подобное непослушаніе, то будутъ преданы суду“. Таковы были результаты попытки осуществить на практикѣ начала университетской свободы. Иностранные ученые, занесенные въ полу-татарскую Казань и въ Харьковскія степи, тщетно надѣялись на проведеніе въ жизнь провозглашенныхъ основаній. И эти ограниченія профессорской самодѣтельности мы находимъ еще въ лучшую пору дѣйствія уставовъ, въ первую половину царствованія Александра I; въ дальнѣйшую же эпоху въ рѣзкой и уродливой формѣ выступила систематическая „борьба съ просвѣщеніемъ“.

Общество, какъ мы уже видѣли, въ большинствѣ равнодушно относилось къ университетамъ; дворянство желало устройства строго сословныхъ учрежденій съ особымъ цикломъ наукъ, другія общественныя состоянія еще не могли имѣть въ этомъ отношеніи большого значенія. Недостатокъ слушателей служить показателемъ этого отношенія; въ первые годы своего существованія Казанскій университетъ едва насчитывалъ нѣсколько десятковъ (40—50) слушателей; Харьковскій университетъ былъ открытъ въ составѣ 57 студентовъ, въ 1812 году это число возросло до 118. Болѣе всего слушателей насчитывалъ старый Московскій универси-

тетъ: съ 215 студентовъ въ 1811 г. цифра поднялась до 494 въ 1820 г. Въ особыхъ условіяхъ и въ особой обстановкѣ, въ близкомъ сосѣдствѣ и подъ непосредственнымъ вліяніемъ Запада дѣйствовали университеты—Дерптскій и Виленскій. По словеснымъ дѣленіямъ основнымъ контингентомъ слушателей въ русскихъ университетахъ были дѣти дворянъ, затѣмъ шли дѣти чиновниковъ, разночинцевъ, духовенства и иностранцевъ. Въ изучаемую эпоху университеты еще не могли имѣть сильнаго вліянія на общество, но все же научная проповѣдь съ высоты кафедр оказывала свое воздѣйствіе. Многие дѣятели получили образованіе въ этихъ первыхъ университетахъ; въ цѣляхъ бѣльшаго сближенія съ широкими слоями общества Московскій университетъ *) устраивалъ публичные курсы и лекціи. И дѣло шло впередъ, какъ наступила памятная въ исторіи русскаго просвѣщенія эра Магницкаго и Рунича.

2.

Извѣстный реакціонный поворотъ правительственной политики, ознаменовавшій вторую половину правленія Александра I, особенно ярко отразился въ области народнаго просвѣщенія. Подъ эгидой Священнаго союза былъ произведенъ полный разгромъ высшаго образованія въ Россіи.

Этотъ походъ на просвѣщеніе характеризуетъ цѣлую опредѣленную

*, Культурная дѣятельность Московскаго университета начала широко развиваться со времени попечительства Муравьева, искренняго друга и поборника просвѣщенія.

эпоху въ исторіи общественнаго развитія XIX вѣка.

Событія 1812 года, затѣмъ переходъ отъ поражений къ торжественному шествію по всей Европѣ оказали сильное впечатлѣніе на психику Александра I. Онъ охотно сталъ считать себя орудіемъ Провидѣнія и нашелъ обоснованія своей новой миссіи въ готовыхъ мистическихъ и піэтическихъ ученіяхъ. Религіозная символика очень часто покрываетъ реакціонныя поползновенія; ученіе о служеніи Вышнему постоянно является основой владычества земнаго деспота. Но одному личному настроенію Александра нельзя придавать исключительнаго значенія; оно является лишь эпизодомъ на фонѣ большого общаго реакціоннаго движенія противъ идей Великой революціи. Національныя чувства, поднятыя иноземнымъ нашествіемъ, ловко превращены были въ *націоналистическія*; борьба съ французскими солдатами перешла въ борьбу съ *французскими идеями*. Передовая интеллигенція пыталась протестовать противъ такого положенія вещей, но силы ея были еще слабы. Послѣ 1815 года большинство европейскихъ государствъ погружается въ тяжелый, мрачный сонъ подъ бдительной опекой союза трехъ монарховъ „Божіею милостью“; пушки русской арміи всегда были готовы разнести всякія попытки освободительной борьбы... Естественно, что реакція не могла не коснуться области наукъ и просвѣщенія. Упорная и неумолимая борьба съ завоеваніями человѣческаго разума ведется на всемъ протяженіи этой эпохи; всѣ усилія направлены къ тому, чтобы вернуть науку къ ея

средневѣковому положенію „служанки богословія“. Уже изъ соотвѣствующихъ строкъ акта основанія Священнаго союза можно извлечь главныя тенденціи, легшія въ основу новой „просвѣтительной“ политики: „... въ отношеніи же къ подданнымъ и къ войскамъ своимъ они (т. е. три монарха), какъ отцы семействъ, будутъ управлять въ томъ же духѣ братства... исповѣдуя, что Самодержецъ народа христіанскаго есть тотъ, кому собственно принадлежитъ держава (т. е. Спаситель), поелику въ Немъ единомъ обрѣтаются сокровища любви, вѣдѣнія и премудрость безконечная“. Такимъ образомъ, является девизъ—все въ религіи и все черезъ религію. Наступившая реакція вызвала горячій отпоръ въ студенческихъ кружкахъ Германіи. На торжественномъ празднованіи трехсотлѣтія реформации въ Вартбургѣ (1817 г.) студенчество устроило грандіозную демонстрацію и подвергло ауто да фе творенія ненавистныхъ реакціонныхъ писателей. Вскорѣ за этимъ писатель Коцебу, котораго молва считала агентомъ русскаго правительства, палъ подъ ударомъ кинжала революціоннаго романтика, студента Карла Занда. Убіеніе это произвело громадное впечатлѣніе въ Германіи (въ Россіи оно ярко выразилось въ стихотвореніи Пушкина „Кинжалъ“); историкъ Трейчке по этому поводу замѣчаетъ: „Даже зрѣлые мужи сравнивали убійцу съ Теллемъ, Брутомъ, Сцеволой“.

Не менѣе сильное впечатлѣніе эти событія произвели и на заправиль реакціи, которыя стали принимать соотвѣтствующія мѣры. Въ 1819 году

на съѣздѣ делегатовъ нѣмецкихъ государствъ были приняты извѣстныя Карлсбадскія постановленія, согласно которымъ университеты подвергались строгому надзору и опекѣ, устанавливалась цензура надъ всѣми сочиненіями и, наконецъ, большинство прогрессивныхъ профессоровъ было уволено. Одновременно съ этимъ разгромомъ западно-европейскихъ университетовъ, былъ объявленъ походъ противъ высшаго образованія и въ Россіи.

Русскіе университеты были построены по образцу германскихъ; теперь, когда послѣдніе стали подвергаться преслѣдованіямъ за неблагонадежность, надо было и въ русскихъ университетахъ энергично искоренить крамолу. Въ донесеніи Александру русскій агентъ Стурдза, говоря о современном положеніи Германіи, замѣчаетъ, что „университеты вмѣсто того, чтобы строить ковчегъ христіанскаго государства, являются разсадникомъ революціоннаго духа и безбожія“. Еще болѣе образная характеристика вышла изъ-подъ пера Магницкаго: „Самъ князь тьмы, видно, подступилъ къ намъ; рѣдѣетъ завѣса, его закрывающая и, вѣроятно, скоро уже расторгнется... Слово человеческое—есть проводникъ сей адской силы, книгопечатаніе—орудіе его; профессеры безбожныхъ университетовъ передаютъ тонкій ядъ невѣрія и ненависти къ законнымъ властямъ несчастному юношеству, а тисненіе разливаетъ его по всей Европѣ“. Отсюда вытекала прежде всего задача изолировать русскіе университеты отъ „тлетворнаго“ западнаго вліянія. Еще ранѣе, уже въ 1815 году, подъ вліяніемъ пробудившагося на-

ціоналізма появилось министерское распоряженіе, чтобы университетскія кафедры занимали „одни только россіяне, но отнюдь не иностранцы“. Къ 1816 году относится громкій эпизодъ съ изгнаніемъ извѣстнаго ученаго, харьковскаго профессора Шада, обвиненнаго въ приверженности къ новѣйшей нѣмецкой философіи, въ частности за пропаганду идей Шеллинга. Въ 20-хъ годахъ стремленіе изолировать университеты отъ нѣмецкаго вліянія выразилось въ рядѣ мѣръ, препятствующихъ обученію остзейскаго юношества въ нѣмецкихъ университетахъ.

Особенно ярко опредѣляется реакціонный періодъ съ назначеніемъ министромъ народнаго просвѣщенія близкаго друга императора, президента Библейскаго Общества князя А. Н. Голицына. Чрезвычайно характерно, что уже вскорѣ министерство народнаго просвѣщенія было преобразовано въ „министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія“. Высочайшій манифестъ такъ формулировалъ необходимость этой реформы: „Желая, дабы христіанское благочестіе было всегда основаніемъ истиннаго просвѣщенія, признали мы нужнымъ соединить дѣла по министерству народнаго просвѣщенія съ дѣлами всѣхъ вѣроисповѣданій въ составъ одного управленія подъ названіемъ министерства духовныхъ дѣлъ“. Проведеніе основъ „христіанскаго благочестія“ было возложено на министра и подчиненное ему главное училищъ правленіе, гдѣ скоро главную роль стали играть Магницкій. Положеніе высшаго образованія стало тяжкимъ; былъ поднятъ вопросъ объ окончательномъ упраздне-

ніи университетскаго образованія. Въ одномъ письмѣ попечителя Казанскаго округа Салтыкова, замѣнившаго Румовскаго, мы читаемъ слѣдующія любопытныя строки: „Болѣе, нежели вѣроятно, что за исключеніемъ Московскаго всѣ остальные наши университеты будутъ упразднены; вопросъ о закрытіи университетовъ Казанскаго и Харьковскаго уже поставлены на очередь“. Но до этихъ предѣловъ реакція не дошла; въ ближайшемъ же наступила, пророчески предсказанная тѣмъ же Салтыковымъ „эра проскрипцій Марія и Суллы“.

Наиболѣе краснорѣчивыми фактами этого періода является разгромъ сначала Казанскаго, а затѣмъ и новооткрытаго Петербургскаго университетовъ; событія эти тѣсно связаны съ именами Магницкаго и Руничя. Безпринципный, беззастѣнчивый карьеристъ, человѣкъ, не останавливающійся ни передъ чѣмъ для достиженія своей цѣли, Магницкій явился яркимъ воплощеніемъ и проводникомъ новыхъ священно-охранительныхъ началъ. Бывшій ранѣе сотрудиномъ Сперанскаго, Магницкій быстро сдѣлался „убѣжденнымъ“ піетистомъ, религіознымъ ханжой перваго разряда и за то возвеличенъ былъ по заслугамъ. Назначенный въ 1819 году членомъ главнаго училищъ правленія Магницкій въ томъ же году былъ посланъ по высочайшему повелѣнію ревизовать Казанскій университетъ. Эта знаменитая ревизія и положила начало его „блестящей“ карьерѣ по вѣдомству народнаго просвѣщенія. Результатомъ ревизіи явилось обширное донесеніе, въ которомъ Магницкій, вполне выка-

завишій свои способности сыщика, въ самыхъ черныхъ краскахъ рисуетъ современное состояніе университета. Весь этотъ документъ является своего рода перломъ изувѣрства и религіознаго мракобѣсія той эпохи; онъ заканчивается классическимъ выводомъ о необходимости уничтоженія университета. При этомъ Магницкій указываетъ, что уничтоженіе можетъ быть двухъ родовъ: въ видѣ приостановленія университета или въ видѣ публичнаго его разрушенія. Самъ авторъ донесенія стоитъ за послѣднее средство и подкрѣпляетъ свое положеніе слѣдующимъ соображеніемъ: „Актъ объ уничтоженіи Казанскаго университета тѣмъ естественнѣе покажется нынѣ, что, безъ всякаго сомнѣнія, всѣ правительства обратятъ особенное вниманіе на общую систему ихъ учебнаго просвѣщенія, которое, сбросивъ скромное покрывало философіи—стоитъ уже посреди Европы съ поднятымъ кинжаломъ“. Но этотъ энергичный планъ, напоминающій въ общихъ чертахъ реформаторскія предположенія полковника Скалозуба, встрѣтилъ противодѣйствіе въ главномъ учлищѣ правленія; здѣсь крайнюю лѣвую представлялъ петербургскій попечитель, будущій министръ Николаевской эпохи — Уваровъ.

Вмѣсто „публичнаго разрушенія“ было рѣшено произвести въ университетѣ коренныя реформы; и проведеніе новыхъ началъ было возложено на назначеннаго попечителемъ Казанскаго округа Магницкаго. Теперь для его дѣятельности открылось широкое поле, и несчастному университету пришлось подвергнуться цѣлому ряду всевозможнѣйшихъ эксперимен-

товъ. Трудно въ краткомъ очеркѣ представить всю разнообразную дѣятельность, направленную къ разрушенію всѣхъ основныхъ понятій научнаго и культурнаго учрежденія; каждое новое начинаніе, каждое распоряженіе попечителя наносили удары академическому строю. Мы приведемъ изъ этого мартиролога Казанскаго университета лишь нѣсколько наиболѣе типичныхъ фактовъ. Прежде всего автономія университета подверглась рѣзкому и существенному ограниченію. Избраніе ректора было замѣнено назначеніемъ; но мало того, была еще создана новая и стоящая въ извѣстномъ отношеніи выше компетенціи ректора власть директора университета. Должность эта не значилась въ уставѣ 1804 года и вызвана была „новыми“ условіями, въ частности желаніемъ Магницкаго имѣть своего клеветы, свои „очи и уши“. „Директоръ университета, — говорится въ инструкціи, — есть довѣренный гражданскій чиновникъ, которому правительство поручаетъ хозяйственное и полицейское управленіе университета, въ качествѣ предсѣдателя правленія и лично важную часть нравственнаго образованія воспитанниковъ“. Въ дополненіе къ этому появился „назначенный“ инспекторъ студентовъ. Произведя ломку въ административномъ строѣ университета, Магницкій составляетъ инструкціи директору и ректору университета, гдѣ въ различныхъ формахъ высказываетъ свои основныя мысли и требованія. Въ первой инструкціи мы читаемъ, между прочимъ, слѣдующее: „Цѣль правительства въ образованіи студентовъ состоитъ въ воспитаніи вѣрныхъ сыновъ православной церкви, вѣрныхъ

подданныхъ государю, добрыхъ и полезныхъ гражданъ отечеству... Душа воспитанія и первая добродѣтель гражданина есть покорность. Посему послушаніе есть важнѣйшая добродѣтель юности; въ молодости только, упражненіемъ покорности, получаетъ воля ту мягкость, которая на всю жизнь остается и для благосостоянія общества столь необходима". Инструкція ректору представляетъ еще большій интересъ; здѣсь кромѣ общихъ директивъ даются планы веденія университетскаго преподаванія по кафедрамъ. Представителю кафедры политическихъ наукъ даются слѣдующія указанія: „Благоразумное преподаваніе политическаго права покажетъ, что правленіе монархическое есть древнѣйшее и установлено самимъ Богомъ; что священная власть монарховъ, въ законномъ наслѣдїи и въ тѣхъ предѣлахъ, кои возрасту и духу каждаго народа свойственны—исходитъ отъ Бога, и законодательство, въ семъ порядкѣ устанавливаемое—есть выраженіе воли Всевышняго". На математическомъ отдѣленіи „профессоръ теоретической и опытной физики обязанъ во все продолженіе курса своего указывать на премудрость Божію и ограниченность нашихъ чувствъ и орудій для познанія непрестанно окружающихъ насъ чудесъ". На врачебномъ отдѣленіи (медицинскомъ факультетѣ) „профессора сего факультета должны принять всѣ возможные мѣры, дабы отвратить то ослѣпленіе, которому многіе изъ знатнѣйшихъ медиковъ подверглись отъ удивленія превосходству органовъ и законовъ животнаго тѣла нашего, впадая въ гибельный матеріализмъ именно отъ того, что наиболѣе пре-

мудрость Творца открываетъ". Приведемъ еще инструкцію представителю кафедры русской исторіи: „Профессоръ исторіи російской преподастъ ее во всей нужной подробности. Онъ покажетъ, что отечество наше въ истинномъ просвѣщеніи упредило многія современные государства и докажетъ сіе распоряженіями по части учебной и духовной Владимира Мономаха, показавъ въ то же время положенія другихъ европейскихъ государствъ въ семъ отношеніи. Онъ распространится о славѣ, которою отечество наше обязано августѣйшему дому Романовыхъ такъ, какъ и о добродѣтеляхъ и патріотизмѣ его родоначальника".

Въ заключеніи инструкціи Магницкій выражаетъ убѣжденіе, что реформированный Казанскій университетъ „пріобрѣтетъ отличное покровительство правительства, благодарность общества, уваженіе иноземныхъ народовъ и славу въ исторіи". Для приведенія въ исполненіе поставленныхъ задачъ необходимо было: 1) разогнать большинство профессоровъ и замѣнить ихъ угодливыми исполнителями „новой науки" и 2) ввести самую строгую опеку и бдительный надзоръ за учащимися. Вскорѣ университетъ принялъ видъ мрачнаго монастыря, а студенты—видъ послушниковъ, отбывающихъ свое служеніе. Находясь подъ неусыпнымъ попеченіемъ директора, они должны были оказывать „покорность и строжайшее чиновочитаніе". Провинившійся назывался „грѣшникомъ" и заключался въ карцеръ, носящій названіе „комната уединенія". Здѣсь грѣшникъ долженъ былъ размышлять о содѣян-

номъ проступкѣ, а товарищи его каждое утро передъ лекціями должны были молиться о спасеніи его души.

Большинство профессоровъ было уволено Магницкимъ, но на ихъ опустѣвшія мѣста нашлось мало охотниковъ. Поэтому приходилось замѣщать кафедры людьми, часто совершенно невѣжественными, но зато вполне пропитанными новыми религиозно-реакціонными идеями. Надо отмѣтить, что, какъ вновь назначенные, такъ и нѣкоторые оставшіеся старые профессора перешли всѣ границы въ угодничествѣ и раболѣпному поклоненію всеильному попечителю. Каждую его мысль, каждое новое предписаніе они съ великой ревностью проводили въ жизнь, стараясь съ своей стороны выказать и свою дѣятельность въ этомъ направленіи. Магницкій энергично вмѣшивался въ университетское преподаваніе и очень властно распоряжался судьбами отдѣльных научныхъ дисциплинъ.

Такъ, онъ замѣнилъ изученіе римскаго права правомъ византійскимъ, ввелъ преподаваніе западныхъ конституцій (съ цѣлью доказывать превосходство самодержавной власти) и, наконецъ, открылъ цѣлый походъ противъ ученій естественнаго права. Научное преподаваніе было подвергнуто самой тщательной опекѣ; кульминаціоннымъ пунктомъ въ этомъ направленіи было распоряженіе о представленіи на утвержденіе конспектовъ курсовъ. Ревность профессоровъ—неофитовъ „новаго благочестія“ вполне соответствовала этимъ начинаніямъ.

Профессоръ краснорѣчія Городчанinovъ въ своей актовой рѣчи утвер-

ждалъ, что Гомеръ въ своихъ поэмахъ явился лишь робкимъ подражателемъ Моисея. Профессоръ математики, объясняя высшее значеніе своего предмета, такъ опредѣлялъ гипотенузу: „Гипотенуза въ прямоугольномъ треугольникѣ есть символъ срътенія правды и мира, правосудія и любви, чрезъ ходатая Бога и человѣковъ, соединившаго горнее съ дольнымъ, небесное съ земнымъ“. Кромѣ обычнаго лѣтоисчисленія, Казанскій университетъ велъ особый счетъ отъ преобразованія университета; и подобно культу императоровъ въ Римѣ былъ созданъ цѣлый культъ Магницкаго въ Казани. На торжественномъ актѣ ректоръ заканчивалъ рѣчь слѣдующимъ славословіемъ: „Подъ защитою высокаго въ чувствованіяхъ и христіанскихъ доблестяхъ, одареннаго духомъ и силою необыкновенными, господина попечителя нашего Михаила Леонтьевича Магницкаго — начнемъ новый курсъ бытія нашего въ единеніи духа, да Духъ Господень, духъ премудрости и разума, духъ совѣта и крѣпости, духъ вѣдѣнія и благочестія, духъ страха Божія пребудетъ со всѣми нами“. Приведеннаго достаточно, чтобы представилась вполне ясная картина состоянія Казанскаго университета подъ „новой эрой“. Университетъ потерялъ свое научное и культурное значеніе, лишился всѣхъ своихъ правъ и привилегій; на его мѣсто было создано какое-то полу-духовное, полу-свѣтское училище съ цѣлымъ рядомъ обрядовъ и церемоній, съ особымъ цикломъ наукъ и съ особой научной системой. Естественно, что эта пародія на высшее учебное заведеніе могла вла-

читать только самое жалкое существование, и ревизія генерала Желтухина (1826 г.) опредѣленно вскрыла всю глубину паденія университета за время управленія Магницкаго.

Въ то время, какъ Магницкій производилъ свои эксперименты надъ Казанскимъ университетомъ, его ближайшій соратникъ и соумышленникъ Руничъ старался сдѣлать то же съ Петербургскимъ. Этотъ университетъ, преобразованный изъ ранѣе функционировавшаго главнаго Педагогическаго института, началъ дѣйствовать лишь съ 1819 года.

Ново-открытый университетъ получилъ свой уставъ, уже нѣсколько отличающійся отъ обычнаго типа уставовъ 1804 года; вліянія эпохи наложили на него свой отпечатокъ. Но все же подъ эгидой либеральнаго, потому времени, попечителя Уварова, онъ смогъ правильно начать свою дѣятельность. Въ числѣ своихъ преподавателей университетъ насчитывалъ видныхъ научныхъ дѣятелей того времени: Галича, Арсеньева, Куницына и др. Но недолго продолжалась нормальная жизнь университета...

Большинство главнаго училищъ правленія съ неодобреніемъ смотрѣло на дѣятельность Петербургскаго университета; его восхищали реформы Магницкаго, которыя было предполагено примѣнить ко всѣмъ другимъ университетамъ. Главная роль въ походѣ противъ ново-открытаго университета принадлежала, какъ мы уже указывали, Руничу. Еще въ 1820 году онъ поднялъ громкое дѣло о книгѣ профессора Куницына „Право естественное“, которую онъ обвинялъ въ „святотатственномъ напа-

деніи на божественность Св. Откровенія, тѣмъ болѣе опасномъ, что оно покрыто широкимъ плащомъ фило-софіи“. Въ результатѣ, инкриминируемая книга была изъята изъ обращенія, а самъ профессоръ уволенъ изъ университета. Въ слѣдующемъ году Руничъ былъ назначенъ попечителемъ округа и сталъ энергично проводить свою разрушительную программу. Прежде всего къ Петербургскому университету были примѣнены извѣстныя инструкціи директору и ректору Казанскаго Университета; это должно было служить основой. Самымъ характернымъ эпизодомъ эпохи владычества Рунча явилось дѣло четырехъ профессоровъ—Германа, Арсеньева, Раупаха и Галича. По вступленіи въ отправленіе своихъ обязанностей Руничъ (въ 1821 г.) возбудилъ преслѣдованіе противъ этихъ профессоровъ, обвинивъ ихъ въ томъ, что „фило-софскія и историческія науки преподаются въ университетѣ въ духѣ, противномъ христіанству, и въ умахъ студентовъ вкореняются идеи разрушительныя для общественнаго порядка и благосостоянія“.

Въ подтвержденіе своихъ положеній Руничъ представилъ въ правленіе выписки изъ тетрадей, отобранныхъ у студентовъ, записывавшихъ лекціи. „Главное училищъ правленіе,—сказано въ протоколѣ,—съ содроганіемъ и крайнимъ изумленіемъ увидѣло, что въ лекціяхъ отвергается достовѣрность Священнаго Писанія и находятся дерзкія хулы на распоряженія правительства...“ Рѣшено было предать профессоровъ суду, и судъ этотъ прошелъ цѣлыхъ четыре инстанціи—конференцію университета,

главное училищъ правленіе, комитетъ министровъ и, наконецъ, въ 1826 году было прекращено по высочайшему повелѣнію. Академикъ Сухомлиновъ въ своей работѣ „Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе императора Александра I“ опубликовалъ чрезвычайно любопытные документы этого дѣла—инкриминируемыя выписки изъ тетрадей, опросные пункты, протоколы и т. п.; для исторіи судебъ русскаго просвѣщенія эти матеріалы представляютъ высокій интересъ.

Другихъ университетовъ реакція коснулась въ значительно меньшей степени. Старѣйшій разсадникъ высшего образованія, Московскій университетъ почти совсѣмъ не былъ задѣтъ бурей, и наоборотъ, цифровыя данныя указываютъ на расширеніе его научно-образовательной дѣятельности (съ 605 человѣкъ въ 1821 году число студентовъ возросло до 876 въ 1825 г.).

Въ Харьковскомъ университетѣ, кромѣ относящагося къ болѣе ранней порѣ и уже отмѣченнаго эпизода съ изгнаніемъ профессора Шада, надо указать на серьезное ограниченіе автономнаго права, а именно, на замѣну, по представленію попечителя округа, ректора по избранію ректоромъ по назначенію. Въ Дерптѣ попечитель Ливенъ, убѣжденный піетистъ удалилъ четырехъ профессоровъ богословскаго факультета, обвиненныхъ въ проповѣди раціонализма.

Нѣсколько особнякомъ стоитъ Виленскій университетъ. Возникшій для обслуживания мѣстныхъ интересовъ, университетъ, связанный традиціями извѣстнаго культурнаго прошлаго,

сначала пользовался полной свободой, но въ 20-хъ годахъ, въ связи съ общей перемѣной правительственной политики, надъ нимъ былъ учиненъ надзоръ. Политическія движенія въ западно-европейскихъ странахъ не могли не оказать вліянія на отзывчивую польскую молодежь, и вотъ образуется рядъ тайныхъ обществъ и кружковъ, занимающихся пропагандой революціонныхъ идей. Пропаганда эта носила патріотическій и національный характеръ; во главѣ ставилось требованіе отдѣленія Привислинскаго края отъ Россіи и возстановленія самостоятельной Польши. Правительство обратило вниманіе на эту дѣятельность, и въ 1823 г. была назначена ревизія университета. Правительственный комиссаръ Новосильцевъ представилъ докладъ, въ которомъ заявилъ: „Однимъ словомъ, вся система ученія имѣла только то въ предметѣ, чтобы внѣдрить въ юношество республиканскія правила и питать въ немъ надежду на возстановленіе прежней Польши“. Результатомъ этого разслѣдованія явилась отставка попечителя—извѣстнаго патріота князя Чарторыйскаго и извѣстныя ограниченія устава.

Къ сожалѣнію, мы до сихъ поръ не имѣемъ никакихъ данныхъ, чтобы судить, какъ реагировала учащаяся молодежь въ русскихъ университетахъ на окружающія событія; нѣтъ никакихъ извѣстій объ организациі политическихъ кружковъ и обществъ, нѣтъ указанія на принадлежность къ большимъ тайнымъ обществамъ, подготовившимъ декабрьское возстаніе. Поэтому приходится пока оставить безъ отвѣта вопросъ объ опредѣленной общественно-политической

роли университетовъ въ эпоху реакціи. Несомнѣнно, не подвергшіеся разгрому университеты выполняли свою культурно-образовательную миссію и воспитывали на извѣстныхъ общественныхъ началахъ; но этими общими замѣчаніями приходится въ настоящее время ограничиться.

Таковы, въ самихъ общихъ чертахъ, основные моменты исторіи русскихъ университетовъ во вторую половину правленія Александра I. „Новый курсъ“ былъ въ свою очередь обвиненъ въ приверженности къ западнымъ теоріямъ, и въ 1824 году піятиста Голицына замѣнилъ адмиралъ Шишковъ, представитель и поборникъ старо-русскихъ устоевъ. Но дѣятельность его въ значительной степени относится уже къ новому царствованію.

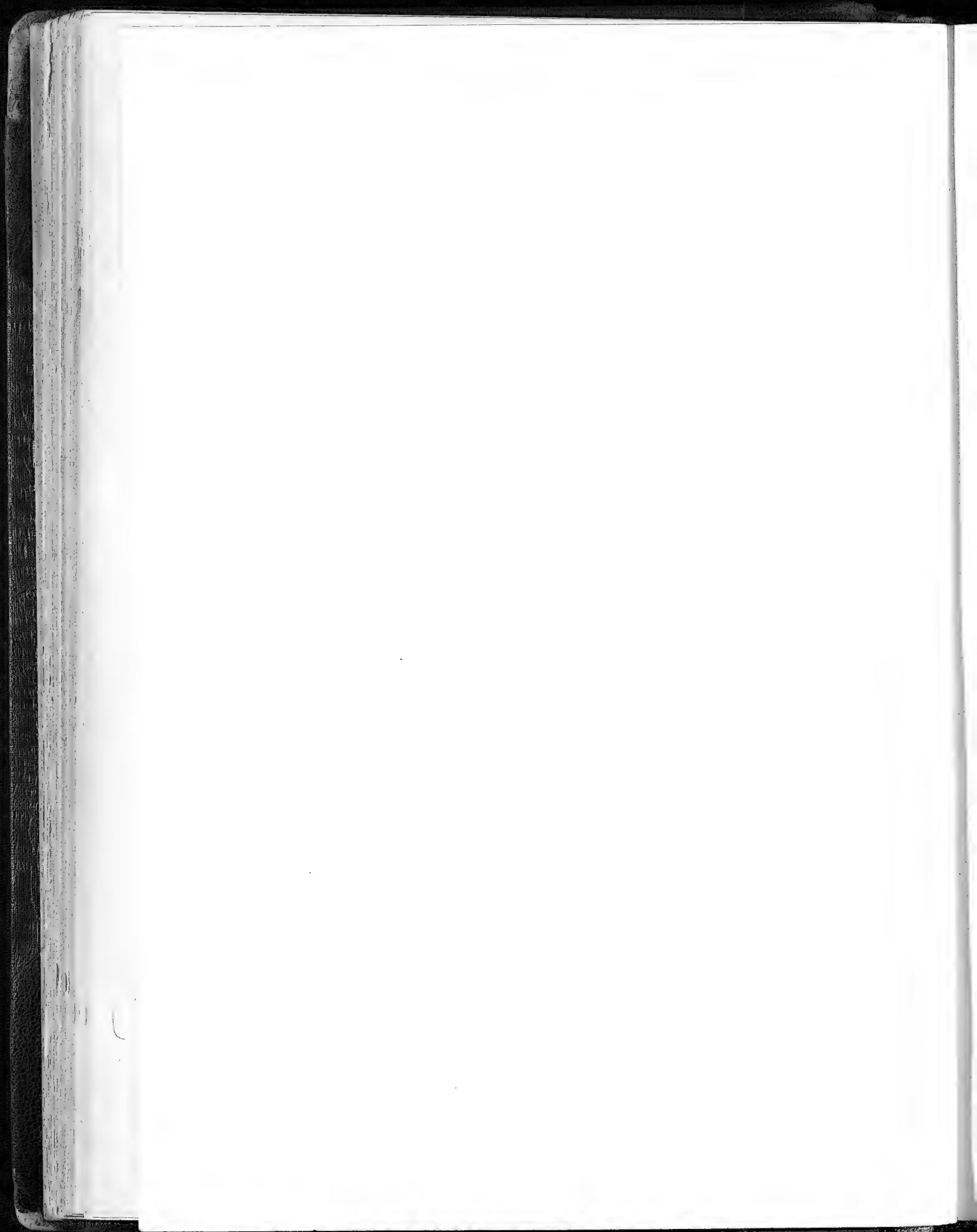
3.

Правленіе Николая I знаменуетъ очень опредѣленный періодъ въ исторіи русскаго просвѣщенія. Въ эту эпоху ярко выясняется и формально укрѣпляется узко утилитарный и дворянско-классовый характеръ правительственной политики по народному образованію; несомнѣнно, онъ стоитъ въ исторической преемственности съ общими начинаніями всей предшествующей политики, но въ данный періодъ находитъ особенно характерное выраженіе. Причемъ въ то время, какъ въ непосредственно предшествующее царствованіе особенно подчеркивалась утилитарно практическая сторона правительственныхъ начинаній, въ правленіе Николая I цѣлый рядъ мѣропріятій носитъ отпечатокъ узкой дворянско-классовой политики. Всѣ поня-

тія объ ученомъ значеніи университетовъ замѣняются „идеальнымъ“ представленіемъ объ университетахъ — школахъ для практическаго воспитанія дворянъ. Въ такомъ видѣ представляется „духъ“ правительственной дѣятельности по народному и, въ частности, по высшему образованію. Но совсѣмъ другую, по сравненію съ прошлымъ, картину представляетъ отношеніе общества къ университету — общества, сознавашаго громадную культурную силу и великое общественное вліяніе высшихъ учебныхъ заведеній. Университеты, несмотря на правительственныя препятствія, становятся во главѣ русской интеллигенціи, и ихъ выдающіеся ученые представители являются въ то же время выразителями и глашатаями прогрессивныхъ идей времени. Такимъ образомъ, изученіе судебъ университетовъ въ Николаевскую эпоху открываетъ интереснѣйшія страницы изъ исторіи нашего прошлаго.

Въ самомъ началѣ новаго царствованія сразу были выдвинуты на первый планъ цѣли политическаго воспитанія общества. Въ манифестѣ, объявляющемъ приговоръ надъ декабристами, читаемъ: „не просвѣщенію, но праздности ума, болѣе вредной, нежели праздность тѣлесныхъ силъ, — недостатку твердыхъ познаній должно приписать сіе своеволие мыслей, сію пагубную роскошь полупознаній, сей порывъ въ мечтательныя крайности, коихъ начало есть порча нравовъ, и наконецъ — погибель. Тщетны будутъ всѣ усилія, всѣ пожертвованія правительства, если домашнее воспитаніе не будетъ приуготовлять нравы и содѣйствовать его видамъ“. Въ

цѣломъ рядѣ особо учрежденныхъ совѣщаній и комитетовъ стали разрабатываться вопросы коренной реформы различныхъ отраслей народнаго образованія. Въ специальномъ комитетѣ подготавлился проектъ новаго общаго устава университетовъ; работа была закончена въ 1832 году, но проектъ не получилъ утвержденія, и при новомъ министрѣ Уваровѣ подвергся коренному пересмотру. Лишь въ 1835 году появился общій уставъ российскихъ университетовъ. Но прежде чѣмъ перейти къ этому основному факту правительственной дѣятельности, мы остановимся на предварительныхъ мѣропріятіяхъ по университетскому вопросу.

Съ удаленіемъ Магницкаго и Рунича были отмѣнены нѣкоторыя чрезвычайныя мѣры; такъ, уничтожена была пресловутая должность директора въ Петербургскомъ и Казанскомъ университетахъ. Но въ то же время автономія потерпѣла рядъ ограниченій. Въ Виленскомъ университетѣ повелѣно было ректора назначать отъ правительства. Въ 1826 году попечителю Харьковскаго округа разрѣшено приглашать, по своему усмотрѣнію, и опредѣлять въ университетѣ профессоровъ и адъюнктовъ. Академическая дѣятельность профессоровъ подвергалась самому бдительному надзору; они обязуются представлять на утвержденіе попечителя подробные конспекты своихъ курсовъ. Въ цѣломъ рядѣ мѣропріятій правительство старается изолировать молодежь отъ вредныхъ политическихъ вліяній. Къ этому разряду относится ограниченіе доступа въ университетъ лицъ низшихъ классовъ, ограниченіе непосредственнаго об-

щенія съ Западомъ и мѣры полицейскаго надзора. Рескриптъ 1827 г. гласитъ, что въ университеты и гимназіи разрѣшается принимать лишь людей свободныхъ состояній. Указъ сенату (1831 г.) ставить преграды полученію образованія въ заграничныхъ университетахъ и предписываетъ воспитывать юношество въ возрастѣ 10—18 лѣтъ непремѣнно въ Россіи. Постепенно подготавливается отмѣна извѣстнаго привилегированнаго положенія студенчества, подчиненнаго въ судебно-административномъ отношеніи академическому начальству. Въ 1827 году на докладѣ о подчиненіи своекоштныхъ студентовъ Московскаго университета надзору городской полиціи императоръ далъ резолюцію: „На подчиненіе присмотру городской полиціи тѣмъ болѣе я согласенъ, что иначе и быть не должно“. Наряду съ этимъ принимается рядъ мѣръ къ установленію строгой дисциплины и надзора за студентами.

Изъ положительныхъ начинаній того времени необходимо упомянуть о заботахъ создать контингентъ ученыхъ преподавателей. Здѣсь выпала видная роль Дерптскому университету, который явился специальной школой молодыхъ ученыхъ. „Аэины на Эмбахѣ“ въ этотъ періодъ являлись истиннымъ культурнымъ и научнымъ центромъ, не уступавшимъ во многомъ и западно-европейскимъ университетамъ. Послѣ предварительнаго обсужденія въ комитетѣ было рѣшено (въ 1827 г.) 20 лучшихъ студентовъ отправить сначала на два года въ Дерптъ, а затѣмъ также на два года въ Берлинъ или Парижъ подъ наблюденіемъ особаго

начальника. Николай I утвердил это представление, снабдив его резолюцией: „Согласенъ, но съ тѣмъ, чтобы непремѣнно всѣ были природные русскіе“. Каждый университетъ долженъ былъ выбирать достойнѣйшихъ питомцевъ и отправлять ихъ для усовершенствованія въ особый „профессорскій институтъ“ при Дерптскомъ университетѣ. Институтъ этотъ, выпустившій рядъ выдающихся ученыхъ дѣятелей, просуществовалъ до 1838 года.

Въ то время, какъ Дерптскій университетъ процвѣталъ, университетъ Виленскій, уже давно заподозрѣнный въ крамолѣ, былъ послѣ польскаго возстанія окончательно закрытъ. Таковы главнѣйшія правительственныя мѣропріятія до введенія новаго общаго устава.

Ученый комитетъ, какъ мы упоминали выше, съ середины 20-хъ годовъ былъ занятъ разработкой проекта университетскаго устава, но лишь въ министерствѣ Уварова были сформулированы и введены въ дѣйствіе новыя установленія. Новый уставъ тѣсно связанъ съ той реформой системы народнаго образованія, которая соединена съ именемъ Уварова. И чтобы исторически изучить основы университетскаго устава, необходимо познакомиться съ общимъ направленіемъ, съ руководящими идеями дѣятельности министра народнаго просвѣщенія.

Въ эпоху Магницкаго и Рунича Уваровъ являлся своего рода либераломъ и даже „идейно“ вышелъ въ отставку, когда былъ открытъ походъ противъ Петербургскаго университета. Но въ царствованіе Николая Уваровъ явился яркимъ вы-

разителемъ и вдохновителемъ определенной правительственной политики по народному просвѣщенію. Его классическая формула—„самодержавіе, православіе и народность“ служить извѣстнымъ философскимъ обоснованіемъ новыхъ началъ, провозглашенныхъ еще манифестомъ 1826 года. Задача, поставленная министромъ, опредѣлялась такъ: „Посреди быстрого паденія религіозныхъ и гражданскихъ учреждений въ Европѣ, при повсемѣстномъ распространѣніи разрушительныхъ понятій, надлежало укрѣпить отечество на твердыхъ основаніяхъ; найти начала, въ коихъ зиждется благоденствіе, силы, составляющія отличительный характеръ Россіи и ей исключительно принадлежащія; собрать въ одно цѣлое священные остатки ея народности и на нихъ укрѣпить якорь нашего спасенія. Къ счастью, Россія сохранила теплую вѣру въ спасительныя начала, безъ коихъ она не можетъ благоденствовать, усиливаться, жить... Русскій, преданный отечеству, столь же мало согласится на утрату одного изъ догматовъ нашего православія, сколь и на похищеніе одного перла изъ вѣнца Мономахова. Самодержавіе составляетъ главное условіе политическаго существованія Россіи. Наряду съ сими двумя національными началами находится и третье, не менѣе сильное: народность... Вотъ тѣ главныя начала, которыя надлежало включить въ систему общественнаго образованія“.

Прежде всего и главнымъ образомъ реформа въ соотвѣтствующемъ направленіи коснулась высшихъ учебныхъ заведеній. Уставъ 1804 г.

уже во многомъ фактически не осуществлялся; на смѣну ему готовился новый общій уставъ. Предварительно нѣкоторые принципы, положенные въ его основу, были примѣнены при составленіи особаго устава новооткрытаго университета Св. Владимира. Самый фактъ учрежденія этого университета былъ вызванъ очень опредѣленными условіями; послѣ закрытія Виленскаго университета было рѣшено создать „русскій“ университетъ, который обслуживалъ бы нужды Юго-западнаго края и являлся бы противодѣйствіемъ польскому вліянію. Это особое положеніе вновь созданнаго университета вызвало и особый уставъ (1833 г.), который былъ введенъ въ видѣ временной мѣры на 4 г.

Основные начала — „внушенные опытомъ улучшенія“ такъ сформулированы министромъ: „судопроизводство университетское надъ своими членами уничтожено; власть попечителя и вліяніе министра опредѣлены въ ясныхъ границахъ; хозяйственная часть отдѣлена отъ учебной; поставлены строгіе экзамены для всѣхъ, допускаемыхъ къ университетскимъ лекціямъ; юридическія науки распределены по Своду законовъ; курсъ университетскій опредѣленъ на 4 года; внутренняя полиція ввѣрена особому, не изъ ученыхъ, чиновнику. Вообще все движеніе управленія внутренняго приспособлено къ видамъ правительства о точнѣйшемъ и неразрывномъ наблюдении за духомъ и ходомъ высшихъ учебныхъ заведеній“. Эти начала въ общихъ основаніяхъ были перенесены и въ общій уставъ. Университетъ потерялъ свое ученое и административное значеніе, пересталъ

быть научной академіей и главой учебнаго округа; по новому уставу онъ былъ лишь высшимъ *учебнымъ* заведеніемъ. Наряду съ этимъ особенно опредѣленно былъ подчеркнутъ *дворянско-классовый* характеръ правительственной политики. Министръ такъ выражаетъ двѣ главныя цѣли реформы 1835 года: „во-первыхъ, возвысить университетское ученіе до рациональной формы и, поставивъ его на степень, доступную лишь труду долговременному и постоянному, воздвигнуть благоразумную преграду преждевременному поступленію на службу молодежи еще незрѣлой; во-вторыхъ, привлечь въ университетъ дѣтей высшаго класса въ имперіи и положить конецъ превратному домашнему воспитанію ихъ иностранцами...“ Свобода преподаванія и академическое самоуправленіе были отринуты; вмѣсто принципа автономности былъ строго проведенъ принципъ полицейской опеки. По новому уставу чрезвычайно усилена власть попечителя, который теперь обязанъ былъ жить въ округѣ и непосредственно руководить всѣми его дѣлами. Попечитель является непосредственнымъ начальникомъ университета: „Онъ обращаетъ вниманіе на способности, прилежаніе и благоправіе профессоровъ, адъюнктовъ, учителей и чиновниковъ университета, исправляетъ нерадивыхъ замѣчаніями и принимаетъ мѣры къ удаленію неблагонадежныхъ“. Подъ его непосредственнымъ начальствомъ состоитъ инспекторъ студентовъ, назначаемый изъ военныхъ или гражданскихъ служащихъ, и его помощники. Университетъ окончательно лишается своихъ судебныхъ функцій;

всѣ инстанціи университетскаго суда упраздняются. Теряетъ, какъ мы уже указывали, университетъ и свою роль въ учебномъ округѣ въ дѣлѣ учебно-административномъ. Права и обязанности совѣта по сравненію съ уставомъ 1804 года весьма ограничены и касаются почти исключительно руководства учебной частью. Ректоръ избирается совѣтомъ изъ числа ординарныхъ профессоровъ на 4 года. Хозяйство и полицію вѣдаетъ правленіе, подчиненное непосредственно попечителю. По новому организованы факультеты, въ составѣ трехъ: философскаго, раздѣляющагося на отдѣленіе историко-филологическихъ наукъ и отдѣленіе наукъ физико-математическихъ, юридическаго и медицинскаго. Въ распредѣленіи научныхъ дисциплинъ интересно отмѣтить введеніе обязательной для всѣхъ факультетовъ кафедры богословія. Юридическій факультетъ лишается цѣлаго цикла наукъ, но зато получаетъ цѣлый рядъ специальныхъ курсовъ русскаго законодательства; на философскомъ факультетѣ учреждаются кафедры русской исторіи, исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій. Здѣсь очень ярко выступаютъ попытки культивизаціи „національнаго“, „самобытнаго“, съ одной стороны, и боязнь политическихъ и философскихъ доктринъ, съ другой. Профессора и другіе преподаватели избираются совѣтомъ, но министру предоставлено право „по собственному своему усмотрѣнію назначать въ профессора и адъюнкты на вакантныя кафедры людей, отличныхъ ученостію и даромъ преподаванія, съ требуемымъ для сихъ званій учеными степенями“. Студенты по новому уста-

ву всецѣло подчинены назначенной инспекціи, которая получаетъ большія права; вводится обязательная форма, уставъ заботится даже о „наружномъ образѣ“ учащихся, причeskѣ, манерахъ и. т. п. Таковы основныя черты новаго устава, отразившаго на себѣ господствовавшія теченія правительственной политики.

Дальнѣйшія мѣропріятія Уварова дополнили и развили провозглашенныя имъ начала. Особенно старалось правительство ограничить лицамъ низшихъ сословій доступъ въ университеты и превратить послѣдніе въ специально дворянскіе институты. Мы уже отмѣтили тѣ мѣры, которыя были приняты въ этомъ направленіи въ началѣ правленія Николая; Уваровъ дѣйствовалъ въ томъ же духѣ. Исторіографъ министерства народнаго просвѣщенія, г. Рождественскій приводитъ слѣдующія любопытныя мѣста изъ секретнаго циркуляра къ попечителямъ учебныхъ округовъ (1840 г.), въ которомъ министр рекомендуетъ при пріемѣ студентовъ обращать вниманіе на ихъ происхождение: „Хотя по сему предмету трудно положить рѣшительную границу, постановивъ твердое правило, но не менѣе того можно и слѣдуетъ руководствоваться соображеніемъ, что, при возрастающемъ повсюду стремленіи къ образованію, наступило время пещись о томъ, чтобы чрезмѣрнымъ этимъ стремленіемъ къ высшимъ предметамъ ученія не поколебать нѣкоторымъ образомъ порядокъ гражданскихъ сословій, возбуждая въ юныхъ умахъ порывъ къ пріобрѣтенію роскошныхъ знаній, практическое приложеніе коихъ впоследствии весьма часто не подтвер-

ждаясь успѣхомъ, обманываетъ надежды недостаточныхъ родителей и мечтательныя ожиданія юношей“. Большинство попечителей согласилось съ министромъ и предложило рядъ ограничительныхъ мѣръ; лишь попечитель Казанскаго округа и, особенно, московскій попечитель графъ Строгановъ энергично высказались противъ всякихъ стѣсненій. Всесильный министръ старался однако проводить свои начинанія „при дѣйствіи подобныхъ мѣръ, тихихъ, негласныхъ, облеченныхъ лишь формой министерскихъ распоряженій...“

Самой цѣлесообразной мѣрой въ этомъ отношеніи министръ считалъ увеличеніе платы. Указывая въ докладѣ императору, „что въ высшихъ и среднихъ заведеніяхъ, очевидно, умножается приливъ молодыхъ людей, отчасти рожденныхъ въ низшихъ слояхъ общества, для которыхъ высшее образованіе бесполезно, составляя лишнюю роскошь и выводя изъ круга первобытнаго состоянія, безъ выгоды для нихъ и государства“, министръ ходатайствуетъ о повышеніи размѣра платы за ученіе. Николай I вполне одобрилъ предположенія и еще увеличилъ цифры. Изъ другихъ мѣропріятій, направленныхъ къ той же цѣли, слѣдуетъ указать на требованіе отъ дѣтей купцовъ и мѣщанъ увольнительныхъ отъ обществъ свѣдѣтельствъ, на запрещеніе принимать въ университеты вольноотпущенныхъ, не приписанныхъ къ податному состоянію и. т. п. Все это даетъ намъ представленіе о правительственныхъ попыткахъ создать дворянско-бюрократическую школу. Русскіе профессора должны были читать русскую науку русскимъ дворянамъ; симво-

ломъ этого министерскаго идеала являлась теорія „официальной народности“. Въ 1843 году Уваровъ, подводя итоги десятилѣтняго управленія министерствомъ, съ чувствомъ гордости и нравственнаго самоудовлетворенія замѣчаетъ: „Русскіе университеты, преобразованные въ духѣ и формѣ преподаванія, составляютъ нѣчто цѣлое, которое соотвѣтствуетъ требованіямъ времени и видамъ правительсва“.

Мы разсматривали до сихъ поръ отношенія правительственной власти къ университетамъ; теперь намъ надо перейти къ другимъ поставленнымъ вопросамъ — вопросу объ отношеніи общества къ разсадникамъ высшаго образованія и связанному съ нимъ вопросу о культурно-общественномъ влияніи университета на общество. Въ эпоху Александра I, какъ мы уже указывали, общество довольно пассивно относилось къ русскимъ университетамъ (наиболѣе передовые слои общества попрежнему предпочитали заграничное образованіе), и сами университеты „на зарѣ своего существованія“ еще не могли пустить корней, не могли въ полной мѣрѣ выполнять свою миссію. Въ изучаемый періодъ общая картина сильно мѣняется. Общество въ лицѣ своей интеллигенціи, насильственно разобщенное съ образовательными центрами Западной Европы, концентрируетъ свои силы и воспринимаетъ научное и общественное воспитаніе въ русскомъ университетѣ. Декабристы были послѣдними борцами, получившими воздѣйствія непосредственно съ Запада; вся послѣдующая освободительная борьба въ основныхъ ея фазисахъ тѣсно связана съ русскими университетами.

Въ мрачный періодъ Николаевского царствования, когда Россія должна была представлять ровную и однообразную пустыню, устроенную военно-жандармскими средствами, университеты являлись рѣдкими и высоко цѣнными культурными оазами. Среди темной ночи они свѣтили путеводными огнями, въ сонномъ царствѣ они неустанно пробуждали общественную мысль и общественное сознание.

Особенно велика роль, которая выпала на долю „старѣйшаго“—Московского университета. Въ теченіе 30-хъ и 40-хъ годовъ онъ группировалъ вокругъ себя кадры русской интеллигенціи, онъ диктовалъ общественныя лозунги и руководилъ культурной дѣятельностью. Дѣятельность Грановскаго, жизнь московскихъ кружковъ, начало критической дѣятельности Бѣлинскаго и первые шаги публицистической дѣятельности Герцена—все это яркое и типичное для интересующей насъ эпохи связано съ Московскимъ университетомъ. Уже въ 30-хъ годахъ, когда „новые“ профессора, представители новыхъ взглядовъ, встрѣчались еще единицами (упомянемъ здѣсь о профессорахъ Павловѣ и Надеждинѣ), университетъ оказывалъ громадное вліяніе на молодежь. Для характеристики тогдашняго настроенія достаточно вспомнить восторженные страницы изъ „Былого и Думъ“ Герцена. Около университета группировались кружки, которые сыграли такую крупную роль въ исторіи нашего общественнаго и литературнаго развитія; особенно выделялись кружки Станкевича и Герцена. Передовое студенчество изучало здѣсь новѣйшую нѣмецкую фи-

лософію, знакомилось съ великими завоеваніями социалистической мысли и, естественно, обращало вниманіе на „проклятые вопросы“ окружающей дѣйствительности. Еще недавно прогремѣло декабрьское вооруженное возстаніе, и молодежь жаждала идти по слѣдамъ Рылѣева и Пестеля. Самъ университетъ, научно-образовательный центръ прежде всего, создавалъ извѣстное общественное настроеніе. Герценъ такъ выражаетъ эту мысль: „Съ другой стороны, научный интересъ не успѣлъ еще выродиться въ доктринаризмъ; наука не отвлекала отъ вмѣшательства въ жизнь, страдавшую вокругъ. Это сочувствіе съ нею необыкновенно поднимало *гражданскую* нравственность студентовъ. Мы и наши товарищи говорили въ аудиторіи открыто все, что приходило въ голову; тетради *запрещенныхъ* стиховъ ходили изъ рукъ въ руки, запрещенныя книги читались съ комментаріями...“ Но чувства общественнаго протеста не могли еще долго вылиться въ опредѣленныя формы; окружающія условія разбивали въ корнѣ всѣ теоріи.

Однако, уже въ эту раннюю пору исторіи студенчества оно отдало свою дань и начало мартирологъ университетскихъ борцовъ за свободу. Въ 1833 году преданъ былъ суду кружокъ Сунгурова, обвиненный въ *намѣреніи* составить тайное общество, въ преступныхъ разговорахъ; за это члены кружка, какъ бы предваря будущую участь своихъ потомковъ—товарищей 90-хъ годовъ, были сданы въ солдаты и отправлены въ Оренбургъ. Еще серьезнѣе было дѣло въ Киевскомъ университетѣ, гдѣ въ 1837—38 гг. были обнаружены слѣды

польской революціонной пропаганды; университетъ былъ закрытъ, и всѣ студенты уволены. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ университетъ былъ открытъ, но, какъ замѣчаетъ историкъ университета проф. Владиміръ-Будановъ, „университетъ вышелъ изъ тяжкаго состоянія не безъ громад-ныхъ потерь; онъ лишился половины своихъ преподавателей и почти всѣхъ студентовъ“.

40-ые годы составляютъ эпоху въ исторіи нашего общества. Съ этимъ знаменательнымъ періодомъ связаны представленія о тѣхъ раннихъ стадіяхъ общественнаго движенія, о тѣхъ гуманистическихъ началахъ, которыя предваряли и въ извѣстной степени подготавливали послѣдующія времена „бури и натиска“; 40-ые годы были „весеннимъ“ періодомъ въ исторіи нашей дворянской интеллигенціи. Въ 40-ые годы были заложены и прочныя фундаменты истинно-научнаго знанія: съ этого времени можно говорить о началѣ самостоятельной университетской науки, о правильномъ ходѣ занятій. Вспомнимъ, что въ эту эпоху выступили Грановскій и Кудрявцевъ, Буслаевъ и Тихонравовъ, С. Соловьевъ, Кавелинъ, Пироговъ и мн. др. Новые профессора выступили не только „учителями наукъ“, но несли и общественную миссію. „Наши профессора, — говоритъ Герценъ, — привезли съ собой... горячую вѣру въ науку и людей; они сохранили весь пылъ юности, и кафедры для нихъ были свѣтлыми наоями, съ которыхъ они были призваны благовѣстить истину; они являлись въ аудиторіи не цеховыми учеными, а миссіонерами человѣческой религіи“. Первое по вліянію мѣсто зани-

маетъ имя, которымъ всегда будетъ гордиться Московскій университетъ — имя Грановскаго, профессора - гуманиста.

Грановскій на кафедрѣ былъ учителемъ и воспитателемъ университетской молодежи, Грановскій въ общественной дѣятельности, на публичныхъ лекціяхъ былъ учителемъ и воспитателемъ русскаго образованнаго общества. Въ 40-ые годы онъ — историкъ „минувшаго“ — былъ глашатаемъ высшихъ идеаловъ настоящаго, свое знаніе прошлаго онъ примѣнялъ къ врачеванію недуговъ современности... „Грановскій, — говоритъ проф. Ключевскій, — преподавалъ науку о прошедшемъ, а слушатели выносили изъ его лекцій вѣру въ свое будущее — ту вѣру, которая свѣтила имъ среди самыхъ безпросвѣтныхъ ночей нашей жизни“. Грановскій былъ трибуномъ московскаго общества; Грановскій былъ классическимъ представителемъ русской либеральной интеллигенціи въ эпоху ея „весны“. Культурное вліяніе съ Грановскимъ раздѣляли его другъ и товарищъ по кафедрѣ Кудрявцевъ; блестящій и талантливый историкъ, мастерски воспроизводившій картины прошлаго, онъ сердечно болѣлъ настоящимъ и ушелъ въ раннюю могилу, оставивъ яркій слѣдъ въ душахъ своихъ слушателей и учениковъ. Научное вліяніе съ этими двумя историками дѣлится выдающійся ученый, знаменитый авторъ „Исторіи Россіи“ С. М. Соловьевъ, положившій начало цѣлой школѣ, плодотворно разработавшій исторію нашей родины. Мы не будемъ говорить здѣсь о другихъ научныхъ дѣятеляхъ, только повторимъ, что въ эту эпоху расцвѣта Мо-

сковскій университетъ ими не оскудѣвалъ.

Культурная и общественная миссія университета встрѣчала гармоническое созвучіе въ настроеніи передовыхъ слоевъ общества, которые видѣли въ немъ вождя и руководителя. Каждое университетское начинаніе находило горячій откликъ; достаточно указать, что публичные лекціи Грановскаго были въ буквальномъ смыслѣ слова „историческимъ событіемъ“. Но передовыхъ борцовъ было еще мало; массы молчали, погруженные въ тяжелый сонъ подъ опекой самодержавно-полицейскаго государства. И часто становилось жутко и страшно отъ окружающаго, представлялось, что трудно разбудить и заставить дѣйствовать русское общество. Въ одномъ письмѣ Грановскій пишетъ: „Окружающее меня здѣсь не радостно. Въ университетѣ у насъ есть движеніе, жизнь, но въ этой жизни есть что-то искусственное. Студенты занимаются хорошо, пока не кончили курса; по выходѣ изъ университета лучшіе изъ нихъ, тѣ, которые подавали наиболѣе надеждъ, пошлѣютъ и теряютъ участіе къ наукѣ и ко всему, что выходитъ изъ круга такъ называемыхъ *положительныхъ* интересовъ. Ихъ губитъ *материализмъ* и безнравственное равнодушіе нашего общества. Вотъ почему университетская жизнь кажется мнѣ искусственно оторванной отъ остальнаго русскаго общества“. Здѣсь Грановскій ярко обрисовалъ аморфное состояніе общества въ его массахъ и въ то же время, несмотря на пессимистическій тонъ, указалъ на особое положеніе университета. Университеты были

оазисами, но все же живительной влагой они снабжали окружающее; немолчная проповѣдь ихъ лучшихъ представителей разбивала мало-помалу апатію общества, его „безнравственное равнодушіе“.

Новый періодъ въ исторіи университетовъ начинается съ эпохи 1848 г. Февральскія и мартовскія бури „безумнаго“ года, которыя потрясли многіе троны, сильно подѣйствовали на воображеніе русскаго самодержавнаго правительства. Цѣлый рядъ мѣръ принимается къ тому, чтобы окончательно изолироваться отъ „тлетворнаго“ вліянія Запада. Уваровъ, какъ и въ былые годы, снова оказался „либераломъ“ и долженъ былъ очистить мѣсто. Въ 1849 году по высочайшему повелѣнію число своекоштныхъ студентовъ (за исключеніемъ медицинскаго факультета) было ограничено 300; запрещены были поѣздки съ научной цѣлью за границу и велѣно было преподавателямъ (въ цѣляхъ лучшаго надзора за ихъ направленіемъ) представлять въ Публичную бібліотеку литографированные курсы лекцій за своей подписью.

Въ началѣ 1850 года былъ снова поднятъ вопросъ объ увеличеніи платы, чтобы ограничить доступъ лицамъ низшихъ сословій. Новый министръ народнаго просвѣщенія князь Ширинскій-Шихматовъ по этому поводу варьируетъ мысли Уварова: „Лица низшаго сословія, выведенныя посредствомъ университетовъ изъ природнаго ихъ состоянія, не имѣя по большей части никакой недвижимой собственности, но слишкомъ много мечтающаго о своихъ способностяхъ и свѣдѣніяхъ, гораздо чаще дѣлаются людьми безпокойными и

недовольными настоящимъ положеніемъ вещей, особливо если не находятъ пищи своему чрезъ мѣру возбужденному честолюбію или встрѣчаютъ на пути къ возвышенію непредвидѣнныя преграды“. Правительство также, обративъ вниманіе на то, что многіе молодые люди по окончаніи курса не поступаютъ на службу, но остаются въ столицахъ и принимаютъ участіе въ газетахъ и журналахъ,—открыло для кандидатовъ университета двери всѣхъ казенныхъ канцелярій.

Большимъ ограниченіямъ и урѣзкамъ подвергается выборное начало въ университетахъ. Особымъ указомъ сенату предписано ректоровъ всѣхъ университетовъ, кромѣ Дерптскаго, назначать министру изъ лицъ, имѣющихъ ученую степень, на неопрѣдѣленное время. Избраніе декановъ оставлено было попрежнему на 4 года, но министру дано было право „продолжать пребываніе профессоровъ въ этомъ званіи и увольнять отъ онаго прежде срока, по своему усмотрѣнію“ и представлять о назначеніи декановъ „независимо отъ университетскихъ выборовъ“ (такъ, одно время деканомъ не былъ утвержденъ Грановскій). На обязанности ректора и декановъ лежало строго слѣдить за университетскими курсами профессоровъ, подробные конспекты которыхъ должны были разсматриваться и одобряться совѣтами. При разсмотрѣніи этихъ программъ ставились условія, близко напоминающія намъ эпоху Магницкаго: а) чтобы предметъ изложенъ былъ въ полнотѣ сообразно съ потребностью университетскаго чтенія; б) чтобы, какъ общія начертанія,

такъ и отдѣльныя статьи программы строго соотвѣтствовали и ученой и нравственной цѣли; в) чтобы въ содержаніи программы не укрывалось ничего несогласнаго съ ученіемъ православной церкви, или съ образомъ правленія и духомъ государственныхъ учреждений нашихъ и г) чтобы, напротивъ, ясно и положительно выражались вездѣ, гдѣ только сіе правило можетъ имѣть разсудительное приложеніе, благоговѣніе къ святымъ, преданность государю и любовь къ отечеству“.

Въ „Наставленіи ректору и деканамъ юридическаго и перваго отдѣленія философскаго факультета“ предписывается обратить самое бдительное вниманіе на тѣ предметы, „которыхъ изложеніе, по предосудительному духу настоящаго времени, можетъ подавать неблагонамѣренности болѣе случаевъ ко внушенію молодымъ людямъ неправильныхъ и превратныхъ понятій о предметахъ политическихъ. Таковы, на примѣръ, государственное право, политическая экономія, наука о финансахъ и всѣ вообще историческія науки, возможность злоупотребленія коихъ не подлежитъ сомнѣнію“. Особенное безпокойство правительству доставляетъ быстрый ростъ социалистическихъ ученій; правительство усиленно старается оградить университетъ отъ этихъ „разрушительныхъ“ вліяній. Весьма характеренъ въ этомъ отношеніи пунктъ пятый разбираемаго наставленія, который гласитъ слѣдующее: „Въ ректорѣ и деканахъ предполагается ясное понятіе о возникшихъ въ наше время, преимущественно во Франціи, разныхъ политико-экономическихъ системахъ, ка-

ковы сентъ-симонисты, фурьеристы, социалисты и коммунисты, въ особенности о двухъ послѣднихъ, имѣющихъ столь важную роль въ современныхъ событіяхъ на западѣ Европы. Основная мысль ихъ, какъ извѣстно, есть достиженіе всѣми возможными средствами безусловнаго равенства. Объявивъ непримиримую войну всему, что возвышается надъ безземельною и бездомною чернью, коммунизмъ нагло подводитъ подъ свой желѣзный уровень всѣ состоянія, съ уничтоженіемъ всякихъ отличій породы, заслугъ, богатства и даже ума. Слѣдя внимательно за развитіемъ столь гибельнаго и, по несчастію, преуспѣвающаго мнѣнія въ Европѣ, ректоръ и деканы будутъ тщательно отсѣкать въ разсматриваемыхъ ими программахъ и воспрещать въ устномъ преподаваніи съ кафедръ все, что можетъ даже и косвенно содѣйствовать къ распространенію у насъ этихъ разрушительныхъ началъ или служить имъ нѣкоторой опорой. Къ сему относятся разсужденія, имѣющія цѣлью унизить достоинство и пользу какого бы то ни было сословія въ государствѣ или поколебать установленныя законами отношенія между разными состояніями, двусмысленные или сомнительные намеки насчетъ несбыточныхъ теорій объ общности капиталовъ и недвижимыхъ имуществъ, однимъ словомъ, всякаго рода попытки притязанія пролетаріевъ къ общественной и частной собственности“. Въ пунктѣ шестомъ этого любопытнаго документа мы находимъ запрещеніе касаться отношеній между крестьянами и помѣщиками. Особый циркуляръ устанавливалъ строгій над-

зоръ надъ спеціальными учеными изслѣдованіями—диссертаціями. Реформа коснулась и преподаванія научныхъ дисциплинъ; нѣкоторыя кафедры были совсѣмъ уничтожены. Въ 1849 году предписано было приостановить преподаваніе государственнаго права, мотивируя это тѣмъ, „что при настоящемъ еще довольно шаткомъ состояніи Западной Европы весьма затруднительно положить опредѣленные границы этой науки...“

Въ 1850 году была упразднена кафедра философіи, а чтеніе логики и психологіи было поручено профессорамъ богословія. Съ другой стороны, дѣлались попытки созданія своей, самобытной „русской“ науки. Въ 1850 году Грановскій получаетъ порученіе составить планъ учебника всеобщей исторіи, при чемъ министръ народнаго просвѣщенія, мотивируя свое предложеніе, указываетъ на существенную потребность „въ хорошемъ руководствѣ къ изученію всеобщей исторіи, написанной въ русскомъ духѣ и съ русской точки зрѣнія“.

Таковы были главнѣйшія правительственныя мѣропріятія въ концѣ 40-хъ и началѣ 50-хъ годовъ. Въ провинціальныхъ университетахъ (въ Харьковскомъ съ 1846 г.) власть попечителя перешла въ руки генералъ-губернаторовъ. Такимъ образомъ, была окончательно установлена военно-полицейская диктатура надъ просвѣщеніемъ.

Правленіе Николая I заканчивалось; при немъ самодержавный режимъ достигъ кульминаціоннаго пункта своего развитія. Все было подавлено гнетомъ абсолютизма, надъ всѣмъ простиралась жандарм-

ская опека. Но уже въ средѣ общества начинается броженіе, наступаетъ медленное пробужденіе отъ долгаго сна... Университеты и ихъ представители сдѣлали въ этомъ направленіи свое дѣло. Изнуренные борьбой послѣднихъ лѣтъ, они про-

должали высоко нести свое просвѣтительное и общественное знамя. Таково было соотношеніе силъ, когда разразилась Восточная война и, когда подъ Севастополемъ абсолютистическому строю былъ нанесенъ сильный ударъ.

ГЛАВА XI.

Русская литература до Пушкина.

(П. Н. Санулина).

Въ теченіе всей первой половины XIX в. наша литература была въ рукахъ главнымъ образомъ *средняго дворянства*. Экономическое и общественно-политическое развитіе Россіи совершалось съ такою медленностью, что за цѣлое полстолѣтіе сословно-классовый составъ нашего „общества“ не испыталъ сколько-нибудь существенныхъ переменъ. Тонъ жизни неизмѣнно даетъ помѣщикъ, дворянинъ и рабовладѣлецъ, социальное-экономическимъ антагонистомъ котораго является крѣпостной мужикъ.

Дворянское происхожденіе литературы, естественно, должно было наложить извѣстный отпечатокъ какъ на формы, такъ и на сущность нашего литературнаго развитія. Очень долгое время литература была какъ бы принадлежностью культурнаго комфорта; писатели далеко не часто видѣли въ своихъ занятіяхъ профессію, а просто, въ часы досуга „упражнялись“ въ сочинительствѣ. Это въ значительной степени лишало литературу того общественнаго значенія, которое по праву должно было принадлежать ей, придавало ей ха-

рактеръ чего-то внѣшняго, случайнаго. Историкамъ литературы подчасъ приходится серьезно недоумѣвать, какъ могло возникнуть то или другое „теченіе“ русской литературы: столь ничтожна иногда бывала связь литературнаго явленія съ органическими процессами жизни. Эта черта прекрасно гармонируетъ съ экзотическимъ характеромъ всей дворянской культуры, особенно въ XVIII вѣкѣ.

Писатель-дворянинъ, уже въ силу своей барской психологіи, обнаруживалъ склонность къ эстетизму, къ сантиментально-романтической мечтательности, къ мягкости тоновъ, ко всему, въ чемъ сказывалась его холемая душа, пропитанная впечатлѣніями деревенской усадьбы или аристократическаго салона съ его утонченными вкусами.

Наконецъ, въ смыслѣ идейнаго содержанія, дворянской литературѣ, конечно, свойственно было отражать міросозерцаніе своего сословія, даже временами идеологію своего класса. И въ Александровскую и въ Николаевскую эпохи извѣстная часть

нашей литературы сознательно поддерживала идеологию крепостниковъ и монархистовъ, которая получила такое классическое выражение въ знаменитой формулѣ „официальной народности“.

Рядомъ съ этимъ однако мы должны тотчасъ же подчеркнуть крупный фактъ, что уже во второй половинѣ XVIII в. русское общество выдѣлило изъ своей среды ту *интеллигенцію*, которая, обладая сравнительно широкимъ умственнымъ кругозоромъ, можетъ, по выражению Каутскаго, „подняться надъ классовой и сословной ограниченностью, способна чувствовать себя выше интересовъ минуты и эгоизма, умѣетъ видѣть и защищать постоянныя потребности общества въ его цѣломъ“. Это тѣ новаторы, о которыхъ Бельтовъ (Плехановъ) говорить, что они „раньше и лучше другихъ предвидяты тѣ перемѣны, которыя должны совершиться въ общественныхъ отношеніяхъ“.

Въ Екатерининскую эпоху средоточіемъ подобной интеллигентной группы были Новиковъ и Шварцъ.

Постепенно ряды интеллигенціи пополнялись разночинцами. Уже въ Николаевскую эпоху среди писателей мы видимъ такихъ типичныхъ разночинцевъ, какъ Надеждинъ, Погодинъ, Полевой, Бѣлинскій. Дѣятелями литературы все болѣе и болѣе становятся представители внѣсословной и внѣклассовой интеллигенціи; такимъ же характеромъ въ значительной степени отличается и ихъ „идеологія“. Литература дѣлается органомъ общественнаго самосознанія, беретъ подъ свою защиту права крепостного народа, отстаиваетъ идеи общественной и личной свободы противъ реакціонной части самого общества и правительства, которому, по условіямъ нашей государственности, всегда принадлежала чрезвычайно видная роль въ ходѣ русской жизни и въ судьбахъ русской литературы.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній обратимся къ характеристикѣ русской литературы до Пушкина и прежде всего посмотримъ, что получилъ XIX вѣкъ въ наслѣдство отъ XVIII.

1.

Итоги Екатерининской эпохи.

Литература *Екатерининской эпохи* отличается большимъ оживленіемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и немалой пестротой, почти калейдоскопичностью.

Ложноклассицизмъ еще сохраняетъ свою величавую осанку и не думаетъ выходить въ отставку. Екатерининская эпоха, когда дворянство окончательно конституируется, какъ привилегированный классъ, пред-

ставляла еще слишкомъ много данныхъ для процвѣтанія той литературы, которая, по выраженію Тредьяковскаго, говоритъ „языкомъ двора, благоразумнѣйшихъ министровъ, премудрѣйшихъ священноначальниковъ и знатнѣйшаго дворянства“. Но, несмотря на это, ортодоксальный классикъ съ грустью могъ констатировать упадокъ „истиннаго вкуса“, попытки сбросить съ литературнаго

творчества ярмо односторонней теории, осложнить форму и содержание литературы новыми элементами, которые придали бы ей больше гибкости, чуткости и приблизили бы ее к действительной жизни. Крылов в своей восточной повести „Каибъ“ (1792 г.), И. И. Дмитриев в сатире „Чужой толкъ“ (1795), журнал Новикова „Живописецъ“ и др. зло и остроумно высмѣиваютъ одописцевъ и авторовъ фальшивыхъ эклогъ. Писатели, въ родѣ имп. Екатерины и Державина, позволяютъ себѣ пренебрегать „театральными“ и иными правилами ложноклассического кодекса. Ясно обнаруживается тенденція демократизировать и гуманизировать литературу. Широкое распространение получаютъ у насъ разнообразные отголоски европейскаго сантиментализма, не исключая и буржуазной драмы. Русскій переводчикъ драмы Дидро „Побочный сынъ“ объявляетъ неразумнымъ „предразсужденіемъ“ то мнѣніе, что „несчастія однихъ только знатныхъ людей, героевъ, завоевателей имперій, или разорителей многихъ народовъ заслуживаютъ общую чувствительность, а участь прочихъ добрыхъ людей нашего вниманія недостойна и никакихъ впечатлѣній у насъ произвести не можетъ“. Часть екатерининской литературы приобретаетъ народническую окраску. Народничество это еще носить всѣ черты наивнаго сантиментализма и условности, тѣмъ не менѣе оно является характернымъ симптомомъ эпохи. Наконецъ, въ томъ же періодѣ мы видимъ рядъ интересныхъ попытокъ дать реальное воспроизведеніе русской жизни какъ въ консервативно-

націоналистическомъ освѣщеніи, такъ и въ прогрессивномъ. Наибольшей идейной высоты это теченіе достигаетъ въ сатирической журналистикѣ (особенно въ журналахъ Новикова), въ комедіи (особенно у Фонвизина) и въ знаменитомъ „Путешествіи изъ Петербурга въ Москву“ Радищева. Идеалы европейскаго, преимущественно французскаго XVIII вѣка, болѣе или менѣе прочно были усвоены лучшими представителями русской общественной мысли и послужили имъ критеріемъ для отрицательной оцѣнки разныхъ сторонъ русской жизни, въ частности крѣпостного права.

Какъ видимъ, Екатерининская литература, представляетъ интересную, но еще нестройную картину броженія, какимъ неизмѣнно сопровождаются всѣ поворотные моменты культурной исторіи. Пыпинъ былъ во многомъ правъ, когда утверждалъ, что „было бы преувеличеніемъ говорить о какихъ-либо опредѣленныхъ литературныхъ направленіяхъ въ Екатерининское время“. Закономѣрный, органический ростъ литературы затруднялся тѣмъ, что въ самомъ общественномъ строѣ еще отсутствовалъ прочный матеріальный центръ для этого развитія. Твердое ядро интеллигенціи, видѣвшей въ литературѣ серьезное средство для поднятія общественнаго самосознанія, едва оформливалось. Выдающимся, но въ сущности единственнымъ примѣромъ организаціи интеллигентныхъ силъ для общей работы былъ кружокъ Новикова—Шварца. Даже Радищевъ въ свое время стоялъ особнякомъ. Писатели обычно выступаютъ, какъ разрозненные единицы. Съ другой стороны, читателей все

еще поставляет главнымъ образомъ дворянская среда. Правда, есть извѣстія о томъ, что нарождается читатель изъ мѣщанъ и купцовъ, но вліятельная роль этого читателя еще далеко впереди.

Если, такимъ образомъ, трудно говорить о строго опредѣленныхъ „школахъ“, все же очевидно, что русская литература Екатерининскаго періода уже вышла изъ коснаго состоянія, и передъ нами уже отчетливо вырисовываются контуры будущихъ литературныхъ кристаллизацій.

Реакція Екатерины II и Павла I тяжело отозвалась на положеніи еще неокрѣпшей литературы. Многіе писатели и при томъ, разумѣется, наиболѣе талантливые (какъ Новиковъ, Радищевъ) были выхвачены изъ строя. Литература была обезсилена. Живые ростки болѣе прогрессивныхъ теченій начали глхнуть въ сухой, безплодной почвѣ, и черезъ границу XVIII в. безпрепятственно могли перекинуть свои цѣпки вѣтви только сентиментализмъ и классицизмъ.

2.

Идейныя настроенія въ Александровскую эпоху.

Въ царствованіе императора *Александра I* русская жизнь испытала рядъ могучихъ толчковъ. Внутренняя политика правительства, либеральнаго вначалѣ и реакціоннаго потомъ, участіе Россіи въ грандіозныхъ европейскихъ событіяхъ—все это поддерживало русское общество въ состояніи напряженія, направляло мысль въ сторону большихъ вопросовъ жизни, сильно возбуждая интересъ къ общественно-политическимъ проблемамъ.

Либерализмъ снова попробовалъ поднять свою голову. Оказалось, что идейная традиція не окончательно погибла въ русскомъ обществѣ. Живымъ воплощеніемъ этой традиціи былъ *А. Н. Радищевъ*.

Имп. Павелъ въ 1796 г. возвратилъ его изъ ссылки, и до 1801 г. онъ жилъ въ своемъ имѣніи Нѣмцовѣ (Калужской губ., въ 2 верст. отъ Малоярославца). Несмотря на свои преклонные годы и распатанное здоровье, Ра-

дищевъ продолжалъ свои литературныя занятія и, какъ видно изъ статьи „Описаніе моего владѣнія“, не забылъ своихъ взглядовъ на крѣпостное право, отъ которыхъ онъ вынужденъ былъ отказаться передъ императрицей. Въ 1801 г. Радищевъ назначается членомъ комиссіи сочиненія законовъ. Тѣ свѣдѣнія, которыми мы располагаемъ относительно его дѣятельности въ комиссіи, позволяютъ намъ сдѣлать заключеніе, что она носила оппозиціонный характеръ и была достойна автора „Путешествія“. Однажды комиссіи пришлось разбирать „казусное“ дѣло о вознагражденіи помѣщика Трухачева, у котораго крестьянами другого помѣщика была убита крѣпостная женщина. Комиссія присудила взыскать въ пользу Трухачева 100 рублей. Радищевъ не могъ присоединиться къ такому постановленію и свой взглядъ выразилъ въ запискѣ „О цѣнахъ за людей убиенныхъ“. „Цѣны человѣку убитому,

умышленно или неумышленно, определить не можно“,—говорилъ Радищевъ: „Мы не войдемъ въ исчисленіе такихъ цѣнъ, опредѣляемыхъ помѣщикомъ за убіенныхъ и ему принадлежащихъ людей: цѣна крови человѣческой не можетъ быть опредѣлена деньгами“. Мало того, авторъ записки не можетъ не подчеркнуть несоотвѣстствія между „закономъ“ и „общимъ умоначертаніемъ“: „Исполнскіе шаги въ образованіи руссійскаго государства и народовъ, въ немъ обитающихъ, перемѣнивъ общее умоначертаніе, даютъ вещамъ новый видъ, и то, что существуетъ хотя законно, производятъ иногда нѣкоторый родъ невольнаго въ душѣ отвращенія, и чувствительность терпитъ отъ того, что законъ почитаетъ правильнымъ“. Свободомысліе Радищева не нравилось предсѣдателю комиссіи, гр. Завадовскому, и нѣкоторымъ ея членамъ, и Завадовскій, какъ разсказываютъ, весьма недвусмысленно напомнилъ неисправимому прогрессисту о существованіи Сибири. Эта угроза, вѣроятно, въ связи съ другими причинами, на которыя намекаютъ сыновья Радищева, заставила его покончить жизнь самоубійствомъ (въ 1802 г.).

Идеи Радищева нашли себѣ сочувственный откликъ въ кружкѣ *Ивана Петровича Пнина*, перваго предсѣдателя „Вольнаго Общества любителей словесности, наукъ и художествъ“, членами котораго между прочимъ были и сыновья Радищева; нѣкоторое отношеніе къ обществу имѣлъ и Батюшковъ, не перестававшій до конца питать серьезное уваженіе къ автору „Путешествія“. Воспитанный на идеяхъ XVIII в., Пнинъ былъ убѣжденнымъ поклонникомъ

Радищева, и смерть послѣдняго была настоящимъ горемъ для Вольнаго Общества. Въ прочувствованномъ стихотвореніи Пнинъ оплакалъ человѣка,

Кто къ счастью велъ путемъ свободы,
.....
Кто столько жертвовалъ собою
Не для своихъ, но общихъ благъ,
Кто былъ отечеству сынъ вѣрный,
Былъ гражданинъ, отецъ примѣрный,
И смѣло правду говорилъ...

Пнинъ хотѣлъ писать и дѣйствовать въ духѣ Радищева. Онъ воспѣвалъ человѣка, „царя вселенной“, „зиждителя-человѣка“, скорбѣлъ о рабствѣ и призывалъ раба сбросить съ себя цѣпи.

Когда бъ позналъ свою рабъ должность,
Спросилъ природу, разсмотрѣлъ,—
Кто бѣдствій всѣхъ его виною?—
Тогда бы тою же рукою
Сорвалъ онъ цѣпи, что надѣлъ.

Необходимо водворить въ жизни „правосудіе“, т. е. правовой гражданскій порядокъ, обезпечивающій „духъ зиждительной свободы“. Не раздѣляя социальныхъ мечтаній о всеобщемъ равенствѣ и свободѣ, видя въ этихъ идеяхъ дѣтище революціи, „исчадіе раздоровъ“, Пнинъ пытается по своему освѣтить нужды Россіи въ книгѣ „Опытъ о просвѣщеніи относительно къ Россіи“ (1804 г.), написанной по поводу правительственнаго проекта организаціи дѣла просвѣщенія. Чтобы просвѣщеніе принесло ожидаемую пользу, говорилъ Пнинъ, слѣдуетъ, во-первыхъ, его постановку привести въ соотвѣтствіе съ общественнымъ строемъ, съ потребностями и особенностями отдѣльныхъ сословій (земледѣльческаго, мѣщанскаго, дворянскаго

и духовнаго) и, во-вторыхъ, слѣдуетъ озаботиться поднятіемъ матеріальнаго благосостоянія сословій. Экономическое благополучіе находится въ зависимости отъ того, насколько обезпечены права собственности и личная неприкосновенность гражданъ. „Собственность—священное право, душа общежитія, источникъ законовъ! Гдѣ ты уважаена, гдѣ ты неприкосновенна, тамъ только спокоенъ и благополученъ гражданинъ. Но ты бѣжишь отъ звука цѣпей, ты чуждаешься невольниковъ. Права твои не могутъ существовать ни въ рабствѣ, нивъ безначаліи: ты обитаешь только въ царствѣ законовъ“. Въ этихъ словахъ довольно полно выразился весь общественный идеалъ Пнина. Роковымъ противорѣчіемъ этому идеалу было величайшее беззаконіе—крѣпостное право, и Пнинъ желалъ освобожденія крестьянъ съ землею, чтобы и крестьянамъ законъ обезпечилъ гражданскія права и въ томъ числѣ право на собственность. Второе издание книги Пнина уже не было пропущено цензурой.

Міровоззрѣніе Пнина не отличается той широтой идейнаго захвата, которой мы удивляемся у Радищева, но, несомнѣнно, въ лицѣ Пнина и его друзей, членовъ Вольнаго Общества любителей словесности, наукъ и художествъ, мы имѣемъ живое звено, соединяющее александровскую интеллигенцію съ интеллигенціей Екатерининской эпохи, особенно съ Радищевымъ.

Цѣлый рядъ другихъ фактовъ, позволяющихъ думать, что *идеи французскаго XVIII в.* не утратили своего вліянія на русскіе умы и въ новомъ

столѣтіи. Францію, какъ писалъ одинъ современникъ въ 1800 г., русскіе привыкли считать „убѣжищемъ свободы и разума, очагомъ священнаго огня, гдѣ они нѣкогда зажгутъ свѣтильникъ, долженствующій освѣтить ихъ сумрачное отечество“. Дм. Языковъ въ 1809—14 гг. обогащаетъ русскую литературу своимъ переводомъ книги Монтескье „О существѣ законовъ“; по инициативѣ правительства переводятся книги Делольма „La constitution de l'Angleterre“ и Кондорсе „Bibliothèque de l'homme publique“; въ рукахъ Рылѣева были не только Бентамъ, но и Руссо съ Вольтеромъ и т. д.

Мысль и творчество французовъ продолжаютъ сохранять притягательную силу, и въ нашей литературѣ наряду съ старыми именами мелькаютъ и новыя, преимущественно французскихъ романтиковъ: Ламартина, Шатобріана, В. Гюго и др.

Вмѣстѣ съ этимъ усиливаются *нѣмецкое и англійское вліянія*. Русскую молодежь мы видимъ въ Лейпцигѣ и Геттингенѣ. Тамъ „подъ небомъ Шиллера и Гете“, она воспитывается свои „вольнлюбивыя мечты“. Именно въ Геттингенѣ Ник. Ив. Тургеневъ писалъ свое сочиненіе „Опытъ теоріи налоговъ“, настойчиво проводящее самую завѣтную мысль автора о необходимости освобожденія крестьянъ, ибо „благоустроенное государство не должно созидать благоденствія на несправедливости: угнетеніе одного класса гражданъ другимъ не можетъ быть залогомъ благосостоянія великаго и нравственно добраго народа“.

Та же мысль занимала и другого геттингенца, Андрея Кайсарова,

4

Аполлонъ Николаевичъ Майковъ.

Съ портрета, писаннаго В. Г. Перовымъ. 1872 г.
(Городская галлеря П. и С. Третьяковыхъ въ Москвѣ).

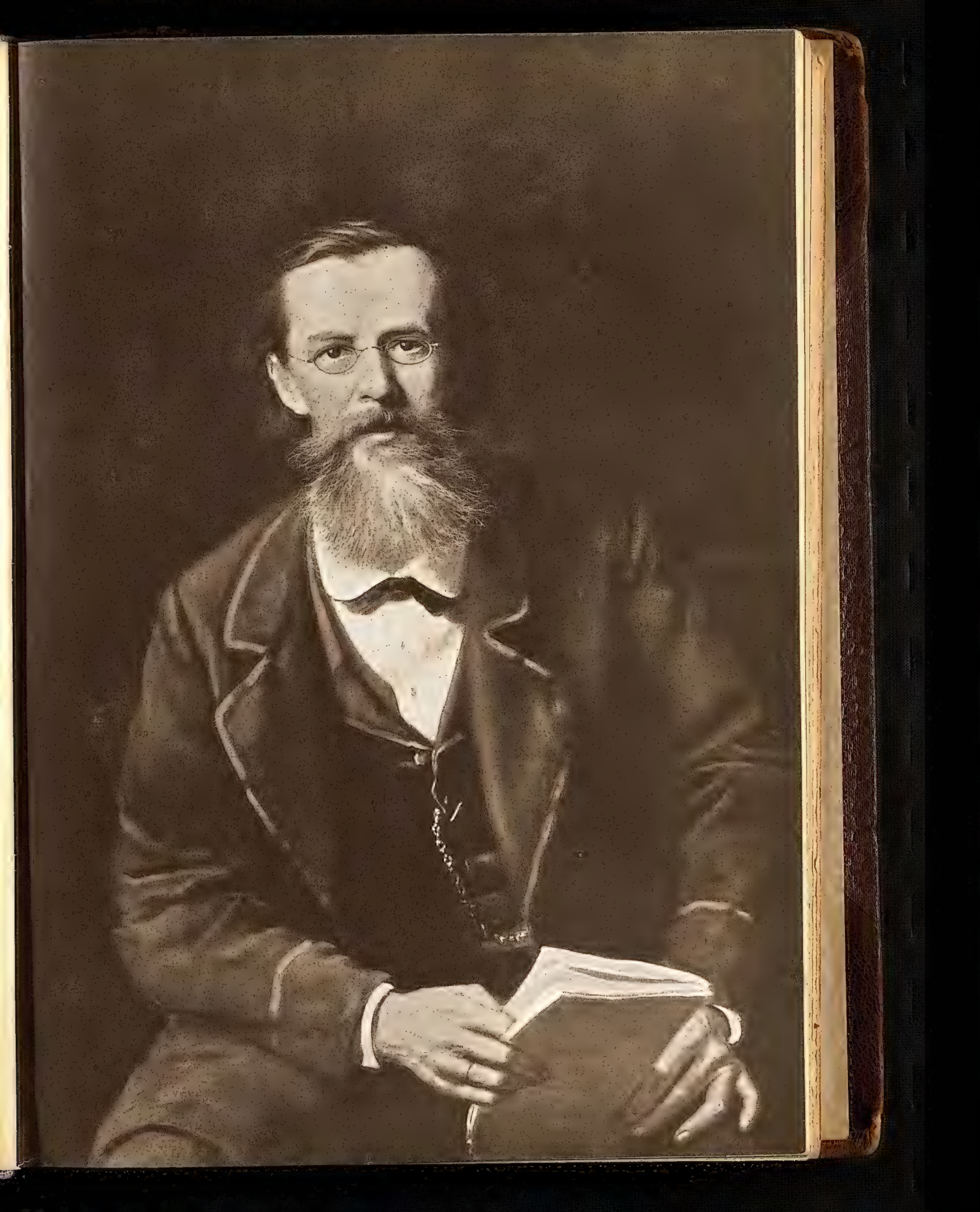
„ИСТОРИЯ РОССИИ ВЪ XIX ВѢКѢ“, Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К^о“.

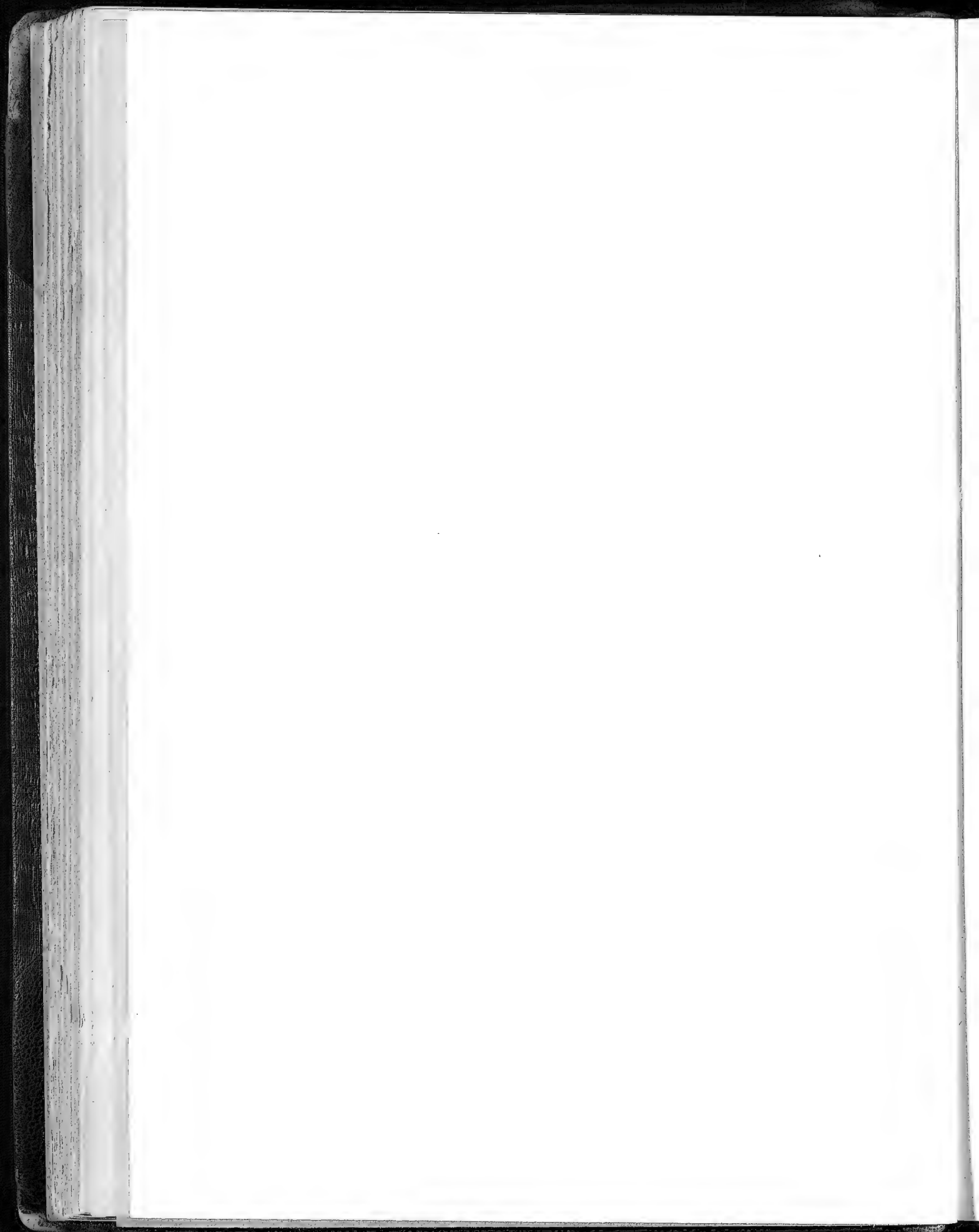
„ИСТОРИЯ РОССИИ В XIX ВЕКѢ.“ Изданіе 1-е. „Въ А. Н. ЛЕВАНТЪ и Ко.“

(Лободская Левандъ П. и С. Татыковскихъ въ Москвѣ.)

Съ подробнѣйшимъ изслѣдованіемъ В. Л. Погодина. 1872 г.

Александръ Николаевичъ Мейковъ.

автора „Dissertatio inauguralis philosophico-politica de manumittendis per Russiam servis“ (1806). Германіи обязанъ своими научными воззрѣніями и извѣстный проф. Куницынъ, авторъ „Права естественнаго“ (1818—20).

Англія на нѣкоторое время, повидимому, вытѣсняетъ всѣ другіе авторитеты. Типичный русскій вольтерьянецъ, Иванъ Петровичъ Лаврецкій (въ „Дворянскомъ гнѣздѣ“ Тургенева) въ Александровскую эпоху дѣлается англоманомъ и вводитъ „исключительно политическій и политико-экономическій разговоръ“. За рѣшеніемъ этихъ политическихъ и политико-экономическихъ вопросовъ, стоявшихъ въ самой русской жизни на первой очереди, обращались главнымъ образомъ къ англійской литературѣ. Сочиненія Бентама переводятся по высочайшему повелѣнію *), правительство субсидируетъ и Политковского, переводчика Адама Смита. Всѣ подобныя сочиненія имѣли огромный успѣхъ. По свидѣтельству Дюмона, издателя Бентама, произведенія этого англійскаго мыслителя ставились „выше всего, что было подобнаго прежде“. Имена англійскихъ экономистовъ дѣлаются модными. Вспомнимъ, что Олѣгинъ „читалъ Адама Смита и былъ глубокой экономъ“, а „иная дама толкуетъ Сея и Бентама“.—Англія, далѣе, знакомитъ насъ съ ланкастерской системой взаимнаго обученія (Бея и Ланкастера), одно время столь популярной, что у насъ возникаетъ (въ

*) „Разсужденіе о гражданскомъ и уголовномъ законоположеніи, сочиненіе англійскаго юрисконсульта Іереміи Бентама, изданное въ свѣтъ на франц. языкѣ Стан. Дюмономъ..., переведено Мих. Михайловымъ съ прибавленіемъ дополненій, отъ г. Дюмона сообщенныхъ“ (1805 г.).

1818 г.) специальное „Общество учрежденія училищъ по методѣ взаимнаго обученія“. Англійская художественная литература, преимущественно въ лицѣ Вальтеръ Скотта и Байрона, даетъ образцы для русскаго творчества, а Байронъ надолго дѣлается „властителемъ думъ“ молодого поколѣнія. Дѣло доходитъ до того, что въ кружкѣ Репетиловыхъ говорятъ именно о Байронѣ, о камерахъ, присяжныхъ, что князья Григорьи усваиваютъ „англійскую складку“, Олѣгины одѣваются, какъ „дэнди лондонскій“, знатъ заводитъ англійскую упряжь, англійскіе парки, помѣщики перенимаютъ англійскіе способы обработки земли и пр. и пр. Очевидно, Англія съ ея наукой, литературой и бытомъ сильно импонируетъ русскимъ, и передъ ея обаяніемъ на нѣкоторое время меркнетъ ореолъ самой Франціи. Недаромъ кн. Барятинскій въ своихъ „Мысляхъ о воспитаніи сына“ (1815 г., въ „Запискахъ В. А. Инсарскаго“) усиленно рекомендуетъ сыну образовательное путешествіе „по всѣмъ тремъ королевствамъ Великобританіи“ и выражаетъ желаніе, „чтобы ему была основательно объяснена конституція этой страны и чтобы онъ обстоятельно ознакомился со всѣми находящимися въ ней чудесами современной цивилизаціи“.

Такимъ образомъ, русское общество въ его наиболѣе отзывчивой части испытывало рядъ идейныхъ воздѣйствій со стороны Европы, которыя органически сплетались съ традиціями французскаго свободомыслія XVIII в. Къ этому присоединяются, далѣе, стимулы, связанные съ условіями самой русской жизни. Намѣреніе правительства приступить къ коренному преоб-

разованію нашихъ политическихъ формъ держало общество въ состояніи напряженнаго ожиданія, независимо отъ того, желали или боялись осуществленія конституціонныхъ плановъ Александра І. Карамзинъ, напр., писалъ Дмитріеву въ апрѣлѣ 1818 г.: „Варшавскія рѣчи сильно отозвались въ молодыхъ сердцахъ. Спятъ и видятъ конституцію; судятъ, рядятъ; начинаютъ и писать—въ „Сынъ Отечества“(*), въ рѣчи Уварова; иное уже вышло, другое готовится“. Отечественная война значительно поднимаетъ тонъ прогрессивнаго настроенія; развиваясь съ логической послѣдовательностью, оно приводитъ къ 14 декабря 1825 г.

Либерализмъ, переходившій даже въ политическій радикализмъ (какъ это было у декабристовъ), составляетъ, несомнѣнно, одну изъ характерныхъ чертъ Александровской эпохи. „Въ это время“, свидѣтельствуетъ декабристъ Якушкинъ, „свободное выраженіе мыслей было принадлежностью не только всякаго порядочнаго человека, но и всякаго, кто хотѣлъ казаться порядочнымъ человекомъ“. Торговцы петербургскаго Гостиного двора громко разсуждали о важности конституціи и даже въ провинціи (какъ, напр., въ одномъ уѣздномъ городѣ Воронежской губ.), куда также нерѣдко попадали книги общественно-политическаго содержанія, находились—и при томъ часто среди мѣщанъ и купцовъ—сторонники представительнаго образа правленія. И Фамусовъ съ своей точки зрѣнія имѣлъ право сказать,

*) Имѣется въ виду статья проф. Куницына „О конституціи“ („Сынъ Отечества“ 1818 г.)

Что нынче пуще, чѣмъ когда,
Безумныхъ развелось людей, и дѣлъ
и мнѣній.

Но все это либерально-оппозиціонное движеніе въ концѣ концовъ было только теоретическимъ. Дѣйствительность тогдашней русской жизни представляетъ самый вопіющій контрастъ разнообразію и яркости красокъ, которыми блещетъ умственная жизнь русскаго общества. Ни одна изъ великихъ идей, о которыхъ толковали въ кружкѣ приближенныхъ императора, о которыхъ писали въ журналахъ, „шумѣли“ въ Англійскомъ клубѣ, мечтали въ тайныхъ обществахъ, не получила реальнаго воплощенія. Общественный и политическій строй Россіи не испыталъ сколько-нибудь значительныхъ измѣненій. Монархическая власть осталась непоколебленной и въ періодъ аракчеевской реакціи дала новый наглядный примѣръ того, какъ всемогущій абсолютизмъ превращается въ деспотизмъ; дворянство сохранило всѣ свои прерогативы; крестьянство попрежнему „влачилося по браздамъ неумолимаго владѣльца“. Словомъ, экономическія и соціальныя условія русской жизни въ сущности остались тѣми же, какія были при „матушкѣ Екатеринѣ“. Новыя вѣянія пронесли по поверхности, болѣе или менѣе взволновали ее, но оказались безсильными передъ прочностью нашихъ устоевъ. Возстаніе декабристовъ окончилось печальной неудачей. Александровская эпоха не только заканчивается трагедіей, она вся представляетъ сплошную драму, какъ результатъ ея неспособности дать живое воплощеніе идеямъ, которыя уже успѣли овладѣть мыслью и самого императора и его лучшихъ

современниковъ. Конечная причина этой драмы лежитъ, разумѣется, не въ правительственной реакціи, а въ состояніи всей страны, въ настроеніи большинства самого общества; оно крѣпко держалось за старыя формы жизни, которыя такъ хорошо обеспечивали интересы господствующаго класса. Консерватизмъ въ разныхъ его проявленіяхъ имѣлъ подъ собою твердую почву. Событія, связанныя съ Отечественной войной, дали благодарный поводъ возвести защиту сословно-классовыхъ интересовъ на высоту патріотическаго подвига, подновить давно уже звучавшіе въ нашей литературѣ націоналистическіе мотивы.

Война, дѣйствительно, приняла характеръ общенародный и вызвала страшный взрывъ патріотизма. Всѣ, кто могъ, спѣшили стать въ ряды ополченцевъ. Идетъ на войну и почтенный кн. Шаховской, и мирный сентименталистъ Жуковский, чтобы пѣть „во станѣ русскихъ воиновъ“; идетъ и Батюшковъ, переставъ пѣть „любовь и радость, безпечность, счастье и покой и шумную за чашей младость“. Великосвѣтское общество изыскиваетъ способъ бороться съ французскимъ вліяніемъ; барыни, впрочемъ, на весьма короткое время, расстаются съ своими робронами, фуру-ферме, левитами и надѣваютъ сарафаны съ кокошниками. Языкъ, привыкшій съ дѣтства произносить преимущественно французскія слова, изъ патріотизма дѣлаетъ усилія овладѣть русской рѣчью. И нелегко же это было! Когда Гнѣдичъ произнесъ свою громовую рѣчь противъ французскаго языка, „языка враговъ нашихъ, который русскіе должны за-

быть“,—въ публикѣ, сочувственно настроенной, шель характерный обменъ мнѣніями и притомъ какъ разъ на французскомъ языкѣ: „Ah, que c'est beau!“—„Oui, mais ce n'est pas possible“.—Обличеніе галломаніи становится самой популярной темой литературы. Гр. Ѳ. В. Растопчинъ обнаруживаетъ поистинѣ кипучую дѣятельность во славу русской самобытности: онъ пишетъ и памфлеты, и комедіи, и повѣсти и, наконецъ, свои знаменитыя афиши. „Господи помилуй!“ восклицаетъ его любимый герой, его alter ego, ефремовскій дворянинъ Сила Андреевичъ Богатыревъ („Мысли вслухъ на Красномъ крыльцѣ“, 1807 г.): „да что за народъ эти французы! копейки не стоитъ: смотрѣть не на что, говорить не о чемъ... Въ французской всякой головѣ вѣтреная мельница, гошпиталь и сумасшедшій домъ... Вѣдь что проклятые надѣлали въ эти двадцать лѣтъ! все истребили, пожгли и разорили. Сперва стали умствовать, потомъ спорить, браниться, драться; ничего на мѣстѣ не оставили: законъ попрали, начальство уничтожили, храмы осквернили, царя казнили, да какого царя!—отца. Головы рубили, какъ капусту; всѣ повелѣвали—то тотъ, то другой злодѣй. Думали, что это будто равенство и свобода, а никто не смѣлъ рта разинуть, носу показать, а судъ былъ хуже Шемякина“. Богатыревъ напоминаетъ русскимъ о добродѣтеляхъ предковъ и о внутренней мощи Россіи: у насъ „государь милосердный, дворянство великодушное, купечество богатое, народъ трудолюбивый“. Пора опомниться, приняться за умъ, „сотворить молитву и, плюнувъ, ска-

затѣ французу: стигнь ты, дьявольское навожденіе! ступай въ адъ или восвояси, все равно, — только не будь на Руси“.

Въ этихъ словахъ Растопчина съ исчерпывающей полнотой формулированы тѣ идеи, которыми была полна *патріотическая литература* Александровской эпохи, которыя вдохновили Крылова написать рядъ басенъ и комедій „Модная лавка“, „Урокъ дочкамъ“, которымъ служила и патріотическая журналистика, въ родѣ „Сына Отечества“ Н. И. Греча и „Русскаго Вѣстника“ С. Н. Глинки. Пожаръ Москвы превратилъ протесты противъ французовъ въ жгучее чувство ненависти къ вандаламъ и разсорилъ съ ними и тѣхъ, кто понималъ значеніе французской культуры. Когда Батюшковъ увидѣлъ „море зла и неба мстительнаго кары, враговъ неистовыхъ дѣла, войну и гибельны пожары“, — подъ первымъ впечатлѣніемъ онъ готовъ былъ отказаться отъ своей „философіи“. Поступки французовъ въ Москвѣ, писалъ онъ Гнѣдичу, „вовсе разстроили мою маленькую философію и поссорили меня съ человѣчествомъ... И этотъ народъ изверговъ осмѣлился говорить о свободѣ, о философіи, о человѣколюбіи! И мы до того были ослѣплены, что подражали имъ, какъ обезьяны!“ Только непосредственное общеніе съ Западомъ во времяграничнаго похода русской арміи смягчило гнѣвъ Батюшкова и примирило его съ „человѣчествомъ“. Нѣсколько позднѣе Грибоѣдовъ заставилъ Чацкаго въ горячей и искренней репликѣ декламировать противъ „слѣпного и рабскаго подражанія“.

Это естественное возбужденіе па-

тріотическаго чувства было широко использовано консервативными кругами и освятило попытки созданія соотвѣтствующей идеологіи.

Идеологами консервативнаго націонализма выступили *Карамзинъ* и *Шликовъ*. Даже въ періодъ „Писемъ русскаго путешественника“ и „Бѣдной Лизы“ нашъ чувствительный, сантиментально-мечтательный авторъ не разъ обнаруживалъ порядочную дозу житейскаго благоразумія и трезвой разсудочности. Восторгъ передъ „Новой Элоизой“ не помѣшалъ „русскому путешественнику“ тотчасъ же подчеркнуть, что въ этомъ романѣ „много неестественнаго, много увеличеннаго“, а вскорѣ въ разсужденіи „Нѣчто о наукахъ, искусствахъ и просвѣщеніи“ выступить рѣшительнымъ оппонентомъ женевскаго философа по вопросу о значеніи просвѣщенія. Увлеченіе жизнью „счастливыхъ швейцаровъ“ уживается съ полнымъ непониманіемъ смысла французской революціи. Съ годами двойственность натуры Карамзина исчезаетъ, и побѣда остается на сторонѣ разсудочности и консерватизма. Вступленіе на престолъ императора Александра Карамзинъ встрѣчаетъ торжественной одой, въ которой прославляетъ свободу, какъ основу любви народа къ государю, и доказываетъ, что свобода „съ пользою царей согласна“. Но свобода эта еще не обозначаетъ равенства.

Свобода тамъ, гдѣ есть *уставы*,
Гдѣ добрый не боясь живетъ;
Тамъ рабство, гдѣ *законы* нѣтъ,
Гдѣ гибнетъ правый и неправый!
Свобода мудрая свята,
Но *равенство* одна мечта.

Карамзинъ совершенно разстался съ этой мечтой. Въ слѣдующемъ же 1802 г. онъ выступаетъ со статьей „Пріятные виды, надежды и желанія нашего времени“, гдѣ развиваетъ твердый взглядъ на французскую революцію и ея послѣдствія. „Революція“, писалъ онъ, „объяснила идеи, мы увидѣли, что гражданскій порядокъ священъ даже въ самыхъ мѣстныхъ или случайныхъ недостаткахъ своихъ; что власть его есть для народовъ не тиранство, а защита отъ тиранства, что, разбивая сію благодѣтельную эгиду, народъ дѣлается жертвою ужасныхъ бѣдствій, которыя несравненно злѣе всѣхъ обыкновенныхъ злоупотребленій власти; что всѣ смѣлыя теоріи ума, который изъ кабинета хочетъ предписывать законы нравственному и политическому міру, должны остаться въ книгахъ, и что одно время и благая воля законныхъ правительствъ должны исправлять несовершенство гражданскихъ обществъ“. Революционеры думали ниспровергнуть законную власть, распатать троны государей, но они достигли совершенно противоположныхъ результатовъ. Ужасы революціи заставили всѣхъ сплотиться вокругъ правительства. „Теперь всѣ лучшіе умы стоятъ подъ знаменами властителей и готовы только способствовать успѣхамъ настоящаго порядка вещей, не думая о новизнѣ. Никогда согласіе ихъ не бывало столь явнымъ, искреннимъ и надежнымъ“.

Нечего думать о новизнѣ. Теперь Карамзинъ озабоченъ тѣмъ, чтобы укрѣплять въ русскихъ людяхъ „любовь къ отечеству и народную гордость“ („Разсужденіе“ 1802 г.). Вся

„Исторія государства російскаго“ пишется съ мыслью, что Русь всегда спасалась единодержавіемъ. Прошлое даетъ уроки настоящему, и Карамзинъ связываетъ „оба помы времени“ въ своей „Запискѣ о древней и новой Россіи“ (1810—11 гг.). Исторіографъ заявляетъ себя рѣшительнымъ противникомъ реформаторскихъ плановъ императора, напоминая ему объ отвѣтственности передъ Богомъ, совѣстью и потомствомъ. Онъ предвидитъ гибельныя послѣдствія, если правительство дастъ „господскимъ людямъ свободу“: крестьяне, освобожденные безъ земли (вѣдь земля составляетъ собственность помѣщиковъ), образуютъ опасный для государственнаго спокойствія пролетаріатъ. Но особенно Карамзина ужасаетъ перспектива, что Россія можетъ сдѣлаться конституціонной страной. Онъ совершенно не видитъ разумныхъ способовъ, какъ „законъ поставить выше государя“. Если сенатъ или совѣтъ, которому будетъ предоставлено право блюсти законъ, будетъ состоять изъ лицъ, назначенныхъ государемъ, то, какъ на этотъ разъ справедливо заключаетъ Карамзинъ, они явятся „угодниками царя“. Если же члены подобнаго учрежденія будутъ выбираться государствомъ, то лицомъ къ лицу окажутся двѣ власти, какъ „два грозные льва въ одной клѣткѣ, готовые терзать другъ друга“, и въ случаѣ конфликта съ верховной властью придется апеллировать къ народу, „возмущать“ его. „Всякое доброе русское сердце содрогается отъ сей ужасной мысли“. И вотъ единственное, что Карамзинъ можетъ посовѣтовать Александру, какъ и другому государю: „Да цар-

ствуешь добродѣтельно! да приучить подданныхъ ко благу! Тогда родятся обычаи спасительные; правила, мысли народныя, которыя лучше всѣхъ бранныхъ формъ удержатъ будущихъ государей въ предѣлахъ законной власти; чѣмъ? страхомъ возбудить всеобщую ненависть въ случаѣ противной системы царствованія“.

Итакъ, нѣтъ надобности въ новизнѣ, дѣло не въ „бранныхъ формахъ“: страна можетъ спокойно благоденствовать при крѣпостномъ правѣ и самодержавіи, лишь бы государи царствовали добродѣтельно.

Въ трогательномъ согласіи съ Карамзинымъ оказался его литературный противникъ, адмиралъ *Шишковъ*. Въ 1811 г. онъ прочиталъ въ „Бесѣдѣ любителей русскаго слова“ рѣчь на тему, близкую сердцу Карамзина, — „Разсужденіе о любви къ отечеству“. *Шишковъ* тоже призываетъ бороться съ „развращенными идеями Запада“, съ тѣми „развратными нравами, которымъ новѣйшіе философы обучили родъ человѣчскій, и которыхъ пагубные плоды, послѣ толикаго проліятія крови, понынѣ еще во Франціи гнѣздятся“. Средствомъ для этого являются сохраненіе въ чистотѣ русскаго языка и національное воспитаніе, укрѣпляющее благочестіе, вѣру и добродѣтель. Примѣры этихъ добродѣтелей во множествѣ представляетъ русская исторія, которая гордится именами Гермогеновъ, Филаретовъ, Пожарскихъ, Трубецкихъ и др.

Успѣхъ рѣчи превзошелъ ожиданія оратора. Чувства *Шипкова* были по достоинству оцѣнены и императоромъ, который назначилъ его государ-

ственнымъ секретаремъ. Удача окрылила адмирала, и онъ не упускалъ случая высказывать свои патріотическія сентенціи. Въ 1820 г. А. И. и Н. И. Тургеневы представили въ департаментъ законовъ государственнаго совѣта проектъ закона „о пресѣченіи продажи крестьянъ порознь и безъ земли“. *Шишковъ* не только возсталъ противъ этого проекта, но и постарался перевести вопросъ на общую, широкую почву. „Въ то время“, разсуждаетъ онъ, „когда мы слышимъ и видимъ, что почти всѣ европейскія державы вокругъ насъ мятутся и волнуются, наше благословенное отечество пребыло всегда и пребудетъ спокойно“. Россія „больше благоденствуетъ, нежели всѣ другіе народы... На что жъ перемѣны въ законахъ, перемѣны въ обычаяхъ, перемѣны въ образѣ мыслей?.. Мы явно видимъ надъ собою благодать Божію. Десница Вышняго хранитъ насъ. Чего намъ лучше желать?“

Трудно обнаружить большій оптимизмъ. *Шишковъ* и Карамзинъ непоколебимо вѣрятъ въ святость и спасительность главныхъ основъ нашего національнаго бытія: самодержавія, вѣры православной, крѣпостничества и истинно-русскихъ добродѣтелей, взрожденныхъ вѣками нашей старины. Въ этомъ — наша „народность“; поддерживать и беречь ее значитъ „любить отечество“.

Свои по существу традиціонныя взгляды Карамзинъ и *Шишковъ* стараются обосновать исторической и публицистической аргументаціей и тѣмъ кладутъ начало для дальнѣйшаго теоретическаго развитія идеологіи крѣпостниковъ и монархистовъ, такъ называемой официальной народ-

ности. Пройдетъ еще какое-нибудь десятилѣтіе, и Уваровъ заключить суть этой идеологіи въ сжатую формулу: православіе, самодержавіе и народность.

Картина общественной реакціи въ Александровскую эпоху, и безъ того достаточно яркая и сочная, обогатилась еще одной специфической чертой—*містическимъ обскурантизмомъ*. Европейское по своему происхожденію, это теченіе приняло у насъ самобытныя русскія формы. Русское правительство, такъ много сдѣлавшее въ лицѣ самого императора для осуществленія идеи Священнаго Союза, задалось цѣлью подчинить церкви и религіи всѣ стороны духовной жизни страны. Въ 1817 г. создается типичное для эпохи „министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія“, „дабы христіанское благочестіе было всегда основаніемъ истиннаго просвѣщенія“.

Глава этого страннаго вѣдомства, піетистъ и мистикъ, кн. А. Н. Голицынъ, нашелъ себѣ усердныхъ сотрудниковъ прежде всего среди членовъ вновь образованнаго при министерствѣ „ученаго комитета“. Этотъ комитетъ, вѣдая цензуру учебныхъ книгъ, долженъ былъ, согласно инструкціи, стремиться „къ истинной, высокой цѣли—къ водворенію въ составъ общества въ Россіи постояннаго и спасительнаго согласія между вѣрою, вѣдѣніемъ и властію или, другими выраженіями, между христіанскимъ благочестіемъ, просвѣщеніемъ умовъ и существованіемъ гражданскимъ“. Наука, „вѣдѣніе“ ставится въ тиски между вѣрой и властію, и нетрудно себѣ представить вытекающія отсюда послѣдствія.

Магницкій, Руничъ, цензоръ Красовскій—все это громкія имена борцовъ противъ свободы мысли, гасителей просвѣщенія. Въ выборѣ средствъ не стѣснялись: имъ „орудіемъ духовнымъ—проклятье, мечъ, и крестъ и кнутъ“. Піетистическій психозъ захватываетъ значительную часть высшаго общества. Католицизмъ и іезуиты пріобрѣтаютъ огромный авторитетъ. Дѣти аристократическихъ семей воспитываются въ модныхъ іезуитскихъ пансіонахъ. Нерѣдки случаи явныхъ и тайныхъ переходовъ въ католичество. Юлія Крюднеръ, Селивановъ, Татаринова, скопецъ Ѳедоровъ—выступаютъ въ вліятельной роли духовныхъ вождей. Литература наводняется мистическими сочиненіями туземнаго и иностраннаго происхожденія („Сіонскій Вѣстникъ“ Лабзина съ 1806 г., произведенія Юнга, Шиллинга, Бема, Эккарстгаузена и др.). Библейское Общество, основанное въ 1812 г. съ просвѣтительной цѣлью распространять Св. Писаніе, рѣшительно вступаетъ на тотъ же путь реакціонной мистики. „У всѣхъ на языкѣ слова: религія въ опасности, нарушеніе нравственности, приверженецъ иноземныхъ идей, иллюминатъ, философъ, франкмасонъ, фанатикъ и т. д. Словомъ, совершенное безуміе“, писалъ С. С. Уваровъ Штейну въ 1813 г. Никогда еще у насъ въ такой степени не злоупотребляли религіей и именемъ Бога, какъ теперь. Во имя вѣры совершались самыя кощунственныя издѣвательства надъ разумомъ, совѣстью и свободой человѣка.

Такимъ образомъ, потокъ либерализма наталкивался на толстую плоти-

ну, сооруженную изъ твердыхъ матеріаловъ вѣковой косности, узкаго націонализма, реакціи и обскурантизма. Борьба была неравная, и нѣжнымъ всходамъ свободной мысли трудно было укрѣпиться на неводѣланной почвѣ русской жизни. Старое прочно засѣло въ умахъ и сердцахъ. Его нелегко было поколебать тѣмъ бо-

лѣе, что за нимъ стоялъ далеко еще не распатанный порядокъ жизни.

Вотъ почему развитіе художественной литературы въ Александровскую эпоху долгое время идетъ по старой колеѣ, вотъ почему поразительную живучесть обнаруживаютъ унаслѣдованные отъ XVIII в. сентиментализмъ и классицизмъ.

3.

Борьба литературныхъ теченій.

Самъ Карамзинъ отъ беллетристики уже перешелъ къ другимъ литературно-научнымъ занятіямъ, но его слава, какъ *сентиментальнаго* писателя, увлекла за нимъ цѣлую группу литераторовъ, среди которыхъ въ XIX в. встрѣчаемъ имена Подшивалова, Владимира и Александра Измайловыхъ, П. Ю. Львова, кн. П. И. Шаликова, Свѣчинскаго и др. Имъ принадлежитъ множество произведеній въ карамзинскомъ жанрѣ во всѣхъ родахъ и видахъ литературнаго творчества, подъ самыми трогательными заглавіями: Бѣдная Маша, Несчастная Лиза, Исторія бѣдной Маріи, Прекрасная Татьяна, живущая у подошвы Воробьевыхъ горъ, Милыя и нѣжныя сердца и т. д. и т. д. Кто предпринимаетъ чувствительное путешествіе въ полуденную Россію (В. Измайловъ, Шаликовъ), кто просто въ Кронштадтъ (Шаликовъ). Лирики украшали любовь и дружбу гирляндами изъ нѣжныхъ цвѣтовъ сентиментализма. Съ театральныхъ подмостковъ не перестаютъ раздаваться трогательныя рѣчи героевъ мѣщанской драмы во вкусѣ Коцебу. „И коцебатина одна теперь на сценѣ“, жаловался кн. Горчаковъ.

Всюду обильно лились тихія, сладкія слезы, отовсюду слышались нѣжные вздохи. Бѣлинскому даже въ 1834 г. пришлось разбирать стихотворенія А. Коптева, снабженный эпиграфомъ: „Чувствительность есть даръ, поэзія искусство, Природа сердце мнѣ, судьба дала перо“. „Подражая“, по его чистосердечному признанію, „нѣжной музѣ Н. М. Карамзина“, М. М. Хераскову, П. И. Шаликову, Коптевъ свое сердце и перо посвятилъ любви и дружбѣ.

Слезы, ахъ! льются,
Сердце трепещетъ
Бѣдно мое.
Нѣтъ здѣсь любезныхъ,
Я воздыхаю—
Милыхъ здѣсь нѣтъ.

.....

Нѣкоторые стихи онъ „написалъ въ угодность одной прелестной дѣвушкѣ; прелестной, слѣдовательно, и любезной, которая сама часто посвящаетъ Музамъ праздные часы свои, охотница до ландышей, любитъ стихи сего размѣра“.

Очевидно, мы имѣемъ дѣло съ весьма длительнымъ литературнымъ настроеніемъ.

Въ Англіи сентиментализмъ былъ

продуктомъ измѣнившихся условій общественно-политической жизни и отражаетъ въ себѣ общій процессъ демократизаціи жизни. У нашихъ сентименталистовъ также по временамъ мелькаютъ черты демократизма и гуманности, но, не опираясь на соотвѣтствующія измѣненія въ структурѣ общества, попавъ все въ ту же дворянскую среду, нашъ сентиментализмъ не могъ развить наиболѣе цѣнной своей стороны—соціальной. Въ русской обстановкѣ она быстро вывѣтрилась, зато непомѣрно разрослись безпредметная чувствительность и игра воображеніемъ. Сама теорія, поскольку вообще можно говорить о теоріи русскаго сентиментализма, прежде всего провозглашаетъ именно приматъ сердца надъ другими сторонами человѣческой психики. Подшиваловъ пишетъ цѣлый гимнъ „Къ сердцу“ (1794), воспѣвая сердце чувствительное, мягкое, доброе, „простосердечіе и мягкосердечіе“. Тихія колебанія сердца—„чистый, неизсякаемый источникъ драгоцѣнныхъ чувствъ и добродѣтелей“. „Винючникъ дѣлъ великихъ, дѣлъ благородныхъ, сердце! для чего ученые, ищущіе просвѣщенія, съ ущербомъ правъ твоихъ обогащаютъ свой разумъ? для чего образуютъ, воспитываютъ болѣе сей послѣдній, нежели тебя? Какой можетъ быть проповѣдникъ, какой писатель, когда нѣтъ сердца, нѣтъ чувства? Какой человѣкъ будетъ безъ нихъ счастливъ?“ „Дурной человѣкъ не можетъ быть хорошимъ авторомъ“, доказываетъ одновременно и Карамзинъ („Что нужно автору?“). Задача поэта—„изображать красоту, гармонію и распространять въ области чувстви-

тельнаго пріятныя впечатлѣнія“, и ему необходимо имѣть „доброе, нѣжное сердце“, которое бы билось „страстью къ добру“, „неограниченнымъ желаніемъ всеобщаго блага“. Карамзинъ и Подшиваловъ играютъ антитезой „чувствительной и холодной“, все время отождествляя чувствительность съ гуманной отзывчивостью, съ добромъ, съ добродѣтелью. Въ ихъ рѣчахъ звучитъ уже опредѣленный протестъ противъ холодной мѣщанской разсудительности и призывъ къ благородной „безразсудности“, къ „великимъ жертвамъ добродѣтели“, къ „великимъ дѣламъ“. Эти „великія дѣла“ въ пониманіи сентименталистовъ однако не выходятъ изъ условныхъ предѣловъ „добродѣтели“. Категоріи чувствительнаго, прекраснаго и добраго сливаются въ одномъ синтезѣ, и это единство „тайно для разума, но извѣстно сердцу“ (Карамзинъ въ ст. „О книжной торговлѣ“).

Напрасно теоретики сентиментализма тратили свои аргументы въ подтвержденіе здравой мысли, что необходима искренность, правдивость и даже простота въ изображеніи своихъ чувствъ: сердце русскихъ „авторовъ“ не хотѣло подчиняться теоріи, и „чувствительность“ перешла въ смѣшную гипертрофію чувства. Сердце, объявленное средоточіемъ всей человѣческой психики, разрослось до такихъ размѣровъ, что заслонило собою другія ея стороны, особенно „разумъ“. Ничтожная подчасъ причина вызываетъ неожиданный по силѣ аффектъ. Льются слезы, раздаются вздохи по самымъ незначительнымъ поводамъ. Подъ наплывомъ чувствъ замолкаетъ работа разума, и тѣмъ легче человѣкъ

погружается въ царство мечты, идиллическихъ грезъ, дѣйствительныхъ или тольковоображаемыхъ наслаждений любовью и дружбой; при чемъ дружба сбивается на любовь, а изъ любви стремятся сдѣлать *amitié amoureuse*. Все это такъ сладко убаюкиваетъ сердце, лелѣетъ чувство; душа полна тихаго восторга, на глазахъ—слезы, сладкія слезы. Радость и грусть чередуются между собой и проникаютъ другъ друда, создавая своеобразное настроеніе меланхоліи, этой—неразлучной спутницы сентиментализма, „сильной парицы превыспреннихъ мыслей“. Жуковский пытается даже дать психологическое опредѣленіе и обоснованіе меланхоліи: „Меланхолія не есть ни горестъ, ни радость: я назвалъ бы ее отгѣнкомъ веселія на сердцѣ печальнаго, отгѣнкомъ унынія на душѣ счастливаго“. Чувствительный меланхоликъ ищетъ себѣ соотвѣтственной обстановки. Онъ любитъ сумерки, ночь, луну, кладбище, развалины. Замѣтимъ, что еще до Жуковского элегія Грея „Сельское кладбище“ дважды переводится у насъ и вызываетъ подражаніе со стороны Павла Львова. Въ такой обстановкѣ легче проникаться „духомъ оссіановской горести“, поддерживать полетъ „превыспренныхъ мыслей“. Эти мысли носятъ не только чувствительно-моральный отпечатокъ, но и яркую благочестивую окраску. Сентиментализмъ и религиозный піэтизмъ родились и выросли въ одной колыбели. Оттого въ сентиментальной литературѣ рядомъ съ чувствительными и кладбищенскими мотивами такъ отчетливо звучатъ и мотивы отрицанія разума, земной суеты, преданности Богу. Въ этомъ

направленіи между прочимъ творили и три поэтессы: Анна Бунина, Анна Волкова и Анна Турчанинова. Последняя, напримѣръ, писала стихотворенія подъ заглавіями: Достоинство смерти, Гласъ смертнаго къ Богу, Къ суетѣ и т. п.

„Мирные энтузіасты чувствительности, ограниченные стѣнками своего сердца, убаюкивающие себя до тихихъ восторговъ и слезъ анализомъ своихъ ощущеній, которыя за жизненной тщетой давали предчувствовать небо“,—писалъ покойный академикъ А. Н. Веселовскій,—люди этого типа уходятъ отъ общественности въ міръ своего крошечнаго „я“, въ абстракцію „человѣчности“, внутренней „свободы“, въ уединеніе, въ природу, вѣщающую о благодати Творца. Такова эта прекрасная душа, *schöne Seele, belle âme* Руссо“.

„Только то и прекрасно, чего нѣтъ въ дѣйствительности, говоритъ Жанъ-Жакъ Руссо. Такъ что же?“ разсуждаетъ Карамзинъ: „Если это прекрасное, подобно легкой тѣни, вѣчно отъ насъ убѣгаетъ, овладѣмъ имъ хотя бы въ воображеніи, устремимся за нимъ въ міръ сладкихъ грезъ, будемъ обманывать себя самихъ и тѣхъ, кто достоинъ быть обманутымъ. Поэтъ имѣетъ двѣ жизни, два міра. Если ему скучно и непріятно въ существномъ, онъ уходитъ въ страну воображенія и живетъ тамъ по своему вкусу и сердцу, какъ благочестивый магометанинъ въ раю съ своими семью гуріями“. И вотъ мы видимъ, какъ воображеніе культивируется въ спеціальномъ жанрѣ сентиментальной литературы—въ волшебныхъ сказочныхъ повѣстяхъ и балладахъ, въ родѣ „Баха-

рианы“ Хераскова или „Громвала“ Каменева. Образы народной поэзии разныхъ вѣковъ и народовъ, средне-вѣковыхъ сказаній, Оссіана и т. п. уносили во времена „романическія“, отрывая отъ жизни и превращая ее въ сказку.

Наша жизнь лишь только сказка есть,
Чудная и баснословная,
Гдѣ мечты и привидѣнія
Появляются и царствуютъ,
Умъ приводятъ въ замѣшательство.
Счастливы тотъ, чья жизнь, какъ
тѣнь, прошла
И въ рѣкѣ забвенья скрылася.

Такъ философствовалъ Херасковъ. Изъ тьмы глубокой старины, изъ міра народныхъ преданій и вѣрованій вызывались тѣни рыцарей, волшебниковъ, чудовищъ, духовъ, привидѣній, мертвецовъ со всѣми пугающими ображеніе аксессуарами. Въ этомъ литературномъ жанрѣ обыкновенно видятъ уже романтизмъ, но это въ лучшемъ случаѣ только предвѣстники романтизма. „Чертовщина, привидѣнія и сказочные страхи“, — писалъ академикъ Веселовскій въ своей монографіи о Жуковскомъ, — „вовсе не показаніе исключительно романтизма: ихъ воздѣлывала съ лихвой банальная литература волшебныхъ, разбойничьихъ и т. д. романовъ“. Литературное теченіе, „вызавшее къ бытію груды череповъ и скелетовъ, сонмъ призраковъ и мыслей на кладбищѣ, все это закутанное ночью или освѣщенное задумчивой луной“, существовало до романтизма; тутъ нѣтъ еще „романтизма съ его теоретической обоснованностью, а до-романтизмъ (итальянцы называли его *pregomanticismo*) на почвѣ чувствительности“.

Много было у насъ сентименталь-

ныхъ писателей, но большинство изъ нихъ далеко не могло похвалиться талантомъ. Трудно было встрѣтить сочетаніе большого таланта съ такими особенностями „натуры“, которыя бы отвѣчали установившимся вкусамъ сентиментализма; нелегко было сколько-нибудь искреннему человеку выполнить взятое на себя обязательство быть чувствительнымъ. Этой ролью тяготился даже такой скромный и мало извѣстный писатель, какъ Николай Петровичъ Брусиловъ. Онъ добросовѣстно подражалъ Карамзину и Дмитріеву; какъ полагается, написалъ „Исторію бѣдной Маріи“, „Мое путешествіе“ и пр. Но вотъ какимъ характернымъ обращеніемъ къ читателю закончилъ онъ одну изъ своихъ повѣстей: „Есть ли въ книжкѣ сей найдешь ты мало сентиментальности, оставляю въ концѣ оной двѣ бѣдыя страницы, пиши на нихъ, дополняй, что тебѣ надобно. Опиши живописнымъ перомъ то, чѣмъ всѣ романы наполнены и чего нѣтъ въ моей повѣсти, то есть: пріятную долину, ручеекъ, журчащій по камешкамъ между прекраснаго лѣса, заходящее солнце... Скажи, какъ милый звукъ счастливаго пастушка, игравшаго на свирѣли, отражаемый крутыми горами, ограждающими сію долину, живо отдавался въ твоёмъ сердцѣ, не позабудь блеянія овечекъ, лаянія какой-нибудь фидельки, словомъ, вмѣсти въ сихъ страницахъ побольше сентиментальности, заставь милую красавицу, читая твое дополненіе „выронить нѣжную слезку“.

Карамзинистъ Макаровъ осмѣиваетъ приторную слезливость Шаликова. Нападки на „нѣжныхъ села-

доновъ“ „высокопарныхъ педантовъ“ обычны на страницахъ „Сѣвернаго Вѣстника“, „Журнала російской словесности“, а тѣмъ болѣе, конечно, въ органахъ ложноклассиковъ. Нѣкоторыя возраженія ложноклассиковъ противъ сентименталистовъ нужно признать положительными: въ нихъ есть и остроуміе и основательность. Кн. Шаховской (комедіей „Новый Стернь“), кн. Горчаковъ, кн. И. Долгорукій и др. сдѣлали дружный натискъ на сентиментализмъ. Журналъ Каченовскаго „Вѣстникъ Европы“ (1812 г. № 13) подвергъ сентиментализмъ чрезвычайно дѣльной критикѣ, доказывая, что „чувствительность сердца“ должно управляться „здравымъ разумомъ“, и что источникомъ „приторной чувствительности“ является „нерадивое воспитаніе и невѣжество, а слѣдствіемъ — изнѣженность сердца, неспособность къ отправленію должности въ общежитіи и несносная причудливость“. Кн. И. Долгорукій въ порывѣ своего негодованія буквально плетъ проклятія по адресу сентименталистовъ:

Да будетъ проклятъ тотъ безмозглый
книгъ писецъ,
Кто первый въ кровь пустилъ ядъ оспы
лжеморальной
И, разумъ помутя, направилъ путь сер-
децъ,
Къ той жизни, кою мы зовемъ сенти-
ментальной.

Къ хору противниковъ сентиментализма присоединили свои голоса Воейковъ („Домъ сумасшедшихъ“), Грибоѣдовъ (комедія „Студентъ“) и многіе другіе писатели. Очевидно, сентиментализмъ, уже близкій къ разложенію, доживалъ свои послѣдніе дни. Но смерть медлила приходомъ: пре-

стижъ этой „школы“ поддерживало одно, дѣйствительно, крупное дарованіе, которое не укладывается въ рамки одного сентиментализма, но которое находится въ несомнѣнномъ родствѣ съ карамзинскимъ направлениемъ. Мы говоримъ о *В. А. Жуковскомъ*.

Болѣе чѣмъ безспорно, что Жуковский воспитывался въ атмосферѣ сентиментализма и благочестивой созерцательности, что очень долгое время его творчество представляетъ простые перепѣвы мотивовъ, столь хорошо знакомыхъ сентиментальной литературѣ. Не только какъ переводчикъ „Сельскаго кладбища“, но и какъ авторъ балладъ, Жуковский не представляетъ собою новаго литературнаго явленія. Порой его поэзія впадаетъ въ тонъ сухого дидактизма, разсудочной назидательности, противъ чего такъ возставали нѣмецкіе романтики. Философская сторона европейскаго романтизма, его болѣе тонкія и причудливыя формы остались недоступными нашему „поэтическому дядькѣ вѣдьмъ и чертей“. Подъ старость пѣвецъ Свѣтланы весь погружается въ спокойно величавый міръ античнаго эпоса. Все это такія черты, которыя дали основаніе еще Н. С. Тихонравову оспаривать ходячее мнѣніе, что Жуковский типичный представитель романтизма, и которыя, послѣ глубокаго и тщательнаго ихъ анализа, привели академика Веселовскаго къ заключенію, что Жуковский стоитъ лишь „на порогѣ романтизма“. Но, если собрать всѣ черты, сближающія Жуковского съ нѣмецкими романтиками, то ихъ все же окажется столько, что съ нашей стороны не будетъ

преувеличеніемъ сказать, что Жуковский уже перешагнулъ этотъ порогъ романтизма. Нѣмецкіе романтики живо интересовали Жуковского; въ 1817 г. онъ намѣревался даже издать особый альманахъ изъ произведений Тика, Шлегеля, Новалиса и др. Поэтъ съ ярко выраженной индивидуальностью, Жуковский чрезвычайно близко подходилъ къ тому типу романтиковъ, который въ Германіи представленъ Новалисомъ. Сходство есть и въ ихъ личной судьбѣ, и въ характерѣ настроенія.

Новалисъ, по его словамъ, жилъ „только будущимъ, вѣрой въ Бога и въ безсмертіе души“. „Жизнь есть начало смерти. Жизнь существуетъ ради смерти“. Ему хотѣлось бы самую жизнь превратить въ грезу, въ сказку.—Глубоко вѣрующій и мечтательный Жуковский также живетъ или воспоминаніями о дорогомъ прошломъ или надеждой „на лучший, неизмѣнный свѣтъ“. Настоящаго для него какъ бы не существуетъ.

Все близкое мнѣ зрится отдаленнымъ,
Отжившее, какъ прежде, оживленнымъ.

Жизнь не болѣе, какъ „прекрасный сонъ“. Поэтъ боится „низости настоящаго“ и „губящаго волненія жизни“. Онъ боится и разума, который такъ безпощадно разрушаетъ всѣ иллюзіи и грезы.

О другъ мой, умъ всѣхъ радостей
палачъ!

Лишь горькій сокъ даетъ сей грубый
врачъ:

Онъ бытіе жестоко осмѣетъ,

Призракъ исчезъ—и грація скелетъ...

„Нетлѣннаго“ можно ждать лишь
за дверью гробовою,

А на землѣ всего вѣрнѣй мечтать.

Передъ нами—религіозно-эстетическій идеализмъ и ирраціонализмъ,

черты, типичныя и для настроенія нѣмецкихъ романтиковъ. Поэтъ бѣжитъ отъ „низости настоящаго“ въ міръ народныхъ сказаній, средневѣковыхъ образовъ. Творчество Жуковского, взятое въ его наиболѣе интимныхъ мотивахъ, есть своего рода поэтическое анахоретство. И въ своихъ эстетическихъ воззрѣніяхъ Жуковский въ концѣ концовъ поднимается на высоту нѣмецкаго романтизма.

Вслѣдъ за Новалисомъ Жуковский сравниваетъ поэта съ Мемнономъ (въ посланіи къ Вяземскому и Пушкину 1814 г.) и совершенно въ духѣ романтиковъ развиваетъ антитезу поэта и толпы.

Прекрасное есть нѣчто невыразимое, недоступное языку земному; окружающій насъ вещественный міръ лишь намекаетъ на „что-то лучшее, тайное, далекое“. Поэтъ интуитивнымъ путемъ постигаетъ эту связь видимаго съ неуловимымъ, высшимъ началомъ, и тогда „всѣ мелкія, разрозненные части видимаго міра сливаются въ одно гармоническое цѣлое, въ одинъ, самъ по себѣ несущественный, но ясно душою нашею видимый образъ“. Для Жуковского „все прекрасное — родня“ и „сливается въ одно: Богъ“; и поэзія есть Богъ въ святыхъ мечтахъ земли“. Искусство—органъ вѣрующаго духа, вторая ипостась религіи. Только свободное творчество можетъ достигать этой высоты. Принципъ свободы творчества—основной въ эстетикѣ Жуковского. „Поэзія живетъ свободою“; ея прелесть заключается въ полной непринужденности, въ отсутствіи намѣренія произвести „то или другое определенное, но стороннее дѣй-

стве". Жуковский наложилъ печать религіозности и на свою эстетику, но это нисколько не мѣшаетъ намъ видѣть сходство его воззрѣній съ эстетикой нѣмецкихъ романтиковъ.

Съ дѣтства усвоивъ сентиментализмъ, Жуковский осложнилъ его чертами романтизма, и, какъ бы мы ни ограничивали его прикосновенность къ романтизму, мы не можемъ лишить его законныхъ правъ на мѣсто среди писателей-романтиковъ. Весь складъ его души — романтический; ему не нужно было „подражать“, чтобы выразить поэзію романтического идеализма. „Поэзія Жуковского“, писалъ еще И. В. Кирѣевскій въ 1831 г.: „передала намъ ту идеальность, которая составляетъ отличительный характеръ нѣмецкой жизни, поэзіи и философіи“. И Жуковский всю жизнь оставался вѣренъ своему основному настроенію, потому что онъ не могъ отказаться отъ самого себя. На глазахъ Жуковского, умершаго въ 1852 г., прошелъ сложный циклъ литературныхъ и общественныхъ теченій; при немъ завершилась дѣятельность Крылова, Грибоѣдова, Пушкина, Лермонтова и Гоголя; при жизни Жуковского начали выступать и писатели „сороковыхъ годовъ“ — Тургеневъ, Гончаровъ, Григоровичъ. Теоретически Жуковский понималъ важность художественнаго реализма: А. Н. Майкову, гр. В. А. Соллогубу, А. П. Зонтагу, какъ видно изъ писемъ, онъ совѣтуетъ изображать Русь, дѣйствительность, давать „живое, вѣрное изображеніе человѣка и общества“. Но самому Жуковскому „новый ладъ не поется“; онъ все тотъ же „мечтательнаго зритель“,

и уже современники, преклоняясь передъ непосредственной силой его таланта, передъ „плѣнительной сладостью“ его стиховъ, наконецъ, передъ его „возвышенной душой“, отмѣчали отсутствіе въ его поэзіи „натуры“ и даже (какъ Рылѣевъ) вредъ его туманной мечтательности. Жизнь шла мимо Жуковского, оставляя его на уединенномъ островкѣ какимъ-то поэтическимъ отшельникомъ.

Въ первыя два десятилѣтія имя Жуковского было однако знаменемъ новаго теченія, боровшагося съ ложноклассиками.

Позиція *классиковъ* даже при наличности популярнаго сентиментализма не была еще окончательно поколеблена. „Исключительная любовь къ французской словесности“, писалъ Батюшковъ въ 1814 г. „неизлѣчима: она выдержала всѣ возможныя испытанія и времени и политическихъ обстоятельствъ. Все было сказано на сей счетъ; всѣ укоризны, всѣ насмѣшки Талія и людей просвѣщенныхъ остались безъ пользы, безъ вниманія“. Отголоски классицизма слышатся еще въ третьемъ десятилѣтіи вѣка: русскіе классики не выпускали изъ рукъ своего боевого знамени и тогда, когда враги уже перестали вступать съ ними въ серьезную борьбу, ограничиваясь шутливыми насмѣшками, колкими остротами надъ ветеранами, „въ прошедшемъ вѣкѣ запоздалымъ“.

Въ теченіе десятихъ и двадцатыхъ годовъ ряды классиковъ были еще довольно многолюдны, производительность ихъ довольно значительна, и выступленія — довольно шумны. Безъ конца писались оды всѣхъ наименованій: торжественныя,

похвальные, патриотическія, духовныя. Дань этому жанру заплатили сами Жуковский и Пушкинъ („Воспоминанія въ Царскомъ селѣ“, 1815 г.). Но истинно „классическую“ славу одописца приобрѣлъ себѣ графоманъ гр. Д. И. Хвостовъ. Вслѣдъ за Херасковымъ съ его „Россіадой“ потянулись цѣлой вереницей героическія поэмы кн. Шихматова, Грузинцева, А. Волкова, Романа Сладковскаго и мн. др., имена которыхъ уже ничего не говорятъ нашему времени. Да, впрочемъ, даже Татьяна Ларина охотно промѣняла на Мартына Задеку, „главу халдейскихъ мудрецовъ“, и на разрозненную „Мальвину“ (романъ г-жи Коттенъ)—сразу двѣ Петриады вмѣстѣ съ другими ненужными книжками.

Больше жизни и литературныхъ достоинствъ было въ театральныхъ пьесахъ ложноклассиковъ, тѣмъ болѣе что многіе изъ нихъ, повинувшись духу времени и непосредственнымъ внушеніямъ таланта, отражали уже и вѣянія сантиментально-романтическія.

Среди трагиковъ первое мѣсто, безспорно, принадлежало Озерову. Почерпая свои сюжеты изъ произведеній француза Дюси, изъ Оссіана, изъ русской исторіи, Озеровъ умѣлъ захватывать своихъ зрителей звучностью стиха, внѣшней эффектною сценъ, идейной настроенностью героевъ и даже модными мотивами чувствительности и мечтательности. Послѣднія черты дѣлали Озерова писателемъ симпатичнымъ кружку Жуковского и интереснымъ даже для молодежи тридцатыхъ годовъ.

Среди комиковъ царилъ кн. Шаховской; онъ вывелъ, по выраженію

Пушкина, „своихъ комедій шумный рой“. Обличая тщеславіе дворянства, смѣшныя затѣи помѣщиковъ-новаторовъ и т. п., произведенія Шаховскаго не блещутъ большими литературными достоинствами, но доставляли немалое удовольствіе публикѣ остроуміемъ сценъ, простотою языка и живостью дѣйствія. Отъ Расина и Вольтера Шаховской также постепенно эволюционировалъ въ сторону новыхъ теченій. Къ 1820 году онъ уже дѣлается авторомъ „романтическихъ драмъ“, заимствуя сюжеты изъ произведеній Шекспира, В. Скотта, Оссіана и Пушкина. Мало того, не удовлетворяясь „драматическими подражаніями, принесенными къ намъ съ пудрою, шитыми кафтанами и красными каблуками изъ Парижа“,— онъ помышляетъ о созданіи „своего собственнаго театра на обширномъ и прочномъ фундаментѣ“ и въ этомъ духѣ написалъ даже нѣсколько пьесъ.

Весьма знаменательную неустойчивость своихъ литературныхъ вкусовъ обнаружилъ и критикъ ложноклассическаго лагеря, *проф. Ал. Ѳ. Мерзляковъ*. Подобно Каченовскому, „жителю Бутырской слободы“ и подобнымъ сотрудникамъ „Вѣстника Европы“, подобно А. Писареву, автору „Общихъ правилъ театра, выбранныхъ изъ полного собранія сочиненій г. Вольтера“ (1809 г.),— Мерзляковъ опирался прежде всего на авторитеты Буало, Батте, Лагарпа, Аристотеля и Горація, но, при составленіи своего „Краткаго начертанія теоріи изящной словесности“ и „Краткой риторикі“, въ значительной степени пользуется книгой Эшенбурга „Entwurf einer Theorie und Literatur der

schönen Wissenschaften“. А Эшенбургъ, котораго изучалъ и Жуковский вмѣстѣ съ Зульцеромъ и Энгелемъ, популяризировалъ идеи Баумгартена, Вольфа и англійскихъ психологовъ-эстетиковъ. Мерзляковъ уже дошелъ до мысли, что „произведенія изящныхъ искусствъ, какъ предметъ чувствованія и вкуса, не подвержены строгимъ правиламъ и не могутъ, кажется, имѣть постоянной системы или науки изящнаго“. Цѣль художника, по его опредѣленію, „представлять природу вѣрно, подлинно, выразительно,—трогать, увеселять, и склонять на свою сторону сердца, на которыя онъ хочетъ дѣйствовать“.

Забывая о суровыхъ требованіяхъ ложноклассической теоріи, Мерзляковъ способенъ и самъ отдаться „мечтаніямъ о той сладостной жизни или не-жизни, о которой жалѣемъ и въ которой не можемъ дать себѣ отчета, какъ во снѣ“, способенъ сочинять заунывные и трогательныя пѣсенки (въ родѣ: „Среди долины ровныя“, „Чернобровый, черноглазый, молодецъ удалый“ и пр.). Совершенно одновременно Мерзляковъ могъ нападать на „дикости“ „Цыганъ“ Пушкина и умиляться „Кавказскимъ плѣнникомъ“. Видя въ балладахъ „дикій, враждебный правиламъ, нелѣпый“ родъ литературы, возмущаясь „странными вымыслами юродствующаго воображенія“, авторъ „Краткаго начертанія“ нашелъ однако возможнымъ сказать: „Насъ русскихъ познакомилъ съ балладами,—и весьма *щастливо*—Жуковский“. Мерзляковъ стоялъ какъ бы на распутьѣ. Примирить свои сомнѣнія ему такъ и не удалось: на диспутѣ

Надеждина онъ продолжалъ настаивать, что истинная поэзія та, которая „согласна съ общимъ вкусомъ образованныхъ націй“.

Такимъ образомъ, никакіе авторитеты, вѣками освященные, не могли уберечь ложноклассиковъ отъ того, что постепенно ихъ творчество и теорія стали принимать въ себя новые элементы.

Серьезный ударъ русскій ложноклассицизмъ получилъ со стороны людей, благоговѣвшихъ передъ античной литературой, со стороны представителей нашего *неоклассицизма*. Своимъ возникновеніемъ этотъ неоклассицизмъ обязанъ тому же подъему патріотическаго настроенія, который породилъ націоналистическую идеологию и декабризмъ. Начало неоклассицизма можно вести съ „Писемъ изъ сожженной Москвы въ Нижній-Новгородъ къ другу“ И. М. Муравьева-Апостола (1813—15 гг.). Присоединяя свой негодующій голосъ къ общимъ протестамъ противъ галломаніи, Муравьевъ-Апостолъ подвергаетъ критикѣ французскую словесность, сопоставляя ее съ литературой другихъ народовъ и особенно съ произведеніями грековъ и римлянъ. Французская литература не такъ богата, какъ мы привыкли думать; испанцы, англичане, нѣмцы могутъ съ полнымъ правомъ противопоставить прославленнымъ французскимъ писателямъ имена Сервантеса, Шекспира, Мильтона, Юма, Виланда, Лессинга, Гете, Шиллера и др.; даже мы, русскіе, можемъ съ гордостью назвать Державина, „котораго природа одарила геніемъ удивительнымъ, а случайность предохранила въ воспитаніи отъ робкаго, изнѣженнаго

5

Александръ Ивановичъ Герценъ.

Съ портрета, писаннаго Н. Н. Ге.

(Городская галлерей П. и С. Третьяковыхъ въ Москвѣ).

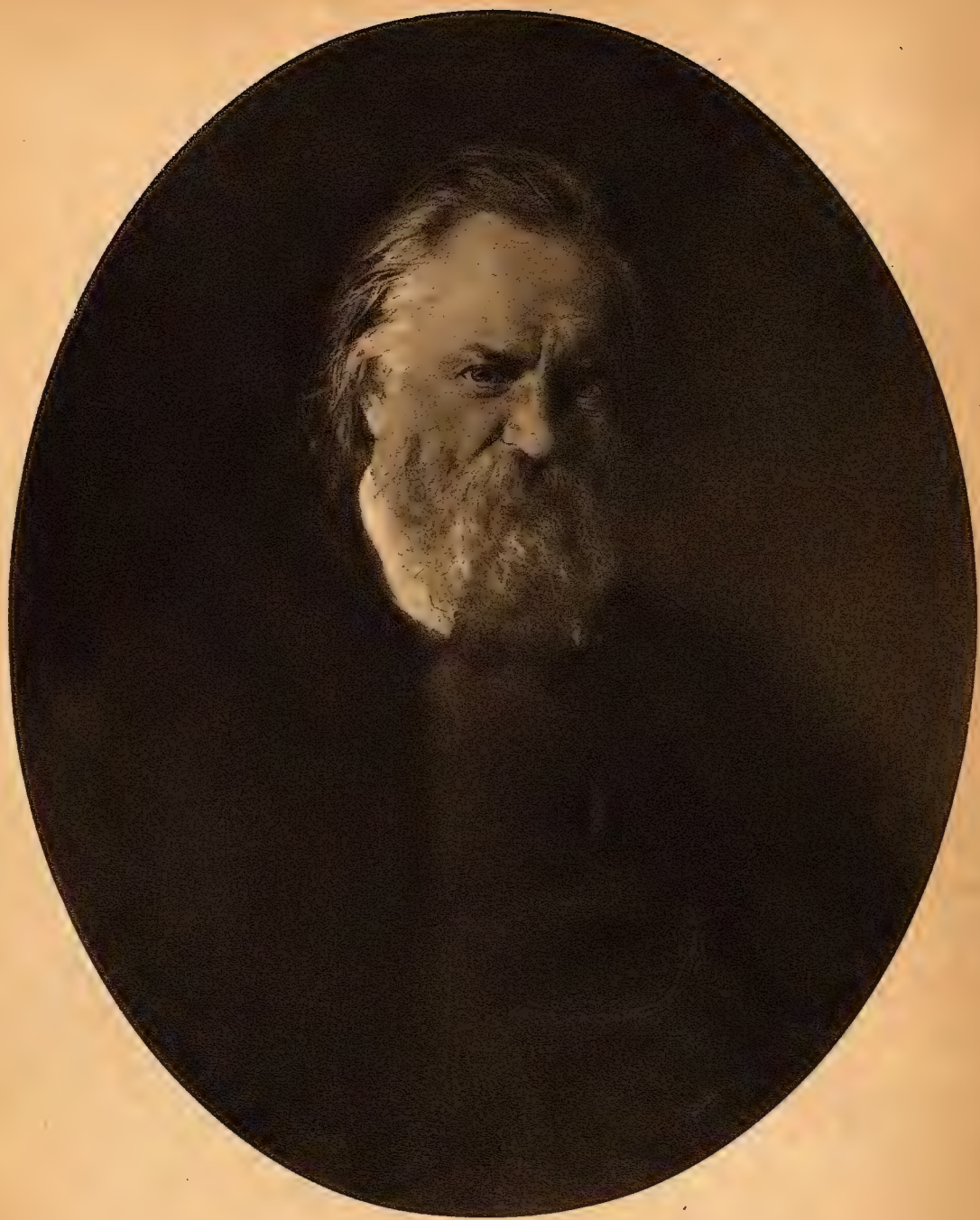
„ИСТОРИЯ РОССИИ ВЪ XIX ВѢКѢ“, Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К^о“,

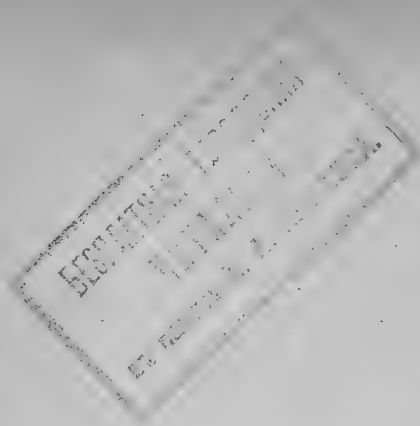
2

Александръ Павловичъ Лебедевъ.

Съ дѣтства изучалъ въ Н. П. Л. Л. Лебедевъ: Лебедевъ П. П. Л. Л. Лебедевъ.

Полковникъ въ отставкѣ, Александръ Павловичъ Лебедевъ, въ Н. П. Л. Л. Лебедевъ.

вкуса французовъ". „Французы не во всѣхъ родахъ словесности успѣли; у нихъ нѣтъ ни поэмы, ни исторіи, ни живописной поэзіи (poésie descriptive), ни пастушеской, ни даже романа своего". Поэтому странно все оцѣнивать на „французскій масштаб". Французская литература сама носитъ подражательный характеръ, и притомъ „робкій изнѣженный вкусъ" французовъ сильно исказилъ достоинства античной литературы. Всѣ новѣйшія литературы „почерпнули красоты свои въ единственномъ и неизсякаемомъ источникѣ всего изящнаго—у грековъ и римлянъ". Отсюда слѣдуетъ, что, если мы желаемъ выйти изъ состоянія младенчества, мы должны отъ копій обратиться къ оригиналу, мы должны воспитывать нашихъ дѣтей не на французскомъ языкѣ, а на греческомъ или, по крайней мѣрѣ, латинскомъ. Пока мы не введемъ классической системы образованія, „до тѣхъ поръ мы, большая часть толпы, будемъ не говорить, а болтать, не писать, а лишь марать бумагу".

Подобныя мысли въ защиту чистаго, не фальсифицированнаго классицизма развивалъ и Гнѣдичъ въ „Разсужденіи о причинахъ, замедляющихъ успѣхи нашей словесности" (1814). Нѣсколько позднѣе мы встрѣтимся съ ними (хотя и въ своеобразной аргументаціи) у Д. В. Веневитинова въ статьѣ „Нѣсколько мыслей въ планъ журнала" и у И. В. Кирѣевскаго въ статьѣ „Девятнадцатый вѣкъ".

Отвѣтомъ на призывъ Муравьева Апостола и Гнѣдича явились переводы съ классическихъ языковъ на

русскій (М. Н. Муравьева, Мартынова, Мерзлякова, самого Муравьева-Апостола) и особенно знаменитый переводъ Иліады, сдѣланный Гнѣдичемъ.

Переводы позволяли сличать копію съ оригиналомъ, видѣть „французскія румяна", густымъ слоемъ наложенныя на литературные образы. Гримъ снять, и величавый герой превратился въ актера съ печальными морщинами на одряхлѣвшемъ лицѣ.

Въ непосредственномъ общеніи съ античной литературой ищутъ наслажденія и вдохновенія члены кружка *А. Н. Оленина*, стремясь сочетать свои классическія симпатіи съ любовью къ родной старинѣ. Блестки античной поэзіи сверкаютъ въ такъ называемой легкой, анакреонтической поэзіи, которой была весьма богата первая четверть XIX в. Во главѣ этой группы поэтовъ сталъ *Батюшковъ*, столь несравненно постигшій тайны греческой пластики и античной музыки стиха. Онъ придавалъ большую принципиальную важность „легкой поэзіи", которая „стояла бы ближе къ жизни, къ интересамъ образованнаго общества и отличалась бы изяществомъ формы". И, дѣйствительно, Батюшкову удалось, по мѣткому выраженію Гоголя, прикрѣпить поэзію „къ землѣ и тѣлу, выказывая всю очаровательную прелесть осязаемой сущности".

Такова была конечная судьба русскаго ложноклассицизма. Но, возвращаясь къ первымъ пятнадцати годамъ XIX ст., мы видимъ, что энергія еще не покидала старыхъ бойцовъ. Они еще выступали сомкнутыми, организованными рядами.

Въ ихъ распоряженіи былъ спеціальный журналъ „Драматическій Вѣстникъ“ (съ 1808 г.); они основываютъ „Бесѣду любителей Россійской словесности“ (1811 г.); на ихъ сторонѣ была и Россійская Академія. Своимъ „Разсужденіемъ о старомъ и новомъ слогѣ Россійскаго языка“ (1803 г.), вождемъ классиковъ, адмиралъ Шишковъ, открываетъ пятнадцатилѣтнюю кампанію *противъ „карамзинистовъ“*. Въ полемикѣ принимали участіе всѣ болѣе живыя силы русской литературы. Комедія Шаховскаго „Липецкія воды или урокъ кокеткамъ“ (1815 г.), въ которой былъ осмѣянъ Жуковский въ лицѣ поэта-балладника Фіалкина, подала ближайшій поводъ къ образованію общества „Арзамасъ“. Это важный моментъ въ исторіи нашего литературнаго развитія. Какъ ни много мѣста „арзамасскіе гуси“ отводили легкой шуткѣ, юмористическимъ издѣвательствамъ надъ противниками, какъ ни кратковременно было существованіе „Арзамаса“ (въ 1818 г. онъ уже распался), но все же ему принадлежитъ серьезное *симптоматическое* значеніе. Уже самый фактъ сплоченія группы писателей—новаторовъ свидѣтельствуетъ о сознаніи ими своей силы. Не имѣя ни опредѣленной общественной программы, ни даже единой литературной теоріи, арзамасцы однако были связаны общностью настроенія, какъ

„друзья смѣлыхъ музъ“, какъ „шайка независимыхъ“. Подъ вліяніемъ Вас. Л. Пушкина, Уварова, Батюшкова, М. Ѳ. Орлова „Арзамасъ“ въ 1817 г. пробуетъ расширить планъ своей дѣятельности и придать ей серьезный общественно-литературный характеръ: онъ намѣревается заняться „образованіемъ общаго мнѣнія“ и съ этой цѣлью между прочимъ „наблюдать политическое и нравственное состояніе Россіи и прочихъ государствъ“, распространять „идеи свободы, приличныя Россіи въ ея теперешнемъ состояніи“. Планы эти не были осуществлены, но путь предстоявшей работы намѣченъ вѣрно. Время „Арзамаса“ (1815—1818) есть своего рода рубежъ, водораздѣлъ. По ту сторону мы видимъ главнымъ образомъ борьбу классицизма съ сентиментализмомъ и сентиментальнымъ романтизмомъ. Литература служитъ здѣсь выраженію интимныхъ сторонъ личности, ея внутреннему освобожденію, но въ значительной степени рѣшетъ надъ жизнью. По сую сторону рубежа литература проникается уже духомъ общественной свободы. Оплодотворенная байронизмомъ и декабризмомъ, она пріобрѣтаетъ молодую энергію и яркую жизненность. Геніальное сочетаніе новыхъ чертъ литературнаго движенія представили пѣвецъ декабризма, *А. С. Пушкинъ*, и авторъ „Горя отъ ума“, *А. С. Грибоедовъ*.

Очеркъ Пушкинскаго періода.

(Е. В. Аничкова.)

На картинахъ князя Гагарина среди живописной природы Кавказа привлекаетъ къ себѣ особое вниманіе стройная и нарядная фигура офицера въ изящномъ мундирѣ Александровскаго времени. Солдатчина Николаевскихъ временъ еще не наложила на него своей мертвящей печати, или же здѣсь на Кавказѣ она сглажена вольными осязными походной обстановки.

Этотъ блестящій офицеръ стоитъ въ самомъ центрѣ литературныхъ теченій второй половины царствованія Александра I и начала царствованія Николая. Онъ главный и почти неизмѣнный герой множества повѣстей Бестужева-Марлинскаго и князя В. Одоевскаго. Онъ же мелькаетъ и въ „Повѣстяхъ Бѣлкина“, а у Лермонтова въ „Фаталистѣ“, въ „Маскарадѣ“, въ „Герое нашего времени“ онъ получаетъ свое полное и законченное изображеніе. Къ этому же типу принадлежали и сами писатели того времени. Таковъ Батюшковъ, противъ воли отца, по неудержимому порыву, поступившій на военную службу и продѣлавшій всѣ походы Александра I отъ Парижа до Финляндіи. Таковъ партизанъ Давыдовъ, таковы и пылкіе декабристы, члены различнаго рода тайныхъ обществъ: Рылѣевъ, князь Александръ Одоевскій, Бестужевъ. Къ той же блестящей военной молодежи принадлежалъ нѣкоторое время и Грибоѣдовъ, а позднѣе Лермонтовъ прожилъ среди нея

всю свою, правда, недолгую жизнь. Статскіе: князь Вяземскій, Кюхельбекеръ, Пушкинъ, баронъ Дельвигъ, Веневитиновъ, Баратынскій жили въ сущности тѣми же впечатлѣніями, дружили съ тѣми же людьми, лелѣяли тѣ же идеалы и стремленія, и во многомъ и самый образъ жизни ихъ совпадалъ съ жизнью блестящаго свѣтскаго офицерства.

Направленіе давали именно военные, статскіе составляли скорѣе ихъ разновидность, скорѣе исключеніе изъ правила, чѣмъ особую среду.

Такой типъ дворянина, свѣтскаго щеголя блестящаго офицера, создала бурная эпоха Отечественной войны. Она вывела русское дворянство на просторъ всемірной исторіи, оторвала его и отъ канцелярщины, и отъ исключительно казарменной солдатчины, и отъ родовыхъ помѣстій, съ ихъ слишкомъ затхлой и косной атмосферой. А послѣдовавшіе кавказскіе походы поддерживали эту же традицію отваги и бродячей жизни, эту же поэзію военныхъ и путевыхъ приключеній. Оставаясь помѣщикомъ, помѣщикомъ по самому существу, дворяниномъ - землевладѣльцемъ, съ рыцарскими представленіями о чести и доблести, подъ вліяніемъ новой жизненной обстановки, какъ было даже окончательно не свести всѣ счеты и съ чиновничествомъ и съ старо-русскимъ захолустьемъ? Въ канцеляріяхъ и въ своихъ усадьбахъ

блестящій офицеръ сталъ появляться мимоходомъ, съ одной стороны, какъ чужой, а съ другой, какъ существо высшее, какъ какое-то недосигаемое, хотя и родное, совершенство. Блестящій офицеръ того времени побывалъ въ чужихъ краяхъ, гдѣ, съ дѣтства зная иностранные языки, онъ живо воспринималъ новые общественные и литературные взгляды и вкусы. Онъ исколесилъ чуть ли не всю Европу, побывалъ въ Парижѣ, въ Римѣ, на живописномъ востокѣ, тамъ, въ тѣснинахъ грознаго и упоительнаго Кавказа и чувствовалъ въ своей осложнившейся душѣ отзвуки одинаково родные, отзвуки интересовъ Запада и знойныхъ, хотя и полу-

спящихъ восточныхъ чувствъ. Мудрено ли поэтому, что именно ему то, этому блестящему офицеру, выпало на долю еще представить собою и ту передаточность между Востокомъ и Западомъ, которая составляетъ удѣлъ славянства и, еще болѣе, насъ русскихъ.

Именно дворянство—служилое сословіе, но по самому своему складу все-таки сословіе деревенское и аристократическое, сословіе, воспитанное въ феодальныхъ нравахъ и понятіяхъ—должно было, съ одной стороны, оказаться наиболѣе подвижнымъ, а съ другой, и наиболѣе способнымъ задуматься о государственномъ переустройствѣ Россіи.

1.

Русскій романтизмъ.

Дворянство—и именно дворянство высшее, наиболѣе служилое и развитое, въ значительной степени перешедшее въ городъ,—естественно могло наиболѣе легко поддаваться вліяніямъ смѣнявшихся на Западѣ литературныхъ взглядовъ. Оно стояло ближе къ Европѣ. Иностранная книга давно и даже въ изобиліи проникала въ эту среду. Мысль обострялась. Потребности умственной жизни уже имѣли довольно старую традицію. Сознаніе прошло черезъ „волтерьянство“ и европеизировалось.

Первое проявленіе на литературномъ поприщѣ очерченной мною особой умственной и соціальной среды была лирика. Красота индивидуальнаго поэтическаго творчества, красота личныхъ мыслей и личныхъ чувствъ была создана золотымъ вѣ-

комъ нѣмецкой поэзіи, но она была предугадана и во Франціи въ легкой лирикѣ Парни и въ предсмертныхъ стихахъ Андрея Шенье, а въ Англіи ее еще раньше подготовляла интимная чувствительность Томсона. Всѣ эти „мысли-звуки“ уже раздавались и у насъ. Ихъ познали и полюбили Карамзинъ, Жуковскій и Батюшковъ. Слѣдующее поколѣніе развило ихъ вторженіемъ еще болѣе сознательнаго личнаго почина и „парнасскаго аэонизма“, что

Сердца волнуетъ, мучитъ,
Какъ своеобразный чародѣй.

Поэтъ-офицеръ Александровскаго времени сталъ уже лирикомъ-романтикомъ; его лиризмъ превзошелъ лирику Карамзина и Жуковского, а у Батюшкова онъ принялъ иной новый еще неизвѣданный блескъ. Пріютъ

ему давали альбомы мечтательныхъ уѣздныхъ и столичныхъ красавицъ, и всего полиѣ отразили его изящно изданные „Сѣверные цвѣты“ Дельвига.

Лирика Жуковского была строго элегична. Это—поэзія „вспоминанія“ и „сердечнаго воображенія“. „Идеальность, чистота и глубокость чувствъ; святость прошедшаго; вѣра въ прекрасное, въ неизмѣняемость дружбы, въ достоинство человѣка и благость Просвѣщенія, стремленіе къ неземному: равнодушіе ко всему обыкновенному, ко всему, что не душа, что не—любовь“—вотъ какъ опредѣлялъ поэзію Жуковского Иванъ Кирѣевскій. Близокъ къ элегизму еще и Батюшковъ. И онъ принадлежитъ еще къ этому пра-романтизму, когда опоэтизированы впервые вздохи и лунный свѣтъ, слезы кладбища, и „тихая покойная жизнь, далекая отъ всякой сутолоки, въ кругу нѣжныхъ друзей“. Но теперь это направленіе уже доведено до извращенія у Раича и князя Шаликова. Чувствительность, всегда немного напускная, стала приторна. Сантиментальность смѣшнѣе, а не трогаетъ. Если Карамзинъ говорилъ о Шаликовѣ, что въ немъ „что-то тепленькое“, то теперь это уже не похвала, а насмѣшка. Правда, Александръ Одоевскій еще стремился „разстать весь любви“, а Веневитиновъ продолжаетъ и въ началѣ двадцатыхъ годовъ тѣшить себя, напѣвая:

Я счастливъ и безъ вѣщцовъ
Съ лирой, съ вѣрными друзьями.

Но пора элегій прошла, и у Пушкина скоро сорвется имъ послѣднее и пренебрежительное прости:

Избавь насъ, Боже!
Отъ элегическихъ куку!

Не кукушка, а соловей становится символомъ новой лирики. Разнообразные трели—звуки, выливающіеся изъ сердца, настоящая радость и настоящее, потрясающее горе, ликование и гнѣвъ, все, чѣмъ живетъ, что воспринимаетъ поэтъ и что хочется ему выразить, все это „заостряетъ онъ рѣимой“, все это выливается безъ прикрасъ непосредственно и вольно, на тысячу мотивовъ разнообразныхъ и звучныхъ. Тотъ же Веневитиновъ выразилъ эту новую поэтику „парнаскаго афеизма“, когда онъ писалъ:

Кому небесное—родное,
Кто сочетаетъ съ сѣдиной
Воображеніе молодое
И разумъ съ пламенной душой,
Въ волшебной чашѣ наслажденья
Онъ дна пуста не найдетъ
И воскликнетъ въ чувствахъ упоенья:
«Прекрасному предъложь тыть!»

Герой и создатель новой поэзіи зажилъ слишкомъ сверкавшей и слишкомъ захватывающей жизнью, чтобы лирика его была „литературна“, отзывалась направленіемъ, условнымъ свѣтомъ, лившимся изъ чтенія и требовавшимъ нѣкоторой искусственности въ настроеніи. Начитанность только питала и убаюкивала, но выражалась сама жизнь. Начитанность и жизнь, правда и поэзія слились въ нѣчто единое. Романтизмъ пересталъ быть вычитаннымъ. Теперь онъ претворенъ. Теперь создается особый романтизмъ, романтизмъ русскій, занимающій свое собственное мѣсто рядомъ съ нѣмецкимъ и французскимъ.

Романтизмъ русскаго поэта двадцатыхъ годовъ—офицера и помѣщика,

не порвалъ такъ рѣзко съ вѣкомъ Просвѣщенія, какъ это было на Западѣ. Въ лицѣ Пушкина онъ еще не позабылъ „Парни, Вержье съ Грекуромъ“ и увлекался Андреемъ Шенье, поэзія котораго недавно увидѣла свѣтъ въ изданіи Латуша. „Парни, Вержье съ Грекуромъ“ и Андрей Шенье подходили къ настроенію веселости и упоенія жизнью, охватившаго молодого Пушкина и его лицейскій кружокъ, т. е. Дельвига, Кюхельбекера, князя Вяземскаго и другихъ, когда еще почти юношами праздновали они:

И клики радости безумной,
И мирныхъ музъ минутные дары,
И лепетанье славы шумной.

Лирика молодого Пушкина—лирика задора, кутежа и пріятельскихъ сношеній въ кругу себѣ равныхъ такихъ же повѣсь высшаго круга. Такою остается его лирика и въ Кншиневѣ, и, позднѣе, въ Михайловскомъ и Тригорскомъ. Посланіе друзьямъ, стихи въ альбомы, стихи красавицамъ, достигающіе такой высокой идеализаціи, какъ „Я помню чудное мгновеніе“, а иногда спускающіеся до почти холоднаго, сухого отношенія къ любовнымъ похождениямъ, „пиры, любовницы, друзья“ и рядомъ эпиграммы—вотъ тотъ фонъ, на которомъ только отъ времени до времени вспыхиваетъ элегія въ родѣ „Я пережилъ свои желанья“, „Къ морю“, вдумчивыхъ посланій къ Чаадаеву и проч. Этотъ фонъ, еще отдающій именно аристократическимъ вольномысліемъ и „либертиномъ“ французскаго XVIII вѣка, теперь только выраженнымъ не неуклюжимъ слогомъ нашихъ классиковъ, а блестящимъ чеканомъ раз-

говорной рѣчи, народныхъ пѣсенъ и „легкой поэзіи“, этотъ фонъ всей поэзіи Пушкинскаго періода воплотилъ князь Вяземскій,

Язвительный поэтъ, острякъ замысловатый,

И блескомъ, и умомъ и шутками богатый.

А черезъ вліяніе Пушкина то же настроеніе передается и молодому Лермонтову, и студенту Полежаеву, еще не замученному Николаемъ I. Даже гораздо позже, во времена Герцена и Огарева, скажется то же въ сущности настроеніе разгульно-дворянское, и къ нему только пристанетъ налетъ французской романтической богемы, зачатой въ кружкѣ Виктора Гюго.

Но было и еще одно теченіе, унаслѣдованное отъ вѣка Просвѣщенія и поддерживаемое именно Андреемъ Шенье.

Это теченіе политическаго фрондерства, вольномыслія и вольнолюбія. Это „Ода вольности“ Пушкина. Это его мечты въ деревнѣ среди прелестей родной природы, среди чисто помѣщичьей обстановки, когда поэтъ восклицаетъ:

Но мысль ужасная здѣсь душу омрачаетъ:

Среди цвѣтущихъ нивъ и горъ
Другъ человѣчества печально замѣчаетъ

Вездѣ невѣжества губительный позоръ.

Эти „барство дикое“, присвоившее себѣ „и трудъ, и собственность, и время земледѣльца“, и „дѣвы юныя“—„для прихоти развратнаго злодѣя“—все это отзывается Грѣзомъ и тѣмъ самымъ Парни, когда онъ хочетъ быть серьезнымъ. Печать вѣка Просвѣщенія здѣсь совершенно ясно вид-

на. Даже эта знаменитая пророческая строфа:

Увижу ль я, друзья, народъ не угнетенный,
И рабство, павшее по манію царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной,
Взойдетъ ли, наконецъ, прекрасная
заря?

и она гораздо ближе къ конституціоналисту Андрею Шенье, чѣмъ къ чисто романтическому вольнолюбію, на Западѣ слагавшемуся уже въ иной соціальной атмосферѣ. Шелли, котораго и не знали наши поэты Пушкинскаго періода, говорилъ уже совершенно инымъ языкомъ. Вольнолюбіе нашего поэта-офицера и барича,—это „мечта прекрасная свободы“, взлелѣянная въ бурные годы политическихъ и соціальныхъ потрясеній и взлелѣянная еще отвлеченно и книжно по завѣтамъ вѣка Просвѣщенія. Только позднѣе мы увидимъ ее демократизованной, и она получитъ тогда новую, болѣе близкую къ дѣйствительности обоснованность. Покаместъ этотъ отвлеченный эстетическій характеръ носили „мечты прекрасныя свободы“ и у декабристовъ, этой кучки „великолѣпно погибшихъ“ апостоловъ нашего запоздалаго освобожденія. Кучка эта была не малая. Пушкинъ справедливо говорилъ: „насъ было много на челиѣ“, но съ соціально-политической точки зрѣнія это была все-таки кучка. И сколько между нами было поэтовъ, унесшихъ съ собою на плаху и въ „мрачныя пропасти земли“

летучій рой,
Еще не зрѣлыхъ, темныхъ вдохновеній,
не говоря уже о составившихъ

себѣ имя въ литературѣ поэтахъ,—Рылѣевъ, Бестужевъ, князь Одоевскомъ, Батенковъ, Кюхельбекеръ!

Идеи вѣка Просвѣщенія и романтический размахъ мечтаній, великолѣпная поэма, гдѣ героями выступили сами авторы, ненависть „самовластья“ и лирический восторгъ героического поступка, чисто офицерскаго, почти фантастическаго, а послѣ... такой также фантастически прекрасный и мрачный, какъ послѣдній актъ трагедіи, ужасный конецъ! Его изобразилъ Александръ Одоевскій:

Недвижимы, какъ мертвые въ гробахъ,
Невольно мы въ болѣзненныхъ сердцахъ

Хоронимъ чувствъ привычныя порывы.

Но воображеніе русскихъ романтиковъ и тамъ, въ Сибири, не хотеть уgomониться и все поетъ словами тѣхъ же вольнолюбивыхъ увлеченій.

Мечи скуемъ мы изъ цѣпей,
И вновь зажжемъ огонь свободы,
И съ нею грянемъ на царей—
И радостно вздохнуть народы,

писалъ тотъ же Одоевскій Пушкину.

Такова связь русскаго романтизма съ вѣкомъ Просвѣщенія и его свѣтлыми идеями. Нашъ романтизмъ былъ радостенъ и великодушенъ. Нашъ „парнаасскій аэизмъ“ былъ гораздо жизненнѣе и разсудочнѣе нѣмецкаго. Это не было также только художественное теченіе. Оттого чисто художественныя предпочтенія высказывались менѣе рѣзко, и у насъ сказалась меньшая исключительность.

Романтизмъ русскаго офицера и барича сохранилъ на себѣ слѣды вѣка Просвѣщенія и чисто философскіе. Пушкинъ былъ до извѣстной степени рационалистъ въ по-

эзіі. Нѣмецкой философіи онъ не зналъ и, когда она распространится у насъ, онъ будетъ чуждаться ея. Поэтический раціонализмъ Пушкина вылился въ его „Прозаикъ и поэтъ“.

О чемъ, прозаикъ, ты хлопчешь?
Давай мнѣ мысль, какую хочешь:
Ее съ конца я заострю,
Летучей риемой оперю,
Вложу на тетиву тугую,
Послушный лукъ согну въ дугу,
А тамъ пошлю напрапалую—
И горе нашему врагу!

Такъ можетъ разсуждать только поэтъ-раціоналистъ. Гдѣ здѣсь теорія Канта объ „эстетическихъ идеяхъ“? Сравните съ этимъ извѣстный парадоксъ Новалиса, обновленный современными поэтами-символистами: „Можно представить себѣ рассказы безъ связи, но въ ассоціаціи, какъ сновидѣнія; стихотворенія, полныя красивыхъ словъ, но безъ всякаго смысла и связи, развѣ та или иная строфа будетъ понятна, точно разнородные отрывки“.

2.

Чудесное и живописное.

Если среди русскихъ романтиковъ еще живы идеи вѣка Просвѣщенія, если они еще до извѣстной степени раціоналисты, то воображеніе все-таки уже настраивается строго романтически. Безсознательно, въ томъ „внутреннемъ безпокойствѣ, которое предшествуетъ вдохновенію“ совершаются процессы, знакомые поэтикѣ романтизма, но совершенно чуждые разсудочности XVIII вѣка. Увлекаютъ и романтическіе образы. Не только Шиллеръ и Гёте черезъ посредство Жуковского окончательно уже полонили сознаніе. Къ двадцатымъ годамъ у насъ знаютъ и романтиковъ въ тѣсномъ смыслѣ слова. Тика лично посѣщали Кюхельбекеръ и Жуковский. Воображеніе становится романтическимъ, и образы того особаго классическаго барокко или рококо, какими пользовался охотно еще и юный Пушкинъ, начинаютъ замѣняться иными.

Теперь, когда „риема — звучна я подруга“

отъ міра уводила
Въ очарованную даль,
этотъ „пиръ воображенія“, куда уносится поэтъ, основанъ на такихъ представленіяхъ, которыя ничего не имѣютъ общаго съ раціонализмомъ. Раціонализмъ, сказывающійся у русскихъ романтиковъ, не помѣшалъ расширенію поэтическаго сознанія. Какъ Ижорскій Кюхельбекера, поэтъ Александровскаго времени говорилъ себѣ:

Давно ль? кричали: „адъ и небо бредни“!

Не вѣрили ни въ Бога, ни въ чертей;
Все просвѣщалось; самыя передни—
Теперь—взгляните на своихъ дѣтей,
Ученики, поклонники Вольтера!

Конечно, суевѣріе не вѣра:

Но гдѣ же, гдѣ хваленый вашъ успѣхъ?

Что ваша мудрость? и подумать — смѣхъ!

„Суевѣріе“ и именно суевѣріе художественное, плѣняетъ, влечетъ къ себѣ, дразнитъ воображеніе. „Къ чудесному во всѣхъ возникла страсть“.

Если раньше въ эпоху главенства рационализма „здравый смысл“ долженъ былъ сдерживать воображеніе, теперь, напротивъ, воображеніе стремится даже къ необузданности. Словами Веневитинова и оно говоритъ теперь:

Прекрасному предълогъ нѣтъ!

и празднуетъ свободу, разрываетъ свои прежнія оковы. Какъ выражается классикъ въ разговорѣ съ издателемъ въ предисловіи кн. Вяземскаго къ „Бахчисарайскому фонтану“ Пушкина (1823): „въ наше время обратили музъ въ разсказчицъ всякихъ небылицъ“. Создается тотъ своеобразный рой балладъ, поэмъ, повѣстей и даже драмъ, который лучше всего опредѣляется этими словами пролога къ „Руслану и Людмилѣ“:

Тамъ чудеса, тамъ лѣшій бродить...

Все, что со временъ Чулкова было собрано въ литературѣ изъ причудливаго міра народныхъ повѣрій: русалки, вѣдьмы, домовые, лѣшіе, кикиморы и шипиморы, все то, съ чѣмъ ознакомилъ нѣмецкій романтизмъ: оборотни, саламандры, гномы, все это оживаетъ теперь въ поэзіи. Пушкинъ читаетъ сказки о Бовѣ-королевичѣ и богатыряхъ—Добрынь и Ерусланѣ Лазаревичѣ, прислушивается и къ сказкамъ своей старушки-няни въ длинные вечера въ Тригорскомъ, пока

Буря мглою небо кроетъ

Вихри снѣжные крутя

и такъ жутко и трепетно

по кровлѣ обветшалою

Вдругъ соломой зашумитъ.

А позднѣе молодой Гоголь станетъ писать матери, чтобы она старательно собрала для него „обычай и нравы малороссіянъ нашихъ“, „о коляд-

кахъ, о Иванѣ Купалѣ, о русалкахъ“.

„Множество,—писалъ онъ,—носится между простымъ народомъ повѣрій, страшныхъ сказаній, преданій, разныхъ анекдотовъ и проч. Все это будетъ для меня чрезвычайно занимательно“...

„Свѣтлана“ Жуковского и „Русланъ и Людмила“ почти мальчика-Пушкина, еще отзываются первая идиллизмомъ XVIII вѣка, а вторая—унаслѣдованнымъ отъ Возрожденія шуточно-гривуазнымъ эпосомъ. Но вотъ тотъ же Пушкинъ нѣсколько разъ, какъ это видно по его замѣткамъ и по отрывкамъ не конченныхъ балладъ, ищетъ уже изображенія „страшнаго“. Поэтическое „сுவѣріе“ романтиковъ стремилось именно къ страшному. Страшное должно было возбуждать воображеніе и манить за собою раздумье, зовя его за предѣлы разсудочности. „Утопленникъ“ въ этомъ смыслѣ достигаетъ совершенства. Пестрымъ роемъ врывается въ литературу множество балладъ того же рода цѣлой плеяды второстепенныхъ поэтовъ: Козлова, Глинка и др., печатавшихся въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“. Тому же художественному вкусу старается отвѣтить и Бестужевъ-Марлинскій въ своихъ повѣстяхъ и разсказахъ. „Пиковая дама“ Пушкина должна быть отнесена сюда же. Такова литература, плетущая вокругъ появленія „Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки“ свои замысловатые узоры. „Страшная мѣсть“ доводитъ романтическое „страшное“ до потрясающаго, и совершенство формы миритъ съ нимъ разъ навсегда. Съ ранними повѣстями Гоголя мы на самыхъ высшихъ романтическаго вдохновенія. Мы опять при-

близились къ вѣчному, всечеловѣчески прекрасному творчеству, какъ и вдохновенная пушкинская лирика.

Художественное суевѣріе коренилось, однако, не въ однихъ порывахъ воображенія, не въ однихъ литературныхъ впечатлѣніяхъ. Теперь если не кричатъ больше: „и адъ, и небо бредни“, то потому, что въ обществѣ широко распространены мистическія ученія. Масонскія ложи—ихъ пріютъ. Не только суевѣріе, но и вѣра въ таинственное, вѣра въ „запретныя знанія“ снова оживились и у насъ и на Западѣ,—ожились въ то самое время, когда свободомысліе, казалось бы, торжествовало окончательную побѣду. Вновь толкуютъ о Парпельсѣ, о Василии Валентинѣ, о Геберѣ, объ Арнольдѣ де-Вилланова. Не только въ двадцатыхъ годахъ XIX в., но и позже все это влечетъ къ себѣ наряду съ художественнымъ суевѣріемъ. Характернымъ показателемъ такой струи въ русскомъ романтизмѣ были позднія повѣсти Владимира Одоевскаго: „Эльса“, „Саламандра“ и др. Онѣ, правда, появились, когда уже нарождалось нѣчто уже совсѣмъ новое: „положительное“ теченіе мысли. Но Одоевскій нарочно вкладываетъ разсказъ о причудахъ Эльсы, погубившей алхимика Янко, въ уста такого новаго, положительнаго человека, „гоняющагося только за ясностью“. Симпатіи самого Одоевскаго явно на сторонѣ его собесѣдника и дяди, „перебывавшаго членомъ всѣхъ возможныхъ мистическихъ обществъ“, и симпатіи эти—наслѣдіе романтизма. Романтически „страшное“ увлекало какъ неизвѣданное, какъ таинственная и увлекательная игра мысли.

Художественное суевѣріе русскаго романтизма вполне соответствовало безпокойнымъ умамъ этихъ выхваченныхъ войной изъ помѣщичьяго уюта молодыхъ странниковъ и воиновъ, брошенныхъ въ міръ приключеній и бродячей жизни. Припѣвомъ къ своеобразному бисеру романтическихъ образовъ того времени могли бы служить подорожные „Бѣсы“ Пушкина:

Мчатся тучи, вьются тучи,
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна.
Ѣду, Ѣду въ чистомъ полѣ;
Колокольчикъ-динь-динь-динь...
Страшно, страшно поневолѣ
Средь невѣдомыхъ равнинъ.

Внутренняя, встревоженная любознательность воображенія нашихъ романтиковъ была разбужена подвижностью ихъ жизни, иногда и не зависѣвшей отъ ихъ желаній. Аполотетъ нашего романтизма, Полевой и называлъ сущность его „неопредѣленнымъ, неизъяснимымъ состояніемъ человѣческаго сердца“. Это же самое „неопредѣленное страстей“, которое толкало въ сторону романтизма и раціоналистовъ—французовъ въ самый разгаръ революціи.

Та же подвижность и встревоженность воображенія давала и еще одну особенность романтической поэтики—красочность. Поэтъ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ—офицеръ и баричъ, создалъ особую живописность, особую залитую солнцемъ красоту въ описаніяхъ природы и въ самыхъ сюжетахъ. Какъ французъ Делакруа, онъ полюбилъ яркіе цвѣта. Они запечатлѣлись въ его поэтическомъ сознаніи на Кавказѣ и на югѣ Россіи, въ Крыму и Бессарабіи. Кавказъ

сталъ чѣмъ-то въ родѣ классическаго мѣста литературной ссылки. Тамъ сошлись Лермонтовъ, Одоевскій, позднѣе и Полежаевъ. Тамъ бывалъ и Пушкинъ, когда „сѣверъ“ оказался ему „вреденъ“. И вотъ кавказскія поэмы слѣдуютъ одна за другой: „Кавказскій Плѣнникъ“, „Измаиль-Бей“, „Хаджи Абрекъ“, „Мцыри“, „Тамара“. А рядомъ съ ними: „Цыгане“ зовутъ въ степи благодатной Бессарабіи; „Бахчисарайскій фонтанъ“ плѣняетъ роскошью красотъ Крыма. Всюду сіяніе яркихъ цвѣтовъ, солнца и убранства южной природы. Воображеніе сѣвернаго человѣка, конечно, любившаго и свою блѣдную природу, именно тогда въ двадцатыхъ годахъ впервые нашедшую себѣ цѣнителей, приковываютъ къ себѣ эти только что открытыя болѣе живописныя красоты. „Люблю отчизну я, но странною любовью“, скажетъ Лермонтовъ. Его плѣняютъ

Ея степей холодное молчанье,
Ея лѣсовъ безбрежныхъ колыханье,
Разливы рѣкъ ея, подобные морямъ
во настоящая поэтическая его ро-

дина—это Кавказъ. Другое новое направленіе въ поэзіи должно смѣнить романтиковъ, чтобы возникъ истинно русскій поэтический пейзажъ и русская живописность. Они, правда, уже создались, и даже всего заманчивѣе и увлекательнѣе создались у Гоголя, но это все-таки Украина, въ прелесть которой Пушкинъ всматривается, какъ въ нѣчто таинственно чужое и манящее, словно, издалека. Поэтъ—офицеръ и баричъ, странникъ, безпокойный и неуугомонившійся, былъ скорѣе воспримчивъ и впечатлителенъ, чѣмъ способенъ къ интимному и вдумчивому наблюденію, открывающему скромную, какъ бы стыдливую красоту его родного края. Некрасовъ, Майковъ, Фетъ, Тургеневъ—вотъ кому не нужны больше Кавказъ и Крымъ, украинскія ночи и степи Бессарабіи. Серединой Россіей довольствовался развѣ Дельвигъ, но друзьямъ его было нужно живописное, лучезарное; оно отвѣчало клокотавшимъ безъ удержа сердцамъ и неустанно искавшимъ взорамъ романтиковъ.

3.

Байронизмъ.

Въ глубинѣ русскаго романтизма лежалъ одинъ поэтический недугъ, собиравшій всѣ зардѣвшіеся лучи въ одно цѣлое, объединявшій всѣ наболѣвшія въ душѣ чувства и выражавшій особую скорбь, также вычитанную или подслушанную, но, несомнѣнно, отвѣчавшую самому сокровенному смыслу всей жизни поэта—офицера и барича.

Пушкинскую „Чернь“ долго было

принято понимать, какъ переходъ къ служенію такъ называемому чистому искусству.

Подите прочь—какое дѣло
Поэту мирному до васъ!

Эти слова считались восклицаніемъ художника, который теперь сталъ тяготиться своимъ общественнымъ служеніемъ. Онъ презираетъ теперь чернь, т. е. огромное большинство

народа со всѣми его нуждами и запросами. Онъ говоритъ:

Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для итѣя,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.

Но почему собственно „звуки сладкіе“ и „молитвы“ противопоставляетъ поэтъ служенію обществу? Значитъ ли это, что онъ, дѣйствительно, отказывается отъ него? Позднѣе тотъ же Пушкинъ скажетъ себѣ:

Поэтъ, не дорожи любовію народной
и, развивая эту мысль, онъ гордо воскликнетъ:

Ты царь: живи одинъ. Дорогою свободной
Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ,
Усовершенствуя плоды любимыхъ думъ,
Не требуя наградъ за подвигъ благородный.

Не тутъ ли, именно, вотъ въ этомъ мрачномъ: „живи одинъ“ разгадка еще не совсѣмъ яснаго разногласія поэта съ тѣмъ, что онъ называетъ чернью? „Усовершенствованные плоды любимыхъ думъ“ и „подвигъ благородный“, самихъ по себѣ, никакъ нельзя противопоставлять общественному служенію. Нѣтъ, Пушкинъ не отрекался никогда отъ этического гражданства. Тутъ—другое. Стихотвореніе „Чернь“ было первымъ стономъ благородной души, вдругъ почувствовавшей свое одиночество, свою непонятость, свою отверженность отъ большинства; это большинство онъ назвалъ съ презрѣніемъ чернью, и тогда, глубже вдумавшись въ тѣ же свои скорбныя думы, онъ и сказалъ себѣ: „ты царь: живи одинъ“.

Поэтъ—офицеръ и баричъ, ото-

рвавшійся отъ своего класса, переросшій его высоко въ своихъ мечтахъ и понятіяхъ, былъ трагически одинокъ. Одиночество поэта выразилъ въ этихъ скорбныхъ стихахъ Бестужеву и Рылѣевъ:

Не сбылись, мой другъ, пророчества
Пылкой юности моей:
Горькій жребій одиночества
Мнѣ сужденъ въ кругу людей!
Слишкомъ рано мракъ таинственный,
Опытъ грозный разогналъ,
Слишкомъ рано, другъ единственный,
Я сердца людей узналъ.

Романтикъ мечталъ о геніи; только геній могъ быть его героемъ. Артистъ и пошлая непонимающая его толпа, это такое противоположеніе, которое какъ бы преслѣдуетъ романтиковъ за все время двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ, преслѣдуетъ и на Западѣ и у насъ. Разказы Одоевскаго „Послѣдній квартетъ Бетховена“, „Импровизаторъ“ и „Себастьянъ Бахъ“ стараются проникнуть въ самую душу художника. Чисто артистическую трагедію представляетъ собою и „Моцартъ и Сальери“ Пушкина. Эти романтическіе интересы составляютъ содержаніе и повѣстей Полевого, озаглавленныхъ „Мечты и жизнь“. Художникъ—избранникъ, но не легко дается это избранничество. Тѣ, кто тамъ внизу, можетъ быть, счастливѣе. У генія, наслаждающагося вдохновеніемъ, есть особое страданіе. Въ рассказѣ „Импровизаторъ“ Одоевскій назвалъ его: „все видѣть, все знать, все понимать“. Таковую способность поэту, Кипріано, даруетъ магъ, докторъ Сегелиель. Сначала Кипріано торжествуетъ: „чортовъ мостъ съ китайскими погремущками протянулся для него надъ бездною, отдѣляющею мысль

отъ выраженія“. Но вскорѣ все опостылило поэту: всюду онъ увидѣлъ зло. Оно ни въ чемъ никогда не могло скрыться отъ него.

Для того, кто обладает даромъ „все видѣть, все знать, все понимать“, общество не можетъ не казаться „чернью“.

Мы малодушны, мы коварны,
Безстыдны, злы, неблагодарны;
Мы сердцемъ хладные скопцы,
Клеветники, рабы, глупцы,

говорить поэту то общество, къ которому онъ принадлежитъ. Онъ долженъ: „глаголомъ жечь сердца людей“, а передъ нимъ?.. да развѣ это люди? его огонь не можетъ прожечь ихъ уродливой твердыни. Руки опускаются, и стынетъ умъ.

Не выходя изъ жизни, не увлеченіе искусствомъ, оторвавшимся отъ печали народной было пушкинское стихотвореніе „Чернь“, а вопль безсилія при полномъ сознаніи своего права и своего величія. Тутъ—трагедія русскаго романтизма.

И другой поэтъ, такъ вдохновенно оплакавшій смерть Пушкина, эту горестную, встревожившую всю Россію смерть Пушкина, послѣдствіе „коварнаго шопота безчувственныхъ невѣждъ“, этотъ поэтъ, бичевавшій ту самую чернь, противъ которой ополчился Пушкинъ, какъ „свободы, генія и славы палачей“, „надменныхъ потомковъ извѣстной подлостью прославленныхъ отцовъ“, онъ, въ своемъ углубленномъ въ самого себя печальномъ раздумьи причислилъ и себя къ той же черни, когда онъ говорилъ:

Печально я гляжу на наше поколѣнье!
Его грядущее—иль пусто, иль темно;

Межъ тѣмъ подъ бременемъ познанья
и сомнѣнья
Въ бездѣйствіи состарится оно.

Но Пушкинъ считалъ себя „малодушно погруженнымъ въ забавы суетнаго свѣта“ только временно, „пока не требуетъ поэта къ священной жертвѣ Апполлонъ“. Лермонтовъ шелъ дальше и, глядя на то, что было кругомъ, глядя на себя самого, какъ члена и участника этого общества, онъ, содрогаясь, предвѣщалъ себѣ это до несправедливости жестокое осужденіе:

И прахъ нашъ, съ строгостью судьи
и гражданина,
Потомокъ оскорбитъ презрительнымъ
стихомъ,
Насмѣшкой горькою обманутаго
сына
Надъ промотавшимся отцомъ.

Пушкинъ еще могъ говорить: „насъ было много на челнѣ“, Лермонтовъ уже не видѣлъ этихъ свѣтлыхъ надеждъ декабристовъ, онъ только слышалъ о нихъ и слышалъ тогда, когда самъ загнанный другъ ихъ, Пушкинъ, обманутый коварнымъ участіемъ Николая Павловича увѣрялъ себя, что „глядитъ впередъ безъ боязни“, „въ надеждѣ славы и добра“, старался утѣшить себя тѣмъ, что и „начало славныхъ дней Петра мрачили мятежи и казни“ и, посылая слова утѣшенія въ Сибирь къ тѣмъ, кто въ „глубинѣ сибирскихъ рудъ хранили гордое терпѣнье“, твердилъ съ какимъ-то упорствомъ отчаянія:

Нѣтъ, я не льстецъ, когда царю
Хвалу свободную слагаю.

Никто никогда такъ благородно и такъ жестоко не заблуждался. Горшее паденіе надеждъ были тогда эти лживыя надежды Пушкина, и оттого самъ онъ тутъ же въ тотъ

же годъ слышалъ въ своемъ сердцѣ
это „Предчувствіе“:

Снова тучи надо мною
Собралися въ тишинѣ;
Рокъ завистливый бѣдою
Угрожаетъ снова мнѣ.

Не столько „снова“, сколько теперь болѣе, чѣмъ когда-либо! И вотъ оттого-то Лермонтовъ и идетъ гораздо дальше Пушкина. Онъ подозрителенъ не только по отношенію къ себѣ. Онъ подозрѣваетъ даже свое вдохновеніе, то самое вдохновеніе, величіе котораго онъ пѣлъ такъ часто, умѣлъ такъ совершенно выразить. Оттого Лермонтовъ говоритъ себѣ въ злую минуту:

Случится ли тебѣ въ завѣтный чудный
мигъ

Открыть въ душѣ давно-безмолвной
Еще невѣдомый и дѣвственный род-
никъ

Простыхъ и сладкихъ звуковъ
полный—

Не вслушивайся въ нихъ, не преда-
вайся имъ,

Набрось на нихъ покровъ забвенья:
Стихомъ размѣреннымъ и словомъ
ледянымъ

Не передать тѣ ихъ значенья.

Всѣ эти мысли и чувства получили окончательный свой чеканъ, свое стройное и реальное выраженіе, уже на склонѣ романтическаго періода. Пушкинъ и Лермонтовъ высказали ихъ не въ ранней молодости.

Но раньше, давно, въ самой юности ихъ, еще въ двадцатыхъ годахъ, эти же мысли и чувства жили и бились въ тайникахъ сознанія русскаго поэта, тогда только еще плохо сознанія, скорѣе предугаданныя, воображеніемъ, чѣмъ продуманныя размыслиеніемъ. Тогда родилась, какъ выразился Шатобрианъ, „эта преступ-

ная меланхолія, зарождающаяся среди страстей, когда страсти безъ исхода уничтожаютъ другъ друга въ одинокомъ сердцѣ“. У насъ „преступная меланхолія“ или еще „неопредѣленное страстей“, и открытое молодымъ Шатобрианомъ въ Англіи, когда онъ набросалъ свой опытъ о революціяхъ, и г-жею де-Сталь, влекла къ Байрону.

О байроническихъ увлеченіяхъ Пушкина вслѣдъ за Апполлономъ Григорьевымъ принято говорить, какъ о вліяніи моды. „Нарядная печаль“ поэта—офицера и барича, считается чѣмъ-то въ родѣ красиво сыгранной роли. Нѣтъ, байронизмъ только подсказалъ поэтическое выраженіе тому, что стучалось и роптало въ живыхъ сердцахъ. И именно Байронъ, а никто другой, долженъ былъ отвѣтить неопредѣленнымъ біеніямъ вдохновеній. У насъ болѣе чѣмъ гдѣ-либо долженъ былъ расцвѣсть байронизмъ по самому существу своей основной логики.

Шатобрианъ былъ также офицеръ и баричъ, вырванный революціей изъ свойственной ему среды. Отсюда — „неопредѣленное страстей“, въ чистомъ художествѣ сказавшееся тяготѣніемъ къ чудесному и живописному. Его бретонская кровь только давала развиться сильнѣе тому, что рождалось въ силу вещей. Но Шатобрианъ былъ испуганъ ходомъ событій. Онъ утонулъ въ ихъ волнахъ. Одиночество его зависѣло не только отъ него самого. Байронъ, поэтъ-баричъ, аристократъ по крови и привычкамъ, аристократъ еще и по уязвленному самолюбію, заставлявшему превозносить свой аристократизмъ, отвернулся отъ своихъ собратьевъ, ужаснувшись ихъ

низостью и влекомый не противъ революціи, а вмѣстѣ съ ея теперь уже повергнутыми, чуть живыми идеями. Таковъ былъ и Пушкинъ. Таковы были всѣ наши романтики, поэты-офицеры и баричи.

Но рядомъ съ Байрономъ тамъ, въ классической странѣ настоящаго правового порядка, въ странѣ медленно и правильно совершающейся, но никогда не останавливающейся эволюціи общественныхъ формъ, стоялъ Шелли, болѣе глубоко продумавшій одиночество своего воображенія, пошедшій чисто по-англійски на ту же борьбу съ позорнымъ мѣщанствомъ высшихъ отсталыхъ классовъ англійскаго общества, къ которымъ принадлежалъ столько же, сколько и Байронъ. Оттого тамъ, на своей родинѣ, Шелли скоро затмилъ Байрона. Оттого тамъ онъ гораздо менѣе оказался одинокъ, если не при жизни, то потомъ, когда разбиты были стѣны, воздвигнутыя вокругъ его пламеннаго генія ревнивой англійской чопорностью. Байронъ ушелъ, надменный и одинокій и своимъ аристократическимъ пренебреженіемъ къ литературѣ и своими порывистыми, безъ удержа и расчета, стремленіями къ общественности. Этотъ мечтавшій о славѣ оратора „наслѣдственный законодатель“ Англіи, не сумѣлъ стать законодателемъ по-англійски и отвернулся отъ англійской жизни. Въ своемъ стремленіи къ аристократизму и смѣшивая его съ духовнымъ одиночествомъ, онъ какъ бы пересталъ быть англичаниномъ. Оттого-то онъ и оказался ближе людямъ странъ болѣе отсталыхъ въ политикѣ. Байронъ чувствовалъ почти какъ варваръ,

и вотъ байронизмъ у насъ, варваровъ, сталъ единственной „нарядной печалью“ своего времени, единственнымъ выразителемъ міровой скорби. Байронъ, своенравный аристократъ и наивный вольнолюбецъ, былъ близокъ нашимъ поэтамъ—офицерамъ и баричамъ—даже своей театральностью. Его поэтической небрежности они разгадать не могли, но, отчасти благодаря ей, онъ казался простъ. Онъ былъ такой „матеріей важной“, которая оказалась по плечу. Но ее глубоко прочувствовали наши поэты и превознесли, можетъ быть, даже выше поэзіи самого Байрона. Русскій байронизмъ — подражаніе-совершенство, подражаніе, возсоздающее и превосходное.

И оттого-то русскій байронизмъ съ начала своего появленія больше десятка лѣтъ растетъ и развивается. Кюхельбекеръ въ своемъ „Ижорскомъ“, спутавъ байроническій демонизмъ съ фаустовскимъ дерзаніемъ, чуть ли не опошлилъ его и строго осудилъ. „Алеко“ Пушкина еще рисуется, онъ слишкомъ живописенъ. Это красивая мечта еще бѣглая, блеснувшая, увлекшая и недостаточно ублажающая „праздною вольной, подругой размышленья“. Но вотъ въ воображеніи Пушкина проходитъ горная тѣнь „духа отрицанія, духа сомнѣнія“.

Его улыбка, чудный взглядъ,
Его язвительныя рѣчи
Вливали въ душу хладный ядъ.
Неистощимой клеветой
Онъ Провидѣнье искушалъ;
Онъ звалъ прекрасное мечтою;
Онъ вдохновенье презиралъ;
Не вѣрилъ онъ любви, свободѣ;
На жизнь насмѣшливо глядѣлъ—
И ничего во всей природѣ
Благословить онъ не хотѣлъ.

Теперь всякая связь съ сантиментальной элегіей уничтожена. Не элегическій вздохъ, а сатанинскій смѣхъ рвется изъ устъ поэта. Онъ не боится въ своей разочарованности хулить даже то, чему въ тайнѣ продолжаетъ молиться. Байронизмъ какъ бы открылъ дверь въ эту духовную могилу. Но она стала чертогомъ, сіяющимъ, могилой превращенной свѣтомъ высшихъ увлеченій въ мѣсто пиршествъ. Индивидуализмъ торжествуетъ. Все позволено, потому что, зачѣмъ воспрещать себѣ что бы то ни было, разъ божество повержено и растоптано отвратительной пятой презрѣнной черни и презрѣнной тоскливостью безвременья. Среди такого-то разочарованія и такой-то скорби религіозная душа Лермонтова,—Лермонтова, автора „Вѣтки Палестины“, „Ангела“ и „Молитвы“,—стала творить себѣ божественный обликъ „духа отрицанія и сомнѣнія“. Она долго вынашивала въ себѣ Демона. Воображеніе сосредоточивалось на немъ. Надо заставить полюбить и Демона. Любовь Демона—вотъ, что стоитъ выносить въ своемъ любвеобильномъ, пылко вѣровавшемъ сердцѣ, теперь злословящемъ и богохульствующемъ до самоупоенія, до самоистязанія, до „преступленій сладострастья“. Уже не какой-нибудь Алеко или Измаиль-бей, даже не усталый духомъ, но твердо и до конца остающійся героемъ человѣкъ, а духъ безплотный, недостижимый для смертнаго, въ своемъ величіи и въ своей скорби, нѣкогда святой, а теперь навѣки проклятый, богоравный духъ, заставляетъ трудиться и создавать „праздность вольная, подруга размысленія“. Черна и без-

донна пропасть между дѣйствительностью и святыней „любви, добра и красоты“. Надъ этой пропастью можетъ витать лишь Демонъ. Звуки рая въ немъ живы, но онъ поверженъ. Онъ—„царь познанія и свободы“; но потому-то любовь, на которую, только дразня себя, богохульствуетъ байронизмъ, злая любовь Демона—самое высокое, жгуче больное и упоительно прекрасное, что можетъ родиться въ тотъ чудный мигъ, когда въ отверстую грудь поэта вложить „угль, пылающій огнемъ“ божественный шестикрылый серафимъ, податель вдохновенія. Любовь Демона, сказавшаго о себѣ:

Я тотъ, чей взоръ надежду губить,
Едва надежда расцвѣтетъ;
Я тотъ, кого никто не любитъ,
Но все живущее клянетъ,

—это любовь—не брэнная и переходящая, это—любовь не земли,

Гдѣ нѣтъ ни истиннаго счастья
Ни долговѣчной красоты,

—это любовь—„смертельный ядъ“, любовь, своей божественною силой превращающаяся въ ненависть. Въ лобзаніи Демона сошлось все:

любовь, страданье,
Упрекъ съ послѣднею мольбой,
И безнадежное прощанье,
Прощанье съ жизнью молодой.

„Демонъ“ Лермонтова—высшій престолъ поэтической благодати русскаго романтизма.

Поэтъ-офицеръ и баричъ, достигъ тутъ самаго совершеннаго воплощенія своихъ творческихъ восторговъ и своей самой сокровенной горести. Тутъ сосредоточилось все, что накопило въ его воображеніи, что выстрадало сердце и долго зрѣло въ

6

Петръ Яковлевичъ Чаадаевъ.

(Историческій музей въ Москвѣ).

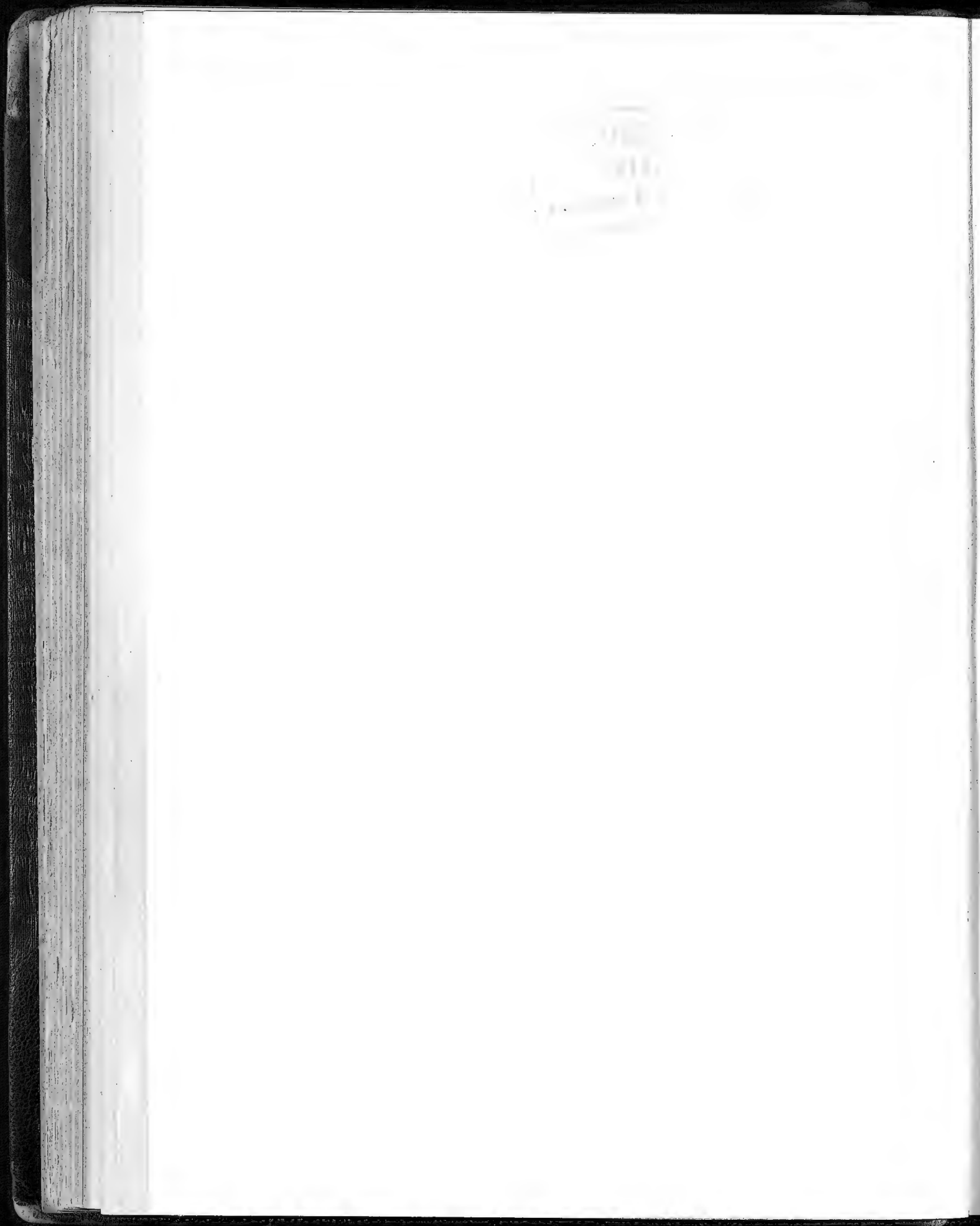
„ИСТОРИЯ РОССИИ ВЪ XIX ВѢКѢ“. Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К^о“.

Петръ Яковлевичъ Рязанскій

(Нотариусъ въ Москвѣ)

“НОТАРИАТЪ ВЪ XIX ВѢКѢ.” Изданіе 1-ое. “Въ А. И. ЛЕВАНТА” и Ко.

умѣ. Тутъ и страсть, и художественное суевѣріе, и гордый индивидуализмъ, и сверкающая яркими красками живописность, и разочарованіе, и волю-

номыслие, и отверженность и безпредѣльная грусть по сіяющему и въ самой поверженности своей идеалу.

4.

Народность и „мѣстность“.

Гёте первый далъ формулу національнаго самосознанія Германіи. Она гласила: „Нѣмецъ—все, а Германія—ничто“. Но когда наши войска въ тринадцатомъ году вступили въ Германію, тогда началось уже и политическое пробужденіе нѣмецкаго народа. Нѣмецкій умъ, продумавъ прошлое своей родины, началъ искать и въ настоящемъ залога общаго возрожденія. Романтическое увлеченіе золотымъ міромъ старины слилось съ новымъ, уже обще-германскимъ чувствомъ патріотизма.

Патріотизмъ русскаго человѣка отлился сначала въ чисто внѣшнюю государственно-военную форму. Онъ не могъ значить ничего иного, какъ „за вѣру, царя и отечество“, причемъ слова: „вѣра“ и „отечество“ звучали какой-то прибавкой, чѣмъ-то, надъ чѣмъ особенно задумываться вовсе не полагалось. Чисто официально было и праславянофильство Шишкова. Еще болѣе холодной и деревянной казенщиной проникнуть этотъ послѣдующій, придуманный Уваровымъ терминъ — „самодержавіе, православіе и народность“. Тутъ слово „народность“ утрачиваетъ уже всякое значеніе, а православіе значитъ лишь: вѣруй, какъ приказано. Терминъ: „народность“ употребленъ здѣсь только потому, что самодержавіе всѣмъ тѣмъ, чье благосостояніе зиждилось на устояхъ тогдашняго строя общества и го-

сударства, этой „черни“ „надменныхъ потомковъ извѣстной подлостью прославленныхъ отцовъ“ было выгодно счесть чѣмъ-то неизбѣемымъ и народнымъ. А православіе въ значеніи: вѣруй, какъ приказано, должно было этимъ устоямъ придать еще характеръ святости. Можно было бы сказать: самодержавіе, святѣйшій синодъ и крѣпостное право, это было бы вѣрнѣе. Во всякомъ случаѣ, это было бы искренно. Каждый „вѣропопданный“ тогдашняго времени, говорившій по-французски лучше, чѣмъ на своемъ родномъ языкѣ и увлекавшійся Священнымъ Союзомъ, въ душѣ своей долженъ былъ чувствовать именно такъ. Злые слова Пушкина:

Необходимость самовласти
И прелести кнута,

какъ положеніе, „доказываемое“ „Исторіей Государства Россійскаго“ консерватора Карамзина, — Карамзина, сказавшаго послѣ событій 14 декабря: „Я, мирный исторіографъ, алкалъ пушечнаго грома, будучи увѣренъ, что не было иного способа прекратить мятежъ“, — эти слова Пушкина — грубая, но несомнѣнная правда; сущность тогдашней консервативной народности и официального патріотизма заключалась не въ чемъ иномъ, какъ въ оправданіи насилія и произвола, которыхъ не видѣлъ развѣ только подернутый сантиментальными слезами глазъ поэтовъ-элегиковъ.

Но, когда русскіе офицеры вернулись домой изъ похода четырнадцатаго года, когда они, какъ выражается въ своихъ запискахъ Декабристъ Якушкинъ, „выросли“ въ своемъ духовномъ развитіи, для нихъ патриотизмъ оказался уже чѣмъ-то совершенно инымъ. Это былъ патриотизмъ скорѣе того особаго значенія, какое придали ему во Франціи въ вѣкъ рационализма и революціи. „Права человѣка“, которыми грезилъ долгое время императоръ Александръ I, начали сливаться съ идеей народности. Иначе и не могло быть въ средѣ русскихъ романтиковъ, еще помнившихъ XVIII в.

Залогъ блаженства чуждыхъ странъ—
Святую праотцевъ свободу
И древнія права гражданъ,

вотъ, что хотѣлось вычитать въ исторіи своего отечества русскимъ романтикамъ. Народность, родина призывали къ себѣ, какъ нѣчто живое, способное къ росту и развитію, отнюдь уже не противорѣчащее всѣмъ порывамъ къ свободѣ, которые пробудила по всему лицу Европы французская революція и которыхъ не заглушили ни режимъ Наполеона I, ни режимъ Меттерниха. Подъ національнымъ знаменемъ крѣпло освободительное движеніе въ Италіи и Греціи. Чисто національный патриотическій характеръ носить и русское освободительное движеніе двадцатыхъ годовъ.

Въ простыхъ, но ясныхъ выраженіяхъ эта связь прогрессивныхъ и патриотическихъ увлеченій отмѣчена въ часто приводимыхъ словахъ фонъ-Визина: „Въ то время многіе офицеры гвардіи и генеральнаго штаба со страстью учились и пре-

имущественно читали сочиненія и журналы политическіе, также иностранныя газеты, въ которыхъ такъ драматически представляется борьба оппозиціи съ правительствомъ въ конституціонныхъ государствахъ. Изучая смѣлыя политическія теоріи и системы, весьма естественно, что занимающіеся ими желали бы видѣть ихъ приложеніе въ своемъ отечествѣ. А это и было главнымъ предметомъ занятій разножившихся въ Европѣ тайныхъ политическихъ обществъ, которыхъ члены исключительно посвящали себя политикѣ. Статуты нѣкоторыхъ изъ этихъ союзовъ, существовавшихъ во Франціи, завезены были въ Петербургъ“.

Конституціоналистическія теоріи и упорная мысль о судьбахъ родины, рационализмъ въ политикѣ и національное самосознаніе—въ литературѣ выразителемъ этого направленія былъ Рылѣевъ. Оно сквозитъ и у Пушкина. Таковы извѣстныя пламенные строки къ Чаадаеву:

Подъ гнетомъ власти роковой
Нетерпѣливою рукой
Отчизны внемлемъ призыванья.
Мы ждемъ съ томленьемъ упованья
Минуты вольности святой,
Какъ ждетъ любовникъ молодой
Минуты сладкаго свиданья.
Пока свободою горимъ,
Пока сердца для чести живы
Мой другъ, отчизнѣ посвятимъ
Души прекрасные порывы.

Рылѣевъ въ жизни осуществилъ то, къ чему призываетъ Пушкинъ. А въ литературѣ онъ ищетъ примѣровъ, онъ ищетъ подтвержденія того, что патриотическій пылъ, и готовность пасть за родину не только въ битвѣ съ внѣшними врагами, но и въ борьбѣ за внутреннее благо,

за свободу и за прогрессъ присущи и русскимъ. Въ своихъ „Думахъ“ онъ точно говоритъ намъ: Да, и въ Россіи были свои Бруты, потому что и на Руси всегда тлѣла и часто вспыхивала любовь къ болѣе совершенному общественному строю, а тамъ въ глубинѣ прошлаго когда-то и у нашихъ предковъ еще было не по-пропрано „естественное право“, по которому „всѣ люди рождаются свободными“, эта „святая праотцевъ свобода“, эти „древнія права гражданъ“.

Рылѣевъ, былъ, конечно, романтикъ. Его поэзія—романтизмъ гражданской скорби. Но самыя мысли его настолько еще связаны съ вѣкомъ Просвѣщенія, что интересовавшій еще въ то время жгучій споръ между классиками и романтиками былъ ему совершенно чуждъ. „Обѣ стороны,—говоритъ въ одномъ мѣстѣ Рылѣевъ о классицизмѣ и романтизмѣ,—спорятъ, какъ обыкновенно случается, болѣе о словахъ, нежели о существѣ предмета, придаютъ слишкомъ много важности формамъ; на самомъ дѣлѣ нѣтъ ни классической, ни романтической поэзіи, а была, есть и будетъ одна истинная самобытная поэзія, которой правила всегда были и будутъ одни и тѣ же“.

Оттого поэзія Рылѣева, дѣйствительно, стоитъ особо. Патріотизмъ его, погибшаго на плахѣ декабриста, патріотизмъ, съ одной стороны, очень яркій и слишкомъ личный, а съ другой стороны, не разсуждающій и не сомнѣвающійся, вложилъ на его поэзію особый отпечатокъ непосредственности. Ему было не до разсужденій съ тѣхъ поръ, какъ онъ

поспѣшилъ

Подъ знамена свободы.

Оттого его „Думы“ чистѣйшая лирика. Кого бы въ нихъ ни вспомнилъ Рылѣевъ изъ русскихъ національных героевъ, князя Михаила Тверского, Глинскаго, Дмитрія Донского, Войнаровскаго или Наливайку, основной герой всюду онъ самъ. Вѣдь вотъ эти слова, сказанныя о Волынскомъ, къ кому могутъ они лучше всего быть отнесены, какъ не къ самому Рылѣеву?

Но тотъ, кто съ сильными въ борьбѣ,
За крѣпкую родную или за свободу,
Забывши вовсе о себѣ,
Готовъ всѣмъ жертвовать народу.
Противъ тирановъ лютыхъ твердъ,
Онъ будетъ и въ цѣпяхъ свободенъ,
Въ часъ казни правотою гордъ
И вѣчно въ чувствахъ благороденъ.

Рылѣевъ, можетъ быть, и не сознавалъ, что воспроизводилъ всюду самого себя. Онъ хотѣлъ, чтобы „Думы“ его были историческими. Такъ понимали ихъ его друзья-поэты. Они вмѣстѣ съ Пушкинымъ чувствовали у Рылѣева лишь недостатокъ поэзіи. Рылѣевъ несомнѣнно высказывалъ общераспространенное о себѣ мнѣніе, когда онъ говорилъ Бестужеву въ своихъ стихахъ, начинающихъ „Войнаровскаго“:

Ты не увидишь въ нихъ искусства—
Зато найдешь живыя чувства.
Я не поэтъ, а гражданинъ.

Гражданиномъ, конечно, былъ Рылѣевъ и даже тѣмъ „прямымъ гражданиномъ“, какимъ въ его поэмѣ призналъ Мазепа Войнаровскаго. Но это былъ гражданинъ-поэтъ, опозитировавшій гражданскую доблесть въ жизни и въ поэзіи. Оттого въ его поэмахъ больше патріотизма, чѣмъ исторіи. Его герой изображается всегда въ такой моментъ, когда онъ уже пожертвовалъ „женой, дѣтями

и собой“, „любя страну своихъ отцовъ“. Передъ нами всегда трагедія подвига, или, вѣрнѣе, самый ея исходъ. Герой только вспоминаетъ о своемъ подвигѣ, говоритъ о немъ съ пафосомъ и увлеченіемъ; но въ чемъ собственно подвигъ, какое собственно историческое значеніе имѣетъ этотъ подвигъ, на этомъ вниманіе Рылѣева какъ-то не успѣваетъ сосредоточиться. Смыслъ подвига Войнаровскаго опредѣляется только этими общими словами:

борьба,

Борьба свободы съ самовластьемъ.

Мазепа, призвавши Войнаровскаго къ этой „борьбѣ свободы съ самовластьемъ“, говоритъ какъ декабристъ двадцатыхъ годовъ XIX вѣка. Историческій Мазепа тутъ, конечно, не при чемъ. Главное, самое основное достоинство Рылѣева въ его пылкой искренности. Ради этой искренности и ставилъ Герценъ Рылѣева рядомъ съ Шиллеромъ въ своемъ первомъ литературномъ опытѣ, этомъ лирическомъ возгласѣ съ Воробьевыхъ горъ.

Такъ впервые яркимъ закаломъ гражданственности засіяла національная идея у русскихъ романтиковъ.

Это была—„мечта прекрасная свободы“, за которой въ декабрѣ 1825 года въ моментъ, когда она разгорѣлась всего ярче, послѣдовало полное разочарованіе. Мы видѣли, какъ отразилось оно на общемъ настроеніи нашихъ поэтовъ-романтиковъ. На развитіе національной или, какъ въ то время говорили, народной стихіи въ поэзіи это разочарованіе подѣйствовало особо. Дѣло тутъ не только въ казни выдающихся декабристовъ и въ томъ числѣ и Рылѣева,

не только въ суровости приговора надъ всѣми остальными. Тутъ случилось нѣчто иное. Передъ молодыми мечтателями всталъ неожиданно тотъ, на кого призывали русскаго Брута, кого звали этимъ отвлеченнымъ классическимъ словомъ „тиранъ.“ Въ образѣ царя открылась во всей своей неприглядности русская дѣйствительность. Да, она была неприглядна, она хитрила и заманивала, она играла благородными мечтами, чтобы тверже установить свою косную незыблемость.

Николай I сыгралъ огромную роль въ русской литературѣ. Про великаго русскаго поэта и своего друга полякъ Мицкевичъ, судя по одной только внѣшности, имѣлъ право сказать, что онъ „бьетъ у царскихъ ногъ поклоны, какъ холопъ“. И теперь мы знаемъ, что закалившій себя строгимъ закаломъ революционеръ-ригористъ имѣлъ бы право сказать это не только о Пушкинѣ, но и почти что обо всѣхъ декабристахъ. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ изображаетъ роль Николая I въ процессѣ декабристовъ одинъ изъ лучшихъ знатоковъ этой эпохи, П. Е. Щеголевъ: „Всю жизнь въ немъ крѣпко и прочно сидѣлъ—сыщикъ и слѣдователь, вѣчно подозрительный и выслѣживающій, вѣчно ищущій кого бы предать суду и наказанію. Но въ первые мѣсяцы царствованія эта основная сущность его души раскрылась съ необычайной полнотой и зловѣщей яркостью. Въ это время въ Россіи не было царя—правителя: былъ лишь царь—сыщикъ, слѣдователь и тюремщикъ. Вырвать признанія, вывернуть душу, вызвать на оговоры и извѣты—вотъ священная задача слѣдователя;

и эту задачу въ концѣ 1825 и въ 1826 годахъ исполнялъ русскій императоръ съ необыкновеннымъ рвеніемъ и искусствомъ. Ни одинъ изъ выбранныхъ имъ слѣдователей не могъ и сравниться съ нимъ. Дѣйствительно, Николай Павловичъ могъ гордиться тѣмъ, что матеріалъ, который легъ въ основу слѣдствія, былъ добытъ имъ и только имъ на первыхъ же допросахъ. Безъ отдыха, безъ сна онъ допрашивалъ въ кабинетѣ своего дворца арестованныхъ, вынуждалъ признанія, по горячимъ слѣдамъ давалъ приказы о новыхъ арестахъ, отправлялъ съ собственноручными записками допрошенныхъ въ крѣпость и въ этихъ запискахъ тщательно намѣчалъ тотъ способъ заключенія, который примѣнительно къ данному лицу могъ привести къ обнаруженіямъ, полезнымъ для слѣдственной Комиссіи. За ничтожнѣйшими исключеніями, всѣ декабристы перебивали въ кабинетѣ дворца передъ ясными очами своего царя и слѣдователя. Первые сообщенія по дѣлу каждый изъ нихъ дѣлалъ ему или генералу, сидѣвшему передъ кабинетомъ, свивавшему допросы и тотчасъ же докладывавшему ихъ государю. Иногда государь слушалъ эти допросы, стоя за портъерами своего кабинета...

Что Николай I лично повліялъ на то, что реакція Аракчеевскаго періода царствованія Александра I еще усилилась въ его царствованіе и что общество какъ-будто даже охотно вторило ему,—это не подлежитъ сомнѣнію. Николай I сумѣлъ вызвать реакцію одновременно и сверху, и снизу. Для этого онъ угрожалъ, заманивалъ, очаровывалъ и даже льстил. Кон-

ституціоналистическія идеи замерли. Но удался это могло царю-сыщику, конечно, только потому, что въ сознаніи тогдашняго общества соединеніе этихъ трехъ словъ: самодержавіе, православіе и народность дѣйствительно и было простымъ распространеніемъ слова: самодержавіе.

Но этому были еще и другія причины. Онѣ глубоко залегали тамъ, въ этой неизвѣданной зыбѣ русскаго сознанія. Въ декабрьскіе дни такъ трагически встрѣтились другъ съ другомъ патріотизмъ романтиковъ, и это смутное чисто русское самосознаніе, которому предстоялъ еще такой длинный и трудный путь. Мы видѣли, что „Думы“ Рылѣева этому самосознанію не помогали. Онѣ звали къ героизму, къ истинному служенію родинѣ, онѣ развѣтывали передъ читателемъ лишь то, *что* нужно. Но *какъ* нужно? какъ достигнуть для нашей родины этого „залога блаженства чуждыхъ странъ“, т. е. правильнаго народнаго представительства взамѣнъ гибельнаго для родины „самовластія“, вотъ вопросъ, рѣдко произносимый, притаившійся, даже забываемый, но самый важный и самый коренной изъ всѣхъ вопросовъ, около которыхъ вьется вся пестрота чарованія красныхъ вымысловъ русской литературы. Возникаютъ и вопросы экономическіе и вопросы религіозные, а въ тѣ дни стоитъ еще этотъ страшный вопросъ о крѣпостномъ правѣ какимъ-то мрачнымъ идолищемъ, злымъ и ненарушимымъ, пугающимъ своимъ ужасомъ все, что есть живого и честнаго, и развращающимъ русскаго человѣка въ самомъ корнѣ его привычекъ и міросозерцанія, но и *это*

такъ безнадежно. Такой недостижимой кажется отѣна изжитого феодализма именно пока Русь „подъ игомъ самовластья“.

Перефразируя приведенныя въ началѣ этой главы слова Гёте, можно было бы сказать: Россія была ничто, но, можетъ быть, ничто былъ и русскій. Но такъ ли это? Что такое русскій? что сдѣлаетъ онъ изъ своей родины, оставитъ ли онъ ее изнывать въ ничтожествѣ, прикрытомъ мишурой внѣшняго величія, или онъ можетъ пересоздать ее и перестроить? Этимъ вопросомъ мучалась сознательная часть русскаго общества.

Та полоса этихъ умственныхъ мукъ, которую представляетъ собою и поэзія и судьба декабриста Рылѣева, была выдающимся эпизодомъ среди подобныхъ терзаній. Ихъ общее теченіе залегало однако глубже, хотя и менѣе сверкало героизмомъ.

Иванъ Кирѣевскій писалъ въ своемъ обзорѣ литературы за 1829 г.: „Поэтъ для настоящаго, что историкъ для прошедшаго—проводникъ народнаго самосознанія“. То же самое говорилъ и присяжный критикъ романтизма Шевыревъ: „Я думаю, что первымъ писателемъ въ Россіи былъ бы теперь тотъ, кто бы вѣрнѣе показалъ назначеніе русскаго въ ряду другихъ народовъ“. Выраженіе въ поэзіи народнаго самосознанія вотъ чего упорно требовала критика за всѣ двадцатые годы. „Когда же будемъ писать прямо по-русски?“ восклицалъ А. Бестужевъ въ „Полярной звѣздѣ“ 1825 года. Это была жажда своей собственной литературы, какая-то усталость отъ подражанія. Съ Пушкинымъ эта наша собственная, своеобразная литера-

тура какъ-будто бы уже народилась. Когда въ двадцать пятомъ году началъ появляться „Евгеній Онѣгинъ“, Полевой въ „Телеграфѣ“ сразу объявилъ это произведеніе національнымъ. Но Веневитиновъ оспаривалъ такое опредѣленіе. Ему казалось, что свѣтскій щеголь, Онѣгинъ, слишкомъ еще международенъ. Онъ вообще европеецъ. Хотѣлось чего-то большаго, чисто русскаго, такого, что можетъ быть вычитано только въ лѣтописи былыхъ временъ или подслушано въ народной поэзіи. Близкое, самое основательное ознакомленіе съ чисто русскимъ бытомъ стали настойчиво требовать отъ поэта. Въ своихъ статьяхъ въ „Полярной звѣздѣ“ А. Бестужевъ называлъ это „мѣстностью“.

У Рылѣева этой „мѣстности“ не было почти вовсе, хотя онъ, памятуя наставленіе своего друга Бестужева, насколько умѣлъ, непремѣнно старался ее достигнуть. Въ „Войнаровскомъ“ онъ сознательно вводилъ на каждомъ шагу разные термины сибирской жизни и сибирской природы. Также мало этой „мѣстности“ было, напримѣръ, и въ „Ермакѣ“ Хомякова, съ его ходульнымъ патріотизмомъ, сплетающимся съ характеромъ байроновскаго Корсара. Мало могли удовлетворить тѣмъ же требованіямъ и дубоватыя историческія драмы молодого историка Погодина.

Геній Пушкина, а за нимъ Гоголь и Лермонтовъ отвѣтили однако—иотвѣтили такъ непринужденно и легко—этой насущной потребности тогдашней русской литературы. Для нихъ въ ихъ таинственномъ проникновенномъ вдохновеніи эта потребность была неизбежностью. Во всей своей полнотѣ это

„что-то невыразимое, понятное лишь русскому сердцу“, какъ выражается И. Кирѣевскій, сказалося въ „Борисѣ Годуновѣ“. Пушкинъ внимательно и съ поэтическимъ трепетомъ читалъ исторію Карамзина. Онъ читалъ и лѣтописи. Въ Тригорскомъ онъ записывалъ народныя пѣсни, которыя тщательно началъ уже собирать Петръ Кирѣевскій. Тайна русскаго поэтическаго самосознанія наконецъ раскрылась. Поэзія научилась и чувствовать и изображать по-русски.

Выразиться во всей своей полнотѣ это поэтическое самосознаніе должно было особенно въ драмѣ. Романтическая поэтика придавала такое огромное значеніе историческимъ хроникамъ Шекспира. Теперь шекспирологи не видятъ въ нихъ ни историческаго, ни національнаго откровенія. Въ нихъ сказалась развѣ политическая мысль Шекспира и окружавшаго его кружка. Но въ тѣ времена думали иначе. „Борисъ Годуновъ“ была одной изъ первыхъ романтическихъ драмъ въ Россіи и какъ таковой ей непремѣнно и надлежало быть національно исторической. Такой драмы ждалъ романтизмъ. Изображаемый моментъ, выбранный Пушкинымъ, сообразно романтической поэтикѣ, моментъ также драматическій. Начало Смутаго времени—центральная завязка русской исторіи допетровскаго времени. Оттого тотъ же сюжетъ привлекалъ и Погодина. Погодинъ замышлялъ даже цѣлую трилогію изъ событій Смутаго времени, гораздо позже осуществленную А. Толстымъ. Изъ той же эпохи Смутаго времени былъ взятъ и сюжетъ лучшаго романа Загоскина „Юрій Милославскій“, которымъ

такъ восторгался самъ Пушкинъ. Но это уже романтизмъ Вальтеръ Скотта:

Смутное время съ его быстрой смѣной событій, съ яркими образами Бориса, Лжедмитрія, Ляпунова, Минина и Пожарскаго тѣшило воображеніе. Но рядомъ съ этимъ вспоминались, конечно, и инныя эпохи: судьба Великаго Новгорода въ „Марфѣ Посадницѣ“ Погодина, покореніе Казани у Загоскина и т. д.

Согласно романтической поэтикѣ Борисъ Годуновъ Пушкина былъ однако не только національный, характерный для прошлаго родины герой, онъ былъ еще герой моральнаго конфликта. Такъ какъ Пушкинъ принялъ почти цѣликомъ взглядъ Карамзина на Лжедмитрія, этотъ крикъ больной души: „И мальчики кровавые въ глазахъ“, какъ бы руководятъ всѣмъ дѣйствіемъ. Злодѣй-честолюбецъ на тронѣ; онъ погубилъ наследника престола. Въ лицѣ Лжедмитрія его ждетъ возмездіе, какъ возмездіе ждетъ и шекспировскихъ узурпаторовъ.

Да, тяжела ты, шапка Мономаха, говоритъ устами Бориса въ сущности самъ Пушкинъ, послѣ декабрьскихъ событій сбитый съ толку коварной ласковостью Николая I и заново теперь гораздо глубже вдумывающійся въ проблему о самодержавіи. Оттого Пушкина приковываетъ къ себѣ и мысль о томъ, что Борисъ не былъ помазанникомъ. Но и то и другое, и непосильная одному тяжести Мономаховой шапки, и таинственное помазанничество все-таки затмѣваются и отталкиваются на задній планъ злодѣйствомъ Бориса. Въ другихъ произведеніяхъ Пушкина: въ поэмахъ „Полтава“ и „Мѣдный Всад-

никъ“, гораздо выпуклѣе выступаетъ царизмъ, — царизмъ уже другой, героическій, царизмъ Петра Великаго, этого „скипера славнаго, кѣмъ наша двинулась земля“. Тутъ воображеніе Пушкина уже питаетъ чисто историческое раздумье: возрожденіе Россіи, „окно въ Европу“, величественная и мощная фигура Мѣднаго Всадника, Полтавскій бой и „изъ топи блатъ“ горделиво вознесшаяся новая столица „полночныхъ странъ краса и диво“, „Петра творенье“. И раздумывая обо всемъ этомъ поэтъ останавливается, какъ его сумасшедшій Евгений, опеломленнымъ и испугавшимся передъ „гигантомъ съ простертою рукой“, на бронзовомъ конѣ.

Ужасенъ онъ въ окрестной мглѣ!
Какая дума на челѣ!
Какая сила въ немъ сокрыта!
А въ семь копѣй какой огонь!
Куда ты скачешь, гордый конь,
И гдѣ опустишь ты копыта?
О, мощный властелинъ судьбы!

Въ этомъ восклицаніи слилось такъ много завѣтныхъ наболѣвшихъ и неуспокаивающихся мыслей, чувствъ, сомнѣній и желаній. Судьбы Россіи и царь, самодержавіе и враждебность къ тиранамъ, „мечта прекрасная свободы“ и поэтическое увлеченіе личностью императора, такого, какимъ хотѣлъ себя выставить Николай и какимъ, — зачѣмъ отгонять отъ себя эту горькую правду? — онъ, можетъ быть, и казался среди грѣзъ о Петрѣ Великомъ даже Пушкину — вотъ предметы историческихъ и національных вдохновеній поэта, уже усталого, уже согбеннаго, съ больнымъ, уязвленнымъ умомъ.

Вмѣстѣ съ этимъ тревожнымъ исто-

рическимъ самосознаніемъ развивалось въ Пушкинскій періодъ и національное самосознаніе иное, уже чисто художественное, такъ сказать, формальное. Требованіе „мѣстности“ очень скоро было уже настолько полно и въ совершенствѣ удовлетворено, что самый терминъ „мѣстность“ тутъ болѣе и не подходитъ. „Здѣсь русскій духъ, здѣсь Русью пахнетъ“ должны мы сказать о Пушкинскихъ сказкахъ и о „Кушѣ Калашниковѣ“. Лермонтова, въ національной красотѣ своей никѣмъ не превзойденномъ. Это послѣднее произведеніе стоитъ со всѣмъ отдѣльно среди другихъ созданий Лермонтова, — точно зарница неожиданно вдругъ вспыхнула. Но въ глубинѣ сознанія и этого романтика русская красота уже давно росла и искала выхода. „Въ его юношескихъ произведеніяхъ, — говоритъ о немъ Котляревскій, — есть опыты въ этомъ родѣ, но они не представляютъ цѣнности. Есть былина о Стенькѣ Разинѣ „Атаманъ“ 1831 г., есть пѣсня „Воля“ 1831 г. — мало удачная, которую поэтъ вставилъ въ свой рассказъ о „Вадимѣ“. Всѣ эти мелочи указываютъ на то, что Лермонтовъ, давно, еще въ свои юные годы отгадалъ, какой богатый родникъ поэзіи кроется въ народныхъ мотивахъ. Это подтверждается и одной замѣткой, которую еще въ 1830 г. поэтъ занесъ въ свою тетрадку. „Наша литература, — писалъ онъ тогда, — такъ бѣдна, что я изъ нея ничего не могу заимствовать; въ пятнадцать лѣтъ умъ не такъ быстро принимаетъ впечатлѣнія, какъ въ дѣтствѣ; но тогда я почти ничего не читалъ. Однако же, если захочу вдаться въ поэзію на-

родную, то, вѣрно, нигдѣ больше не буду ея искать, какъ въ русскихъ пѣсняхъ.—Какъ жалко, что у меня была матушкой нѣмка, а не русская—я не слыхалъ сказокъ народныхъ: въ нихъ, вѣрно, больше поэзіи, чѣмъ во всей французской словесности“.

И національное самосознаніе, сплетаясь съ романтическими увлеченіями, дало нѣчто совершенно особое, также формальное, но уже священное. Оно дало *красоту*.

Ее искала, ее жаждала душа романтиковъ, она рвалась къ ней, но стремленіе это было довольно безсознательно. Самосознанія требовала политика, но въ косной, застывшей средѣ тогдашнягорусскаго общества въ политическомъ отношеніи это пресловутое національное самосознаніе, о которомъ говорятъ критики, многого дать не могло, съ какимъ бы жаромъ ни обращался русскій романтикъ назадъ къ исторіи. Побѣдить косность, стать свободнымъ и создавать, освободиться цѣликомъ до полной независимости—все это можно было только въ причудливомъ мірѣ вымысла. Достигнуто было лишь эстетическое совершенство. Своимъ художествомъ русскій человѣкъ сталъ *всѣмъ* въ самый тотъ моментъ, когда надолго послѣ декабрьскаго взрыва для всякаго должно было оказаться яснымъ, что подъ гнетомъ бюрократическаго самовластия и крѣпостного права Россія—*ничто*.

Для полнаго русскаго самосознанія въ эстетическомъ отношеніи характерны тогдашнія мысли другого чародѣя возникшей русской красоты—Гоголя. Въ наброскѣ о „Малороссійскихъ пѣсняхъ“, вошедшемъ въ „Арабески“, Гоголь разсуждаетъ, какъ историкъ и почти какъ политикъ.

Въ то время, когда онъ занимался пѣснями, онъ себя считалъ историкомъ; онъ замышлялъ исторію Малороссій. Отсюда такіе слова о пѣсняхъ: „Это народная исторія, живая, яркая, исполненная красокъ истины, обнажающая всю жизнь народа“. И Гоголь думаетъ, что „кто не проникъ въ нихъ глубоко, тотъ ничего не узнаетъ о прошедшемъ бытѣ этой цвѣтущей части Россіи“. Такъ разсуждаетъ историкъ, а политикъ, хотя и не пламенный и впоследствии оказавшійся не только робкимъ, но и совсѣмъ забитымъ, когда и въ немъ проявляется кое-что изъ рыцарскихъ мечтаній, этотъ политикъ говоритъ о „широкой волѣ“ казачества. Но Гоголь—эстетъ. Именно при изученіи пѣсенъ, давшихъ гораздо больше его воображенію, чѣмъ хроники, проснулся эстетъ. Какое-то личное призваніе, безсознательное, но глубоко вѣрное, имѣющее смыслъ общаго прозрѣнія тогдашней русской литературы, звучитъ вотъ въ этихъ словахъ о русскомъ народѣ, создателѣ пѣсни: „Если его жизнь была дѣятельна, разнообразна, свободна, исполнена всего поэтическаго, и онъ, при всей многосторонности ея, не получилъ высшей цивилизаціи, то весь пылъ, всеильное, юное бытіе его выливается въ народныхъ пѣсняхъ“.

Романтикъ Гоголь, обратившійся къ народной старинѣ и къ народной поэзіи, создалъ „Майскуюночь“, „Ночь передъ Рождествомъ“, создалъ „Вія“. Историкъ Гоголь далъ намъ „Тараса Бульбу“. Онъ не сдѣлался историкомъ-ученымъ. Историческая правда, которой ему хотѣлось добиться, возсіяла красотой. Какъ тамъ, въ Англіи,

увлеченіе древней Шотландіей привело къ Вальтеръ Скотту, такъ у насъ, гдѣ зачитывался Вальтеръ Скоттомъ и Пушкинъ, явился „Тарасъ Бульба“. Вліяніе Вальтеръ Скотта довольно ясно чувствуется въ „Дубровскомъ“ Пушкина и портитъ его. Но то же теченіе мысли и воображенія, что было присуще англійскому романтизму совершаетъ у насъ въ Россіи даже несомнѣнно болѣе художественное, чѣмъ у Вальтеръ Скотта, прозрѣніе. Пушкинъ въ своихъ историческихъ занятіяхъ отъ Смутаго времени обращается къ одному изъ

наиболѣе яркихъ моментовъ нашего XVIII вѣка, пишетъ „Исторію Пугачевского бунта“, а рядомъ съ этимъ „Капитанскую дочку“; Гоголь занимается исторіей Малороссіи и вотъ— „Тарасъ Бульба“.

„Весь пылъ, всесильное, юное бытіе“, можно сказать, перефразируя только-что приведенныя слова Гоголя о пѣсняхъ, вылились и только и могли вылиться въ то время въ Россіи,—и сколько еще десятилѣтій позже!—лишь въ одно: въ красоту поэтического творчества.

5.

Натуральная школа.

Ни въ одной литературѣ Европы этопонятіе—воспроизведеніе дѣйствительности—не пользуется такимъ обаяніемъ, какъ въ Россіи. Дѣйствительность наша была нескончаемо долго безпросвѣтной и угрюмой. Но никогда за все время литературы XIX вѣка художество не отворачивалось отъ дѣйствительности. Напротивъ. Мы видѣли, что поэтический полетъ въ причудливый міръ романтики былъ сопряженъ съ раздумьемъ о жизни. Это была жизнь особая, жизнь народныхъ повѣрій или жизнь давняя, историческая, но все-таки сама жизнь, а не одно только вырывающееся изъ ея путь воображеніе.

Поэтъ-романтикъ—офицеръ и баричъ, былъ оторванъ отъ жизни и по самому своему положенію, какъ представитель класса, и по своему образованію и по образу жизни. Въ своемъ вольномъ и невольномъ бродяжничествѣ онъ скорѣе скользилъ по жизни, чѣмъ дѣйствительно

принималъ въ ней участіе. Оторванность еще болѣшая была результатомъ и государственнаго строя. Поэтъ—офицеръ и баричъ, былъ служилый человѣкъ, но служба его оказывалась какой-то роковой неизбежностью и роковымъ зломъ, зломъ для него самого, потому что онъ никогда не сочувствовалъ правительству, которому служилъ, и зломъ для его родины, потому что зломъ было правительство. Это дѣлало его только наблюдателемъ. Онъ упорно всматривался въ жизнь, потому что она почти всегда терзала его; нравственно терзала его лично и сама была истерзана. Рядомъ съ поисками національнаго самосознанія было такъ жутко необходимо познать еще самого себя и познать себя не только „въ себѣ“, какъ черезъ полвѣка скажетъ Достоевскій, а въ этой вотъ сейчасъ развертывающейся и наблюдаемой дѣйствительности. Оттого очень рано, даже нѣсколько раньше чѣмъ на Западѣ, наша ху-

дожественная литература стала реалистической. Возникло то, что позднѣе стало носить названіе „натуральнѣй школы“. Можетъ быть, для объясненія этого полезно еще разъ вспомнить и то, насколько нашъ романтизмъ былъ близокъ къ нѣкоторымъ литературнымъ теченіямъ вѣка Просвѣщенія, французскимъ и англійскимъ, — „подражаніе природѣ“ по формулѣ плохо понятаго Аристотеля еще стояло въ центрѣ эстетики.

Реализмъ, такимъ образомъ, шелъ также съ Запада и шелъ оттуда давно, но западные образцы могли давать только форму для реалистическаго воспроизведенія: романъ, повѣсть. Порывъ къ нему коренится все въ той же упорной работѣ самосознанія. Когда Бѣлинскій въ своихъ „Литературныхъ мечтаніяхъ“ говорилъ: „У насъ нѣтъ литературы“, онъ хотѣлъ сказать: у насъ нѣтъ еще того самосознанія, которое должно проявиться въ литературѣ. И онъ пламенно вѣрилъ, что оно придетъ, что оно не за долами и горами.

Поэтъ—офицеръ и баричъ, этотъ первый русскій интеллигентъ, выкинутый изъ жизни, прежде всего долженъ былъ стремиться осмотрѣться кругомъ и понять самого себя въ смыслѣ своего происхожденія и воспитанія. Съ этого и начали оба наши великіе поэты—и Пушкинъ и Лермонтовъ. Какъ-то криво улыбаясь, посмотрѣли они назадъ, въ ту дѣтскую, гдѣ они воспитывались въ старомъ помѣщичьемъ домѣ, городскомъ или деревенскомъ, вѣликомъ пропитанномъ затхлостью сословныхъ и свѣтскихъ предразсудковъ, пустотой, ханжествомъ и крѣпостнымъ правомъ. Тамъ въ первый разъ увидѣлъ жизнь „Герой нашего

времени“, не только Печоринъ, конечно, но и Арбенинъ, и Чацкій и Евгений Онѣгинъ, тамъ началъ онъ впервые „грустной душой томиться межъ другихъ дѣтей“; тамъ впервые сталъ онъ вздыхать о красавицѣ такого же происхожденія, какъ и онъ, въ родѣ той, что чуть намѣчена въ Лермонтовской „Сказкѣ для дѣтей“. Почти совсѣмъ мальчикъ, Пушкинъ въ своемъ „Городкѣ“, навѣянномъ еще французскимъ чтеніемъ, еще поэтами исхода классицизма, вспоминаетъ добренькую старушку, и тутъ сразу развертывается передъ нами та обстановка, которую покинулъ поэтъ—офицеръ и баричъ.

Въ досужій мнѣ часокъ
У добренькой старушки
Душный пью чаекъ;
Не подхожу я къ ручкѣ,
Не шаркаю предъ ней.
Она не присѣдаетъ,
Но тотчасъ и вѣстей
Мнѣ пропасть наболтаетъ;
Газеты собираетъ
Со всѣхъ она сторонъ,
Все свѣдаетъ, узнаетъ:
Кто умеръ, кто влюбленъ,
Кого жена по модѣ
Рогами убрала,
Въ которомъ огородѣ
Капуста цвѣтъ дала;
Ѳома свою хозяйку
Ни за что наказалъ,
Антошка балалайку,
Играя, разломалъ—
Старушка все расскажетъ;
Межъ тѣмъ, какъ юбку вяжетъ,
Болтаетъ все свое.
А я сижу смиренно
Въ мечтаньяхъ углубленный,
Не слушая ее.

Нѣтъ, поэтъ видѣлъ, все видѣлъ,
и все слышалъ и все понималъ.

Я все видѣлъ,
Все перечувствовалъ, все понималъ,
все узналъ;

Любилъ я часто, чаще несправедлѣль
И болѣе всего страдалъ,

говорить лермонтовскій Арбенинъ. Такъ сталъ романтикъ реалистомъ. Отсюда чисто реалистическія сцены при изображеніи помѣщичьей жизни въ „Графѣ Нулинѣ“, или въ „Евгеніи Онѣгинѣ“.

Въ пушкинскомъ „Евгеніи Онѣгинѣ“ такъ много еще и юмора. Онъ со-
всѣмъ принадлежитъ той средѣ, въ ко-
торой жилъ поэтъ; онъ ея исчадіе, ея
отпрыскъ. Позднѣе это опредѣленіе:
„Евгеній Онѣгинъ“—энциклопедія
русскаго общества, считалось сильно
преувеличеннымъ. Въ „Евгеніи Онѣ-
гинѣ“, конечно, недостаетъ дека-
бристовъ, „умныхъ“, какъ выразился
Пушкинъ въ наброскѣ ненаписан-
наго романа. Но мы все-таки ви-
димъ здѣсь жизнь полную, отъ
самой дѣтской до сановничества.
То же самое и въ „Горѣ отъ
ума“. Московское барство здѣсь все
призвано къ отчету отъ мала до ве-
лика, отъ Молчалина до дядюшки
Максима Петровича и опять-таки отъ
дѣтскихъ лѣтъ Чацкаго, когда его
дирали за уши, до почтеннаго воз-
раста графа Тугоуховскаго. Печо-
рина мы видимъ на Кавказѣ. Только
„Княгиня Лиговская“ кой-что сооб-
щаетъ о его столичной жизни. От-
того тамъ меньше простора для вос-
произведенія дѣйствительности. Но
армейскаго офицера Максима Ма-
ксимыча не смогъ бы вывести тотъ,
кто не видѣлъ и не слышалъ всего,
что его окружало. Реализмъ наро-
дился. Нельзя противопоставлять ему
романтизмъ поэта и барича. Напро-
тивъ, романтикъ стремился къ нему
и создалъ его. Дѣло только въ томъ,
что самосознаніе его было все-таки

его личнымъ дѣломъ, его личной
заботой, заботой небольшого кружка
изъ первенствующаго въ жизни, но
немногочисленнаго класса. Оттого въ
центрѣ и стоятъ Печоринъ, Онѣгинъ,
Чацкій, а обстановка—Ларины, Фа-
мусовы, кавказскіе военные нравы
и т. д.

Что же увидѣлъ поэтъ въ своемъ
сердцѣ, когда встали передъ нимъ
Онѣгинъ, Чацкій и Печоринъ? Онъ
подсмѣялся надъ собой въ „Евгеніи
Онѣгинѣ“, „этомъ москвичѣ въ га-
рольдовомъ плащѣ“; онъ увидѣлъ
себя также неспособнымъ чувство-
вать, какъ Ленскій. Ленскій слиш-
комъ наивенъ. Байронизмъ уже
влилъ свой ядъ въ романтическое
увлеченіе. Но если въ Чацкомъ его
смѣнили пророкъ—новый Альцестъ,
всѣ мысли и чувства котораго такъ
упорно и такъ пророчески противо-
рѣчаютъ всей окружающей средѣ, то
пророкъ этотъ также оказался не-
много наивнымъ, хотя зато и убѣ-
жденнымъ и пламеннымъ. Въ Онѣгинѣ
подъ налетомъ всей тогдашней ци-
вильзаціи и при всѣхъ его знаніяхъ
нѣтъ ничего, кромѣ пустоты. Поэтъ
будто отверачивается здѣсь отъ своей
молодости и готовъ склониться пе-
редъ затверженными и старыми,
но твердыми правилами Татьяны,
также отдавшей въ молодости дань
романтизму, а теперь, не найдя въ
немъ ничего, кромѣ пустоты, отбро-
сившей его ради не очень-то высокой
и даже совсѣмъ нехорошей житейской
трезвости. Оттого юморъ въ „Онѣ-
гинѣ“ разрѣшается какой-то грустью:

Какія бѣ чувства ни таились
Тогда во мнѣ—теперь ихъ нѣтъ;
Они прошли или измѣнились.

Самосознаніе привело къ результату,

мало утѣшительному, и это, конечно, не оттого, что открылся не Чацкій, а Онѣгинъ. Они—родные братья. Онѣгинъ хотѣлъ только наслаждаться въ этой средѣ и почувствовалъ себя поверженнымъ и ни на что негоднымъ. Чацкій хотѣлъ поучать. Образованностью своей онъ не пожелалъ такъ легкомысленно пользоваться, какъ Онѣгинъ, а въ результатѣ—выходъ вонъ изъ жизни и та же пустота развѣ только съ обманчивой искрой надежды о какомъ-то привѣтливомъ уголкѣ оскорбленному чувству. Жизнь не приняла ни „повѣсу“ Онѣгина, ни „умнаго“ Чацкаго, а проникнувшій въ ихъ сознание поэтъ, понявшій черезъ нихъ само-го себя, какъ бы убоявшись подвергнуться ихъ участи, готовъ примириться съ этой жизнью. Зачѣмъ романтизмъ? зачѣмъ увлеченіе?—какъ будто бы говорить онъ въ этой знаменитой строфѣ, начинающейся словами:

„Иныя нужны мнѣ картины“,
Мой идеаль теперь—хозяйка,
Мои желанія—покой,
Да шей горшокъ, да самъ большой.

Это первый выходъ въ свѣтъ въ нашей литературѣ „положительнаго человѣка“, но, восклицаетъ поэтъ, все-таки сохранившій мечты молодости:

Таковъ ли былъ я, расцвѣтая?

Въ послѣднихъ строфахъ „Евгенія Онѣгина“ когда-то видѣли окончательный поворотъ къ реализму. Эти слова: „Иныя мнѣ нужны картины“ давали поводъ думать, что это такъ. Но въ нихъ смыслъ, повидимому, иной. Эти иныя картины, это еще новое самосознаніе болѣе широкое, уже національное, а не только личное, по-

явившееся въ „Борисѣ Годуновѣ“, а позднѣе, болѣе широкое въ „Донъ Жуанѣ“, въ „Фаустѣ“, въ „Скупомъ рыцарѣ“. Да, русскій реализмъ уже созданъ въ „Евгеніи Онѣгинѣ“, уже съ нимъ появилась „натуральная“ школа, съ нимъ и съ „Горе отъ ума“ Грибоѣдова. И вотъ даже въ этой-то послѣдней пьесѣ, этой характерной комедіи нравовъ, соблюдающей всѣ три единства, позволившей себѣ лишь показать намъ три разныхъ помещенія въ домѣ Фамусова,—еще не порвана связь со старымъ реализмомъ XVIII вѣка.

Почти по пятамъ „Евгенія Онѣгина“ идетъ Печоринъ. И тутъ тотъ же реализмъ, можетъ быть, самый совершенный, какого когда-либо достигала русская литература. Но какъ предметъ изображенія и здѣсь опять-таки тотъ же самый воспитавшій себя на Байронѣ романтикъ. Отношеніе автора однако совсѣмъ иное. Здѣсь не грусть, а бичеваніе. Такъ много въ Печоринѣ открываютъ эти слова самого Лермонтова: „Герой нашего времени“, милостивые государи мои, точно портретъ, но не одного человѣка; это портретъ, составленный изъ пороковъ всего нашего поколѣнія въ полномъ ихъ развитіи. Вы мнѣ опять скажете, что человѣкъ не можетъ быть такъ дурень; а я скажу, что ежели вы вѣрили возможности существованія всѣхъ трагическихъ и романтическихъ злодѣевъ, отчего же вы не вѣруете въ дѣйствительность Печорина? Если вы любовались вымыслами, гораздо болѣе ужасными и уродливыми, отчего же этотъ характеръ, даже какъ вымыселъ, не находитъ у васъ пощады? Ужъ не оттого ли, что въ немъ больше

правды, нежели бы вы того желали?

„Вы скажете, что нравственность отъ этого не выигрываетъ? Извините. Довольно людей кормили сластями: у нихъ отъ этого испортился желудокъ; нужны горькія лѣкарства, ѣдкія истины. Но не думайте, однако, послѣ этого, чтобы авторъ этой книги имѣлъ когда-нибудь гордую мечту сдѣлаться псправителемъ людскихъ пороковъ. Боже его избави отъ такого невѣжества! Ему просто было весело рисовать современнаго чело-вѣка, какимъ онъ его понимаетъ и, къ его и вашему несчастію, слишкомъ часто встрѣчалъ. Будетъ и того, что болѣзнь указана, а какъ ее излѣчить—это ужъ Богъ знаетъ!“.

Эти слова, вовсе не доказываютъ, чтобы „Герой нашего времени“ былъ тенденціозный романъ, бичующій пороки—какъ онъ выразился въ байроническомъ героѣ того времени. Отнюдь нѣтъ. Смыслъ романа всего лучше выясняется въ связи съ этими уже приведенными выше стихами Пушкина:

Мы малодушны, мы коварны,
Безстыдны, злы, неблагодарны,
Мы сердцемъ хладные скопцы,
Клеветники, рабы, глупцы.

Нѣтъ, ни Пушкинъ, ни Лермонтовъ не опоэтизировали русскаго романтика-офицера и барича. Ихъ романы оказались скорѣе чѣмъ-то въ родѣ покаянія и отсюда только что приведенныя слова Лермонтова. Реализмъ открылъ такимъ образомъ ту же душевную растерзанность, что и лирика; въ художественномъ воспроизве-

деніи она только убралась въ блестящую позолоту истинной художественной красоты.

По самому своему міровоззрѣнію русскій романтикъ остановился, сдѣлавшись реалистомъ, на томъ же противоположеніи поэзіи и жизни. У Гоголя въ его „Арабескахъ“, въ „Мнемосинѣ“ кн. В. Одоевскаго и въ разсказахъ Полевого эта трагедія художника и толпы, средняго мѣщанскаго общества и исключительной природы получаетъ свое дальнѣйшее развитіе. Герой и тутъ оказался развѣнчаннымъ. Авторъ цѣликомъ на его сторонѣ; онъ родной ему; но авторъ не восхищается имъ, а бичуетъ его.

Приблизиться къ толпѣ, всмотрѣться въ ея черты, найти въ ней что-нибудь сродное себѣ, этого, несмотря на развѣнчаніе героя, однако отнюдь не могъ офицеръ или баричъ. Герой былъ слишкомъ ему близокъ. Онъ остался человекомъ класса, хотя и ненавидѣлъ тотъ классъ, къ которому принадлежалъ самъ; онъ возненавидѣлъ его за его мѣщанство. Найти утѣху, найти зародышъ стремленія къ идеалу въ другомъ классѣ общества было ему не по привычкамъ мысли и чувства. Но идеала неизмѣнно жаждала душа, и оттого ей необходимо былъ герой, а герой не мыслился и не вставалъ въ воображеніи иначе, какъ въ видѣ такого же офицера и барича. Отсюда—безвыходность. Одновременно и разрывъ съ прошлымъ и невозможность сдѣлать шагъ впередъ.

6.

Гоголь и новый театръ.

Новый шагъ въ изображеніи дѣйствительности сдѣланъ новыми людь-

ми, людьми новаго типа и новаго класса. Выступить съ новыми образами

предстояло писателю, если и не прямо разночинцу, то писателю нѣсколько болѣе демократическаго происхожденія, тому, кто родился не въ барскихъ домахъ, утопавшихъ въ зелени столѣтнихъ садовъ, не среди разгула и роскоши.

Такому художнику будетъ принадлежать слѣдующее замѣчаніе: „Никто не станетъ спорить, что дикій горецъ въ своемъ воинственномъ костюмѣ, вольный, какъ воля, самъ себѣ и судья и господинъ, гораздо ярче какого-нибудь засѣдателя и, несмотря на то, что онъ зарѣзалъ своего врага, притаясь въ ущельи, или выжегъ цѣлую деревню, однако же онъ болѣе поражаетъ, сильнѣе возбуждаетъ въ насъ участіе, нежели нашъ судья въ истертомъ фракѣ, запачканномъ табакомъ, который невиннымъ образомъ, посредствомъ справокъ и выправокъ, пустилъ по міру множество всякаго рода крѣпостныхъ и свободныхъ душъ.— Но тотъ и другой, они оба—явленія, принадлежащія къ нашему міру: они оба должны имѣть право на наше вниманіе, хотя по весьма естественной причинѣ то, что мы рѣже видимъ, всегда сильнѣе поражаетъ наше воображеніе, и предпочесть необыкновенному обыкновенное есть больше ничего, какъ нерасчетъ поэта—нерасчетъ передъ его многочисленною публикою, а передъ собою: онъ ничуть не теряетъ своего достоинства, даже, можетъ быть, еще болѣе приобрѣтаетъ его, но только въ глазахъ немногихъ истинныхъ цѣнителей“. Такъ писалъ, какъ извѣстно, Гоголь, авторъ „Портрета“, въ своей статьѣ о Пушкинѣ, вошедшей въ „Арабески“.

Это уже не только призывъ къ реализму, какъ къ приему творчества. Здѣсь уже нѣчто большее. Иначе понимается здѣсь и самый предметъ реалистическаго изображенія. Поэзія есть и въ каждомъ изъ насъ, въ обыкновенномъ. Мы здѣсь уже движемся по тому направленію эстетическаго сознанія, идя по которому мы черезъ четверть вѣка услышимъ отъ француза Флобера признаніе, что „въ каждомъ уголкѣ жизни содержится атомъ красоты“, а отъ нашего Чернышевскаго, что все „интересное“ можетъ служить предметомъ художественнаго воспроизведенія.

Такой взглядъ на вещи долженъ былъ измѣнить прежде всего отношеніе къ природѣ. Онъ превозмогаетъ уже романтическое исканіе „живописности“. Уже Пушкинъ и Лермонтовъ, какъ художники-пейзажисты, не останавливались на одномъ только живописномъ, этомъ первомъ импульсѣ къ познанію красоты природы. Пушкинъ и понялъ, и воспѣлъ блѣдную прелесть исковскихъ полей и лѣсовъ. Но формулировалъ новую реалистическую эстетику только Гоголь. „Я всегда,—пишетъ Гоголь,—чувствовалъ въ себѣ маленькую страсть къ живописи. Меня много занималъ писанный мною пейзажъ, на первомъ планѣ котораго раскидывалось сухое дерево. Я жилъ тогда въ деревнѣ; знатоки и судьи мои были окружные сосѣди. Одинъ изъ нихъ, взглянувши на картину, покачалъ головою и сказалъ: „Хорошій живописецъ выбираетъ дерево, хорошо растущее, а не сухое“. Въ дѣтствѣ мнѣ казалось досадно слышать такой судъ, но послѣ я изъ него извлекъ мудрость: знать, что нравится и что не нра-

вится толпѣ. Сочиненія Пушкина, гдѣ дышитъ у него русская природа, такъ же тихи и безпорывны, какъ русская природа. Ихъ только можетъ совершенно понять тотъ, чья душа носитъ въ себѣ чисто русскіе элементы, кому Россія родина, чья душа такъ нѣжно организована и развилась въ чувствахъ, что способны понять неблестящія съ виду русскія пѣсни и русскій духъ; потому что, чѣмъ предметъ обыкновеннѣе, тѣмъ выше нужно быть поэту, чтобы извлечь изъ него необыкновенное и чтобы это необыкновенное было, между прочимъ, совершенная истина. Толпа, стало быть, еще требуетъ романтически-живописнаго. Но поэтъ уже превзошелъ это требованіе. Онъ ведетъ толпу къ новой поэзіи, поэзіи каждодневности. Чтобы возвыситься до этой формулировки, нужно было такъ глубоко вдуматься въ вопросы художества, какъ это дѣлалъ Гоголь, нужно было проникнуться художествомъ, какъ ремесломъ, жить только въ одномъ мірѣ художества.

Если теперь съ точки зрѣнія художниковъ болѣе демократическаго происхожденія—художниковъ, родившихся „среди этой кучи набросанныхъ одинъ на другой домовъ гремящихъ улицъ, кипящей меркантильности“, возникнетъ тотъ же вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ генія и широкой мѣщанской толпы, о взаимныхъ отношеніяхъ идеала и дѣйствительности, онъ естественно получитъ хотя и сходное, но все же иное разрѣшеніе въ средѣ поэтовъ-баричей, съ ихъ увлеченіемъ непонятыми героями.

У Гоголя эти мысли вылились наи-

болѣе ярко и трагично въ „Невскомъ проспектѣ“ и въ „Запискахъ сумасшедшаго“. Но то же—и у Тимофеева въ „Поэтѣ“ и у Павлова въ „Именинахъ“. У Тимофеева трагедія генія продумана уже съ полной реалистической простотой. Выводы азбучны и практичны. „Поэтъ,—пишетъ Тимофеевъ,—осужденъ жить въ нашемъ, а не въ иномъ мірѣ, и отъ всѣхъ мечтаний онъ долженъ пробудиться на площади, среди большого европейскаго города, среди шумной толпы, иной разъ и пьяной и грубой; среди этой пошлости надлежитъ ему и умереть подъ говоръ этихъ пигмеевъ въ платьѣ эгоизма. Его предсмертныя страданія ужасны, въ особенности, если онъ сознаетъ, что даже тѣмъ малымъ счастьемъ, которое человѣку на землѣ доступно, онъ не сумѣлъ воспользоваться. Ничтожества просить онъ у своего генія передъ прощаніемъ съ жизнью. Онъ боится, что съ своей „живой душой“ онъ даже небесный рай, куда онъ долженъ переселиться, обратитъ въ черную обитель страданія. Но геній беретъ его на небеса, и со смертью для него начинается новая жизнь. Онъ исполнилъ свое назначеніе: онъ былъ залогомъ союза Бога съ человекомъ, онъ былъ свѣтиломъ для этого мрачнаго, мертваго міра, лампадой во тьмѣ грѣха, недуговъ и печали, хотя онъ и ненавидѣлъ этотъ міръ. Теперь, въ моментъ смерти, святой небесный огонь долженъ быть взятъ въ свою отчизну. Душа поэта—душа земли; его величіе — величіе людей; его могила — вся вселенная. Даже его безумная мечта о новомъ мірѣ не пропадаетъ даромъ—она цѣлебный бальзамъ для души всегда

A. B. Haugels

7

100

больного человека". Но тут проблема однако только поставлена и при том чисто теоретически. Дапо не болѣе, какъ сухое общее правило. Въ „Невскомъ проспектѣ“ Гоголя эта проблема воплощена. Въ ней бьется горячее человѣческое сердце. Вѣдь гений это живой человекъ, одинъ изъ тѣхъ такихъ же простыхъ смертныхъ, что бродятъ вотъ тутъ, по Невскому проспекту, теряясь въ толпѣ, заглядываясь, какъ и всѣ прочіе, на первую попавшуюся красавицу. Но съ нимъ случается не то, что съ поручикомъ Пироговымъ. Нѣтъ—иное, именно, потому, что онъ гений, художникъ. Вотъ трагедію-то этого гения-художника во плоти и представитъ уже не Тимофеевъ; это сдѣлаетъ только гениальный Гоголь; сдѣлаетъ это, пожалуй, въ особомъ смыслѣ, въ по своему трагическихъ условіяхъ, и Павловъ.

Вѣрный своимъ романтическимъ предрасудкамъ, Гоголь однако отнюдь не могъ представить себѣ смѣшивающимся съ пошлой толпой и прозябающимъ среди житейской пошлости какого-нибудь итальянскаго художника. Это очень характерно для происхожденія русскаго реализма. Точно вдумываясь вотъ въ этотъ сѣрый и блѣдный пейзажъ русской природы, который онъ отчасти уже оцѣнилъ, какъ восторженный поклонникъ Пушкина, сталъ Гоголь реалистомъ. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ опредѣляетъ онъ художника Пискарева: „Не правда ли, странное явленіе—художникъ петербургскій? Художникъ въ странѣ снѣговъ, художникъ въ странѣ финновъ, гдѣ все мокро, гладко, ровно, блѣдно, сѣро, туманно! Эти художники во-

все не похожи на художниковъ итальянскихъ, гордыхъ, горячихъ, какъ Италія и ея небо; напротивъ того, это болѣею частью добрый, кроткій народъ, застѣнчивый, безпечный, любящій тихо свое искусство, пьющій чай съ двумя пріятелями своими въ маленькой комнатѣ, скромно толкующій о любимомъ предметѣ и вовсе небрегающій объ излишнемъ. Онъ вѣчно зазоветъ къ себѣ какую-нибудь нищую-старуху и заставитъ ее просидѣть битыхъ часовъ шесть съ тѣмъ, чтобы перевести на полотно ея жалкую, безчувственную мину. Онъ рисуетъ перспективу своей комнаты, въ которой валяется всякій художественный вздоръ: гипсовыя руки и ноги, сдѣлавшіяся кофейными отъ времени и пыли, и сложенные живописные станки, опрокинутая палитра, пріятель, играющій на гитарѣ, стѣны, запачканныя красками, съ раствореннымъ окномъ, сквозь которое мелькаетъ блѣдная Нева и блѣдные рыбаки въ красныхъ рубахахъ. У нихъ всегда почти на всемъ сѣренькій, мутный колоритъ—неизгладимая печать сѣвера. При всемъ томъ, они съ истиннымъ наслажденіемъ трудятся надъ своею работою“.

Но вотъ, поскольку съ наслажденіемъ трудится надъ своею работою художникъ-мечтатель, жизнь, съ которою онъ примирился и которую научился изображать, все-таки разитъ его и терзаетъ. Ему нужны его грезы; онъ живетъ въ этихъ грезахъ, а жизнь разбиваетъ ихъ. Чтобы спасти свои грезы отъ разбѣдающей пошлости мѣщанства; художникъ готовъ пожертвовать всѣмъ и, конечно, своимъ здоровьемъ.

Если нуженъ опиумъ, онъ будетъ принимать опиумъ, и въ результатѣ то простое житейское совѣтъ реальное несчастье, сгубившее художника Пискарева, а потомъ самоубійство. „Такъ погибъ, жертва безумной страсти, бѣдный Пискаревъ, тихій, робкій, скромный, дѣтски простодушный, носившій въ себѣ искру таланта, быть можетъ, со временемъ бы вспыхнувшего широко и ярко“.

И если повѣрить сюжету разсказа, Пискаревъ долженъ быть признанъ человѣкомъ ненормальнымъ. Веди онъ записки, это были бы „Записки сумасшедшаго“. Вопросъ продуманъ глубоко. Тотъ, кто, какъ говоритъ про себя герой „Записокъ сумасшедшаго“, „начинаетъ иногда слышать и видѣть такія вещи, которыхъ никто еще не видывалъ и не слыхивалъ“, вѣдь всегда либо гений, либо сумасшедшій, а верѣдко то и другое вмѣстѣ... Такъ родятся сюжеты обѣихъ названныхъ повѣстей Гоголя.

И художникъ Пискаревъ такъ же, какъ и герой „Записокъ сумасшедшаго“, такимъ образомъ, гений уже безъ блеска барства. Напротивъ, это—„маленькіе люди“, это будущіе „Бѣдные люди“ или „Униженные и оскорбленные“. Соціальная среда, къ которой принадлежитъ непонятый гений, кореннымъ образомъ измѣнилась. Оттого теперь въ мечтаніяхъ романтика, изнывающего среди житейской пошлости, съ мыслями объ искусствѣ, о добрѣ, о красотѣ южной природы и о благородствѣ чувствъ сплетаются и жадныя фантазіи о роскоши и высокомъ положеніи въ обществѣ, чего не могло быть, когда герой представлялся, на-

противъ того упившимся всѣмъ этимъ и пресыщеннымъ. Выдвинулся новый классъ. Точка зрѣнія усвоена мелкобуржуазная, разночинческая.

У Павлова мы видимъ однако такого интеллигента, разночинца, которому надо разорвать еще оковы не соціального и не политическаго гнета, а самаго грубаго гнета—рабства. Начинается классовое самосознаніе средняго класса, а еще не изжиты самыя ужасныя формы сословной зависимости. Въ лицѣ героя „Именинъ“ передъ нами встаетъ страшный и окровавленный обликъ крѣпостной интеллигенціи. Получить тотъ минимумъ личной свободы, какой возможенъ былъ въ Россіи для не крѣпостныхъ, этого достигаетъ герой „Именинъ“, когда оказывается, наконецъ, подъ красной солдатской шапкой.

Съ повѣстью Павлова мы впрочемъ переходимъ въ реализмъ, уже почти не имѣющій ничего общаго съ романтизмомъ. Проблема гения въ его столкновеніяхъ съ толпой тутъ отсутствуетъ. Это ужъ больше не реалистическое изображеніе психологіи романтизма въ его широкомъ общечеловѣческомъ, не только историко-литературномъ пониманіи.

Еще другой моментъ въ развитіи русскаго реализма представляютъ романы и повѣсти, сосредоточивающіе все вниманіе читателя на однихъ только среднихъ людяхъ. Мы подошли къ тѣмъ чисто реалистическимъ очеркамъ Гоголя, которые тянутся отъ „Старосвѣтскихъ помѣщиковъ“ до „Мертвыхъ душъ“.

Развитіе подобной повѣсти начинается съ „дѣдушки нашего романа“ „Ивана Выжигина“ Булгарина, съ

„Нищаго“, „Черной немочи“ и „Невѣсты на ярмаркѣ“ Погодина. Но это литература для самого того общества, которому противопоставлялъ себя романтикъ, литература для публики. „Булгаринъ,—говоритъ Пушкинъ,—такъ для нея (для публики) созданъ, что имъ вмѣстѣ жить, вмѣстѣ и умирать“. Это мѣткое слово вообще такъ примѣнимо ко всему очень современному, вполнѣ подходящему для современнаго читателя.

Чисто реалистическіе очерки Гоголя отъ „Старосвѣтскихъ помѣщиковъ“ до поэмы „Мертвыя души“, которые обыкновенно еще со временъ Бѣлинскаго разсматриваются въ связи съ только что названными рассказами и повѣстями, отличаются отъ нихъ, однако, не только однимъ неизмѣримо большимъ размѣромъ таланта. Тутъ совсѣмъ особый художественный замыселъ—юморъ. Гоголь былъ юмористомъ. Катарсисъ смѣха заставлялъ взволнованно и тревожно, хотя и весело всматриваться черезъ произведенія Гоголя въ современную дѣйствительность. Юморъ Гоголя—идиллическій въ „Старосвѣтскихъ помѣщикахъ“—вызываетъ снисхожденіе, а снисхожденіе толкаетъ на любовь. Снисходительный юморъ—въ „Повѣсти о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“ переходитъ даже въ сожалѣніе. И отсюда это: „Скучно на этомъ свѣтѣ, господа!“ которымъ заканчивается повѣсть. Вотъ они какіе маленькіе и жалкіе, какіе смѣшные и все-таки какіе скучные эти люди тамъ въ глуши съ ихъ сѣрой однообразной жизнью. Скучно тамъ! И оттого, что такова жизнь вообще, скучно на

свѣтѣ,—точно хочетъ сказать авторъ.

Комизмъ Гоголя не есть бичующій комизмъ. Это вовсе не сатира. Его душа была слишкомъ осложнена; онъ былъ слишкомъ созерцателенъ, чтобы стать сатирикомъ. Въ своемъ юморѣ Гоголь все тотъ же неисправимый романтикъ. Отсюда связь гоголевскаго „натурализма“ съ только что очерченнымъ еще романтическимъ настроеніемъ. Гоголь-романтикъ, любящій живописное, любящій яркіе цвѣта, подсмѣивается надъ міромъ малыхъ сихъ. Сатирикомъ былъ Грибоѣдовъ. Въ самой совершенной формѣ, въ какой всегда выражается комизмъ, въ комедіи бичевалъ онъ, увлеченный возвышеннымъ романтикъ, затхлость и ничтожество общества, попиравшаго все возвышенное и не дававшее ему развиваться. Гоголь былъ консерваторъ—оттого онъ и не могъ стать сатирикомъ, оттого вызывалъ онъ не гнѣвъ, а сожалѣніе, не презрѣніе, а жалость.

Комизмъ Гоголя долженъ былъ однако также найти свое окончательное выраженіе въ комедіи.

Судьбы русскаго театра давно интересовали Гоголя; онъ ясно видѣлъ, какъ ничтоженъ театръ, и къ театру примѣнялъ онъ ту же самую мѣру, тѣ же самыя мысли, какія мы уже знаемъ по отношенію къ пейзажу и къ повѣсти. „Непостижимое явленіе,—пишетъ Гоголь,—то, что вседневно окружаетъ насъ, что неразлучно съ нами, что обыкновенно, то можетъ замѣчать одинъ только глубокій, великій, необыкновенный талантъ. Но то, что случается рѣдко, что составляетъ исключеніе, что останавливаетъ насъ своимъ безо-

бразіемъ, нестройностью среди стройности, за то схватывается обѣими руками посредственность“. И вотъ, продолжаетъ Гоголь: „Странное сдѣлалось сюжетомъ пынѣшней драмы. Все дѣло въ томъ, чтобы разсказать какое-нибудь происшествіе, непременно новое, непременно странное, дотолѣ неслыханное и невиданное: убійство, пожары, самыя дикія страсти, которыхъ нѣтъ и въ поминѣ въ теперешнихъ обществахъ!“ А у насъ это еще хуже. У насъ даже въ простыхъ реалистическихъ пьесахъ, когда изображается „не странное“, а самое каждодневное, и тогда оно ничего не имѣетъ общаго съ дѣйствительностью. „Положеніе русскихъ актеровъ,—пишетъ Гоголь,—жалко. Передъ ними трепещетъ и кипитъ свѣжее народонаселеніе, а имъ даютъ лица, которыхъ они и въ глаза не видали. Что имъ дѣлать съ этими странными героями, которые ни французы, ни нѣмцы, но какіе-то взбалмошные люди, не имѣющіе рѣшительно никакой опредѣленной страсти и рѣзкой фizioноміи? гдѣ высказаться? на чемъ развиться таланту? Ради Бога, дайте намъ русскихъ характеровъ, насъ самихъ дайте намъ, нашихъ плутовъ, нашихъ чудаковъ! на сцену ихъ, на смѣхъ всѣмъ! Смѣхъ—великое дѣло: онъ не отнимаетъ ни жизни, ни имѣнія, но предъ нимъ виновный—какъ связанный заяцъ...“

Эти замѣчанія Гоголя написаны черезъ два года послѣ „Ревизора“, но они такъ ярко отражаютъ то, чего хотѣлъ достигнуть Гоголь своей драмой: его искусство просилось на сцену, тамъ должно было оно расцвѣсть.

Но „Женитьба“ его это именно его особый, почти безыдейный, сожалѣющій и отнюдь не бичующій юморъ. Даже въ „Ревизорѣ“, который такъ обидѣлъ публику на первомъ представленіи, потому что она узнала въ немъ самое себя, и тутъ Гоголь не можетъ быть въ сущности названъ бичующимъ. Да, очень жалки всѣ эти большіе и малые Сквозники-Дмухановскіе, эти насильники, трепещущіе передъ воображаемымъ ревизоромъ; да, жалокъ и этотъ великолѣпный питерскій хлыщъ, Хлестаковъ, жалки Бобчинскій и Добчинскій, но что же? Развѣ не является настоящій ревизоръ? Въ сущности все обстоитъ благополучно. Правительство блюдетъ. Исполнители его воли—„лихіе супостаты“. Но правительство сумѣетъ во время справиться съ ними, и намъ остается скорѣе пожалѣть о нихъ, чѣмъ негодовать. Зачѣмъ осуждать тѣхъ, кто все равно будетъ осужденъ? Благонамѣренность замысла „Ревизора“ отлично оцѣнилъ Николай I, покровительствовавшій этой комедіи. „Ревизоръ“—комедія характеровъ въ старомъ еще до-романтическомъ смыслѣ. Она выводитъ передъ нами безсмертнаго Хлестакова, раскрываетъ хлестаковство въ душѣ человѣческой. Она глубоко правдива, глубоко реальна; но только правдива, только реальна.

Съ „Ревизоромъ“ русскій реализмъ дошелъ до своего окончательнаго проявленія. „Натуральная школа“ достигла совершенства. Мы стоимъ наканунѣ „Мертвыхъ душъ“, гдѣ развернется еще цѣлая серія характеровъ безсмертныхъ и яркихъ, правдивыхъ и потому національных, національных уже не въ смыслѣ „мѣстности“ только, а именно въ

смыслъ того самопознанія, о которомъ мечтали еще критики двадцатыхъ годовъ.

И точно поспѣвая за Гоголемъ, тѣмъ же реализмомъ исполнены и комедіи другого недюжиннаго юмориста, земляка Гоголя, Квитки. Комедіи Квитки съ историко-литературной точки зрѣнія особенно интересны тѣмъ, что онѣ вовсе не

порвали съ морализующей комедіей вѣка Просвѣщенія. Имена дѣйствующихъ лицъ, опредѣляющія основную черту характера, уносятъ чуть не въ времена Фонвизина, а одна изъ лучшихъ комедій Квитки, „Пріѣзжій изъ столицы, или суматоха въ уѣздномъ городѣ“ (1828) предвосхищаетъ основной замыслъ гоголевскаго „Ревизора“.

7.

Философскія исканія и публицистика.

Въ тридцатыхъ годахъ замѣчается нѣкоторое оживленіе въ журналистикѣ. Стремленіе создать общественное мнѣніе дѣлаетъ новыя и новыя попытки въ борьбѣ съ старающейся подавить всякую самостоятельную мысль цензурой. Попытки эти чаще всего приводятъ къ неудачамъ. Вотъ краткій мартирологъ тогдашнихъ журналовъ. Въ 1832 году запрещенъ „Европеецъ“ Ивана Кирѣевскаго. Въ 1834 году запрещенъ „Московский Телеграфъ“ Полевого за рецензію на драму Кукольника „Рука Всевышняго отечество“ спасла“. Относительно этого произведенія, написаннаго въ духѣ „самодержавія, православія и народности“ не долженъ былъ „смытъ свое сужденіе имѣть“ публицистъ того времени. Въ томъ же 1834 году взамѣнъ „Сѣверной Пчелы“ Булгарина и Греча возникаетъ „Библіотека для чтенія“ подъ редакціей Греча, а это изданіе Гоголь въ письмѣ Погину характеризуетъ словами: „И вотъ литература наша безъ голоса“. Въ 1836 году запрещенъ „Телескопъ“ Надеждина за „Философическое письмо“ Чаадаева.

Остановимся сначала на этомъ

послѣднемъ. Это несомнѣнно самый крупный публицистъ Пушкинскаго времени. Несмотря на цензурный гнетъ, публицистъ нарождался, и публицистъ не только въ смыслѣ профессіи, но и въ высшемъ смыслѣ. Въ смыслѣ профессіи Чаадаевъ даже не можетъ быть названъ публицистомъ. Такимъ могли быть лишь совсѣмъ пресмыкающіеся, неразборчивые люди, какъ Сепковский (баронъ Брамбеусъ), Гречъ, Булгаринъ. Способность приспосабливаться чувствуется и въ Надеждинѣ и Полевомъ. Чаадаевъ стоялъ совершенно одиноко и оттого, будучи публицистомъ по темпераменту, въ русской журналистикѣ онъ выступилъ только одинъ разъ.

О Чаадаевѣ молодой Пушкинъ сказалъ:

Онъ въ Римѣ былъ бы Брутъ, въ
Афинахъ Периклесь,

А здѣсь онъ—офицеръ гусарской.

„На обломкахъ самовластья“, какъ это предсказывалъ своему другу Пушкинъ, Россія, увы! не напишетъ его имени. Онъ „отчизнѣ посвятилъ души прекрасные порывы“ совсѣмъ въ другомъ смыслѣ. Его близость къ декабрьскому возстанію была

такого характера, что послѣ жандармскаго допроса 1826 г. его признали ни въ чемъ не виновнымъ. Пушкинъ не даромъ представляетъ его себѣ „въ кабинетѣ“ „милымъ домосѣдомъ“. Но и своей личностью, и своими писаньями онъ „воспламенялъ къ высокому любовь“. Пыпинъ подчеркнулъ въ „Философическихъ письмахъ“ Чаадаева скептицизмъ. Относительно Россіи Чаадаевъ, разумѣется, былъ скептикомъ. Такія слова нужно назвать скептицизмомъ: „Отъ этого вы найдете, что всѣмъ намъ недостаетъ нѣкотораго рода основательности, метода, логики. Силлогизмъ Запада намъ неизвѣстенъ. Въ нашихъ лучшихъ головахъ есть что-то большее, чѣмъ неосновательность. Лучшія идеи отъ недостатка связи и послѣдовательности, какъ безплодные призраки, цѣпенѣютъ въ нашемъ мозгу. Человѣкъ теряется, не находя средства прійти въ соотношеніе, связаться съ тѣмъ, что ему предшествуетъ и что послѣдуетъ; онъ лишается всякой увѣренности, всякой твердости; имъ не руководствуетъ чувство общаго существованія, и онъ заблуждается въ мірѣ. Такія потерявшіяся существа встрѣчаются во всѣхъ странахъ; но у насъ эта черта общая...“ Но бичеваніе насъ русскихъ и всей русской культуры было вѣдь только тѣмъ „жаромъ“, которымъ Чаадаевъ „воспламенялъ къ высокому любовь“. То, что презираешь, того не стоитъ бичевать. За чѣмъ также бичевать и поносить безцѣльно. Между настроеніемъ Чаадаева и тѣмъ, что нужно называть скептицизмомъ, глубокое различіе. Скептицизмъ всегда холоденъ. Въ Чаадаевѣ нѣтъ никакой холодности.

Пыпинъ справедливо говоритъ, что Чаадаевъ теоретически высказалъ то, что жило въ сознаніи всего пушкинскаго кружка, всего русскаго романтизма. Въ немъ было великое разочарованіе, вплотную приблизившее къ байронизму, и огромное увлеченіе, „къ высокому священные порывы“. Какъ достигнуть высокаго, когда кругомъ все такъ низко и такъ пошло? Чаадаевъ не дѣлалъ себѣ иллюзій. Главное его достоинство—это полнѣйшее отсутствіе робости мысли. Разочаровавшись въ русской культурѣ, Чаадаевъ не побоялся отвергнуть ее всю цѣликомъ. И мало этого. Онъ потребовалъ еще покаянія. „Я думаю,—писалъ онъ,—что для нашего полнаго возрожденія въ смыслѣ откровеннаго разума, намъ нужно еще какое-нибудь великое покаяніе, какое-нибудь всемогущее искупленіе, вполне ощущаемое всѣмъ христіанскимъ міромъ, испытываемое всѣми, какъ великая физическая катастрофа на поверхности нашего міра; безъ этого я не понимаю, какъ мы могли бы избавиться отъ грязи, которая все еще оскверняетъ нашу память“. Нѣтъ, такъ говорить не скептикъ, но такъ можетъ говорить только западникъ.

Никто сильнѣе Чаадаева не отразилъ западнаго теченія тогдашней русской мысли. Передъ взглядами Чаадаева мнѣніе Ивана Кирѣевскаго, что „Россія должна перенимать все у иностранцевъ“, звучитъ холодно и глухо.

Западничество Чаадаева однако въ значительной степени отличается отъ послѣдующаго западничества. Къ этому послѣднему ближе подходитъ Полевой со своимъ „Мо-

сковскимъ Телеграфомъ". Онъ былъ выразителемъ уже либеральныхъ, или, вѣрнѣе, просвѣтительныхъ теченій двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ и, какъ сынъ купца и какъ журналистъ, онъ представлялъ собою теченіе нѣсколько болѣе демократическое, чѣмъ выдающіеся литераторы того времени. Возникшій въ 1827 г. „Московскій Вѣстникъ" Погодина, этотъ журналъ, вдохновленный Веневитиновымъ, напротивъ, отражаетъ аристократизмъ крупныхъ тогдашнихъ писателей, въ послѣдствіи вошедшихъ въ группу пушкинскаго „Современника". Вяземскій, старинный сотрудникъ Полевого, отрицалъ этотъ аристократизмъ, но извѣстная доля его несомнѣнно сказывалась, поскольку аристократическимъ можетъ быть названо такое настроеніе, какое вылилось въ пушкинскомъ обращеніи къ Видоку Фиглярину.

Въ чаадаевскомъ западничествѣ была одна черта, совершенно однаконецъ свойственная послѣдующему западничеству,—это интересъ къ религіознымъ вопросамъ. Мысль Чаадаева была въ корню религіозна. Религіознымъ былъ для него и вопросъ объ общечеловѣческой культурѣ. И вотъ западникъ Чаадаевъ, для котораго развитіе цивилизаціи тѣсно связано съ развитіемъ религіи, распространяетъ свое западничество вплоть до увлеченія католицизмомъ. Въ тѣ времена черезъ іезуитскія коллегіи католицизмъ прокладываетъ себѣ путь въ сердца русской знати, но смотрѣть на эти католическія симпатіи лишь какъ на слѣдствіе іезуитской интриги, едва ли правильно. Возрожденіе и углубленіе религіозной мысли, которое чувствуется у Чаадаева, было явленіемъ

закономѣрнымъ и находящимся въ полномъ взаимодействіи съ теченіями философской мысли на Западѣ. Жозефъ де-Мэстръ служилъ главнымъ проводникомъ идей, развивавшихся на Западѣ со времени Шатобріана, въ наше отечество. Романтическій возвратъ къ религіи, сначала почти незнакомый русскому романтизму, не порывавшему съ идеями вѣка Просвѣщенія, наконецъ, все-таки совершился. Въ средѣ, настроенной западнически, онъ долженъ былъ увлекать въ сторону католицизма. Чаадаевъ—единственный представитель у насъ религіознаго западничества.

Иначе должно было обстоять среди тѣхъ круговъ образованнаго русскаго общества, въ которыхъ все болѣе назрѣвалъ вопросъ о русской самобытности. Съ идеей народности трудно было не связывать идею о православіи. При подъемѣ религіозныхъ интересовъ неминуемо долженъ былъ совершиться шагъ именно въ эту сторону. Непосредственно и даже въ грубой формѣ это случилось въ сердцахъ Гоголя, какъ автора появившихся въ послѣдствіи „Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями". Но былъ и другой путь исканія религіозной самобытности. Это путь болѣе сложный и кружной.

„Чѣмъ былъ,—пишетъ Барсуковъ, —Андрей Тургеневъ, другъ Жуковскаго, Батюшкова, князя Вяземскаго для поколѣнія, предшествовавшаго 1812 году, чѣмъ былъ Веневитиновъ для поколѣнія, принадлежащаго 1825 году, тѣмъ сталъ Станкевичъ для молодыхъ людей между 1835 и 1840 годами". Этими словами отлично опредѣляются по-

степенныя колебанія русской фило-
софской мысли. Если позднѣе обра-
зуются кружокъ пламенныхъ ге-
гельянцевъ, старающихся продумать
всю окружающую ихъ жизнь, прош-
лое и будущее своей роди-
ны черезъ призму гегелевской
мудрости, то въ концѣ двадцатыхъ
годовъ будитъ и направляетъ мысль
шеллингянство. Еще юношей бо-
гато одаренный и такъ рано умер-
шій Веневитиновъ былъ у насъ про-
водникомъ Шеллинговой философіи,
гораздо болѣе успѣшнымъ и значи-
тельнымъ, чѣмъ тогдашніе профес-
соры философіи, Галичъ въ Петер-
бургѣ и Павловъ съ Давидовымъ
въ Москвѣ. Въ 1825 году было
основано въ Москвѣ „Общество лю-
бомудрія“. Въ него вошли, кромѣ
Веневитинова, кн. В. Ѳ. Одоевскій,
Кошелевъ, Погодинъ, Шевыревъ,
Хомяковъ и Кирѣевскій. „Москов-
скій Вѣстникъ“, который редактиро-
валъ Погодинъ, явился органомъ
кружка. Назначеніе его было слѣ-
дующее: „созданіе научной эстети-
ческой критики на началахъ нѣмец-
кой умозрительной философіи и въ
привитіи общественному сознанию
убѣжденія въ необходимости примѣ-
нять философскія начала къ изуче-
нію всѣхъ эпохъ, наукъ и искусствъ“.

Это теченіе чисто московское. Мо-
сква и осталась колыбелью философ-
скихъ исканій. Обѣ столицы какъ-то
подѣлили между собой въ то время
эти двѣ полосы дѣятельности въ рус-
скомъ возрожденіи. Тамъ, въ Петер-
бургѣ, въ чиновныхъ и военныхъ
кругахъ, близко стоявшихъ къ коле-
бавшейся и роковымъ образомъ кло-
нившейся къ застою и злу придворной
мысли, тамъ готовился и скоро вспых-

нулъ взрывъ декабрьскаго возстанія.
Здѣсь, въ Москвѣ, въ тишинѣ помѣ-
щичьихъ домовъ, вдали отъ престола,
вырываясь изъ затхлости, напряжен-
ный умъ становился пытливо раз-
мышляющимъ. Тамъ, въ Петербургѣ,
сердца рвались къ французскому по-
литиканству, рѣшительному, но толь-
ко рационалистическому. Въ Москвѣ
царитъ нѣмецкое вліяніе. Здѣсь тихое
умозрѣніе, бездѣятельное, но болѣе
вдумчивое. Пушкинъ всецѣло остался
петербуржцемъ. Погодинъ въ 1826
году, во время одного изъ пребыва-
ній Пушкина въ Москвѣ, записалъ
въ своемъ дневникѣ эти слова: „Пуш-
кинъ декламировалъ противъ фило-
софіи“. Въ связи съ этими должны
быть поставлены и насмѣшливыя
слова его о московской молодежи,
такъ называемыхъ „архивныхъ юно-
шахъ“, потому что многіе изъ нихъ
служили въ Московскомъ Архивѣ
министерства иностранныхъ дѣлъ:
„Стоитъ только тронуть пальцемъ,
чтобы полилась всемірная ученость“. Эта
всеми́рная ученость тогдашняго
времени давалась широкими исто-
рико-культурными построеніями нѣ-
мецкой умозрительной философіи.

„Общество любомудрія“ было пер-
вымъ очагомъ того, что позднѣе бу-
детъ названо славянофильствомъ.
Мальчикомъ Константинъ Аксаковъ
на одномъ изъ актовъ Московскаго
университета еще читалъ стихи, вос-
хваляющіе перваго и величайшаго
русскаго западника, Петра Великаго.
Кирѣевскій своимъ „Европейцемъ“
былъ также западникомъ. Въ Обще-
ствѣ любомудрія они поворачиваютъ
свои интересы и свои надежды совер-
шенно въ другую сторону. А въ обла-
сти философской мысли ими руково-

В
Погодинъ
вмѣстѣ
съ Давидовымъ
составлялъ

дитъ умозрительное настроеніе, Хомякова и Кирѣевскаго увлекавшее въ область богословской науки. Черезъ отца Пансія Велпчовскаго, подъ вліяніе котораго подпалъ Кирѣевскій, начинается то сближеніе съ православіемъ, которое изъ Хомякова сдѣлало теолога, а на славянофильство наложило такой своеобразный отпечатокъ, заставлявшій славянофиловъ противополлагать православному славянству славянство не православное. Пережитая членами Общества любомудрія религіозная эволюція охарактеризована въ одномъ очень извѣстномъ отрывкѣ изъ письма къ Кирѣевскому одного изъ выдающихся членовъ кружка, Кошелева. „Прежнія наши мысли,—пишетъ Кошелевъ,—о будущей жизни, какъ о превращеніи въ какое-то безусловное, кажутся мнѣшкельными и дикими. Чѣмъ болѣе я думаю о будущей жизни, тѣмъ болѣе убѣждаюсь въ ея необходимости. Полвѣка тому назадъ Кантъ доходилъ до необходимости бытія Бога, свободы воли и безсмертія души; теперь вѣра въ Бога, свобода воли и безсмертіе души служатъ основаніемъ любомудрія и лишь съ жизнью можно исторгнуть оную изъ нашей души. Сперва признали необходимость Бога, потомъ индивидуальность Онаго, теперь это знаніе превратилось въ вѣру. Думаю и надѣюсь, что какъ теперь не сомнѣваются болѣе въ безсмертіи души, такъ современемъ убѣдятся въ индивидуальномъ ея безсмертіи“.

Въ тридцатыхъ годахъ и Пушкинъ проникся племенными интересами. Вопросъ объ общности славянскихъ племенъ трагически обострился вслѣдъ за первымъ польскимъ возстаніемъ.

Но для того ядра, изъ котораго выйдетъ московское славянофильство, характерно именно это смѣшеніе племенного и религіознаго вопросовъ. Прежде всего сама Россія начинаетъ мыслиться, какъ страна, объединенная однимъ религіознымъ чувствомъ.

Услышь же гласъ судьбы, воспрянь
въ сіяньи новомъ,

Проснися, дремлющій Востокъ!

писалъ Хомяковъ въ 1834 году. Подъ Востокомъ здѣсь разумѣется, конечно, не что иное, какъ Восточная церковь. Отсюда черезъ пять лѣтъ эти восторженные стихи къ Кіеву, одновременно и „матери городовъ российскихъ“ и центру православія. Теперь „сыны Волины“ названы падшими, потому что „мечъ и лезвье, обманъ и пламя ихъ похитили у насъ“. Оказывается, что стать униатомъ значитъ перестать быть русскимъ. Славянинъ-католикъ, славянинъ-протестантъ представляются какой-то аномаліей, создается идеаль какого-то религіозно-государственного единства. Вотъ „славянскіе ручьи сольются въ русскомъ морѣ“, рускомъ и православномъ—

И вокругъ знаменъ отчизны
Потекутъ они толпой
Къ жизни духа, къ духу жизни,
Возрожденные тобой!

Такъ, забытый жестокостью и обманомъ царственнаго сыщика Николая I конституціоналистическій патріотизмъ декабристовъ, осложнившись шеллингианствомъ, померкъ, а на мѣсто его стала зрѣть идея какого-то самобытнаго полу-религіознаго и антиконституціоналистическаго Земскаго Собора, а подогрѣтая религіознымъ идеализмомъ вражда католиковъ-поляковъ и православныхъ-русскихъ

начала создавать мысль объ обрусительствѣ. И самодержавіе торжествовало...

Но въ той же Москвѣ, отчасти какъ продолженіе тѣхъ же самыхъ философскихъ исканій, того же увлеченія нѣмецкой философіей, появилось уже новое теченіе. Это кружокъ Станкевича, въ который входятъ въ то время еще молодые общественные и литературные дѣятели послѣдующихъ десятилѣтій: Бѣлинскій, Бакунинъ, Боткинъ, Кетчеръ, Катковъ и Константинъ Аксаковъ. Всѣ они вышли на литературное поприще въ началѣ тридцатыхъ годовъ въ надеждинскомъ „Телескопѣ“. Здѣсь впервые увидѣли свѣтъ „Литературныя мечтанія“ Бѣлинскаго, въ концѣ которыхъ будущій властитель умовъ сороковыхъ годовъ говорилъ: „Наше общество уже близко къ своему окончательному образованію“.

Кружокъ Станкевича создаетъ уже новое западничество, не имѣющее уже почти ничего общаго съ западничествомъ Чаадаева. Описывая тогдашнее время, Герценъ называлъ носившіяся въ кружкѣ Станкевича идеи наслѣдіемъ общечеловѣческой науки. Дальнѣйшее развитіе кружка и пойдетъ широкой дорогой общечеловѣческаго, культурно-историческаго развитія. И когда на Западѣ рѣзко и отчетливо поставится вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ третьяго и четвертаго сословій, о взаимныхъ отношеніяхъ собственности и труда, о буржуазномъ конституціонализмѣ и о социализмѣ, бывшіе члены кружка Станкевича увлекутся уже новыми, высшими идеями общечеловѣческаго строительства, не забывая

своеобразныхъ формъ русской самобытности, но и не ослабляя себя ихъ призрачнымъ совершенствомъ.

Въ то время, когда погибъ „Телескопъ“ за статью Чаадаева, кружокъ Погодина и Кирѣевскаго издавалъ „Московскій Наблюдатель“, а въ Петербургѣ Пушкинъ напрягалъ послѣднія свои силы, какъ публицистъ въ своемъ „Современникѣ“. По личнымъ связямъ, а отчасти и по симпатіямъ Пушкинъ стоялъ ближе къ „Московскому Наблюдателю“, но его взоръ, всегда все ясно видѣвшій и понимавшій, остановился уже и на Бѣлинскомъ. Уѣзжая изъ Москвы за годъ до смерти, Пушкинъ писалъ Нащокину: „Я оставилъ у тебя два порожнихъ экземпляра „Современника“. Одинъ отдай князю Гагарину, а другой пошли отъ меня Бѣлинскому, тихонько отъ „Наблюдателей“, и вели сказать ему, что очень жалѣю, что съ нимъ не успѣлъ увидѣться“.

Таковъ послѣдній привѣтъ великаго поэта властителю умовъ сороковыхъ годовъ.

Тридцатые годы отдѣляютъ отъ сороковыхъ годовъ два роковыхъ событія. 29 января 1837 года не стало Пушкина, а 15 іюля 1841 года умеръ Лермонтовъ. Смерть Пушкина, общественное значеніе котораго съ такой силой и такой вдумчивостью выразилъ Лермонтовъ, это истинная трагедія тогдашней русской литературы. Романтическая разочарованность и романтическое презрѣніе къ окружающему получило здѣсь какое-то чисто реальное выраженіе.

Не вынесла душа поэта
Позора мелочныхъ обидъ.

Измученный нравственно всѣми этими нездоровыми и вредными его гению сношеніями съ коварно хитрившимъ съ нимъ Николаемъ I, опозоренный своимъ нелѣпымъ камеръ-юнкерствомъ, съ больнымъ сердцемъ, захвачаннымъ грязными руками писавшей ему грязныя анонимныя письма свѣтской черни, ринулся Пушкинъ подъ пулю Дантеса. А вско-

лыхнувшая все его существо смерть Пушкина была причиной послѣдней ссылки Лермонтова на Кавказъ. Тамъ долженъ былъ онъ встрѣтиться съ Мартыновымъ. И его мучившаяся душа при всей своей святости искала столкновенія. Она нашла ее въ пустой никому не нужной ссорѣ.

И этотъ свободный геній погибъ „невольникомъ чести“.

ГЛАВА XIII.

Русская литература во второй четверти вѣка.

(П. Н. Савулина).

Вторая четверть XIX в.—одна изъ интереснѣйшихъ эпохъ нашей исторіи. Русь мужицкая и дворянская, повидимому, прочно покоилась на устояхъ крѣпостничества и самодержавія. Опираясь на безчисленную бюрократическую армію и на нравственную поддержку дворянскаго „общества“, абсолютизмъ праздновалъ свою рѣшительную побѣду надъ крамольными элементами страны и тщательно оберегалъ неприкосновенность историческихъ формъ русской жизни, превращая государство въ огромную крѣпостную вотчину. Вся официальная Россія Николаевской эпохи, по выраженію Герцена, сливалась „въ одно фантастическое лицо какого-то колоссальнаго чиновника, насупившаго брови, нерѣчистаго, уклончиваго, но который постоитъ за себя“; „его не только не собьешь съ ногъ обыкновенной прашой, но и гранитнымъ утесомъ, стоящимъ подъ мо-

нументомъ Петра I“. Тысячечукое, тысячеглазое и вездѣсущее начальство взяло на себя руководство всѣми сторонами жизни многомилліоннаго народа и съ самодовольствомъ повторяло свое традиціонное „все обстоитъ благополучно“. Казалось, бюрократическій механизмъ, усовершенствованный до послѣднихъ мелочей, дѣйствовалъ съ полной исправностью. Всюду водворялся казарменный порядокъ и тишина кладбища. Но задолго еще до торжественнаго краха николаевскаго режима въ періодъ Крымской войны, тамъ и сямъ обнаруживались явные симптомы близкаго разложенія. Жалкое состояніе экономической жизни страны, настоятельная потребность въ свободномъ, вольнонаемномъ трудѣ, начинающееся „оскудѣніе“ дворянства (къ концу Николаевскаго царствованія болѣе 65% крѣпостныхъ душъ числилось въ залогѣ), волненія кре-

стьянъ, сопровождавшіеся иногда убійствомъ господъ,—всѣ подобные факты указывали на неотложную необходимость ликвидаціи крѣпостного быта. Основы прежней социальной структуры колебались, скрѣпы ослабѣвали, и на сцену жизни, хотя еще неувѣренно, выступаютъ представители новыхъ общественныхъ группъ. Журналистика и университеты, демократизируя знаніе, вмѣстѣ съ тѣмъ демократизировали и составъ интеллигенціи. Въ Московскій университетъ, писалъ, напр., Герценъ, „какъ въ общій резервуаръ, вливались юныя силы Россіи со всѣхъ сторонъ, изъ всѣхъ слоевъ; въ его залахъ онѣ очищались отъ предрасудковъ, захваченныхъ у домашняго очага, приходили къ одному уровню, братались между собою и снова разлывались во всѣ стороны Россіи, во всѣ слои ея“. Главные кадры интеллигенціи, въ частности, писателей, попрежнему поставляло дворянство, но небезразличенъ фактъ, что уже въ первыхъ рядахъ интеллигенціи стояли поповичъ Надеждинъ, бывшіе крѣпостные Никитенко и Погодинъ, купцы Полевой, Боткинъ и Гончаровъ, прасолъ Кольцовъ и, наконецъ, типичнѣйшій разночинецъ Бѣлинскій. Очевидно, въ нѣдрахъ русской жизни шелъ характерный процессъ пере-

мѣщенія социальныхъ молекулъ, порожденія новыхъ общественныхъ отношеній. Весь ходъ жизни настойчиво диктовалъ чуткимъ людямъ мысль о необходимости коренныхъ перемѣнъ, и это сознаніе достигаетъ особенной остроты въ сороковые годы, моментъ рѣшительнаго перелома въ исторіи русской мысли и литературы.

Николаевская эпоха, несмотря на всѣ драконовскія строгости полицейской опеки, чрезвычайно богата умственными и литературными теченіями. Одни изъ нихъ, консервативныя по своему направленію, носили чисто классовый характеръ и пользовались официальнымъ покровительствомъ. Другія, хотя отдѣльными своими чертами и связаны съ барской психологіей, но по сущности своей идеологіи являются продуктомъ умонастроенія независимой части нашей интеллигенціи, стремившейся осмыслить общія задачи русской жизни и даже заглянуть въ ту заманчивую даль, изъ которой едва вырисовываются обаятельные контуры будущаго социалистическаго строя жизни. И въ томъ и въ другомъ случаяхъ сказывается наиболѣе характерная черта эпохи — стремленіе къ общественно-политическому самоопредѣленію.

1.

Официальная идеологія и ея посылкователи.

Правительству Николая I принадлежитъ честь точной формулировки тѣхъ принциповъ, которыми издавна направлялась наша внутренняя политика. Теперь можно смѣло говорить объ официальной идеологіи, объ официальной философіи исторіи. Ея ос-

новные тезисы были отчетливо выражены С. С. Уваровымъ тотчасъ по назначеніи его на постъ министра нар. просвѣщенія. Въ своемъ циркулярѣ попечителямъ округовъ отъ 1833 г. Уваровъ требовалъ, „чтобы народное образованіе совер-

палось въ соединенномъ духѣ *православія, самодержавія и народности*“, т. е. въ духѣ тѣхъ началъ, которыми-де выработаны всею историческою жизнью русскаго народа и которыми-де Россія существенно отличается отъ другихъ странъ. Идеи, проводившіяся еще Карамзинымъ, Шенниковымъ и ихъ многочисленными предшественниками, вылились теперь въ совершенно законченную формулу и получили официальную санкцію. Третій членъ этой формулы, особенно привлекавшій къ себѣ какой-то интригующей таинственностью, былъ самымъ ходовымъ и въ то же время самымъ спорнымъ терминомъ эпохи: всѣ и все стремились къ „народности“, но каждая общественная фракція впагала свое содержаніе въ это понятіе. Для Уварова и другихъ представителей „официальной народности“ конкретный смыслъ того требованія, которое заключается въ словѣ „народность“, сводился къ сохраненію крѣпостного права и связанныхъ съ нимъ формъ жизни. При этомъ Уваровъ прекрасно сознавалъ духовное родство между крѣпостничествомъ и абсолютизмомъ и опредѣленно высказывался въ томъ смыслѣ, что самодержавіе и крѣпостное право, имѣя одинъ историческій источникъ, должны имѣть и одну историческую судьбу.

Итакъ, православіе, самодержавіе и крѣпостное право—вотъ изъ чего сложилось понятіе официальной народности, употребляя выраженіе Пыпина, уже получившее полное право гражданства.

Николаевское правительство съ чувствомъ особенной гордости говорило о народности своей политики,

непоколебимо вѣрило въ совершенство существующаго строя Россіи и порой возвышалось до умилительнаго оптимизма. Возмущенный скептицизмомъ Чаадаева, шефъ жандармовъ, гр. Бенкендорфъ изрекъ безсмертныя слова: „Le passé de la Russie a été admirable; son présent est plus que magnifique; quant à son avenir il est au delà de tout ce que l'imagination la plus hardie se peut figurer“.

Къ поддержанію въ русскихъ людяхъ этого убѣжденія были направлены всѣ сложныя мѣропріятія правительства, впрочемъ, одинаково относившіяся къ категоріи полицейскихъ воздѣйствій. Въ частности для нуждъ литературы имѣлась широко поставленная цензура.

Строгости цензуры въ Николаевское время превосходить всякое вѣроятіе.

Кромѣ главной цензуры, существовало около 22 спеціальныхъ. Требовалось исключительно счастливое расположение звѣздъ, чтобы книга безпрепятственно прошла сквозь Сциллу и Харибду цензуры.

„За строгость не столько отвѣтитъ цензоръ, сколько за слабость“, внушалъ Уваровъ еще въ 1832 г.: „жалобы на него будутъ недействительны“. Но и этого показалось мало. 2 апрѣля 1848 г., не безъ инициативы со стороны самого общества, возникаетъ подъ предсѣдательствомъ морского министра кн. Меншикова грозный бутурлинскій комитетъ, или „совѣтъ пяти“ (Д. П. Бутурлинъ, М. А. Корфъ, гр. А. Г. Строгановъ, Дегай и Дубельтъ). Этотъ негласный комитетъ, облеченный исключительными полномочіями и дѣйстви-

вавший подобно тайному инквизиционному судилищу, вызвалъ настоящую панику даже среди представителей официального міра. Цензоръ Никитенко съ неподдѣльнымъ ужасомъ заносилъ на страницы своего дневника новый фактъ изъ исторіи русскаго просвѣщенія и писалъ: „Стали опасаться за каждый день свой, думая, что онъ можетъ оказаться послѣднимъ въ кругу родныхъ и друзей“.

Цензурная хроника въ Николаевскую эпоху представляетъ какой-то сплошной скорбный листъ. Цѣлый рядъ научныхъ и общественныхъ вопросовъ былъ изъятъ цензурою изъ вѣдѣнія печати. Подъ запретомъ находилась почти вся новѣйшая исторія Запада; изъ русской исторіи не пропускалось все, относящееся къ народнымъ волненіямъ, къ переворотамъ XVIII в. и т. п. Писать о „политическихъ видахъ“ правительства или касаться дѣйствій властей было весьма рискованнымъ дѣломъ. По словамъ Уварова (1834 г.), „въ правахъ русскаго гражданина нѣтъ права обращаться письменно къ публикѣ. Это привилегія, которую правительство можетъ дать и отнять, когда хочетъ“. Негодуя на „непростительную смѣлость“ акад. Кеплена, который вздумалъ подвергнуть обсужденію постановку у насъ почтоваго дѣла (въ 1841 г.), кн. Голицынъ, съ своей стороны, высказалъ рядъ интересныхъ сентенцій: „Публичное порицаніе частнымъ человѣкомъ какой-либо отрасли государственнаго управления, гдѣ всѣ законы истекаютъ отъ самодержавной власти, есть явленіе совершенно новое, несообразное съ духомъ нашего правленія“. Начальникъ

почтоваго вѣдомства опасается, что, если не положить предѣлъ подобному вольнодумству, то „свободное книгопечатаніе“ не оставитъ въ покоѣ ни одной стороны жизни: „Можно ожидать затѣмъ осужденія системъ налоговъ, финансовъ, просвѣщенія, законовъ и всего... Ободрясь симъ примѣромъ, другой скажетъ, крѣпостное или иное какое состояніе должно также измѣниться“.

Литература была на положеніи усиленной охраны, и каждый литераторъ чувствовалъ себя контрабандистомъ, который съ опасностью для собственнаго благополучія провозилъ черезъ цензурную границу запретный товаръ, именуемый литературой. Писать приходилось съ оглядкой, полупамятками. „Слово искривилось“, по удачному выраженію И. С. Аксакова. Литературная производительность падала; особенно уменьшилось число книгъ по вопросамъ общественнымъ и государственнымъ. Вопли противъ цензурныхъ стѣсненій раздавались со стороны даже такихъ людей, какъ Жуковский, Погодинъ, Вигель, Булгаринъ, Сенковский. „О Боже, гдѣ мы живемъ!“ восклицаетъ Булгаринъ, и самъ не разъ выступавшій добровольнымъ доносчикомъ: „За что цензоры угнетаютъ разумъ человѣческій и навлекаютъ на всѣхъ насъ гнѣвъ Божій?“ Въ официальномъ изданіи 1862 г. („Историческія свѣдѣнія о цензурѣ въ Россіи“) характеризуемое нами время было заклеено названіемъ „эпохи цензурнаго террора“.

Правительство, такимъ образомъ, заняло весьма опредѣленную позицію и, сильное сознаніемъ своей правоты, не стѣснялось въ выборѣ средствъ для защиты своихъ интересовъ, ко-

торые оно отождествляло съ благомъ всей страны.

Посмотримъ теперь, какъ относилось общество къ идеямъ официальной народности.

Заранѣе можно сказать, что масса русскаго дворянства съ удовольствіемъ увидитъ въ официальной идеологіи выраженіе своихъ завѣтныхъ вождѣній, своихъ сословно-классовыхъ нуждъ. За правительствомъ стояли густые ряды крѣпостниковъ и монархистовъ разныхъ оттѣнковъ. Расправа съ декабристами и весь николаевскій режимъ деморализующимъ образомъ дѣйствовали на настроеніе широкихъ слоевъ общества, которые и безъ того не могли похвалиться высотой своего культурнаго уровня. Въ первые десять лѣтъ Николаевского царствованія наше общество, по словамъ Герцена, было „безъ живыхъ интересовъ, жалкимъ, трусовымъ, подбострастнымъ“. „Печальное зрѣлище представляетъ наше современное общество“, жаловался Никитенко въ 1841 г.: „въ немъ ни великодушныхъ стремленій, ни правосудія, ни простоты, ни чести въ нравахъ, словомъ, ничего, свидѣтельствующаго о здоровомъ, естественномъ и энергическомъ развитіи нравственныхъ силъ“. Эта общественная атмосфера и особенно характеръ дворянскихъ интересовъ въ достаточной степени объясняютъ намъ успѣхъ официальной народности.

Люди различнаго умственнаго и нравственнаго склада выступали защитниками правительственной и дворянской идеологіи. На службѣ у нея находилась довольно многочисленная консервативная пресса: „Московскія Вѣдомости“, „Сѣверное Обозрѣніе“,

изданія Греча, Булгарина и Сенковского, журналы „Маякъ“, „Москвитининъ“ и т. д. Погодинъ и Шевыревъ, издатели „Москвитинина“, были, по выраженію Герцена, „добросовѣстно раболѣпны“ и съ удивительнымъ постоянствомъ повторяли излюбленные идеи изъ кодекса официальной народности. Въ первомъ же номерѣ журнала (январь 1841 г.) Шевыревъ выступилъ съ изложеніемъ своего политическаго credo. Онъ патетически предостерегаетъ отъ серьезной опасности, какой угрожаетъ Россіи близкое общеніе съ Западомъ: Западъ уже носитъ въ себѣ „злой, разительный недугъ“, онъ уже пахнетъ „будущимъ трупомъ“. Чтобы предотвратить возможность рокового зараженія, мы крѣпче должны ухватиться за наши самобытныя начала, за наши „коренныя чувства, въ которыхъ сѣмя и залогъ нашему будущему развитію“: это—„чувство религиозное“ (т. е. православіе), „чувство государственнаго единства Россіи“ (т. е. самодержавіе) и, наконецъ, „сознаніе нашей народности“. Статья Шевырева выражала, несомнѣнно, взгляды редакціи „Москвитинина“ и, болѣе того, формулировала основную точку зрѣнія всей консервативной прессы.

Тенденціи официальной идеологіи проникаютъ и въ науку. Такіе историки, какъ Погодинъ, Морошкинъ и его ученикъ Савельевъ-Ростиславичъ, такіе этнографы, какъ Терещенко и Сахаровъ,—пропитываютъ свои изслѣдованія идеями казенной народности, стремясь, говоря словами Терещенко, изъ изученія нравовъ и образа жизни народа почерпнуть „трогательные образцы добродушія,

гостепріимства, благоговѣйной преданности къ своей родинѣ, отечеству, православію и самодержавію". При такой постановкѣ своей задачи этнографъ, естественно, обходилъ всѣ темныя стороны реального быта, особенно проявленія крѣпостного права.

"Ходя по селамъ и деревнямъ", Сахаровъ главнымъ образомъ выслѣживалъ нашу "народность", находилъ ее и умилялся. Плохо разбираясь въ фактахъ прошлой и современной ему русской жизни, Сахаровъ твердо знаетъ одно, что "императоръ Николай Павловичъ ни мало не усумнился принять нашу народность подъ свою защиту и сдѣлать ее символомъ министерства народного просвѣщенія", что "онъ ясно разгадалъ грядущую славу Россіи, онъ одинъ понялъ назначеніе русской земли". Въ рѣчахъ Сахарова звучитъ неуклюжая, малограмотная, но, видимо, искренняя защита идеи народности, какъ ее понимала сѣрая масса русского общества.

Идея народности, такъ заманчиво звучавшая для русскаго человѣка и, дѣйствительно, имѣвшая огромное значеніе для Николаевской эпохи, горячо поддерживалась также Надеждинымъ и Плетневымъ, при чемъ оба склонны были трактовать ее въ узкихъ рамкахъ официального пониманія.

Подъ эгидой официальной народности расцвѣлъ особый жанръ *беллетристики* и *драмы*, окрашенный консервативно-патріотическимъ романтизмомъ и развивавшійся у насъ также подъ влияніемъ Вальтеръ Скотта и, отчасти, В. Гюго. Наиболѣе типичными представителями этого жанра являются Загоскинъ, Даль и Ку-

кольникъ. Загоскину принадлежитъ цѣлая серія историческихъ романовъ ("Юрій Милославскій", 1829 г., "Кузьма Рощинъ", 1836 г., "Рославлевъ", 1839 г.). Уже "Юрій Милославскій" имѣлъ огромный успѣхъ и создалъ автору славу "проложителя новаго пути", по выраженію кн. Шаховскаго. Жуковскій, Пушкинъ, С. Т. Аксаковъ привѣтствуютъ романъ. "Если бы романы Вальтеръ Скотта были написаны на русскомъ языкѣ", говорилъ Аксаковъ, "и тогда бы Юрій Милославскій сохранилъ свое неотъемлемое достоинство". Надеждинъ готовъ вести съ Загоскина "эру живой народной слесесности" и видитъ "главное неоспоримое достоинство" его романовъ "въ истинѣ, вѣрности и естественности красокъ, коими русская жизнь въ нихъ изображается". Современники не замѣчали сантиментально—романтической поддѣлки въ историческихъ картинахъ Загоскина и не смущались тѣми его понятіями, которымъ еще Полевой далъ названіе квасного патріотизма. Народностью въ самомъ непосредственномъ и наивномъ ея пониманіи отмѣчено все творчество плодовитаго писателя Вл. Даля (казака Луганскаго), талантъ котораго, юморъ, и, несомнѣнно хорошее знаніе народного быта настолько подкупали Бѣлинскаго, что онъ даже въ 1846 г. называлъ "физиологическіе очерки" Даля "перломъ современной русской литературы". Въ томъ же узкомъ патріотизмѣ черпалъ свое вдохновеніе Кукольникъ, авторъ напыщенныхъ ходульных драмъ. Трескучія фразы его героев ласкали слухъ высокопоставленныхъ особъ, и Кукольникъ сталъ чѣмъ-то въ родѣ офиціознаго

8

Несторъ Васильевичъ Кукольникъ.

Съ портрета, писаннаго К. П. Брюлловымъ.
(Городская галлерей П. и С. Третьяковыхъ въ Москвѣ).

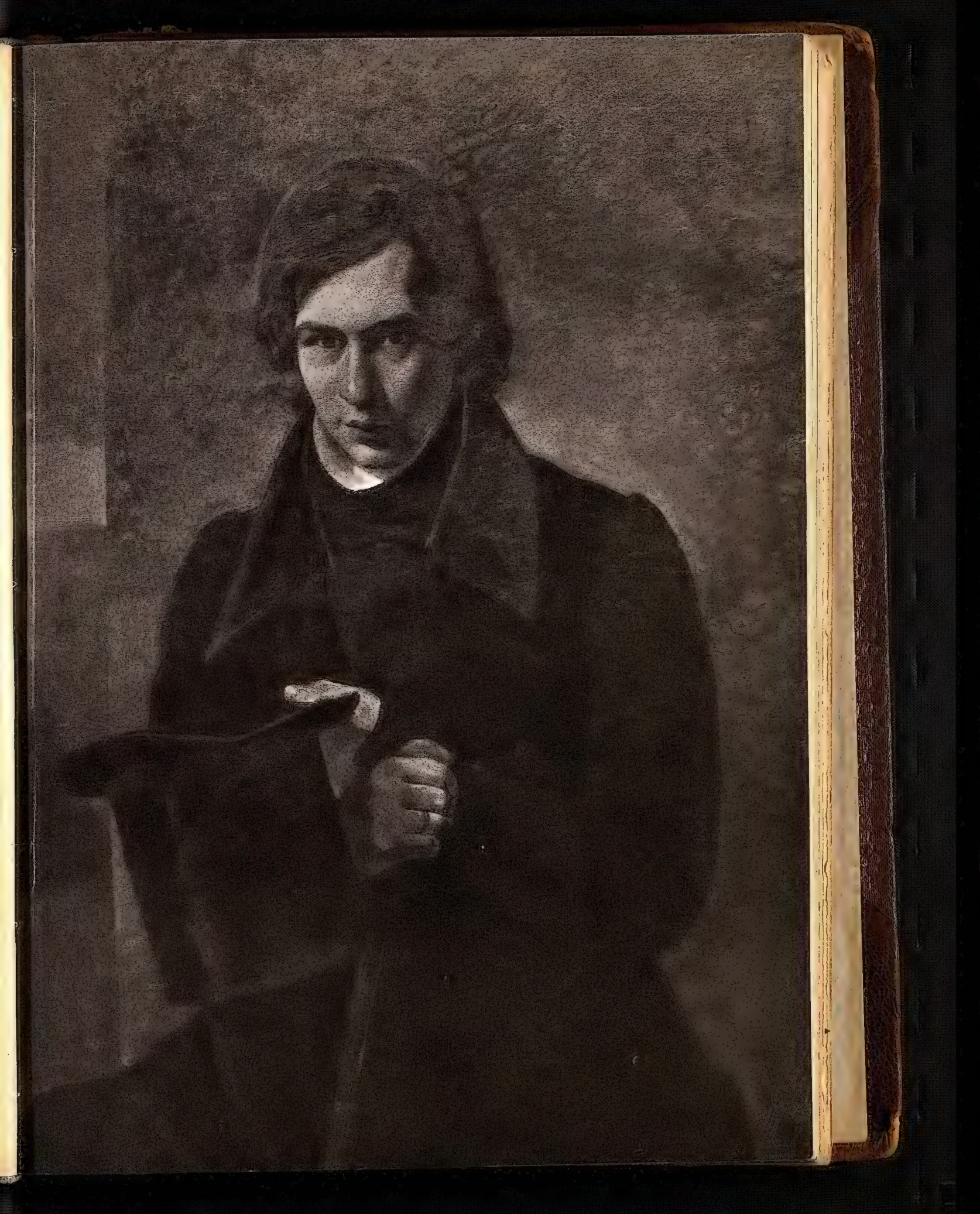
„ИСТОРИЯ РОССИИ ВЪ XIX ВѢКѢ“. Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К^о“.

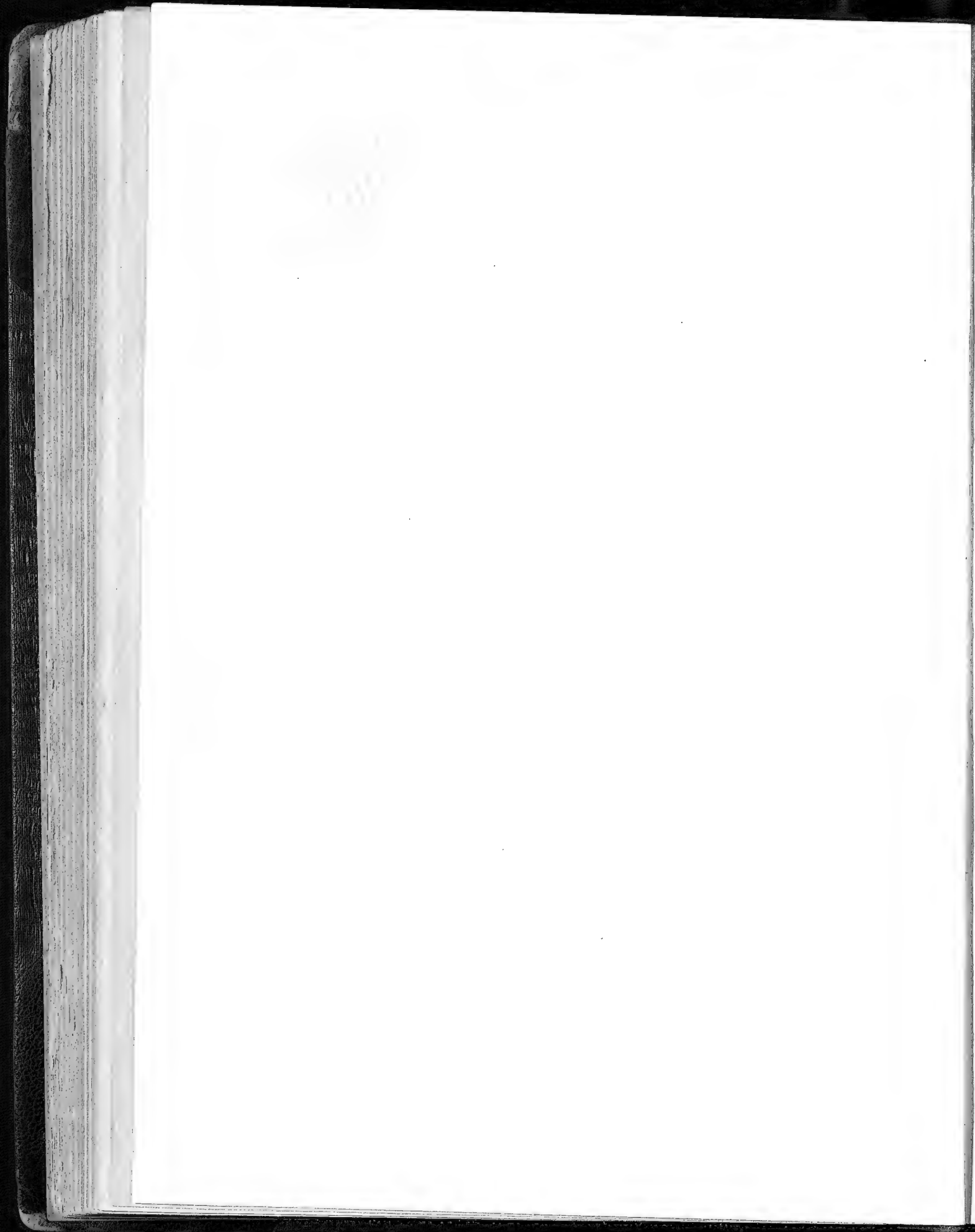
Всеподобный Князь

Съ поборъ и велико К. П. въ мѣсяцъ

(Летопись велико К. П. въ мѣсяцъ)

Всеподобный Князь въ мѣсяцъ въ мѣсяцъ въ мѣсяцъ

писателя. Вспомнимъ, что неодобрительный отзывъ Полевого объ его драмѣ „Рука Всевышняго отечество спасла“ имѣлъ самыя непріятныя послѣдствія для критика. Словомъ, рядъ представителей нашего консервативно-патріотическаго романтизма съ большей или меньшей искренностью и послѣдовательностью примыкалъ къ официальной идеологіи.

Идеи официальной народности съ чистымъ сердцемъ исповѣдывали дадѣе Жуковский, кн. Вяземскій и Гоголь.

Поэтъ—мечтатель, смотрѣвшій на міръ „сквозь призму сердца“, считавшій своимъ лучшимъ другомъ воображеніе, Жуковский старался держаться въ сторонѣ отъ тревоженій дѣйствительной жизни. „Ни моя жизнь, ни мои знанія, ни мой талантъ“, писалъ онъ А. И. Тургеневу въ 1827 г., „не стремили меня ни къ чему политическому“. И друзья не разъ жаловались на его общественно-политическій индифферентизмъ. Тѣмъ не менѣе, бывали моменты, когда даже для Жуковского оказывалось невозможнымъ молчать, и онъ спѣшилъ излить душу въ письмѣ къ какому-нибудь пріятелю, а въ 1848 г. взялся даже за перо публициста. 14 декабря 1825 г. вызвало со стороны Жуковского самый рѣзкій отзывъ. Онъ не находить достаточно бранныхъ эпитетовъ, чтобы заклеить „презрѣнныхъ злодѣевъ“, ихъ „низкій, разбойничій духъ“; онъ отказывается признавать въ возстаніи какой-либо смыслъ: „Даже не видно и фанатизма, а просто звѣрская жажда крови безо всякой, даже химерической цѣли“. Государь отстоялъ свой тронъ и обнаружилъ такія доблестныя качества, что ему теперь прочно обез-

печена любовь народа: „на него полагаются, его уважаютъ“. Если въ послѣдствіи поэтъ и смягчилъ свой приговоръ относительно личности декабристовъ, то, безъ сомнѣнія, онъ никогда не могъ сочувствовать ихъ идеямъ; въ немъ жилъ убѣжденный монархистъ, вѣрившій въ самодержавіе Божіею милостью. Европейскія событія 1848 г. дали ему, какъ кн. Вяземскому, автору „Святой Руси“, и многимъ другимъ русскимъ писателямъ, поводъ высказать свою непоколебимую преданность тѣмъ историческимъ началамъ, на которыхъ покоится Св. Русь. Потрясенная революціями, З. Европа того и гляди распадется на „гнилыя части“. Въ разложеніе готовится давно и имѣетъ своимъ источникомъ главнымъ образомъ „дерзкое непризнаніе участія всевышней власти въ дѣлахъ человѣческихъ“. Еще реформація подорвала авторитетъ церкви, поколебала вѣру, а съ нею и все святое. Въ результатѣ „мятежъ противъ всякой власти, какъ божественной, такъ и человѣческой“. Съ одной стороны, развивается „раціонализмъ (отверженіе божественности Христа), отсюда пантеизмъ (уничтоженіе личности Бога), въ заключеніе атеизмъ (отверженіе бытія Божія)“. Съ другой, возникаетъ ученіе о договорѣ общественномъ; „изъ него—самодержавіе народа, котораго первая степень представительная монархія, вторая степень демократія, третья степень социализмъ и коммунизмъ; можетъ быть и четвертая, послѣдняя степень: уничтоженіе семейства и вслѣдствіе того возвышеніе человѣчества, освобожденнаго отъ всякой обязанности, ограничивающей чѣмъ-

либо его личную независимость, въ достоинство совершенно свободного скотства". Самодержавіе ума человѣческаго и самодержавіе народа—вотъ зло, угрожающее Западу гибелью, и мы должны противопоставить ему священный авторитетъ нашей церкви и божественность самодержавія, какъ власти, установленной самимъ Богомъ и единственно приличествующей христіанскимъ государствамъ. „Самодержавіе, опираясь на Божію правду, вѣрнѣе всѣхъ бумажныхъ конституцій приведетъ народъ русскій безъ всякихъ потрясеній, медлительнымъ путемъ законности, къ той цѣли, къ которой всѣ земные народы стремятся, къ свободѣ". Политическіе взгляды Жуковскаго коренятся прежде всего въ общихъ основахъ его міросозерцанія, но окончательно они окрѣпли въ придворной атмосферѣ и въ кругу его консервативныхъ друзей. По существу онъ высказывалъ то же, что говорили Уваровъ и Ширинскій-Шаматовъ, но на эти идеи официальной народности онъ налагалъ свой отпечатокъ какой-то патріархально библейской наивности, поднимая ихъ на высоту религіознаго догмата.

По всѣмъ своимъ симпатіямъ Жуковскій принадлежалъ къ той группѣ умѣренныхъ консерваторовъ, въ составъ которой входили: Плетневъ, кн. Вяземскій, А. О. Смирнова, гр. М. Ю. Вѣльгорскій и др., и къ которой примыкали также *Гоголь* и *Пушкинъ*.

Великій художникъ, такъ гениально изобразившій пошлость и бѣдность русской жизни, заговорилъ языкомъ толпы, когда вздумалъ отдать себѣ самому отчетъ въ тѣхъ идеалахъ, которые давно таились

въ его душѣ, но не имѣли повода для своего обнаруженія. И томъ „Мертвыхъ душъ" и „Выбраннымъ мѣста изъ переписки съ друзьями" развернули передъ читателемъ страшную картину идейнаго хаоса, окутавшаго мысль писателя. Всѣ истинные друзья пришли въ ужасъ, понявъ, какую тяжелую драму переживаетъ Гоголь, повидимому, такъ увѣренно и самодовольно расточавшій свои нравовѣченія. За патологическими эксцессами его мысли нельзя было не видѣть, что ядъ официальной народности отравилъ и его свѣтлую натуру, сдѣлавъ изъ сатирика жалкаго апологета имъ же самимъ осмѣянной жизни.

Гоголь мнитъ, что онъ выше „славянистовъ" и „европистовъ", двухъ главныхъ общественныхъ фракцій того времени, и въ состояніи дать собственное рѣшеніе вопросамъ русской жизни, но роковымъ образомъ остается въ заколдованномъ кругу официальной идеологіи. Наша церковь, разсуждаетъ Гоголь, „какъ цѣломудренная дѣва, сохранилась одна только отъ временъ апостольскихъ въ непорочной первоначальной чистотѣ своей", и она не только можетъ дать силу Россіи, „не измѣнивъ ничего въ государствахъ", но и выступить въ роли руководительницы другихъ народовъ, такъ какъ западная церковь, достаточная при прежнемъ, „одностороннемъ и неполномъ развитіи человѣчества", теперь оказывается несостоятельной. Только въ православной церкви человѣчество найдеть „просторъ не только душѣ и сердцу человѣка, но и разуму, во всѣхъ его верховныхъ силахъ; въ

ней дорога и путь, какъ устремить все въ человѣкѣ въ одинъ согласный гимнъ верховному Существу“.

Въ этой части своихъ сужденій Гоголь, безъ сомнѣнія, близко подходитъ къ славянофиламъ, среди которыхъ у него было не мало личныхъ друзей. Но дальнѣйшія воззрѣнія Гоголя на нашъ общественный и политическій строй должны были вызывать и, дѣйствительно, вызывали недоумѣніе въ рядахъ славянофиловъ, но зато встрѣчали полное сочувствіе у истинныхъ представителей официальной народности. Мало того, что, согласно съ Жуковскимъ, онъ говоритъ о монархѣ, какъ „образъ Божіемъ на землѣ“, онъ склоненъ идеализировать нашъ бюрократическій строй до такой степени, что говоритъ: „чѣмъ больше всматриваешься въ организмъ управленія губерній, тѣмъ болѣе изумляешься мудрости учредителей: слышно, что самъ Богъ строилъ незримо руками государей“. Развивая какіе-то фантастическіе проекты о „верховномъ совѣтѣ государства“, объ улучшеніи сословной организаціи, Гоголь, разумѣется, далекъ отъ того, чтобы требовать какихъ-нибудь существенныхъ перемѣнъ. Напротивъ, онъ болѣе чѣмъ доволенъ тѣмъ, что есть. Дворянство, „цвѣтъ нашего населенія“, „сосудъ и хранитель высокаго нравственнаго чувства всей націи“, должно сохранить свое господствующее положеніе и право владѣть крѣпостными. Помѣщики не что иное, какъ „управители государя“. „Въ награду за доблести, за испытанную честную службу даются дворянину въ управленіе крестьяне, даются ему, какъ

просвѣщеннѣйшему, какъ ставшему выше предъ другими“, и крѣпостное право трактуется Гоголемъ, какъ священныи институтъ. Взыщетъ Богъ съ барина, если онъ откажется отъ своей обязанности управлять крестьянами; взыщетъ онъ и съ мужика, если тотъ окажетъ неповиновеніе барину, „потому что нѣтъ власти, которая бы не была отъ Бога“. Увлечшійся проповѣдникъ крѣпостничества рекомендуетъ помѣщику ссылаться въ доказательство своихъ правъ на евангеліе и св. писаніе и чуть ли не требовать отъ мужиковъ клятвы на евангеліи въ вѣрности помѣщику. Сохранить въ неприкосновенности крѣпостной строй значитъ, по словамъ Гоголя, сообразоваться „съ волею Божіею, а не своими какими-нибудь европейскими или иными затѣями“. Онъ наивно думаетъ, что „въ истинно русскихъ отношеніяхъ помѣщика къ крестьянамъ“ лежитъ рѣшеніе той социальной проблемы, которая поставлена на очередь 3. Европой. Помѣщики могутъ воспитать „ввѣренныхъ имъ крестьянъ такимъ образомъ, чтобы они стали образцомъ этого сословія для всей Европы, потому что теперь не на шутку задумались многіе въ Европѣ надъ древнимъ патріархальнымъ бытомъ, котораго стихія исчезли повсюду, кромѣ Россіи, и начинаютъ гласно говорить о преимушествахъ нашего крестьянскаго быта, испытавши безсиліе всѣхъ установленій и учрежденій нынѣшнихъ для ихъ улучшенія“. Значитъ, и Гоголь слышалъ звонъ съ социалистической колокольни, но совершенно своеобразно воспользовался взглядами современниковъ на крестьянъ

янскую общину, найдя въ нихъ лишь основаніе для своей апологіи крѣпостничества.

Воззрѣнія Гоголя представляютъ причудливый конгломератъ традиціоннаго консерватизма, идей официальной народности, славянофильства и даже отголосковъ (весьма смутныхъ) социализма. Но по основной окраскѣ они все-таки ближе всего стоятъ къ идеямъ официальной народности. Какъ и Жуковский, Гоголь позаботился дать имъ религіозную санкцію и оживить ихъ поэзіей гражданскаго лиризма. Русь въ представленіи Гоголя лихая тройка, которая неудержимо несется впередъ: „летитъ мимо все, что ни есть на землѣ, и косясь посторониваются и даютъ ей дорогу другіе народы и государства“. Что же удивительнаго, если черезъ какой-нибудь десятокъ лѣтъ „Европа пріѣдетъ къ намъ не за покупкой пеньки и сала, но за покупкой мудрости, которой не продаютъ больше на европейскихъ рынкахъ“. Констанжогло, Муразовы, Улиньки и подобные персонажи II тома „Мертвыхъ душъ“ должны поддерживать въ насъ вѣру въ это недалекое и счастливое будущее Россіи. Такъ далеко отклонился Гоголь отъ тѣхъ социальныхъ выводовъ, которые сами собой вытекаютъ изъ его художественнаго воспроизведенія дореформенной Россіи, въ которой, говоря его же вдохновенными словами, все „безпріютно и непривѣтливо, точно какъ будто бы мы до сихъ поръ еще не у себя дома, не подъ родною нашею крышею“, но гдѣ-то на проѣзжей дорогѣ, въ холодной, угрюмой почтовой станціи, гдѣ равнодушный смотритель неизмѣнно повто-

ряетъ свой черствый отвѣтъ: „нѣтъ лошадей!“ Гоголь, великій художникъ—бытописатель, оказался безсильнымъ произнести то магическое слово „впередъ“, котораго, по его собственному наблюденію, страстно ждала николаевская Россія.

Не сказалъ этого слова и *Пушкинъ*, когда-то смѣлый пѣвецъ „декабризма“. Николаевскій режимъ тяжелыми путами сковывалъ свободный полетъ его генія, калѣчилъ его мысль и творчество. Поэтъ дѣлаетъ вынужденную и бесплодную попытку примириться съ верховной властью, дѣйствовать съ правительствомъ и черезъ него, ищетъ смысла и историческаго оправданія въ дѣйствіяхъ Николая, видя здѣсь „контръ-революцію Петру“; становясь (вмѣстѣ съ Жуковскимъ) на точку зрѣнія русской государственности въ польскомъ вопросѣ, развивая почти шовинистическія мысли о мощи Россіи, о величіи русскаго царя, Пушкинъ чувствуетъ какую-то непонятную потребность замолвить слово за цензуру и даже низвести съ пьедестала Радищева, вслѣдъ которому онъ хотѣлъ славить свободу. Загадочныя статьи Пушкина о Радищевѣ не только свидѣлствуютъ о желаніи автора „Деревни“ быть умѣреннымъ въ своихъ требованіяхъ, объ его отрицательномъ отношеніи къ рѣзкому, тѣмъ болѣе революціонному пути, но и раскрываютъ всю тревогу его души, всю силу его стремленія найти самого себя, его жгучую жажду самоопредѣленія и самооправданія. Письма и лирика Пушкина хранятъ грустные слѣды тѣхъ мукъ, которыя переживалъ поэтъ, осыпанный милостями монарха.

и подчиненный его непосредственному надзору. Драгоценная жертва „жестокаго вѣка“, Пушкинъ до самой смерти не могъ сбросить съ себя зо-

лотыхъ цѣпей, и нелегко ему было даже въ чисто художественномъ творествѣ „итти дорогою свободной, куда влечетъ свободный умъ“.

2.

Философскія теченія тридцатыхъ годовъ.

Официальная идеологія, являясь оправданіемъ и поддержкой интересовъ господствовавшаго класса, предлагала для обывательской мысли мягкое ложе, на которомъ она могла спокойно дремать десятки лѣтъ. Среднему человѣку, дѣйствительно, казалось, что кругомъ царили „тишь да гладь“. Но въ лучшей части русской интеллигенціи не прекращалась напряженная работа мысли. Не забудемъ, что Николаевская эпоха, этотъ классическій періодъ „лишнихъ людей“, вскормила большую, но геніальную музу *Лермонтова*, которая съ такой искренней болью отзывалась на острые диссонансы эпохи. Какъ бы мы ни подчеркивали тяготѣніе Лермонтова къ „сверхчувственному міру“, мы не можемъ не видѣть, что его поэзія есть крикъ изстрадавшейся души, которую мучаютъ не одни внутренніе противорѣчія духа, не одно сознаніе невозможности услышать на землѣ чудныя пѣсни небесъ, но и гнетъ вполне реальныхъ условий жизни и даже въ извѣстныхъ случаяхъ прямо гнетъ николаевской дѣйствительности. Вотъ отчего ему „душно кажется на родинѣ, и сердцу тяжело, и душа тоскуетъ“. Поэтъ интеллигентской рефлексіи, Лермонтовъ страдалъ за себя и другихъ и въ годину безвременья пѣлъ униженнымъ людямъ о счастьѣ борьбы

и свободы, о благахъ жизни, не знающей преградъ для всесторонняго проявленія человѣческой личности. Въ лирикѣ Лермонтова звучитъ и тоска надорваннаго сердца, и протестъ сильнаго духа и вѣра въ его побѣду надъ тѣмъ, что кошмаромъ давитъ русскую жизнь. Его поэзія въ сложномъ переживаніи отразила психологію того слоя николаевской интеллигенціи, который не могъ довольствоваться рамками официальной идеологіи и рвался на просторъ лучшей жизни.

Среди массы инертнаго, буржуазно настроеннаго и граждански незрѣлаго общества тамъ и сямъ ярко выдѣлялись группы *молодежи* съ характернымъ для эпохи возвышенно-идеалистическимъ настроеніемъ. У однихъ въ рукахъ были толстыя книги нѣмецкихъ философовъ, другіе зачитывались статьями и брошюрами французскихъ социалистовъ, но всѣ одинаково возмущались „противорѣчіемъ ученія съ жизнью“ (Герценъ) и одинаково стремились уйти отъ невыносимой прозы повседневнаго прозябанія, чтобы создать себѣ на философской или социалистической основѣ новое міропониманіе. Чѣмъ меньше было возможности перебросить мостъ между мечтой и реальной жизнью, тѣмъ больше было соблазна уходить въ сферу абстрактнаго мы-

шленія, тѣмъ больше было желанія поярче расплѣтуть созданія своей покорной мечты. Въ исторіи внутренняго развитія этихъ идейныхъ теченій была, конечно, своя логика, но это была логика чистыхъ идей, а не логика жизни, что однако не помѣшало въ послѣдствіи сближенію теоретической мысли и жизни, выработкѣ конкретной программы реформъ.

Въ началѣ тридцатыхъ годовъ умственная жизнь достигаетъ особенной интенсивности въ Московскомъ университетѣ. Здѣсь почти одновременно обучалась цѣлая плеяда талантливыхъ юношей, которымъ суждено было сдѣлаться выдающимися писателями и общественными дѣятелями: въ 1829 г. поступилъ въ Московскій университетъ Бѣлинскій, въ 1830 г. — Станкевичъ, Лермонтовъ, Герценъ и Огаревъ, въ 1831 г. — Гончаровъ, въ 1832 г. — К. Аксаковъ, въ 1834 — О. И. Буслаевъ. На рѣдкость даровитая молодежь! Оглядываясь на этотъ періодъ своей жизни, Герценъ имѣлъ право сказать: „Въ то время Россія будущаго существовала между нѣсколькими мальчиками, только что вышедшими изъ дѣтства. Въ нихъ было наслѣдіе общечеловѣческой науки“. Умственная работа этой молодежи направлялась подвумъ колеямъ, которыя уже были проложены ихъ русскими предшественниками и углублены соотвѣствующими теченіями европейской мысли. Одни разрабатываютъ соціально-политическія проблемы, другіе — отвлеченно философскія; одни идутъ по слѣдамъ французскихъ авторитетовъ, другіе — по слѣдамъ нѣмецкихъ философовъ гегельянскаго толка. Намъ не должно

особенно удивлять одновременное существованіе такихъ, повидимому, противоположныхъ теченій. Вспомнимъ, что гегельянецъ Рудинъ (прототипомъ котораго былъ Бакунинъ, гегельянецъ и далѣе одинъ изъ создателей анархизма) въ концѣ концовъ погибаетъ на парижскихъ баррикадахъ въ 1848 г. въ борьбѣ за освобожденіе рабочаго класса. Этотъ финалъ романа, подсказанный Тургеневу его художественнымъ чутьемъ, полонъ историческаго символизма: въ немъ наглядно выступаетъ близкое родство философскаго и соціально-политическаго идеализма.

Начнемъ съ нашихъ философовъ тридцатыхъ годовъ, во главѣ которыхъ стояли Станкевичъ и Бѣлинскій.

Продолжая традиціи любу мудровъ, они также отдаются „философскимъ исканіямъ“ и начинаютъ съ того же Шеллинга, чтобы затѣмъ перейти къ Гегелю. Обыкновенно центромъ философскаго кружка въ Москвѣ считаютъ *Н. В. Станкевича*; долгое время его называли даже родоначальникомъ нашего гегельянства. Такое представленіе въ значительной степени является ошибочнымъ, но находитъ себѣ оправданіе въ тѣхъ восторженныхъ отзывахъ, которыми единодушно осыпаютъ Станкевича его знаменитые друзья.

Личность Станкевича производила чарующее впечатлѣніе своей высокой одухотворенностью, красотой внутренняго міра, носившаго на себѣ печать какой-то непорочной чистоты. Воспитанный на нѣмецкой поэзіи, главнымъ образомъ на Шиллерѣ, Гете и Гофманѣ, Станкевичъ впиталъ въ себя духъ романтическаго идеализма и съ этой

высоты озиралъ природу и человѣческую жизнь. Своею мыслью онъ хотѣлъ объять весь міръ и любовно заключить его въ своетрепетно бьющееся сердце. „Любовь,—писалъ Станкевичъ,—это родъ религіи, которая должна наполнять каждое мгновеніе, каждую точку жизни. Иначе нельзя понимать любовь человѣку, уже приведенному къ какой-либо степени сознанія“. И Станкевичъ, типичнѣйшій идеалистъ тридцатыхъ годовъ, искалъ „существа, которое бы достойно замѣнило для него красоту всего созданія, сосредоточило бы на себѣ и усилило бы святое врожденное чувство любви“.

Вѣчно натянутыя струны его души издавали тихіе, гармоническіе звуки, которые рвались наружу, искали внѣшняго проявленія въ поэтическомъ творествѣ.

Кромѣ нѣсколькихъ набросковъ, Станкевичу принадлежать трагедія „Василій Шуйскій“, повѣсть „Нѣсколько мгновеній изъ жизни графа Z * *“, эскизъ „Три художника“ и 42 лирическихъ стихотворенія. Если его трагедія является не болѣе, какъ литературнымъ упражненіемъ, то прочія произведенія, а особенно лирика отражаютъ самыя интимныя переживанія поэта въ тѣ „священныя мгновенія“, когда душа

Чужда земныхъ заботъ,
Просвѣтлена лучомъ преображенья
И жизньню небесною живетъ.

При всей идеалистичности своего настроенія, нашъ поэтъ не могъ однако безпечно витать въ надзвѣздномъ эфирѣ, далеко надъ грѣшною землею. Онъ сознавалъ свои обязательства по отношенію къ земнымъ братьямъ,

и это сознаніе прекрасно высказано имъ въ стихотвореніи „Раскаяніе поэта“. Оскорбленный грубымъ непониманіемъ людей, поэтъ покинулъ ихъ общество, но, раскаявшись въ своемъ поступкѣ, говоритъ любимой дѣвѣ:

Да, слишкомъ широки душой объятья.
Все челоуѣчество я долженъ въ нихъ
принять,

Чтобъ утолить вполне потребность на-
слажденья,

Потребность пламенной возвышенной
любви.

Одна твоя любовь не укротить стре-
мленья.

Она божественна, я знаю цѣну ей;
Но надъ главою моею пусть прогремѣтъ
проклятыя,

Когда забуду я отчизну и людей,
Васъ, дѣти падшія, но мнѣ родные
братья!

Станкевичъ былъ свободенъ отъ какого-либо идеалистическаго лунатизма и училъ сестру смотрѣть на предметы „при солнечномъ свѣтѣ—въ его истинѣ“: „Жизнь хороша—и только одна жизнь хороша. Плохо намъ, если мы будемъ принимать сонъ и мечту за жизнь“. Жизнь выше всего. Сознаніе своей отвѣтственности передъ жизнью, передъ людьми побуждало Станкевича отъ поэзіи перейти къ философіи. Въ ней онъ видѣлъ насущную потребность времени. Чтобы быть полезнымъ челоуѣчеству, разсуждалъ онъ въ письмѣ отъ 10 ноября 1835 г., нельзя ограничиться указаніемъ „средствъ къ пропитанію, къ спокойному житію, къ удобствамъ жизни, къ эгоистическому образованію, которое бы умножало удовольствія жизни“: гораздо важнѣе внушить челоуѣчеству „высокія убѣжденія, сознаніе своего

достоинства, христiанскія истины". Ближайшей задачей своего поколѣнія Станкевичъ и считаетъ усвоеніе философіи: „мы потерпимъ за будущее поколѣніе и, можетъ быть, съ Божією помощью, облегчимъ трудъ его". Съ энтузіазмомъ отдается онъ изученію философіи. По его письмамъ можно прослѣдить шагъ за шагомъ весь ходъ его философскихъ занятій.

Станкевичъ начинаетъ съ Шеллинга; въ 1833 г. онъ уже пытается отдать себѣ отчетъ въ своихъ философскихъ воззрѣніяхъ и пишетъ статью „Моя метафизика“, повторяя мысли Шеллинга. Отъ Шеллинга въ концѣ 1835 г. онъ переходитъ къ Канту; весной 1836 г. онъ читаетъ Фихте и переживаетъ настоящія философскія муки, такъ какъ авторъ „Vorlesungen über die Bestimmung des Menschen“ произвелъ, по словамъ Станкевича, „такой сумбуръ въ головѣ, возможность котораго я и не подозрѣвалъ“. Гегель стоитъ пока на второмъ планѣ. Правда, въ 1835 г. Станкевичъ переводитъ для „Телескопа“ статью Вильма „Опытъ о философіи Гегеля“, но не кончаетъ ея и настоящимъ образомъ приступаетъ къ изученію Гегеля лишь въ Берлинѣ въ 1836 г. подъ руководствомъ Вердера. Только къ 1840 году, т. е. году своей смерти, Станкевичъ, повидимому, уже довольно прочно овладѣлъ философіей Гегеля.—Изъ тѣхъ же писемъ видно, что товарищами Станкевича по изученію философіи были только Ключниковъ и Красовъ, и то въ весьма слабой степени. Въ сущности онъ одинъ и, при томъ съ немалымъ трудомъ, пробирался по тернистому пути нѣмецкаго любомудрія, и философскій кру-

жокъ, въ точномъ смыслѣ этого слова, возникаетъ лишь съ появленіемъ М. А. Бакунина, который, дѣйствительно, сумѣлъ занять руководящее положеніе среди философствовавшей московской молодежи. Несмотря на весь свой піететъ къ Станкевичу, самъ Бѣлинскій признавалъ, что наиболѣе замѣчательный періодъ въ его духовномъ развитіи начался уже послѣ отъѣзда Станкевича за границу.

Бѣлинскій не менѣе страстно, чѣмъ Станкевичъ, переживалъ всю яркую гамму идеалистическихъ возбужденій, шедшихъ и отъ нѣмецкой поэзіи (особенно Шиллера), и отъ нѣмецкой философіи, главнымъ образомъ Шеллинга и Фихте. Романтическій идеализмъ не заслонялъ отъ него живой дѣйствительности, и лучшимъ матеріаломъ для характеристики Бѣлинскаго въ догегельянскій періодъ являются такія его произведенія, какъ студенческая драма „Дмитрій Калининъ“ (1831) и первая большая критическая статья „Литературныя мечтанія“ (1834).

Молодой авторъ щедро надѣлилъ своего героя автобіографическими чертами и заставилъ его произносить горячія тирады противъ крѣпостного права, противъ ложныхъ взглядовъ на любовь, на отношенія родителей къ дѣтямъ, на науку и пр. Разумѣется, Дм. Калининъ, самъ крѣпостной рабъ, по прихоти судьбы получившій однако прекрасное образованіе, всю силу своего справедливаго негодованія обрушиваетъ именно на крѣпостное право. „Неужели эти люди“, восклицаетъ онъ, „для того только родятся на свѣтъ, чтобы служить прихотямъ такихъ же людей, какъ и они сами?.. Кто далъ это гибельное право—од-

нимъ людямъ поработать своей власти волю другихъ, подобныхъ имъ существъ, отнимать у нихъ священное сокровище—свободу? Кто позволилъ имъ ругаться правами природы и человѣчества? Господинъ можетъ, для потѣхи или разсѣянiя, содрать шкуру съ своего раба; можетъ продать его, какъ скота, вымѣнять на собаку, на лошадь, на корову, разлучить его на всю жизнь съ отцомъ, съ матерью, съ сестрами, съ братьями и со всѣмъ, что для него мило и драгоцѣнно!.. Милосердный Боже, Отецъ человѣковъ! отвѣтствуй мнѣ: Твоя ли премудрая рука произвела на свѣтъ этихъ змievъ, этихъ крокодиловъ, этихъ тигровъ, питающихся костями и мясомъ своихъ ближнихъ и пьющихъ, какъ воду, ихъ кровь и слезы?..“ Пусть то тамъ, то самъ слышатся въ пьесѣ Бѣлинскаго отзвуки Шиллера (его „Разбойниковъ“, „Коварства и любви“) или Шекспира („Отелло“); пусть авторъ грѣшитъ противъ естественности дѣйствiя и порою наивенъ въ своемъ психологическомъ анализѣ: его пьеса не теряетъ отъ этого своей жизненности и поучительности. „Тутъ вы увидите многія лица, давно вамъ извѣстныя“, писалъ Бѣлинскiй отцу, и, дѣйствительно, его драма, появившаяся одновременно съ „Станнымъ человѣкомъ“ Лермонтова, отражаетъ правдиво и сильно не только общiе порядки крѣпостной Россiи, но и мѣтитъ въ опредѣленную семью крѣпостниковъ — Мосоловыхъ, земляковъ какъ Бѣлинскаго, такъ и Лермонтова. И нельзя не присоединиться къ отзыву С. А. Венгерова, что „драма Бѣлинскаго безусловно должна быть признана самымъ яркимъ

произведенiемъ всей нашей освободительной литературы“.

Тотъ альтруистическiй энтузiазмъ, которымъ насыщена пьеса „Дмитрiй Калининъ“ и который составляетъ самую типическую черту натуры „неистоваго Виссарiона“, не покидаетъ Бѣлинскаго и въ первый перiодъ его философскихъ занятiй. Наоборотъ, въ философскомъ идеализмѣ онъ еще свободнѣе и увѣреннѣе расправляетъ свои крылья, чтобы орломъ подняться на высоту, откуда онъ могъ бы однимъ взоромъ окинуть „безпредѣльный, прекрасный Божiй миръ“. Этотъ миръ, говоритъ авторъ „Литературныхъ мечтанiй“, повторяя съ чувствомъ глубокаго убѣжденiя мысли Шеллинга, „есть не что иное, какъ дыханiе единой, вѣчной *идеи* (мысли единаго вѣчнаго Бога), проявляющейся въ безчисленныхъ формахъ, какъ великое зрѣлище абсолютнаго единства въ безконечномъ разнообразiи“. Постигать душу и тѣло вселенной можетъ „только пламенное чувство смертнаго“. Этимъ чувствомъ Бѣлинскiй обладалъ въ высочайшей степени; недаромъ кн. В. Ѳ. Одоевскiй относилъ его къ самымъ тонкимъ философскимъ организацiямъ. Наиболѣе полнаго своего проявленiя премудрая идея достигаетъ въ человѣкѣ, и Бѣлинскiй спѣшилъ сдѣлать изъ этого соответствующiе этические выводы: „Гордись, гордись, человѣкъ, своимъ высокимъ назначенiемъ; но не забывай, что Божественная *идея*, тебя родившая, справедлива и правосудна, что она дала тебѣ умъ и волю, которые ставятъ тебя выше всего творенiя, что она въ тебѣ живетъ, а жизнь есть дѣйствованiе, а дѣйствованiе есть борьба;

не забывай, что твое безконечное, высочайшее блаженство состоитъ въ уничтоженіи твоего *я* въ чувствѣ любви... Отрекись отъ себя, подави свой эгоизмъ, попри ногами твое своекорыстное *я*, дыши для счастья другихъ, жертвуй всѣмъ для блага ближняго, родины, для пользы человечества“.

Вотъ какимъ языкомъ говорилъ пылкій идеалистъ, пока холодная догма Гегеля еще не покрыла его горячее сердце ледяной корой разсудочности.

Универсальная философія Гегеля съ ея діалектическимъ методомъ представляетъ строго логическое построение, претендующее дать законченный отвѣтъ на всѣ вопросы бытія. Желѣзными рамками логики онъ сурово ограничилъ полетъ интуитивной мысли и лирику философскаго вдохновенія.

Міровая жизнь есть выполнение единого плана, продуктъ дѣятельности абсолюта. Абсолютъ, міровой разумъ, идея—высшая реальность; все частное и индивидуальное не имѣетъ самодовлѣющей цѣнности, являясь внѣшней и случайной оболочкой общаго, „призрачной дѣйствительностью“. Поэтому „все разумное—дѣйствительно, и все дѣйствительное — разумно“. Такъ именно была понята у насъ философія Гегеля и этими именно сторонами (если не считать самого діалектическаго метода) она произвела наиболѣе сильное впечатлѣніе на московскихъ ея адептовъ, не обратившихъ должнаго вниманія на сложность гегелевскаго понятія „дѣйствительность“, на его тезисъ, что „дѣйствительность“ по своему содержанию выше существую-

щаго“ (die Wirklichkeit steht höher als die Existenz).

Бакунинъ и Бѣлинскій стояли во главѣ московскихъ гегельянцевъ. Къ нимъ примыкали Аксаковы, Хомяковъ, Кирѣевскіе, В. Боткинъ и др. Работа шла горячая и напряженная. „Не было ни одного параграфа во всѣхъ трехъ частяхъ Логики, двухъ Эстетики, въ Энциклопедіи и другихъ твореніяхъ Гегеля“, рассказываетъ Герценъ, „котораго бы они не взяли съ бою, путемъ продолжительныхъ преній, продолжавшихся подрядъ нѣсколько дней“. Каждая брошюрка философскаго содержанія немедленно прибрѣталась и „зачитывалась“ въ нѣсколько дней до дыръ“. Отвлеченнѣйшій вопросъ отвлеченной философіи такъ близко принимался къ сердцу, что „люди, искренно любившіе и уважавшіе другъ друга, ссорились и не сходились по цѣлымъ недѣлямъ, не согласившись между собою по поводу „абсолютной личности“ и ея „по себѣ бытія“. Мысль непрестанно витала въ мірѣ абстракцій и во всемъ искала проявленія мірового абсолюта. Непосредственное чувство дѣйствительности какъ бы притуплялось, и конкретный міръ доходилъ до сознанія сквозь философскую призму. Идя за городъ, гегельянецъ отдается „созерцанію своего пантеистическаго единства съ космосомъ“; въ каждомъ встрѣчномъ мужикѣ онъ видитъ „міровую субстанцію въ ея непосредственномъ и случайномъ проявленіи“. Тургеневскій Лежневъ въ порывѣ философскаго экстаза ходитъ въ садъ на свиданіе съ бѣлой липой. Явленія внѣшняго и внутренняго міра подвергаются самому тонкому анализу. Неугомонная рефлекс-

сія, „самоѣдство“, по выраженію Шубина (въ „Наканунѣ“), убиваетъ въ гегелельянцѣ активность духа, непосредственную упругость и свѣтлость чувства. Если въ груди гегельянца зарождалось, напр., чувство любви, оно тотчасъ дѣлалось объектомъ философскихъ размышленій, проходило цѣлый рядъ мытарствъ и возвращалось назадъ, говоря словами того же Герцена, „безъ капли живой крови, блѣдной алгебраической тѣнью“.

Гегель полновластно царилъ надъ умами и дѣлилъ свое господство только съ представителями нѣмецкой поэзіи и искусства. Знать „Фауста“ Гете, особенно вторую часть, читать сочиненія Гофмана, увлекаться Бетховеномъ и философски разбирать каждый его аккордъ—все это обязательные пункты въ программѣ русскаго гегельянца. Вмѣстѣ съ тѣмъ каждый изъ нихъ считалъ долгомъ своей философской совѣсти презирать все французское, въ частности французскую литературу, служившую не общему и вѣчному, а скоропреходящимъ интересамъ дня, политическимъ и общественнымъ вопросамъ текущей жизни.

Эта текущая жизнь трактовалась, какъ нѣчто пошлое и мелкое.

Игнорируя частности, нашъ философъ видѣлъ передъ собой лишь цѣлое, какъ вмѣстилище мірового абсолюта. Это цѣлое не можетъ подлежать критикѣ. Какъ поднять дерзновенную руку на то, въ чемъ присутствуетъ абсолютъ? Бѣлинскій, по его словамъ, трепеталъ „таинственнымъ восторгомъ“, сознавая разумность дѣйствительности, видя, что изъ-подъ нея ничего нельзя выки-

нуть, и въ ней ничего нельзя похулить и низвергнуть“. „Дѣйствительность“ можетъ быть лишь предметомъ славословія. „Возставать противъ дѣйствительности“, писалъ Бакунинъ, „и убивать въ себѣ всякій живой источникъ жизни—одно и то же; примиреніе съ дѣйствительностью, во всѣхъ отношеніяхъ и во всѣхъ сферахъ жизни, есть великая задача нашего времени, и Гегель и Гете—главы этого примиренія, этого возвращенія изъ смерти къ жизни... Будемъ надѣяться, что новое поколѣніе сроднится, наконецъ, съ нашею прекрасною русскою дѣйствительностью, и что, оставивъ всѣ пустыя претензіи на гениальность, оно ощутитъ, наконецъ, въ себѣ законную потребность быть дѣйствительными русскими людьми“. Здѣсь все характерно. Гегель поднимаетъ въ глазахъ нашихъ философовъ цѣнность дѣйствительности и подготавливаетъ мысль къ переходу въ слѣдующую, реалистическую стадию. Недаромъ въ философіи Гегеля находили себѣ опору у насъ Герценъ, на Западѣ—Марксъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, именемъ Гегеля санкціонируется у насъ „примиреніе съ дѣйствительностью“ и даже съ „прекрасной русской дѣйствительностью“. Пушкинъ въ статьѣ „Мысли на дорогѣ“ (1833) считаетъ вліяніе нѣмецкой философіи благотворнымъ именно потому, что „она спасла нашу молодежь отъ холоднаго скептицизма французской философіи и удалила ее отъ упоительныхъ и вредныхъ мечтаній, которыя имѣли столь ужасное вліяніе на лучшій цвѣтъ предшествовавшаго поколѣнія“ (очевидный намекъ на

декабристовъ). Для поколѣнія тридцатыхъ годовъ, какъ справедливо доказывалъ проф. Д. Н. Овсянко-Куликовскій, примиреніе съ дѣйствительностью было психологической необходимостью. Тѣмъ сильнѣе, разумѣется, должно было сказаться вліяніе своеобразно понятыхъ философскихъ формулъ Гегеля. Неуклонно идя по пути примиренія, Бѣлинскій со свойственной ему прямоотой дошелъ въ статьяхъ о Бородинской годовщинѣ (1839 г.) до настоящаго апофеоза идеи царя, до крайней идеализаціи тогдашняго русскаго строя. Въ письмѣ къ другу отъ 1837 г. критикъ съ полной искренностью возстаеъ противъ мысли, будто Россіи нужна какая-то конституція. По его непоколебимому убѣжденію, гражданская свобода явится плодомъ внутренней свободы, а внутренняя свобода пріобрѣтается „успѣхами просвѣщенія, основаннаго на философіи, на философіи умозрительной, а не эмпирической, на царствѣ чистаго разума, а не пошлаго здраваго смысла... Вся надежда Россіи на просвѣщеніе, а не на перевороты, не на революцію и не на конституцію... Свобода конституціонная есть свобода условная“. Безусловная, истинная свобода будетъ результатомъ просвѣщенія на основѣ умозрительной философіи. Весь вопросъ

для Бѣлинскаго сводится къ идеѣ личнаго самосовершенствованія: „Люби добро, и тогда ты будешь полезенъ своему отечеству, не думая и не стараясь быть ему полезнымъ. Если бы каждый изъ индивидовъ, составляющихъ Россію, путемъ любви дошелъ до совершенства—тогда Россія безъ всякой политики сдѣлалась бы счастливѣйшей страной въ мірѣ“.

Протекло очень немного времени, и николаевская „дѣйствительность“ раскрыла Бѣлинскому до полной очевидности мысль о необходимости созданія такихъ общественно-политическихъ формъ, которыя способны были бы обезпечивать какъ „внутреннюю“, такъ и гражданскую свободу. По вѣрному замѣчанію Герцена, „исключительно умозрительное направление совершенно противоположно русскому характеру... русскій духъ переработалъ гегелево ученіе, и наша живая натура, несмотря на всѣ постриженія въ философскіе монахи, беретъ свое“. Гегельянство было для насъ извѣстной теоретической школой, лишь временно затуманившей ясность жизненнаго взгляда. Жизнь скоро вторглась и за философскіе окопы и увлекла за собой тѣхъ, кто лишь по идейному предубѣжденію отклонялъ отъ себя рѣшеніе насущныхъ вопросовъ реальной дѣйствительности.

3.

Славянофильство.

Черезъ неизбѣжную стадію философскаго воспитанія прошли и родоначальники нашего славянофильства,

среди которыхъ назовемъ: Ив. В. Кирѣевскаго († 1856), А. С. Хомякова († 1860), Конст. Серг. Аксакова

(† 1860); Ив. С. Аксакова († 1887), Ю. О. Самарина († 1876), Дм. Валутева († 1845) и др. По рассказу Самарина, славянофилы съ неменьшимъ рвеніемъ, чѣмъ ихъ противники западники, спорили о такихъ, напр., вопросахъ, какъ: „возможенъ ли логическій переходъ, безъ скачка или перерыва, отъ понятія чистаго бытія черезъ понятіе небытія къ понятію развитія и бытія опредѣленнаго, отъ *Seyn* черезъ *Nichts* къ *Werden* и къ *Daseyn*? иными словами, что править міромъ: свободно творящая воля или законъ необходимости“? Ив. Кирѣевскій, нѣкогда шеллингіанецъ, штудируетъ въ началѣ сороковыхъ годовъ „Логику“ и „Философію религіи“ Гегеля. Но Гегель все же пришелся не по душѣ славянофиламъ: они отдавали явное предпочтеніе Шеллингу, особенно Шеллингу берлинскаго періода съ его философіей откровенія. Имъ ближе былъ философскій романтизмъ, свободный отъ „разсудочнаго самообмѣнѣ“, рѣшавшій вопросы съ помощью интуитивнаго озаренія, въ полномъ согласіи съ внутреннимъ чувствомъ и вѣрою. Разумъ, говорилъ Хомяковъ, въ состояніи только развивать зерно истины, полученное въ готовомъ видѣ посредствомъ откровенія и вѣры. Геніальность, предполагающая и оригинальность мышленія, могла бы, по мнѣнію Кирѣевского, „даже повредить полнотѣ истины“. Такимъ образомъ, славянофильскій методъ мышленія носитъ специфическія черты философскаго романтизма, и неудивительно, что славянофилы (напр., Ив. Кирѣевскій) такъ охотно усваивали идеи и православно-восточныхъ мистиковъ. По мнѣнію Ив. Кирѣевского, „филосо-

фія нѣмецкая, въ совокупности съ тѣмъ развитіемъ, которое она получила въ послѣдней системѣ Шеллинга, можетъ служить у насъ самою удобною ступенью мышленія отъ заимствованныхъ системъ къ любомудрію самостоятельному, соотвѣтствующему основнымъ началамъ древне-русской образованности и могущему подчинить раздвоенную образованность Запада цѣльному сознанію вѣрующаго разума“.

Общая философская концепція шеллингіанскаго характера соединяется у славянофиловъ съ идеей самобытнаго національнаго развитія, т. е. съ той идеей, которая въ сущности никогда не сходила у насъ со сцены и заняла доминирующее мѣсто въ Николаевскую эпоху. Въ этомъ случаѣ славянофильство рѣшаетъ ту же проблему, которая составляетъ содержаніе официальной народности; оно также ставило на своемъ знамени принципы: православіе, самодержавіе и народность. Это обстоятельство давало извѣстное основаніе сближать и даже отождествлять славянофильство съ казенной идеологіей и видѣть въ немъ новую попытку „дворянскаго самоопредѣленія“, „стихийный голосъ русскаго помѣщичьяго сословія, настроеніе, выработанное вѣками его хозяйственной, въ сущности, лѣнливой жизни, его гражданскаго и политическаго безволія, его праздно мечтательности“ (Евг. Соловьевъ).

Во всемъ этомъ есть доля правды: ни одинъ самый горячій апологетъ славянофильства не въ состояніи отрицать его связи съ принципами официальной народности и чертами дворянской психологіи. Но все

же трудно видѣть въ славянофильствѣ только дворянскую классовую идеологию (таковой является официальная народность): это — скорѣе философско-романтическая доктрина русской самобытности, продукт „общинно-земледѣльческаго мышленія“, мышленія, воспитаннаго и своеобразными чертами земледѣльческаго быта, и общинными порядками деревни (Евг. Соловьевъ). Славянофильство — одна изъ формъ характернаго для Россіи народничества.

Болѣе или менѣе опредѣленную форму ученіе славянофиловъ приобретаетъ приблизительно къ 1844 г. Ближайшими ихъ предшественниками можно считать Любомудровъ (особенно Веневитинова, Ив. Кирѣвскаго, Кошелева, кн. Вл. О. Одоевскаго) и отчасти Чаадаева.

Размышляя въ духѣ Шеллинга о всемірно-историческомъ развитіи, русскіе шеллингянцы уже пытаются философски освѣтить ходъ нашей національной исторіи, заложить основы философіи русской исторіи.

Русская культурная исторія, сравнительно съ западной, разсуждали они, поражаетъ своей бѣдностью и мизерностью. Петръ В. понялъ, что въ нашемъ прошломъ нѣтъ „достаточныхъ элементовъ для внутренняго развитія“, и обратился къ Западу за просвѣщеніемъ. Исторически этотъ шагъ былъ необходимъ. Но, какъ едиподушно сѣтуютъ Кирѣвскій, Веневитиновъ и другіе Любомудры, нашему культурному развитію недостаетъ самобытности, внѣшняя форма нашего просвѣщенія „до сихъ поръ еще находится въ противорѣчьи съ формою нашей національности“. Кирѣвскій предается мечтамъ о созда-

ніи русской философіи, которая разовьется „въ нашей жизни, создается изъ текущихъ вопросовъ, изъ господствующихъ интересовъ нашего народнаго и частнаго быта“. Любомудры идутъ и дальше. Принимая ученіе нѣмецкой философіи, что въ разные моменты исторіи міровая жизнь достигаетъ своего кульминаціоннаго пункта то въ томъ, то въ другомъ народѣ, они находили возможнымъ сдѣлать изъ него выводъ, наиболѣе выгодный и лестный для своего отечества. Пусть нѣмцы думаютъ, что Германія пойдетъ во главѣ народовъ, — наши Любомудры хотятъ вѣрить, что „столицею“ другихъ народовъ, „сердцемъ, изъ котораго выходитъ и куда возвращается вся кровь, всѣ жизненные силы просвѣщенныхъ народовъ“, будетъ именно Россія. Кирѣвскому уже въ 1829 г. („Обозрѣніе русской словесности“ за 1829 г.) казалось, что Европа представляетъ теперь „видъ какого-то оцѣпенѣнія“, и похожа на запруженную рѣку, которая превратила плодородную страну въ болото. Въ эпилогѣ „Русскихъ ночей“ кн. В. О. Одоевскій подробно останавливается на вопросѣ о культурныхъ взаимоотношеніяхъ Россіи и Запада. Онъ понимаетъ, что существуетъ только одна наука; онъ также славитъ историческій подвигъ Петра В. и рекомендуетъ узкимъ націоналистамъ „своего не чуждаться, чужого не бояться“. Тѣмъ не менѣе смыслъ всѣхъ рѣчей Фауста (одного изъ главныхъ персонажей „Русскихъ ночей“) сводится къ рѣшительной критикѣ европейской культуры и къ панегирику русскому народу съ его „всеобъемлющей многосторонностью духа“, съ преобладаніемъ въ немъ

„иныхъ стихій, почти потерявшихся между другими народами“. Отсюда выводъ: „чтобы достигнуть полнаго гармоническаго развитія основныхъ, общечеловѣческихъ стихій, Западу, несмотря на всю величину его, не доставало другого Петра, который бы привилъ ему свѣжіе, могучіе соки славянскаго Востока!“ Россіи предстоитъ выполнить великое провиденціальное назначеніе. Небо, съ пророческимъ паѳосомъ вѣщало Кюхельбекеръ, „предопредѣлило Россіянамъ быть великимъ, благодатнымъ явленіемъ въ нравственномъ мірѣ“. Великій скептикъ, поскольку рѣчь шла о прошломъ Россіи, Чаадаевъ также твердо вѣрилъ, что „мы призваны разрѣшить большую часть проблемъ соціального строя, завершить большую часть идей, возникшихъ въ старомъ обществѣ, и произвести приговоръ въ самыхъ важныхъ вопросахъ, занимающихъ человѣчество“. Такъ широко была распространена въ 30-хъ годахъ идея нашего культурнаго мессіанизма.

Прибавимъ къ этому и другую идею, которой суждено было занять главное мѣсто въ идеологіи славянофиловъ, именно идею религіи, какъ основнаго момента человѣческой цивилизаціи. Уже Ив. Кирѣевскій подчеркивалъ фактъ, что римская церковь „стала не только источникомъ духовнаго образованія, но и главою устройства политическаго“, т. е. имѣла такое значеніе, какого не могла пріобрѣсти наша церковь „во времена необразованныхъ“. Для Чаадаева столбовая дорога общечеловѣческаго прогресса намѣчена исторіей христіанства и всего болѣе католичества.

Итакъ, уже въ воззрѣніяхъ любо-

мудровъ и Чаадаева даны исходные пункты для развитія славянофильства, и послѣднему требовалось лишь углубить, систематизировать идеи предшественниковъ и тѣснѣе связать ихъ съ идеей самобытности.

Умомъ Россію не понять,

Аршиномъ общимъ не измѣрить;

У ней особенная стать,—

Въ Россію можно только вѣрять.

Въ этихъ словахъ Тютчева высказывается одна изъ самыхъ основныхъ мыслей славянофиловъ, мысль о томъ, что Россія, говоря словами К. Аксакова, „земля совершенно *самобытная*, вовсе не похожая на европейскія государства и страны“. Латинскій Западъ и восточный, греко-славянскій міръ, представительницей котораго является теперь Россія, можно разсматривать, какъ два особыхъ культурныхъ типа, разнящихся между собою всѣми важнѣйшими сторонами жизни, начиная съ религіи и кончая формами общественнаго и политическаго быта.

Восточный, греко-славянскій міръ владѣетъ истиннымъ христіанствомъ, преемственно полученнымъ отъ апостоловъ. Высокія начала православной вѣры одухотворяли собою всѣ стороны византійской образованности, ея науку и философію. Россія воспользовалась благами этой христіанской культуры и вполне заслужила наименованіе Святой Руси. Ея обширныя пространства покрылись множествомъ монастырей, изъ которыхъ „единообразно и единомысленно разливался свѣтъ сознанія и науки во всѣ отдѣльныя племена и княжества. Ибо не только духовныя понятія народа изъ нихъ исходили, но и всѣ его понятія нравственныя, общежительныя и юридическія“. Внѣшнимъ обра-

зомъ раздѣленная на мелкія княжества, Русь „всегда сознавала себя, какъ одно живое тѣло, и не столько въ единствѣ языка находила свое притягательное средоточіе, сколько въ единствѣ убѣжденій, происходящихъ изъ единства вѣрованія въ церковныя постановленія“. Это говоритъ въ статьѣ „О характерѣ просвѣщенія Европы“ тотъ самый Ив. Кирѣевскій, который ранѣе, какъ мы только что видѣли, сомнѣвался въ широкомъ вліяніи русской церкви. Теперь для него, какъ и для другихъ славянофиловъ, было аксіомой, что „коренной русскій умъ, лежащій въ основѣ русскаго быта, сложился и воспитался подъ руководствомъ св. отцовъ восточной церкви“, что „христіанское любомудріе“ обусловливало духовное единство всей необъятной Руси, цѣльность ея культурнаго развитія.

Не то наблюдаемъ мы на Западѣ. Католицизмъ кичливо порвалъ со вселенскимъ преданіемъ и толкнулъ церковь на ложный путь. Въ область религіи вторгается въ разныхъ формахъ чуждый ей элементъ разсудочности, искажившій чистоту первоначальныхъ вѣрованій. Наука и вѣра стали другъ противъ друга, какъ двѣ враждебныя силы. Этотъ антагонизмъ ослабилъ обѣ стороны. Философія Запада превращается въ рядъ противорѣчивыхъ логическихъ построений, убивающихъ „тѣ живыя убѣжденія, которыя лежатъ выше сферы разсудка и логики“. Наука, безспорно содѣйствуя улучшенію матеріальнаго благосостоянія людей, оказывается безсильной дать законченный отвѣтъ на вопросы бытія и порождаетъ безплодный скептицизмъ. Западъ, лишенный глав-

наго одухотворяющаго начала, не болѣе, какъ тѣло безъ души, мертвый организмъ, въ которомъ уже начался процессъ гніенія. Пресыщенное изжившее себя европейское просвѣщеніе находится въ состояніи агоніи, „и мертвеннымъ покровомъ задернуть Западъ весь“.

Сравненіе государственнаго быта древней Руси и Запада также говоритъ не въ пользу послѣдняго.

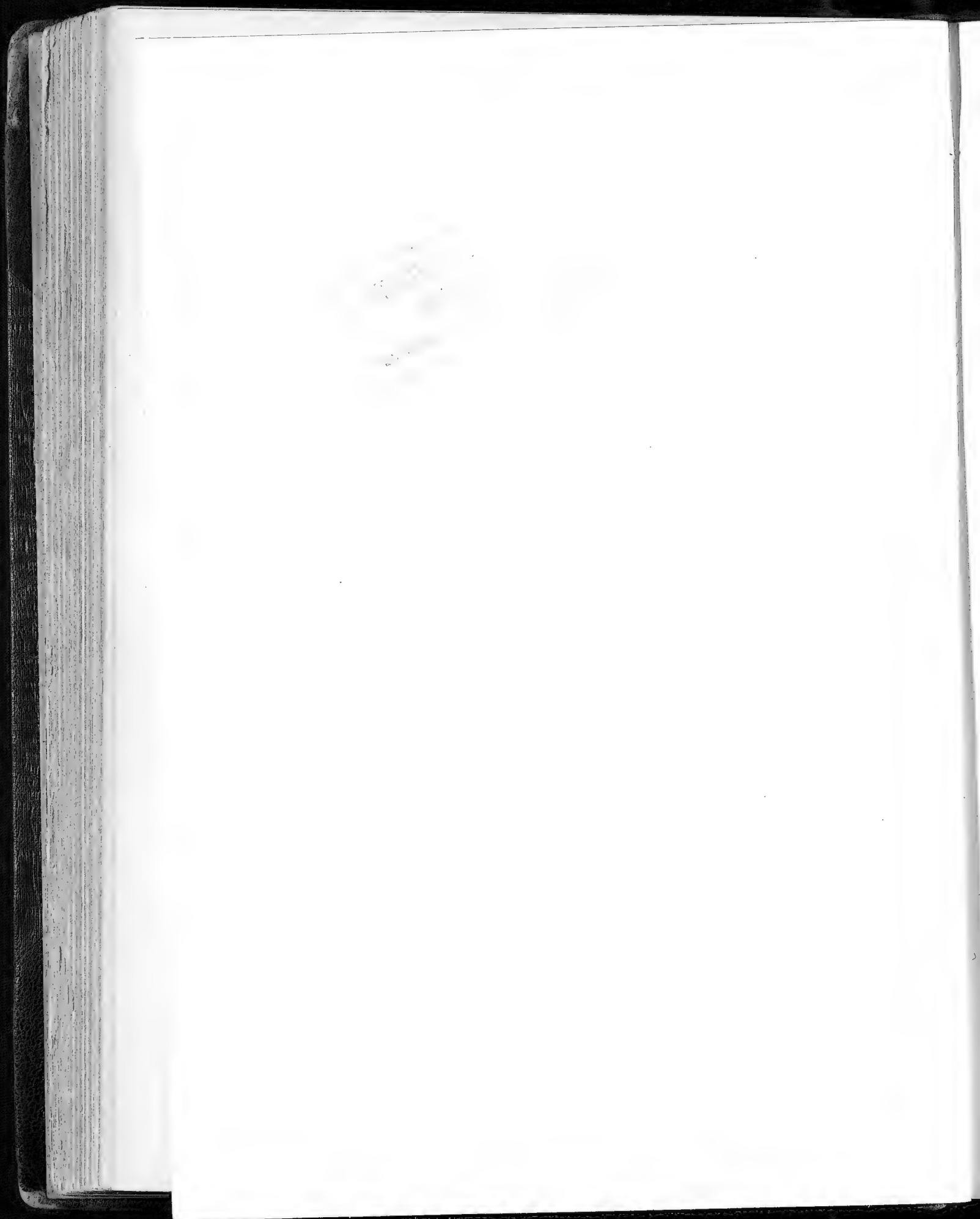
„Всѣ европейскія государства“, писалъ К. Аксаковъ, „основаны завоеваніемъ. Вражда есть начало ихъ“. Отсюда — неизбѣжность постоянной борьбы народа съ властью, междоусобныхъ раздоровъ, революцій, которыми Западъ хвалится, „принимая ихъ за свободу“.

Самое происхожденіе западныхъ государствъ вызываетъ необходимость твердыхъ юридическихъ нормъ, поддерживаемыхъ внѣшнею силой. Западъ „чувствовалъ въ себѣ недостатокъ внутренней правды“ и развилъ внѣшнюю законность, принудительную государственность. Печать этой государственности лежитъ „на всѣхъ проявленіяхъ общественности“ западныхъ народовъ. У нихъ „нѣтъ простоты жизни, нѣтъ свободы. Вездѣ внѣшнее, условное, искусственное“.

Совершенно иначе сложилась русская государственная жизнь. „Русское государство“, читаемъ у того же К. Аксакова, „было основано не завоеваніемъ, а добровольнымъ призваніемъ власти. Поэтому не вражда, а миръ и согласіе есть его начало. Власть явилась у насъ желанною, не враждебною, но защитною, и утвердилась съ согласія народнаго“. Подобныя идиллическія отношенія продолжали сохраняться

J. H. D. Kucarb.

и далѣе, въ силу внутренняго сознанія обѣихъ сторонъ. Земля и государство были связаны между собой узами „взаимной довѣренности“, исключающей возможность острыхъ конфликтовъ. Князь и вѣче, царь и земскій соборъ или земская дума, словомъ, Земля и Государство умѣли полюбовно размежевываться, держась принципа, что „правительству—сила власти, землѣ—сила мѣны“. Государь „не опасался спрашивать мѣны народа“ и признавалъ для себя его нравственное значеніе; народъ не хотѣлъ „государствовать“ и самъ ограничивалъ себя ролью совѣтника, простосердечно говоря: „мысль наша такова, а тамъ какъ будетъ угодно государю“. Ни въ какихъ договорахъ, юридическихъ гарантіяхъ не было надобности. „Гарантія есть зло... Вся сила въ идеалѣ... Вся сила въ нравственномъ убѣжденіи“. Русскій народъ чувствуетъ органическое отвращеніе ко всякимъ юридическимъ нормамъ.

Широки натуры русскія;
Нашей правды идеаль
Не влѣзаетъ въ формы узкія
Юридическихъ началъ.

Опираясь на бытовое преданіе и внутреннее убѣжденіе, древне-русскіе законы „носятъ характеръ болѣе внутренней, чѣмъ внѣшней правды, предпочитая очевидность существенной справедливости — буквальному смыслу формы, святость преданія — логическому выводу, нравственность требованія — внѣшней пользѣ“; словомъ, „внутренняя справедливость брала въ древне-русскомъ правѣ перевѣсъ надъ внѣшнею формальностью“. Взаимоотношенія между властью и землей были чужды „гор-

дости западной свободы“ и держались „обоюднымъ искреннимъ желаніемъ пользы“. То же миролюбивое согласіе царило и въ другихъ сферахъ древне-русской жизни. Мы не знали гибельной борьбы сословій; напротивъ, „всѣ классы и виды населенія были проникнуты однимъ духомъ, одною вѣрою, одними убѣжденіями, однородными понятіями, одинаковою потребностью общаго блага“ (К. Аксаковъ). Единое, хоровое начало преобладало въ древне-русской жизни и крѣпкимъ цементомъ связывало всѣ части огромнаго организма. Личность тонула въ этомъ цѣломъ, видя въ самоотреченіи „высшій актъ личной свободы и сознанія“.

Начиная съ семьи и кончая всѣмъ государствомъ, все зиждилось на общинномъ началѣ. Оно „составляетъ основу, грунтъ всей русской исторіи, прошедшей, настоящей и будущей; сѣмена и корни всего великаго, возносящагося на поверхности, зарыты въ его плодотворной глубинѣ“. Знаменательнымъ остаткомъ прежняго строя является сельская община, уцѣлѣвшая въ крестьянскомъ быту. Она не только гарантируетъ мужику прочное и справедливое землепользованіе, но и воспитываетъ его этическія понятія. „Міръ для русскаго крестьянина“, говоритъ Хомяковъ, „есть какъ бы олицетвореніе его общественной совѣсти, передъ которою онъ выпрямляется духомъ; міръ поддерживаетъ въ немъ чувство свободы, сознаніе его нравственнаго достоинства и всѣ высокія побужденія, отъ которыхъ мы ожидаемъ его возрожденія“.

Коротко говоря, начала, на которыхъ построенъ весь укладъ древне-

русской жизни, отличаются такой своеобразной высотой, что наша история, по словам К. Аксакова, „может читаться, какъ житія святыхъ“.

Петръ Великій своимъ властнымъ прикосновеніемъ разрушилъ всю эту патріархально-библейскую идиллію; онъ насильственно повернулъ Россію на путь западно-европейскаго развитія, увлекся просвѣщеніемъ и государственностью Запада. „Изъ могучей земли, могучей болѣе всего вѣрою и внутреннею жизнью, смиреніемъ и тишиною, Петръ захотѣлъ образовать могущество и славу земную, захотѣлъ, слѣдовательно, оторвать Русь отъ родныхъ источниковъ ея жизни, захотѣлъ толкнуть Русь на путь Запада—путь ложный и опасный“ (К. Аксаковъ). До Петра русскіе также кое-что заимствовали у Запада, но они брали оттуда только полезное и обще-человѣческое. Петръ же Великій посягнулъ на одежду, языкъ и систему управленія, измѣняя послѣднюю въ духѣ западной государственности.

Вся Русь, вся жизнь ея доселѣ,
Тобою презрѣна была,
И на твоёмъ великомъ дѣлѣ
Печать проклятія легла,—

писалъ К. Аксаковъ въ стихотвореніи „Петру“.

Преобразованія Петра Великаго были настоящей революціей, измѣной власти народу. Государство разрываетъ съ землей, и этотъ разрывъ внѣшнимъ образомъ выражается въ томъ, что императоръ строитъ новую столицу, „свою, не имѣющую ничего общаго съ Россіей, никакихъ русскихъ воспоминаній“. Новый городъ „сталъ Руси тяжкою грозой“; „онъ сокъ народа

истощаетъ“ и „духомъ движется чужимъ“.

Внутренній расколъ идетъ и дальше; отъ стараго единства не остается и слѣда: „образованное“ по европейскому образцу общество и собственно народъ дѣлаются чуждыми другъ другу по своимъ вѣрованіямъ, понятіямъ, языку и одеждѣ; между ними легла глубокая и гибельная пропасть. Петербургскій періодъ антинаціоналенъ и ложенъ по своей внутренней сущности. Съ тѣмъ болѣею любовью обращаются славянофилы ко всему, что связано съ „русской столицей Москвой“. Въ противоположность „иностранной столицѣ Санктъ-Петербургъ“, Москва дѣлается въ глазахъ славянофиловъ не только городомъ, дорогимъ по историческимъ, священнымъ воспоминаніямъ, но какимъ-то мистическимъ символомъ, символомъ духовнаго единенія и самобытности русскаго народа. Въ честь Москвы слагались восторженные гимны.

Такимъ образомъ, во имя идеи самобытности славянофилы отрицали Петра и петербургскій періодъ нашей исторіи, рѣшившись на выводъ, передъ которымъ останавливались любознательны, въ томъ числѣ и Ив. Кирѣевскій, какъ авторъ „XIX вѣка“.

Изложенная нами историческая схема славянофиловъ содержитъ въ себѣ вмѣстѣ съ тѣмъ и ихъ историческіе идеалы и, слѣдовательно, опредѣляетъ ихъ практическую программу. Русь православная съ самодержавнымъ царемъ, земскими соборами и общиннымъ строемъ—вотъ картина допетровской старины и вмѣстѣ идеаль, подлежащій осуществленію въ будущемъ. Еще въ 1843 г. К. С. Аксаковъ

воодушевленно звалъ своихъ соотечественниковъ „домой“:

Пора домой! И пѣсни повторяя
Старинныя, мы весело идемъ.
Пора домой! Насъ ждетъ земля родная,
Великая въ страданіи нѣмомъ!
Презрѣніемъ отягчена жестокимъ,
Народнаго столица торжества,
Опять полна значеніемъ глубокимъ
Является великая Москва.

Обращаясь къ Петру Великому, К. Аксаковъ высказываетъ твердую надежду, что

Народный духъ подниметъ крылья,
Отступниковъ обниметъ страхъ,
Созданья лжи, дѣла насилья
Падутъ, разсыплются во прахъ!
И вновь оправданный судьбою,
Возстанетъ къ жизни твоей народъ
Съ своею древнею Москвою—
И жизнь свободный приметъ ходъ.
Все отпадетъ, что было лживо,
Любовь всѣ узы сокрушитъ,
Отчизна зацвѣтетъ счастливо—
И твой народъ тебя проститъ.

Непонятія и даже гонимыя правительствомъ самобытныя русскія начала сохраняются пока только въ крестьянствѣ. Народъ—„могущественный хранитель жизненной великой тайны, во всей силѣ своей самобытности предстоящій предъ нами“, говоритъ К. Аксаковъ, а интеллигенція, „публика“, разорвавшая связь съ „устоями“, похожа „на растенія, обнажившія отъ почвы свои корни“. „Мы сохнемъ и вянемъ“, и наше спасеніе состоитъ въ томъ, чтобы смириться и преклониться передъ народной правдой, опроститься и слиться съ народомъ.

Пусть личность потонетъ безъ остатка въ народномъ морѣ. Въ этомъ единеніи она обрѣтетъ свою силу и смыслъ своего существованія. Въ стихотвореніи „Гуманисту“ К. Ак-

саковъ давалъ Грановскому такіа наставленія:

Пойми себя въ народѣ! Не сжимаетъ,
Какъ океанъ, твоей свободы онъ:
Тебѣ онъ только мѣсто назначаетъ,
Ты общему въ немъ живо покоренъ.
А безъ того—ты эгоистъ безъ силы,
И жизнь твоя прекрасная пуста,
Страданья вялы и оружія гнилы,
Порывъ безплоденъ и ложна мечта.
Съ народомъ лишь взойдетъ свобода

зрѣло,

Могущество народа только кликъ,
Принадлежитъ народу только дѣло,
И путь его державенъ и великъ.

Извѣстно, что московскіе славянофилы, дѣйствительно, дѣлали попытки опрощенія, сліянія съ народомъ.

Дѣло духовнаго возрожденія, къ которому стремились славянофилы, не должно было, по ихъ мнѣнію, ограничиваться предѣлами одной Россіи: нужно приобщить къ нашимъ „самобытнымъ“ началамъ, во-первыхъ, славянскій міръ, а, во-вторыхъ, и весь Западъ. То, что создала и развила въ себѣ древняя Русь, въ сущности составляетъ достояніе всего славянскаго міра. Но тяжелыя историческія обстоятельства настолько разъединили между собою славянъ, что они отличаются другъ отъ друга и религіей, и языкомъ и бытомъ. Такъ какъ истинно-славянской религіей является православіе, то на Россіи лежитъ нравственный долгъ собрать вокругъ себя славянство, объединить его на почвѣ православія и однородныхъ основъ культуры. Тогда славянство составитъ одно нравственное, а, можетъ быть, и политическое цѣлое подъ гегемоніей старшаго и наиболѣе могущественнаго собрата. Эти идеи панславизма находили себѣ реальную опору въ тѣхъ національных движеніяхъ, которыя проис-

ходили тогда среди славянскихъ племенъ и которыя, между прочимъ, вдохновили Хомякова написать его стихотвореніе „Орель“. „Славянъ полуночныхъ орель“ долженъ осѣнить своими крѣпкими крыльями „младшихъ братьевъ“, изнывающихъ въ иноземной неволѣ.

О, вспомни ихъ, орель полночи!
Пошли имъ звонкій твой привѣтъ,
Да ихъ утѣшитъ въ рабской ночи
Твоей свободы яркій свѣтъ!
Питай ихъ пищей силъ духовныхъ,
Питай надеждой лучшихъ дней;
И хладъ сердецъ единокровныхъ
Любовью жаркою согрѣй!

Не говоря уже о томъ, что идея панславизма бродила еще въ Александровскую эпоху, въ сороковыхъ годахъ она очень занимала русскіе умы и нашла себѣ интересное выраженіе въ Кирилло-Меѳодіевскомъ Обществѣ (1846-7 г.), мечтавшемъ о созданіи общеславянской федераціи съ Кіевомъ во главѣ. Славянофилы, такимъ образомъ, не были одиноки въ своемъ панславизмѣ, но придавали ему свой отпечатокъ, въ смыслѣ преобладанія православной московской старины.

До сихъ поръ славянофилы были довольно послѣдовательны въ проведеніи идеи славянской самобытности. Но они недаромъ были учениками Шеллинга и Гегеля: они не могли не включить въ свою идеологию еще одного пункта, который уже фигурировалъ въ статьяхъ Любоумровъ и Чаадаева, именно, идеи о нашемъ *всемирно-историческомъ мессианизмѣ*.

„Всемирное развитіе исторіи“, читаемъ у Хомякова, „осудивъ неполныя и одностороннія начала, которыми она управлялась до сихъ поръ, тре-

буется отъ нашей Св. Руси, чтобы она выразила тѣ болѣе полныя и всестороннія начала, изъ которыхъ она выросла и на которыя она опирается“. Какъ нѣкогда изжившая себя римская культура была оплодотворена пришлыми юными въ своемъ варварствѣ племенами, такъ и молодая Россія, не имѣвшая до сихъ поръ всемірно-историческаго значенія, призвана обновить дряхлѣющій западный міръ. Только мы, говорилъ Хомяковъ въ стихотвореніи „Россія“, владѣемъ теперь тѣмъ,

чѣмъ духъ святится,
Въ чѣмъ сердцу слышенъ гласъ небесъ,
Въ чѣмъ грядущихъ дней таится
Начало славы и чудесъ!

И Россія, „всѣ народы обнявъ любовью своей“, скажетъ имъ „тайнство свободы“, прольетъ имъ „сіяніе вѣры“, и станетъ

Превыше всѣхъ земныхъ сыновъ,
Какъ этотъ синій сводъ небесный—
Прозрачный Вышняго покровъ.

Славянофилы сознавали трудность выполненія своей всемірно-исторической миссіи, колебались относительно выбора путей, но твердо вѣрили въ самую идею. Европейскія событія 1848 г. возбудили живѣйшій интересъ въ славянофилахъ. Какъ Герценъ, такъ и славянофилы, увидѣли въ революціи моментъ крушенія стараго европейскаго міра, но, конечно, славянофилы сдѣлали изъ факта свои собственные выводы. Съ одной стороны, Ѳ. И. Тютчевъ въ запискѣ „Россія и революція“ призывалъ русское правительство на борьбу съ „антихристіанскимъ движеніемъ“, отъ исхода котораго однако „зависитъ на многіе вѣка вся политическая будущность человѣчества“. Убѣ-

ждать въ этомъ Николая I, конечно, не было никакой надобности, и онъ не замедлилъ показать, какъ широко понимаетъ свою задачу въ дѣлѣ усмиренія революціонныхъ стремленій. Съ другой стороны, сердце славянофиловъ забилося трепетной надеждой, что очищено поле для выступленія славянскихъ племенъ. „Православіе на міровомъ череду“, писалъ Хомяковъ: „Словенскія племена на міровомъ череду. Минута великая, предугаданная, но не приготовленная нами. Теперь вопросъ, сумѣемъ ли мы воспользоваться ею?“

Разумѣется, мы не сумѣли да и не могли воспользоваться великой минутой. Переживъ годы николаевской реакціи и бѣдствія Севастопольской войны, славянофилы въ своемъ органѣ „Русская Бесѣда“ (за 1857 г.) нашли нужнымъ торжественно заявить о нашихъ культурныхъ обязательствахъ по отношенію къ Западу, о необходимости и дальнѣйшихъ заимствованій, „преимущественно по части такъ называемыхъ положительныхъ знаній“, и ограничить свою работу тѣмъ, чтобы „переливать занятое въ русскія формы“, такъ какъ „западная цивилизація, лишенная необходимаго основанія всякаго истиннаго просвѣщенія—религіи, можетъ быть для Россіи полезнаю только по пропущеніи ея черезъ критику русскаго духа и его коренныхъ началъ“. Но въ сороковыхъ годахъ славянофилы съ полнымъ убѣжденіемъ выдвигали идею о нашей всемірно-исторической миссіи. Для И. Кирѣевскаго, Хомякова, Ю. Самарина, К. Аксакова не было сомнѣнія въ томъ, что начала русской „народности“ имѣютъ и общечело-

вѣческое значеніе. „Было бы совершенно невозможно рѣшить“, справедливо говоритъ П. Н. Милоковъ, „какой изъ этихъ двухъ элементовъ былъ болѣе важенъ для стараго славянофила, національный или всемірно-историческій; другими словами, дорожилъ ли онъ православіемъ и общиннымъ началомъ, только какъ коренными признаками русской народности, или же, наоборотъ, самая эта народность была дорога ему только какъ носительница универсальныхъ идей православія и общины. Самый вопросъ о выборѣ между національнымъ и общечеловѣческимъ не могъ возникнуть для славянофила, такъ какъ ни представить себѣ русскую національность безъ православія и общинности, ни усомниться въ общечеловѣческомъ значеніи этихъ началъ было для него одинаково невозможно“. Тѣмъ не менѣе славянофиламъ не удалось найти логическое примиреніе обѣихъ идей. Въ концѣ концовъ болѣе близкая и удобопонятная идея самобытности замѣняетъ идею мірового мессіанизма; послѣдняя незамѣтно вывѣтривается, и идеологія славянофиловъ неизбежно суживается въ своемъ объемѣ, открывая просторъ для развитія націоналистическихъ и реакціонныхъ вождѣлнй. Въ лучшемъ случаѣ мы услышимъ, какъ, напр., отъ К. Аксакова въ его статьяхъ 1857 г. (въ газетѣ „Молва“), здравое пожеланіе, чтобы „свободно и ярко цвѣли всѣ народности въ чело-вѣческомъ мірѣ; только онѣ даютъ дѣйствительность и энергію общему труду народовъ“. А чаще славянофильская идеологія будетъ

служить опорой узкой самобытности. Подобную метаморфозу приходится наблюдать очень рано, уже въ началѣ пятидесятихъ годовъ, среди тѣхъ литературныхъ дѣятелей, которые составили такъ называемую молодую редакцію „Москвитянина“.

Старый, сѣрый „Москвитянинъ“ Погодина въ началѣ 50-хъ годовъ принялъ въ свои вѣдра цѣлую группу энтузіастовъ русской народности и сразу необычайно оживился, просвѣтлѣлъ, заговорилъ колоритнымъ, приподнятымъ языкомъ. Въ центрѣ этой группы стояли драматургъ А. Н. Островскій и критикъ Аполлонъ Григорьевъ, а въ составъ ея входили кромѣ того: Писемскій, Потѣхинъ, Печерскій, Мельниковъ, Максимовъ, Горбуновъ, Кокоревъ, Тертій Филипповъ, Алмазовъ, Эдельсонъ и др. Теоретикъ кружка, Ап. Григорьевъ, ссылаясь на того же Шеллинга, приглашаетъ „разбить кумиръ, которому приносились требы идольскія, кумиръ отвлеченнаго духа человѣчества и его развитія“. Каждый народъ есть самоцѣльный организмъ, а „каждый организмъ самъ по себѣ замкнутъ, самъ по себѣ необходимъ, самъ по себѣ имѣетъ полномочіе жить по законамъ, ему свойственнымъ, а не обязанъ служить переходною формою для другого, какъ утверждаетъ гегеліанство“. Русский народъ имѣетъ свои драгоценныя особенности. Чтобы опредѣлить ихъ, нужно очертить себя болѣе тѣснымъ кругомъ, отмежеваться отъ „началъ ляхитскаго и хохлацкаго“ и говорить только о народности великорусской. Ея проявленія видимъ въ великорусскомъ мужикѣ, но „старая извѣчная

Русь“ сохраняется также „въ классѣ среднемъ, промышленномъ, купеческомъ по преимуществу“, а еще ближе въ Замоскворѣчѣ. Въ кружкѣ Ап. Григорьева и Островскаго господствуетъ настоящій культъ всего русскаго, идеалистическое руссофильство. Въ квартирѣ Островскаго собирались московскіе самородки, „русаки“ изъ крестьянъ, мѣщанъ и мелкихъ купцовъ; не умолкая, раздавалась здѣсь бойкая, остроумная русская рѣчь, лились звуки заунывной русской пѣсни. Талантливый драматургъ съ любовью рисуетъ въ своихъ пьесахъ положительные типы русскаго купечества, въ родѣ Русакова въ комедіи „Не въ свои сани не садись“, крѣпкіе патриархальные нравы хорошей купеческой семьи и всю поэтическую сторону русскаго быта съ праздниками, обрядами и пѣснями (какъ въ пьесѣ „Бѣдность не порокъ“). Восторженный критикъ палъ ницъ передъ гениемъ Островскаго, отнесъ его къ тѣмъ великимъ поэтамъ, которые „суть голоса массъ, народностей, мѣстностей, глашатаи великихъ истинъ и великихъ тайнъ жизни, носители словъ, которыя служатъ ключами къ уразумѣнію эпохъ-организмовъ во времени и народовъ-организмовъ въ пространствѣ“. Органическая, почвенная критика Григорьева и ставила себѣ цѣлью раскрыть содержаніе новаго слова, сказаннаго Островскимъ. Это—та же „народность“, то же „коренное русское міросозерцаніе“, но эти старыя слова сказаны по новому: проводимое писателемъ русское міросозерцаніе—„здоровое и спокойное, юмористическое безъ болѣзненности, прямое

безъ увлеченій въ ту или другую крайность, идеальное, наконецъ, въ справедливомъ смыслѣ идеализма, безъ фальшивой грандіозности или столько же фальшивой сентиментальности“. Болѣе всего дорожа принципомъ народности, Ап. Григорьевъ, вообще способный доходить до крайностей въ своемъ увлеченіи, готовъ былъ абстрактную идею поставить превыше самыхъ конкретныхъ интересовъ народа. Вопросъ о „самобытности и непосредственности“ казался ему „глубже и обширнѣе по своему значенію всѣхъ нашихъ вопросовъ, и вопроса о крѣпостномъ состояніи и вопроса о политической свободѣ“.

Подобное доктринерство вытекаетъ изъ основныхъ свойствъ славянофильской догмы и составляетъ одну изъ слабыхъ ея сторонъ. Это прекрасно сознавалъ уже И. С. Аксаковъ. Всегда искренній въ своихъ сужденіяхъ, въ 1850 г. онъ протестуетъ противъ взгляда брата Константина на значеніе принциповъ: „что касается до принципа, то, признаюсь, это выраженіе Константина заставило меня улыбнуться. Это все равно, что говорить голодному: другъ мой, ты будешь сытъ на томъ свѣтѣ, а теперь голодай—это случайность; намажь хлѣбъ принципомъ—и вкусно; нужды нѣтъ, что сотни тысячъ умрутъ, другія сотни уйдутъ—это случайность. Легкое утѣшеніе“.

Идеалисты-доктринеры, нерѣдко истинно-поэтическія натуры, славянофилы въ значительной степени жили въ мірѣ романтическихъ иллюзій. Ихъ историческія воззрѣнія, ихъ пессимистическая оцѣнка западной

культуры и идеализація допетровской старины являются не столько продуктомъ строгаго анализа и документально научной реставраціи, сколько плодомъ историческаго романтизма и націоналистическаго настроенія. Сердце славянофила, жадное до „сладкихъ пѣсенъ старины“, всегда „готово въ прошломъ погостить и въ области мечты волшебной все горе жизни позабыть“, какъ говорится въ одномъ стихотвореніи Ю. В. Жадовской. Даже „народъ“ фигурируетъ у славянофиловъ не съ чертами реального мужика, а въ какомъ-то условномъ освѣщеніи, не исключающемъ возможности дѣлать изъ крѣпостного быта патріархальную идиллію (какъ у С. Т. Аксакова). Наука не можетъ оправдать тѣхъ историческихъ предпосылокъ, изъ которыхъ славянофилы вывели основные принципы своего ученія, опредѣлили черты русской „народности“. Исходя изъ ложнаго представленія о неподвижномъ характерѣ того содержанія, которое входитъ въ понятіе „народность“, славянофилы внесли въ свою идеологію элементъ какой-то косности, оказывая, можетъ быть противъ своей воли, поддержку консервативнымъ теченіямъ эпохи и давая поводъ для смѣшенія ихъ съ такими общественными дѣятелями, какъ Погодинъ и Шевыревъ. Славянофилы 40-хъ годовъ звали назадъ, къ допетровской старинѣ, тогда какъ все лучшее и живое стремилось впередъ. И. С. Аксаковъ убѣждалъ своихъ единомышленниковъ быть осторожнѣе со словами „народность“ и „православіе“, которыя могутъ быть использованы въ интересахъ истори-

ческой косности. Отмѣчая въ 1856 г. несомнѣнный фактъ, что въ широкихъ кругахъ Россіи, въ провинціи, гораздо большимъ вліяніемъ пользуется западничество, чѣмъ славянофильство, И. С. Аксаковъ совершенно основательно указываетъ и причину этого: „Требованія эмансипаціи, желѣзныхъ путей и проч. и проч., сливающіяся теперь въ одинъ общій гулъ по всей Россіи, первоначально возникли не отъ насъ, а отъ западниковъ; и я помню время, когда, къ сожалѣнію, славянофилы, хотя и не всѣ, противились желѣзнымъ дорогамъ и эмансипаціи: послѣдней — потому только, что она формулирована была подъ вліяніемъ западныхъ идей“. Къ числу такихъ противниковъ эмансипаціи принадлежалъ, напр., И. Кирѣевскій. Но было бы совершенно неосновательно отождествлять славянофиловъ съ крѣпостниками. Въ Николаевскую эпоху они смѣло говорили о державныхъ правахъ народа и, вообще говоря, искренно желали освобожденія крестьянъ съ землею и сохраненіемъ общины. Если на практикѣ въ отдѣльных случаяхъ въ славянофильствѣ могли обнаруживаться черты, свойственныя психологіи барина и помѣщика, то теоретически онъ преклонялся передъ мужикомъ, какъ носителемъ самобытныхъ началъ, какъ хранителемъ высшихъ національных идеаловъ. Въ противоположность сторонникамъ официальной идеологіи, славянофилы влагали прогрессивный смыслъ въ понятіе „народность“. Точно также и слова „православіе“ и „самодержавіе“ въ ихъ устахъ звучали иначе, чѣмъ въ устахъ Уварова или Бенкендорфа.

За всѣми мечтаніями славянофиловъ о вѣчахъ, о земскихъ соборахъ и общинѣ чувствуется глубокой протестъ противъ самодержавно-бюрократическаго режима Николая I и определенное стремленіе къ общественной свободѣ. Вѣдь не кто иной, какъ Хомяковъ, обличалъ николаевскую Россію за то, что она

Въ судахъ черна неправдой черной
И игомъ рабства клеймена;
Безбожной лести, джи глетворной,
И лѣни мертвой и позорной
И всякой мерзости полна.

Вѣдь не кто иной, какъ К. Аксаковъ воспѣлъ свободное слово, какъ „чудо изъ Божьихъ чудесъ“, какъ „мысли свѣтильникъ и пламя“, какъ силу, ведущую къ „свѣту и правдѣ“. Вѣдь именно онъ давалъ мудрый советъ:

Ограды властямъ никогда
Не зижди на рабствѣ народа!
Гдѣ рабство—тамъ бунтъ и бѣда;
Защита отъ бунта—свобода.

Вотъ почему николаевское правительство охотиѣе видѣло въ славянофилахъ своихъ враговъ, чѣмъ союзниковъ. И какой-нибудь Дубельтъ считалъ славянофиловъ „открыто неблагонадежными“ людьми, потому что они „смѣшиваютъ приверженность свою къ русской стариинѣ съ такими началами, которыя не могутъ существовать въ монархическомъ государствѣ.“

Во всякомъ случаѣ, въ славянофильствѣ идея самобытности достигаетъ своего наиболѣе яркаго выраженія и облекается въ форму цѣлой философской теоріи.

Совершенно иной взглядъ на желательный характеръ нашего національнаго развитія высказывали западники разныхъ фракцій.

Западничество и ранній русскій социализмъ.

Терминъ „западничество“ отличается гораздо большей неопредѣленностью и неточностью, чѣмъ терминъ „славянофильство“. Дѣятеля, которыхъ съ полнымъ основаніемъ можно называть западниками, далеко не составляли одной замкнутой группы. Подъ западничествомъ мы станемъ разумѣть такое общественное теченіе, которое не только не благоговѣло передъ принципами официальной народности, но и не способно было успокоиться на славянофильской доктринѣ самобытности, а исходило изъ признанія превосходства европейской культуры и европейскихъ идеаловъ. Слагаясь подъ вліяніемъ европейской литературы и жизни и, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ французскихъ социальныхъ идей, западничество въ то же время находится въ живой связи съ недавнимъ русскимъ прошлымъ, съ тѣмъ общественно-политическимъ движеніемъ, которое завершилось 14-мъ декабря.

Уже въ 30-хъ годахъ возникаютъ кружки, которые пытаются поднять нить, выпавшую изъ рукъ декабристовъ.

Тамбовскій помѣщикъ *Сунгуровъ* и его побочный братъ *Гуровъ*, вольнослушатель Московскаго университета, собираютъ у себя студентовъ, разсуждаютъ съ ними о злоупотребленіяхъ властей, о деспотизмѣ государя, о бѣдственномъ положеніи народа, восторгаются героизмомъ поляковъ, возставшихъ въ 1830—1 г. противъ русскаго правительства, и, воскрешая традиціи декабристовъ,

мечтаютъ о конституціонномъ образѣ правленія. Кружокъ просуществовалъ недолго: въ 1832 г. его члены были арестованы, самъ *Сунгуровъ* сосланъ на каторгу, а студенты отданы въ солдаты.

Большее значеніе въ исторіи нашей общественной мысли имѣлъ тотъ кружокъ молодежи, который группировался около *А. И. Герцена*. Мирозерцаніе *Герцена* и его немногочисленныхъ друзей рано стало развиваться въ направленіи позитивизма и социализма. Еще въ отрочествѣ *Герценъ* испыталъ на себѣ вліяніе двоюроднаго брата, такъ называемаго *Химика*. Этотъ чрезвычайно оригинальный предтеча будущихъ „мыслящихъ реалистовъ“ признавалъ только естествознаніе, безъ церемоніи называя философію болтовней, былъ послѣдовательнымъ матеріалистомъ и атеистомъ и утверждалъ, что „эгоизмъ исключительное начало всѣхъ дѣйствій“ чловѣка, и что люди такъ же мало отвѣтственны за добро и зло, какъ и звѣри. Вліяніе *Химика* было весьма прочнымъ и на первыхъ порахъ сказалось въ томъ, что *Герценъ* (въ 1830 г.) поступаетъ на физико-математическій факультетъ. Однако сразу же обнаруживается, что мысль *Герцена* не можетъ оставаться въ тѣхъ предѣлахъ, какіе желалъ бы положить для нея кузенъ: съ не меньшей, если не большей, силой его увлекаютъ также общественно-политическіе интересы.

Картины крѣпостного быта, проходившія передъ глазами чуткаго маль-

чика, съ равныхъ лѣтъ развили въ немъ „непреодолимую ненависть ко всякому рабству и ко всякому произволу“. Ему было только 13 лѣтъ, когда разыгралось событіе 14 декабря 1825 г., но и оно оставило глубокой слѣдъ въ его душѣ. „Не знаю, какъ это сдѣлалось“, свидѣтельствуетъ самъ Герценъ, „но мало понимая, или очень смутно, въ чемъ дѣло, я чувствовалъ, что я не съ той стороны, съ которой картечь и побѣды, тюрьмы и цѣпи“. Стихи декабриста Рылѣева и Пушкина (въ родѣ „Оды на вольность“, „Кинжала“), произведенія пѣвца свободы—Шиллера—питали боевое настроеніе юноши тѣмъ болѣе, что оно встрѣчало одобреніе и со стороны учителей, Протопопова и Бушо. Въ 1827 г. судьба посылаетъ Герцену друга, который на всю жизнь остался его неизмѣннымъ спутникомъ. Это былъ Николай Платоновичъ Огаревъ. Въ университетѣ къ нимъ присоединился Н. И. Сазоновъ и еще одинъ студентъ, нѣжный, какъ дѣвушка, съ натурой Влад. Ленскаго или Веневитинова. Далѣе, въ составѣ герценовскаго „кружка“ мы видимъ Сатина, Влад. Пассека, Носкова, Лахтина, А. И. Савича и др. Юные друзья мечтали о заговорѣ à la Ріензи, объ обществѣ „по образу и подобию декабристовъ“, проповѣдывали „свободу и борьбу“. „Проповѣдывали мы вездѣ, всегда“, рассказываетъ Герценъ: „Что мы собственно проповѣдывали, трудно сказать. Идеи были смутны. Мы проповѣдывали декабристовъ и французскую революцію, потомъ проповѣдывали сенъ-симонизмъ и ту же революцію, мы проповѣдывали конституцію и республику, чтеніе политиче-

скихъ книгъ и сосредоточеніе силъ въ одномъ обществѣ. Но пуще всего проповѣдывали ненависть ко всякому насилію, ко всякому правительственному произволу“. Идеи были смутны, но настроеніе вполне определенное, и Огаревъ въ „Исповѣди лишняго человѣка“ рисуетъ свой юношескій кружокъ тѣми же чертами, что и Герценъ. „Дѣти декабристовъ и міра новаго ученики, ученики Фурье и Сенъ-Симона“, вспоминалъ Огаревъ,

Мы поклялись, что посвятимъ всю жизнь
Народу и его освобожденію,
Основую положимъ социализмъ,
И чтобъ достичь священной нашей цѣли,
Мы общество должны составить втайнѣ
И втайнѣ шагъ за шагомъ распространять.

Итакъ, политическій радикализмъ Герцена и его товарищей сочетался съ идеями утопическаго социализма, главнымъ образомъ сенъ-симонизма. „Сенъ-симонизмъ“ категорически заявляетъ Герценъ, „лежъ въ основу нашихъ убѣжденій и неизмѣнно остался въ существенномъ“.

Нося въ своей груди красочные идеалы социализма, Герценъ и Огаревъ съ грустью и болью смотрѣли на окружающую жизнь, гдѣ царили ложь и рабство. Друзья любили уходить на Воробьевы горы и отдаваться „нѣмой созерцательности“, тѣмъ „священнымъ минутамъ“, когда „какая-то высшая поэзія смываетъ съ насъ все земное“. Тяжело было послѣ этого спускаться въ сутолоку столичнаго города съ его „отравленнымъ воздухомъ“, съ „толпой развратной, безчувственной“. „Люди, люди!“ писалъ Герценъ въ 1833 г.: „Гдѣ вы побываете, все испорчено: и сердце ваше, и воздухъ, васъ окружающій, и вода текущая и

земля, по которой ходите. Но небо, небо! Оно чисто, оно таково, какъ въ первый день творенія, дыханіе пресмыкающихся не достигаетъ его. Туда! Туда!

Тотъ міръ открытъ для наслажденія:
Въ немъ вѣчная любовь,
Въ немъ нѣтъ тоски и нѣтъ мученья,
И страсти не волнуютъ кровь!

Позитивистъ и социалистъ, какъ видимъ, говоритъ тѣмъ же языкомъ, переживаетъ тѣ же идеалистическіе порывы, какъ любой адептъ нѣмецкой идеалистической философіи. Но отношеніе къ „дѣйствительности“ здѣсь существенно иное; здѣсь справляютъ совсѣмъ иной „пиръ идей“. Июльская революція и июльское возстаніе 1830 г. заставляютъ учащенно биться сердце Герцена и Огарева; друзья полны трепетнаго ожиданія, что близокъ тотъ часъ, когда человечество разрѣшить, наконецъ, роковую проблему равенства и свободы. Аресты среди московской молодежи побуждали ихъ съ еще болѣшимъ задоромъ афишировать свой революціонизмъ: они „надѣли на себя бархатные береты à la Karl Sand и повязали на шею одинакіе трехцвѣтные шарфы“. Въ 1834 г. Герценъ и Огаревъ были арестованы и отправлены въ ссылку. На долю Герцена досталась Вятка, откуда онъ черезъ посредствующій этапъ Владимиръ возвратился только въ 1840 г.

Такимъ образомъ, уже въ началѣ 30-хъ годовъ европейскій социализмъ былъ сочувственно встрѣченъ нашими „дѣтьми декабристовъ“. Возвратившись изъ ссылки, Герценъ и Огаревъ сталкиваются съ московскими гегельянцами. Этотъ моментъ для обѣихъ сторонъ является до нѣко-

торой степени критическимъ; онъ вызвалъ необходимость взаимной провѣрки и переработки воззрѣній. Именно въ началѣ сороковыхъ годовъ Герценъ производитъ окончательный пересмотръ теоретическихъ предпосылокъ своего міросозерцанія, Бакунинъ сближается съ Арнольдомъ Руте и вообще лѣвыми гегельянцами, Бѣлинскій переходитъ въ новый фазисъ своего идейнаго развитія, западническая группа уже сознательно отдѣляется отъ славянофиловъ.

По свидѣтельству Герцена, до ссылки между нимъ и кружкомъ Станкевича - Бѣлинскаго „не было большой симпатіи“. — „Имъ“, говорилъ онъ, „не нравилось наше почти исключительно политическое направленіе, намъ не нравилось ихъ почти исключительно умозрительное. Они насъ считали фрондѣрами и французами, мы ихъ сентименталистами и нѣмцами“. Встрѣча изгнанниковъ съ москвичами была дружеская; послѣдніе не прочь были принять въ свой союзъ и Герцена, но въ качествѣ правовѣрныхъ гегельянцевъ требовали „безусловнаго принятія феноменологіи и логики Гегеля и притомъ по ихъ толкованію“.

Герценъ засаживается за Гегеля, и, какъ оказалось, раскаиваться ему не пришлось. Діалектическій методъ Гегеля далъ опору синтетической работѣ его ума, свободное и широкое пониманіе философіи Гегеля сблизило его съ тѣмъ направленіемъ, котораго держалось такъ называемое лѣвое гегельянство. „Философія Гегеля“, писалъ Герценъ: „алгебра революціи, она необыкновенно освобождастъ человѣка и не оставляетъ камня на камнѣ отъ міра христіанскаго, отъ

міра преданія, пережившихъ себя“. Благополучно вынырнувъ изъ пучины гегелевской метафизики, Герценъ зачитывается книгой Фейербаха „Wesen des Christenthums“, произведеніями Прудона, фюрериста Консидерана и т. д. Его юношескій соціализмъ крѣпнеть и углубляется. „Я думаю даже“, увѣрялъ потомъ Герценъ, „что человѣкъ, не пережившій феноменологіи Гегеля и противорѣчій общественной экономіи Прудона, не перешедшій черезъ этотъ горнь и этотъ закаль—не полонъ, не современенъ“.

И дѣйствительно, черезъ этотъ „горнь“ болѣе или менѣе прошли всѣ крупные западники.

Въ петербургскій періодъ своей жизни *Бѣлинскій* отрѣшается отъ своего отвлеченно-философскаго отношенія къ жизни, отъ своихъ консервативныхъ фантасмагорій, навѣянныхъ идеей примиренія съ дѣйствительностью. Уже въ 1841 г. онъ писалъ Боткину; „Я теперь въ новой крайности,—это идея соціализма, которая стала для меня идеею идей;... альфою и омегою вѣры и знанія“. Этотъ „соціализмъ“ *Бѣлинскаго* обозначалъ прежде всего отказъ отъ „философскаго филистерства“ и предпочтеніе интересовъ живой личности требованіемъ „общаго“. „Что мнѣ въ томъ“, писалъ теперь знаменитый критикъ съ обычнымъ для него пафосомъ, „что живетъ *общее*, когда страдаетъ *личность*? Что мнѣ въ томъ, что *геній* на землѣ живетъ въ небѣ, когда *толпа* валяется въ грязи? Что мнѣ въ томъ, что я понимаю идею, что мнѣ открытъ міръ идеи въ искусствѣ, въ религіи, въ исторіи, когда не могу этимъ дѣлиться со всѣми, кто долженъ быть моими братьями

по человѣчеству, моими ближними по Христѣ, но кто мнѣ чужіе и враги по своему невѣжеству?... Сердце мое обливается кровью и судорожно содрогается при взглядѣ на толпу и ея представителей“. Благо толпы, ближняго, реальные интересы жизни стоятъ теперь у *Бѣлинскаго* на первомъ планѣ. Онъ внимательно слѣдитъ за ходомъ европейской жизни, прислушивается къ голосу лѣвыхъ гегельянцевъ, читаетъ французскихъ писателей, въ частности увлекается Ж. Зандъ, знакомится съ Контомъ и „безъ ума отъ Литтре“. Словомъ, поднимается на уровень современныхъ ему идейныхъ теченій Запада, проникается убѣжденіемъ, что „всѣ общественныя основанія нашего времени требуютъ строжайшаго пересмотра и коренной перестройки“, и прежде всего проникается страстнымъ желаніемъ помочь закрѣпощенной странѣ выйти на просторъ свободной жизни.

Талантливымъ союзникомъ *Бѣлинскаго* былъ профессоръ Московскаго университета *Т. Н. Грановскій*.

Получивъ образованіе на юридическомъ факультетѣ Петербургскаго университета, *Грановскій* въ 1836 г. знакомится съ Станкевичемъ, находитъ въ немъ „родную душу“ и, естественно, подчиняется его неотразимому вліянію. Станкевичъ не переставалъ внушать новому другу свою дорогую идею о важности философіи. „Поэзія и философія—вотъ душа сущаго“, поучалъ онъ *Грановскаго*: „Это—жизнь, любовь: внѣ ихъ все мертво...“ Самое важное для человѣка—„понять, что такое вселенная... Твой предметъ—жизнь человѣчества: ници же въ

этомъ человѣчествѣ образа Божія; но прежде приготовься трудными испытаніями—займись философіею“. И Грановскій подъ руководствомъ того же берлинскаго профессора Вердера, у котораго работалъ и самъ Станкевичъ, трудится надъ философіей Гегеля, сознательно отвергая философію откровенія Шеллинга. Одновременныя занятія и конкретными науками—исторіей у Ранке и Раумера, юриспруденціей у Савиньи и землевѣдѣніемъ у Риттера—предохраняли мысль Грановскаго отъ излишняго увлеченія абстрактными построеніями. Мало того, онъ еще въ заграничный періодъ своей жизни высоко ставитъ идеи Пьера Леру и восхваляетъ произведенія Ж. Зандъ, которой отводитъ „одно изъ первыхъ мѣстъ между великими писателями ея отечества“. Разносторонняя эрудиція помогла Грановскому критически отнестись къ тѣмъ историческимъ методамъ, которые онъ нашелъ въ нѣмецкой и французской наукѣ; нѣмецкую идею о законѣрности и ограниченности историческаго процесса онъ сочеталъ съ ученіемъ французской исторіографіи о роли „естественныхъ“ факторовъ исторіи и о роли личности. По мнѣнію Грановскаго, „исторія должна выступить изъ круга наукъ филолого-юридическихъ, въ которомъ она такъ долго была заключена, на обширное поприще естественныхъ наукъ“. Послѣдующее движеніе науки внесло, разумѣется, много существеннаго въ историческую методологію, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно, говоря словами В. А. Мякотина, „оправдало тотъ путь, на который вступилъ Грановскій, и кото-

рый при дальнѣйшемъ развитіи опытнаго знанія велъ къ возстановленію цѣльнаго міросозерцанія въ болѣе научномъ видѣ, чѣмъ могла его создать метафизическая философія“. Ученый европейскаго типа, Грановскій былъ исполненъ глубокаго уваженія къ европейской культурѣ и относился ко всѣмъ и всему съ широкой, свѣтлой гуманностью.

Терпимость и любовь тобою руководили
Ты настоящее оплакивать умѣлъ,
И брата узнавалъ въ рабѣ иноплемени-
номъ,
Отъ насъ вѣками отдаленномъ!

справедливо сказалъ о Грановскомъ Некрасовъ.

Вліяніе Грановскаго въ сороковыхъ годахъ было огромно, и съ нимъ могло соперничать только вліяніе Бѣлинскаго. Они вдвоемъ и выступили въ роли вождей *западниковъ*, встрѣтивъ себѣ незамѣнимую поддержку также со стороны Герцена.

Къ 1842 году, когда Герценъ возвратился въ Москву изъ своей новгородской ссылки, оба стана, по его выраженію, были уже на барьерѣ. На первыхъ порахъ борьба велась преимущественно въ литературныхъ салонахъ Москвы (у Елагиной, у Свербеева и др.) въ присутствіи многочисленнаго и пестраго общества. Несмотря на всю страстность дебатовъ, враги сохраняли полное уваженіе другъ къ другу. „У нихъ и у насъ“, писалъ по этому поводу Герценъ, „запало съ раннихъ лѣтъ одно сильное, безотчетное, физиологическое, страстное чувство, которое они принимали за воспоминаніе, а мы за пророчество—чувство безграничной, обхватывающей все существованіе любви къ

русскому народу, русскому быту, къ русскому складу ума. И мы, какъ Янусъ, или какъ двуглавый орелъ, смотрѣли въ разныя стороны въ то время, какъ сердце билось одно“.

Славянофилы и западники сознавали тожество своего гражданского настроенія, и имъ не трудно было сойтись въ нѣкоторыхъ пунктахъ. Бывало иногда, что по тому или другому спорному вопросу между такъ слабо различались, и ораторы до такой степени склонны были поддерживать взгляды противниковъ, что на этой почвѣ происходили „недоразумѣнія“ между единомышленниками изъ западническаго лагеря. Мало того, отдѣльныя сужденія даже такихъ выдающихся представителей западничества, какъ Грановскій и Бѣлинскій, давали основаніе позднѣйшимъ историкамъ литературы колебаться въ опредѣленіи ихъ общественнаго направленія.

Грановскій, могъ, напр., сказать, что „во взглядѣ на русскую національность и по многимъ другимъ литературнымъ и нравственнымъ вопросамъ я сочувствую гораздо болѣе славянофиламъ, чѣмъ Бѣлинскому, „Отечественнымъ Запискамъ“ и западникамъ“. Въ другомъ случаѣ и самъ Бѣлинскій, наиболѣе страстный противникъ славянофильства, можетъ стать на его сторону. О Герценѣ уже нечего и говорить: его общественно-политическое міровоззрѣніе имѣетъ много пунктовъ соприкосновенія съ славянофильствомъ, но не укладывается и въ рамки западничества. Кровный западникъ, И. С. Тургеневъ, не усомнился отдать свои симпатіи

„славянофилу“ Лаврецкому (въ „Двор. гнѣздѣ“). Всѣ подобные факты указываютъ только на одно, на то, что западники заранѣе не связывали себя никакой партійной программой, и обнаруживали благородную готовность принять истину, откуда бы она ни шла.

Оставляя въ сторонѣ детали и слишкомъ спеціальныя стороны въ интересной полемикѣ западничества съ славянофильствомъ, опредѣлимъ основныя черты міросозерцанія западниковъ и ихъ общественно-политическіе идеалы.

Западники не могли не отдавать должнаго ученію славянофиловъ въ его обличительной части. Бѣлинскій, напр., признавалъ полную справедливость того, „что они говорятъ противъ русскаго европеизма“; соглашался съ ними въ томъ, „что въ русской жизни есть какая-то двойственность, слѣдовательно, отсутствіе нравственнаго единства; что это лишаетъ насъ рѣзко выразившагося національнаго характера“. Какъ бы рѣзко славянофилы ни нападали на петербургскій бюрократизмъ, они не могли услышать возраженій со стороны западниковъ. Последніе не менѣе ихъ дорожили также самобытностью развитія и рѣшительно возставали противъ всякаго космополитизма. Извѣстно, съ какой горячностью Бѣлинскій напалъ на Вал. Н. Майкова за его своеобразный взглядъ на большинство и меньшинство народа, на его противопоставленіе народнаго и общечеловѣческаго. Бѣлинскій усмотрѣлъ здѣсь „самый абстрактный, самый книжный дуализмъ“, отрицаніе неоспоримой для него истины, что „народности суть личности человѣчества“, что

„безъ національностей человѣчество было бы мертвымъ логическимъ абстрактомъ, словомъ безъ содержанія, звукомъ безъ значенія“. Ужъ если нужно выбирать между двумя крайностями, продолжаетъ Бѣлинскій, то „я скорѣе готовъ перейти на сторону славянофиловъ, нежели оставаться на сторонѣ гуманическихъ космополитовъ“. Въ своихъ критическихъ статьяхъ Бѣлинскій не разъ повторяетъ, что „народность—альфа и омега“ историческаго развитія. Словомъ, народность была такъ же дорога западникамъ, какъ и славянофиламъ. У тѣхъ и другихъ было одно сердце и билось оно одною любовью къ русскому народу. Но смотрѣли они въ разныя стороны: одни—на Востокъ, другіе—на Западъ. Любовь къ родному не отнимала у западниковъ способности критиковать свое и цѣнить чужое.

Культура византійскаго типа, допетровская старина понималась западниками совершенно иначе, чѣмъ славянофилами. Дѣйствительная картина нашего историческаго, прошлаго, возстановленная въ работахъ такихъ ученыхъ, какъ Кавелинъ (особенно статья „Взглядъ на юридическій бытъ древней Руси“ 1847 г.) и Соловьевъ („Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ“ 1845 г., „Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома“ 1847 г. и далѣе „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ“, начавшая выходить съ 1851 г.), заставляла давать иную оцѣнку древней Руси и преобразованіямъ Петра В., чѣмъ давали славянофилы. Невѣжество древней Руси, господство деспотизма въ московскій періодъ, подавленіе свободы личности и общества, об-

щая культурная отсталость—все это казалось западникамъ достаточной причиной, чтобы не видѣть въ Руси XVI—XVII в. своего безусловнаго идеала и выдвигать историческое значеніе реформъ Петра. Грановскій благоговѣлъ передъ личностью преобразователя Россіи, который „далъ намъ право на исторію и едва ли не одинъ заявилъ наше историческое призваніе“. „Чѣмъ болѣе живемъ мы“, писалъ Грановскій Герцену, „тѣмъ колоссальнѣе растетъ передъ нами образъ Петра“. И, понятно, Грановскому казались безсмысленными мечты о своей, русской наукѣ, не похожей на науку Запада. Давно уже славянофилы твердятъ объ этомъ, такъ давно, что ихъ обѣщанія создать русскую науку, говоритъ Грановскій, „перестали для насъ быть надеждами и превратились въ воспоминанія“. Оцѣнивая значеніе публичныхъ лекцій Грановскаго, Герценъ, со своей стороны, писалъ: „Мы должны уважать и оцѣнить скорбное и трудное развитіе Европы, которая такъ много даетъ намъ теперь; мы должны постигнуть то великое единство развитія рода человѣческаго, которое раскрываетъ въ мнимомъ врагѣ—брата, въ расторженіи—миръ: одно сознаніе этого единства уже даетъ намъ святое право на плодъ, выработанный, потомъ и кровью, Западомъ“. Духовное развитіе Россіи можетъ совершаться лишь при постоянномъ общеніи съ просвѣщеніемъ западнымъ, т. е. общечеловѣческимъ. Нужно любить и уважать европейское потому только, что оно человѣческое, а „все европейское, въ чемъ нѣтъ человѣческаго, отвергать съ такой же энергіей, какъ и все азіат-

ское, въ чемъ нѣтъ человѣческаго“, писалъ Бѣлинскій, развивая въ сущности ту же идею, которая была высказана и Станкевичемъ въ одномъ изъ его писемъ 1837 г.: „Ничто человѣческое не должно быть чуждо намъ, если мы хотимъ быть людьми“. Да въ сущности и нѣтъ надобности проявлять излишнія заботы о своей самобытности. „Гдѣ народъ имѣетъ дѣйствительныя внутреннія силы, ему нечего хлопотать о своей національности: она, какъ природа, будетъ проявляться сама собою“ (Бѣлинскій). Всякая національная обособленность ведетъ къ смерти, и нашъ планъ прогресса долженъ быть построенъ не на принципахъ национальной исключительности, а на широкой идеѣ общечеловѣческой солидарности. Толкуя о Западѣ и Востокѣ, о тевтонскомъ и славянскомъ племенахъ, мы забываемъ, „что подъ этими словами должно разумѣть человѣчество“. Естественно, что Бѣлинскій не можетъ примириться со взглядомъ славянофиловъ на гибель европейской цивилизаціи и на міровую миссію Россіи. Европа не разъ была „больна“, но „не умерла же, къ удовольствію господъ душеприказчиковъ ея“. „Мы предвидимъ наше великое будущее, но хотимъ непремѣнно имѣть его на счетъ смерти Европы: какой по-истинѣ братскій взглядъ на вещи! Не лучше ли, не человѣчнѣе ли, не гуманнѣе ли разсуждать такъ: насъ ожидаетъ безконечное развитіе, великіе успѣхи въ будущемъ, но и развитіе Европы и ея успѣхи пойдутъ своимъ чередомъ? Неужели для счастья одного брата непремѣнно нужна гибель другого? Какая не философская, не цивилизованная и не христіанская мысль!“

Эти слова Бѣлинскаго съ полнымъ сочувствіемъ повторяли и другіе западники, особенно Грановскій, это—живое воплощеніе самаго возвышеннаго гуманизма.

Пусть Западъ переживаетъ кризисъ, но намъ все же есть чему поучиться у него. Не говоря уже о просвѣщеніи, весь строй европейской жизни представляетъ такія начала, которыя способны обновить и русскую жизнь.

Увлекаясь „внутренней правдой“ и хоровымъ началомъ, славянофилы оставляли народу лишь „силу мнѣнія“ и требовали отъ личности смиренія, отреченія отъ своихъ правъ. Въ этомъ пунктѣ западники стоятъ на совершенно противоположной точкѣ зрѣнія: они, наоборотъ, требуютъ свободы для личности и высоко цѣнятъ полноту ея гражданскихъ правъ. Мы уже видѣли, какъ Бѣлинскій, покончивъ съ своимъ гегельянствомъ, трактовалъ личность и общее. Для него теперь „человѣческая личность выше исторіи, выше общества, выше человѣчества“. Анализъ историческихъ условій русскаго быта укрѣпляетъ Кавелина въ убѣжденіи, что „личность, сознающая сама по себѣ свое безконечное, безусловное достоинство—есть необходимое условіе всякаго развитія народа“. Грановскій, вслѣдъ за Гизо и другими французскими историками, противопоставляетъ личность инертной массѣ. По его словамъ, „массы, какъ природа или какъ скандинавскій Торъ, бессмысленно жестоки и бессмысленно добродушны. Онѣ коснѣютъ подъ тяжестью историческихъ опредѣленій, отъ которыхъ освобождается мысль только отдѣльная личность. Въ этомъ

10

Сергѣй Тимоѳеевичъ Аксаковъ.

Съ портрета, писаннаго И. Н. Крамскимъ.
(Городская галлерей П. и С. Третьяковыхъ въ Москвѣ).

„ИСТОРИЯ РОССИИ ВЪ XIX ВѢКѢ“. Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К^о“.

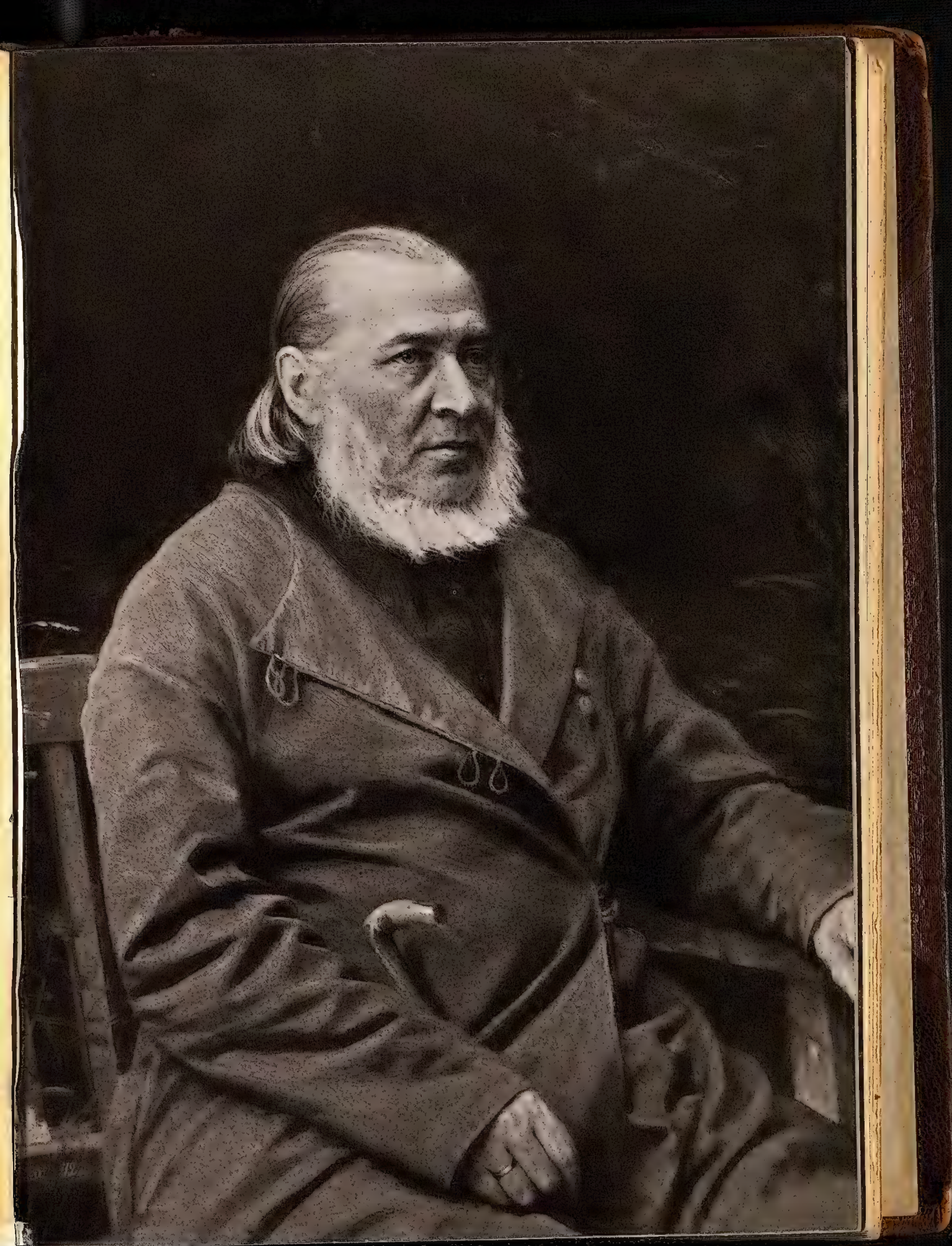
10

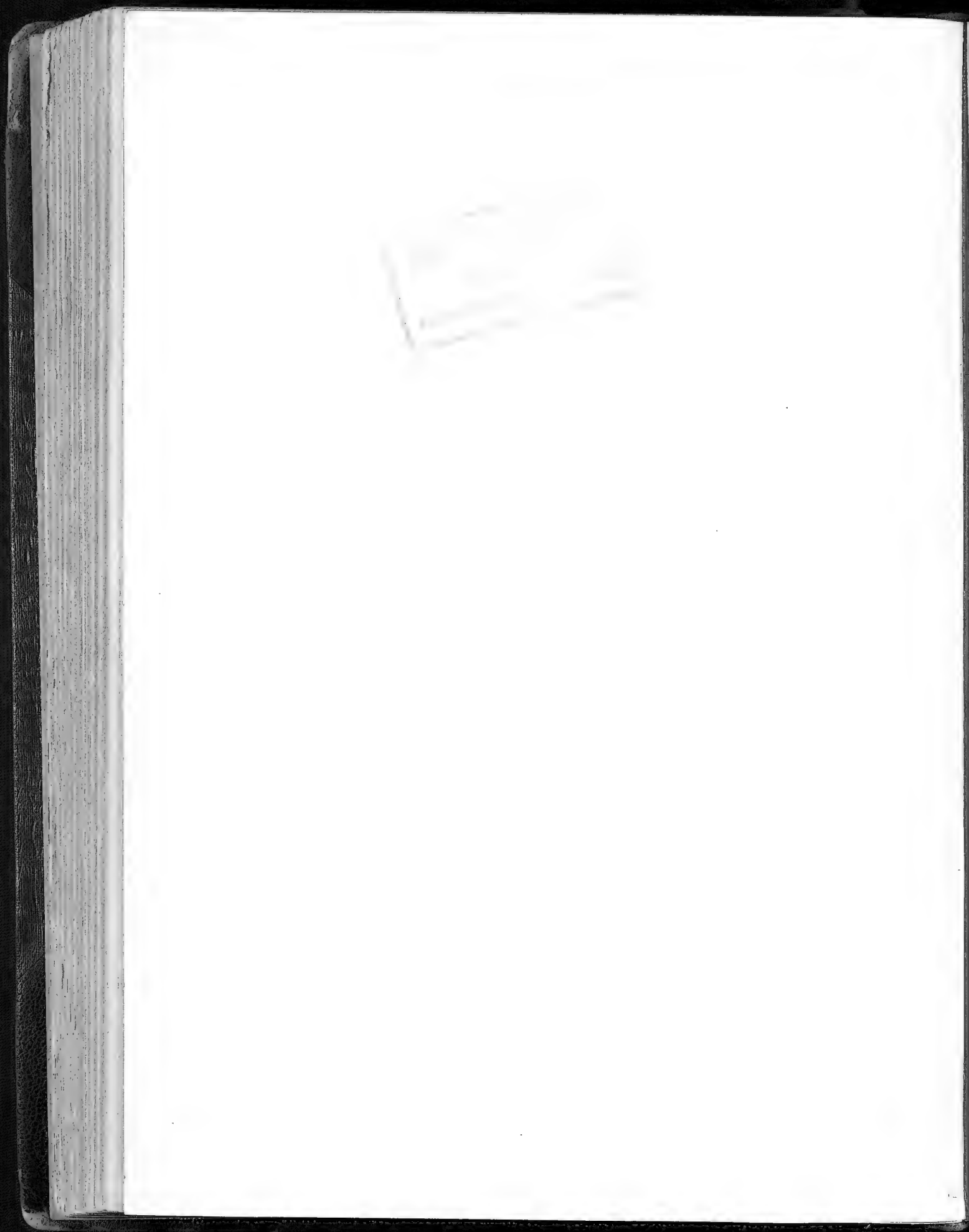
Содержание

Содержание

Содержание

Содержание

Александръ Николаевичъ Островскій.

Съ портрета, писаннаго В. Г. Перовымъ.
(Городская галлерей П. и С. Третьяковыхъ въ Москвѣ).

“ПОСЛОВИЯ ВОСХОДЪ ВЪ XIX ВѢКѢ. Изданіе Третье. Въ 1891 г. М. В. Л. БРАУНЪ и К^о.”

Гробицы въ окрестностях П. и С. Троицкой (въ Москвѣ).
Съ портретами писателей В. Л. Погодина,
Александръ Николаевичъ Островскій.

11

разложеніи массъ мыслью заключает-ся процессъ исторіи. Въ задача— нравственная, просвѣщенная, незави-симая отъ роковыхъ опредѣленій личность и сообразное требованіямъ такой личности общество“. Выдвигая личность, какъ носительницу созна-тельного и активного элемента въ историческомъ процессѣ, отстаивая ея реальные интересы, западники должны были предъявлять иныя тре-бованія къ общественному и госу-дарственному строю, чѣмъ славяно-филы. Грановскій еще за границей сильно интересуется „развитіемъ по-литическихъ формъ и учреждений“. Въ этомъ именно отношеніи его, ме-жду прочимъ, занимаетъ исторія Испа-ніи. „Чудный народъ!“ восклицаетъ онъ: „Они понимали конституціонныя формы тогда, когда объ этомъ ни-гдѣ не имѣли понятія“. Бѣлинскій въ своемъ знаменитомъ письмѣ къ Гоголю по поводу „Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями“ изумляется, какъ можно писать „ди-еирамбы любовной связи русскаго народа съ его владыками“. „Что ка-сается до меня лично“, прибавляетъ со сдержаннымъ негодованіемъ кри-тикъ, „предоставляю вашей совѣсти упиваться созерцаніемъ божественной красоты самодержавія (оно покойно, да и выгодно), только продолжайте благоразумно созерцать его изъ ва-шего прекраснаго далека: вблизи-то оно не такъ красиво и не такъ бе-зопасно“... Декабристъ Н. И. Тургеневъ въ своемъ трудѣ „La Russie et les Russes“ (1847 г.) предлагаетъ уже цѣлый планъ государственнаго переустройства Россіи на началахъ народнаго представительства. Въ проектѣ, названномъ „Русской Прав-

дой“ (какъ у Пестеля), Тургеневъ высказывается за однопалатную си-стему, какъ болѣе демократическую, но выборы въ его „Народную Думу“ ограничены разными цензовыми усло-віями, такъ что на всю Россію пред-полагается лишь миллионъ избира-телей. „Русская Правда“ опредѣлен-но требуетъ всѣхъ конституціонныхъ гарантій гражданской свободы: от-вѣтственности министровъ, незави-симости суда, равенства всѣхъ пе-редъ закономъ, свободы слова и пе-чати, свободы совѣсти. Очевидно, политическимъ идеаломъ западни-ковъ являлось не московское само-державіе, хотя бы и съ земскимъ соборомъ, а правовое государство европейскаго типа, обеспечивающее обществу и личности необходимыя основы гражданской свободы.

Точно также не могли западники присоединиться и къ гимнамъ въ честь русской православной церкви, которая, по выраженію Бѣлинскаго, „всегда была опорой кнута и уго-дницей деспотизма“. Между Христомъ и церковью, а тѣмъ болѣе право-славною, нѣтъ ничего общаго. Какъ бы предваряя мысли Л. Н. Толстого, Бѣлинскій писалъ Гоголю: „Онъ (т. е. Христосъ) первый возвѣстилъ людямъ ученіе свободы, равенства и братства и мученичествомъ запечат-лѣлъ, утвердилъ истину своего уче-нія. И оно только до тѣхъ поръ и было спасеніемъ людей, пока не ор-ганизовалось въ церковь и не при-няло за основаніе принципа ортодок-сіи. Церковь же явилась іерархіей, стало быть, поборницей неравенства, льстецомъ власти, врагомъ и гони-тельницею братства между людьми— чѣмъ продолжаетъ быть и до сихъ

поръ. Но смыслъ Христова слова открытъ философскимъ движеніемъ прошлаго вѣка. И вотъ почему какой-нибудь Вольтеръ, орудіемъ насмѣшки погасившій въ Европѣ костры фанатизма и невѣжества, конечно, болѣе сынъ Христа, плоть отъ плоти его и кость отъ кости его, нежели всѣ ваши попы, архіереи, митрополиты, патріархи!“.

Само собою разумѣется, западникамъ нелегко было въ печати развивать свои взгляды на самодержавіе и православіе, да, можетъ быть, и не ихъ ставили они на первую очередь. Даже Николай Ив. Тургеневъ, рядомъ съ проектомъ „Народной Думы“, нашелъ нужнымъ подробно развить и тѣ реформы, которыя совмѣстимы съ самодержавіемъ. Соціальныя воззрѣнія западниковъ сжато и сильно были формулированы въ томъ же письмѣ Бѣлинскаго. Россія, по его словамъ, „видитъ свое спасеніе не въ мистицизмѣ, не въ аскетизмѣ, не въ піэтизмѣ, а въ успѣхахъ цивилизаціи, просвѣщенія, гуманности. Ей нужны не проповѣди (довольно она слышала ихъ!), не молитвы (довольно она твердила ихъ!), а пробужденіе въ народѣ чувства человѣческаго достоинства, столько вѣковъ потеряннаго въ грязи и сорѣ,—права и законы, сообразные не съ ученіемъ церкви, а съ здравымъ смысломъ и справедливостію, и строгое по возможности ихъ исполненіе... Самые живые современные національные вопросы въ Россіи теперь: уничтоженіе крѣпостного права, отмѣненіе тѣлеснаго наказанія, введеніе по возможности строгаго выполненія хотя тѣхъ законовъ, которые уже есть... Вотъ вопросы, которыми тревожно

занята вся Россія въ ея апатичномъ снѣ!“ Вотъ планъ необходимыхъ реформъ, который набрасывалъ Бѣлинскій въ 1847 г. Онъ сводился къ немногимъ, но важнымъ пунктамъ: распространеніе просвѣщенія, водвореніе строгой законности (у Н. Тургенева прямо говорится о судѣ присяжныхъ), отмѣна тѣлесныхъ наказаній и уничтоженіе крѣпостного права. Н. Тургеневъ присоединялъ къ этому мѣстное самоуправленіе, свободу печати и т. п. Но для всѣхъ западниковъ сущность стремленій сводилась прежде всего къ освобожденію крестьянъ. Николаевская цензура дѣлала невозможнымъ гласное и открытое обсужденіе крестьянскаго вопроса, и эта больная тема трактовалась украдкой или обиняками. Профессора Кавелинъ въ Москвѣ (1844—1848) и Мейеръ въ Казани (1845—1855) внушаютъ своимъ слушателямъ убѣжденіе во вредѣ и безнравственности крѣпостного права. Заблочкинъ-Десятовскій проводитъ ту же идею въ статьѣ „Причины колебанія цѣнъ на хлѣбъ въ Россіи“, „Отеч. Записки“ 1847 г.), осторожно именуя крѣпостное право „обязательной рентой“. Съ большей откровенностію тотъ же авторъ высказалъ свои взгляды въ запискѣ „О крѣпостномъ состояніи въ Россіи“, составленной по порученію гр. Киселева. Подобныхъ записокъ немало ходило въ рукописяхъ. Эмигранты Н. И. Тургеневъ (во второмъ томѣ сочиненія „La Russie et les Russes“) и А. И. Герценъ (въ брошюрѣ „Крещеная собственность“ и статьѣ „Юрьевъ день!“ 1853 г.) присоединили свои смѣлые голоса въ защиту освобожденія крестьянъ. Обращаясь къ русскому дворянству, въ рукахъ котораго

ключъ отъ цѣпей рабства, Герценъ пользуется всѣми возможными аргументами, чтобы убѣдить помѣщиковъ въ необходимости отмены крѣпостного права.—Онъ указываетъ на растлѣвающее вліяніе крѣпостничества, на безпокойно выжидательное настроеніе крестьянъ, на примѣръ Запада, доказывающій, что ничто не можетъ устоять передъ напоромъ народныхъ массъ, наконецъ, на то, что „умѣе, расчетливѣе уступить, нежели ждать взрыва“. „Если есть только будущность Руси и міру славянскому“, писалъ Герценъ, „крестьяне будутъ свободны... И вы, и я, мы чувствуемъ, что освобожденіе крестьянъ необходимо, неотразимо, неминуемо. Если вы не сумѣете ничего сдѣлать, они все-таки будутъ свободны по царской милости, или по милости пугачевщины.... Горячее дыханіе больной, выбившейся изъ силъ Европы вѣетъ на Русь переворотомъ. Наступающій переворотъ не такъ чуждъ русскому сердцу, какъ прежніе. Слово социализмъ неизвѣстно нашему народу, но смыслъ его близокъ душѣ русскаго человѣка, изживающаго вѣкъ свой въ сельской общинѣ и въ рабочей артели“. Значительно ранѣе того, какъ были сказаны эти слова, Бѣлинскій также пытался набросать общую картину социальнаго роста Россіи. Считая европейскую буржуазію въ извѣстномъ смыслѣ прогрессивнымъ факторомъ исторіи, онъ полагалъ, что и „внутренній процессъ гражданскаго развитія въ Россіи начнется не раньше, какъ съ той минуты, когда русское дворянство обратится въ буржуазію“, и что на долю Россіи выпадетъ счастье наилучшаго рѣшенія

„вражды капитала и собственности съ трудомъ“.

Такимъ образомъ, рѣшеніе вопросовъ русской исторіи ставится въ связь съ самыми широкими проблемами европейской исторіи, и освобожденіе крестьянъ разсматривается, какъ первый шагъ по пути осуществленія идеаловъ социализма.

Несмотря на разгромъ кружковъ Сунгурова и Герцена въ тридцатыхъ годахъ, *соціалистическія идеи* далеко не умираютъ въ сознаніи нашей интеллигенціи, и исторія русскаго социализма сороковыхъ годовъ является необходимымъ дополненіемъ къ картинѣ идейныхъ стремленій представителей нашего западнаго либерализма.

Въ промежутокъ двухъ революцій между 1830 и 1848 годами, социалистическая мысль Запада продолжала неизмѣнно развиваться, и всѣ важнѣйшія ея проявленія проникали и къ намъ. Петербургъ (и въ частности Петербургскій университетъ) въ этомъ отношеніи не отставалъ отъ Москвы. Когда Анненковъ осенью 1843 г. пріѣхалъ изъ-за границы въ Петербургъ, то онъ, по его словамъ, „встрѣтилъ дома отраженіе многихъ сторонъ тогдашней интеллектуальной жизни Парижа“. Произведенія Прудона, Кабэ, Фурье „были во всѣхъ рукахъ“, служили предметомъ горячихъ дебатовъ и порождали „вопросы и чаянія всякаго рода“. Изъ писателей-художниковъ наибольшее вліяніе приобрѣла Жоржъ Зандъ. „Изъ Франціи Сень-Симона, Кабэ, Фурье, Луи Блана и въ особенности Жоржъ Зандъ“, писалъ Салтыковъ-Щедринъ, „лилась въ насъ вѣра въ челоѣчество; от-

туда возсіяла намъ увѣренность, что золотой вѣкъ не позади, а впереди насъ“. Достоевскій на основаніи собственныхъ воспоминаній также утверждаетъ, что Ж. Зандъ „заняла у насъ сразу чуть не самое первое мѣсто въ ряду цѣлой плеяды новыхъ писателей, тогда вдругъ прославившихся и прогремѣвшихъ по всей Европѣ“. Оцѣнивая въ своихъ некрологическихъ замѣткахъ значеніе Ж. Зандъ, Достоевскій очень мѣтко называетъ ее „одной изъ самыхъ ясновидящихъ предчувственницъ болѣе счастливаго будущаго, ожидающаго человѣчество, въ достиженіе идеаловъ котораго она бодро и великодушно вѣрила всю жизнь, и именно потому, что сама, въ душѣ своей, способна была воздвигнуть идеалъ“.

Въ Петербургѣ, повидимому, существовало нѣсколько кружковъ, интересовавшихся французской социалистической литературой.

Наибольшую извѣстностью пользовался кружокъ *петрашевцевъ*, названный такъ по имени Буташевича-Петрашевскаго, въ квартирѣ котораго по пятницамъ происходили собранія кружка (съ 1845 г.). Но „петрашевцы“ собирались также и у другихъ лицъ (у поручика Момбелли, у чиновника Кашкина, у литераторовъ С. Ѳ. Дурова и Пальма, у К. М. Дебу, у А. Н. Плещеева). Въ числѣ петрашевцевъ значились М. Е. Салтыковъ, Влад. Ал. Милютинъ, братья Достоевскіе, Вал. Н. Майковъ, А. Унковскій и длинный рядъ именъ педагоговъ, чиновниковъ, учащейся молодежи. По словамъ Липранди, въ составѣ петрашевцевъ „рядомъ съ гвардейскими офицерами и

чиновниками министерства иностранныхъ дѣлъ находятся не окончившіе курсъ студенты, учителя, мелкіе художники, купцы, мѣщане, даже лавочники, торгующіе табакомъ“. Были сторонники и въ провинціи: Тимковскій въ Ревелѣ, Кайдановъ въ Ростовѣ и др. Никакой строгой организаціи, а тѣмъ болѣе опредѣленнаго плана дѣйствій кружокъ петрашевцевъ не имѣлъ и, дѣйствительно, былъ только „заговоромъ идей“. На собраніяхъ дебатировались, главнымъ образомъ въ духѣ фурьеризма, различные общественно-политическіе и экономическіе вопросы, не получая однако единого рѣшенія. „Разрушить столицы, города и всѣ матеріалы ихъ употребить для другихъ зданій, и всю эту жизнь мученій, бѣдствій, нищеты, стыда, срама превратить въ жизнь роскошную, стройную, жизнь вѣселя, богатства, счастья, и всю землю нищую покрыть дворцами, плодами и разукрасить въ цвѣтахъ— вотъ цѣль наша“, говорилъ въ 1849 г. одинъ изъ петрашевцевъ на обѣдѣ въ день рожденія Фурье (7 апр.). Соціальный переворотъ перестроить всю жизнь человѣчества. Исчезнуть всѣ тривіальные виды брака; исчезнетъ семья, эта форма угнетенія, „нарушенная гармонія страстей“ (Ханыковъ); позитивная мысль отвергнетъ всѣ религіозные предрасудки и познаетъ „истину въ природѣ“ (Кашкинъ). Съ разныхъ сторонъ подходили петрашевцы къ уясненію своихъ идеаловъ. Разумѣется, не могли они обойти и болѣе близкихъ вопросовъ русской жизни. Большинство изъ нихъ желало конституціи или рес-

публики, и Петрашевскій уже въ ссылкѣ, прощаясь въ Красноярскѣ съ М. Л. Михайловымъ, восклицалъ: „До свиданья—въ парламентъ!“ Извѣстно также, что на вечерахъ Петрашевскаго горячо обсуждались вопросы объ уничтоженіи крѣпостного права, о свободѣ книгопечатанія и улучшеніи суда. Письмо Бѣлинскаго къ Гоголю ходило здѣсь по рукамъ.

Трубадуромъ петрашевцевъ, пѣвцомъ социалистическаго идеализма былъ Алексѣй Николаевичъ *Плещеевъ*, уже въ 1846 г. выпустившій небольшую книжку своихъ стихотвореній.

Поэтъ клеймилъ „рабовъ грѣха, рабовъ постыдной суеты“ и бросаетъ въ сердца людей „зерно любви“, вѣря, что

Придетъ пора—и дастъ оно роскошный
плодъ.

И человѣку той поры не долго ждать,
Не долго будетъ онъ томиться и страдать.
Воскреснетъ къ жизни міръ... Смотри,
ужь правды лучъ

Прозрѣвшимъ племенамъ сверкаетъ изъ-
за тучъ!

Общечеловѣческая любовь, свобода, „священной истины законъ“—вотъ что вдохновляетъ юношескую лирику Плещеева. Бодро звучитъ голосъ поэта, когда онъ сзываетъ друзей идти „впередъ—безъ страха и сомнѣнія на подвигъ доблестный“,—на встрѣчу „зарѣ святого искупленія“. Въ стихахъ Плещеева, полныхъ юношескаго упоенія грядущимъ счастьемъ человѣчества, многое, пожалуй, покажется намъ простой фразой, но для человѣка сороковыхъ годовъ, для того, кто „міръ считалъ своей отчизной и человѣчество семьей“, каждое слово

приобрѣтало особый, многозначительный смыслъ. Послѣ смерти Лермонтова, писалъ Вал. Майковъ, „г. Плещеевъ—безспорно первый нашъ поэтъ въ настоящее время“. „Онъ, какъ видно изъ его стихотвореній, взялся за дѣло поэта по призванію; онъ сильно сочувствуетъ вопросамъ своего времени, страдаетъ всѣми недугами вѣка, болѣзненно мучится несовершенствами общества и сгораетъ не тщетно жаждою споспѣшествовать его совершенствованію и торжеству на землѣ истины, любви и братства“.

Передъ взоромъ Плещеева и его восторженно настроенныхъ читателей какъ бы разстился безбрежный океанъ, среди котораго въ голубой дали имъ чудился островъ блаженныхъ. Туда неслись затаенные помыслы нашихъ мечтателей. Но въ 1849 г. петрашевцы были арестованы и всѣ, въ томъ числѣ Петрашевскій-Бутаевичъ, Плещеевъ, Достоевскій, понесли тяжелыя кары.

Идеи социализма и неизмѣнно сопровождающія ихъ идеи позитивизма въ теченіе сороковыхъ годовъ захватываютъ все болѣе и болѣе широкіе круги общества. По свидѣтельству Герцена, университетская молодежь и даже царскосельскіе лицеисты въ срединѣ сороковыхъ годовъ отличались „совершенно реалистическимъ, т. е. положительно-научнымъ“ направленіемъ. Глубокимъ сочувствіемъ социализму проникнуты экономическія работы Влад. Алексѣевича Милютина и статьи талантливаго критика Вал. Н. Майкова съ его теоріей „дольщины“, т. е. справедливаго распредѣленія долей между

хозяиномъ предпріятія и работниками. Далекій отъ увлеченія соціализмомъ, Н. И. Тургеневъ понималъ однако его симптоматическое значеніе, видя въ немъ „первые порывы совѣсти человѣческой къ дальнѣйшему усовершенствованію состоянія человѣка и обществъ человѣческихъ“ (въ письмѣ отъ 1843 г., гдѣ онъ опровергаетъ нападки кн. Вяземскаго). Къ принятію соціалистическихъ идеаловъ склонны были, наконецъ, столь умѣренные люди, какъ оріенталисты П. С. Савельевъ и В. В. Григорьевъ. Неудивительно послѣ этого, что къ концу сороковыхъ годовъ „Отечеств. Записки“ (1848, № 1) уже смѣло провозглашали наступленіе новой эры въ нашей умственной жизни, утверждая, что отнынѣ господство принадлежитъ естествознанію и наукамъ общественнымъ, главная задача которыхъ—„показать законы равномѣрнаго распредѣленія блага по всѣмъ классамъ“.

Высшій синтезъ идейныхъ теченій, выразившихся въ западническомъ либерализмѣ, славянофильствѣ и соціализмѣ сороковыхъ годовъ, безспорно представляетъ намъ *А. И. Герценъ*. Въ его міросозерцаніи нетрудно указать нѣсколько основныхъ предпосылокъ, которымъ онъ никогда не измѣнялъ, которыя служили ему критеріемъ при оцѣнкѣ всѣхъ другихъ идей и событій. Этотъ стальной каркасъ герценовскаго міросозерцанія составляютъ три начала: позитивизмъ, индивидуализмъ и соціализмъ.

Источникомъ всякаго положительнаго знанія могутъ быть только естественныя науки. „Безъ естественныхъ наукъ“, говорилъ Герценъ, „нѣтъ

спасенія современному человѣку; безъ этой здоровой пищи, безъ этого строгаго воспитанія мысли фактами, безъ этой близости къ окружающей насъ жизни, безъ смиренія передъ ея независимостью,—гдѣ-нибудь въ душѣ остается монашеская келья и въ ней мистическое зерно, которое можетъ разлиться темной водой по всему разумѣнію“. Мистика, идеализмъ, романтика—постоянные враги Герцена (если не считать сравнительно короткаго періода его вятской жизни). Опытъ, эмпирія должны служить опорой знанію.

Авторъ „Писемъ объ изученіи природы“ однако, подобно кн. В. Ѳ. Одоевскому, далекъ отъ того прямолинейнаго матеріализма, который исповѣдывалъ его двоюродный братъ Химикъ. По его мнѣнію, „опытъ и умозрѣніе—двѣ необходимыя, истинныя, дѣйствительныя степени одного и того же знанія; спекуляція—больше ничего, какъ высшая, развитая эмпирія... Правильно развиваясь, эмпирія непремѣнно должна перейти въ спекуляцію, и только то умозрѣніе не будетъ пустымъ идеализмомъ, которое основано на опытѣ“. Всякій дуализмъ долженъ быть изгнанъ изъ области теоретической мысли. Точно также необходимо возстановить монизмъ въ пониманіи природы и жизни человѣка. Сентъ-симонистъ и поклонникъ Фейербаха, Герценъ не могъ сохранить въ неприкосновенности традиціонныя воззрѣнія на плоть и духъ. Онъ радостно принялъ „великія слова“, которыя говорили объ единствѣ человѣческой природы, о томъ, что человѣкъ „существо цѣлое, а не составленъ, какъ маятникъ, изъ двухъ разныхъ ме-

талловъ, удерживающихъ другъ друга". На смѣну религіи смерти, бичеванія и поста шла религія жизни, красоты, „міръ здоровья“, „міръ естественно нравственный и потому нравственно чистый". Отсюда вытекалъ для него новый взглядъ на принципы этики и на отношенія къ женщинамъ. Мужчина заключаетъ съ нею „союзъ, какъ съ равнымъ“, признавая за нею право на свободу чувства и на „общій трудъ". Жизнь человѣка должна быть гармоніей между плотью и „духомъ“, сердцемъ и разумомъ; сердце нужно „обобщить разумомъ и въ свою очередь оживить имъ разумъ". Жизнь человѣка, далѣе, нельзя мыслить внѣ общихъ законовъ природы. Мы вправѣ говорить о „физиологіи общественной жизни“, такъ какъ „развитіе природы незамѣтно переходитъ въ развитіе человѣчества; это двѣ главы одного романа, двѣ фазы одного процесса, очень далекія на окраинахъ и чрезвычайно близкія въ срединѣ".

Послѣдовательный реалистъ, Герценъ одну за другой отвергаетъ всѣ „канонизированныя истины" и „разстригаетъ ихъ изъ ангельскаго чина въ людской", чтобы достигнуть интеллектуальной свободы, которая обеспечиваетъ внутреннюю свободу личности.

Свобода личности и полнота ея существованія—необходимое условіе человѣческаго бытія. Окружающая жизнь пропитана духомъ мелкаго, пошлаго мѣщанства съ его умѣренностью и аккуратностью. Сильная духовная личность рвется прочь изъ огромнаго стада мѣщанскихъ существъ, сжатыхъ подъ нивеллирующимъ прессомъ, какъ паюсная икра.

Мѣщанство угнетаетъ все, что поднимается надъ общимъ уровнемъ и возводитъ въ добродѣтель приниженіе личности. „Липо, истинная, дѣйствительная монада общества, было всегда пожертвовано какому-нибудь общему понятію, собирательному имени, какому-нибудь знамени", идеѣ, обществу, народу, человѣчеству. И это было тяжкимъ грѣхомъ противъ человѣческой личности. Человѣкъ имѣетъ право на самоопредѣленіе, на эгоизмъ. Эгоизмъ есть то же, что „индивидуализація, это сосредоточиваніе, обособленіе, къ которому стремится все сущее, какъ къ послѣдней цѣли"; эгоизмъ—„грунтъ всего человѣческаго". Быть эгоистомъ значитъ быть самимъ собою, — быть свободнымъ человѣкомъ, а не рабомъ чего-то внѣшняго. Но эгоизмъ сознательно развитой личности можетъ принимать форму „высшей гуманности", „любви къ наукѣ, къ искусству, къ ближнему, къ широкой жизни, къ неприкосновенности и т. п." Какъ разъ для прочности и полноты личнаго счастья необходимо „раскрыть свою душу всему человѣческому, страдать и наслаждаться страданіями и наслажденіями современности, работать столько же для рода, сколько для себя, словомъ, развить эгоистическое сердце во всѣхъ скорбящее".

Значитъ, эгоизмъ и „общественность" вовсе не враждебныя другъ другу начала; наоборотъ, это—„основныя стихіи жизни человѣческой, безъ которыхъ не было бы ни исторіи, ни развитія, а была бы или рассыпчатая жизнь дикихъ звѣрей, или стада ручныхъ троплодитовъ". Нормальный порядокъ жизни предполагаетъ „гармонію между лицомъ и об-

ществомъ“, гармонію между личными и общими интересами.

Всестороннее осуществленіе этого идеала станетъ возможно лишь тогда, когда на землѣ водворится социалистическій строй. Соціализмъ *implicite* заключаетъ въ себѣ индивидуализмъ. „Государство и отдѣльная личность, власть и свобода, коммунизмъ и эгоизмъ (въ обширномъ смыслѣ слова)—вотъ геркулесовы столбы великой борьбы, великой революціонной эпопеи“. Въ разрѣшеніи этой антиноміи и состоитъ „вся мучительная задача нашего вѣка“, „весь социализмъ“.

Таковы главные предпосылки міросозерцанія Герцена.

До эмиграціи, до 1847 г., Герценъ былъ непосредственнымъ участникомъ русской общественной жизни, свидѣтелемъ всеразгоравшагося спора славянофиловъ и западниковъ. Западники, безъ сомнѣнія, были ближе Герцену, чѣмъ славянофилы. Славянофильство казалось ему „явленіемъ отвлеченнымъ, книжнымъ, литературнымъ“, а въ самой доктринѣ славянофиловъ онъ видѣлъ „новый елей, помазывающій царя, новую цѣпь, налагаемую на мысль, новое подчиненіе совѣсти раболѣпной византійской церкви“. Это однако нисколько не помѣшало Герцену воспринять нѣкоторыя стороны ученія славянофиловъ, особенно ихъ взглядъ на общину и мессіаниззмъ Россіи. Герценъ не хотѣлъ связывать себя какой-либо догмой; ратуя въ лагерѣ западниковъ, но расходясь со многими изъ нихъ, въ томъ числѣ и съ Грановскимъ, онъ стоялъ выше тѣхъ и другихъ, и его задушевымъ идеаломъ былъ социализмъ. Прочитавъ въ одной французской газетѣ рассказъ о томъ, какъ

французскій рабочій съ голоду рѣшился на воровство и потомъ изъ страха наказанія задумалъ покончить свою жизнь самоубійствомъ, Герценъ въ февралѣ 1843 г. заноситъ въ свой дневникъ грустныя думы о „всей гнусности современнаго общественнаго состоянія“. Считая пока невозможнымъ давать „полный теоретическій отвѣтъ“ на вопросъ о будущемъ строѣ, при которомъ были бы немыслимы случаи въ родѣ приведеннаго, Герценъ тѣмъ не менѣе ясно представляетъ себѣ его „общій смыслъ“, всего болѣе, по его мнѣнію, раскрытый фурьеристами.

Первые годы пребыванія Герцена за границей, съ 1847 г. и до Крымской войны, были посвящены имъ напряженной работѣ надъ дальнѣйшимъ уясненіемъ себѣ социалистическаго міросозерцанія и отмѣчены горячей вѣрой въ близкое торжество социалистическихъ идеаловъ. Родоначальникъ русскаго народническаго социализма вѣрилъ, что славянскимъ племенамъ, и особенно Россіи, предстоитъ самая активная роль въ дѣлѣ установленія социалистическаго строя. Этотъ вождѣлѣнный моментъ Герценъ приурочивалъ къ Севастопольской войнѣ. Когда ходъ историческихъ событій не оправдалъ его надеждъ, онъ, нисколько не отказываясь отъ своихъ идеаловъ, вступаетъ на путь „реальной политики“ и въ центрѣ своихъ ближайшихъ требованій ставитъ освобожденіе крестьянъ.

Если теперь мы окинемъ общимъ взглядомъ охарактеризованныя нами теченія независимой общественной мысли, направлявшейся не по казенному тракту официальной народ-

ности,—то увидимъ, что ихъ *соціальныя* программы въ существенныхъ пунктахъ представляютъ несомнѣнное сходство. Славянофилы, западники, ранніе наши социалисты (петрашевцы, Герценъ и др.), всѣ они, когда имъ приходилось отвѣчать на *конкретные* запросы русской дѣйствительности, единодушно признавали неотложность раскрытія народа, водворенія законности и свободы слова. Можно сказать, что къ концу николаевскаго царствованія передовая русская интеллигенція уже владѣла опредѣленной программой общественныхъ реформъ, главнымъ пунктомъ которой было освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Исслѣдованія историковъ, юристовъ, историковъ литературы, раскрывая разныя стороны народной жизни, тѣмъ самымъ давали твердую опору народолюбію и научное обоснованіе взглядамъ людей сороковыхъ годовъ. Благо народа

было тѣмъ доминирующимъ интересомъ, передъ которымъ стушевывались политическія требованія, когда-то стоявшія у декабристовъ на первомъ планѣ. Программа интеллигенціи какъ бы сузилась. Это обстоятельство не только находить себѣ оправданіе въ историческихъ условіяхъ Николаевской эпохи, но и представляетъ извѣстное достоинство: очевидно, ближайшимъ образомъ нужно было развязать руки главному агенту исторіи—народу и уничтожить тотъ социально-экономическій фундаментъ, который обезпечивалъ господство за дворянскимъ классомъ и поддерживалъ незыблемость абсолютизма. Романтическій идеализмъ явно уступаетъ мѣсто позитивизму и социальному реализму. „Дѣйствительность“, понятая въ широкомъ, конкретно социальномъ смыслѣ, становится уже лозунгомъ русской прогрессивной мысли сороковыхъ годовъ.

5.

Соціальныя мотивы въ художественной литературѣ сороковыхъ годовъ.

Представляя художественное переживаніе важнѣйшихъ явленій русской жизни, наша литература сороковыхъ годовъ въ своемъ главномъ руслѣ, естественно, должна была стать *реальной и соціальной*.

Были, разумѣется, и служители „чистаго искусства“ и среди нихъ такіе даровитые поэты, какъ Фетъ („Лирическій Пантеонъ“ 1840г.), Стихотворенія 1850 г.), Майковъ („Стихотворенія“ 1841 г.), Полонскій („Гаммы“ 1844 г.), О. И. Тютчевъ, который, впрочемъ, печатался весьма рѣдко. Бѣлинскій и другіе критики сочув-

ственно отмѣтили нарожденіе новыхъ поэтическихъ талантовъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, опредѣленно подчеркивали и ихъ основной недостатокъ съ точки зрѣнія интересовъ эпохи. „Для успѣха въ поэзіи“, писалъ Бѣлинскій, „теперь мало одного таланта—нужно еще и развитіе въ духѣ времени. Поэтъ уже не можетъ жить въ мечтательномъ мірѣ; онъ уже гражданинъ царства современной ему дѣйствительности“.

Важнѣйшіе представители литературы сороковыхъ годовъ, каждый въ мѣру своего таланта и обществен-

наго развитія, и являются такими гражданами царства современной имъ дѣйствительности.

Художественный реализмъ Пушкина находитъ себѣ дальнѣйшее развитіе въ „натуральной школѣ“ Гоголя. Въ его „Мертвыхъ душахъ“, первый томъ которыхъ вышелъ въ 1842 г., а второй законченъ авторомъ въ 1845 г., (хотя появился въ печати лишь въ 1855 г., и при томъ въ неполномъ видѣ), развернулось во всей своей непосредственной геніальности художественное дарованіе великаго бытописателя. Мы затруднились бы назвать Гоголя писателемъ-гражданиномъ, т. е. писателемъ, у котораго общественныя идеи входятъ существеннымъ ингредиентомъ въ художественное творчество. Не примыкая формально ни къ какой общественной фракціи, Гоголь, какъ мыслитель и гражданинъ, стоялъ на уровнѣ официальной идеологіи. Но его настроеніе и творчество были шире и глубже этихъ рамокъ. Не будучи сознательно-идейнымъ отрицателемъ николаевской Руси, Гоголь, по глубоко вѣрному замѣчанію проф. Овсяннико-Куликовского, „по своему—живо и болѣзненно — чувствовалъ тяготу существованія при данныхъ порядкахъ, отношеніяхъ, нравахъ, и, можно сказать даже, ему, по особенностямъ его душевной организаціи, было *тошнѣ* жить среди господствовавшей умственной тьмы и нравственной слѣпоты, чѣмъ многимъ и многимъ, въ томъ числѣ и кое-кому изъ тѣхъ, которые принадлежали къ передовымъ и просвѣщеннѣйшимъ людямъ эпохи“. Независимо отъ того, хотѣлъ или не хотѣлъ авторъ, его „Мертвыя души“ явились величай-

шей сатирой на дореформенную русскую жизнь, достигшую предѣловъ пошлости, мизерности, экономического и духовнаго обнищанія. Даже II томъ „Мертвыхъ душъ“ поддерживаетъ это впечатлѣніе. Несмотря на предвзятость замысла, художникъ здѣсь еще разъ показалъ разложеніе помѣщичьей жизни, далъ богатый по внутреннему содержанію образъ Тентетникова, близкаго сородича Обломова, какъ бы мимоходомъ раскрылъ несостоятельность бюрократической системы, заставивъ добродѣтельнаго генераль-губернатора произносить горячія lamentaціи по адресу чиновниковъ, этой организованной шайки взяточниковъ, и прибѣгать къ содѣйствію лица изъ „общества“, не менѣе добродѣтельнаго откупщика Муразова, и, наконецъ, далъ воплощеніе идеѣ полезнаго труда въ лицѣ помѣщика Констанжогло, общественная психологія котораго позволяетъ предчувствовать наступленіе новыхъ порядковъ жизни. Безъ всякихъ комментариевъ чуткій читатель видѣлъ, какой колоссальный вопросъ ставятъ „Мертвыя души“ общественному сознанию. Подъ впечатлѣніемъ „глубоко выстраданной поэмы“, Герценъ готовъ былъ рыдать отъ „какой-то безвыходной грусти“. „Дологъ сонъ, тяжелъ. За что мы такъ рано проснулись—спать бы себѣ, какъ все около“,... заносилъ онъ въ свой дневникъ (10 апр. 1843 г.) мысли, навѣянные Гоголемъ. Современники такъ высоко ставили социальный элементъ въ произведеніяхъ Гоголя, что его имя на нѣкоторое время затмило имя самого Пушкина.

Бѣлинскій своимъ авторитетомъ перваго критика эпохи санкциони-

руеть направлѣніе, которое принялъ Гоголь-сатирикъ. Критическія сужденія Бѣлинскаго до сороковыхъ годовъ отражаютъ на себѣ вліяніе усвоенныхъ имъ философскихъ идей, особенно гегельянства, но и тогда уже непосредственное чувство предохраняло его отъ рабскаго подчиненія теоріи и подсказывало ему смѣлые и самостоятельные взгляды. Уже въ статьѣ 1835 г. „О русской повѣсти и повѣстяхъ Гоголя“ критикъ развиваетъ мысль, что „истинная, настоящая поэзія нашего времени“ есть „поэзія реальная, поэзія жизни, поэзія дѣйствительности“, и не задумывается называть Гоголя „главой литературы, главой поэтовъ“, занявшимъ „мѣсто, оставленное Пушкинымъ“. Естественно, что Бѣлинскій беретъ подъ свою защиту народившуюся „натуральную школу“, и его „Взглядъ на русскую литературу 1847 г.“, посвященный этому вопросу, принадлежитъ къ наиболѣе вдохновеннымъ страницамъ знаменитаго критика.

„Натуральная школа“, констатируетъ Бѣлинскій, „стоитъ теперь на первомъ планѣ русской литературы. Съ одной стороны, нисколько не преувеличивая дѣла по какимъ-нибудь пристрастнымъ увлеченіямъ, мы можемъ сказать, что публика, т. е. большинство читателей, за нее: это—фактъ, а не предположеніе“. Новая литературная школа, естественно, была встрѣчена разнообразными нападками со стороны поклонниковъ прежнихъ направленій, и Бѣлинскій обстоятельно, шагъ за шагомъ, опровергаетъ аргументацію своихъ противниковъ. Тамъ, гдѣ послѣдніе видятъ одни

недостатки, онъ находитъ достоинства натуральной школы. Обличая общественную неправду, изображая жизнь мужиковъ и маленькихъ людей, натуральная школа, разсуждаетъ Бѣлинскій, становится важной соціальной силой; ея демократизмъ какъ нельзя болѣе отвѣчаетъ духу гуманности новаго времени, когда „вездѣ заняты всѣ участію низшихъ классовъ“. „Могло ли не отразиться въ литературѣ это новое общественное движеніе,—въ литературѣ, которая всегда бываетъ выраженіемъ общества!“ „Въ наше время искусство и литература больше, чѣмъ когда-либо прежде, сдѣлались выраженіемъ общественныхъ вопросовъ, потому что въ наше время эти вопросы стали общіе, доступнѣе всѣмъ, яснѣе, сдѣлались для всѣхъ интересомъ первой степени, стали во главѣ всѣхъ другихъ вопросовъ“. Иные нападаютъ на натурализмъ „съ эстетической точки зрѣнія, во имя чистаго искусства, которое само себѣ цѣль и внѣ себя не признаетъ никакихъ цѣлей.“ Бѣлинскій видитъ здѣсь огромное недоразумѣніе и „предубѣжденіе“. „Вполнѣ признавая“, пишетъ онъ, „что искусство прежде всего должно быть искусствомъ, мы тѣмъ не менѣе думаемъ, что мысль о какомъ-то чистомъ отрѣшенномъ искусствѣ, живущемъ въ своей собственной сферѣ, не имѣющемъ ничего общаго съ другими сторонами жизни, есть мысль отвлеченная, мечтательная. Такого искусства никогда и нигдѣ не бывало“. „Личность поэта не есть что-нибудь безусловное, особостоящее, внѣ всякихъ вліяній извнѣ. Поэтъ прежде всего—человѣкъ, по-

томъ гражданинъ своей земли, сынъ своего времени. Духъ народа и времени на него не могутъ дѣйствовать менѣе, чѣмъ на другихъ". Слѣдовательно, социальныя задачи, которыя ставить себѣ натуральная школа, вполне совмѣстимы съ требованіями искусства. Для этого писателю нужно только „быть гражданиномъ, сыномъ своего общества и своей эпохи, усвоить себѣ его интересы, слить свои стремленія съ его стремленьями“.

Реализмъ художественной литературы удовлетворяетъ важной исторической потребности и гармонируетъ съ развитіемъ реалистическихъ началъ въ другихъ сферахъ жизни: всюду мы видимъ „то же стремленіе къ дѣйствительности, реальности, истинѣ, то же отвращеніе отъ фантазій и призраковъ. Въ наукѣ отвлеченныя теоріи, апріорныя построенія, довѣріе къ системамъ со дня на день теряютъ свой кредитъ и уступаютъ мѣсто направленію практическому, основанному на знаніи фактовъ“. Это въ высшей степени мѣткое наблюденіе Бѣлинскаго укрѣпляетъ его въ убѣжденіи, что русская литература „нашла уже свою настоящую дорогу“. Сдѣлавшись самобытной и „современной“, она „съ этого пути, кажется, уже не сойдетъ“; „она будетъ идти впередъ, измѣняться, но только никогда уже не перестанетъ быть вѣрной дѣйствительности и натурѣ“.

Такъ пророчествовалъ Бѣлинскій. И онъ уже имѣлъ счастье привѣтствовать цѣлую плеяду писателей, которые пошли по слѣдамъ Пушкина и Гоголя. „Не только всѣ молодые таланты“, говоритъ онъ,

„бросились на указанный Гоголемъ путь, но и нѣкоторые писатели, уже пріобрѣтшіе извѣстность, пошли по этому же пути, оставивши свой прежній“. Герценъ (Искандеръ), Григоровичъ, Тургеневъ, Гончаровъ, Достоевскій, Некрасовъ—вотъ славныя имена писателей, которые получили напутственное благословеніе отъ самого Бѣлинскаго, воспринявшаго ихъ отъ литературной купели. Такъ называемые „писатели сороковыхъ годовъ“ и сами не разъ подчеркивали свою связь съ пушкино-гоголевскимъ направленіемъ. „Отъ Пушкина и Гоголя“, говоритъ, напр., Гончаровъ, „въ русской литературѣ теперь еще куда никуда не уйдешь. Школа пушкино-гоголевская продолжается доселѣ, и всѣ мы, беллетристы, только разрабатываемъ завѣщанный ими матеріалъ“.

Художественно реальная по приемамъ творчества и социальная по содержанию наша литература сороковыхъ годовъ неизбежно должна была развиваться въ тѣсномъ взаимодействіи съ общественными теченіями и по отношенію къ социальнымъ мотивамъ, естественно, дѣлится на двѣ главныя вѣтви: на славянофильскую и западническую.

Извѣстно, что *славянофилы* не въ меньшей степени, чѣмъ западники, преклонялись предъ Гоголемъ. К. Аксаковъ въ порывѣ неудержимаго восторга сравнивалъ „Мертвыя души“ даже съ поэмами Гомера и произведеніями Шекспира, что и вызвало любопытную отповѣдь со стороны Бѣлинскаго. Черезъ пятнадцать лѣтъ въ своемъ „Обозрѣніи современной литературы“ („Русская Бесѣда“ за 1857 г.) К. Аксаковъ попрежнему

причисляетъ Гоголя къ величайшимъ писателямъ русскимъ“, скорбитъ, что онъ „не договорилъ своего слова, которое рвалось уже въ новую область“. Слѣдовательно, будущее русской литературы представлялось славянофильскому критику развитіемъ того слова, которое не успѣлъ договорить авторъ второго тома „Мертвыхъ душъ“ и „Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями“. Вліянію Гоголя справедливо приписываютъ то, что Сергѣй Тим. Аксаковъ уже въ весьма почтенныхъ годахъ рѣшается выступить на поприще писателя (наброски его „Семейной хроники“ относятся еще къ сороковымъ годамъ).

Зная идеологію славянофиловъ, заранее можно сказать, что въ основныхъ принципахъ критики они не разойдутся съ Бѣлинскимъ сороковыхъ годовъ и что отъ литературы они также прежде всего потребуютъ самобытности и гражданскаго служенія. Искусство не можетъ не быть народнымъ. „Художникъ“, разсуждаетъ Хомяковъ, „не творитъ собственною своею силою;—духовная сила народа творитъ въ художникѣ. Поэтому, очевидно, всякое искусство должно быть и не можетъ не быть народнымъ“. Мы вправѣ надѣяться на возникновеніе „русской художественной школы“. Такимъ образомъ художникъ и въ частности писатель неизбежно являются органомъ и слугою народа. Но бываютъ моменты, когда служебная роль искусства становится особенно необходимой. „Въ наше время“, писалъ К. Аксаковъ въ 1857 г., „поэтическое произведеніе, хотя написанное съ талантомъ (ибо таланты всегда возможны) можетъ быть только средствомъ, од-

нимъ изъ способовъ для изображенія той или другой мысли. Извѣстенъ анекдотъ объ математикѣ, который, выслушавъ изящное произведеніе, спросилъ: что этимъ доказывается? Какъ ни страненъ этотъ вопросъ въ приведенномъ случаѣ, но есть эпохи въ жизни народной, когда при всякомъ, даже поэтическомъ, произведеніи является вопросъ: что этимъ доказывается? Таковы эпохи исканій, изслѣдованій, трудовых эпохи постиженія и рѣшенія общихъ вопросовъ. Такова наша эпоха“. Точно такъ же и Хомяковъ (въ рѣчи 1859 г., произнесенной въ Обществѣ любителей россійской словесности), не отрицая за литературой ея правъ, какъ „служительницы вѣчной красоты“, не отрицая „свободы художества“, полагалъ, что художникъ — „всегда человѣкъ своего времени, обыкновенно лучший его представитель, весь проникнутый его духомъ и его опредѣлившимися или зарождающимися стремленіями“, а потому не можетъ не вносить въ свое творчество элементовъ „временнаго и случайнаго“. Гражданская поэзія, „словесность обличительная“ имѣетъ свой неотъемлемый *raison d'être*: „Есть безконечная красота въ невозмутимой правдѣ и гармоніи души, но есть истинная, высокая красота и въ покаяніи, возстановляющемъ правду и стремящемъ человѣка или общество къ нравственному совершенству“.

Слѣдовательно, эстетика славянофиловъ не имѣетъ въ себѣ ничего специфическаго.

Въ славянофильскомъ лагерѣ не было первоклассныхъ художественныхъ талантовъ (ни Островскаго, ни Тютчева нельзя всецѣло относить

къ славянофиламъ, а послѣдній, кромѣ того, въ теченіе собственно сороковыхъ годовъ совсѣмъ не появлялся въ печати), но зато было немало писателей съ поэтическими наклонностями. Такіе выдающіеся теоретики славянофильства, какъ К. Аксаковъ и Хомяковъ, охотно пользовались художественными формами литературы. Къ нимъ нужно присоединить даровитаго, даже въ качествѣ поэта, Ив. С. Аксакова и отчасти Языкова.

Славянофильскіе поэты обыкновенно писали *ad hoc*, для защиты того или другого тезиса своей программы. Эта была не только гражданская, но и прямо *партийная поэзія*. Нѣкоторое исключеніе въ этомъ отношеніи составлялъ одинъ только И. С. Аксаковъ.

Въ третьей главѣ мы уже привели характерные образчики публицистической лирики славянофиловъ. Особое мѣсто занимаютъ полемическія стихотворенія Языкова, въ которыхъ онъ разразился настоящей бранью по адресу „не нашихъ“.

О вы, которые хотите
Преобразить, испортить насъ
И обѣметчить Русь, впемлите
Простосердечный мой возгласъ!

Вы, людъ запосчивый и дерзкій,
Вы, опрометчивый оплотъ
Ученья школы богомерзкой,
Вы всѣ—не русскій вы народъ!

Умолкнетъ ваша злость пустая,
Замретъ проклятый вашъ языкъ.
Крѣпка, надежна Русь святая,
И русскій Богъ еще великъ!...

Расходившійся поэтъ не только громилъ всѣхъ западниковъ: отъ него достается и К. Аксакову за то, что онъ дружелюбно подаетъ руку

Тому, кто гордую науку
И торжествующую ложь
Глубокомысленно ставитъ
Превыше истины святой,
Тому, кто нашу Русь злословитъ
И ненавидитъ всей душой,
И кто нѣметчинѣ лукавой
Передался.

Рѣзкій, безтактный тонъ Языкова смутилъ и тѣхъ, кого онъ защищалъ.

Мотивы славянофильской лирики съ удивительнымъ однообразіемъ повторяются и въ другихъ жанрахъ ихъ „поэтического“ творчества.

Хомяковъ въ трагедіяхъ „Ермакъ“ и „Дмитрій Самозванецъ“, К. Аксаковъ въ драмѣ „Освобожденіе Москвы въ 1612 году“ стремятся возвеличить московскую Русь и подчеркнуть высокое значеніе „земли“ въ нашемъ историческомъ прошломъ. Прокофій Ляпуновъ въ драмѣ Аксакова призываетъ всѣхъ къ духовному единенію, призываетъ вспомнить „неперебѣнное и вѣчное“, именно „то, что всѣ мы, сколько насъ ни есть, всѣ братья, православные христіане и русскіе люди“. Богъ караетъ за гордость и раздоръ: „Презрѣлъ Василій Ивановичъ земской совѣтъ, Богъ и покаралъ его. Презрѣли и вы, бояре, братство и землю; эй, не забывайте земли русской и народа. Больше правды въ простомъ народѣ... Такъ народа-то вы, бояре, не презирайте и надъ народомъ не высьтесъ; вѣдь этимъ вы и сами себя осуждаете и отъ братства себя отрываете. Не разрывайте земскаго союза, не забывайте народа—тогда и вамъ будетъ хорошо и вы родной землѣ нашей полезны будете,—а безъ того нѣтъ“.

Идеалы общенароднаго братства, земщины были, по мнѣнію славяно-

филовъ, сознаны и уже осуществлялись въ древней Руси.

Въ новой, петербургской Россіи царить чиновникъ и правительственный деспотизмъ. И. С. Аксаковъ мѣтко охарактеризовалъ бюрократическую атмосферу въ своихъ произведеніяхъ „Жизнь чиновника“ (1842 г.) и „Утро въ уголовной палатѣ“. Когда-то воодушевленный добрыми намѣреніями, его чиновникъ въ концѣ своей карьеры долженъ былъ признать, что отъ его „усердной, долгой жизни“ не осталось

Ни пользы никому, ни блага для
отчины,
Ни свѣтлой памяти, ни яснаго слѣда.

Не только бюрократъ оказывается несостоятельнымъ. Несостоятеленъ и интеллигентъ, обычно идеалистъ и лишній человѣкъ, человѣкъ съ утонченными понятіями, вѣчно скорбный, неудовлетворенный и бесполезный для народа. И. Аксаковъ не иначе, какъ съ пропіей, говорилъ о страданіяхъ „лишнихъ людей“.

Смотри! толпа людей нахмурившись
стоитъ:
Какой печальный взоръ! Какой здоровый видъ!
Какимъ страданіемъ томяся неизвѣстнымъ,
Съ душой мечтательной и тѣломъ полновѣснымъ,
Они рѣчь умную, по праздную ведутъ;
О жизни мудрствуютъ, но жизнью не живутъ,
И тратить свой досугъ лѣшиво и безплодно,
Всему сочувствовать умѣя благородно!
Ужели племя ихъ добра не принесетъ?
Досада тайная подъ часъ меня беретъ,
И хочется мнѣ имъ, въ замѣнъ досужей скуки,
Дать заступъ и соху, топоръ желѣзный
въ руки,

И толки прекратя объ участи людской,
Работниковъ изъ нихъ составить полкъ
лихой!...

И. Аксаковъ не разъ возвращается къ этой темѣ, разоблачая ничтожество интеллигенціи, которая носитъ съ своей „заемной мечтой“, лепетъ свою маленькую скорбь, тѣшитъ себя благородными словами и презираетъ „работы черной трудъ упорный“. Всѣми этими недостатками блещутъ, конечно, западники, не имѣющіе корней въ родной почвѣ, оторвавшіеся отъ народа. Славянофилы пытаются даже нарисовать цѣльный типъ западника, разумѣется, отрицательный. Въ своей „Licentia poetica“ подъ заглавіемъ „Зимняя дорога“ (1845 г.) И. Аксаковъ выводитъ рядомъ славянофила Архипова и западника Ящерица. Первый радуется, что „въ природѣ русской и простой“ можетъ найти „прибѣжище отъ искусственной, условной жизни нашей“; его томить непрестанная дума о народѣ; онъ убѣжденъ, что

Народъ, въ развитіи своемъ,
Пойдетъ, повѣрь, инымъ путемъ,
Самостоятельнымъ и русскимъ;

онъ усердно молить Бога,
Чтобъ самобытное начало
Своихъ разсѣяло враговъ,
И нго правственныхъ оковъ
Съ себя презрѣнное сорвало.

Ящерица, наоборотъ, не сознаетъ „узъ своихъ къ народу“: съ барской брезгливостью относится онъ ко всему, начиная съ ухабовъ русской дороги и кончая мужикомъ и его грязной избой. Въ свое оправданіе Ящерица говоритъ спутнику—славянофилу:

Я далѣ тебя несусь своей душою,
Скажу тебѣ здѣсь кстати вновь,—
Я не съ одной хочу сочувствовать стра-
ною,—
Во мнѣ пространнѣе любовь!

Природой русскою и русскимъ чело-
вѣкомъ
Нельзя, повѣрь, довольнымъ быть
Тому, кто вслѣдъ идетъ за просвѣ-
щеннымъ вѣкомъ!

Въ качествѣ западника, Ящеринъ
не раздѣляетъ надеждъ Архипова.
Указывая на богатые плоды евро-
пейской культуры и на бѣдность рус-
ской жизни, онъ думаетъ, что запад-
ные народы

. . . рѣшать задачу намъ
Вопросовъ жизни и стремленья

А славянофильскія мечты Архипова
кажутся ему „одной потѣхою гре-
мучей“. Онъ—скептикъ по отноше-
нію къ русскому народу.

Гдѣ тѣ сокровища—могучей
Народа русскаго души?

.
Гдѣ, въ чемъ лежитъ ея начало?
Что намъ порукой за него?

Архиповъ отказывается отвѣчать
на его вопросъ по мотивамъ чрезвы-
чайно характернымъ:

Кто имѣетъ слухъ—да слышетъ,
Кто имѣетъ очи—зритъ;
Въ комъ живое чувство дышетъ,—
Въ томъ оно заговоритъ.
Я не дамъ тебѣ отвѣта,
Возражать не буду я:
Блескомъ внутренняго свѣта,
Жаромъ тайнаго огня,
Вѣчной истиной согрѣта
Жизнь народа для меня!

Если западнику вздумается „сиви-
лизовать“ народъ, то изъ его попы-
токъ выйдетъ нѣчто весьма комиче-
ское. Въ такомъ именно положеніи
очутился князь Луповицкій, герой
комедіи К. Аксакова того же назва-
нія (написанной въ 1851 г., но на-
печатанной въ 1856 г.). Прибывъ
въ свою деревню изъ Парижа,
князь произноситъ передъ крестъ-
янами глупую рѣчь, въ которой обѣ-

щаетъ „разсѣять“ среди нихъ „сѣ-
мена умственныхъ“, передать имъ
„нравственные сокровища, добытыя
отъ Запада Европы“. Но ему не
удается провести въ жизнь ни одной
своей реформы: народный бытъ прочно
держится на своихъ устояхъ; въ
немъ все слажено, все имѣетъ свой
внутренній смыслъ. Старостѣ Антону
не стоило большого труда доказать
абсурдность барскихъ затѣй, нелѣ-
пыхъ въ сравненіи съ вѣковой народ-
ной правдой. Пораженный однимъ
мудрымъ рѣшеніемъ мірской ссудки,
князь окончательно пасуетъ и въ
заключеніе признаетъ нравственное
превосходство мужицкой общины:
„il est imposant ce mîr... Mîrъ по-
знакомилъ меня съ собой своимъ воз-
вышеннымъ, истинно благороднымъ
поступкомъ. Я уѣду отсюда съ боль-
шимъ почтеніемъ къ народу. Je vous
estime, monsieur le peuple“. Такъ
деревня осрамила и исправила запад-
ника.

Крестьянская жизнь въ изображе-
ніи славянофиловъ, дѣйствительно,
является какой-то imposant. Разу-
мѣется, они не могли не знать о
реальныхъ нуждахъ деревни. Чита-
телю нетрудно заключить о томъ,
какъ жилось крестьянамъ графа
Долинскаго, пріятеля кн. Луповиц-
каго, если помѣщикъ, жуирующій
за границей, полагаетъ, что мужики
существуютъ на свѣтѣ для того,
„чтобы намъ давать средства на всѣ
сivilизованныя удовольствія“. И.
Аксаковъ въ „Зимней дорогѣ“ до-
рисовываетъ картину подобныхъ от-
ношеній помѣщика къ крестьянамъ.
Господа живутъ „въ Питерѣ или въ
чужихъ сторонахъ“; денегъ имъ
„Богъ вѣсть что посылаютъ“. Имѣ-

12

Николай Владимирович Станкевичъ

Съ акварели Л. Беккера.
(Коллекція А. И. Станкевича).

„ИСТОРИЯ РОССИИ ВЪ XIX ВѢКѢ“. Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К^{ии}“.

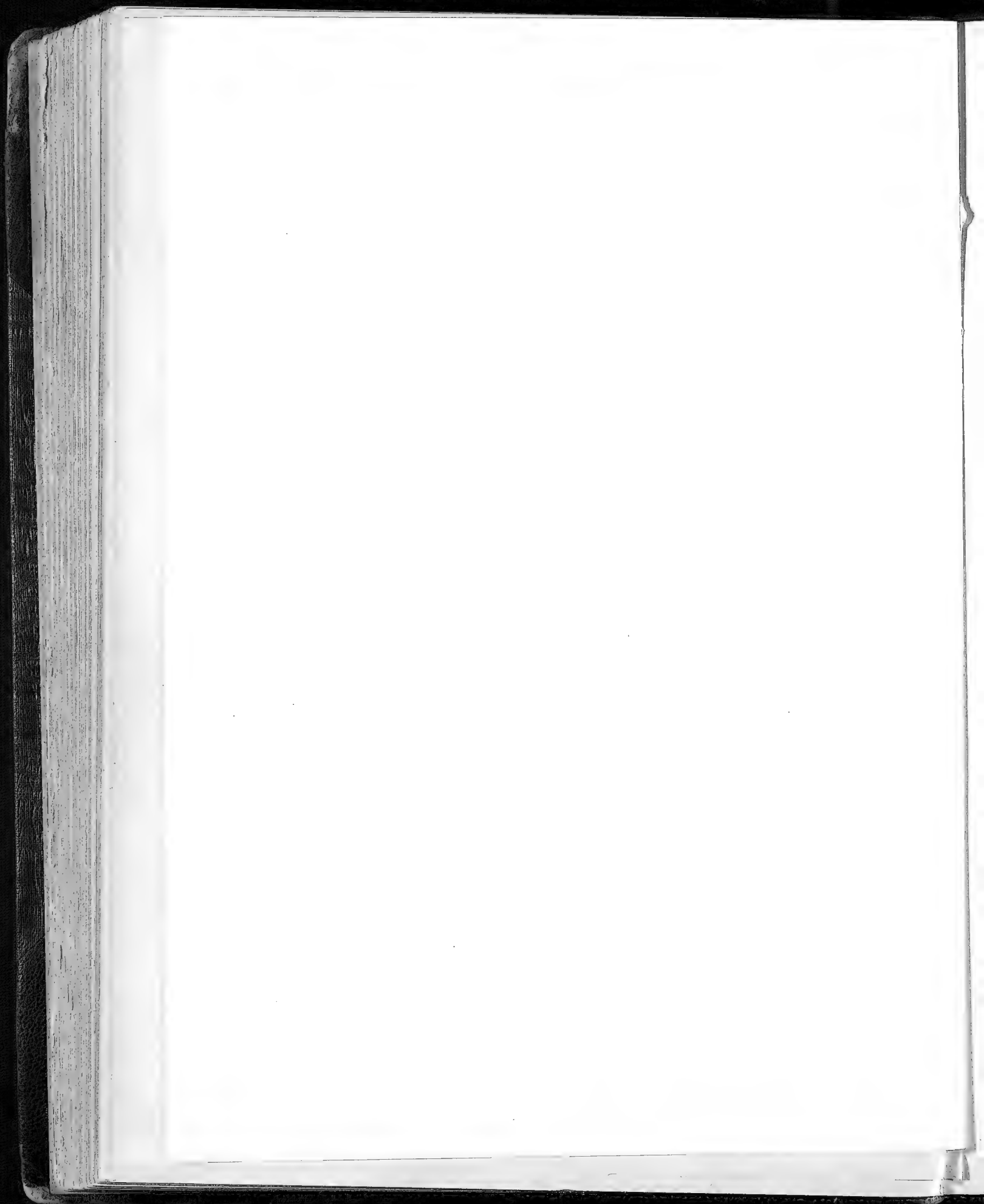
THE HISTORY OF THE

REIGN OF

CHARLES THE FIRST

BY JOHN BURNET

ніемъ управляетъ нѣмецъ, вконецъ разорившій мужиковъ. „Да, прежде крестьяне жили изрядно“, разсказываетъ хозяинъ постоялаго двора, „а тепереча жаловаться стали—управитель изъ нѣмцевъ и не вѣсть что творить!..“ И кончается „Licentia poetica“ выразительной сценой. Сынъ хозяина, Петръ, только что вернувшійся изъ города, куда онъ ходилъ „съ гостинцемъ“, сообщаетъ, что „пришла изъ Петербурга вѣсть вѣрная: черезъ мѣсяцъ, говоритъ, по пяти душъ съ тысячи наборъ!“ Мужики ошеломлены, бабы поднимаютъ ревъ. Ящеринъ торопится вонъ изъ избы, и господа, звеня колокольчиками, уѣзжаютъ куда-то на праздникъ. Здѣсь нельзя не видѣть явнаго намѣренія автора противопоставить барское и мужицкое житье-бытье. Получается картина, дѣйствительно, наводящая на грустные размышленія. Но эти размышленія у читателя славянофильскихъ произведеній подавляются другими впечатлѣніями.

„Управитель изъ нѣмцевъ“ угнетаетъ и разоряетъ мужиковъ, а господа повинны только въ легкомысліи, въ неграмотности. Другое дѣло, если помѣщикъ самъ слѣдитъ за своимъ хозяйствомъ или поручить его русскому старостѣ Антону. Ки. Луповицкій тоже живетъ „въ чужихъ сторонахъ“, но крестьянамъ его подѣ управленіемъ Антона жаловаться не на что: „намъ грѣхъ Бога гнѣвить, намъ хорошо“, говоритъ одна изъ бабъ. Мужикъ Луповицкаго живетъ въ полномъ достаткѣ и если въ чемъ нуждается, такъ въ томъ, чтобы баринъ купилъ для деревни „священныхъ книгъ“. Но, главное, крестьянскій міръ, при всей его

бѣдности и видимомъ невѣжествѣ, производитъ „импозантное“ впечатлѣніе своей внутренней мощью, скрытой въ его нѣдрахъ духовной силой, той „вѣчной истиной“, которую непосредственнымъ чувствомъ постигаетъ славянофилъ Архиповъ.

Народъ—сфинксъ, народъ—величавый хранитель правды жизни, рискуетъ заслонить мизерную фигуру настоящаго крѣпостного мужика, изнемогающаго отъ барщины и стонущаго подъ ударами розогъ.

Отъ всѣхъ изображеній русской жизни въ произведеніяхъ славянофиловъ вѣетъ чѣмъ-то искусственнымъ и предвзятымъ. „Ни одинъ изъ нихъ“, говоря словами Тургенева, „не сумѣлъ спять съ себя—хоть на мгновенье—своихъ окрашенныхъ очковъ“. Художникъ—славянофилъ, связанный крѣпкими путами своей догмы, какъ бы утрачиваетъ способность просто, непосредственно взглянуть на жизнь. И Тургеневъ въ значительной степени правъ, когда въ этомъ отсутствіи внутренней свободы видѣлъ причину того, „почему ни одинъ изъ славянофиловъ, несмотря на ихъ несомнѣнные дарованья, не создалъ никогда ничего живого“. Дѣйствительно, славянофилы сороковыхъ годовъ не оставили намъ ничего значительнаго въ художественномъ отношеніи, никакихъ яркихъ литературныхъ образовъ, никакихъ законченныхъ типовъ, а сумѣли дать лишь стихотворное и драматизированное изложеніе своихъ воззрѣній, сочинить рядъ литературныхъ иллюстрацій къ основнымъ положеніямъ своей идеологій.

Всѣ наиболѣе выдающіеся художники слова оказались на сторонѣ *западниковъ* (употребляя этотъ терминъ

въ самомъ широкомъ, нѣсколько условномъ значеніи, въ смыслѣ противоположности славянофильству). Тутъ все благопріятствовало свободному размаху творчества; широта общественно-политическаго міровоззрѣнія, трезвое отношеніе къ русской жизни, искреннее общеніе съ культурой Запада, чуждое боязни измѣнить народному духу,—все это не только не сковывало таланта, а, напротивъ, давало ему рядъ благотворныхъ импульсовъ. Къ непосредственнымъ воздѣйствіямъ русской жизни присоединялось вліяніе иностранныхъ писателей, мыслителей и художниковъ Запада, особенно французскихъ социалистовъ, Жоржъ Занда, В. Гюго, Б. Ауэрбаха, Бальзака, Гейне, Диккенса и друг. Въ атмосферѣ западничества воспиталась и творила свои знаменитыя произведенія „плеяда сороковыхъ годовъ“, тѣ писатели, которые подняли нашу литературу на такую художественную и идейную высоту, что сдѣлали ее предметомъ уваженія и изученія со стороны самого Запада. Въ произведеніяхъ Герцена, Тургенева, Некрасова, Гончарова, Л. Толстого съ художественной полнотой и силой отразилась русская жизнь во всемъ разнообразіи ея красокъ, со всѣми тревожными запросами общественной мысли, съ самыми интимными движеніями народной души.

Темы и здѣсь, пожалуй, были тѣ же, что у славянофиловъ, но въ совершенно другой постановкѣ и съ совершенно другимъ освѣщеніемъ.

Въ лицѣ Кольцова, который по своимъ симпатіямъ принадлежалъ также къ лагерю „западниковъ“, выступилъ человѣкъ, находившійся въ не-

посредственно близкихъ отношеніяхъ къ народу; стихійная сила поэтическаго внушенія влекла его къ мотивамъ народной пѣсни, къ изображенію горя и поэзіи земледѣльческаго быта. Кольцову не нужно было дѣлать надъ собой усилій, чтобы оставаться правдивымъ и искреннимъ въ своемъ творествѣ. „Онъ не для фразы, не для краснаго словца, не воображеніемъ, не мечтою, а душою, сердцемъ, кровью любилъ русскую природу и все хорошее и прекрасное, что, какъ зародышъ, какъ возможность, живетъ въ натурѣ русскаго селянина“, писалъ Бѣлинскій: „не на словахъ, а на дѣлѣ сочувствовалъ онъ простому народу въ его горестяхъ, радостяхъ и наслажденіяхъ“.

Инымъ было положеніе писателей изъ дворянъ. Но и они старались подойти къ мужику просто, какъ къ человѣку, со стороны его социальнаго положенія и подвергнуть художественному анализу прежде всего крѣпостной строй Россіи. Отъ этой очередной задачи не уклонился ни одинъ изъ крупныхъ беллетристовъ эпохи.

Григоровичъ въ повѣсти „Деревня“ (1846) еще неискусной кистью, съ грубоватымъ, но правдивымъ реализмомъ набросалъ сцены деревенской жизни, гдѣ царятъ невѣжество, пьянство и какая-то примитивная жестокость. Авторъ даетъ понять читателю, что причинъ, деморализующихъ деревню, нужно искать въ помѣщицкой власти и фабрикѣ. Слѣдующая повѣсть Григоровича „Антонъ Горемыка“ (1847 г.) еще болѣе затрогивала чувствительныя струны читательской души. Щедринъ называетъ

ее „свѣжимъ глоткомъ воздуха“, а Бѣлинскій признается, что ни одна русская повѣсть не производила на него „такого страшнаго, гнетущаго, мучительнаго, удушашаго впечатлѣнія“. „Читая ее“, говоритъ онъ, „мнѣ казалось, что я въ конюшнѣ, гдѣ благонамѣренный помѣщикъ поретъ и истязуетъ цѣлую вотчину—законное наслѣдіе его благородныхъ предковъ“. Трезво и съ большимъ знаніемъ дѣла изображаетъ народный бытъ и Писемскій („Плотничья артель“, „Питерщикъ“). И. С. Тургеневъ, давшій аннибалову клятву бороться съ крѣпостнымъ правомъ, своими „Записками Охотника“, этими неподражаемыми художественными миниатюрами, при всей мягкости его письма, заставляетъ читателя перечувствовать весь ужасъ положенія крѣпостнаго, который принужденъ отдавать во власть барина не только свой трудъ, но и всю свою внутреннюю жизнь.

Въ то же время раздаются первые звуки скорбной лиры Некрасова, его пѣсни про горе и нищету деревенскаго люда, его сатиры на пустую жизнь отцовъ, которая текла, „среди пировъ, безсмысленнаго чванства, разврата грязнаго и мелкаго тиранства“, когда „рой подавленныхъ и трепетныхъ рабовъ завидовалъ житью послѣднихъ барскихъ псовъ“. Н. Ф. Павловъ (повѣстью „Имянины“) и Искандеръ (Герценъ) произведеніями „Сорока-воровка“ и „Кто виноватъ“ вносятъ новый штрихъ въ обычную картину крѣпостной жизни, изображая, какъ ранѣе Бѣлинскій въ „Дм. Калининѣ“, трагизмъ крѣпостной интеллигенціи, для которой талантъ и образованіе были лишнимъ источ-

никомъ нравственныхъ мукъ. Любонька, незаконная дочь помѣщика Негрова, полна инстинктивной любви къ родной ей средѣ и задается многозначительнымъ вопросомъ: „отчего крестьяне нашей деревни лучше всѣхъ гостей, которые ѣздятъ къ намъ изъ губернскаго города и изъ сосѣдства, и гораздо умнѣе ихъ; а вѣдь тѣ учились и все—помѣщики, чиновники, а такіе все противные“. Отвѣтъ на ея вопросъ читатель находилъ въ „Запискахъ Охотника“ Тургенева, гдѣ тонкій художникъ въ лицѣ Хоря, Калиныча, Касьяна съ Красивой Мечи, Яши (въ „Пѣвцахъ“), Лукерьи (въ „Живыхъ мощахъ“), крестьянскихъ ребятъ „Бѣжина луга“ и прочихъ „положительныхъ“ типовъ любовно и безъ славянофильскаго мистицизма воплощалъ лучшія свойства народной души, все богатство ея природныхъ силъ.

Какъ ни много вниманія удѣляла художественная литература западниковъ вопросу о положеніи народа, но мы не слышимъ и въ ней прямого требованія освобожденія крестьянъ, не встрѣчаемъ такихъ тирадъ, которыя нерѣдки въ „Путешествіи“ Радищева или даже въ „Деревнѣ“ Пушкина и „Дм. Калининѣ“ Бѣлинскаго. Завѣтная мысль затушевана, и это даетъ основаніе нѣкоторымъ критикамъ утверждать, что „вообще въ смыслѣ протеста сдѣлано такъ мало, что мы только тѣшимъ свое интеллигентное самолюбіе, стараясь слѣпить большой комъ изъ крошекъ“ (Евг. Соловьевъ). Преувеличивать размеры протеста, разумѣется, нечего. И цензурныя условія, и „кровныя связи“ писателей съ крѣпостнымъ бытомъ и, наконецъ, ихъ барская мане-

ра—все это должно было смягчать и понижать тонъ обличеній. Но при исторической оцѣнкѣ необходимо стать на точку зрѣнія людей сороковыхъ годовъ. Каждый образъ, каждая сцена говорили имъ несравненно больше, чѣмъ намъ; говорили о томъ, какъ губить крѣпостное право народную жизнь, какъ страдаетъ въ крестьянинѣ человѣкъ, какъ пропадаютъ даромъ всѣ сокровища народного ума и сердца. Литература не только возбуждала чувство жалости къ мужику, но своимъ правдивымъ и глупымъ освѣщеніемъ социальныхъ условій народной жизни внушала опредѣленную идею о необходимости положить предѣлъ ненормальнымъ общественнымъ отношеніямъ. Устами нашихъ художниковъ говорили общественная совѣсть и зрѣлая гражданская мысль.

Проснулась совѣсть „*кающагося дворянина*“, и онъ спѣшитъ посвятить свою жизнь благу народа. Но нелегкое это было дѣло. К. Аксаковъ осмѣялъ „сцивилизатора“—западника, а западникъ Тургеневъ, въ свою очередь, подмѣтилъ комическую сторону въ славянофильскомъ „слиянїи“ съ народомъ. Любозвоновъ, рассказываетъ однодворецъ Овсянниковъ, ходилъ „въ плисовыхъ панталонахъ, словно кучеръ, а сапожки обулъ съ оторочкой; рубаху красную надѣлъ и кафтанъ тоже кучерской; бороду отпустилъ, а на головѣ така шапюнька мудреная, и лицо такое мудреное,—пьянъ, не пьянъ, а и не въ своемъ умѣ“. Собравши мужиковъ, герой, прототипомъ для котораго послужилъ К. Аксаковъ, произноситъ не менѣе странную рѣчь,

чѣмъ кн. Луповицкій.—Неудача постигаетъ и другого „народника“, помѣщика Королева (также въ рассказѣ „Однодворецъ Овсянниковъ“), который, несмотря на всѣ свои добрыя намѣренія, не сумѣлъ сдѣлать ничего путнаго для своихъ крестьянъ.—Л. Н. Толстой самъ пережилъ стадію подобнаго народничества и въ автобіографической повѣсти „Утро помѣщика“ (1852 г.) показалъ психологическую и социальную несообразность барской попытки „дѣйствовать на этотъ простой, воспрїимчивый, неиспорченный классъ народа, избавить его отъ бѣдности, дать довольство, передать имъ образованіе,... исправить ихъ пороки, порожденные невѣжествомъ и суевѣріемъ, развить ихъ нравственность, заставить полюбить добро“. Такая задача оказалась не подъ силу Нехлюдову, и ему съ отчаянія приходитъ въ голову мысль, зачѣмъ онъ не Илюшка, этотъ сильный, красивый деревенскій паренъ, который такъ любитъ свой извозный промыселъ и такъ цѣльно относится къ жизни. Надломленный, рефлектирующий интеллигентъ сознаетъ свою нравственную немошь. Западническая литература констатируетъ этотъ фактъ еще энергичнѣе, еще настойчивѣе твердитъ о немъ, чѣмъ литература славянофильская. Разница однако въ томъ, что славянофилу причина ясна, какъ Божій день; а западникъ подходит къ психологіи лишняго человѣка, какъ къ сложной личной и общественной проблемѣ.

Герои раннихъ произведеній Тургенева (Параша, Андрей Колосовъ, Бреттеръ, Три портрета), Бахтіаровъ

(въ „Тюфякъ“) и Батмановъ (въ „Мч. Батмановъ“) у Писемскаго—всѣ эти потомки Печорина и Грушницкаго, съ одной стороны,—Круциферскій и Бельтовъ у Герцена (въ романѣ „Кто виноватъ?“), Ельчаниновъ (въ „Боярщинѣ“) и Шамиловъ (въ „Богатомъ жепихѣ“) у Писемскаго, Нагибинъ (въ первой повѣсти Салтыкова „Противорѣчія“), Гамлетъ Щигровскаго уѣзда и Чулкатуринъ (въ „Дневникѣ лишняго человѣка“) у Тургенева, Александръ Адуевъ (въ „Обыкновенной исторіи“) у Гончарова и прочіе имъ подобные герои, съ другой стороны,—живое обличеніе *барской культуры* съ ея романтизмомъ, идеализмомъ и бездѣльемъ, культуры, питающей соками той почвы, которая орошена потомъ крѣпостного народа, и которая должна погибнуть вмѣстѣ съ крѣпостничествомъ. Предчувствіе этой гибели и порывы къ новому укладу жизни придаютъ литературѣ сороковыхъ годовъ высокій идейный смыслъ. Писатели какъ бы спрашиваютъ художественную трезну надъ старымъ помѣщичьимъ бытомъ. Съ благородной прямою поднимаютъ они руку на то, что должно быть такъ близко ихъ сердцу: они развѣчиваютъ людей, на которыхъ еще столь недавно общество смотрѣло снизу вверхъ; они выставляютъ напоказъ, на всеобщее позорное изъясненіе той самой дворянской культуры, которой они обязаны всѣмъ своимъ духовнымъ бытіемъ. Нужно заново перестроить свою жизнь и свое міросозерцаніе,—учила литература сороковыхъ годовъ. Жизнь требуетъ новыхъ людей. Дм. Як. Круциферскій, Бельтовъ, Александръ Адуевъ по своему идеальны люди,

но имъ не дождаться счастья и успѣха въ жизни. Круциферскій убѣждается, какъ призречень его романтическій культъ любви, какъ непрочно счастье, построенное на безпочвенномъ идеализмѣ. Бельтовъ дѣлается неудачникомъ и лишнимъ человѣкомъ столько же по винѣ „независящихъ обстоятельствъ“, сколько и вслѣдствіе своей неспособленности къ конкретной дѣйствительности, вслѣдствіе односторонности своего гуманитарно-романтического воспитанія. „Посудите сами, какую, ну, какую, скажите на милость, какую пользу могъ я извлечь изъ энциклопедіи Гегеля?“ съ воплемъ отчаянія говоритъ Гамлетъ Щигровскаго уѣзда: „Что общаго, скажите, между этой энциклопедіей и русской жизнью? И какъ прикажете примѣнить ее къ нашему быту, да не ес одну, энциклопедію, а вообще нѣмецкую философію... скажу болѣе—науку?... Значитъ не сидѣлъ дома да не изучалъ окружающей тебя жизни на мѣстѣ? Ты бы и потребности ея узналъ, и будущность, и насчетъ своего, такъ сказать, призванія тоже въ ясность бы пришелъ“. Точно такъ же и Нагибинъ, герой повѣсти Салтыкова „Противорѣчія“ (1847 г.), жалуется на безплодность своего существованія, на непримиримыя противорѣчія своей жизни и причину этого видитъ въ томъ, что ему „не дано практическаго пониманія дѣйствительности“, что умъ его „воспитали мечтаніями, не дали ему окрѣпнуть, отрезвиться“, что его „пустили наудачу по столбовой дорогѣ жизни“. А Александра Адуева положительный авторъ просго заставляетъ отка-

заться отъ своихъ романтическихъ бредней, отрезвѣть и пойти вслѣдъ за дядей, который начерталъ себѣ такой мудрый планъ жизни. Реалистическое воспитаніе въ духѣ Крестова-Герцена должно подготовить человѣка къ жизни, приучить его брать жизнь такой, какова она есть. „Мечтательность, романтизмъ, платоническая любовь“, говорилъ Герценъ въ статьѣ „По поводу одной драмы“, „все это въ наше время очень хорошо при переходѣ изъ отрочества въ юношество. Душа моется, расправляетъ крылья въ этомъ фантастическомъ морѣ, въ этомъ утонительномъ полумракѣ“. Но было бы печальной ненормальностью вѣчно пребывать въ этомъ состояніи. Изъ эмпирей человѣкъ долженъ спуститься на землю, долженъ бросить свои мечты и нытье, чтобы взяться за общественно-полезный трудъ. Уже Бельтовъ пробуетъ служить въ канцеляріи и представляетъ свою кандидатуру на выборную должность по дворянству. Весь романъ Гончарова „Обыкновенная исторія“ былъ художественной проповѣдью труда и отрезвленія. Въ борьбѣ дяди Адуева съ племянникомъ, по словамъ самого автора, отразилась тогдашняя, только что начинавшаяся ломка старыхъ понятій и нравовъ и, съ другой стороны, „слабые проблески новой зари, чего-то трезваго, дѣловаго, нужнаго“. „Наука, трудъ, практическое дѣло—вотъ что можетъ отрезать нашу праздную и больную молодежь“, поучаетъ Гончаровъ словами Петра Ив. Адуева. Дѣятельность самого Адуева—дяди мало одухотворена идейными началами,

но онъ важенъ, какъ типъ общественнаго работника, какъ представитель идеи труда, которая станетъ непрекаемой аксіомой для слѣдующаго поколѣнія, когда мыслящій реалистъ провозгласитъ, что жизнь—мастерская, и человѣкъ въ ней—работникъ.

Вмѣстѣ съ мужчиной пробуждается къ новой жизни и русская женщина. Ее не удовлетворяетъ болѣе мораль Татьяны Лариной, ей тѣсно въ традиціонныхъ границахъ семейнаго долга: она стремится завоевать себѣ свободу чувства и право на общественную жизнь. Идеи жоржъ-зандизма проникаютъ въ нашу литературу и жизнь, и уже показываются первыя ласточки женской эмансипаціи.

Жена Адуева—дяди, Елизавета Александровна, жила, повидимому, въ наилучшихъ условіяхъ; мужъ окружилъ ее „богатствомъ, роскошью, всѣми наружными и, сообразными съ его образомъ мыслей, условіями счастья“. А между тѣмъ ея настроеніе стало внушать серьезныя опасенія мужу. Приглашенный врачъ теряется въ догадкахъ, не находитъ никакой „фізіологической причины“ и готовъ предположить „причину чисто психологическую“. Наконецъ и самъ супругъ соображаетъ, что „ограждая жену методически отъ всѣхъ уклоненій, которыя могли бы повредить ихъ супружескимъ интересамъ, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, не представилъ ей въ себѣ вознаградительныхъ условій за тѣ, *можетъ быть*, непривилегированныя закономъ радости, которыя бы она встрѣтила внѣ супружества, что домашній ея міръ былъ не что иное, какъ

крѣпость, благодаря методѣ его неприступная для соблазна, но зато въ ней встрѣчались на каждомъ шагу рогатки и патрули и противъ всякаго законнаго проявленія чувства“. Умѣренный авторъ не сочувствуетъ рѣзкому рѣшенію вопроса, „поискавъ новаго труда, новаго счастья, съ принесеніемъ въ жертву лучшихъ женскихъ качествъ, полученныхъ отъ природы и воспитанія, побѣгамъ отъ прямого, скромнаго дѣла и трудныхъ семейныхъ обязанностей“. Но и онъ желаетъ для женщины свободы для „законнаго проявленія чувства“, осмысленнаго содержанія для ея жизни. Далѣе этого не идутъ и требованія самой Елизаветы Александровны.

Полинька Саксъ (въ романѣ Дружинина), мужъ которой принадлежитъ къ тому же типу, что и Петръ Ив. Адуевъ, безъ особыхъ идейныхъ мотивовъ, въ силу непосредственныхъ внутреннихъ своего неуравновѣшенно дѣтскаго темперамента, измѣняетъ „долгу“, и авторъ сумѣлъ разсказать про эту семейную катастрофу съ полной художественной объективностью, безъ морализированья по адресу невѣрной жены. Духъ времени уже требовалъ, по меньшей мѣрѣ, гуманной терпимости къ „грѣху“ женщины, болѣе свободнаго отношенія къ ея чувствамъ и запросамъ.

Соціалистъ Герценъ, естественно, склонялся къ болѣе радикальному рѣшенію женскаго вопроса. Онъ не можетъ стать ни на сторону „столпчатскаго формализма“, съ точки зрѣнія котораго бракъ существуетъ для брака, ни на сторону платоническаго идеализма, для котораго природа есть „развратившаяся идея“. Сердце,

страсти, „природа“ имѣютъ свои законныя права: „Сердце знаетъ, что наслажденіе есть также право всего живущаго, ищетъ его и манитъ имъ“. Бельтовъ возмущается, что „человѣкъ такъ себя забилъ, что не смѣетъ дать воли ни одному чувству“. Круциферская и онъ любятъ другъ друга, но какія-то условныя понятія мѣшаютъ имъ отдаться своему чувству, заставляютъ въ присутствіи другихъ разыгрывать „глупую комедію“. Зачѣмъ это нужно? Если любовь мужа дала ему права на женщину, „отчего же любовь другого, искренняя, глубокая, не имѣетъ никакихъ правъ? Это странно!..“ И Любовь Александровна Круциферская, обдумывая все пережитое во время роковаго свиданія съ Бельтовымъ, сама приходитъ къ тому же заключенію: „Онъ правъ—люди сами себя выдумываютъ терзанія.. Да! онъ правъ,—и его любовь имѣетъ права!“ Круциферская сознаетъ, что она виновница тяжелыхъ страданій мужа, „а, между тѣмъ, совѣсть моя чиста“, пишетъ она въ своемъ дневникѣ. Герцена не пугаетъ la femme émanciée, и въ прелюдіи къ „Сорокъ-воровкѣ“ его „европеецъ“ съ успѣхомъ оспариваетъ домостроевскіе идеалы „славянина“, доказывая, что, „если женщина отлучена отъ половины нашихъ интересовъ, занятій, удовольствій, такъ она въ половину менѣе развита и, браните меня хоть почешки, въ половину менѣе нравственна: твердая нравственность и сознаніе неразрывны“. Любовь и семья не могутъ и не должны быть исключительнымъ содержаніемъ жизни женщины. Круциферская чувствуетъ неудовлетворенность своимъ

мужемъ, который и себя и ее старается убаюкивать „дѣтскими вѣрваніями“: ея душа „ищетъ силы, отвагу мысли“; въ ней сказалась потребность „добиваться до истины, мучиться мыслию“. Любовь — „апофеоза жизни“, но „монополию любви надобно подорвать вмѣстѣ съ прочими монополіями“. Семейное призваніе женщины „никоимъ образомъ не мѣшаетъ ея общественному призванію. Міръ религіи, искусства, всеобщаго точно такъ жераскрыты женщинѣ, какъ намъ, съ тою разницею, что она во все вноситъ свою грацію, непреодолимую прелесть кротости и любви“. Вопросъ о любви и бракѣ рѣшается признаніемъ за обѣими сторонами равныхъ правъ на свободу чувства и полноту жизни. Поднимаясь въ сферу „всеобщихъ интересовъ“, „личныя страсти сами собою теряютъ важность и силу — и это единственный путь обузданія страстей—свободный и достойный человека“.

Пути раскрѣпощенія женщины были, такимъ образомъ, ясно намѣчены литературой сороковыхъ годовъ. Жоржъ-зандизмъ пускалъ корни въ общественное сознаніе; идея свободной любви дѣлалась популярной и вызывала такую тревогу въ нашихъ охранителяхъ, что цензура ухитрилась усмотрѣть „протестъ противъ брака“ даже въ „Боярщинѣ“ Писемскаго (1847 г.). Романъ въ сущности невиннаго свойства былъ запрещенъ цензурой и могъ появиться въ печати только черезъ десять лѣтъ.

Итакъ, литература сороковыхъ годовъ сумѣла уловить главные перемѣны, совершавшіяся въ идеяхъ и жизни дворянской интеллигенціи,

воспроизвести основныя черты историческаго кризиса.

Соціальный процессъ, отчетливо обозначившійся уже въ Николаевскую эпоху, выдвигалъ рядомъ съ дворянствомъ *другіе общественные элементы*, которымъ принадлежало будущее. Литература не могла не отразить и этого факта.

И раньше, конечно, наши писатели не избѣгали героевъ недворянскаго или, по крайней мѣрѣ, незнатнаго происхожденія. Не говоря уже объ Акакіи Акакіевичѣ, самъ Пав. Ив. Чичиковъ не могъ похвалиться знатностью своего рода. „Темно и скромно происхожденіе нашего героя“, сообщаетъ авторъ: „Родители его были дворяне, но столбовые или личные—Богъ вѣдаетъ“. Въ данномъ отношеніи чрезвычайно любопытенъ сюжетъ ненаписанной трагедіи Лермонтова. „Молодой человекъ въ Россіи, который не дворянскаго происхожденія, отвергаемъ обществомъ, любовью, унижаемъ начальниками.— Онъ былъ изъ поповичей или изъ мѣщанъ; учился въ университетѣ и вояжировалъ на казенный счетъ. Онъ застрѣливается“. Вотъ что сохранилось отъ плана трагедіи. Авторъ „Героя нашего времени“ задумываетъ написать драму русскаго разночинца. И нужно отдать ему справедливость, вѣрно схватываетъ суть дѣла: отвергаемый и унижаемый разночинецъ застрѣливается.

То, что было болѣе или менѣе случайнымъ ранѣе, дѣлается обычнымъ сюжетомъ нашей литературы со времени возникновенія натуральной школы. Авторы „физиологическихъ очерковъ“ охотно спускались въ демократическіе слои общества,

въ среду интеллигентнаго пролетаріата и городской голытьбы.

Герценъ, вливъ въ жилы Бельтова наполовину мужицкой крови, однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ своего романа „Кто виноватъ?“ дѣлаетъ разnochинца, Круциферскаго. Съ искренней теплотой описываетъ онъ жизнь уѣзднаго лѣкаря Круциферскаго, которая „была огромнымъ продолжительнымъ геройскимъ подвигомъ на неосвѣщенномъ поприщѣ, награда — насущный хлѣбъ въ настоящемъ и надежда не имѣть его въ будущемъ“.

Среда, въ которую ненадолго заглянулъ авторъ „Шинели“, нашла себѣ усердныхъ бытописателей. Прямымъ продолжателемъ Гоголя является Ѳ. М. Достоевскій не только въ знаменитыхъ „Бѣдныхъ людяхъ“ (1845 г.) но и въ рядѣ другихъ повѣстей („Двойникъ“, „Прохарчинъ“, „Слабое сердце“, „Чужая жена“, „Романъ въ девяти письмахъ“, „Елка и свадьба“). „Маленькіе люди“ Достоевскаго не производятъ уже такого жалкаго впечатлѣнія, какъ Акакій Акакіевичъ: ученикъ Гоголя какъ бы вноситъ поправку въ точку зрѣнія своего учителя; недаромъ Макаръ Дѣвушкинъ протестуетъ противъ „Шинели“ Гоголя. Невидные герои Достоевскаго обыкновенно полны сознанія своего достоинства. „Я даже горжусь тѣмъ, что не большой человѣкъ, а маленький“, заявляетъ Голядкинъ въ „петербургской поэмѣ“ „Двойникъ“. А ближайшій родственникъ Акакія Акакіевича, Макаръ Дѣвушкинъ (въ „Бѣдныхъ людяхъ“) надѣленъ не только отзывчивымъ сердцемъ, но и способностью къ самопожертвованію. „Совѣстно курить табакъ, когда у

другихъ и хлѣба-то нѣтъ“, заявляетъ онъ.

Жизнь столицы и именно та жизнь, которая протекаетъ въ маленькихъ квартиркахъ и углахъ, замѣтно приковываетъ къ себѣ вниманіе писателей. Весьма типичнымъ симптомомъ литературныхъ настроеній является сборникъ „Физиологія Петербурга“, изданный подъ редакціей Некрасова въ двухъ частяхъ (1845 г.). Во „Вступленіи“ обстоятельно мотивируется необходимость „физиологическихъ очерковъ“ и рекомендуется данное изданіе, какъ „опытъ характеристики Петербурга, нѣсколько очерковъ его внутреннихъ особенностей“. Въ составъ сборника вошли между прочимъ произведенія Бѣлинскаго („Петербургъ и Москва“), В. И. Луганскаго („Петербургскій дворянинъ“), Д. В. Григоровича („Петербургскій шарманщикъ“), И. И. Панаева („Петербургскій фельетонистъ“), В. П. Гребенки („Петербургская сторона“) и самого Некрасова („Петербургскіе углы и Чинovníкъ“). Бѣлинскій считалъ „Чинovníка“ „однимъ изъ лучшихъ произведеній русской литературы 1845 года“ и приходилъ въ восторгъ отъ „Петербургскихъ угловъ“. Съ жуткой простотой описываетъ Некрасовъ жизнь петербургскихъ угловъ, гдѣ находятъ себѣ приютъ и дворовый человѣкъ, и спившійся учитель и прочій горемычный людъ. Не только Тростниковъ, которому поручено вести рассказъ, но и самъ авторъ по собственному опыту зналъ эти углы и въ своихъ стихотвореніяхъ любилъ брать сюжеты изъ міра столичной бѣдности. Тяжелая борьба за существованіе привила и самому Некрасову черты интеллигентнаго проле-

тарія. Жизнь озлобляла его, убивала въ немъ тотъ „идеализмъ, который въ разрѣзъ шель съ жизнью“ и развивала въ немъ „практическую смѣтку“. Когда ему приходилось подвыпить въ компаніи идеалистовъ, онъ „со страшнымъ цинизмомъ“ принимался отрицать „всѣ самыя благородныя стремленія и проповѣдывалъ жестокий эгоизмъ и древнее правило—око за око, зубъ за зубъ“. Это показаніе Некрасова объясняетъ намъ многія стороны въ его психологич., особенно его стремленіе взять жизнь съ бою, завоевать себѣ матеріальное обезпеченіе, которое въ такой степени опредѣляетъ собою социальное положеніе людей *).

Вопросъ о богатствѣ и бѣдности не сходилъ со страницъ литературныхъ произведеній сороковыхъ годовъ и не переставалъ возбуждать интересъ читателей даже въ томъ случаѣ, если произведеніе и не отли-

*) Съ ѣдкимъ, жгучимъ юморомъ освѣтилъ же социальныя апомалии молодой Салтыковъ въ своей повѣсти „Запутанное дѣло“ (1848 г.). Теперь это произведеніе входитъ въ серію его „Невинныхъ разсказовъ“, а когда-то оно послужило причиной ссылки автора въ Вятскую губ. На фонѣ столичной петербургской жизни злобѣще выступаетъ фигура жалкаго неудачника Мичулина, который „отъ всей фигуры фортуны видѣлъ одинъ только задъ“. „Есть же гдѣ-нибудь для меня мѣсто! гдѣ же это мѣсто, гдѣ оно?“ съ безсильной злобой спрашиваетъ Мичулинъ. Авторъ не даетъ отвѣта на этотъ роковой вопросъ; не даютъ его и комическіе представители социализма, Беобахтеръ и Звонскій. И, какъ отъ улыбки приговореннаго къ смерти, жуткой болью наполняется сердце читателя отъ восклицанія автора: „Россія—государство обширное, обильное и богатое—да человѣкъ-то глупъ, мретъ себѣ съ голоду въ обильномъ государствѣ!“

чалось особенными литературными достоинствами. Такъ „Петербургскія вершины“ (ч. I въ 1845, ч. II въ 1846 г.) весьма скромнаго литератора, Я. Буткова, еще до своего появленія на свѣтъ вызывали, какъ свидѣтельствуемъ Бѣлинскій, всевозможныя толки. Печать отзывалась на нихъ рядомъ статей. Какъ ни слабъ талантъ автора, но въ свое время и онъ былъ замѣтной величиной потому, что писалъ о вопросѣ, который уже „вызывалъ во всѣхъ европейскихъ литературахъ множество беллетристическихъ произведеній, имѣвшихъ и имѣющихъ значительное вліяніе на умы“. Вал. Майковъ, которому принадлежатъ эти слова, подчеркиваетъ малообразованность Буткова и совѣтуетъ ему „познакомиться съ современными идеями... прямо изъ произведеній современной науки“, а особенно „заняться основательнымъ изученіемъ *экономическаго міра*, который онъ часто такъ вѣрно наблюдаетъ и такъ занимательно описываетъ“.

Литература втянула въ свою сферу явленія социально-экономической жизни, и намъ не кажется простой случайностью, что *Островскій* съ такой настойчивостью посвящаетъ свое творчество изображенію купечества, русскаго „экономическаго міра“. Конечно, извѣстное значеніе въ выборѣ сюжетовъ имѣютъ обстоятельства его личной жизни (какъ и у всѣхъ другихъ писателей); конечно, Замоскворѣчье для Островскаго начала пятидесятыхъ годовъ было важно преимущественно со стороны исконно-русской самобытности. Но безразлично появленіе единственнаго бытописателя русской буржуазіи въ то время, когда и другіе заняты вопросомъ о

богатствѣ и бѣдности, когда Вал. Майковъ сочиняетъ свою теорію долины, а Вл. Милютинъ пишетъ статьи о пауперизмѣ и пролетаріатѣ. Островскій трактуетъ жизнь купечества не столько въ качествѣ социально-экономическаго момента, сколько въ качествѣ національнаго вопроса, и въ этомъ онъ существеннымъ образомъ остается вѣренъ дѣйствительности: проблема о трудѣ и капиталѣ въ самой жизни стояла еще патриархально, она не была еще приведена въ должную ясность общественнымъ сознаниемъ и въ крѣпостническихъ отношеніяхъ не имѣла общепризнанной остроты. Тѣмъ не менѣе уже читатель Николаевской эпохи получалъ возможность по произведеніямъ Островскаго судить, что представляло собою въ положительномъ и отрицательномъ отношеніи наше купечество, какое вліяніе оказываетъ здѣсь капиталъ на тѣхъ, кто имъ владѣетъ и на тѣхъ, кто ему служитъ, и, наконецъ, какое мѣсто занимаетъ наша первобытная буржуазія среди другихъ классовъ и сословій. Купеческій міръ представленъ у него Большовымъ, Подхалюзинымъ, Гордѣемъ Торповымъ, съ одной стороны, Русаковымъ и Бородинымъ, съ другой. Какъ ни склоненъ былъ одно время Островскій идеализировать положительные черты замоскворѣцкаго быта, но онъ не скрылъ деморализующаго вліяніе капитала, который развиваетъ деспотизмъ и самодурство въ однихъ; забитость и обезличеніе въ другихъ, не затушевалъ отсутствія нравственной цѣльности въ изображаемомъ классѣ. Мы видимъ, что наше доморощенное купечество (Гордѣй Тор-

повъ и Коршуновъ), заражается европеизмомъ, и, очевидно, готовится перейти въ рангъ коммерсантовъ европейскаго склада. Но это—дѣло будущаго. Пока же авторъ старательно подчеркиваетъ всѣ комическія проявленія купеческаго европеизма и заставляетъ Русакова произносить солидныя рѣчи о превосходствѣ русскихъ началъ жизни. Русаковъ или какой-нибудь Бородинъ съ гордостью носятъ свое званіе и не прельщаются соблазнами цивилизаціи. Они видятъ, какъ жадно всѣ, въ томъ числѣ и дворяне протягиваютъ руку къ золотому мѣшку. Купецъ сознаетъ силу капитала и въ качествѣ его обладателя полонъ чувства собственнаго достоинства. „Полноте, ваше благородіе“, обрываетъ Русаковъ вкрадчивыя и льстивыя реплики дворянина Вихорева: „мы люди простые, ѣдимъ пряники не писанные, гдѣ намъ? Вѣдь насъ только за карманъ и уважаютъ“. Хотя званіе купца въ 20—40-хъ годахъ, говоритъ Гончаровъ, „не было лестно“, но, подчиняясь „духу времени“, онъ ко всѣмъ доблестямъ Петра Ив. Адуева, директора и тайнаго совѣтника, присоединяетъ еще одну—дѣлаетъ его заводчикомъ. Въ этой именно формѣ авторъ хотѣлъ выразить „слабое мерцаніе сознанія необходимости *труда*, настоящаго, не рутиннаго, а *живого дѣла*, въ борьбѣ съ всероссійскимъ застоємъ“.

Итакъ, мы видимъ, что въ Николаевскую эпоху различными средствами и въ различныхъ направленіяхъ ведется упорная борьба съ „всероссійскимъ застоємъ“, который такъ оберегало наше правительство. Художественная литература, съ своей сто-

роны, насколько позволяли ей
вышнія условія, съ достоинствомъ
выполняла свою социальную роль.
Освѣтивъ положеніе народа, дворян-
скаго класса, интеллигенціи, город-
ского пролетаріата и купечества, лите-
ратура не только дала художествен-
ное воспроизведеніе наличныхъ взаи-
моотношеній, но и помогла уясненію
тѣхъ общественныхъ идеаловъ, осу-
ществленія которыхъ столь напря-
женно ждала николаевская Россія.
Прежде чѣмъ пало крѣпостное право
и повлекло за собою соотвѣтствующія
измѣненія въ социально-экономиче-
ской структурѣ Россіи,—прогрессивное
меньшинство уже набрасывало кон-
туры будущаго и высказывало идеи,
которымъ суждено было дальнѣйшее
развитіе въ эпоху шестидесятихъ
годовъ.

Правительственная реакція, при-
нявшая безумные размѣры послѣ
1848 г., повергала въ отчаяніе всѣхъ,

кто ясно видѣлъ, въ чемъ заключается
спасеніе родины. Страшно читать
стихотвореніе И. С. Аксакова, отъ
1849 г.:

Пусть гибнетъ все, къ чему сурово
Такъ долго духъ готовленъ былъ...

.....
Слабѣйте, силы! вы не пужны!
Засни ты духъ! давно пора!
Разсѣйтесь всѣ, кто были дружны
Во имя правды и добра!

Грановскій предается безнадежному
унынію. Никитенко высказываетъ опа-
сеніе, что ненавистный порядокъ „мо-
жетъ затянуться надолго—на 50, на
60 лѣтъ“ и боится „умереть въ этой
глухой, дикой, каменной Аравіи,
вдали отъ Земли Святой, отъ Сіона, гдѣ
можно жить и „пѣть высокія пѣсни.“
Понадобилась севастопольская ката-
строфа, чтобы разрубить крѣпко сти-
нутый узелъ и ускорить переходъ
Россіи въ новый періодъ граждан-
ственности.

ГЛАВА XIV.

Внѣшняя политика Россіи въ первыя десятилѣтія XIX вѣка.

(М. Н. Покровскаго).

1.

Тильзитъ.

Въ 1807 году Савари доносилъ
Наполеону изъ Петербурга, что по-
ловины тысячи двухсотъ кораблей,
входящихъ ежегодно въ Неву, но-
сятъ британскій флагъ. Все петер-
бургское купечество обязано своимъ
благосостояніемъ торговлѣ съ Ан-
глійей; большая часть купцовъ—ан-

гличане или англійскаго происхожде-
нія; для остальныхъ—нѣмцевъ или
русскихъ—коммерческій интересъ
сдѣлалъ Англію вторымъ отече-
ствомъ. Сами дворяне—данныки Ве-
ликобританіи; продавая ей лѣсъ изъ
своихъ обширныхъ вотчинъ, они
видятъ въ этомъ свой наиболѣе

прочный и постоянный доходъ; сверхъ того, они привыкли смотрѣть на нее, какъ на присяжнаго поставщика большей части того, что имъ необходимо. Произведенія англійской промышленности повсюду распространены въ Россіи; каждую весну они привозятся въ огромномъ количествѣ; а тѣ, на которыя наложена запретительная пошлина, изготовляются на мѣстѣ, въ Россіи—но англійскими рабочими, переселившимися сюда нарочно съ этою цѣлью. Англія доставляетъ дворянамъ сукно для ихъ одежды, мебель для ихъ домовъ, посуду для ихъ стола—все включительно до бумаги, перьевъ и чернилъ; и, подчиняя себѣ ихъ вкусы и привычки, приучая ихъ къ своему комфорту, она связала съ собою всю Россію тонкими, но безчисленными и прочными узами *).

Основная ось внѣшней политики Россіи опредѣлялась такимъ образомъ сама собою: единственнымъ прочнымъ и постояннымъ союзникомъ Александра I могла быть только Англія. Русскій императоръ могъ не понимать этого и стремиться къ другимъ союзамъ; русское дворянство могло иногда не видѣть этого: объективный ходъ вещей былъ сильнѣе индивидуальных склонностей, сильнѣе сознательныхъ влеченій той или другой общественной группы. Отъ союза съ Англіей зависѣло будущее русскаго капитализма. Только подъ сѣнью этого союза его развитіе могло идти безпрепятственно; малѣйшее уклоненіе въ сторону усиливало родовыя муки новаго экономическаго строя, ставило подъ вопросъ хозяй-

ственную обеспеченность завтрашняго дня и, вызывая негодованіе всѣхъ, кто владѣлъ и правилъ, грозило самой непосредственной опасностью виновникамъ совершенной дипломатической ошибки. 11 марта 1801 года висѣло въ воздухѣ все время недолгаго союза Александра I съ Наполеономъ. О возможности дворцоваго переворота открыто говорили въ это время въ петербургскомъ обществѣ, а за границей даже писали и печатали. И постоянно около центра предполагаемаго заговора мы находимъ спокойную и самоувѣренную фигуру англійскаго дипломата. Александръ Павловичъ могъ негодовать на это, сколько угодно; онъ могъ увѣрять—и быть можетъ искренно—Наполеона, что онъ „ненавидитъ англичанъ столько же“, какъ и его собесѣдникъ. Красный мундиръ все равно былъ подлѣ: и если Александръ не хотѣлъ видѣть его въ качествѣ врага, ему оставалось только сдѣлать его своимъ другомъ.

Опытъ одиннадцати лѣтъ царствованія убѣдилъ его, что другого выхода не оставалось. Но то, что представляется намъ теперь яснымъ а priori, никогда не бываетъ такимъ для современниковъ. Дипломатическая исторія перваго царствованія XIX вѣка и начинается съ попытокъ сойти съ протореннаго пути и открыть новую дорогу,—которую считаютъ лучшей именно потому, что она новая. Само собою разумѣется, что ничего абсолютно новаго придумать не могли: на шахматной доскѣ русской дипломатіи, какъ и всякой другой, были однѣ и тѣ же опредѣленные фигуры; можно было играть по выбору ферземъ или ладьей—но

*) A. Vandal, Napoléon et Alexandre I, I, 140.

нельзя было сдѣлать ладью ферземъ. Внѣшняя торговля Россіи,—съ тѣхъ поръ, какъ старый, московскій путь черезъ Архангельскъ сталъ проселкомъ,—могла идти или черезъ Балтику или по Черному морю. Берега Балтики раньше достались въ наши руки—за балтійской торговлей было преимущество традиціи. Но этотъ путь былъ закрытъ почти полгода. Лѣсъ переставалъ быть главною статьею русскаго отпуска; его все больше и больше вытѣсняла пшеница *). Наболѣе интересныя для мірового хлѣбнаго рынка черноземныя губерніи Россіи съ ихъ лучшей въ Европѣ пшеницей выходили какъ разъ къ Черному морю и были очень удалены отъ Балтійскаго. Здѣсь, на югѣ, навигація была возможна круглый годъ. И со времени Яскаго мира (1791 года) Россія была на сѣверномъ берегу Чернаго моря такой же хозяйкой, какъ и на восточныхъ берегахъ Балтики. Мысль—перенести центръ тяжести русскаго торгового на югъ—была слишкомъ соблазнительна для всякаго, кто искалъ новыхъ путей въ международной торговлѣ, а, стало быть, и въ международной политикѣ.

Эту мысль впервые высказалъ всѣми словами тотъ, для кого разрывъ Россіи съ Англіей былъ самымъ жизненнымъ дѣломъ. 16 февраля 1802 года Наполеонъ Бонапартъ, тогда еще первый консулъ Французской республики, писалъ императору Александру I: „Государство вашего величества и Франція пріобрѣли бы много выгодъ, если бы

открылась прямая торговля между нашими портами на Средиземномъ морѣ и Россіей черезъ Черное море. У Екатерины былъ такой планъ. То было бы одно изъ самыхъ полезныхъ торговыхъ движеній: оно самое прямое и пошло бы по морямъ, всегда доступнымъ плаванію между владѣніями в. в-ва и Франціей. Мы могли бы везти изъ Марсели прямо въ порты Чернаго моря произведенія нашихъ колоній и мануфактуръ, а взаменъ получали бы хлѣбъ, лѣсъ и другіе предметы, легко доставляемые по большимъ рѣкамъ, впадающимъ въ Черное море. Если бы входило въ виды в. в-ва покровительствовать этой торговлѣ и дать ей движеніе, это прославило бы ваше царствованіе и скрѣпило бы новыми общими выгодами соединеніе нашихъ двухъ великихъ державъ“ *). Александръ, повидимому, былъ очень заинтересованъ этимъ проектомъ. Онъ оказывалъ всяческое покровительство французской торговлѣ и французскимъ купцамъ. Наполеонъ не забылъ упомянуть въ своемъ письмѣ, между прочимъ, о томъ горячемъ чувствѣ благодарности, которую питали къ русскому императору владѣльцы лионскихъ шелкоткацкихъ фабрикъ. Завоеваніе французской буржуазіей новаго рынка—если не самаго выгоднаго сейчасъ, то обѣщавшаго стать таковымъ въ близкомъ будущемъ—повидимому, готово было совершиться, при томъ мирнымъ, безкровнымъ путемъ. Одна—а можетъ быть рядъ завоевательныхъ войнъ, повидимому,

*) Письмо отъ 27 плувіоза X года (4/16 февраля 1802 г.). Сборникъ Русск. Истор. Общ. т. 70-й, стр. 338 и сл.

*) См. выше, стр. 7.

были сбережены для Франціи. Но Англія отнюдь не была такой соперницей, которую можно было бы заставить врасплохъ. Въ 1802 году мы находимъ уже въ Петербургѣ „англійскую партію“, которую называли еще „партіей войны“. Очень характерно, что во главѣ ея оказывались какъ разъ „молодые друзья“ Александра: Строгановъ и Чарторыйскій распространялись о „властолюбивыхъ видахъ Франціи“, Кочубей толковалъ о „нестерпимомъ угнетеніи“ Франціей прочихъ государствъ. Русское дворянство имѣло въ ихъ лицѣ такихъ же вѣрныхъ защитниковъ своихъ интересовъ во внѣшней политикѣ, какъ и во внутренней. Съ русско-французскимъ союзомъ случилось то же, что и съ мечтами объ ограниченіи крѣпостного права. Очень скоро обнаружилось, что съ дѣломъ отнюдь не слѣдуетъ спѣшить. Поведеніе французовъ на берегахъ Босфора внушало сильнѣйшее недоверіе. Бонапартъ, правда, охотно разговаривалъ съ русскимъ посломъ на ту тему, что „Турецкая имперія готова рухнуть въ Европѣ“, что она „разрушается до того, что остается только подобрать ея остатки“, и что онъ, первый консулъ, не помѣшаетъ, если эти остатки примутся подбирать Австрія и Россія. Но въ то же время въ Константинополь отпиралась цѣлая французская экспедиція „изъ офицеровъ всѣхъ родовъ оружія, въ особенности же инженерныхъ“. А французскій флотъ началъ обнаруживать явный интересъ къ берегамъ той же „разрушающейся“ Турціи. Всѣ эти факты съ торжествомъ подхватывались „англійской“ партіей—и скоро Александръ сталъ

ясно видѣть все „коварство“ политики Бонапарта на Востокѣ. Наибольше желательной союзницей здѣсь оказывалась не Франція, но Австрія. Съ конца 1802 года война съ Франціей уже висѣла въ воздухѣ.

Союзъ съ Австріей былъ традиціей для русской дипломатіи еще съ первой половины XVIII вѣка. У обѣихъ имперій былъ общій врагъ на Дунаѣ. Въ то же время онѣ были естественными конкурентками на Балканскомъ полуостровѣ: одна не могла шагу ступить безъ того, чтобы не опередить другую. Обѣ старались поэтому идти вмѣстѣ, не столько помогая другъ другу, сколько слѣдя другъ за другомъ. Усиленіе Россіи было ослабленіемъ Австріи и наоборотъ: „союзницы“ больше всего боялись, какъ бы одна не использовала другую въ своихъ одностороннихъ выгодахъ. Поэтому, когда Александръ впервые заговорилъ съ австрійскимъ правительствомъ о коалиціи противъ Франціи, отвѣты получались уклончивые. Пока Франція держалась въ извѣстныхъ границахъ, Австрія не желала возобновлять опыта революціонныхъ войнъ, отнюдь не оставившихъ по себѣ пріятнаго воспоминанія. Кампанія 1799—1800 гг. показывала, что и союзъ съ Россіей вовсе не является полной гарантіей успѣха. Притомъ та же кампанія оставила весьма плохую память о русскомъ императорѣ, какъ союзникѣ весьма капризномъ и требовательномъ, больше берущемъ, чѣмъ дающемъ. Правда, тогдашняго императора уже не было въ живыхъ. Но его наслѣдникъ былъ еще живой загадкой: въ области внѣшней политики, какъ мы сейчасъ увидимъ, онъ

былъ загадкой даже для самого себя.

Александр приходилось прибѣгать къ угрозамъ, чтобы склонить австрійскую дипломатію на рѣшительные шаги. Смотрите, говорилъ русскій императоръ о Наполеонѣ, „онъ помышляетъ только о вашей гибели“. „Если европейскія державы желаютъ во что бы то ни стало погубить себя“, прибавлялъ онъ съ дѣланнымъ равнодушіемъ, „я буду вынужденъ запереть всѣ свои границы, чтобы не быть запутаннымъ въ ихъ гибели. Впрочемъ, я могу оставаться спокойнымъ зрителемъ всѣхъ ихъ несчастій. Со мною ничего не случится; когда я захочу, я могу жить здѣсь, какъ въ Китаѣ“. Но Австрія прекрасно понимала, что ея разгромъ будетъ торжествомъ для Россіи на Дунаѣ. Дѣлать изъ своего труна мость, по которому Россія могла бы торжественно вступить на Балканскій полуостровъ, вовсе не входило въ планы габсбургскаго правительства. И оно оставалось въ выжидательной позиціи такъ долго, какъ только это было возможно.

Внѣшнія обстоятельства, независимія отъ его воли, вывели его изъ состоянія равновѣсія. Послѣ короткаго роздыха (Амьенскій миръ 27 марта 1802 года) борьба Англіи и Франціи вспыхнула вновь съ прежней силой. Все вниманіе и всѣ силы Наполеона были обращены на западъ, къ берегамъ Атлантическаго океана. Моментъ былъ необыкновенно благоприятный для того, чтобы попытаться вытѣснить французовъ изъ средней Европы. Въ то же время каждый шагъ Наполеона былъ новымъ вызовомъ для такого гнѣз-

да легитимизма, какимъ былъ вѣнскій дворъ. Нарушеніе наслѣдственныхъ правъ итальянскихъ государей, — самыхъ священныхъ правъ, какія только существовали, въ глазахъ людей стараго порядка, — разстрѣліаніе герцога Энгиенскаго — второе царубійство въ глазахъ тѣхъ же людей, наконецъ, принятіе бывшимъ артиллерійскимъ поручикомъ императорскаго титула — все это должно было переполнить чашу терпѣнія австрійскихъ феодаловъ такъ же, какъ и ихъ русскихъ друзей. Отзывы императора Александра о поведеніи европейскихъ державъ стали особенно горькими именно около эпохи коронаціи Бонапарта (лѣто 1804 года). Испытаніе было слишкомъ сильно, чтобы Австрія могла его выдержать: 13 октября 1804 года союзный договоръ съ Россіей былъ заключенъ.

Къ этому времени сама Россія давно уже находилась въ дипломатической войнѣ съ Франціей. Александръ Павловичъ только что пережилъ послѣднее колебаніе между двумя союзами. Когда между Франціей и Англіей возникъ споръ изъ-за о. Мальты — тотъ споръ, который и привелъ ихъ къ новой войнѣ, — Наполеонъ сдѣлалъ послѣднюю попытку удержать Россію на своей сторонѣ и отдалъ споръ на третейскій судъ русскаго императора. Французское предложеніе очень польстило Александру; онъ признавалъ также, что формальное право въ этомъ вопросѣ было на сторонѣ Франціи. Окружавшимъ императора представителямъ русскаго дворянства пришлось употребить не мало усилій, чтобы направить дѣло въ духѣ „національной системы“, —

13

Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ.

Съ портрета, писаннаго Н. В. Невревымъ. 1862 г.

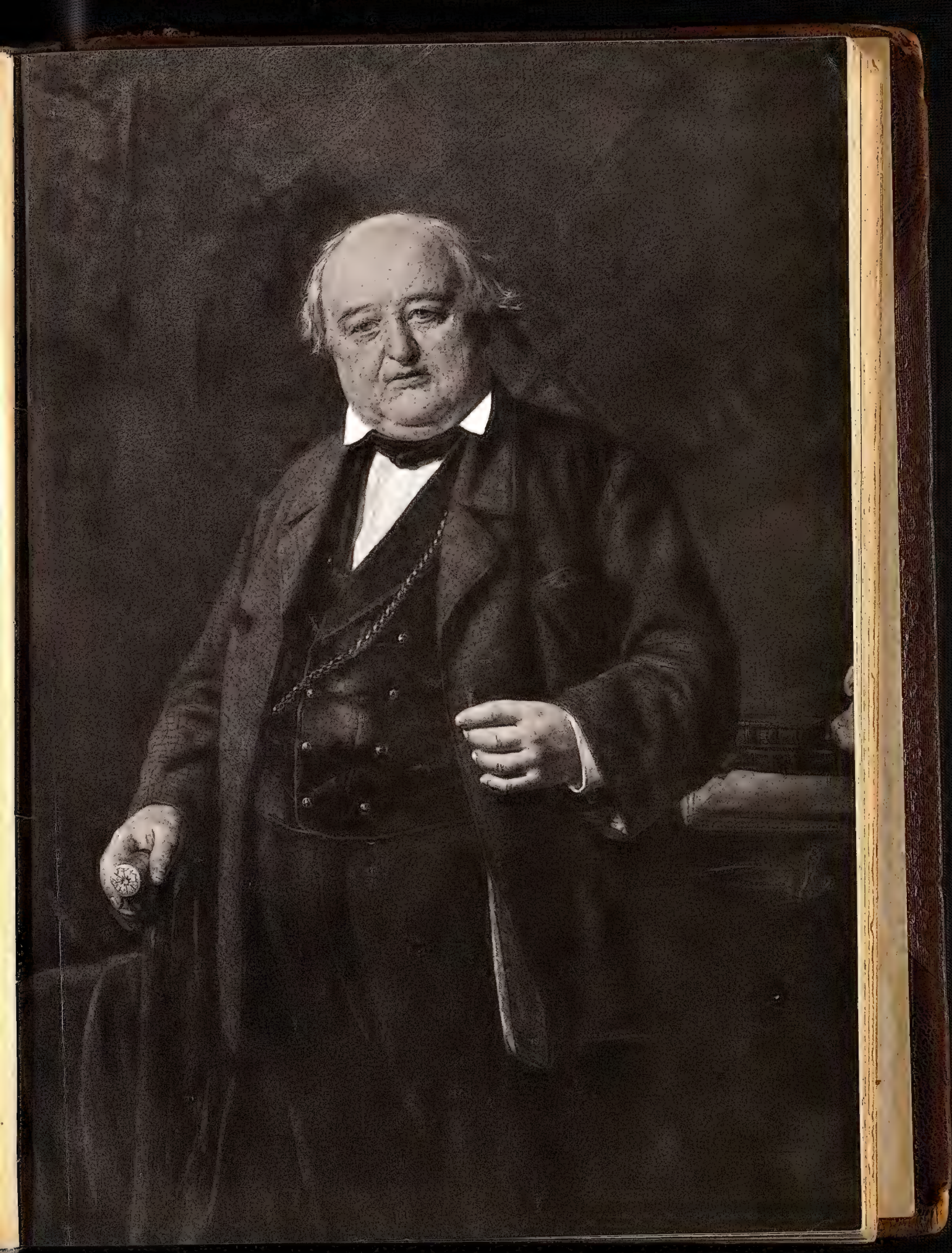
(Городская галлеря П. и С. Третьяковыхъ въ Москвѣ).

Михайловъ, Александръ Ивановичъ

О. подполковникъ, псевдонимъ Н. В. Неведомый, 1861 г.

(Псевдонимъ Гавриловъ П. И. С. Тихоновъ въ Москвѣ)

Н. П. Тихоновъ въ Москвѣ, 1861 г. (Псевдонимъ Гавриловъ П. И. С. Тихоновъ въ Москвѣ)

т. е. союза съ Англіей. Государственный канцлеръ гр. Александръ Воронцовъ въ Петербургѣ, его братъ Семенъ Воронцовъ въ Лондонѣ, гр. Морковъ въ Парижѣ защищали англійскіе интересы съ неустанной энергіей и съ искусствомъ, далеко превывшавшимъ искусство британской дипломатіи. Ихъ усиліями для принятія французскаго предложенія о посредничествѣ были выработаны такіа условія, на которыя Франція никакъ не могла пойти; англичане соглашались говорить о чемъ угодно, только не о Мальтѣ. Наполеонъ отказался отъ третейскаго суда русскаго императора — и отправился въ Булонь готовить свою знаменитую экспедицію противъ Англіи. Настроение французскаго общества было таково, что, къ великому удовольствію русскихъ дипломатовъ, о мирѣ не могло быть и рѣчи. Къ ихъ не меньшему удовольствію, самолюбіе Александра было сильно задѣто неудачей его посредничества, и коалиція противъ Франціи съ этого времени все болѣе и болѣе становится его любимой мечтой.

Въ то же время гр. Морковъ, парижскій посолъ Россіи, старался найти и другую слабую струну Александра, струну, которая пока звучала слабо, но на которой впоследствии Меттерниху удавалось достигать поразительнаго эффекта. При всемъ своемъ либерализмѣ и даже республиканизмѣ, Александръ былъ достаточно государемъ стараго порядка, чтобы не питать никакого сочувствія къ якобинской эпохѣ французской исторіи. „Съ прискорбіемъ, но и съ правдивостью я долженъ сказать вашему императорскому ве-

личеству“, доносили Морковъ, „что всѣ бумаги и всѣ поступки (французскаго правительства) отдають навсегда ненавистными временами Робеспьера и Директоріи и стремятся пробудить повсюду идеи мятежа и переворота, отъ которыхъ — какъ льстили себя нѣкоторое время мыслью — это правительство будто бы совершенно отказалось“. Подъ маской борьбы съ „идеями мятежа и переворота“ контръ-революція во Франціи все болѣе и болѣе становится одной изъ главнѣйшихъ задачъ коалиціи — и намъ придется встрѣчаться съ нею на каждомъ шагу. Въ 1804 году уже достаточно опредѣленно обрисовывался впереди 1814-й.

Матеріальная сторона дѣла могла считаться обезпеченной, разъ въ немъ участвовала Англія. Уже при самомъ началѣ ея конфликта съ Наполеономъ англійскому послу въ Петербургѣ было поручено заявить, что если бы Пруссія и Австрія соединились противъ Франціи, то „его британское в-ство готовъ бы былъ подписать съ Россіей договоръ о взаимной помощи, *размѣры которой зависятъ бы отъ числа употребленныхъ силъ и оказанныхъ услугъ*“. Нельзя было деликатнѣе — и въ то же время прозрачнѣе — предложить наемъ русскихъ штыковъ на англійскую службу. Но такъ какъ щекотливое самолюбіе русскаго императора могло быть задѣто даже такимъ предложеніемъ, то англійское правительство спѣшило скрасить грубую сдѣлку найма въ высокой степени лестной для Александра перспективой — стать Агамемнономъ Европы, — и заранѣе соглашалось на то, чтобы союзъ континентальныхъ державъ „противъ

видовъ и замысловъ Франціи“ быть поставленъ „подъ вліяніе его императорскаго величества“.

Но Агамемнономъ Европы легче было сдѣлаться подъ перомъ англійскихъ дипломатовъ, чѣмъ въ дѣйствительности. Мы видѣли, что даже феодальную Австрію, которой, во всякомъ случаѣ, контръ-революціонные планы были вполнѣ понятны и симпатичны,—даже ее удалось втянуть въ коалицію не безъ труда. Еще болѣе труда пришлось изтратить съ Пруссіей, которая въ своихъ дѣйствіяхъ гораздо больше руководилась соображеніями „реальной политики“, чѣмъ феодальными вожделѣніями. При всей личной дружбѣ Фридриха-Вильгельма и Александра, никто больше не испортилъ крови русскому императору въ 1804—5 гг., какъ именно Пруссія. Ей отнюдь не казалась ужасной перспектива разгрома Австріи Наполеономъ; конкуренція Австріи и Пруссіи въ Германіи была такимъ же эмпирическимъ закономъ дипломатической исторіи XVIII вѣка, какъ конкуренція Франціи и Англіи въ Европѣ вообще. При этомъ въ своемъ близорукомъ оппортунизмѣ Пруссія не замѣчала, что поражение Австріи приведетъ къ переходу Германіи подъ вліяніе Франціи, гораздо болѣе страшное. Когда послѣ Аустерлица прусское правительство поняло это,—оно было очень смущено: но чтобы оно могло это понять, нуженъ былъ именно Аустерлицъ со всѣми его послѣдствіями. Раньше Александру приходилось прибѣгать къ мѣрамъ, совершенно героическимъ, чтобы вывести Пруссію изъ ея нейтралитета. Дѣло доходило до прямыхъ угрозъ—начать войну въ слу-

чаѣ не присоединенія Пруссіи къ союзу. Особая армія была двинута на прусскія границы—и была заготовлена особая декларация, долженствовавшая объяснить нѣсколько удивленному міру, изъ-за чего русскія войска напали на владѣнія „друга“ русскаго императора. „Его величество твердо рѣшился начать войну противъ Пруссіи,“ писалъ русскій министръ иностранныхъ дѣлъ Чарторыйскій русскому послу при вѣнскомъ дворѣ (въ сентябрѣ 1805 года). Но на Пруссію не могли подѣйствовать въ то время никакія угрозы. Александръ долженъ былъ убѣдиться, что энергическія мѣропріятія въ этомъ направленіи могли бы привести лишь къ одному: къ союзу Пруссіи... съ Франціей. Прускій министръ иностранныхъ дѣлъ Гарденбергъ откровенно говорилъ русскому посланнику: „Не заставляйте насъ увеличить армію Наполеона на 200.000 человекъ“. Въ концѣ концовъ коалиціонному рвенію русскаго императора пришлось пойти на уступки. Отъ участія прусскихъ войскъ въ первой войнѣ своей противъ Франціи Александръ долженъ былъ отказаться. Путемъ личнаго свиданія съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ ему удалось лишь добиться для русскихъ войскъ пропуска черезъ прусскую территорію; но и то лишь послѣ того, какъ французы первые нарушили нейтралитетъ прусскаго короля, проведя свои войска черезъ Анипахъ и Байрейтъ.

Уже этотъ первый опытъ свидѣтельствовалъ съ достаточной убѣдительностью, насколько оптимистичны были расчеты петербургскаго правительства—и насколько правы были тѣ, кто, подобно Австріи, приступалъ

къ коалиціи съ большой неохотой и осторожностью. Въ военныхъ планахъ Александра 200.000 пруссаковъ съ самаго начала были зачислены въ активъ на сторонѣ союзниковъ: отсутствіе ихъ уменьшало предполагаемыя силы коалиціи ровно на треть (400.000 вмѣсто 600.000 ч.) и совершенно лишало смысла тѣ операціи на сѣверѣ Германіи — на нижней Эльбѣ и нижнемъ Везерѣ, — которыя должны были раздробить силы Наполеона, помѣшать сосредоточенію его корпусовъ на Рейнѣ и Дунаѣ и обезпечить побѣдное шествіе австро-русской арміи къ французскимъ границамъ. Теперь для этихъ сѣверо-германскихъ операцій оставалось разсчитывать только на англійскій десантъ, явившійся на мѣсто, что называется, къ шапочному разбору, да на полумиѳическую шведскую армію, не имѣвшую ни артиллеріи, ни кавалеріи, ни обоза. Посланный туда вспомогательный русскій корпусъ только потерялъ даромъ время, такъ какъ помогать было здѣсь некому. Сосредоточеніе французской арміи на Дунаѣ произошло совершенно безпрепятственно, и силы, собранныя Австріей и Россіей въ южной Германіи, оказались единственнымъ, съ чѣмъ приходилось считаться Наполеону.

Но и расчетъ этихъ единственныхъ реальныхъ силъ былъ сдѣланъ въ Петербургѣ съ неменьшимъ легкомысліемъ. На бумагѣ въ южной Германіи и Италіи значилось 250.000 австрійцевъ и 180.000 русскихъ. Австрійскій дворъ былъ нѣсколько умѣреннѣе въ своихъ ожиданіяхъ: онъ опредѣлялъ союзныя силы въ этихъ мѣстахъ лишь въ 320.000 человекъ вмѣсто 430.000. Дѣйствитель-

ность оказалась несравненно скромнѣе и этого: къ началу военныхъ дѣйствій въ Баварію удалось двинуть лишь 80.000 австрійцевъ. Приблизительно такія же австрійскія силы были сосредоточены на итальянской границѣ. Изъ русскихъ же войскъ осенью 1805 года сравнительно близко къ театру войны былъ лишь пятидесятитысячный корпусъ Кутузова, къ которому только спустя полтора мѣсяца присоединились еще 40.000 человекъ — въ то время, какъ отъ первой изъ двухъ австрійскихъ армій не оставалось уже и слѣда. Такъ какъ, вдобавокъ, австрійская и русская половины южно-германской арміи союзниковъ не были объединены, — а вскорѣ, благодаря быстрому натиску французовъ, потеряли даже другъ друга изъ виду, — то численный перевѣсъ съ самаго начала былъ обезпеченъ за арміей Наполеона. Ему оставалось только использовать легкомысліе своихъ противниковъ.

Кампанія съ самаго начала пріобрѣтала совершенно безнадежный видъ. Инструкція Александра Кутузову ясно показываетъ, *на что* оставалось надѣяться союзнымъ правительствамъ, когда расчеты на поддержку Пруссіи окончательно пали, и развѣялись въ воздухѣ фантастическія цифры австро-русскихъ силъ, которыми кружили себѣ голову союзники. Пунктъ 6-й этой инструкціи гласить: учредить сношенія съ недовольными во Франціи, ибо, когда тамъ сдѣлается извѣстна цѣль, съ какою ведемъ мы войну, то, вѣроятно, большая часть жителей присоединится къ намъ для низверженія Наполеонова правительства. Эта нелѣпость, — усердно внушавшаяся реакціоннымъ пра-

вительствамъ Европы эмигрантами еще съ первыхъ лѣтъ революціи— была настолько популярна среди вождей коалиціи, контръ-революціи во Франціи настолько являлась послѣднимъ якоремъ спасенія для союзниковъ, что слухами о возстаніи французовъ противъ Наполеона опредѣлился даже операціонный планъ австрійцевъ въ Баваріи: опредѣлился, конечно, къ прямой выгодѣ французскаго императора, который и создалъ эти слухи черезъ своихъ шпионовъ.

Внѣшній ходъ кампаніи 1805 года вполне соотвѣтствовалъ тому, чего можно было ожидать при такихъ предпосылкахъ: катастрофа въ первую же недѣлю войны, фактически выведшая изъ строя одного изъ союзниковъ — Австрію, продолжительное бѣгство ничтожной, сравнительно, русской арміи передъ тройными силами противника, — бѣгство, такъ драматически описанное Толстымъ, что о немъ не приходится рассказывать еще разъ русскому читателю, наконецъ, отчаянная попытка загладить позоръ уже проигранной войны рѣшительнымъ ударомъ, — причемъ легкомысліе этой попытки далеко превзошло все, бывшее до этихъ поръ. Австрійцы, втянувшіеся въ войну отчасти подъ вліяніемъ преувеличенныхъ надеждъ на возможную помощь со стороны Россіи, отчасти, повидимому, дѣйствительно, увѣренные эмигрантами въ возможности контръ-революціи во Франціи, очень быстро охладѣли къ дѣлу, какъ только выяснилось, что Австріи не приходится рассчитывать не только на блестящую и легкую побѣду, но даже на сколько-нибудь самостоятельную роль. Въ сущности, ей было все равно отъ чьей милости

зависѣть, Александра или Наполеона — и переговоры съ послѣднимъ начались тотчасъ же, какъ только была подписана капитуляція, сдававшая французамъ австрійскую армію въ Баваріи, и черезъ посредство того самаго генерала Макка, который эту капитуляцію подписалъ. Отпущенный на свободу Наполеономъ, онъ привезъ съ собой письмо послѣдняго къ императору Францу съ предложеніемъ — выйти изъ коалиціи и заключить отдѣльный миръ. Переписка продолжалась и послѣ, и одно изъ писемъ Наполеона къ Францу попало въ руки Кутузова въ присутствіи нѣсколькихъ австрійскихъ генераловъ. Но послѣдніе нисколько не смутились и только настаивали, чтобы письмо было какъ можно скорѣе отправлено къ ихъ государю. За короткій промежутокъ двухъ мѣсяцевъ (октябрь — ноябрь 1805 года) до формальнаго начала сепаратныхъ переговоровъ дѣло не успѣло дойти: но послѣ взятія французами Вѣны, которую Кутузовъ повполнѣ основательнымъ стратегическимъ соображеніямъ прямо отказался защищать, австрійцы утратили всякій интересъ къ войнѣ и смотрѣли на нее, какъ на очень скучную и непріятную обязанность. Приближенные императора Александра доходили до того, что обвиняли ихъ въ прямомъ соглашеніи съ Наполеономъ: такъ именно изображалъ дѣло прусскому королю князь Долгоруковъ, по его собственному признанію (въ письмѣ къ императору Александру). Едва ли дѣло заходило такъ далеко: крайняя небрежность австрійскаго правительства въ исполненіи имъ союзническихъ обязанностей едва ли нуждается для своего объясненія въ предполо-

женияхъ, подобныхъ тѣмъ, какія высказывалъ кн. Долгоруковъ. Но, оставляя въ сторонѣ исторически мало интересный вопросъ о „зломъ умыслѣ“, тотъ фактъ, что союзники русскаго императора не кормили русской арміи и довели ее до голодовки, что они крайне плохо берегли военную тайну и давали возможность Наполеону знать русско-австрійскія диспозиціи лучше, чѣмъ ихъ знали сами союзные генералы, что сами эти диспозиціи, составлявшіяся австрійскимъ штабомъ — отличались поразительной небрежностью (подъ Аустерлицемъ, напр., разстояние между важнѣйшими пунктами было показано совершенно невѣрно) — все это не только изолировало русскую армію, но ставило ее въ положеніе гораздо худшее, чѣмъ если бы она вовсе не имѣла союзниковъ. При первомъ же столкновеніи Александра и Наполеона коалиція превратилась въ единоборство Россіи и Франціи въ условіяхъ, наименѣе выгодныхъ для первой.

Послѣднимъ — хронологически — изъ этихъ условій было появленіе въ арміи самого императора Александра Павловича. Къ тому времени, когда онъ прибылъ въ лагерь подъ Ольмюцемъ (6/18 ноября 1805 г.), въ военномъ отношеніи кампанія была закончена — и закончена относительно благополучно для русской арміи. Она не была разбита, несмотря на колоссальное превосходство французовъ въ силахъ. Передъ ней былъ открытъ путь отступленія въ Россію. Съ каждымъ шагомъ по этому пути она выигрывала, притягивая къ себѣ все новые и новые резервы; французы, напротивъ, проигрывали, такъ какъ они были вынуждены постоянно от-

дѣлять часть своихъ силъ для охраны своей все болѣе и болѣе растягивавшейся операціонной линіи. На границѣ Баваріи Наполеонъ былъ вътрое сильнѣе Кутузова: подъ Ольмюцемъ онъ не былъ сильнѣе даже вдвое. Дальнѣйшее отступленіе, можетъ быть, вовсе спасло бы русскую армію отъ генеральнаго сраженія, во всѣхъ отношеніяхъ для нея невыгоднаго. Въ то же время получавшаяся такимъ путемъ отсрочка критическаго момента войны давала полную возможность развить кампанію дипломатическую. Та же Пруссія, конечно, не отказалась бы воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ Наполеона и, не давъ намъ, можетъ быть, поддержки военной — хотя и на нее шансы все болѣе и болѣе увеличивались — произвела бы дипломатическое давленіе на Францію въ нашу пользу. Планы Кутузова строились, повидимому, на этихъ или подобныхъ соображеніяхъ: и нельзя не сказать, что эта тактика была единственно цѣлесообразной въ томъ тупикѣ, куда завела Россію первая коалиція.

- Прибытіе императора Александра прежде всего лишило Кутузова всякой фактической власти; на свои вопросы о дальнѣйшихъ движеніяхъ арміи онъ получалъ отвѣтъ: „это васъ не касается“ (*cela ne vous regarde pas*). Права, если не обязанности, главнаго штаба перешли къ императорской главной квартирѣ. Здѣсь, какъ этого и слѣдовало ожидать, чисто военныя соображенія, которыми руководился Кутузовъ, должны были уступить мѣсто соображеніямъ чисто придворнымъ. Императоръ не могъ пріѣхать въ армію для того только, чтобы быть пассивнымъ свидѣтелемъ отсту-

пленія своихъ войскъ. Для удовле-
творенія его самолюбія должна была
быть одержана побѣда: дѣло воен-
ныхъ отыскать средство, какъ ея
достигнуть. Придворнымъ казалось,
что средства эти найти легко, и что Куту-
зовъ просто полѣности и неспособности
не умѣлъ этого сдѣлать до сихъ поръ.
Они нашли въ этомъ случаѣ полную
поддержку въ австрійскихъ генера-
лахъ. Австріи во что бы то ни стало
нужна была развязка и притомъ
скорая; война давно уже была для
нея безсмыслицей, и австрійское прави-
тельство не могло равнодушно видѣть
разоренія своей страны ради этой
безсмыслицы. Пусть будетъ сраженіе:
побѣдятъ французы—тогда уйдутъ
русскіе, и дѣло, какъ никакъ, кончит-
ся; побѣдятъ русскіе—уйдутъ фран-
цузы, и австрійская территорія будетъ
освобождена отъ всѣхъ тягостей и
бѣдъ, связанныхъ съ войною. Въ
обоихъ случаяхъ австрійцы выигры-
вали—и они охотно поддакивали при-
дворнымъ Александра Павловича,
когда тѣ требовали наступленія.

Надо прибавить, что какое-нибудь
движеніе, наступательное или отсту-
пательное, было абсолютно необхо-
димо: оставаться на мѣстѣ было
нельзя; русская армія съѣла все въ
окрестностяхъ Ольмюца, подвозъ былъ
организованъ крайне плохо, и запас-
ныхъ магазиновъ въ этой части стра-
ны австрійцы не приготовили, отго-
вариваясь тѣмъ, что они предполагали
вести войну въ Баваріи, а не въ
Моравіи. Всѣ описанныя выше условія
вели къ переходу въ наступленіе. Въ
честь русскаго государя былъ устроенъ
военный парадъ въ боевой обстановкѣ.
Сравненіе съ парадомъ не случайное—
и не даромъ въ извѣстномъ разго-

ворѣ передъ началомъ Аустерлицкаго
сраженія Александру припомнился Ца-
рицынъ лугъ, гдѣ производились
парады въ Петербургѣ. Ведя несчаст-
ныхъ солдатъ на бойню, ихъ заста-
вляли маршировать въ ногу, какъ на
настоящемъ парадѣ,—и сраженіе на-
чали, какъ разводъ, въ тотъ мо-
ментъ, когда императоръ подѣхалъ
къ фронту. Результаты Аустерлица
слишкомъ хорошо извѣстны, чтобы
ихъ стоило рассказывать здѣсь: рус-
скій солдатъ дорого заплатилъ за
удовольствіе видѣть своего государя
на полѣ битвы.

Аустерлицское сраженіе (20 ноября
1805 г.) для Австріи, дѣйствительно,
оказалось желанной развязкой войны:
Александръ не имѣлъ теперь уже
никакихъ основаній помѣшать импе-
ратору Францу закончить свои се-
кретные переговоры съ Наполеономъ
открытымъ выступленіемъ изъ ко-
алиціи и отдѣльнымъ миромъ. Рус-
скому императору оставалось только
заявить, что переговоры Франціи и
Австріи не касаются его и его ар-
міи—на что австрійцы согласились
очень охотно, подъ условіемъ, что
русская армія возможно быстро очи-
ститъ австрійскую территорію. На
нѣкоторое время Александръ остался
единственнымъ паладиномъ коалиціи
на европейскомъ континентѣ, такъ какъ
даже Англія и Швеція отозвали назадъ
свои войска послѣ Аустерлица. Самого
Александра неудача далеко не отрез-
вила: услужливыми устами придвор-
ныхъ вся вина была взывана на без-
властнаго Кутузова, пораженіе было
объявлено печальной случайностью,
и ничто, казалось, не мѣшало по-
пробовать счастья вторично. Немед-
ленному возобновленію войны препят-

ствовало только то обстоятельство, что между враждующими сторонами лежала широкая полоса нейтральных территорий, такъ какъ Пруссія послѣ выхода Австріи изъ коалиціи окончательно сблизилась съ Наполеономъ и приняла изъ его рукъ Ганноверъ, отнятый французами у Англіи. Расширеніе въ эту сторону Пруссія ставила главнымъ условіемъ своего участія въ коалиціи въ теченіе всѣхъ переговоровъ: и Александръ, употребилъ всю свою энергію, чтобы убѣдить англійскаго короля поступить своими наслѣдственными владѣніями ради „самаго прекраснаго и самаго справедливаго дѣла“,—какъ называлъ русскій императоръ борьбу съ Франціей. Но фактически хозяиномъ въ Ганноверѣ былъ Наполеонъ—и онъ легко перекупилъ Пруссію, предложивъ ей отъ себя то, чего она ждала отъ коалиціи. То былъ единственный моментъ, когда Александръ, повидимому, самъ колебался на одну минуту: стоитъ ли продолжать „прекрасное и справедливое дѣло“? Во Францію былъ отправленъ русскій уполномоченный для предварительныхъ переговоровъ о мирѣ. Но франко-прусское соглашеніе очень быстро наткнулось на тотъ подводный камень, на которомъ впоследствии долженъ былъ разбиться союзъ Александра съ Наполеономъ. Дружба съ Франціей означала вражду съ Англіей. Морская торговля Пруссіи стала съ момента заключенія новаго союза. Болѣе 400 прусскихъ кораблей было захвачено англійскими крейсерами, всѣ гавани Пруссіи были блокированы. Старый соперникъ Гогенцоллерновъ на Балтійскомъ морѣ, Швеція не отказала себѣ въ удоволь-

ствѣ использовать этотъ конфликтъ—шведскіе корабли присоединились къ англійскимъ, и скоро почти не осталось гавани, куда могло бы укрыться судно подъ прусскимъ флагомъ. Пруссійскій капитализмъ начала XIX вѣка былъ значительно развитѣ русскаго: перерывъ торговыхъ сношеній былъ для Пруссіи еще болѣе тяжелымъ ударомъ, чѣмъ для Россіи, и взрывъ общественнаго мнѣнія противъ французскаго союза былъ еще острѣе, чѣмъ былъ онъ у насъ. Хотѣли или не хотѣли этого король и его министры—прусская буржуазія навязывала имъ антифранцузскую политку. Прусское дворянство, не менѣе русскаго заинтересованное въ сбытѣ продуктовъ своихъ имѣній въ Англіи, было въ данномъ случаѣ на сторонѣ буржуазіи. Гвардейское офицерство требовало войны съ Наполеономъ и—какъ это было и у насъ—„партія войны“ быстро нашла себѣ точку опоры при дворѣ, въ лицѣ королевы Луизы. Близкія отношенія послѣдней къ императору Александру должны были еще ускорить дѣло. Александръ, за нѣсколько мѣсяцевъ передъ этимъ, вынужденный робко заговаривать съ Пруссіей объ оборонительномъ, въ крайнемъ случаѣ, союзѣ (въ январѣ 1806 года)—осенью увидѣлъ передъ собою широкую перспективу наступательной войны противъ Наполеона: рука объ руку съ прусскою арміей—лучшей арміей въ мірѣ по глубокому убѣжденію всѣхъ друзей стараго порядка. Только что завязанные переговоры съ Наполеономъ были тотчасъ же прерваны—и манифестъ 3 сентября 1806 г. фактически возвѣстилъ русскому народу начало новой, второй войны съ Франціей.

Наполеонъ и на этотъ разъ не далъ коалиціи времени стать реальностью: прусскія и русскія войска были еще очень далеки отъ соединенія, когда рядомъ рѣшительныхъ битвъ, первыя были сведены почти къ нулю. Въ концѣ сентября началась война,—а въ концѣ октября русская армія одна осталась въ полѣ: уцѣлѣвшія прусскія войска скорѣе служили символомъ союза, чѣмъ играли сколько-нибудь серьезную роль въ военныхъ дѣйствіяхъ.

Ходъ кампаніи 1806—7 гг. былъ иной, чѣмъ первой войны Александра Наполеономъ. Вторая война скорѣе могла создать иллюзію о возможности борьбы Россіи съ наполеоновскою Франціей и дольше могла эту иллюзію поддерживать. Существеннымъ моментомъ были географическія условія того края, гдѣ приходилось дѣйствовать: старо-прусскія провинціи между низовьями Вислы и Нѣмана по климату недалеко уже отъ Россіи, и зимняя кампанія представляла здѣсь для французской арміи совершенно необычныя трудности. Для нанесенія рѣшительнаго удара Наполеонъ долженъ былъ дожидаться лѣта 1807 года. Тѣмъ временемъ рядъ полу-побѣдъ, полу-пораженій давали возможность русскимъ главнокомандующимъ обнадеживать и своего государя и свою армію, что вотъ-вотъ, еще одно усиліе—и они справятся съ Наполеономъ. Это была совершенно призрачная надежда—русская армія 1806—7 гг. была нисколько не лучше своей предшественницы, разбитой при Аустерлицѣ. Прежде всего, какъ и тогда, ея размѣры на добрую долю представляли фикцію: въ главномъ корпусѣ Бен-

нигсена, гдѣ должно было быть 55.000 человѣкъ, само непосредственное начальство насчитывало не болѣе 40.000,—а въ дѣйствительности было, вѣроятно, и того менѣе. Желаніе пополнить ряды войска привело къ мысли о сформированіи народнаго ополченія („милиціи“) въ 612.000 человѣкъ (манифестъ 30 ноября 1806 г.). Но что было выиграно въ количествѣ, было проиграно на качествѣ: только пятую часть „милиціи“ удалось вооружить ружьями, у остальныхъ были лишь пики. Такое войско едва ли могло быть грознымъ противникомъ для первой арміи въ Европѣ—и на дѣлѣ „милиція“ осталась декоративнымъ войскомъ, почти не покидавшимъ русскихъ предѣловъ и не выдавшимъ непріятеля. Дѣйствительную войну вела все-таки лишь немногочисленная регулярная армія. Какъ и въ войну 1805 года, она крайне скудно была снабжена всѣмъ необходимымъ: запасовъ не было, подвозъ былъ организованъ плохо, войско жило исключительно насчетъ мѣстнаго населенія, скоро довело до голода его и голодало само. Голодные солдаты дезертировали массами, шайки мародеровъ грабили все и вся, три раза пытались ограбить русскую главную квартиру—однажды ворвавшись даже въ кабинетъ главнокомандующаго Беннигсена. Въ отвѣтъ на донесеніе объ этомъ, Александръ не сумѣлъ найти ничего лучшаго, какъ предписать дежурному генералу разстрѣливать дезертировъ на мѣстѣ, „безъ малѣйшаго состраданія“ (собственноручное письмо къ графу Толстому отъ 3 января 1807 г.). Объ устраненіи причинъ дезорганизаціи рѣчи не было въ этомъ случаѣ—какъ

и во многихъ другихъ, аналогичныхъ *). Остается прибавить, что управлялась дезорганизованная армія не лучше, чѣмъ ея предшественница. Кутузова, — сыгравшаго роль козла отпущенія за Аустерлицскую неудачу — не сумѣли замѣнить кѣмъ-нибудь хотя бы приблизительно равноцѣннымъ. Сначала выборъ Александра палъ на полу-сумасшедшаго Каменскаго, который былъ какъ-будто нарочно созданъ, чтобы довести до апогея хаосъ и безъ того царившій въ арміи. Благодаря распоряженіямъ Каменскаго все до такой степени перепуталось, что въ теченіе нѣсколькихъ дней никто изъ отдѣльныхъ начальниковъ не имѣлъ представленія, гдѣ армія, и что съ ней и даже существуетъ ли она вообще. Полки шли чуть что не по солнцу и скоплялись въ тѣхъ или другихъ мѣстахъ въ зависимости отъ совершенно случайныхъ причинъ. Въ концѣ концовъ главнокомандующій официально закрѣпилъ всю эту путаницу, объявивъ въ приказѣ, что „какъ ему въ Пруссіи дороги неизвѣстны, то самимъ генераламъ и бригаднымъ командирамъ навѣдываться о кратчайшемъ трактѣ къ нашей границѣ“. Неожиданнымъ благомъ послѣдствіемъ было то, что и непріятель въ этой безурядицѣ утратилъ ясное представленіе о нашей арміи, — результатомъ чего былъ рядъ ошибокъ Наполеона и первая полу-побѣда русскихъ въ эту войну — Беннигсена подъ Пултускомъ. Это сраженіе сдѣлало Беннигсена главнокомандующимъ, но пока по тогдашней медленной почтѣ назначеніе пришло въ дѣйствующую армію, послѣдняя пережила цѣлый рядъ перипетій, — то

не имѣя ни одного главнокомандующаго, когда Каменскій уѣхалъ съ тою внезапностью, какая отличала всѣ его дѣйствія, то имѣя цѣлыхъ трехъ — Кнорринга, Буксгевдена и Беннигсена, изъ которыхъ первый враждовалъ съ обоими остальными, а послѣдніе были въ столь враждебныхъ отношеніяхъ другъ къ другу, что жгли даже мосты между собою, дабы избѣжать всякаго соприкосновенія. Когда, наконецъ, назначеніе Беннигсена положило конецъ этой своеобразной „тройственной схизмѣ“, дѣло немногимъ измѣнилось къ лучшему. Новый главнокомандующій былъ тяжело боленъ — у него была каменная болѣзнь, доводившая его до обмороковъ. Это былъ человѣкъ мнительный и мелочно-самолюбивый: онъ никогда не рѣшался ни на одинъ сколько-нибудь рискованный шагъ, пропускалъ такимъ путемъ всѣ удобные случаи, терпѣлъ неудачи тамъ, гдѣ могъ бы быть побѣдителемъ — и всегда въ неудачѣ оказывались виноваты или другіе генералы или слѣпая случайность. Въ своихъ запискахъ для оправданія своей репутаціи онъ не стѣсняется отрицать самые очевидные факты — и Фридландское сраженіе, напримѣръ, гдѣ Наполеонъ на голову разбилъ русскую армію, въ его изображеніи является совсѣмъ маловажнымъ дѣломъ, притомъ вовсе не особенно несчастливымъ для русскихъ. Нельзя было придумать худшаго главнокомандующаго для войны, гдѣ инициатива съ самаго начала и до конца была въ рукахъ противника, и русскимъ приходилось больше пользоваться его ошибками, чѣмъ дѣйствовать самостоятельно.

*) См. выше стр. 64.

Если, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, Беннигсену все-таки удалось стяжать себѣ репутацію единственного русскаго генерала, способнаго сражаться съ Наполеономъ, то въ этомъ ему помогла, дѣйствительно, слѣпая случайность,—вѣрнѣе, тѣ географическія условія театра войны, о которыхъ мы только что говорили. Продовольствіе французской арміи въ прусской Польшѣ представляло для французовъ не менѣе сложную задачу, чѣмъ для русскихъ. Наполеонъ разрѣшилъ ее гораздо удачнѣе своего противника—но и онъ долженъ былъ считаться съ цѣлымъ рядомъ неудобствъ. Главнымъ изъ нихъ была необходимость возможно шире растянуть фронтъ арміи, тянувшійся почти отъ Данцига до Варшавы и даже южнѣе. Болѣе тѣсное расположеніе исключалось невозможностью найти на небольшой площади пропитаніе для массы людей. Два раза русскіе главнокомандующіе—въ декабрѣ 1806 года Каменскій, въ январѣ слѣдующаго года Беннигсенъ—впадали въ искушеніе прорвать тонкую цѣпь французскихъ корпусовъ и, если не разрѣзать арміи Наполеона пополамъ, то отхватить отъ нея то или другое крыло. Полная спутанность движеній Каменскаго, медленность и нерѣшительность Беннигсена помѣшали имъ довести эту задачу до конца—или хотя бы сколько-нибудь серьезно приступить къ ея разрѣшенію. Оба раза Наполеонъ умѣлъ сосредоточить свои силы во время, и, въ свою очередь, пользуясь своимъ численнымъ превосходствомъ, пытался охватить противника. Но тутъ на помощь русскимъ снова приходили климатъ—и „шестая стихія“ восточной Европы,

грязь: по ужаснымъ дорогамъ французскіе маршалы никогда не успѣвали своевременно выполнить движеній, предписанныхъ имъ ихъ императоромъ; на полѣ битвы никогда своевременно не сходились всѣ войска, которыя должны были тамъ быть по диспозиціи Наполеона. Беннигсенъ имѣлъ полную возможность „отступить съ боемъ“, отбитый, но не разбитый—и заключить свои донесенія въ Петербургъ классической фразой, что „всѣ атаки противника отражены съ блестящимъ успѣхомъ“. И въ Петербургѣ вѣрили, что мы находимся наканунѣ еще болѣе блестящихъ успѣховъ—и надеждой на нихъ пытались снова втянуть въ войну только что разгромленную Австрію. Но Австрія и на этотъ разъ была болѣе, чѣмъ права въ своей сдержанности*). Едва на смѣну русской союзницѣ—зимѣ пришло лѣто, и климатическія условія стали нормальными для французской арміи—картина рѣзко измѣнилась, и третья попытка русской арміи перейти въ наступленіе кончилась ея полнымъ разгромомъ. Если Пултускъ (въ декабрѣ 1806 г.) и Прейсишъ-Эйлау (27 января 1807 г.) могли быть представлены въ официальныхъ донесеніяхъ нѣкоторымъ подобіемъ побѣды, то Фридландъ (2 іюня 1807 г.) совершенно не поддавался подобному объясненію. Характерно, что въ двухъ первыхъ битвахъ, гдѣ холодное оружіе играло преобладающую роль, русская армія еще дер-

*) Характерно, что на этотъ разъ австрійцы упорно отказывались вѣрить русскимъ показаніямъ о размѣрахъ русскихъ силъ и посылали особаго генерала со спеціальной цѣлью—узнать истину на этотъ счетъ.

жалась на одномъ уровнѣ съ французской: перевѣсъ послѣдней оказался внѣ всякаго спора въ бою, рѣшенномъ исключительно оружіемъ новаго времени, артиллеріей.

Фридландское пораженіе далеко однако же не означало собою истребленія русской арміи. Она потеряла не болѣе 25% своего состава и всего 10 орудій. На выручку ей подходила резервная армія кн. Лобанова-Ростовскаго — могли быть мобилизованы и дальнѣйшіе резервы. Словомъ, Александръ вовсе еще не лишень былъ *военныхъ* средствъ продолжать борьбу. Конецъ рѣзни положило *финансовое* истощеніе коалиціи. Союзники жили преимущественно, если не исключительно, англійскими субсидіями. Но Англія постепенно приходила къ убѣжденію, что продолженіе борьбы въ прежнихъ формахъ для нея прямо невыгодно. Неудачи коалиціи на сухомъ пути привели къ тому, что громадная береговая линія отъ Любека до Данцига и Кенигсберга, до тѣхъ поръ нейтральная или полу-нейтральная, была наглухо закрыта для британской торговли. Англія поддерживала вторую войну Александра противъ Наполеона въ надеждѣ наверстать то, что было упущено по легкомыслию прусскаго правительства въ концѣ 1805 года — когда пруссаки приняли изъ рукъ Наполеона Ганноверъ и порвали съ Англіей. Теперь пруссаки давно раскаялись въ своей легкомысленной жадности, — но англичанамъ было отъ этого не легче. Пруссія была въ рукахъ врага, и врагъ беспощадно пользовался своимъ перевѣсомъ: именно въ завоеванномъ французскими войсками Берлинѣ былъ

подписанъ (21 ноября 1806 года) декретъ, положившій основаніе „континентальной системѣ“, — объявлявшій всѣ британскіе острова въ блокадѣ, и всякія сношенія съ ними строжайше запрещенными какъ для французовъ, такъ и для всѣхъ союзниковъ Франціи. Практически исполненіе этого декрета равнялось уничтоженію всей англійской морской торговли — и отвѣтомъ на него могла быть только попытка призвать французовъ къ благоразумію, разоривъ морскую торговлю ихъ и ихъ союзниковъ. Англія объявила состоящими въ блокадѣ гавани всѣхъ континентальныхъ государствъ, такъ или иначе примкнувшихъ къ Франціи. При подавляющемъ перевѣсѣ англійскаго флота надъ французскимъ (послѣ Трафальгарской битвы, 6 ноября 1806 года, объ этомъ уже не могло быть спора), это отнюдь не было пустой угрозой. На этомъ пути Англія могла чего-нибудь добиться. Сдержаніе же континентальныхъ армій, хронически терпѣвшихъ пораженія отъ Наполеона и отдававшихъ въ его полную власть одну милію берега за другой, становилось явно убыточнымъ предпріятіемъ. Мнѣніе англійскаго правительства на этотъ счетъ въ послѣдствіи снова измѣнилось, — когда въ Испаніи Наполеона постигла первая неудача на сухомъ пути. Но въ 1807 году англичане твердо рѣшили — даромъ денегъ не тратить. И когда Александръ въ началѣ этого года обратился къ англійскому правительству съ просьбой — гарантировать заключаемый Россіей въ Лондонѣ заемъ въ 6 милліоновъ фунтовъ (замаскированная форма субсидіи) — онъ получилъ ка-

тегорическій отказъ. Англійскій кабинетъ отказалъ даже во всякомъ содѣйствіи частнаго характера — и заемъ не могъ быть заключенъ. Вести войну болѣе было не на что — и съ „врагомъ рода человѣческаго“ волею-неволею приходилось мириться.

Эволюціонировать въ этомъ направленіи русской политикѣ пришлось очень быстро. Еще весной 1807 года обширный реставраціонный планъ былъ формулированъ передъ лицомъ всей Европы въ такъ называемой Бартенштейнской конвенціи (14 апрѣля). Этотъ договоръ Россіи и Пруссіи — фактически это было волеизъявление одной Россіи, такъ какъ Пруссія въ то время была лишь географическимъ терминомъ — ставилъ своей задачей ни болѣе, ни менѣе, какъ разрушеніе всего созданнаго Наполеономъ съ первыхъ лѣтъ XIX вѣка *), возвращеніе Франціи къ границамъ первой республики, а отчасти даже и за эти границы (именно въ Италиі). Къ участию въ этомъ, — какъ мы знаемъ „самомъ прекрасномъ и самомъ справедливомъ“ дѣлѣ, — союзные монархи приглашали Австрію, Англию и Швецію. Конвенція формулировала однако же лишь программу-минимумъ этого союза: о максимумѣ проговорился Александръ Павловичъ лишь въ частномъ разговорѣ съ Людовикомъ XVIII, котораго онъ посѣтилъ въ Митавѣ по дорогѣ въ Пруссію. „Я буду считать

*) Возвращеніе Пруссіи и Австріи всѣхъ ихъ владѣній, уничтоженіе Рейнскаго союза, находившагося подъ протекторатомъ Наполеона, вознагражденіе королей сардинскаго, неаполитанскаго etc. Специально для успокоенія Австріи была оговорена неприкосновенность Турціи.

лучшимъ днемъ своей жизни тотъ, когда я помогу вамъ вернуться во Францію“, сказалъ русскій императоръ изгнанному Бурбону.

Все это было лишь въ мартѣ — апрѣлѣ 1807 года, а въ іюнѣ состоялось знаменитое тильзитское свиданіе, послѣ котораго Александръ и Наполеонъ разстались союзниками — и врагами тѣхъ, кого совсѣмъ еще недавно звали въ союзники первый. „Я ненавижу англичанъ столько же, сколько и вы“ — было одной изъ первыхъ фразъ Александра Павловича.

При данной обстановкѣ она была болѣе, чѣмъ понятна. Не кто другой, какъ Англія, заставляла теперь императора и самодержца всероссійскаго признать своимъ братомъ, своимъ ровней бывшаго артиллерійскаго поручика. Въ свое время Александръ былъ до глубины души возмущенъ однимъ извѣстіемъ о томъ, что этотъ поручикъ принялъ императорскій титулъ — теперь пришлось самому называть его государемъ. Александръ умѣлъ скрыть свои истинныя чувства подъ маской той „обворожительности“, которую такъ хорошо знало русское, дворянское общество. И лишь въ очень интимномъ кругу онъ давалъ волю своему дѣйствительному настроенію. „Льстите его тщеславію“, говорилъ онъ о Наполеонѣ одному изъ своихъ прусскихъ друзей какъ разъ въ дни тильзитскихъ торжествъ. „Я вамъ совѣтую это, какъ честный и преданный другъ вашего короля“.

Но пока что Россія шла на всѣ уступки, какихъ требовалъ ея побѣдитель. „Императоръ Александръ гораздо умнѣе, чѣмъ казалось“, съ чувствомъ удовле-

творенія писалъ Наполеонъ императрицѣ Жозефинѣ. Союзъ съ Англіей, какъ по волшебству, смѣнился союзомъ противъ Англіи: не Наполеонъ, а вчерашній союзникъ Александра долженъ былъ возвращать теперь всѣ свои завоеванія съ начала вѣка. Тильзитскій договоръ въ этомъ пунктѣ однако же сохранилъ то сходство съ Бартенштейнской конвенціей, что какъ тотъ, такъ и другая остались на бумагѣ: отобрать у Англіи ея колоніальныя приобрѣтенія было ничуть не легче, чѣмъ отнять у Наполеона захваченныя имъ области Германіи и Италіи. Реальнымъ ударомъ для Англіи было присоединеніе Россіи къ „континентальной системѣ“: повидимому, британское правительство не ожидало отъ насъ такого самоубійственнаго шага, когда отказывало Александру во всякой поддержкѣ. Во всякомъ случаѣ, здѣсь Россія теряла больше, чѣмъ Англія. Еще менѣе страшна была для послѣдней война, которую Россія должна была ей объявить, какъ только предъявленныя ею къ Англіи требованія—о возвращеніи и проч.—не будутъ удовлетворены къ назначенному сроку: русскій флотъ отнюдь не былъ болѣе грозной величиной, чѣмъ французскій. Къ категоріи тѣхъ же чисто принципиальныхъ уступокъ относилось и признаніе Александромъ какъ Рейнскаго союза, такъ и всѣхъ безчисленныхъ государей, сотворенныхъ и предполагавшихся къ сотворенію Наполеономъ: т. е. всего того, на что ополчалась Бартенштейнская конвенція. Наконецъ, принципиальное же значеніе—отреченія отъ прошлаго—имѣло

и то чисто символическое участіе, какое приняла Россія въ раздѣлѣ второй ея недавней союзницы, Пруссіи: изъ ея останковъ намъ достался городъ Бѣлостокъ съ его округомъ. Французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, Талейранъ, убѣждая русскихъ принять отъ Наполеона этотъ клочокъ земли, аргументировалъ тѣмъ простымъ соображеніемъ, что вѣдь Бѣлостокъ у пруссаковъ все равно отнимутъ: и ежели его не возьмутъ себѣ русскіе, онъ достанется Герцогству Варшавскому.

Согласіе на образованіе этого новаго государства изъ обломковъ прусской Польши было послѣ принятія „континентальной системы“ второй реальной уступкой побѣжденнаго побѣдителю. Какъ ни старались золотить эту пилюлю, было ясно, что на границѣ Россіи воскресаетъ сила, съ которой перестали считаться, которая была вычеркнута изъ списка живыхъ,—но которая теперь являлась на сцену, одухотворенная тою жгучей ненавистью, какую воспитала въ полякахъ эпоха раздѣловъ. Наполеонъ былъ, конечно, буквально правъ, когда онъ утверждалъ, что не имѣетъ ни малѣйшаго желанія возстановлять Польшу: ему нужна была не польская національность, а польская армія. Но армія не могла обойтись безъ національнаго базиса: еще въ эмиграціи польскіе полки были зародышемъ новой Польши. Возвращенные на родину, притомъ родину, только что освобожденную отъ иноземнаго гнета, они должны были дать могучій толчокъ національному движенію: въ Тильзитскомъ мирѣ были уже

зародыши возстанія 1831 года *).

Вѣнецъ дипломатическаго искусства Наполеона и Талейрана заключался въ томъ, что они нанесли Россіи тяжелый ударъ, наполовину уничтожавшій результатъ нашей политики XVIII вѣка,—формально не коснувшись ни пяди русской территоріи, даже увеличивъ ее городомъ Вѣлостокомъ. Россію наказали, ограбивъ Пруссію. Наполеонъ сумѣлъ пощадить личное самолюбіе Александра,—вѣрно подмѣтивъ господствующую индивидуальную черту этого государя. Мало того: онъ сумѣлъ устроить дѣло такъ, что потерпѣвъ не только военное, а и дипломатическое пораженіе, равнаго которому Россія давно не испытывала, Александръ почувствовалъ себя польщеннымъ и ободреннымъ и, почти искренно, могъ увѣрять своихъ подданныхъ, что отъ Тильзитскаго мира Россія много выиграла.

Качество этого выигрыша можно видѣть на одномъ примѣрѣ. Россія въ то время находилась въ войнѣ съ Турціей, втянувшись въ нее не безъ участія французскаго императора, содѣйствовавшаго султану, чѣмъ только можно: деньгами, оружіемъ, посылкой офицеровъ, совѣтами своихъ агентовъ. Мы разсмотримъ восточную политику Россіи въ другой связи **). Теперь для

*) Подробнѣе объ отношеніи Наполеона къ Польшѣ см. въ главѣ VIII. „Польша въ первой половинѣ XIX вѣка“. II. Переходное время: 2. Герцогство Варшавское“ Стр. 282—292

**) См. ниже: „Восточная политика Николая I“.

намъ важно то употребленіе, какое сдѣлалъ изъ русско-турецкой войны Наполеонъ. Оно было двойное. Въ официальномъ текстѣ договора стояло вмѣшательство Франціи въ пользу Турціи,—какъ и слѣдовало ожидать, принимая во вниманіе ихъ союзническія отношенія. Русскіе обязывались очистить уже занятые ими дунайскія княжества (теперешнюю Румынію) и вступить въ переговоры съ Портой при посредствѣ французскаго правительства: переговоры и вестись должны были въ Парижѣ. Наполеонъ обязывался употребить всѣ усилія, чтобы склонить турокъ заключить миръ. Но что должно было стать съ фактическимъ приобрѣтеніемъ Россіи—дунайскими княжествами? Объ этомъ текстъ договора—и явный и секретный—говорилъ лишь одно: русскимъ выйти изъ княжествъ, туркамъ не занимать ихъ до заключенія мира. Дальнѣйшая судьба спорной территоріи опредѣлялась уже устными комментаріями Наполеона къ договору: онъ заявлялъ, что ничего не имѣетъ противъ присоединенія къ Россіи не только княжествъ, но и части задунайскихъ владѣній Турціи,—исключая только Константинополь и непосредственно прилегающую къ нему область, и давалъ понять, что Франція не остановится передъ своимъ энергичнымъ содѣйствіемъ своему новому союзнику въ этомъ случаѣ. Комментаріи эти ничѣмъ не были закрѣплены: Александръ разсматривалъ княжества уже какъ свою собственность, видѣлъ въ ихъ приобрѣтеніи главное средство сдѣлать Тильзитскій миръ хотя сколько-нибудь популярнымъ въ Россіи,—

между тѣмъ какъ французская дипломатія, опираясь на букву договора, постоянно твердила, что на это приобретене Россія не имѣетъ никакого права, что Тильзитскимъ миромъ была условлена только нейтрализація—по крайней мѣрѣ, временная—дунайскихъ княжествъ, а отнюдь не присоединене ихъ къ Россіи. Впослѣдствіи Александру пришлось затратить много энергіи, чтобы отстоять (въ Эрфуртскомъ соглашеніи 30 сентября 1808 года) свое право отнять у Турціи спорную область: право, не возбуждавшее никакихъ сомнѣній до Тильзитскаго мира. О раздѣлѣ остальной Турціи уже и рѣчи не было—такъ же, какъ и о содѣйствіи французскихъ войскъ противъ Порты.

Такъ весьма реальныя невыгоды договора 1807 года уравнивались совершенно идеальными и очень проблематическими уступками Франціи,—которыя на практикѣ оказывались перепродажей Россіи того, что ей давно уже принадлежало. Полную параллель къ дунайскимъ княжествамъ представляла Финляндія: Наполеонъ обнаруживалъ большую заботу о томъ, чтобы громъ шведскихъ пушекъ не беспокоилъ петербургскихъ красавицъ. Онъ высказывалъ рѣшительное недоумѣніе, какъ это русскіе допускаютъ присутствіе своего стариннаго врага почти у воротъ своей столицы. Словомъ, онъ внушалъ императору Александру мысль завоевать Финляндію—мысль, которая, повидимому, была очень далека отъ Александра въ предшествующіе годы, когда Швеція являлась желанной союзницей Россіи. Финляндію оказалось легче завоевать, чѣмъ

дунайскія княжества: но и для этого понадобилась двухлѣтняя война (1808—1809 гг.), въ которой Франція не помогла намъ ни однимъ солдатомъ. А между тѣмъ, разоряя и подчиняя франко-русскому вліянію скандинавскую союзницу Англіи, Россія выполняла на сѣверѣ работу, въ высокой степени полезную для „континентальной системы“—и позволяла творцу этой системы направить всѣ силы для упроченія своего положенія на западѣ и юго-западѣ Европы.

Первые мѣсяцы послѣ Тильзита оба императора еще довольно успѣшно разыгрывали роль „друзей“—которую они усвоили себѣ на историческомъ плоту посреди Нѣмана. Александръ шелъ навстрѣчу всѣмъ желаніямъ Наполеона. Человѣкъ, недавно еще мечтавшій, какъ о счастливѣйшемъ днѣ своей жизни, о возвращеніи Людовика XVIII во Францію, теперь тѣснилъ эмигрантовъ и запрещалъ имъ носить въ Россіи бѣлую бурбонскую кокарду. Государь, два года назадъ до глубины души возмущавшійся тѣмъ, что у сардинскаго короля отобрали часть его владѣній, теперь находилъ совершенно естественнымъ, что у испанскаго короля вовсе отняли его королевство. Получивъ извѣстіе о байонскомъ *coup d'état*, Александръ поздравлялъ Наполеона съ открытіемъ „новой блестящей страницы“ его исторіи—и однимъ изъ первыхъ поспѣшилъ признать королемъ Испаніи Жозефа Бонапарта. Наполеонъ отвѣчалъ любезностями на любезность: но отвѣчалъ весьма расчетливо. Въ отвѣтъ на опредѣленные политическіе шаги Александръ вправѣ былъ ожидать та-

кихъ же встрѣчныхъ шаговъ отъ своего новаго союзника: вмѣсто этого получались—то драгоцѣнное оружіе, то картина, писанная на фарфорѣ—настоящій шедевръ севрской мануфактуры,—то платья изъ Парижа для г-жи Нарышкиной по личному выбору Наполеона, который проявилъ себя большимъ знатокомъ въ этомъ вопросѣ. Александръ говорилъ по всѣмъ этимъ случаямъ множество комплиментовъ французскому посланнику,—но затѣмъ переходилъ на болѣе дѣловую почву: заводилъ, напри- мѣръ, рѣчь о дунайскихъ княжествахъ. Въ отвѣтъ изъ Парижа получалось длинное и весьма живо написанное письмо, гдѣ чувствовалась богатая фантазія императора французъ: въ немъ говорилось о походѣ на Индію, о близкомъ взятіи русскими Стокгольма, о многихъ другихъ пріятныхъ для русскаго самолюбія вещахъ; но практическій вопросъ о княжествахъ нисколько впередъ не двигался. Мало того—французскія войска не двигались съ Вислы и продолжали занимать Пруссію. И отъ русскаго императора не могло быть тайной, что на Балканскомъ полуостровѣ „союзникъ“ всѣми мѣрами старался натравить на Россію ея постоянную соперницу въ этихъ краяхъ, Австрію. Передъ австрійскимъ посланникомъ, Меттернихомъ, Наполеонъ долго распространялся на тему о „московской опасности“, признавалъ совершенно справедливыми притязанія Австріи на долину Дуная,—ибо они „основаны на географіи“,—и обѣщавалъ не допускать раздѣла Турціи, а если бы таковой случился вопреки ожиданіямъ, призвать къ участию въ немъ Австрію въ первую голову.

Между тѣмъ обратная сторона Тильзита начинала чувствоваться въ Россіи сильнѣе съ каждымъ мѣсяцемъ; весной 1808 года экономическій кризисъ, созданный континентальной блокадой, былъ уже въ полномъ разгарѣ—и Александру пришлось уже наткнуться на оппозицію въ лицѣ лучшихъ друзей своей молодости, продолжавшихъ отстаивать интересы Англіи; онъ долженъ былъ разстаться съ Кочубеемъ, Строгановымъ и Новосильцевымъ. Ему начинало казаться, что онъ принесъ уже достаточно жертвъ новому союзу, чтобы получить въ обмѣнъ не одинъ севрскій фарфоръ. Онъ желалъ лично выяснить недоразумѣніе, повидавшись съ Наполеономъ—главнымъ образомъ онъ желалъ путемъ этого свиданія окончательно уладить восточный вопросъ, который казался такъ хорошо разрѣшеннымъ въ Тильзитѣ—и вдругъ сталъ неразрѣшимѣе, чѣмъ когда бы то ни было. Наполеонъ ничуть не былъ въ принципѣ противъ новаго свиданія,—но опредѣлить его время оказывалось очень затруднительно: у императора французовъ было такъ много дѣла, что не легко было найти двѣ-три недѣли, чтобы съѣздить въ Эрфуртъ (гдѣ свиданіе предполагалось—какъ на полдорогѣ отъ французской до русской границы). Кромѣ того, ему казалось очень неудобнымъ связывать свои переговоры съ Александромъ заранѣе опредѣленной программой—напримѣръ, приурочивать къ нему ликвидацію восточнаго вопроса. Къ чему предупреждать событія? Словомъ, съ эрфуртскимъ свиданіемъ грозила повториться исторія дунайскихъ княжествъ.

Развязка пришла оттуда, откуда ее

14

Аполлонъ Александровичъ Григорьевъ.

Съ портрѣта карандашомъ Ф. А. Бруни.

(Городская галлерея П. и С. Третьяковыхъ въ Москвѣ).

„ИСТОРИЯ РОССИИ ВЪ XIX ВѢКѢ“. Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К^о“,

11

Аполлон Александрович Лопорев.

Ср. работы каталогизатора О. А. Бланк.
(Лопорев Александр Иванович, О. А. Бланк)

Лопорев Александр Иванович, О. А. Бланк, Наталья Т-ва, Бланк О. А. Бланк и др.

Andrew Lawrence

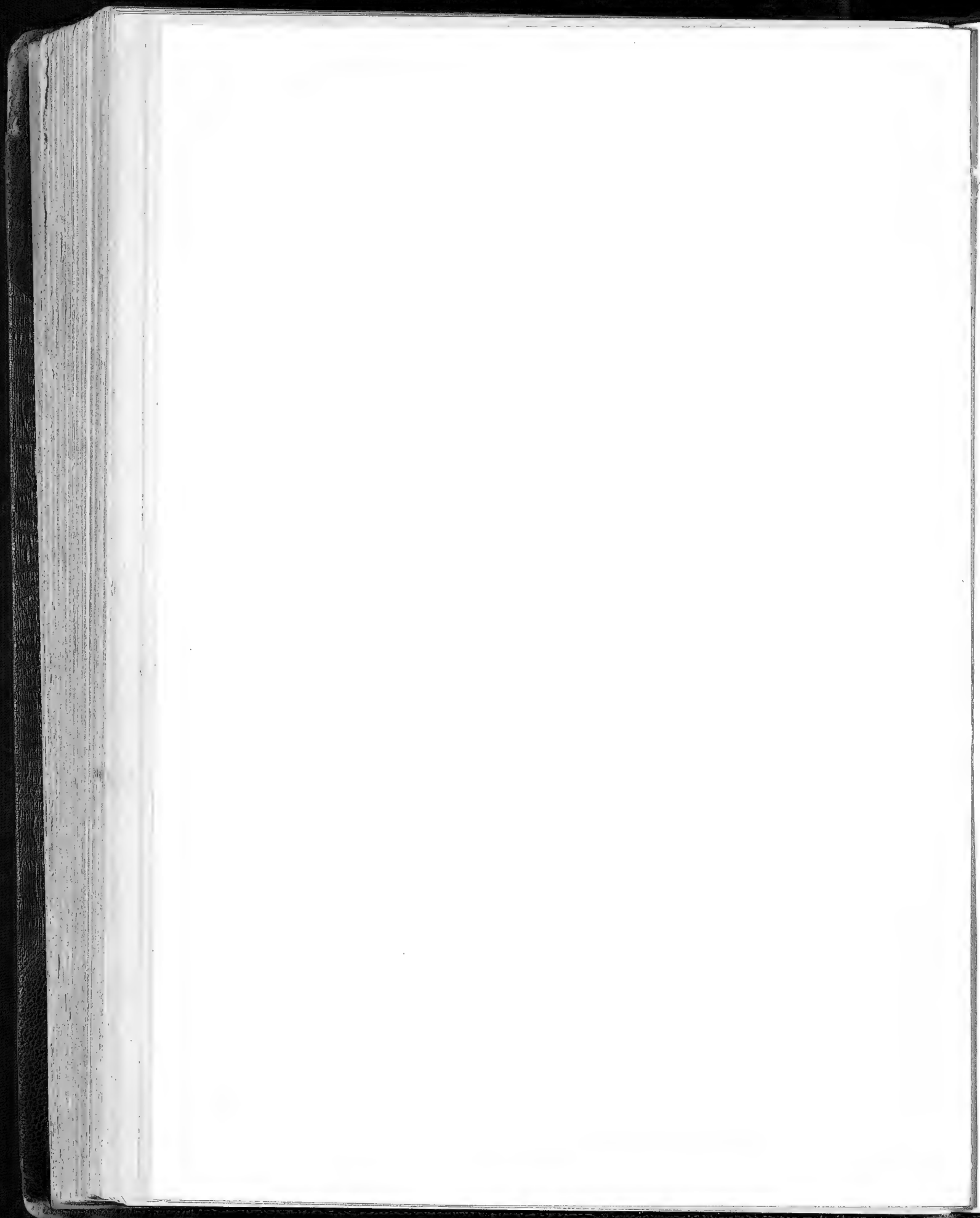
7846

Case 22.

A. Farnsworth

Amesbury 20 Feb 1850
 P. S. George Washington at New York
 One more, rec'd - 20 Feb 1850

никтоне ждалъ. Казалось, Испанія всего меньше могла доставить Наполеону военныхъ затрудненій. Ея армія почти не существовала; то, что было, находилось фактически въ плѣну у французовъ,—въ качествѣ „союзниковъ“, испанскія войска стояли въ сѣверной Германіи. Небольшія силы, оставшіяся дома, были разбиты въ первой же стычкѣ тремя французскими дивизіями. Оставались толпы кое-какъ вооруженныхъ испанскихъ мужиковъ,—скорѣе объектъ карательныхъ экспедицій, чѣмъ войско, съ которымъ стоило бы считаться. И какъ ударъ грома изъ яснаго неба пришла въ серединѣ лѣта 1808 года вѣсть, что французская армія въ Андалузій положила оружіе передъ этими мужиками. Байленская капитуляція отняла у Наполеона ничтожную часть его „Большой арміи“: всего семнадцать тысячъ человѣкъ сдались вмѣстѣ съ генераломъ Дюпономъ. Но по своему моральному впечатлѣнію это былъ ударъ, какого еще не переживала наполеоновская Франція. Имъ начинался второй періодъ наполеоновскихъ войнъ,—кончившійся катастрофой 1812 года и взятіемъ Парижа.

Ничтожная въ военномъ отношеніи неудача почти возвращала Францію къ положенію 1805 года—до Аустерлица и Фридланда. Реальной основой владычества Наполеона въ Германіи было постоянное присутствіе французской арміи между Эльбой и Вислой. Она сжимала въ тискахъ Пруссію, сторожила Австрію, служила грознымъ напоминаніемъ Александру. Теперь для того, чтобы возстановить положеніе въ Испаніи, понадобилось взять три корпуса изъ

Германіи—на сто тысячъ солдатъ ослабить силы, оккупировавшія Пруссію. Того, что оставалось—60—80 тысячъ человѣкъ—едва хватало для надзора за этой послѣдней: Россія и Австрія, даже каждая въ отдѣльности, были теперь, по крайней мѣрѣ, равносильны французамъ, если не сильнѣе ихъ. Польская армія только формировалась: два года спустя, она еще не превышала пятидесяти тысячъ человѣкъ. Возобновленіе коалиціи въ этотъ моментъ заставило бы Наполеона бросить Испанію—и тѣмъ закрѣпить моральное впечатлѣніе Байлена на Европу: Жозефу уже пришлось покинуть Мадридъ, и невозможность вернуть въ Испанію только что посаженного туда короля равнялась признанію, что французы не въ состояніи удержаться на Пиренейскомъ полуостровѣ, что у Франціи фактически уже отобрана часть ея завоеваній. Этого слѣдовало избѣгать во всякомъ случаѣ и во что бы то ни стало. Между тѣмъ 1809 годъ какъ разъ былъ срокомъ, къ которому оканчивалась реорганизация австрійской арміи, долженствовавшая, дѣйствительно, довести ее до нормы, оставшейся лишь проектомъ въ 1805 году. Въ 1807 году Австрія отказалась присоединиться къ Бартенштейнскому соглашенію, ссылаясь именно на этотъ срокъ, и Россіи было хорошо извѣстно, что *теперь* уклонившійся тогда союзникъ готовъ вступить въ бой съ Наполеономъ. Сама Россія была почти свободна; Шведская война отнимала ничтожную долю ея силъ, Турецкая—немногимъ больше, притомъ съ Турціей всегда легко было заключить миръ, отказавшись на время отъ дунайскихъ княжествъ.

Положеніе Наполеона было до крайности затруднительное. Германіи чрезвычайно тяжело доставался гнетъ „континентальной системы“: при всемъ раболѣпствѣ государей Рейнскаго союза передъ Франціей, они не могли бы удержать своихъ подданныхъ отъ присоединенія къ Австріи и Россіи, разъ войска коалиціи вступили бы на германскую почву. Но Австріи и Россіи здравый смыслъ диктовалъ—пользоваться минутой. Нужно было во что бы то ни стало расколоть возможныхъ союзниковъ раньше, чѣмъ они успѣли столкнуться. Нужно было произвести демонстрацію, которая ослѣпила бы глаза наивныхъ нѣмцевъ—и заставила бы ихъ думать, что могущество Наполеона такъ же прочно, какъ оно было годъ тому назадъ. А для этого нужно было показаться въ центрѣ Германіи рука объ руку со своимъ „другомъ“, императоромъ Александромъ; пусть люди вѣрятъ, что союзъ Россіи и Франціи несокрушимъ и вѣченъ, тогда они десять разъ подумаютъ прежде, чѣмъ ссориться съ Наполеономъ. А затѣмъ, мы уже видѣли, какъ ловко пользовался императоръ французомъ чужимъ добромъ, останками еще живой Турціи, чтобы бросить яблоко раздора между державами стараго порядка: Александръ твердо надѣялся привезти изъ Эрфурта „кусочекъ Турціи“, и на этомъ надо было играть. Игра была ведена мастерски: Эрфуртскій конгрессъ на три года отсрочилъ столкновение съ Россіей, на четыре—образованіе коалиціи и далъ возможность Франціи скопить такіе запасы силъ, которыя самую коалицію помогли ей растянуть почти на три года.

Само собою разумѣется, что такой результатъ не могъ быть достигнутъ личнымъ умѣньемъ Наполеона, какъ бы велико оно ни было. Въ сентябрѣ 1808 года объективныя условія на востокѣ Европы были за него. Прежде всего крайне выгодно для него было соотношеніе силъ внутри Россіи. Оппозиція, вызванная Тильзитскимъ миромъ, еще не успѣла охватить народной массы. Настроеніе даже широкихъ круговъ дворянства еще не вполне опредѣлилось: къ проектамъ Сперанскаго только что приступали, и Александръ еще твердо надѣялся осуществленіемъ этихъ проектовъ примирить съ собою дворянское общество *). Будировали пока только придворные круги, верхушки землевладѣльческой знати: но ихъ оппозиція сразу приняла такую форму, которая должна была до чрезвычайности раздражать самую чувствительную сторону Александра,—его личное самолюбіе. Уже разрывъ съ Англіей поставилъ дѣло на эту, личную, почву: англійская дипломатія, правильно оцѣнивая социальный вѣсъ дворянства, но нѣсколько торопясь использовать его въ своихъ цѣляхъ, поспѣшила популяризировать въ петербургскихъ салонахъ только что появившіеся памфлеты противъ Тильзита. Одна изъ брошюръ, особенно обидная лично для Александра Павловича, была услужливо доставлена ему французскимъ посланникомъ: это было непосредственнымъ поводомъ къ тому разрыву съ „молодыми друзьями“, о которомъ мы уже говорили. Петербургская оппозиція должна была на нѣкоторое время ступешаться:

*) См. гл. II, стр. 48, 61.

скоро она опять ожила въ Павловскѣ, въ гостинныхъ императрицы Маріи Феодоровны. То, что говорилось здѣсь вполголоса и съ придворными умышленіями, гораздо громче можно было слышать въ Вѣнѣ. Аристократическіе кружки двухъ центровъ легитимизма были связаны тысячами нитей. Русскій посланникъ въ Вѣнѣ, Разумовскій, былъ болѣе австрійцемъ, чѣмъ любой изъ старыхъ слугъ габсбургскаго дома. Въ салонахъ его и его австрійской родни совершенно открыто предавались воспоминаніямъ объ 11 марта 1801 года. Русско-французскій союзъ при такихъ обстоятельствахъ становился личнымъ дѣломъ Александра; ему надо было доказать во что бы то ни стало, что правъ онъ, а не его придворные критики, что Тильзитъ, дѣйствительно, облагодѣтельствовалъ Россію. И покадавленіе снизу не было настолько сильно, чтобы разбудить въ немъ чувствосохраненія—какъ это случалось позже, въ 1811 году—чувство собственного достоинства не позволяло ему спустить флагъ передъ аристократической камарильей Вѣны и Павловска. Не даромъ „молодыхъ друзей“ изъ родовитаго дворянства смѣнили около него какъ разъ въ это время плебей Сперанскій,—поѣхавшій съ нимъ въ Эрфуртъ.

Канва, на которой могъ вышивать Наполеонъ, была готова. Александръ давно требовалъ эвакуаціи Польши и Пруссіи „Большой арміей“: едва узнавъ о Байленѣ, Наполеонъ извѣстилъ своего союзника о своемъ полномъ согласіи на эвакуацію, позаботившись о томъ, чтобы это извѣщеніе дошло до Петербурга раньше вѣсти о байленской катастрофѣ. Правда, черезъ нѣсколько дней истин-

ная связь явленій стала болѣе или менѣе понятна Александру—но первое впечатлѣніе было сдѣлано. Александръ давно требовалъ личнаго свиданія, давно осаждалъ Коленкура вопросами: „когда же мы ѣдемъ?“ Уже 22 мая (н. ст.) онъ отказался отъ своего первоначальнаго условія—разрѣшить при свиданіи восточный вопросъ—и готовъ былъ ѣхать безъ всякихъ условій; Наполеонъ подъ разными предлогами оттягивалъ дѣло. Теперь всѣ затрудненія исчезли. По командѣ французскаго императора всѣ государи Рейнскаго союза собрались въ Эрфуртъ—привѣтствовать гостя Германіи, друга императора Наполеона. Самъ господинъ этихъ коронованныхъ лакеевъ выѣхалъ навстрѣчу Александру за городъ, за нѣсколько верстъ. Возобновились дружескія изліянія Тильзита. Правда, придворная хроника сообщала о нѣкоторыхъ шероховатостяхъ: изъ устъ въ уста передавались слова Наполеона, что онъ подвергаетъ себя всѣмъ этимъ непріятностямъ только изъ-за Испаніи; рассказывали о сильной сценѣ между нимъ и его союзникомъ, когда Наполеонъ бросилъ на полъ шляпу и топталъ ее ногами; передавали о нѣкоторыхъ намѣренныхъ безтактностяхъ, способныхъ уколоть императора Александра,—въ родѣ раздачъ наградъ за Фридландъ въ его присутствіи. Но все это было болѣе или менѣе за кулисами. Официально все обстояло благополучно—и Александръ уѣхалъ изъ Эрфурта попрежнему союзникомъ Наполеона, увозя съ собою желанный „кусочъ Турціи“: по поводу дунайскихъ княжествъ состоялось соглашеніе, отвѣчавшее желаніямъ Россіи.

Когда отъ Австріи пришло предложіе по поводу коалиціи, оно было встрѣчено въ Петербургѣ такъ же, какъ встрѣтили подобное же предложіе въ Вѣнѣ въ 1807 году, послѣ Бартенштейнской конвенціи. Правда, Александръ обѣщалъ австрійскому посланнику, Шварценбергу, сдѣлать „все человѣчески возможное“, чтобы—въ качествѣ союзника Франціи—причинить Австріи какъ можно меньше вреда: и сдержалъ это обѣщаніе. Участіе Россіи въ начавшейся вслѣдъ затѣмъ австро-французской

войнѣ было чисто номинальнымъ. Но дальше этого его жертвы въ пользу „самаго прекраснаго и самаго справедливаго дѣла“ не пошли. Наполеонъ достигъ своей цѣли: онъ раскололъ коалицію еще раньше, чѣмъ она успѣла образоваться. Онъ могъ уничтожить союзниковъ 1805 года по частямъ: покончивъ съ Австріей въ 1809 году, онъ имѣлъ теперь полную возможность, на досугѣ и не спѣша, готовить походъ 1812 года въ Россію.

2.

Война за „освобожденіе Европы“.

1. Разрывъ русско-французскаго союза.

Около 1810 года борьба между Англіей и Франціей дошла до своего критическаго момента. Континентальная блокада, поддерживаемая со всею суровостью военнаго положенія, начинала давать нѣкоторые результаты. Французская промышленность, освобожденная отъ конкуренціи, понемногу завоевывала европейскій рынокъ; съ Франціей дѣлили ея выгоды другія страны, попавшія „подъ иго Наполеона“: расцвѣтъ текстильнаго производства въ Саксоніи падаетъ какъ разъ на это время. Европейская буржуазія оказывалась все болѣе и болѣе заинтересованной въ поддержаніи французскаго владычества. Переживъ первое тяжелое время, она могла освоиться съ континентальной блокадой, привыкнуть обходиться безъ англійскихъ фабрикатовъ, перенести къ себѣ домой англійскую технику. Наоборотъ, дальнѣйшее развитіе этой послѣдней было бы крайне затруднено суженіемъ рынка; производство уже теперь чувствова-

лось; количество безработныхъ росло—и рядомъ съ этимъ французскіе агенты съ радостью извѣщали свое правительство о все новыхъ и новыхъ банкротствахъ въ Сити. Англія начинала вариться въ собственномъ соку. Оставалось, повидимому, только позаботиться о томъ, чтобы китайская стѣна, воздвигнутая вокругъ англійскихъ мануфактуръ, становилась все выше и прочнѣе. Въ ней былъ однако же одинъ дефектъ: Пиренейскій полуостровъ, пока на немъ держалась англійская армія, пока не было подавлено возстаніе испанскаго крестьянства, былъ постоянной зияющей брешью въ „континентальной системѣ“. Попыткѣ задѣлать эту брешь теперь послѣ Вѣнскаго мира (1809 г.), связавшаго Австрію по рукамъ и ногамъ, были посвящены всѣ наличныя силы Наполеона: къ началу 1811 года въ Испаніи было сосредоточено до 270.000 войска—въ полтора раза больше, чѣмъ понадобилось ему въ 1805 году, что-

бы разгромить Австрію, и въ 1806, чтобы превратить Пруссію въ географическій терминъ. Но на Пиренейскомъ полуостровѣ все пропадало, какъ въ бездонной бочкѣ. И вотъ, какъ разъ теперь, съ каждымъ мѣсяцемъ становилось все яснѣе, что система имѣетъ и другую брешь: и что эту другую брешь представляютъ собою владѣнія „друга“ и „союзника“ французскаго императора.

Къ Наполеону приходили извѣстія, что шестьсотъ—потомъ говорили о тысячѣ двухстахъ — кораблей подъ разными флагами, но нагруженныхъ англійскимъ товаромъ, направляются къ сѣверо-восточнымъ портамъ. Готенбургъ на берегахъ Швеціи былъ ближайшимъ этапомъ: отсюда шло распредѣленіе запретнаго груза небольшими, мало замѣтными партіями по всѣмъ портамъ Балтійскаго моря. Львиная доля должна была достаться Россіи, — гораздо больше, чѣмъ она могла потребить при тогдашнемъ развитіи своего хозяйства. Континентальная блокада создавала въ Россіи оригинальный транзитъ: англійскіе товары шли въ западную Европу по нашимъ рѣчнымъ путямъ, какъ нѣкогда, въ дни кievской Руси, шли такимъ образомъ мануфактурныя произведенія Востока. Съ береговъ Балтики англійская контрабанда шла на австрійскую границу, къ Бродамъ—гдѣ образовался передаточный пунктъ почти не меньшей важности, чѣмъ въ Готенбургѣ. Отсюда запретные товары наводняли Герцогство Варшавское, Австрію и Пруссію,—пробираясь далѣе до южной Германіи и даже Швейцаріи. Здѣсь контрабанда, шедшая съ сѣверо-востока, подавала руку контра-

бандѣ, шедшей съ юго-запада черезъ все еще не покоренную Испанію.

Англійскіе контрабандисты удостоились высокой чести—быть предметомъ непосредственной переписки двухъ „владыкъ міра“. Шестьсотъ кораблей, о которыхъ мы упоминали выше, давъ уже ранѣе предметъ для дипломатическихъ нотъ, въ концѣ концовъ вызвали осенью 1810 года специальное посланіе Наполеона къ императору Александру,—отправленное притомъ въ Петербургъ не обычнымъ путемъ, а съ особо довѣреннымъ лицомъ, флигель-адъютантомъ русскаго императора, Чернышевымъ.

„Англичане очень страдаютъ отъ присоединенія (къ Франціи) Голландіи и отъ предписанной мною оккупациі портовъ Мекленбурга и Пруссіи“, писалъ Наполеонъ. „Каждую недѣлю въ Лондонѣ происходятъ банкротства, вносящія смятеніе въ Сити. Фабрики стоятъ безъ дѣла; склады переполнены. Я только что приказалъ конфисковать во Франкфуртѣ и въ Швейцаріи огромное количество англійскихъ и колоніальныхъ товаровъ. Шестьсотъ англійскихъ судовъ, которыя блуждали въ Балтійскомъ морѣ и не были приняты ни въ Мекленбургѣ, ни въ Пруссіи, направились къ владѣніямъ вашего величества. Если вы ихъ примете, война будетъ продолжаться; если вы ихъ секвеструете и конфискуете ихъ грузъ въ гавани или уже на берегу, Англіи будетъ нанесенъ страшный ударъ: всѣ эти товары принадлежатъ англичанамъ. Отъ вашего величества зависитъ имѣть миръ или продолжать войну. Миръ есть и долженъ быть вашимъ желаніемъ. Вашему величеству ясно, что мы достигнемъ его,

если Россія конфискуетъ эти шесть-сотъ судовъ и ихъ грузъ. Какія бы бумаги у нихъ ни были, чѣмъ бы именемъ они ни прикрывались, выдавали ли бы они себя за французовъ, нѣмцевъ, испанцевъ, датчанъ, русскихъ, шведовъ — ваше величество можете быть увѣрены, что это англичане“.

Отъ конфискаціи англійской контрабанды зависѣлъ миръ Европы... Такія строки можно было написать только въ отчаяніи, — и только отчаяніемъ, сознаніемъ невозможности задавить Англію, какіе бы убытки она ни терпѣла, можно объяснить странныя колебанія въ экономической политикѣ Наполеона, до тѣхъ поръ такой твердой и послѣдовательной. Безсильный заткнуть всѣ дыры въ континентальной блокадѣ — онъ приходитъ къ химерической идеѣ: устроить, по крайней мѣрѣ, такъ, чтобы сами нарушенія блокады шли на пользу Франціи.

Въ блокадѣ были двѣ стороны. Одной она опиралась на вполнѣ реальныя потребности континентальнаго капитализма — на борьбу за рынки болѣе отсталой промышленности материка съ самой передовой промышленностью Европы. Въ данномъ случаѣ блокада играла ту же роль, что и всякая сильная таможенная охрана вновь возникающей промышленности: она ускоряла развитіе послѣдней, поскольку у нея были свои собственные корни, и была вредна не производителямъ, а потребителямъ, вынужденнымъ въ теченіе нѣкотораго времени переплачивать на мануфактурныхъ произведеніяхъ. Пока рѣчь шла объ обмѣнѣ фабрикатовъ, наполеоновская система, такимъ образомъ,

не вступала въ борьбу съ законами природы, а лишь форсировала тѣ тенденціи, которыя всегда и вездѣ были свойственны полицейскому государству — и которыя вполнѣ привычны для всякой буржуазіи на первыхъ стадіяхъ капиталистическаго развитія. Оттого въ этой области блокада и была, какъ мы видѣли, успѣшна — всюду, гдѣ были данныя для самостоятельнаго развитія крупной промышленности. Но въ „системѣ“ была и другая сторона, — гдѣ „система“ являлась противоестественной, вступала въ борьбу не только съ иноземными конкурентами Франціи, а съ законами природы — и гдѣ поэтому она неизбѣжно терпѣла полное пораженіе. Это была область обмѣна сырья. Безъ колониальныхъ продуктовъ Европа не могла обходиться: если бы даже удалось замѣнить какими-нибудь суррогатами чай и кофе (какъ это удалось относительно сахара), если бы даже примириться съ лишеніемъ американскаго табака — то какъ разъ возникающая текстильная промышленность не могла обойтись безъ хлопка. Но все, что привозилось изъ-за океана, съ точки зрѣнія „континентальной системы“ было англійскимъ товаромъ: потому что ни одинъ колониальный продуктъ не могъ проникнуть въ Европу иначе, какъ на англійскомъ суднѣ или, по крайней мѣрѣ, съ дозволенія англичанъ — что для Наполеона было одно и то же. Всѣ попытки прекратить контрабанду этого рода били въ лицо ту самую буржуазію, ради интересовъ которой были запрещены къ привозу англійскіе фабрикаты. И какъ разъ послѣ того, какъ переходъ всѣхъ испанскихъ колоній въ руки Англіи оконча-

тельно закрѣпилъ ея перевѣсъ въ этой области, Наполеонъ былъ вынужденъ узаконить колониальную контрабанду. Такъ называемый „тріанонскій“ тарифъ, утвержденный Наполеономъ 5 августа 1810 г., разрѣшалъ ввозъ колониальныхъ товаровъ—хотя бы и прошедшихъ черезъ англійскія руки, съ уплатой высокой таможенной пошлины. Тарифъ дополнялся системой „разрѣшеній“ (licences), позволяющихъ фактически и прямую торговлю съ Англіей колониальными продуктами—подъ условіемъ вывоза произведеній французской промышленности на равную сумму. Licences давали поводъ къ массѣ всевозможныхъ злоупотребленій: посредствомъ нихъ, въ сущности, было можно просто откупиться отъ „континентальной системы“. Совершенно правильно ихъ рассматриваютъ поэтому, какъ одинъ изъ симптомовъ разложенія наполеоновскаго господства вообще. Но на первыхъ порахъ французское правительство ревниво оберегало свою монополію выдавать „разрѣшенія“. Всякій товаръ англійскаго происхожденія, кромѣ колониальнаго, оплаченнаго высокой пошлиной, подлежалъ истребленію немедленно по обнаруженіи. Это было еще разъ подтверждено Тріанонскимъ тарифомъ—и къ этому неустанно приглашались всѣ союзники императора Наполеона.

Тріанонскій тарифъ провелъ рѣзкую демаркаціонную черту между двумя половинами континентальной Европы. Онъ былъ выгоденъ для странъ, уже обладавшихъ большими зачатками крупной промышленности: Саксонія, западная Германія, Бельгія, сѣверная Италия были теперь тѣснѣе привязаны къ Франціи, чѣмъ когда бы то ни

было ранѣе. Но онъ былъ смертельнымъ ударомъ для странъ, жившихъ вывозомъ сырья, покупавшихъ, а не продававшихъ фабрикаты: Швеція, вывозившая въ Англію лѣсъ и продукты своихъ рудниковъ, сѣверо-восточная Германія, Польша и Россія, гдѣ крупное землевладѣніе одинаково было заинтересовано въ хлѣбномъ экспортѣ,—всѣ онѣ остались по ту сторону этой демаркаціонной черты. Можно сказать, что Тріанонскій тарифъ намѣтилъ основную группировку будущей коалиціи. Вопреки всѣмъ политическимъ предвидѣніямъ, Пруссія, Швеція и Россія должны были стать ея непремѣнными членами—Пруссія, несмотря на то, что ея король, окончательно терроризированный разгромомъ Австріи, въ это время не уступалъ въ сервиллизмѣ ни одному изъ нѣмецкихъ государей и всего ждалъ отъ союза съ Наполеономъ, Швеція, несмотря на то, что французскій маршалъ только что сдѣлался въ ней наслѣднымъ принцемъ и фактическимъ государемъ,—въ виду дряхлости номинальнаго короля. Для Россіи отказъ принять Тріанонскій тарифъ былъ тѣмъ Рубикономъ, за которымъ начался Двѣнадцатый годъ: все остальное, отъ мелкихъ недоразумѣній личнаго свойства, въ родѣ неудачнаго сватовства Наполеона за русскую великую княжну или обиды, нанесенной тѣмъ же Наполеономъ владѣтельнымъ правамъ голштинской династіи въ Ольденбургѣ,—до самаго крупнаго по внѣшности конфликта изъ-за вопроса о возстановленіи Польши, все это, такъ или иначе, тянетъ къ основной причинѣ—экономическому разрыву на почвѣ Тріанонскаго декрета 1810 года.

„Если англичане продержатся еще нѣсколько времени, я не знаю, что тогда будетъ и что намъ дѣлать“, сказали однажды Наполеонъ Чернышеву—въ полной увѣренности, конечно, что его слова незамедлительно дойдутъ до Александра Павловича. Союзники Франціи должны были понять, что вопросъ о континентальной блокадѣ есть вопросъ жизни и смерти для имперіи Наполеона. Если они не умѣли или не хотѣли этого понять, они уже не были союзниками, хуже того—они были измѣнниками. Ихъ нужно было силой принудить къ повиновенію—середины не было. Отказъ Россіи отъ блокады, прямой или хотя бы косвенный, долженъ былъ заставить Наполеона воевать, хотѣлъ онъ этого или нѣтъ: вотъ почему споръ о томъ, кто былъ виновникомъ войны 1812 года, является совершенно празднымъ. Вины были тѣ самыя объективныя условія, которыя въ 1809 году предупредили войну. Если въ дни эрфуртскаго свиданія настроеніе русскаго общества было таково, что Александръ могъ въ послѣдній разъ сыграть роль „друга“ императора французовъ—и могъ надѣяться извлечь изъ этого пользу, то въ концѣ 1810 года рискованность подобной попытки была слишкомъ очевидна: это былъ тотъ моментъ, когда всѣ наблюдатели, безъ различія направленій, констатировали полное отсутствіе „довѣренности и усердія“ къ русскому правительству со стороны его подданныхъ. Становилось совершенно ясно, что переломить экономическое развитіе Россіи было бы безуміемъ; что воевать легче, чѣмъ переносить долѣе тягости континентальной блокады. И когда Александру категориче-

ски было предъявлено двойное требованіе: во-первыхъ, не пускать къ себѣ англичанъ—„за кого бы они себя ни выдавали“, и безпощадно истреблять всякій подозрительный грузъ, какимъ бы нейтральнымъ флагомъ онъ ни прикрывался; и, во-вторыхъ, признать новый французскій тарифъ обязательнымъ и для Россіи,—у русскаго императора уже не было болѣе колебаній. Онъ не только отказался слушать второе требованіе, заявляя, что таможенные тарифы представляютъ внутреннее дѣло страны, въ которое другія державы, хотя бы союзныя, не имѣютъ права вмѣшиваться, что принять Трианонскій тарифъ значило бы обнаружить „слишкомъ мало заботъ о благосостояніи своихъ подданныхъ“. Онъ не только продолжалъ пускать къ себѣ англичанъ, если они являлись въ наши порты подъ американскимъ флагомъ—и позволилъ безпрепятственно выгрузиться между прочимъ болѣею части тѣхъ шестисотъ кораблей (самъ Александръ насчитывалъ ихъ только сто), о которыхъ такъ хлопоталъ Наполеонъ. Онъ сдѣлалъ гораздо больше: онъ отвѣтилъ на Трианонскій декретъ русскимъ тарифомъ 31 декабря 1810 года, представлявшимъ собою нечто иное, какъ формальное объявленіе таможенной войны Франціи.

Англійская торговля уносила изъ Россіи дешевое сырье и давала въ обмѣнъ или золото или цѣнные фабрикаты. Къ совсѣмъ инымъ послѣдствіямъ должна была вести торговля съ Франціей. Въ первое время послѣ Тильзитскаго мира Наполеонъ дѣлалъ попытки эксплуатировать русское сырье: но при крайней дороговизнѣ сухопутной перевозки на лошадяхъ, это

можно было сдѣлать только на мѣстѣ. Французское правительство пробовало заказывать въ Россіи корабли — но они оказывались не важными въ техническомъ отношеніи и не стоили тѣхъ хлопотъ, какія доставляла ихъ переправа во Францію по морямъ, усѣянными англійскими крейсерами. Выгоднѣе было закупить лѣсъ, пеньку для канатовъ, холстъ для парусовъ гдѣ-нибудь поближе, — на примѣръ, въ Германіи, — хотя часто все это и было русскаго происхожденія. Стоимость сухопутной перевозки выдерживали зато ліонскія шелковыя матеріи и другіе предметы роскоши: но въ обмѣнъ на нихъ изъ Россіи уходило не сырье, а золото. Съ точки зрѣнія меркантилизма, — по старой рутинѣ опредѣлявшаго взгляды тогдашнихъ русскихъ финансовъ, хотя бы и читавшихъ Адама Смита — въ этомъ была главная причина паденія курса ассигнацій. „Не надо выпускать золото изъ страны“, учили меркантилизмъ: а для этого надо не пускать въ страну предметовъ роскоши, или пускать ихъ возможно меньше и осторожнѣе. Тарифъ 1810 года вдохновлялся въ сущности тѣми же идеями, какъ и старый „ново-торговый уставъ“ 1667 года. Высокая, иногда запретительная пошлина на шелковыя матеріи, кружева и тому подобное и строжайшія мѣры противъ контрабандной торговли этими предметами: вотъ къ чему въ основномъ сводился поворотъ въ русской таможенной политикѣ, отмѣченный указомъ 18/31 декабря. При официальномъ, по крайней мѣрѣ, — разрывѣ торговыхъ сношеній съ Англіей эта мѣра могла бить только подданныхъ императора Наполеона и никого другого: то,

что отъ новаго тарифа страдали нѣмецкіе его подданные изъ государствъ Рейнскаго союза наравнѣ съ французами, — какъ пробовалъ указывать русскій посолъ Куракинъ, — было самымъ плохимъ утѣшеніемъ, какое только можно придумать. А чтобы не было сомнѣній, что дѣло шло о нанесеніи удара французской торговлѣ, какъ наиболѣе вредной, строгія постановленія о контрабандѣ распространялись только на товары, привезенные сухимъ путемъ: морская, т. е. англійская, контрабанда преслѣдовалась гораздо мягче, ввезенные моремъ товары конфисковались, но не сжигались. Послѣ этого Александръ сколько угодно могъ утверждать, что онъ не собирается мириться съ Англіей: фактически экономическій миръ съ Англіей былъ заключенъ въ ту самую минуту, когда Франція была объявлена таможенная война. Надо прибавить, что указъ 18 декабря былъ формальнымъ нарушеніемъ Тильзитскаго договора, — ставившаго торговые сношенія между Россіей и Франціей на почву трактата 1787 года — и, само собою разумѣется, подразумевавшаго, что всякія измѣненія въ *status quo* должны устанавливаться по обоюдному соглашенію. Когда русскому правительству было указано на это, оно отвѣтило, что Франціей такъ же были повышены пошлины на поташъ, чай, ремень, рыбій жиръ и другіе предметы, привозимые изъ Россіи, безъ какого-либо соглашенія съ послѣдней. Нѣтъ надобности объяснять, что пошлина на рыбій жиръ въ двадцать лѣтъ не могла вынуть изъ русскаго кармана столько, сколько могла вложить туда въ одинъ годъ, пошлина на ліонскій бархатъ.

Александръ не зналъ еще тогда, что въ его распоряженіи уже имѣется гораздо лучший отвѣтъ на всякіе упреки формальнаго свойства. Русскій указъ еще никому не могъ быть извѣстенъ во Франціи, когда французскій сенатъ нанесъ Тильзитскому договору, если не болѣе существенное, то во всякомъ случаѣ гораздо болѣе явное оскорбленіе. Въ Тильзитѣ была гарантирована между прочимъ неприкосновенность владѣній германскихъ родственниковъ русскаго императорскаго дома—въ томъ числѣ герцога Ольденбургскаго. Въ концѣ 1810 года, въ борьбѣ съ англійской контрабандой, Наполеонъ почувствовалъ необходимость взять подъ непосредственное наблюденіе императорскаго правительства всю береговую линію Германіи: 13 декабря сенатъ постановилъ, что ганзейскіе города со всѣми ихъ владѣніями и прилегающими къ нимъ территоріями присоединяются къ французской имперіи. Въ числѣ этихъ прилегающихъ территорій было и герцогство Ольденбургское. Самъ Наполеонъ, по видимому, желалъ еще въ то время по возможности шадить родственника русскаго государя—и вступилъ со злосчастнымъ герцогомъ въ нѣкоторое подобіе переговоровъ. Но императорская администрація привыкла дѣйствовать быстро, по военному: въ одинъ прекрасный день Ольденбургъ занятъ былъ французскими войсками, французскіе чиновники расположились въ немъ, какъ дома—а герцогу было заявлено, что если онъ не намѣренъ принять французское подданство, то долженъ будетъ выселиться на территорію, которую императору французовъ угодно будетъ ему по-

жаловать взаимъ Ольденбурга. Неизвѣстно, призналъ ли бы дѣйствія своей администраціи Наполеонъ въ обычное время: но одновременно съ докладомъ объ ольденбургскомъ дѣлѣ въ Парижъ должно было прійти и извѣстіе объ объявленіи Россіей Франціи таможенной войны. Маленькій родственникъ русскаго царя долженъ былъ стать первой его жертвой: декретомъ 22 января 1811 года Ольденбургъ былъ безъ дальнихъ околичностей присоединенъ къ Франціи.

Современные французскіе историки оспариваютъ, чтобы этой выходкой Наполеонъ желалъ отвѣтить личнымъ оскорбленіемъ Александра на ударъ, нанесенный русскою политикой экономическимъ интересамъ Франціи. Если это случилось и нечаянно, во всякомъ случаѣ нарочно нельзя было ударить больнѣе. Мы уже знаемъ, какъ сильно было развито личное самолюбіе у Александра; мы знаемъ, какъ его соблазняла роль покровителя Европы, защитника слабыхъ—причемъ въ числѣ этихъ слабыхъ, нуждавшихся въ защитѣ Александра, бывали короли и даже императоры. И вотъ теперь на его глазахъ оскорбляли члена его собственной семьи—и ему не могъ онъ помочь. Онъ самъ почти попадалъ въ то положеніе безнаказанно обижаемаго, въ какомъ онъ привыкъ видѣть короля прусскаго—и до котораго онъ никогда не считывалъ унизиться. До чего можетъ зарваться этотъ выскочка—долженъ былъ онъ подумать, услыхавъ, что его родственнику, члену одной изъ древнѣйшихъ династій, предки котораго въ продолженіе 700 лѣтъ носили корону—предлагали сдѣлаться ни болѣе, ни менѣе,—какъ француз-

скимъ подданнымъ! Не даромъ обида герцога Ольденбургскаго играетъ въ послѣдней перепискѣ Александра съ Наполеономъ такую выдающуюся роль: и читая, какъ русскій императоръ подробно и тщательно перечисляетъ права своего дома на Ольденбургъ, вы чувствуете, что здѣсь идетъ рѣчь о его личномъ, кровномъ дѣлѣ, и что онъ не потому только номинутно къ нему возвращается, что трудно было найти лучший формальный предлогъ для разрыва союза.

Мы сказали: „предлогъ“. Ольденбургское дѣло часто разсматривали, какъ одну изъ причинъ войны 1812 года—и, слегка поддаваясь настроенію самого Александра Павловича, какъ одну изъ главныхъ причинъ. Письма, напечатанныя въ приложеніи къ мемуарамъ Чарторыйскаго, должны совершенно устранить такое толкованіе: война была рѣшена въ умѣ Александра раньше, чѣмъ онъ узналъ о захватѣ Ольденбургскаго герцогства французами. Обстоятельства, а не личная воля русскаго императора, были виною того, что Наполеонъ получилъ въ свое распоряженіе лишній годъ, и притомъ самый цѣнный для него годъ, для подготовки русскаго похода. Весной 1811 года Россія была готова начать войну при самыхъ благопріятныхъ для нея условіяхъ. Преувеличивая, по обыкновенію, свои силы, Александръ считалъ возможнымъ бросить на западную границу отъ двухсотъ до двухсотъ пятидесяти тысячъ человѣкъ: больше онъ не имѣлъ и въ іюнѣ 1812 года. Но вмѣсто полумилліонной „Большой арміи“ за годъ раньше передъ нимъ было 46 тысячъ французскъ маршала Даву, разбросанныхъ по

всей Пруссіи, да едва пятидесяти-тысячная польская армія, — которую притомъ онъ готовъ былъ считать въ числѣ союзниковъ, а не враговъ. Ибо на этомъ вертѣлся весь планъ кампаніи 1811 года, какъ рисовался онъ Александру Павловичу: возстановленіе Польши руками Россіи и переходъ, въ уплату за это, польской арміи отъ Наполеона къ Александру — такова была центральная идея этого плана.

Мы видѣли, что въ свое время образованіе Герцогства Варшавскаго было главнымъ ударомъ, какой нанесъ Тильзитскій договоръ русской политикѣ. Это была такая же зияющая брешь на русской западной границѣ, какую сама Россія представляла въ системѣ континентальной блокады. Она пугала не столько настоящимъ, сколько будущимъ. Призракъ возстановленной Польши все время не оставлялъ встревоженнаго воображенія русскихъ дипломатовъ — получить отъ Наполеона гарантію того, что Польша „никогда не будетъ возстановлена“, составляло мечту императора Александра. Только въ самые послѣдніе мѣсяцы передъ разрывомъ рѣшился онъ поставить это требованіе въ такой обнаженной формѣ: и отказъ Наполеона, — отказъ, котораго ожидали, могъ лишь убѣдить его, что разрывъ неизбеженъ. Но раньше этого были годы испытаній и колебаній, въ теченіе которыхъ французскій императоръ и его министры не разъ давали торжественныя увѣренія, что французскому правительству и въ голову не приходитъ возстановлять Польшу — и каждый разъ достаточно скоро появлялось достаточно фактовъ,

чтобы опровергнуть эти увѣренія или, по крайней мѣрѣ, сдѣлать ихъ весьма сомнительными. Вѣнскій миръ, увеличившій населеніе Герцогства Варшавскаго почти на два милліона душъ, долженъ былъ окончательно укрѣпить эти сомнѣнія: теперь три четверти этнографической Польши были уже объединены подъ одной властью. За послѣдней четвертью дѣло не могло остановиться надолго, а возрожденіе польской національности, естественно, ставило дальнѣйшій вопросъ о возрожденіи исторической Польши, — объ отобраніи у Россіи Литвы и всего, что ей досталось въ часы трехъ „разборовъ“. Послѣ разрыва Наполеонъ уже не скрывалъ своей мысли — возстановить Польшу *противъ* Россіи. Александръ обнаружилъ большую проницательность, попытавшись сдѣлать изъ Польши ближайшую опору своей анти-французской политики. Имѣя Польшу на своей сторонѣ, онъ вырывалъ изъ рукъ Наполеона главное оружіе, — и сразу переносилъ театръ войны на четыреста верстъ отъ русской границы.

Расчетъ Александра, несомнѣнно, имѣлъ подъ собою социальныя основанія. Подчиненная наполеоновскому кодексу и французской бюрократіи, Польша попрежнему оставалась дворянской страной. Но польское дворянство было не меньше русскаго заинтересовано въ сбытѣ своихъ продуктовъ на западъ: по отношенію къ „континентальной системѣ“ у него были интересы, общіе съ русскимъ и прусскимъ дворянствомъ, а совсѣмъ не

съ французской буржуазіей. Въ лицѣ Чарторыйскаго Александръ имѣлъ посредника въ переговорахъ съ польской знатію, лучше котораго было трудно найти. Онъ долженъ былъ убѣдить поляковъ, что русскій императоръ обезпечить ихъ національную независимость не хуже Наполеона: но что онъ дастъ больше Наполеона, даровавъ Польшѣ свободныя, конституціонныя учрежденія. Экономическія и политическія вожделѣнія польскаго дворянства удовлетворялись такимъ путемъ сразу: за это отъ него требовали только одного — измѣны челоуѣку, который первый подалъ раздѣленной Польшѣ надежду на политическое воскресеніе. Неизвѣстно, какъ отнеслось бы польское дворянство къ подобному предложенію, если бы русскія войска стояли въ Варшавѣ: три года спустя, оно довольно легко забыло Наполеона. Но въ 1811 году Александръ ждалъ перваго знака отъ поляковъ — и его должна была подать польская армія, — та часть польскаго народа, которая ближе всего стояла къ революціи и Наполеону. Спайка оказалась крѣпче, чѣмъ думали въ Петербургѣ: польская армія въ лицѣ своего главнокомандующаго, Понятовскаго, лишь только познакомилась съ планами Россіи, поспѣшила ихъ выдать Наполеону. Въ такой обстановкѣ замыслы Александра могли достичь лишь одной цѣли: они показали французскому императору, что съ войной надо спѣшить, не теряя ни минуты.

2. Двѣнадцатый годъ.

„Говорю это для васъ одного“, писалъ въ ноябрѣ 1811 года француз-

скій министръ иностранныхъ дѣлъ французскому послу въ Петербургѣ,

Лористону: „ольденбургское дѣло не имѣетъ значенія ни для насъ, ни для Россіи: вся суть въ торговыхъ интересахъ и континентальной системѣ“.

„Но Александръ объ этомъ никогда не заговорилъ бы первый, а Наполеонъ твердо рѣшилъ заговорить только во главѣ пятисотъ тысячъ солдатъ“, замѣчаетъ по поводу этихъ словъ новѣйшій историкъ Наполеона, Пока въ Парижѣ Куракинъ усиливался передать протестъ по ольденбургскому дѣлу, пятьсотъ тысячъ солдатъ начали медленно двигаться по направленію къ Вислѣ.

Походъ на Россію въ извѣстномъ смыслѣ напоминалъ эрфуртскій конгрессъ: и тамъ, и тутъ не малую роль играло желаніе произвести манифестацію, способную укрѣпить престижъ Наполеона тамъ, гдѣ онъ начиналъ падать, и освѣжить страхъ тѣхъ, кто переставалъ бояться. Заранѣе распространялись совершенно невѣроятныя цифры вооруженныхъ силъ имперіи, — напоминавшія наивныя разсказы греческихъ историковъ о полчищахъ Ксеркса. Наполеонъ не хуже Александра умѣлъ вздуть размѣры своихъ армій: разница только въ томъ, что онъ обманывалъ ими не себя и своихъ союзниковъ, а своихъ враговъ. Русскій патріотизмъ, какъ и греческій патріотизмъ Геродота въ свое время, охотно затверживалъ эти мнимыя велличины, — раздывая свою побѣду количествомъ пораженныхъ враговъ. Даже серьезные русскіе историки готовы были считать наполеоновскую армію въ шестьсотъ пятьдесятъ тысячъ человекъ. На самомъ дѣлѣ „списочный“ составъ ея доходилъ до 387.343 человекъ (не считая „вспомогатель-

ныхъ“, но весьма мало помогавшихъ, прусскаго и австрійскаго корпусовъ, перваго въ 20, втораго въ 26 тысячъ человекъ). Реальный составъ обыкновенно бываетъ на 10% ниже списочнаго, и едва ли Наполеонъ очень уменьшилъ свои силы 1812 года, когда въ послѣдствіи на о. св. Елены онъ опредѣлялъ ихъ въ 400.000 человекъ всего на все, вмѣстѣ съ союзниками. Во всякомъ случаѣ, это была самая крупная армія, какую когда-либо выдвигала Франція на одномъ театрѣ войны. Она была почти вдвое сильнѣе армій (ихъ было три), сосредоточенныхъ Александромъ на западной границѣ: 280 тысячъ всего, 200 тысячъ безъ запасныхъ и гарнизоновъ. Фантастическіе размѣры еще увеличивались въ томъ густомъ мракѣ, которымъ было окружено каждое движеніе арміи. Полки выступали въ походъ внезапно, часто глухой ночью, и шли, избѣгая большихъ городовъ. Маршалу Жюно было приказано выѣхать къ мѣсту своего командованія такъ, чтобы даже его адъютанты и прислуга не знали, куда онъ направляется. Едва ли всѣ эти мѣры могли обмануть русскихъ шпионовъ, если таковые были: въ послѣдствіи Наполеонъ превосходно зналъ число и расположеніе русскихъ войскъ не на основаніи разсказовъ уличныхъ зѣвакъ, а по точнымъ свѣдѣніямъ о количествѣ съѣстныхъ припасовъ и фуража, доставлявшихся въ тотъ или другой пунктъ. Такихъ вещей отъ наблюдателей-специалистовъ скрыть нельзя — и ночные походы больше были сценическимъ эффектомъ, рассчитаннымъ на воображеніе публики, чѣмъ серьезной мѣрой предосторожности. Но для той

же цѣли, если армія скрывалась, то ея вождь ѣхалъ на войну съ необычайнымъ, показнымъ великолѣпіемъ. Сотни и тысячи экипажей провожали императорскій кортежъ; на нѣсколь-ко дней были прерваны всѣ сноше-нія между Парижемъ и восточной границей Франціи, всѣ средства со-общенія были монополизированы им-ператоромъ, его дворомъ и штабомъ. Въ Германіи населеніе цѣлыхъ обла-стей было поднято на ноги для то-го, чтобы исправлять дороги, по ко-торымъ онъ ѣхалъ. Ночью огромные костры освѣщали путь, и зарево, подобно пожару, издали возвѣщало о приближеніи императорскаго поѣз-да. Весь дворъ съ полнымъ комп-лектомъ камергеровъ, шталмейсте-ровъ и нажей и со всей женской свитой императрицы ѣхалъ до Дрез-дена—гдѣ было назначено rendez-vous императора съ его вольными и невольными союзниками и гдѣ онъ долженъ былъ разстаться съ Ма-ріей-Луизой. Здѣсь строго соблюда-ли весь придворный чинъ Тюльери и С. Клу. Парадный серебряный сервизъ и коронные брилліанты были перевезены въ Дрезденъ: все показ-ное великолѣпіе величайшей въ мірѣ имперіи развѣтывалось во всей своей широтѣ передъ ошеломленными оби-тателями захолустной нѣмецкой сто-лицы. Кто сказалъ бы, что этого великаго и могущественнаго госуда-ря гонить къ холоднымъ русскимъ равнинамъ грубая экономическая не-обходимость? А между тѣмъ это бы-ло такъ. Трудно придумать болѣе рѣзкій контрастъ, чѣмъ тотъ, кото-рый существовалъ между великолѣ-піемъ императорскаго двора и со-стояніемъ народныхъ массъ во Фран-

ціи. Этотъ контрастъ бросался въ глаза уже въ дни празднествъ, со-провождавшихъ крещеніе наслѣдни-ка Наполеона, „короля Римскаго“, лѣтомъ 1811 года. Мрачныя толпы безработныхъ бродили по улицамъ С. Антуанскаго предмѣстья, мастер-скія были пусты—но не потому, что народъ желалъ праздновать. По но-чамъ въ разныхъ мѣстахъ на стѣ-нахъ домовъ появлялись проклама-ціи, призывавшія народъ къ возста-нію противъ наполеоновскаго режи-ма. Императорскій кортежъ встрѣча-ло озлобленное молчаніе, — и къ наемнымъ ура полицейскихъ шпіо-новъ время отъ времени примѣшива-лись пока еще робкіе, но достаточ-но явственные свистки. Къ началу 1812 года дѣло нисколько не улуч-шилось. Къ промышленному кризису присоединилась дороговизна съѣст-ныхъ припасовъ. Въ Нормандіи уже вспыхивали хлѣбные бунты, которые пришлось усмирять оружіемъ. Напо-леонъ долженъ былъ вспомнить вре-мена Конвента —и установить тахі-тит императорскимъ декретомъ. Но въ другихъ отношеніяхъ Франція совсѣмъ не напоминала временъ Конвента: въ армію не только не стремились толпы волонтеровъ, какъ въ 1792 г., но не легко было по-лучить въ ряды и тѣхъ, кто былъ обязанъ служить. Франція была покрыта отрядами подвижной жандармеріи, разыскивавшей бѣг-лыхъ рекрутовъ. Всюду шла охота за людьми —и то тамъ, то сямъ мож-но было видѣть, какъ полицейскіе съ торжествомъ вели закованныхъ въ цѣпи будущихъ солдатъ „великой арміи“. Что дѣлать, если неудача „континентальной системы“ продлитъ

подобное положеніе вещей — этотъ вопросъ стоялъ не передъ однимъ Наполеономъ. И среди самой императорской администраціи находились люди, пророчившіе близкій конецъ имперіи и реставрацію Бурбоновъ.

Какъ разоряющійся купецъ сорить деньгами, чтобы поддержать въ глазахъ толпы свой фактически уже не существующій кредитъ, такъ первая имперія маскировала свое критическое положеніе утрированной роскошью. Но самъ Наполеонъ не могъ не сознавать, хотя бы по временамъ, что у него не все идетъ, какъ слѣдуетъ,—что много признаковъ, указывающихъ скорѣе на упадокъ, чѣмъ на подъемъ. „Мнѣ оказалъ бы большую услугу тотъ, кто избавилъ бы меня отъ этой войны“, говорилъ онъ Савари: „но что же дѣлать—вотъ она пришла; пора съ ней развязаться“. Другому своему сотруднику онъ охарактеризовалъ русскій походъ, какъ „самое трудное предпріятіе, за которое онъ когда-либо брался“. „Но разъ что начато, надо кончать“, прибавилъ онъ. Теперь настала его очередь питаться химерическими надеждами, которыми убаюкивали себя нѣкогда его противники первыхъ коалицій. Онъ высказывалъ увѣренность, что война продлится недолго, и не однажды на разные лады возвращался къ той мысли, что дворяне (*les grands seigneurs*) заставятъ Александра просить мира. Нельзя было быть въ большемъ заблужденіи относительно истинныхъ интересовъ и стремленій тогдашняго русскаго дворянства. Но въ противоположность своимъ врагамъ 1805 г., онъ не строилъ своей тактики на подоб-

ныхъ самоутѣшеніяхъ и отнюдь не возлагалъ на внутренній кризисъ у непріятеля того, что не могли сдѣлать его собственныя войска. Онъ готовился къ войнѣ 1812 года, какъ онъ не готовился ни къ одной войнѣ раньше,—за колоссальными размѣрами своихъ средствъ и силъ не упуская ни одной мелочи, которая могла такъ или иначе повліять на ходъ событій.

Ядро „Большой арміи“ (*la Grande armée*)—что у насъ неправильно переводится, обыкновенно, „Великая армія“) должны были составить войска, расположенныя вдоль береговъ Нѣмецкаго и Балтійскаго морей, отъ Голландіи до Пруссіи. Здѣсь, отъ Утрехта до Стральзунда, стояло девять пѣхотныхъ дивизій, образовавшихъ 1-й и 2-й корпуса арміи, двинутой противъ Россіи. Въ эпоху мира съ Россіей эти войска фактически осуществляли континентальную блокаду,—это была сила, направленная прежде всего противъ Англіи: идя „бить англичанъ въ Москвѣ“, Наполеонъ двинулъ ее въ первую линію. Въ тактическомъ и административномъ отношеніи эти войска, особенно 1-й корпусъ маршала Даву, были лучшимъ, чѣмъ располагала Франція, послѣ императорской гвардіи. Это были отборные солдаты подъ командой опытныхъ боевыхъ генераловъ, имена которыхъ постоянно встрѣчаются на страницахъ исторіи наполеоновскихъ войнъ (Даву, Удино, Гюденъ, Компанъ, Фріанъ, Жераръ). Даву былъ лучшимъ военнымъ администраторомъ Франціи. Свой корпусъ онъ называлъ подвижной колоніей, которую можно было перенести въ любую

страну—и она вездѣ нашла бы средства существовать и дѣйствовать. „Въ каждой ротѣ есть портные, сапожники, каменщики, хлѣбопеки, оружейники, словомъ—всякіе рабочіе“, писалъ онъ Наполеону. Эти отборныя войска были въ самыхъ широкихъ размѣрахъ снабжены всѣмъ необходимымъ. Намъ придется дѣйствовать въ скудной странѣ, говорилъ Наполеонъ, которую, по всей вѣроятности, непріятель опустошитъ,—и мы должны быть готовы во всемъ обходиться собственными средствами. Никогда еще французская армія не брала съ собой такого огромнаго запаса провіанта. Каждая часть должна была имѣть при себѣ двадцать пять дневныхъ раціоновъ на каждого солдата. Кромѣ того, провіантъ слѣдовалъ за войсками живьемъ, въ видѣ цѣлыхъ батальоновъ воловьихъ фуръ. Когда фуры приходили на мѣсто, воловъ убивали—и войска были, такимъ образомъ, обезпечены свѣжей говядиной. Армія брала съ собой двадцать восемь милліоновъ бутылокъ вина, два милліона бутылокъ водки. А въ видѣ резерва для всего этого на Вислѣ были устроены запасныя магазины, изъ которыхъ четыреста тысячъ человѣкъ могли прокормиться цѣлый годъ. Хлѣбъ въ зернѣ и фуражъ для конницы рассчитывали имѣть на мѣстѣ—для этого походъ предполагалось начать въ іюнѣ, такъ что разгаръ кампаніи долженъ былъ прійтись во время жатвы. Для перемалыванія зерна въ муку были заказаны спеціальныя ручныя мельницы, которыя долженъ былъ имѣть при себѣ каждый полкъ. Словомъ, казалось, что все было

предусмотрѣно для того, чтобы застраховать французскія войска отъ той участи, которая ихъ постигла.

Если всѣ эти мѣры предосторожности не избавили солдатъ Наполеона отъ необходимости питаться кониной, начиная съ четвертаго и даже съ третьяго мѣсяца кампаніи, то виною этого являлся отнюдь не недостатокъ предусмотрительности. Скорѣе какъ разъ наоборотъ: именно избытокъ предусмотрительности привелъ къ тому, что предпріятіе очень быстро переросло границы технической осуществимости для своего времени. Въ самомъ дѣлѣ, одна перевозка провіанта (не считая пороха, запасной аммуниціи, одежды и т. д.) требовала пяти или шести тысячъ повозокъ съ 8—10 тысячами погонщиковъ и 18—20 тысячами лошадей и воловъ. Это былъ цѣлый дополнительный корпусъ: онъ про довольствовалъ армію, но приходилось заботиться о пропитаніи его самого, и это была въ высшей степени трудная задача, такъ какъ онъ шелъ сзади арміи, которая съѣдала и истребляла все на своемъ пути. Весь фуражъ доставался на долю кавалеріи,—которая тѣмъ не менѣе постоянно страдала отъ его недостатка; артиллеріи доставалось еще меньше,—а на долю обоза не оставалось совсѣмъ ничего. Лошади, а въ особенности волы, падали тысячами—и въ результатѣ войска не получали ни самихъ воловъ, ни того, что было въ воловьихъ фурахъ. Оставалось одно—везти фуражъ для обоза въ готовомъ видѣ: но тогда вставала новая задача—о прокормленіи тѣхъ, кто везъ этотъ фуражъ,—и такъ далѣе до безконечности.

15

Алексѣй Теофилактовичъ Писемскій.

Съ портрета, писаннаго И. Е. Рѣпинымъ,
(Городская галлерей П. и С. Третьяковыхъ въ Москвѣ).

„ИСТОРИЯ РОССИИ ВЪ XIX ВѢКѢ“. Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К^о“.

12

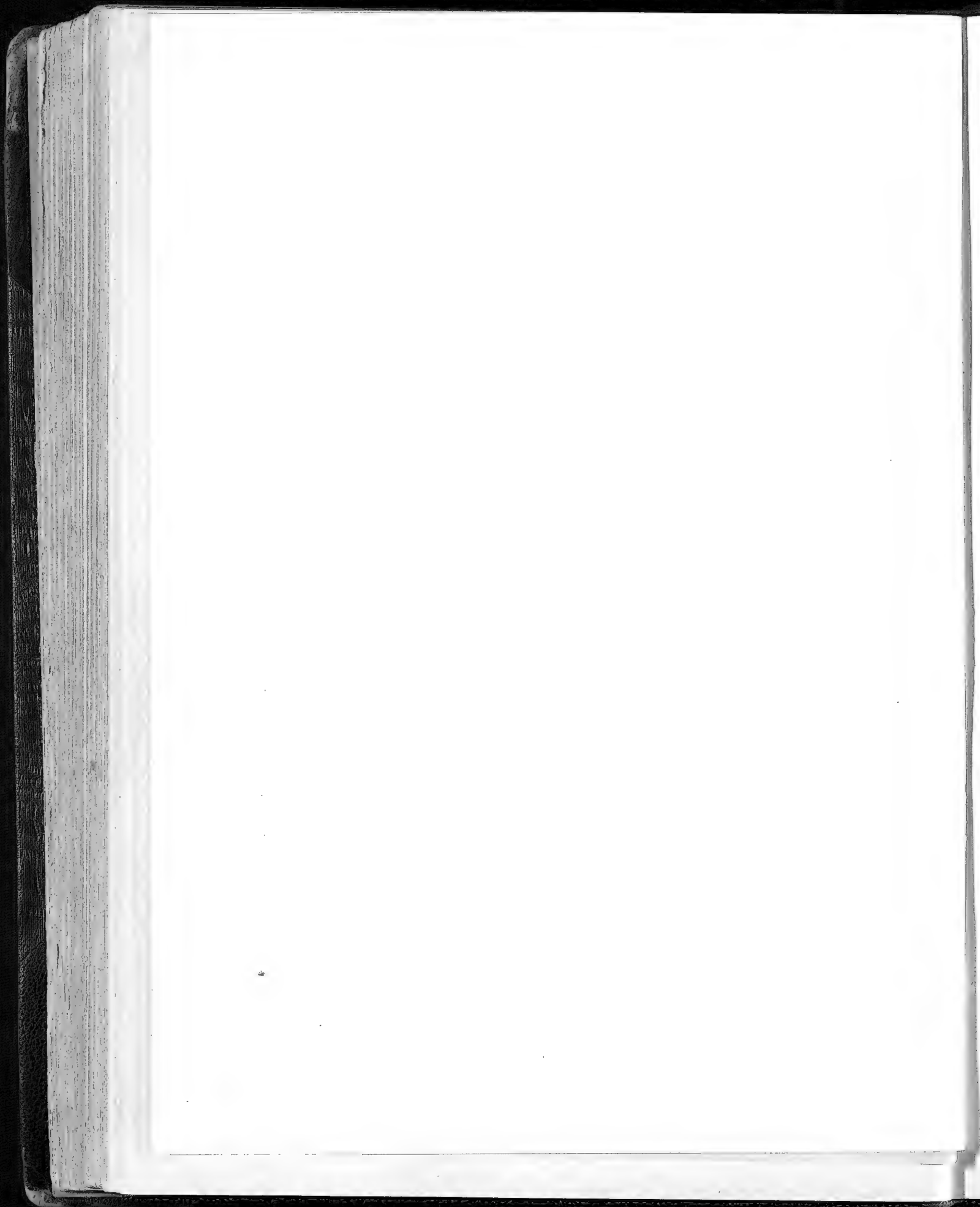
THE UNIVERSITY OF CHICAGO PRESS

CHICAGO, ILL. U.S.A.

PRINTED IN GREAT BRITAIN

BY THE UNIVERSITY OF CHICAGO PRESS

Но техническія трудности, хотъ и съ усиліями, непонятными нашему времени, времени желѣзныхъ дорогъ, еще можно было бы преодолѣть,—если бы было кому ихъ преодолѣвать. Ахиллеса пята „Большой арміи“ заключалась не столько въ сложности ея механизма, сколько въ крайне плохомъ качествѣ того матеріала, изъ котораго этотъ механизмъ былъ сдѣланъ. Гигантскіе размѣры экспедиціи—первая и наиболѣе очевидная причина ея неудачи,—тѣмъ именно и обусловливались, что количествомъ приходилось замѣнять качество. Если бы Наполеонъ имѣлъ съ собою своихъ аустерлицкихъ солдатъ, онъ могъ бы ограничиться на треть меньшимъ контингентомъ: но подъ его командой были теперь войска далеко низшаго уровня. Двумя первыми корпусами—Даву и Удино—почти исчерпывались старыя—и притомъ чисто французскія войска, жившія традиціями революціонныхъ войнъ и первыхъ войнъ имперіи, создавшія тактику, о которую, какъ стекло, разбилась армія Фридриха Великаго въ 1806 году. Къ нимъ можно было прибавить только императорскую гвардію да нѣсколько дивизій отборной тяжелой кавалеріи. Но и эти части были уже въ значительной степени испорчены примѣсью полковъ, не имѣвшихъ ничего общаго съ вышедшей изъ войнъ революціи наполеоновской арміей и состоявшихъ изъ солдатъ, отчасти совершенно равнодушныхъ къ войнѣ, отчасти искренно ненавидѣвшихъ Францію и ея императора. Въ корпусѣ Даву былъ полкъ, сформированный изъ ганзейскихъ нѣмцевъ, который почти весь разбѣ-

жался во время похода еще по Германіи; такъ какъ населеніе оказывало всякую поддержку дезертирамъ, и разъ убѣжавшаго солдата не легко было найти, то Даву примѣнялъ самыя свирѣпыя мѣры, чтобы страхомъ удержать солдатъ въ рядахъ; онъ разстрѣливалъ даже просто отсталыхъ за „намѣреніе дезертировать“; но ничто не помогало—и несчастный полкъ пришлось вести къ русской границѣ подъ сильнымъ конвоемъ французской пѣхоты и конницы. Въ корпусѣ Удино былъ полкъ швейцарцевъ, гдѣ треть солдатъ были больны. Удино объяснял это тѣмъ, что въ полку много рекрутъ, приведенныхъ въ армію закованными въ кандалахъ и страшно истомленныхъ такимъ путешествіемъ. Въ рядахъ молодой гвардіи были испанцы, португальцы и голландцы, преданность которыхъ своимъ номинальнымъ государямъ была болѣе, нежели сомнительна: вполнѣдствіи изъ испанскихъ дезертировъ былъ сформированъ цѣлый партизанскій отрядъ, дѣйствовавшій противъ французовъ. Начиная съ 3-го корпуса маршала Нея, эта примѣсь плохихъ „союзныхъ“ войскъ, на которыя Наполеонъ ни въ коемъ случаѣ не могъ положиться, какъ на свои, становится все замѣтнѣе: у Нея была уже цѣлая дивизія вюртембергцевъ,—постоянный источникъ безпорядка и путаницы, официально отмѣченный въ приказахъ по арміи. Дальше шли корпуса, почти цѣликомъ составленные изъ иностранцевъ, принудительно завербованныхъ во французскую службу: лучшими изъ нихъ были итальянцы (4-й корпусъ), страшно терпѣвшіе отъ

русского климата, и поляки (5-ый корпус); гораздо хуже были баварцы, саксонцы, особенно вестфальцы, по части буйства и грабежей превзошедшие даже вюртембергцев: въ общемъ не менѣе 150.000 нѣмцевъ, которые настолько же неохотно слѣдовали за Наполеономъ, насколько они были плохи, какъ армія. Когда они дѣйствовали вмѣстѣ съ болѣе надежными частями, ихъ можно было употреблять только въ качествѣ подмоги, но не для самостоятельной роли; когда они оставались одни, ихъ били (баварцевъ на Двинѣ, саксонцевъ на Волынѣ)—и приходилось болѣе цѣнные войска отправлять имъ на выручку.

Было бы однако же совершенно ошибочно думать, что чисто французскія войска — только въ силу того, что они французскія, были лучше „союзныхъ“: слабая сторона послѣднихъ заключалась въ томъ, что они были переполнены рекрутами, еще не успѣвшими пропитаться искусственной казарменной атмосферой и принесшими въ ряды арміи все то острое недовольство режимомъ первой имперіи, которое было особенно сильно въ покоренныхъ странахъ, но которое къ 1812 году было уже не менѣе сильно и въ самой Франціи. Мы видѣли, къ какимъ экстреннымъ мѣрамъ приходилось прибѣгать и здѣсь, чтобы получить отъ населенія солдатъ. Между тѣмъ, по свидѣтельству маршала Нея, рекруты составляли подавляющее большинство французскихъ полковъ, кромѣ первыхъ трехъ корпусовъ и старой гвардіи. И, благодаря этому, чисто французскіе полки представляли нерѣдко ту же картину, что и союз-

ники: та же масса отсталыхъ, тѣ же дезертиры, то же мародерство. Стихійный протестъ противъ принужденія выражался въ наполеоновской арміи 1812 года такъ же, какъ онъ выражается всегда и всюду въ этихъ случаяхъ, въ Россіи или въ Маньчжуріи безразлично, въ массовомъ и остромъ упадкѣ дисциплины, передъ которымъ высшее начальство останавливается въ тупомъ недоумѣніи. И, какъ всегда бываетъ, „Большая армія“ таяла подъ вліяніемъ этого упадка съ поразительной быстротой: отъ границы до Смоленска она потеряла не менѣе 80 тысячъ человѣкъ, изъ нихъ не болѣе 10 тысячъ было убито или ранено. Въ главныхъ силахъ подъ непосредственной командой Наполеона было 280.000 человѣкъ при переходѣ границы и лишь 140.000 черезъ два мѣсяца подъ Бородиномъ. При такихъ условіяхъ время было первымъ и главнымъ союзникомъ русскихъ, — гораздо раньше, чѣмъ началъ дѣйствовать второй ихъ союзникъ, климатъ.

Въ то время, какъ французская армія къ концу наполеоновскихъ войнъ все болѣе ухудшалась, растворяясь въ массѣ „союзниковъ“, — русская, наоборотъ, приобрѣла нѣкоторые боевые качества, которыхъ она была лишена въ 1805 году. Двѣ коалиціи, война съ Швеціей, почти непрерывно шесть лѣтъ тянувшаяся война съ турками (1806—1812), — которая окончилась почти въ ничью *) только потому, что Александру стали

*) Бухарестскимъ миромъ 15 мая 1812 г. Княжества остались за турками, которые уступили Россіи только восточный берегъ Прута. См. объ этомъ ниже.

необходимы 60 тысячъ солдатъ, занятыхъ на Дунаѣ—все это было очень хорошей военной школой для плацнарадной арміи, оставленной въ наслѣдство своему сыну Павломъ. Война выдвинула цѣлый рядъ генераловъ и офицеровъ, если и не очень талантливыхъ, то, во всякомъ случаѣ, съ несомнѣнной боевой опытностью—и, отучивъ солдатъ нѣсколько отъ шагистики, выучила ихъ стрѣлять. Но размѣры этой арміи росли весьма туго—и финансы Россіи были всеѣмъ не въ такомъ положеніи, чтобы ускорить этотъ процессъ. Англіійскія же субсидіи явились слишкомъ поздно—только уже въ самомъ началѣ войны: ихъ значеніе сказалось больше въ 1813, чѣмъ въ 1812 году. Мы уже упоминали, что къ началу военныхъ дѣйствій Александръ имѣлъ на берегахъ Нѣмана и Буга до двухсотъ тысячъ человекъ—по спискамъ и, вѣроятно, нѣсколько менѣе въ дѣйствительности. Даже съ дунайской арміей, которая подошла лишь къ началу осени, это было раза въ полтора меньше „Большой арміи“ Наполеона. Вооруженіе народа, образованіе ополченія было теперь еще болѣе настоятельной необходимостью, чѣмъ въ 1806 году. Русское дворянство очень охотно жертвовало своими крѣпостными ради такой „національной“ войны, какой была возобновившаяся борьба съ Наполеономъ. Александръ былъ очень доволенъ достигнутыми результатами, или, по крайней мѣрѣ, старался казаться довольнымъ. „Послѣдствія превзошли мои ожиданія“, писалъ онъ 18-юля адмиралу Чичагову, вновь назначенному командиру дунайской арміи: „Смоленскъ мнѣ далъ 15.000 чел., Мо-

сква—80.000; Калуга—23.000. Каждый часъ я ожидаю донесеній изъ другихъ губерній“... Въ дѣйствительности все это было повтореніемъ бутафорской „милиціи“ 1806 года. „Поспѣшность, съ которою было составлено ополченіе 1-го округа *), не позволила ни снарядить его надлежащимъ образомъ, ни дать ему достаточное военное образованіе“, пишетъ офиціальныи историкъ Отечественной войны. „Ратники большею частью были вооружены только пиками и рогатинами и обуты въ лапти, что заставило употреблять ихъ почти исключительно для подавія помощи раненымъ, либо ставить въ третью шеренгу пѣхоты регулярныхъ войскъ“**). Нѣкоторое военное значеніе имѣло только петербургское ополченіе (2-го округа): и примѣръ его служилъ блестящимъ доказательствомъ, что при нѣкоторой подготовкѣ народная армія отнюдь не была мечтой, и что уже въ началѣ XIX вѣка казарменная каторга технически вовсе не была необходима для выработки вполне пригодныхъ солдатъ. Петербургскіе ополченцы были обучены всеѣмъ фронтовымъ приѣмамъ въ пять дней—и достигли такихъ успѣховъ, что на присутствовавшего при ихъ ученіи англійскаго военнаго агента они произвели впечатлѣніе настоящей арміи, „выросшей изъ земли“. Но въ общемъ ходѣ войны значеніе этого небольшого отряда (около 13.000 чел.)

*) Обнимавшаго 8 губерній наиболѣе близкихъ къ театру военныхъ дѣйствій: Московскую, Тверскую, Ярославскую, Смоленскую, Калужскую, Тульскую, Владимирскую, Рязанскую.

**) Богдановичъ.—Исторія Отечественной войны 1812 года, т. II, стр. 51.

было ничтожно. Какъ и въ 1806—7 гг., вся тяжесть борьбы легла на регулярныя войска съ нѣкоторою помощью казаковъ,—которые однако стали опасны противнику и полезны арміи лишь съ той поры, когда французы были окончательно разстроены боями, голодомъ и холодомъ *).

Количественно слабая, качественно лучшая, чѣмъ когда-либо въ предшествовавшія войны съ Наполеономъ, эта армія управлялась такъ же плохо, какъ и всегда. Первоначальный планъ кампаніи былъ рассчитанъ на наступленіе: въ связи съ этимъ, между прочимъ, всѣ запасныя магазины были придвинуты къ самой границѣ, что, разумѣется, осуждало ихъ на неизбежную гибель въ случаѣ отступленія. Благодаря этому, армія въ теченіе всей кампаніи въ Россіи жила исключительно средствами тѣхъ губерній, гдѣ происходили военныя дѣйствія—чѣмъ „опустошеніе страны“, котораго такъ боялся Наполеонъ, достигалось само собою въ максимальныхъ размѣрахъ. Привычка пропитываться собственными средствами естественно вела за собою привычку къ мародерству и грабежу. „Я обогналъ много бродягъ, отставшихъ отъ войны на цѣлый переходъ, въ самомъ отвратительномъ видѣ“, писалъ Александръ Павловичъ Барклаю-де-Толли отъ 6-го іюля—черезъ двѣ недѣли послѣ начала войны. Въ отвѣтъ на требованіе императора „прекратить эти без-

*) „Никто болѣе казаковъ не разсуждаетъ объ опасности и едва ли кто смотритъ на нее съ болѣе ужасомъ“, говоритъ ген. Ермоловъ въ своихъ запискахъ (стр. 171).

порядки“ главнокомандующій не умѣлъ найти ничего, кромѣ стараго, давно доказавшаго свою бесполезность средства—разстрѣливать всѣхъ мародеровъ или подозрѣваемыхъ въ мародерствѣ. Самъ Барклай сомнѣвался въ его дѣйствительности и примѣнялъ эту мѣру больше по обычаю *). Во всякомъ случаѣ, грабежи не прекращались; грабили и около Вильны, и около Витебска, и подъ Смоленскомъ, и подъ Москвой: и не грабить было нельзя, ибо солдатамъ надо было что-нибудь ѣсть. Надо прибавить, что если солдаты грабили просто подъ непосредственнымъ давленіемъ голода, то высшіе чины грабили не меньше, но съ большимъ комфортомъ и съ меньшей опасностью. Начальникъ штаба первой арміи, генералъ Ермоловъ, рассказываетъ цѣлый рядъ весьма поучительныхъ случаевъ изъ этой области, какъ очевидецъ. Одинъ изъ опорныхъ пунктовъ при отступленіи нашей арміи на сѣверо-востокъ, прикрывавшая дорогу на Петербургъ крѣпость Динабургъ (теперь Двинскъ), строилась около двухъ лѣтъ большимъ весьма иждивеніемъ: болѣе 5.000 человекъ военныхъ погребено при работахъ и въ такомъ же или большемъ числѣ разсыяла смертность; въ результатѣ о крѣпости „надобно было разспрашивать, гдѣ она: линіи оной даже не были означены“. „Все время“, заключаетъ Ермоловъ, „повидимому, употреблено было, дабы дать правдоподобіе расходамъ похищенной суммы **). Само собою разумѣется, что динабургская крѣпость никакой роли

*) См. его донесенія императору изъ-подъ Смоленска 9 августа.

**) Записки Ермолова, стр. 15.

въ кампаніи не сыграла и была очищена безъ сопротивленія. Таковы были инженеры: но, какъ и можно ожидать, пальма первенства принадлежала интендантскому вѣдомству. Мы выше упомянули, что при отступленіи пришлось сжечь или бросить непріятелю запасные магазины. Это дало поводъ къ колоссальнымъ злоупотребленіямъ: горѣли магазины, въ которыхъ, по всѣмъ даннымъ, физически не могло быть ни одной четверти овса и ни одного пуда сѣна *).

Относительно плана кампаніи послѣ того, какъ рушились всѣ надежды на поддержку поляковъ, съ одной стороны, а, съ другой, стало извѣстно о союзѣ Наполеона съ Австріей и Пруссіей, въ русскомъ главномъ штабѣ царствовалъ полный хаосъ. „Въ то время, когда Наполеонъ готовился вторгнуться въ Россію“, говоритъ уже цитированный нами офиціальныи историкъ войны 1812 года, „никто у насъ не могъ въ точности опредѣлить—ни образа дѣйствій нашихъ армій, ни направленія, по которому слѣдовало двигаться въ случаѣ отступленія, ни конечнаго пункта, къ коему довелось намъ отступать“ **). Офиціальныи историкъ объясняетъ это естественной и непреодолимой ограниченностью человѣческаго предвидѣнія: не трудно однако же замѣтить, что полного отсутствія плана кампаніи однимъ этимъ объяснить нельзя. Казалось бы, при всѣхъ естественныхъ недостаткахъ человѣческаго ума, можно и должно было отвѣтить себѣ на вопросъ: хотимъ ли мы давать сраженіе Наполеону или нѣтъ? Очень распространено

мнѣніе, что „скинская тактика“ заманиванія французской арміи въ глубь Россіи была рѣшена съ самаго начала—по крайней мѣрѣ, съ того момента, когда мы отказались отъ вторженія въ Польшу. Въ подтвержденіе этого мнѣнія цитируютъ отдѣльныя фразы Александра и Барклая-де-Толли, сказанныя, отчасти, еще задолго до войны. Между тѣмъ не было сколько-нибудь удобной—или казавшейся удобной позиціи—на пространствѣ отъ Вильны до Москвы, гдѣ наша армія не готовилась бы принять бой. Ея главнокомандующій, Барклай-де-Толли, неоднократно заявлялъ о своей готовности и рѣшимости дать сраженіе Наполеону,—заявлялъ это не только публично, что могло бы еще быть объяснено, какъ средство поднять упавшее настроеніе войска, но и въ частныхъ письмахъ дѣловаго характера. Императоръ же Александръ даже послѣ того, какъ оборонительная тактика блестяще оправдалась полнымъ разложеніемъ французской арміи, все еще находилъ возможность пенять Барклаю, что онъ не принялъ сраженія подъ Смоленскомъ,—т. е. не отступилъ отъ оборонительной тактики. Очевидно, что и у того и у другого или не было полной искренности, когда они грозили Наполеону заманить его чуть не въ Камчатку, или не хватало духа привести подобный планъ въ исполненіе. Какъ бы то ни было, это были одни слова, не имѣвшія никакого вліянія на дѣйствія русскихъ войскъ. Отступленіе отъ Вильны до Москвы было результатомъ не сознательнаго расчета, а просто механическаго толчка, даннаго намъ „Большой арміей“ Наполеона. По справедливому

*) Тамъ же, стр. 56.

**) Богдановичъ, цит. т. I, 94.

замѣчанію Ермолова, „средство отступленія, единственное въ положеніи нашемъ,... слишкомъ хорошо истолковано было превосходствомъ силъ непріятельскихъ“. Но какъ и куда отступать, это оставалось опять-таки совершенной загадкой для руководителей русской арміи. Повидимому, ими былъ принятъ планъ Фуля,— прусскаго генерала, перешедшаго на русскую службу. Онъ состоялъ въ комбинаціи системы укрѣпленныхъ лагерей, представлявшихъ тогда послѣднее слово стратегіи, практически подтвержденное опытомъ португальской кампаніи Веллингтона (лагерь у Торресъ-Ведрасъ),—съ полузабытымъ опытомъ Семилѣтней войны. Въ немъ было два момента: одинъ состоялъ въ устройствѣ обширнаго укрѣпленнаго лагеря, гдѣ могла бы укрыться цѣлая армія, другой—въ раздѣленіи самой этой арміи на двѣ части, одна изъ которыхъ удерживала бы непріятеля передъ этимъ лагеремъ, другая дѣйствовала бы ему во флангъ и тылъ. Такова была теорія плана: но, нужно сказать, Фуль былъ совершенно неповиненъ въ той практической формѣ, какую придали его плану русскіе генералы. Для его плана вовсе не было нужно, чтобы русская армія была растянута вдоль всей западной границы на протяженіи нѣсколькихъ сотъ верстъ отдѣльными корпусами, которые потомъ соединялись передъ лицомъ превосходныхъ силъ непріятеля съ величайшимъ трудомъ и постоянной опасностью быть отрѣзанными. Такое расположеніе войска имѣло бы смыслъ только въ томъ случаѣ, если бы предполагалось упорно защищать линію Нѣмана—но это не входило ни

въ планъ Фуля, ни, повидимому, въ намѣренія русскаго штаба, такъ какъ Наполеону было предоставлено переправиться черезъ Нѣманъ безъ единого выстрѣла. Далѣе, для фулевскаго плана было существенно необходимо, чтобы вторая армія, направленная на флангъ и тылъ Наполеона, обладала достаточными размѣрами для самостоятельныхъ дѣйствій: между тѣмъ, въ то время, какъ первая армія, сосредоточенная въ лагерѣ при Дриссѣ заключала въ себѣ 110—120 тыс. человекъ, вторая армія Багратиона имѣла не болѣе 40 тыс. *) Въ такомъ видѣ 2-я армія была слабѣе двухъ наполеоновскихъ корпусовъ, вмѣстѣ взятыхъ,—а въ главныхъ силахъ Наполеона такихъ корпусовъ было восемь,—и ей ничего не оставалось, кромѣ самаго поспѣшнаго отступленія въ глубь страны, впредъ до соединенія съ первой арміей. Такое распределеніе силъ—въкорнѣ обезсмыслившее операціонный планъ Фуля—опять-таки едва ли можно объяснить естественной ограниченностью человѣческаго предвидѣнія. Скорѣе тутъ можно видѣть одинъ изъ образчиковъ перевѣса придворныхъ соображеній надъ военными, какіе мы видали и раньше. При первой арміи былъ императоръ, она

*) 3-я или „резервная“ армія, приблизительно такихъ же размѣровъ, подъ командою Тормасова предназначалась первоначально для прикрытія юго-западныхъ губерній, а потомъ вмѣстѣ съ войсками, возвратившимися съ Дуная, для дѣйствій на сообщеніяхъ „Большой арміи“. Въ первую половину кампаніи она не играла большой роли, оперируя противъ австрійцевъ и саксонцевъ, которымъ, въ свою очередь, въ планѣ Наполеона была отведена чисто демонстративная роль.

должна была закрывать дорогу на Петербургъ, если бы Наполеонъ избралъ это направленіе — причины слишкомъ достаточныя, чтобы въ рукахъ Барклая сосредоточить вдвое больше солдатъ, чѣмъ у Багратиона.

Наполеонъ не пошелъ этой дорогой. Завладѣть Петербургомъ вовсе не входило въ его планы — походъ вдоль береговъ Балтійскаго моря все время подставлялъ бы его лѣвый флангъ подъ удары англичанъ и шведовъ. Кромѣ того, обладаніе административнымъ центромъ Россіи ни къ чему непосредственно не вело. Правда, оно дало бы возможность замкнуть кольцо континентальной блокады, — но въ то же время всѣ экономическіе ресурсы страны оставались бы въ рукахъ Александра, который могъ продолжать войну до безконечности. Между тѣмъ, — и это было еще одной изъ причинъ катастрофы, — войну нужно было кончать скоро: выносить одновременно двѣ такихъ болячки на своемъ тѣлѣ, какъ Россія и Испанія, имперія не могла. Попытка покончить съ Испаніей не удалась — нужно было покончить съ Россіей возможно скорѣе. Для этого нужно было ударить въ центр экономической жизни Россіи, захватить въ свои руки узелъ тѣхъ рѣчныхъ дорогъ, которыя являлись тогда почти единственными грузовыми трактами, отрѣзать Петербургъ отъ губерній, снабжавшихъ его хлѣбомъ и заблокировать Александра въ его столицѣ. Ставъ между Окой и Волгой, Наполеонъ достигалъ всѣхъ этихъ цѣлей; а поднять французское знамя на башняхъ Кремля, значило дополнить реальный успѣхъ однимъ изъ тѣхъ спе-

ическихъ эффе́ктовъ, которые этотъ великій актеръ такъ цѣнилъ — и безъ которыхъ никогда не обходилась его политика отъ похода къ пирамидамъ до высадки въ Каннѣ въ 1815 году. Что саморазложеніе французскихъ войскъ пойдетъ такъ быстро, что онъ дойдетъ до Москвы лишь съ обломками своей „Большой арміи“ и не найдетъ въ самой Москвѣ ничего, кромѣ развалинъ, это были случайности, къ которымъ онъ не былъ готовъ и о которыхъ разбился весь его планъ. Но въ іюнѣ 1812 года планъ этотъ казался вполне осуществимымъ, французскіе солдаты знали, что они идутъ въ Москву, и надеждой прійти туда жила вся армія.

Извѣстіе о переходѣ французами границы застало Александра, какъ извѣстно, врасплохъ. У насъ были увѣрены, что главныя силы Наполеона еще подъ Варшавой, что вдоль Нѣмана стоятъ лишь незначительныя передовыя отряды „Большой арміи“. На этомъ основаніи у насъ позволяли себѣ мечтать о наступленіи почти наканунѣ открытія военныхъ дѣйствій (еще 1 апрѣля, напр., въ этомъ смыслѣ дано было предписаніе генераль-интенданту Канкрину). При всей внѣшней выдержкѣ, русскій императоръ обнаружилъ полную растерянность въ своихъ дѣйствіяхъ, когда въ истинномъ положеніи дѣла уже нельзя было болѣе сомнѣваться. Пытаясь сдѣлать видъ, что переходъ Наполеономъ границы есть лишь послѣдствіе простого недоразумѣнія, случайной неловкости русскаго посла въ Парижѣ, Куракина (потребовавшего безъ разрѣшенія и вѣдома

русского правительства своихъ паспортовъ), Александръ написалъ въ этомъ смыслѣ письмо императору французовъ и отправилъ его съ Балашовымъ,—въ явной надеждѣ выиграть нѣсколько дней для отступления русской арміи. Но онъ имѣлъ дѣло съ слишкомъ опытнымъ военнымъ человекомъ для того, чтобы такой простой маневръ могъ удался: Балашова Наполеонъ принялъ, хотя не тотчасъ, и даже удостоилъ его весьма продолжительной бесѣды, французскія же арміи продолжали двигаться впередъ безостановочно. На помощь намъ сразу же пришелъ климатъ: почти тропическіе ливни превратили дорогу въ сплошной кисель; лошади французской кавалеріи, плохо кормленныя зелеными, скошенными на корню, овсомъ и рожью, не выдержали тяжелыхъ переходовъ и падали массами: въ нѣсколько дней ихъ погибло до десяти тысячъ. Обозы безнадежно отстали — и французская армія послѣ всѣхъ сложныхъ и дорогихъ приготовленій съ первыхъ же переходовъ начала голодать — и грабить. Населеніе — тѣ самые литвины, на сочувствіе которыхъ, со словъ польскихъ помѣщиковъ, такъ надѣялись во французской арміи — бѣжало въ лѣса и не оказывало никакихъ услугъ. Въ довершеніе, французскій штабъ страшно путался въ незнакомой странѣ — несмотря на то, что всѣ мѣры и здѣсь опять-таки были приняты: въ распоряженіи Наполеона была подробная русская карта officialнаго изданія; по его приказанію, она была перегравирована и роздана во всѣ полки: но русская officialная карта была

такъ плоха, что пользованіе ею приводило къ самымъ отрицательнымъ результатамъ.

Въ концѣ концовъ первая армія отступила отъ Вильны къ Дриссѣ благополучно — и такъ быстро при томъ, что непріятель на нѣсколько дней былъ потерявъ изъ виду, и пришлось отправлять спеціальныя развѣзды, чтобы напасть на его слѣды. Правда, благодаря этой быстротѣ была брошена большая часть обозовъ, но это было еще лучшее, что могло случиться. Планъ Фуля, практически былъ уже упраздненъ событіями — вторая армія была безнадежно отрѣзана отъ первой французскими, и о ней въ Дриссѣ имѣли еще менѣе точныя свѣдѣнія, чѣмъ о положеніи непріятеля. Поэтому совершенно независимо отъ удобствъ или неудобствъ несчастнаго лагеря при Дриссѣ, держаться въ немъ не имѣло ни малѣйшаго смысла. Такъ какъ императоръ не могъ отступить — это было ниже его достоинства — то Александръ Павловичъ поспѣшилъ уѣхать изъ арміи въ Москву — воодушевлять населеніе: больше ему, дѣйствительно, ничего не оставалось. А Барклай, незадолго передъ тѣмъ писавшій Багратиону, что онъ надѣется, что „Богъ помилуетъ насъ отъ отступленія“, и назначавшій генеральное сраженіе подъ Свенцями (близъ Вильны) — Барклай долженъ былъ взять на себя бремя непопулярности и принятъ за руководство дальнѣйшимъ спасаніемъ первой арміи отъ Наполеона.

Задачи послѣдняго теперь, когда не удалось разбить русскую армію по частямъ на границѣ, сводились къ двумъ: во-первыхъ, помѣшать

дальнѣйшей концентраціи русскихъ силъ—и ни въ какомъ случаѣ не допускать соединенія Барклая съ Баграціономъ. Во-вторыхъ, отрѣзать главныя силы русскихъ — т. е. первую армію Барклая-де-Толли — отъ южныхъ и, буде возможно, отъ центральныхъ губерній, заставивъ ее перемѣнить восточное направленіе на сѣверо-восточное или даже прямо сѣверное. Первую задачу долженъ былъ выполнять корпусъ Даву—но великій администраторъ французской арміи здѣсь оказался не на высотѣ положенія и подъ Могилевомъ далъ Баграціону опередить себя на одинъ переходъ. Этого было достаточно, чтобы обѣ арміи соединились подъ Смоленскомъ. Тогда Наполеонъ съ удвоенной энергіей принялся за разрѣшеніе второй задачи—и едва не успѣлъ въ этомъ. Соединившись, русскіе главнокомандующіе не могли воздержаться отъ искушенія — перемѣнить оборонительную тактику на наступательную: обѣ арміи двинулись къ сѣверо-западу отъ Смоленска обратно по дорогѣ на Витебскъ, безъ ясно опредѣленной цѣли—въ качествѣ смутной возможности рисовалась побѣда надъ крайнимъ лѣвымъ крыломъ „Большой арміи“—итальянцами 4-го корпуса, слишкомъ оттянувшимися отъ главныхъ силъ. Этотъ переходъ въ наступленіе—на который Барклай согласился крайне неохотно, выполнялся въ высшей степени нестройно и медленно. Отношенія между главнокомандующими весьма напомнили отношенія Беннигсена и Буксегвдена въ 1806 году. „Никогда главнокомандующій какой-либо арміи не находился въ столь непріятномъ положеніи, какъ я въ сіе вре-

мя“, писалъ впоследствии Барклай Александру І. Баграціонъ обвинялъ своего коллегу прямо въ государственной измѣнѣ и притомъ не только устно, а и на письмѣ. „Мы проданы“, писалъ онъ начальнику штаба 1-й арміи, Ермолову: „я вижу, насъ ведутъ на гибель“. „Я служилъ моему природному государю, а не Бонапарте“, прибавлялъ онъ, намекая, что кто-то другой служить именно Бонапарте. Поставленный между двухъ огней—опасеніемъ грома, который Барклай въ глубинѣ души считалъ неизбѣжнымъ въ случаѣ столкновенія съ главными силами Наполеона, и нежеланіемъ быть ославленнымъ, какъ измѣнникъ (а, можетъ быть, и больше, чѣмъ просто ославленнымъ: участь Сперанскаго была еще свѣжа въ памяти всѣхъ) — главнокомандующій первой арміей изображалъ шагъ на мѣстѣ, въ сущности не идя впередъ, и все время имѣлъ въ виду не столько положеніе французовъ, сколько отношеніе къ себѣ главнокомандующаго второй арміей. „Я долженъ былъ льстить его самолюбію“, признавался онъ впоследствии Александру, „и уступать ему въ разныхъ случаяхъ противъ собственнаго своего удостовѣренія“. Тѣмъ временемъ французы быстро перебросили главную массу „Большой арміи“ на лѣвый берегъ Днѣпра и черезъ Красный попытались охватить лѣвое крыло соединенныхъ русскихъ армій,—отрѣзывая ихъ этимъ движеніемъ отъ южныхъ губерній и отъ резервной арміи Тормасова, а въ случаѣ дальнѣйшей удачи — захвата Смоленска—и отъ Москвы. Тутъ вторично въ кампаніи 1812 года обнаружилось, что наполеоновскіе

маршалы за глазами своего императора способны дѣйствовать не лучше русскихъ генераловъ. Мюратъ повторилъ ошибку Даву—давъ отступить во время небольшому сторожевому отряду, прикрывавшему нашъ лѣвый флангъ, и позволивъ, благодаря этому, русскимъ сосредоточить наспѣхъ достаточныя силы для защиты Смоленска.

Бои подъ Смоленскомъ (4—5 августа)—первое крупное сраженіе въ эту кампанію, которое Багратіонъ и его сторонники очень желали превратить въ генеральную битву—были отчаянной попыткой французъ исправить ошибку Мюрата подъ Краснымъ. При всемъ численномъ перевѣсѣ арміи Наполеона, мѣстныя условія были однако настолько выгодными для насъ, что попытка эта не удалась. Старая смоленская крѣпость, построенная еще при Борисѣ Годуновѣ, оказалась способной выполнять свою задачу и въ началѣ XIX вѣка: такъ мало прогрессировала военная техника съ того времени. Смоленскія стѣны въ теченіе двухъ дней выдерживали огонь даже батареейной (тяжелой полевой) артиллеріи: чтобы ихъ разрушить, нужны были осадныя орудія, которыхъ при „Большой арміи“, не рассчитывавшей имѣть дѣло съ крѣпостями, не было. *) Несмотря на огромныя потери, городъ былъ взятъ лишь тогда, когда русскіе пожелали его отдать—послѣ того, какъ обѣ арміи отошли за Смоленскъ и были, такимъ образомъ, въ безопасности. Это былъ несомнѣнный

*) Осадный паркъ имѣлся только при корпусѣ Макдональда, оперировавшемъ противъ Риги.

успѣхъ, и успѣхомъ этимъ русская армія была обязана Барклаю-де Толли: онъ добился того, что и вторая изъ задачъ, стоявшихъ передъ Наполеономъ въ началѣ перваго періода кампаніи, не была разрѣшена такъ, какъ было нужно для французъ. Въ первый разъ съ начала войны Наполеонъ заговорилъ со своими маршалами о возможности—закончить кампанію 1812 года, не доходя до Москвы, и расположиться на зимнія квартиры между Витебскомъ и Смоленскомъ. Нѣсколько дней спустя, въ разговорѣ съ плѣннымъ русскимъ генераломъ Тучковымъ, онъ пошелъ еще дальше, заявляя, что онъ ничего не желаетъ болѣе, какъ прекратить миромъ военныя дѣйствія. „Мы уже довольно сожгли пороха, и довольно пролито крови; вѣдь когда же нибудь надобно кончить! За что мы деремся?“—Повидимому, ради заключенія мира Наполеонъ не прочь былъ даже отъ нѣкоторыхъ уступокъ въ области континентальной блокады. „Вы хотите имѣть сахаръ и кофе“, говорилъ онъ: „вы будете имѣть ихъ“. Обо всемъ этомъ онъ просилъ Тучкова довести до свѣдѣнія императора Александра—черезъ посредство брата Тучкова (корпуснаго командира).

Трудно сказать, какое впечатлѣніе произвели бы эти симптомы въ Петербургѣ, если бы они тамъ стали извѣстны во время. Но при тогдашней медленности сношеній судьбы арміи и войны рѣшались въ столицѣ, обыкновенно, очень заднимъ числомъ. Въ то время, какъ происходили бои подъ Смоленскомъ, столичная публика была подъ впечатлѣніемъ удачнаго соединенія армій, съ одной стороны, „нерѣшительности и медленности“

Барклая, съ другой. Всѣ истинные патріоты требовали немедленнаго перехода въ наступленіе — и перемѣны главнокомандующаго. Извѣстія изъ лагеря Баграціона и его сторонниковъ въ сильной степени подогрѣвали настроеніе. Императору Александру, чувствовавшему свою отвѣтственность за Барклая, котораго онъ, и никто другой, вывелъ въ люди, сдѣлалъ военнымъ министромъ и главнокомандующимъ, предстояло рѣшиться на шагъ, аналогичный перевороту 17 марта 1812 года: чтобы удовлетворить общественное мнѣніе русскаго дворянства, тогда онъ разстался со Сперанскимъ; теперь для той же цѣли нужно было не только замѣнить Барклая кѣмъ-нибудь другимъ — но и выбрать этого другого непременно изъ оппозиціи. Александръ Павловичъ видѣлъ необходимость пойти на эту уступку — и весьма антипатичный ему еще съ Аустерлица Кутузовъ сталъ главнокомандующимъ. По обыкновенію, дѣло было обставлено нѣкоторой конституціонной комедіей: въ вечеръ второго смоленскаго сраженія (5 августа) особое совѣщаніе изъ высшихъ военныхъ чиновъ, нѣкоторыхъ министровъ и членовъ государственнаго совѣта, въ теченіе трехъ часовъ заслушавъ и обсудивъ отчеты Барклая-де-Толли о ходѣ военныхъ дѣйствій, „пришло къ заключенію“, что необходимо назначить одного, общаго главнокомандующаго всѣми вооруженными силами Россіи и что этимъ главнокомандующимъ долженъ быть Кутузовъ. Послѣдній за нѣсколько дней передъ тѣмъ былъ возведенъ въ княжеское достоинство, и весь Петербургъ зналъ, что глав-

нокомандующимъ будетъ назначенъ именно онъ.

Отправляясь въ армію, Кутузовъ откровенно заявлялъ близкимъ людямъ, что онъ не надѣется разбить Наполеона, но надѣется его обмануть. Первое очень скоро оправдалось въ точности — второго пришлось ждать довольно долго. Съ новымъ главнокомандующимъ въ армію явилось много новыхъ лицъ, — которые начали съ того, разумѣется, что стали выживать старыхъ руководителей и заводить новые порядки. Кутузовъ былъ слишкомъ старъ, чтобы положить конецъ этой грызнѣ, — вообще онъ оказался слишкомъ старъ для какихъ бы то ни было рѣшительныхъ дѣйствій — и, повидимому, помимо этого, слишкомъ хорошо помнилъ Аустерлицъ. Но если тогда его военныя соображенія были парализованы придворными расчетами, то теперь въ дѣла вмѣшивался на каждомъ шагѣ другой элементъ не-военнаго характера: давленіе дворянскихъ „патріотовъ“, увѣренныхъ, какъ и всѣ представители этой разновидности во всѣ времена, что непріятеля можно шапками закидать. Про себя Кутузовъ смотрѣлъ на дѣло, можетъ быть, болѣе пессимистически, чѣмъ нужно было: но ради удовлетворенія общественнаго мнѣнія онъ долженъ былъ казаться гораздо болѣе дерзкимъ, чѣмъ слѣдовало. Результаты получились обратные тѣмъ, какихъ ожидали въ Петербургѣ отъ перемѣны главнокомандующаго. Съ назначеніемъ Кутузова — и до конца кампаніи, въ сущности — армія лишилась всякаго центрального руководства. Событія развивались совершенно стихійнымъ путемъ — и генераль-

ное сраженіе, о которомъ мечтали „патріоты“, — но которое было нужно Наполеону, а никакъ не русскимъ, застало нашу армію въ самыхъ невыгодныхъ условіяхъ, на позиціи, крайне неудачно выбранной и еще хуже укрѣпленной. Она была неприступна съ той стороны, откуда намъ никто не угрожалъ, и настолько доступна со стороны, обращенной къ непріятелю, что Наполеонъ, какъ извѣстно, бралъ наши батареи кавалерійскими атаками. На этой позиціи русская армія стояла, пассивно ожидая противника, — и фактически *приняла* сраженіе вмѣсто того, чтобы его *дать*. Между тѣмъ теперь шансы вовсе не были такъ безнадёжны какъ въ началѣ кампаніи. На 130.000 штыковъ и сабель Наполеона русскіе имѣли 105.000 (не считая ополченія и казаковъ): но почти 20.000 штыковъ гвардіи Наполеонъ не пустилъ въ дѣло и не расположенъ былъ пускать ни при какихъ условіяхъ. При почти равномъ числѣ сражающихся мы имѣли крупный перевѣсъ въ главномъ огнестрѣльномъ оружіи эпохи, въ артиллеріи: у русскихъ было 640 орудій противъ 587 французскихъ, притомъ почти четверть нашихъ орудій были батарейныя, тогда какъ у Наполеона едва десятая часть, — остальные по дальности и силѣ боя далеко уступали русскимъ батарейнымъ орудіямъ. Если прибавить къ этому, что обычный маневръ Наполеона — охватъ лѣваго русскаго крыла — тактически такъ же не удался подъ Бородиномъ, какъ не удался онъ подъ Смоленскомъ стратегически, — (командующія лѣвымъ флангомъ высоты были своевременно заняты русскими, хотя и

относительно слабыми силами, но достаточными, чтобы задержать обходное движеніе поляковъ и вестфальцевъ) — и что самую сильную часть нашей позиціи корпусамъ Даву и Нея пришлось брать въ лобъ, фронтальными атаками, — то придется признать, что результаты Бородинскаго боя были несравненно ниже того, на что позволяли надѣяться имѣвшіеся въ распоряженіи Кутузова данныя. Онъ достигъ только того, что не былъ разбитъ на голову — при всѣхъ не весьма добросовѣстныхъ усиліяхъ его рапорта изобразить дѣло, какъ полу-побѣду, его нельзя было назвать даже нерѣшительнымъ. Къ вечеру всѣ наши позиціи *) были въ рукахъ французовъ; непріятель имѣлъ двадцатитысячный совершенно нетронутый резервъ, — тогда какъ изъ русскихъ армій вторая не существовала вовсе, а первая была почти совершенно разстроена, потерявъ до 40%, если не болѣе. Вообще наши потери поражали своею непропорціональностью сравнительно съ французскими; въ то время, какъ болѣе слабая артиллеріей и все время наступавшая самымъ энергичнымъ образомъ армія Наполеона потеряла только 28.000 человекъ, русскіе лишились не менѣе 44.000, — въ результатѣ чего на другой день боя Наполеонъ оказался вдвое сильнѣе Кутузова, тогда какъ наканунѣ онъ былъ сильнѣе его всего на 25%. Причиной было крайне безтолковое расположеніе нашихъ войскъ, — тѣснившихся, безъ всякой нужды, на небольшомъ пространствѣ,

*) Лѣваго крыла и центра: о правомъ не приходится говорить, такъ какъ французы вовсе его не атаквали.

такъ что непріятельскія ядра могли бить всѣ четыре линіи нашихъ корпусовъ вплоть до резервовъ.

Бородинское сраженіе дало Наполеону — безъ всякой необходимости—послѣдній формальный успѣхъ: взятіе Москвы. Если бы всѣ атаки французовъ на Бородинскомъ полѣ были отбиты, въ чемъ не было, какъ мы сейчасъ могли видѣть, ничего невѣроятнаго, „Большой арміи“ пришлось бы возвращаться къ Смоленску и тамъ располагаться на зимовку. Чтобы лишить ее возможности зимовать въ Москвѣ, пришлось прибѣгнуть къ героическимъ мѣрамъ: по предписанію ген.-губернатора Растопчина полиція сожгла городъ *), оставленный жителями — гдѣ, по крайней мѣрѣ, не осталось „ни одного дворянина“, по завѣренію Кутузова. Это было самое главное, — прочія сословія могли и потерпѣть. Какъ всегда бываетъ, полиція пришла въ данномъ случаѣ на помощь „патріотизму“ обывателей, — которые сами по себѣ, по свидѣтельству очевидцевъ, патріотическія чувства обнаруживали въ весьма слабой степени. Ермоловъ даетъ, напримѣръ, весьма выразительную

*) Вопросъ о томъ, кому принадлежитъ честь или на кого падаетъ вина московскаго пожара, въ сущности разрѣшенъ до конца еще Богдановичемъ въ 50-хъ гг. Изъ приводимыхъ у него данныхъ съ несомнѣнностью вытекаетъ, 1) что у Растопчина былъ такой планъ еще за нѣсколько недѣль до оставленія города; 2) что имъ были приняты всѣ мѣры къ осуществленію этого плана (напр., увезены всѣ пожарные инструменты); 3) что имъ были даны соотвѣствующія инструкціи полицейскимъ приставамъ, нѣкоторые изъ которыхъ приняли, по собственному признанію, непосредственное участіе въ поджогахъ. См. „Исторію Отечественной войны“, т. II, стр. 312—315.

картину отношенія москвичей къ раненымъ — вполне оправдывающую его слова объ „оскорбительномъ равнодушіи столицы къ бѣдственному состоянію солдатъ“ *). Какъ бы то ни было — непосредственной военной цѣли Растопчинъ достигъ; зимовать французамъ, дѣйствительно, было негдѣ. При невозможности остаться въ Москвѣ, пребываніе въ ней могло только довести до конца разложеніе „Большой арміи“, начавшееся еще на границѣ. Среди хаоса и развалинъ не было никакой возможности поддержать дисциплину въ переутомленныхъ походомъ войскахъ. Даже старая гвардія поддалась общей дезорганизации: не только ближайшее начальство потеряло всякій авторитетъ, но въ присутствіи самого императора войска вели себя такъ, что поведеніе ихъ приходилось отмѣчать въ приказахъ. О „союзникахъ“ и говорить не приходилось: вспомогательныя войска превратились въ Москвѣ просто въ банду мародеровъ.

Это мародерство автоматически создавало сначала въ окрестностяхъ Москвы, а затѣмъ и далѣе то, чего не удавалось достигнуть краснорѣчію правительственныхъ манифестовъ и воззваній: народную войну. На защиту отъ разбойниковъ, одѣтыхъ во французскіе, вюртембергскіе, вестфальскіе и иные мундиры, поднималось крестьянство, вооруженное чѣмъ попало: и такъ какъ оно имѣло дѣло съ непріателемъ до послѣдней степени дезорганизованнымъ, то побѣда, и часто довольно легкая, оставалась на сторонѣ крестьянства. На множествѣ

*) См. его „Записки“, стр. 191. Ср. стр. 145, — объ истинномъ характерѣ „патріотическихъ пожертвованій“.

отдѣльных примѣровъ можно прослѣдить, какъ именно этимъ путемъ защиты своего очага отъ мародеровъ пробуждался въ массахъ тотъ патриотизмъ, о которомъ такъ много и такъ бесплодно говорили наверху. „Если бы вмѣсто звѣрства, злодѣйствъ и насилій непріятель употребилъ кроткое съ поселянами обращеніе и къ тому еще не пожалѣлъ денегъ, то армія (французская) не только не подверглась бы бѣдствіямъ ужаснѣйшаго голода, но и вооруженіе жителей или совсѣмъ не имѣло бы мѣста, или было бы не столь общее и не столь пагубное“, говоритъ Ермоловъ *). А на почвѣ массоваго вооруженія развивалась и крѣпла та партизанская война, съ которой французы четыре года безуспѣшно боролись на Пиренейскомъ полуостровѣ. Русскіе партизаны были малочисленнѣе гверильсовъ и менѣе ихъ предпріимчивы; на ихъ долю не выпало ни одного такого крупнаго дѣла, какъ Байленъ. Но одной, основной, цѣли они достигали; фуражировки и реквизиціи, единственное средство прокормиться въ странѣ, гдѣ французы не имѣли запасныхъ магазиновъ, а русскіе были уничтожены, стали невозможны. Маленькіе отряды фуражировъ не могли на десять верстъ отойти отъ арміи, не рискуя быть истребленными; приходилось посылать на фуражировку пѣхоту съ пушками — но и это не помогало. Между тѣмъ немного въ сторонѣ отъ большой дороги было множество деревень, совершенно нетронутыхъ — откуда потомъ съ успѣхомъ продовольствовалась русская армія, преслѣдовавшая Наполеона.

*) „Записки, стр. 242.

Разложеніе французскихъ войскъ сказалось весьма быстро — въ первые же дни по занятіи ими Москвы (2 сентября). Главнымъ образомъ этимъ приходится объяснить благополучное маневрированіе въ конецъ разстроенной русской арміи по южнымъ уѣздамъ Московской губерніи, между рязанской дорогой (по которой первоначально пошелъ Кутузовъ) и калужской. Благодаря тому маразму, въ который впала „Большая армія“, Наполеонъ до 14 сентября не предпринялъ даже сколько-нибудь обстоятельной рекогносцировки, чтобы узнать, куда же именно ушелъ Кутузовъ. Это дало время русскому штабу принять нѣкоторыя мѣры противъ стихійнаго хаоса, водворившагося въ арміи уже со времени отступленія отъ Смоленска и достигшаго крайней степени послѣ оставленія Москвы. Сторожевая служба упала до того, что однажды два эскадрона непріятельской кавалеріи едва не взяли въ плѣнъ самого начальника арріергарда, Милорадовича, незамѣтно подѣхавъ къ дому, гдѣ онъ ночевалъ. Другой разъ въ хвостѣ нашей арміи, въ непосредственномъ соприкосновеніи съ французскими передовыми постами, оказалась пѣхота съ тяжелой (батареиной) артиллеріей, — конница же, которая должна была прикрывать отступленіе именно этой артиллеріи и пѣхоты, далеко ушла впередъ. Любопытнымъ памятникомъ этого хаоса осталась особая присяга, которую именно въ это время предполагалось брать съ нижнихъ чиновъ: „не отлучаться отъ команды и не грабить“. Присяга была прислана изъ Петербурга — но на мѣстѣ нашли неудобнымъ такъ об-

наруживать свое отчаяніе и ограничались строгимъ приказомъ по арміи.

Единственнымъ средствомъ привести армію въ порядокъ было—перевести ее на нѣсколько недѣль на мирное положеніе: этой цѣли и отвѣчала стоянка въ Тарутинскомъ лагерѣ, куда русская армія вступила 20 сентября. Съ этого дня и до 6-го октября было нѣчто въ родѣ перемирія, хотя формально и не заключеннаго. Военныя дѣйствія выражались въ эти двѣ недѣли только въ набѣгахъ партизановъ—регулярныя же войска обѣихъ сторонъ мирно созерцали другъ друга, а начальники авангардовъ, Мюратъ и Милорадовичъ, ѣздили другъ къ другу въ гости. Тѣмъ временемъ Наполеонъ долженъ былъ окончательно убѣдиться, что его надежды на богатые московскіе запасы были совершенно неосновательны. Французамъ горькимъ опытомъ доставалось знакомство съ тѣмъ полу-натуральнымъ хозяйствомъ, какимъ жила средняя полоса Россіи въ началѣ XIX вѣка. Въ первый разъ за всѣ свои походы въ Европѣ они наткнулись на городъ, населенный исключительно потребителями—гдѣ производительные классы населенія составляли ничтожное меньшинство. Пока въ городѣ были эти потребители—помѣщики съ ихъ челядью—припасы туда стекались въ изобиліи. Стоило потребителямъ выѣхать—и городъ обращался въ настоящую пустыню, гдѣ труднѣе было что-нибудь найти, чѣмъ въ деревнѣ. Только къ концу своего пятинедельнаго пребыванія въ Москвѣ французы начали осваиваться нѣсколько съ этимъ положеніемъ

вещей, давно забытымъ западной Европой. Появились прокламаціи, приглашавшія окрестное крестьянство свозить свои продукты на базаръ, причемъ гарантировалась неприкосновенность какъ самимъ продуктамъ, такъ и ихъ хозяевамъ. Но эта попытка „Большой арміи“ выступить самой въ роли потребителя, замѣнивъ собою выѣхавшее изъ Москвы дворянство, кончилась полной неудачей. Ближайшія окрестности города были уже опустошены дочиства—а въ болѣе дальнихъ терроризированные и озлобленные крестьяне уже начинали партизанскую войну. Необходимость выйти изъ-подъ Москвы и передвинуться на зимнія квартиры ближе къ западной границѣ, ясная съ перваго дня, становилась все настоятельнѣе. Но представлялся вопросъ: какъ добраться до ближайшаго этапа на этой дорогѣ, Смоленска, отдѣленнаго отъ Москвы двадцатью переходами, на протяженіи которыхъ Наполеонъ не позаботился устроить ни одного магазина—такъ тверды были его надежды на московскіе запасы. Во французскомъ штабѣ знали о существованіи старой дороги изъ Москвы въ Смоленскъ—на Боровскъ, Малоярославецъ и Медынь, и французскіе топографы получили приказъ ее изслѣдовать. Выйдя на эту дорогу, французы вступали въ совершенно нетронутый войной край, гдѣ можно было надѣяться прокормиться мѣстными средствами; въ то же время они охватывали лѣвое крыло арміи Кутузова, стоявшей подъ Тарутиномъ и, въ случаѣ удачи, отбрасывали ее на юго-востокъ, врѣзываясь клиномъ между главной арміей, съ одной стороны, ре-

зервной арміей Тормасова и дунайской — Чичагова, съ другой. Одновременно съ этимъ только что прибывшій изъ Франціи свѣжій корпусъ (9-й — маршала Виктора), долженъ былъ отбросить къ Петербургу войска Витгенштейна, — подвигавшіяся на югъ, тѣсня Удино и баварцевъ, оставленныхъ Наполеономъ на Двинѣ для охраны лѣваго фланга „Большой арміи“. Такимъ образомъ, кольцо, которое пытались образовать русскіе вокругъ послѣдней, было бы разорвано, и Наполеонъ, имѣя преимущество дѣйствовать по внутреннимъ операціоннымъ линіямъ, билъ русскія силы по частямъ.

По странной случайности, обѣ арміи пришли въ движеніе одновременно. Въ тотъ самый день, когда Наполеонъ передъ выступленіемъ изъ Москвы дѣлалъ смотръ своимъ войскамъ, войска Кутузова вышли изъ своей тарутинской позиціи и атаковали авангардъ Мюрата на р. Чернишнѣ (6 октября). Это сраженіе — самое безпорядочное за всю кампанію, что не помѣшало Кутузову въ собственноручномъ донесеніи Александру уподобить его „учебному маневру, съ раченіемъ при подготовленному“ — кончилось побѣдой русскихъ, которые располагали въ этомъ бою всѣми своими силами (около 95 тысячъ человѣкъ) противъ 15.000 французовъ. Этотъ успѣхъ повелъ къ частичному переходу въ наступленіе и на другихъ пунктахъ. Двигаясь на сѣверъ, русская кавалерія вышла на ту дорогу, по которой должны были проходить главные силы Наполеона — и скоро столкнулась съ этими послѣдними. Захваченные отсталые удостовѣрили,

что Наполеонъ уже пятый день, какъ вышелъ изъ Москвы со всею „Большой арміей“. Хотя онъ двигался гораздо быстрѣе Кутузова, — русская армія была предупреждена все же достаточно заблаговременно, чтобы стать поперекъ дороги французамъ. При Малоярославцѣ произошло столкновеніе. Наполеону удалось сосредоточить здѣсь только 70.000 человѣкъ, такъ что онъ былъ почти на треть слабѣе противника; орудій у него было уже вдвое менѣе, чѣмъ у русскихъ. Вопросъ о томъ, принимать или не принимать сраженія, пришлось теперь рѣшать ему. Послѣ долгаго колебанія, онъ рѣшилъ его отрицательно: французская армія потянулась на свою прежнюю дорогу, по которой она пришла въ Москву, къ Можайску.

Малоярославецъ былъ поворотнымъ пунктомъ кампаніи: разъ перейдя въ отступленіе, Наполеонъ вышелъ изъ этого состоянія только въ Германіи. Война упростилась до послѣдней степени: французы бѣжали, какъ только хватало силъ; уже въ первые дни по выходѣ изъ Москвы у нихъ былъ недостатокъ въ продовольствіи; вся кавалерія свелась къ четыремъ съ небольшимъ тысячамъ человѣкъ; разложеніе арміи шло въ ужасающей прогрессіи, — вестфальскій корпусъ, который шелъ въ головѣ всѣхъ войскъ, т. е. дальше всего отъ непріятеля, за два дня потерялъ отсталыми 8% своего состава. Кольцо, которое надѣялся разорвать Наполеонъ, должно было стягиваться все туже и туже. Если ему все-таки удалось разорвать его въ послѣднюю минуту, то этимъ

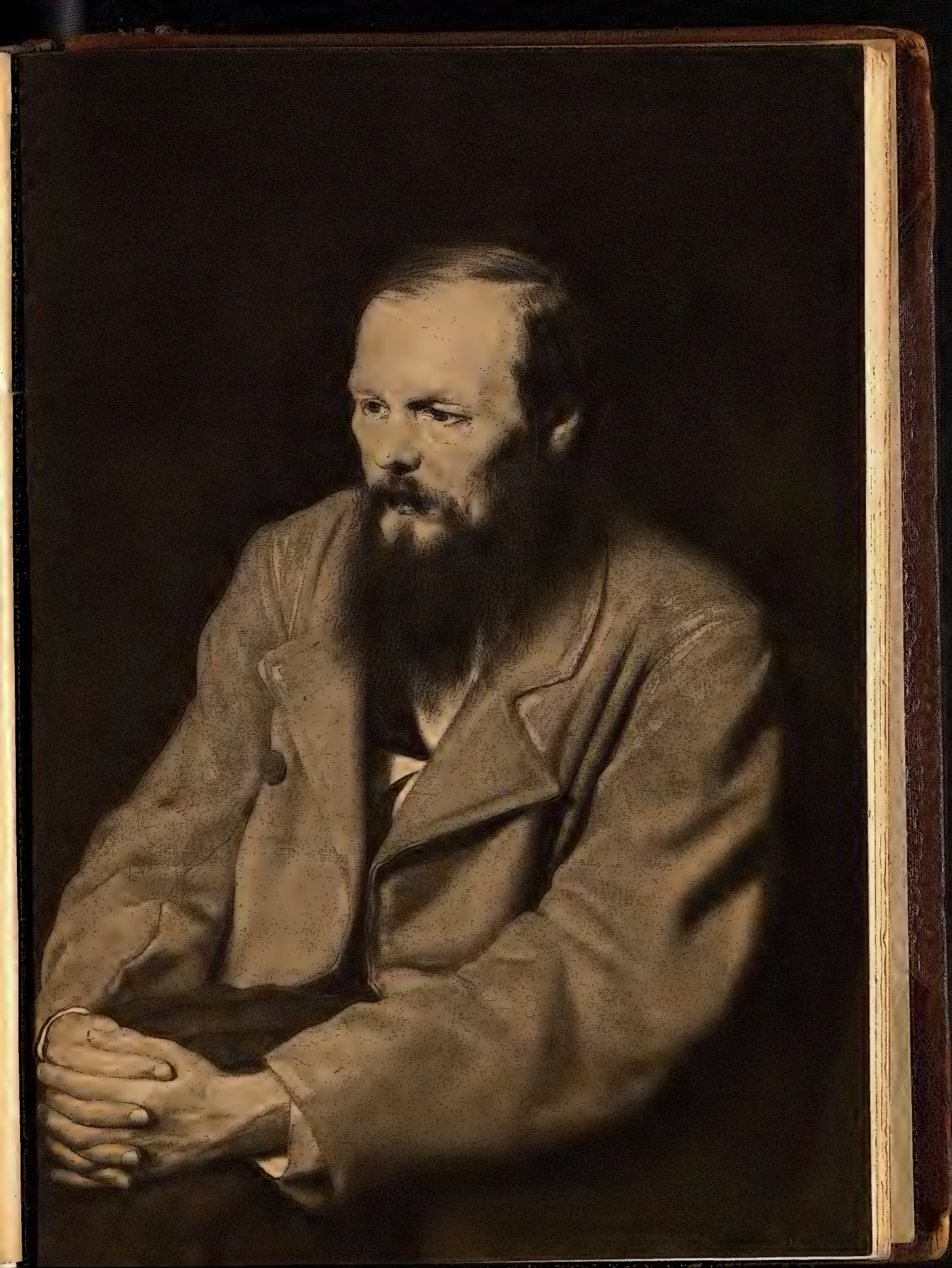
Федоръ Михайловичъ Достоевскій.

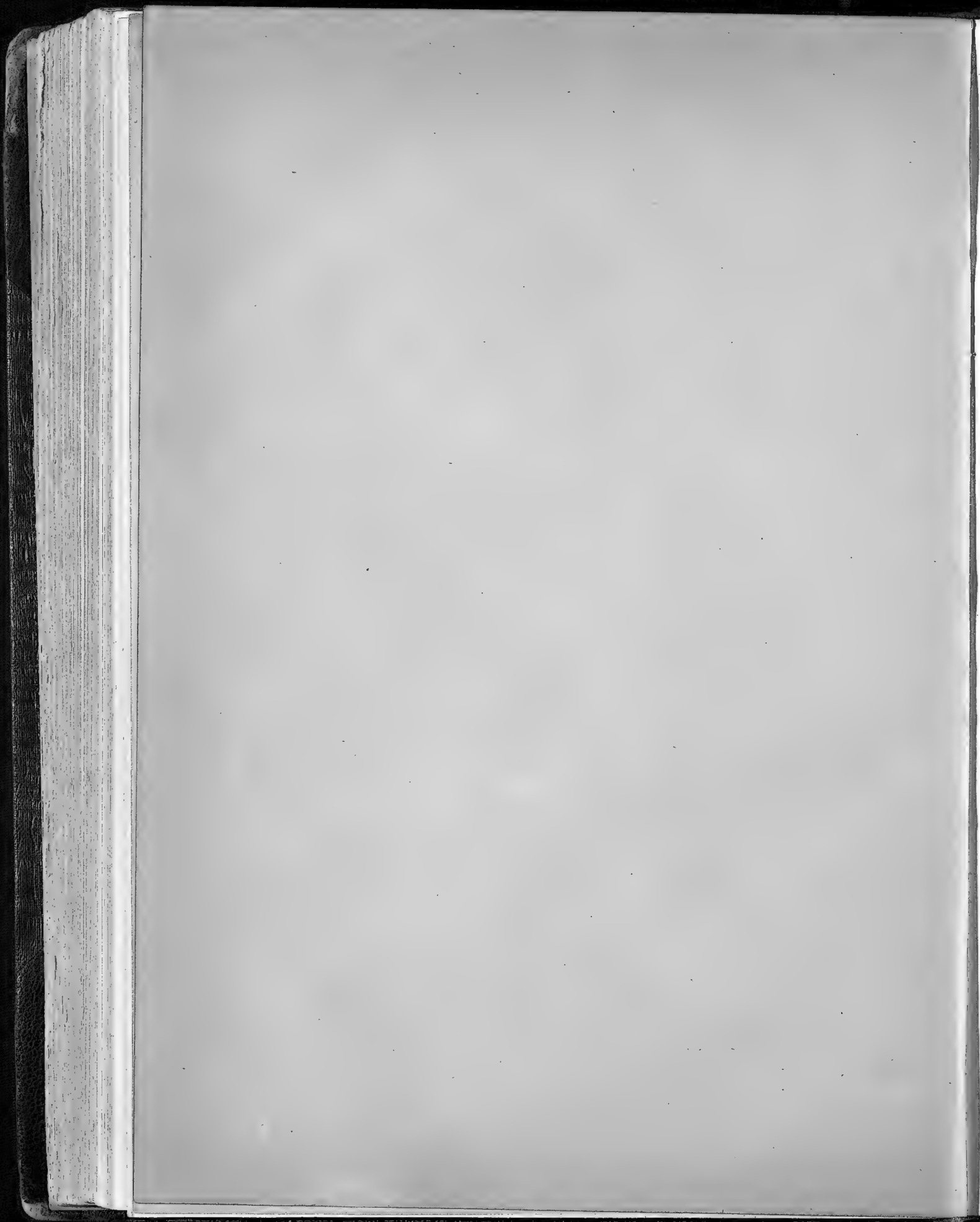
Съ повести, писанной В. Г. Перовымъ.

(Голова повести Г. и С. Тургенева въ „Медвѣ“)

„ИСТОРИЯ РОССИИ ВЪ ЛѢТАХЪ“ ИВАНЪ Т-ва „ЕР. А. И. Н. ГРАНАТЪ И К°“.

The following is a list of the
 names of the persons who
 were present at the
 meeting of the
 Board of Directors
 of the
 Company, held on
 the 1st day of
 January, 1881.

онъ былъ обязанъ исключительно русскимъ генераламъ. Прежде всего Кутузовъ, все продолжавшій видѣть передъ собою побѣдителей при Аустерлицѣ, никакъ не могъ освоиться съ мыслью, что онъ теперь сильнѣе Наполеона. Подъ Малоярославцемъ онъ уже отдалъ приказъ объ отступленіи, когда узналъ, что отступаетъ его противникъ. Подъ Вязмою онъ могъ прійти на поле битвы со всей арміей, но оставилъ всю тяжесть боя на плечахъ передовыхъ отрядовъ—съ очевидной цѣлью, въ случаѣ неудачи, отдѣлаться возможно дешевле. Даже, когда Наполеонъ бросилъ Смоленскъ, что уже само по себѣ было явнымъ доказательствомъ полного разстройства „Большой арміи“, наполеоновская гвардія казалась Кутузову очень страшной, и онъ не рѣшился стать ей поперекъ дороги, ограничиваясь добиваніемъ по частямъ остальныхъ французскихъ корпусовъ. Только потомъ, какъ бы раскаиваясь, что онъ не рѣшился дать сраженіе Наполеону, онъ изобразилъ это дѣло (подъ Краснымъ, 5 ноября) генеральнымъ сраженіемъ въ своей реляціи. На дальнѣйшемъ маршѣ Наполеонъ значительно опередилъ русскую армію—такъ что кульминаціонный пунктъ бѣгства „Большой арміи“, переправа черезъ Березину, прошелъ совершенно безъ участія Кутузова; только его авангардъ былъ свидѣтелемъ—но не участникомъ, боя. Здѣсь судьба Наполеона была въ рукахъ гр. Витгенштейна (командира корпуса, защищавшаго Петербургъ) и Чичагова (командовавшаго дунайской арміей). Отношенія этихъ двухъ генераловъ

весьма напоминали отношенія Барклая и Багратиона подъ Смоленскомъ; оба весьма не желали сблизиться,—особенно Витгенштейнъ не желалъ соединяться съ Чичаговымъ, опасаясь попасть къ нему подъ команду. Къ тому же, подобно Кутузову, онъ питалъ большое уваженіе даже къ остаткамъ наполеоновской арміи и тѣснилъ своихъ непосредственныхъ противниковъ, Удино и Виктора, ровно настолько, насколько это было необходимо, чтобы засвидѣтельствовать свое участіе въ дѣлѣ. Вся тяжесть боя пала на армію Чичагова, который, разбросавъ свои войска на большомъ пространствѣ, успѣлъ соединить къ мѣсту переправы Наполеона—и то съ опозданіемъ—лишь 22.000 человекъ. Противъ этого Наполеонъ имѣлъ еще до 40.000 вполне исправныхъ солдатъ—не считая толпы отсталыхъ и безоружныхъ. Въ результатѣ составленный Александромъ (еще въ августѣ) сложный планъ плѣненія всей французской арміи не былъ исполненъ даже приблизительно;—въ наши руки не попалъ не только Наполеонъ, но и ни одинъ изъ его маршаловъ, ни одинъ батальонъ его гвардіи. Казаки подбирали безчисленное количество полузамерзшихъ французовъ, брошенныхъ вмѣстѣ съ обозомъ и артиллеріей: этими трофеями и приходилось утѣшать себя. Погибли во время отступленія преимущественно молодежь и „союзники“: кадры „Большой арміи“ уцѣлѣли и послужили ядромъ новой арміи, которая дала Наполеону возможность провести кампанію 1813 и 1814 гг. Не считая австрійцевъ, пруссаковъ и

саксонцевъ, дѣйствовавшихъ отдѣльно, черезъ русскую границу перешло обратно около 42.000 наполеоновскихъ войскъ*); русская армія, сильно изнуренная стремительнымъ зимнимъ походомъ, пострадала почти не менѣе: армія Кутузова, выступившая изъ Тарутина въ количествѣ 95.000, имѣла на

границѣ всего 27.000 человѣкъ, армія Чичагова—не болѣе 10.000. Кутузовъ былъ правъ, когда говорилъ, что для новой кампаніи придется создавать и новую армію. Но онъ самъ же и былъ главной причиной того, что эту новую кампанію приходилось вестъ.

3. Третья коалиція.

Двѣ первыя коалиціи свелись въ концѣ концовъ къ единоборству Россіи и Франціи. Третья сама была послѣдствіемъ,—и послѣдствіемъ неизбежнымъ,—такого единоборства. Въ Россіи многіе—и въ томъ числѣ самъ Кутузовъ—были убѣждены, что разъ французы изгнаны изъ Россіи, задача борьбы съ Наполеономъ разрѣшена такъ, какъ только мы могли бы пожелать для себя. Продолженіе войны, заграничный походъ 1813—1814 гг., разсматривался, какъ личный капризъ императора Александра—какъ одно изъ проявленій обычнаго якобы для этого государя донкихотства. Освободивъ Россію, онъ желалъ освободить и Европу. При этомъ патріоты, и тогдашніе, и позднѣйшіе, проливали не мало слезъ по поводу принесенія въ жертву истинно-русскихъ интересовъ интересамъ чуждыхъ намъ и враждебныхъ западно-европейскихъ державъ. Мы уже не разъ имѣли случай замѣтить, что донкихотство было въ высокой степени

чуждо Александру Павловичу, всегда—и въ вопросахъ внутренней, и въ вопросахъ внѣшней политики—весьма трезво смотрѣвшему на вещи. Если что нарушало иногда эту трезвость, то не столько увлеченіе собственной фразеологіей—сначала либеральнаго, потомъ мистическаго отбѣнка—а развѣ чрезвычайно остро развитое личное самолюбіе. Это послѣднее, несомнѣнно, должно было толкать его къ продолженію войны: Наполеонъ былъ въ Москвѣ, Александръ долженъ былъ подписать миръ въ Парижѣ. Но необходимость продолжать войну, опредѣлялась не однимъ этимъ мотивомъ: даже если бы онъ не существовалъ, нашлись бы другіе, болѣе солидные. Цѣлый рядъ обязательствъ вынуждалъ Россію биться до конца, до разрушенія наполеоновской имперіи. Если бы Александръ помирился со своимъ противникомъ, то его настоящіе союзники не могли съ нимъ помириться—а его союзники возможные и будущіе легко могли превратиться въ его враговъ. Онъ долженъ былъ попытаться создать коалицію, если онъ не хотѣлъ имѣть ее противъ себя.

Два союзника, по отношенію къ которымъ были уже приняты на себя

*) Изъ нихъ въ строю было въ Вильнѣ 4.300 штыковъ и сабель, остальные—безоружные. Какъ извѣстно, главныя потери отъ мороза французская армія понесла именно на пути между Березиной и Вильной.

извѣстныя обязательства, были—въ хронологическомъ порядкѣ—Швеція и Англія. Швеціей тогда фактически правилъ французскій маршалъ, сдѣлавшійся наслѣдникомъ шведскаго престола не безъ прямого участія Наполеона *). Онъ долженъ былъ служить живой связью между побѣжденной русскимъ оружіемъ союзницей Англіи и французской имперіей. Въ то же время тотъ фактъ, что орудіемъ „континентальной системы“ по отношенію къ Швеціи явилась Россія, что результатъ русскихъ побѣдъ, Фридрихсгамскій миръ (5 сентября 1809 г.) окончательно лишилъ Швецію того положенія хозяина Балтійскаго моря, какое она завоевала себѣ въ дни Густава-Адольфа—все это, казалось бы, должно было навсегда посорить Швецію съ Россіей. Но экономическая солидарность оказалась сильнѣе политической вражды. Въ началѣ XIX вѣка берега Ботническаго залива имѣли для Швеціи минимальное значеніе: развивавшаяся съ каждымъ годомъ контрабандная торговля съ Англіей черезъ Готенбургъ (см. выше) перемѣщала центръ ея вниманія въ другую сторону—ей теперь нужны были берега океана. Но они принадлежали въ то время союзникѣ Наполеона, Даніи: датскій король былъ въ то же время и государемъ Норвегіи. Въ то же время отношеніе къ континентальной блокадѣ въ Стокгольмѣ и Петербургѣ скоро стало тождественнымъ: она одинаково не давала жить, какъ Россіи, такъ и Швеціи. Присутствіе

*) Маршалъ Бернадотъ, родственникъ Наполеона, избранъ сеймомъ въ Осло (21 августа 1810 года), какъ кандидатъ, предлагаемый Франціей.

француза на шведскомъ престолѣ ничего не могло измѣнить въ этой естественномъ путемъ складывавшейся комбинаціи: Швеція вмѣстѣ съ Россіей противъ Даніи, а, стало быть, и Франціи. Бернадоту оставалось на выборъ или потерять всякую популярность на своей новой родинѣ, или сдѣлаться проводникомъ шведской политики въ борьбѣ съ политикой Наполеона. Если прибавить, что этотъ родственникъ французскаго императора не питалъ никакой личной привязанности къ послѣднему, считая возвышеніе Бонапарта, такого же солдата революціи, какъ и онъ самъ, чуть ли не личною для себя обидой—то политически неожиданная роль Бернадота станетъ для насъ психологически совершенно понятна. Въ началѣ 1812 года въ Петербургъ пріѣхалъ его генераль-адъютантъ, Левенгельмъ, съ письмомъ къ Александру Павловичу, гдѣ наслѣдникъ шведскаго престола развѣтывалъ передъ русскимъ императоромъ необычайно смѣлую, широкую и заманчивую картину новой коалиціи противъ Наполеона. Прежде всего Бернадотъ брался примирить Россію съ Англіей: это было легче всего въ данный моментъ. Англія, Швеція и Россія образовывали сѣверный полуокругъ новаго анти-французскаго союза; Пруссія не могла остаться нейтральной,—и переговоры, которые она какъ разъ въ это время пыталась завязать съ Александромъ, ясно показывали, въ какую сторону склоняются ея симпатіи. Данію, охваченную кольцомъ коалиціи, легко было силой принудить войти въ нее. Сѣверо-восточная Европа оказывалась такимъ путемъ

объединенной противъ Франціи. Оставалось нейтрализовать Австрію, которой Бернадотъ, въ виду ея родственныхъ отношеній (незадолго передъ тѣмъ Наполеонъ женился на австрійской эрцгерцогинѣ), довѣрялъ меньше, чѣмъ Пруссіи. Наслѣдный принцъ шведскій надѣялся этого достигнуть при помощи диверсіи съ юга, используя для Россіи тотъ естественный союзъ турокъ и шведовъ, который сложился на почвѣ ихъ общей борьбы противъ Россіи. При посредничествѣ Швеціи, Александръ заключалъ миръ съ Портой,—силы которой направлялись на австрійскую границу. Для себя лично бывший французскій маршалъ выбиралъ самую активную и самую рѣшительную роль: съ арміей, составленной изъ шведовъ, русскихъ и англичанъ онъ обрушивался на ближайшаго союзника Наполеона, датскаго короля, овладѣвалъ Копенгагеномъ, принуждалъ датское правительство отдать свою армію въ распоряженіе коалиціи,—и со всѣми находившимися теперь въ его распоряженіи силами, включая и сѣверныхъ нѣмцевъ, наносилъ смертельный ударъ въ тылъ „Большой арміи“, удерживаемой тѣмъ временемъ русскими войсками между Вислой и Нѣманомъ. За всѣ эти услуги Бернадотъ требовалъ лишь одного вознагражденія—но оно было непремѣннымъ условіемъ союза: присоединенія Норвегіи къ Швеціи.

Александръ едва ли былъ ослѣпленъ этимъ продуктомъ гасконской фантазіи Бернадота. Но для него не могло не быть ясно одно: что согласившись на ограбленіе датскаго короля, онъ получалъ возможность увести съ береговъ Балтійскаго моря всѣ

свои войска до послѣдняго солдата. Если бы одновременно удалось заключить миръ съ турками—при посредствѣ Швеціи или безъ нея, все равно—линія обороны сокращалась до минимальныхъ размѣровъ, и всѣ боевыя силы могли быть сосредоточены противъ Наполеона. Пренебрегать шведскимъ союзомъ, очевидно, ни коимъ образомъ не слѣдовало. Нѣкоторыя угрызенія совѣсти, вызывавшіяся предполагаемой операціей надъ датскимъ королемъ—съ которыми у Россіи были наилучшія отношенія—были легко успокоены: его можно вознаградить, рѣшалъ Александръ,—хотя бы отдавъ ему тотъ самый Ольденбургъ, изъ-за котораго было столько разговоровъ съ французами. Норвегія была обѣщана Бернадоту, и 24 марта (5 апрѣля) 1812 года былъ подписанъ союзный договоръ между Россіей и Швеціей. А три дня спустя Александръ отправилъ ноту французскому правительству,—гдѣ впервые онъ рѣшительно и открыто переходилъ въ наступленіе, требуя удаленія французскихъ войскъ за линію Эльбы. Новый союзъ такимъ образомъ сразу же свелъ русскую политику съ той мертвой точки, на которую она стала въ моментъ неудачи польскаго плана.

Экспедиція въ Данію осталась пока въ проектѣ: въ послѣдствіи Бернадотъ при личной встрѣчѣ съ Александромъ въ Або (въ августѣ) самъ совершенно основательно указывалъ, что въ случаѣ побѣды коалиціи Данія все равно вынуждена будетъ уступить все, что отъ нея потребуютъ, и что было бы стратегически нелѣпо отдѣлять для этой авантюры часть силъ, необходимыхъ для борьбы съ Наполеономъ.

Мира съ Турціей Александръ добился собственными усиліями. Посредничествомъ Швеціи онъ воспользовался только для того, чтобы оформить свои отношенія къ Англіи — больше, чѣмъ оформленія, они не требовали — всякій государь, воюющій съ Наполеономъ, по существу уже былъ союзникомъ британскаго правительства. 6 (18) іюля въ Örebro въ Швеціи былъ подписанъ договоръ, главное содержаніе котораго сводилось къ обязательству Англіи уплачивать Россіи военную субсидію. Въ отвѣтъ на это всѣ русскія гавани были немедленно открыты для англійскихъ торговыхъ судовъ — въ видѣ особенной любезности открыты даже ранѣе, чѣмъ договоръ былъ ратификованъ англійскимъ правительствомъ. Континентальная блокада официально перестала существовать на восточныхъ берегахъ Балтики.

Швеціи легко было измѣнить Наполеону: русская граница была ея единственной континентальной границей; со всѣхъ другихъ сторонъ, пока существовалъ британскій флотъ, она была въ такой же безопасности, какъ сама Англія. Гораздо сложнее было положеніе Пруссіи. Вся исторія внѣшней политики этой послѣдней, съ осени 1811 года до весны 1813, представляетъ собою рядъ колебаній необычайно длиннаго размаха между двумя прямо противоположными союзами — съ Россіей и съ Франціей. Съ характернымъ для Пруссіи оппортунизмомъ правительство Фридриха-Вильгельма начало съ заискиванія передъ болѣе сильнымъ: оно первое предложило союзъ Наполеону. Но императоръ французскій отнесся къ этому предложенію весьма

скептически; правительство „друга“ императора Александра I не внушало ему никакого довѣрія; рѣзкое антифранцузское настроеніе берлинскихъ военныхъ круговъ не могло быть для него секретомъ. Въ военномъ отношеніи Пруссія въ его глазахъ была самой плохой опорой, какую только можно себѣ представить. Если онъ впоследствии все же потребовалъ у нея двадцатитысячнаго вспомогательнаго корпуса, то главнымъ образомъ ради того, чтобы взять половину всѣхъ наличныхъ силъ Пруссіи *) подъ непосредственный надзоръ французскій. Пруссія ему была нужна не какъ союзникъ, а какъ база для его русскаго похода; она обязана была снабжать „Большую армію“ квартирами и провіантомъ: „заставьте платить Пруссію“, писалъ Наполеонъ маршалу Даву — „сколько бы она ни заплатила, она все-такіи еще будетъ намъ должна“, черезъ нее проходили пути сообщенія „Большой арміи“ съ Франціей: имѣть страну между Эльбой и Вислой въ полномъ своемъ распоряженіи, быть хозяиномъ у себя въ тылу, вотъ къ чему сводилась главная задача Наполеона по отношенію къ Пруссіи. Отсюда его манера держать себя — въ высшей степени странная, если бы онъ считалъ Фридриха-Вильгельма своимъ военнымъ союзникомъ: онъ не только не заботился о томъ, чтобы Пруссія возможно лучше приготовилась къ войнѣ, онъ мѣшалъ ей готовиться. Онъ требовалъ не вооруженія, а разоруженія прусскихъ крѣпостей, не мобилизаціи, а демобили-

*) Какъ извѣстно, послѣ Тильзитскаго мира постоянная армія Пруссіи была ограничена 42.000 чел.

заци сосредоточенныхъ въ нихъ войскъ — и посылалъ спеціальныхъ агентовъ слѣдить, всѣ ли запасныя, дѣйствительно, распущены, какъ было предписано. Такія мѣры предосторожности, стратегически вполне понятныя, терроризировали прусское правительство; его нечистая совѣсть подсказывала ему самыя мрачныя опасенія. Въ Берлинѣ готовы были вѣрить, что Наполеонъ рѣшилъ воспользоваться походомъ на Россію, чтобы покончить недодѣланное въ 1807 году, что „Большая армія“ мимоходомъ сотрѣтъ Пруссію съ лица земли, и превратитъ ее во французскую провинцію, — какой незадолго передъ тѣмъ сталъ Ольденбургъ. У этихъ зловѣщихъ предчувствій могло быть нѣчто въ родѣ реальной основы въ тѣхъ инструкціяхъ, которыя получилъ Даву — и о которыхъ смутные слухи могли дойти до берлинскаго двора: въ случаѣ малѣйшихъ признаковъ измѣны Наполеонъ, дѣйствительно, рѣшилъ не церемониться съ Пруссіей, и Даву съ помощью поляковъ, саксонцевъ и вестфальцевъ долженъ былъ быть готовъ немедленно превратить „союзницу“ въ завоеванную страну. Страхъ доводитъ до отчаянія: предупредительныя мѣры Наполеона толкнули прусское правительство какъ разъ къ той измѣнѣ, которой онъ опасался. Фактическій военный министръ Пруссіи, Шарнгорстъ, осенью 1811 года подъ величайшимъ секретомъ отправился въ Петербургъ — договариваться о союзѣ съ Александромъ. Пруссія соглашалась безповоротнo стать на сторону Россіи и связать съ нею свою судьбу — но подъ однимъ непремѣннымъ условіемъ: немедлен-

наго вступленія русской арміи въ прусскіе предѣлы. Иначе прусская армія была бы раздавлена въ процессѣ мобилизаціи: и союзъ Фридриха-Вильгельма съ Александромъ только облегчилъ бы Наполеону исполненіе тѣхъ плановъ, въ которыхъ его подозрѣвала Пруссія. Русскому императору, значить, предстояло покинуть свои позиціи на Нѣмцѣхъ и оставить самое Россію безъ защиты, или ослабить эту защиту, если онъ хотѣлъ воспользоваться предложеніемъ Шарнгорста. Александръ не рѣшился взять на себя такую отвѣтственность. Онъ хотѣлъ сначала знать, не будетъ ли открыта Наполеону для нападенія на Россію другая, южная дорога — черезъ Австрію; не обнажитъ ли онъ своего лѣваго фланга, вступивъ въ Пруссію, — и не дастъ ли тѣмъ противнику возможность обойти себя съ тыла. По крайней мѣрѣ дружественный нейтралитетъ Австріи былъ для него совершенно необходимъ. Пока онъ не былъ въ немъ увѣренъ, онъ соглашался только прикрыть русскими войсками Кенигсбергъ — не болѣе. Для Фридриха-Вильгельма этого было, очевидно, слишкомъ мало. Шарнгорстъ долженъ былъ изъ Петербурга поѣхать въ Вѣну. Здѣсь онъ узналъ, что не только не приходится думать о дружественномъ нейтралитетѣ тестя французскаго императора въ предстоящей борьбѣ — но что Австрія наканунѣ заключенія наступательнаго и оборонительнаго союза съ Франціей. Планъ русско-прусскаго союза падалъ самъ собою. Тѣмъ временемъ французской дипломатіи удалось нѣсколько разсѣять страхи берлинскаго правительства;

въ февралѣ 1812 года союзъ Пруссіи съ Франціей былъ формально закрѣпленъ договоромъ — и двадцать тысячъ пруссаковъ перешли русскую границу вмѣстѣ съ „Большой арміей“.

Наполеонъ сознательно избѣгалъ дать имъ сколько-нибудь отвѣтственную роль. Поставленные на крайнемъ лѣвомъ флангѣ, въ Курляндіи, они номинально должны были служить для осады Риги — за которую французы такъ и не принялись во все время кампаніи. Фактически, какъ уже упомянуто, они должны были служить заложниками добросовѣстнаго поведенія Пруссіи; непосредственно за ними наблюдали войска маршала Макдональда, въ корпусъ котораго они были включены, — а сзади ихъ стерегъ двадцатитысячный данцигскій гарнизонъ. Императору французовъ и въ голову не приходило, что когда-нибудь эти войска могутъ приобрести для него военное значеніе. А между тѣмъ, когда остатки „Большой арміи“, въ видѣ толпы полу-безоружныхъ бѣглецовъ, переправлялись черезъ Нѣманъ, корпусъ Макдональда на лѣвомъ крылѣ, Шварценберга (австрійцы) и Ренъе (саксонцы) на правомъ представлялись единственной организованной силой, какой располагала Франція на русскихъ границахъ. Если бы Пруссія и Австрія остались вѣрны союзу съ Наполеономъ, онъ даже теперь былъ бы не слабѣе Александра: потому что русскія арміи, пришедшія въ декабрѣ 1812 года на Нѣманъ, имѣли въ строю не больше людей, чѣмъ три корпуса, оставшіеся у Наполеона.

Фридрихъ-Вильгельмъ опять переживалъ минуты мучительнаго то-

мленія. Пораженіе французовъ было ясно; моментъ избавленія, казалось, наконецъ пришелъ. Но люди, запуганные Наполеономъ, не рѣшались вѣрить своимъ глазамъ и ушамъ; „ничтожества“, — окружавшія прусскаго короля, по словамъ Штейна, — никакъ не могли освоиться съ мыслью, что Франція оказалась слабѣе Россіи: мы не будемъ къ нимъ такъ строги, какъ Штейнъ, если вспомнить, что съ этой мыслью долго не могъ освоиться и самъ главнокомандующій побѣдоносной русской арміи. Фридриху-Вильгельму казалось, что Александръ, осмѣлившись побѣдить Наполеона, идетъ на явную гибель — и хочетъ увлечь съ собою несчастную Пруссію. Его дипломаты то выступали съ крайне нелѣпыми просктами посредничества, — предлагая Наполеону удалиться за Эльбу подъ условіемъ, что Александръ не перейдетъ Вислы: какъ нельзя быть болѣе наивный способъ добиться эвакуаціи Пруссіи отъ останковъ „Большой арміи“. То они пытались извлечь изъ великой катастрофы маленькую пользу, требуя отъ Наполеона возврата 94 милл. франковъ, переплаченныхъ прусскимъ правительствомъ за сѣстные припасы для французскихъ войскъ, и очищенія нѣкоторыхъ прусскихъ крѣпостей — повидимому, соглашаясь на этихъ условіяхъ продолжить союзъ съ Франціей. Положеніе до крайности осложнялось еще тѣмъ, что король, окруженный въ Берлинѣ войсками маршала Ожеро (смѣнившаго Даву въ роли сторожа Пруссіи), постоянно трепеталъ за свою личную безопасность. Дѣло въ концѣ концовъ разрѣшилось само собой — и Фридри-

ху-Вильгельму оставалось только покориться своей судьбѣ. Командиръ прусскаго вспомогательнаго корпуса, ген. Йоркъ, нашелъ способъ отдѣлиться отъ французскихъ войскъ Макдональда—и совершенно неожиданно для своего французскаго начальника заключилъ конвенцію съ Витгенштейномъ, въ силу которой прусскія войска должны были оставаться нейтральными впредь до рѣшенія вопроса о союзѣ съ Россіей прусскимъ правительствомъ. А вслѣдъ затѣмъ ландтагъ Восточной Пруссіи, первой прусской провинціи, занятой русскими войсками, сдѣлалъ еще шагъ дальше—собственной властью создавъ подъ знамена ландверъ, т. е. предпринялъ именно ту мобилизацію, которая была строжайше запрещена Наполеономъ. Прусскому королю оставалось одно изъ двухъ—или соединиться съ французами противъ своихъ войскъ и подданныхъ—или вслѣдъ за ними перейти на сторону Россіи. Онъ и тутъ колебался нѣкоторое время—и демонстративно отрѣшилъ Йорка отъ командованія. Но русскія войска послѣ нѣкоторой остановки на Нѣманѣ двигались впередъ быстро: въ февралѣ 1813 г. главная квартира Александра и Кутузова была уже въ Калишѣ у самой прусской границы. Тогда Фридрихъ-Вильгельмъ, наконецъ, рѣшился; тѣмъ временемъ не безъ труда выбравшись изъ-подъ надзора войскъ Ожеро, — онъ ¹³/₁₈ февраля заключилъ союзный договоръ съ Александромъ въ Калишѣ. Своевременный переходъ русскими войсками границы сразу оторвалъ одного союзника у Наполеона и далъ Александру лишннихъ сто тысячъ войска.

Онъ обезпечилъ въ то же время и другое необходимое условіе—нейтралитетъ Австріи. Корпусъ Шварценберга въ теченіе войны дѣйствовалъ противъ русскихъ не многимъ болѣе энергично, чѣмъ русскіе противъ австрійцевъ въ 1809 году. Едва получивъ точныя свѣдѣнія о разгромѣ „Большой арміи“, австрійскій фельдмаршалъ поспѣшилъ также нейтрализовать свои войска, заключивъ съ русскими отдѣльное трехмѣсячное перемиріе. Но руководитель австрійской политики, канцлеръ Меттернихъ, вовсе не расположенъ былъ еще подражать примѣру Фридриха-Вильгельма и отдавать австрійскую армію въ распоряженіе Александра. По совершенно вѣрному наблюденію русскаго агента въ Вѣнѣ, Штапельберга, дальнѣйшее поведеніе Австріи всецѣло зависѣло отъ того, какое положеніе займетъ относительно насъ Германія. Если бы настроеніе Германіи сложилось безусловно въ пользу коалиціи, Австрія должна была бы вмѣшаться, чтобы не дать Пруссіи единоличнымъ руководствомъ въ „освободительной“ борьбѣ закрѣпить свою гегемонію надъ нѣмцами. Въ случаѣ же неудачи коалиціи Австрія съ ея нетронутой арміей легко могла бы выступить въ качествѣ вершительницы судебъ утомленныхъ боемъ противниковъ и заставить дорого купить свое посредничество. Въ ожиданіи она вела переговоры на обѣ стороны—и трехмѣсячное перемиріе, заключенное Шварценбергомъ, было ей какъ нельзя болѣе на руку.

Итакъ, для того, чтобы завершить коалицію, нужно было имѣть на своей сторонѣ Германію—а для это-

го, въ свою очередь, нужно было быстрымъ шагомъ, не останавливаясь, идти впередъ—чтобы возможно большія массы поставить въ соприкосновеніе съ союзными войсками раньше, чѣмъ на сценѣ появится новая армія Наполеона. Въ сѣверной и восточной Германіи дѣло шло не обыкновенно ходко. Войска Ожеро уступили Берлинъ почти безъ сопротивленія. Ганзейскіе города привѣтствовали русско-прусскіе передовые отряды, какъ избавителей: здѣсь, казалось, французы совсѣмъ ступевались. Правда, это только казалось, очень скоро Даву опять появился въ Гамбургѣ, который въ концѣ концовъ дольше удержался во французскихъ рукахъ, чѣмъ большая часть крѣпостей Германіи. Значительно меньшій энтузіазмъ нашли союзныя войска въ Саксоніи — гдѣ начинались уже области, связанныя съ французской имперіей не путемъ голаго насилія, а общими экономическими интересами. Но въ военномъ отношеніи и здѣсь былъ на первыхъ порахъ полный успѣхъ — русскіе и пруссаки заняли Дрезденъ еще легче, чѣмъ Берлинъ; саксонскій король долженъ былъ выѣхать изъ своей страны—онъ укрылся въ Прагѣ, въ Австріи, какъ бы собираясь раздѣлить ея нейтралитетъ.

Картина рѣзко измѣнилась, какъ только „Большая армія“ воскресла въ Германіи. Теперь, правда, въ ней было еще больше рекрутовъ (хотя были и старыя войска, вызванныя изъ брошенной на произволъ судьбы Испаніи). Но арміи союзниковъ были немногимъ лучше въ этомъ отношеніи—чтобы развернуть въ настоящія дивизіи и корпуса тѣ кадры,

изъ которыхъ состояла прусская армія и въ которыя обратилась русская послѣ зимняго похода, ихъ пришлось пополнить тѣмъ же элементомъ. Тѣмъ не менѣе весною 1813 года они были количественно слабѣе наполеоновской арміи, — и имѣли во главѣ въ лицѣ Витгенштейна совершенно неспособнаго главнокомандующаго (Кутузовъ умеръ 16 апрѣля). Первое же большое сраженіе (при Люценѣ 20 апрѣля 1813 г.) стоило союзникамъ лѣваго берега Эльбы—они вынуждены были отступить за Дрезденъ. Это отступленіе страшно обезкуражило Фридриха-Вильгельма, которому уже стала мерещиться кампанія 1806 года и его мемельское изгнаніе. 30 апрѣля Наполеонъ вмѣстѣ съ королемъ саксонскимъ торжественно въѣхалъ въ Дрезденъ, а 8 и 9 мая союзники вновь были разбиты въ восточной Саксоніи при Бауценѣ: пришлось отступить на прусскую территорію, въ Силезію. Императоръ Александръ начиналъ уже снова находить неприличнымъ свое пребываніе на войнѣ, разъ дѣла шли такъ плохо: съ поля сраженія при Бауценѣ онъ уѣхалъ, не дождавшись своей арміи, заявивъ Витгенштейну, что онъ „не хочетъ быть свидѣтелемъ такого разстройства“ (déconfiture). Нѣсколько дней спустя французы заняли и Бреславль—мы были откинута почти къ Вислѣ.

Изъ критическаго положенія вывелъ союзниковъ самъ Наполеонъ. Уже тотчасъ послѣ Люцена онъ пытался вступить въ переговоры съ императоромъ Александромъ. Но союзники считали свою неудачу случайностью—и французскія предложенія

были отклонены. Послѣ Бауцена обѣ арміи—и прусская, и, въ особенности, русская были такъ разстроены, что пріостановка военныхъ дѣйствій являлась для нихъ существенной необходимостью: новый главнокомандующій, Барклай-де-Толли, въ теченіе нѣсколькихъ дней не могъ опредѣлить ни состава, ни численности своей арміи—такъ все перепуталось. Теперь поэтому согласились на перемиріе,—которое продолжалось около двухъ мѣсяцевъ. Съ перваго взгляда представляется загадочнымъ, зачѣмъ понадобилось это перемиріе побѣдителю. Но мы поймемъ это, если вспомнимъ, что новая армія Наполеона была по составу еще хуже, то есть еще болѣе способна къ саморазложенію, чѣмъ „Большая армія“ 1812 года. Несмотря на строжайшіе приказы и разстрѣливаніе дезертировъ, даже гвардейскіе полки таяли день ото дня безъ всякихъ сраженій. Мародерство было неистовое — цѣлыя дивизіи и бригады превращались въ банды разбойниковъ, наводившихъ ужасъ на союзныхъ Наполеону саксонцевъ. Но нужно прибавить, что если французы оставляли ряды по одиночкѣ или маленькими партіями — то нѣмецкіе „союзники“ дѣлали то же организованно, переходя къ непріятелю цѣлыми частями въ полномъ боевомъ порядкѣ, со штабомъ и артиллеріей. Углубляться съ такой арміей въ непріятельскую страну значило идти на встрѣчу новой Березинѣ гораздо быстрѣе, чѣмъ то было въ 1812 году. Двѣ блестящія побѣды давали Наполеону нѣкоторое удовлетвореніе за московскій походъ. Опираясь на ихъ моральный эффектъ, онъ могъ

разсчитывать, что добьется максимально выгодныхъ условий: нѣскольکو мѣсяцевъ спустя, комбинація могла быть далеко хуже.

Расчетъ былъ слишкомъ ясенъ—и именно поэтому не могъ удался. Россія и Пруссія далеко не истратили еще всѣхъ своихъ ресурсов—имъ не было никакого расчета мириться на условіяхъ, сколько-нибудь выгодныхъ для Наполеона. Они тянули дѣло, пополняя и приводя въ порядокъ свои разстроенныя войска. Когда, наконецъ, Наполеонъ добился отъ нихъ яснаго и точнаго изложенія ихъ пожеланій, то оказалось, что послѣднія сводятся въ существѣ къ восстановленію *status quo ante* 1805 года. Пруссія и Австрія должны были быть восстановлены въ первоначальныхъ предѣлахъ—какіе онѣ имѣли передъ началомъ первой коалиціи, Рейнскій союзъ уничтоженъ, Голландія и сѣверная Германія очищены французами,—т. е. фактически упразднена континентальная блокада. Услыхавъ въ первый разъ эти предложенія, Наполеонъ назвалъ ихъ „неслыханнымъ оскорбленіемъ“ — и весьма грубо заподозрилъ передававшего ему ихъ австрійскаго канцлера, Меттерниха, въ томъ, что тотъ, просто напросто, подкупленъ англичанами. Съ своей стороны, императоръ французовъ соглашался пожертвовать только Герцогствомъ Варшавскимъ — да тѣми провинціями, которыя онъ отобралъ у Австріи въ 1809 году. Другими словами, онъ разсчитывалъ расколоть коалицію, давъ „національное“ удовлетвореніе Россіи—и династическое своему тестю, императору Францу. Но это было такой же утопійей, какъ и мечты

русскихъ патриотовъ: коалиція была прочно спаяна договорами Пруссіи и Россіи съ Англіей (2 и 3 іюня); Англія оплачивала всѣ издержки, но зато союзники обязаны были положить оружіе не прежде, какъ добившись того, что нужно Англіи. Мало-по-малу и Наполеонъ сталъ понимать эту логику коалиціи—и началъ склоняться на уступки болѣе общаго характера, но было уже слишкомъ поздно. Онъ имѣлъ теперь противъ себя не только сѣверъ и востокъ Европы, но и ея центръ въ лицѣ Австріи. Два условія главнымъ образомъ опредѣлили присоединеніе сначала нейтральной, потомъ посредничавшей Австріи къ коалиціи. Первымъ изъ нихъ былъ тотъ народный характеръ, который стала принимать война въ Германіи: ультра-феодалному правительству императора Франца никоимъ образомъ не могла нравиться картина подданныхъ, дѣйствующихъ помимо воли своихъ государей и вынуждающихъ послѣднихъ совершать такіе шаги, которыхъ они сами, можетъ быть, и не сдѣлали бы,—какъ это случилось съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ прусскимъ. Надо было бороться съ этой „якобинской заразой“,—а для этого взять германское движеніе подъ свою опеку, выѣшавшись въ него возможно энергичнѣе. Другимъ были наблюденія надъ поведеніемъ Наполеона во время переговоровъ: его уступчивость не внушала довѣрія къ его силѣ. Уже то, что онъ такъ охотно жертвовалъ поляками, своимъ авангардомъ на Вислѣ, показывало австрійскимъ дипломатамъ, что они имѣютъ дѣло не съ тѣмъ Наполеономъ, какимъ онъ былъ въ 1807 го-

ду. Готовность къ дальнѣйшимъ жертвованіямъ окончательно укрѣпила ихъ въ убѣжденіи, что „великій человѣкъ пошатнулся на престолѣ“ (le grand homme est à coté du trône). Примкнуть къ коалиціи, очевидно, было надежнѣе, чѣмъ оставаться вмѣстѣ съ Наполеономъ; и Францъ сначала объявилъ союзный договоръ, заключенный имъ въ 1812 году съ зятемъ, не существующимъ, а затѣмъ 12 августа (н. ст.) объявилъ ему войну. Коалиція развѣтывалась теперь передъ Наполеономъ въ такомъ полномъ составѣ, какого она еще никогда не имѣла.

Присоединеніе Австріи увеличило силы союзниковъ, и безъ того значительно возросшія за время перемирія, еще на 110.000 человѣкъ: численный перевѣсъ, и притомъ громадный, былъ теперь безуслово на сторонѣ коалиціи. Тѣмъ не менѣе первые шаги союзниковъ по открытіи военныхъ дѣйствій живо напоминали сцены изъ двухъ первыхъ коалицій. Главнокомандующимъ союзныхъ армій былъ назначенъ австрійскій фельдмаршалъ Шварценбергъ,—хорошій дипломатъ, остававшійся таковымъ и на полѣ битвы. Онъ заботился не столько о единствѣ и цѣлесообразности своихъ распоряженій, сколько о томъ, чтобы они не вызывали возраженій со стороны союзныхъ монарховъ, въ полномъ составѣ присутствовавшихъ при арміи *). Подъ Дрезденомъ онъ былъ за штурмъ, когда думалъ, что Александръ Павловичъ его желаетъ—и противъ штурма, какъ только

*) Кромѣ, разумѣется, сумасшедшаго короля англійскаго, Георга III. Наслѣдный принцъ шведскій присоединился подъ Лейпцигомъ.

выяснилось обратное. Въ результатѣ, штурмъ не былъ формально предписанъ, но не былъ формально и отмѣненъ, отдѣльныя колонны дѣйствовали по вдохновенію своихъ начальниковъ, и пораженіе было полное. Этотъ учтивый главнокомандующій и его штабъ настолько мало были подготовлены къ своей задачѣ, что у нихъ не было даже порядочной карты театра войны—хотя дѣло шло не о центральной Африкѣ, а о со-сѣдней съ Австріей Саксоніи—и окрестности Дрездена представляли для нихъ землю, весьма мало изслѣдованную, полную всякихъ географическихъ неожиданностей. Развѣдочная часть была поставлена такъ, что, составляя операціонный планъ, въ главной квартирѣ полагали Наполеона съ главными силами находящимся около Лейпцига, къ западу отъ Эльбы: а на самомъ дѣлѣ „Большая армія“ была далеко на востокъ отъ этой рѣки, на границѣ Силезіи. Изъ заблужденія союзники были выведены случайно, благодаря дезертирству двухъ вестфальскихъ полковъ, цѣликомъ ушедшихъ отъ Наполеона. Вдобавокъ, съ присоединеніемъ австрійцевъ, союзники усвоили себѣ классическую медлительность этой арміи—и шестидесятиверстное разстояніе отъ границъ Богеміи до Дрездена было едва пройдено въ четыре дня, что дало возможность Наполеону сосредоточить всѣ свои силы къ угрожаемому пункту. Когда штурмъ Дрездена былъ отбитъ съ громадными потерями (до 30-ти тысячъ человѣкъ), главной квартирой союзниковъ овладѣло такое уныніе, что даже не наиболѣе пессимистически настроенные предлагали перейти къ оборонѣ, занявъ „крѣп-

кую центральную позицію“,—т. е. отдавъ всю инициативу кампаніи въ руки Наполеона. Только случайная побѣда русскихъ надъ неосторожно выдвинувшимся впередъ корпусомъ Вандама нѣсколько подняла настроеніе. Мало-по-малу рѣшено было снова перейти въ наступленіе—причемъ, ради обезпеченія успѣха, передъ французскими позиціями у Лейпцига, гдѣ стоялъ Наполеонъ, прикрывая свои сообщенія, должны были соединиться всѣ силы, какими располагала коалиція: русско-австро-прусская главная армія изъ Богеміи, прусско-русскій корпусъ Блюхера изъ Силезіи, и шведско-пруско-русско-англійская армія Бернадота изъ сѣверной Германіи: всего до 270.000 солдатъ, которымъ Наполеонъ могъ противопоставить не болѣе 160.000. Тѣмъ не менѣе ему едва не удалось послѣ трехдневнаго боя отдѣлаться тѣмъ, чего достигъ въ свое время Кутузовъ подъ Бородиномъ: проиграннымъ сраженіемъ безъ уничтоженія арміи. Половина французскихъ войскъ уже успѣла отступить въ полномъ порядкѣ, когда, по несчастному недоразумѣнію, были взорваны мосты, по которымъ должна была отступать другая половина. Нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ оказались отрѣзанными и были частью истреблены, частью взяты въ плѣнъ союзниками.

Лейпцигъ отдалъ Германію въ руки коалиціи. Саксонцы перешли на самомъ полѣ битвы, баварцы попытались загородить дорогу отступавшимъ войскамъ Наполеона: побѣда надъ ними была послѣднимъ триумфомъ „Большой арміи“. Спустя годъ послѣ обратнаго перехода ея предшественницы

черезъ Нѣманъ, союзныя войска стояли на Рейнѣ. Дипломатическія способности союзнаго главнокомандующаго, тренія въ главной квартирѣ коалиціи, отчаянная храбрость послѣднихъ солдатъ Франціи, послѣднія вспышки военной гениальности Наполеона—все это еще на три мѣсяца

отсрочило развязку. Но кампанія 1814 года была уже агоніей, и конецъ ея былъ заранѣе предрѣшенъ; ¹⁹/₃₁ марта самолюбіе императора Александра было удовлетворено въ полной мѣрѣ: побѣдителемъ Наполеона онъ вступилъ въ Парижъ.

3.

Священный Союзъ.

Съ момента взятія Парижа коалиція могла считаться достигнувшей своей цѣли, а потому неизбежно должна была распасться. Англичане готовы были мириться уже на Рейнѣ. При первой заминкѣ въ походѣ 1814 года, обнаружившей, что даже съ агонизирующей „Большой арміей“ бороться не такъ легко, ихъ представитель въ главной квартирѣ коалиціи, лордъ Кэстлри, настоятельно совѣтовалъ императору Александру—вступить въ переговоры съ Наполеономъ, не дожидаясь необходимости перейти обратно за Рейнъ. Английскій дипломатъ ссылаясь въ данномъ случаѣ на инструкціи, данныя ему парламентомъ, и прибавилъ: „наша коалиція все равно распадается“. Кэстлри былъ совершенно правъ: австрійцы крайне неохотно углублялись во Францію и были увлечены къ движенію на Парижъ почти силой русскими и пруссаками. „Я не могу каждый разъ бѣгать къ вамъ на помощь за полторы тысячи верстъ“, отвѣтилъ Александръ Павловичъ, настаивая, чтобы дѣло было во что бы то ни стало доведено до конца, т. е. до низложенія Наполеона. Но наступилъ, наконецъ, и этотъ моментъ—

и теперь, повидимому, ничего не оставалось, какъ разойтись каждому къ своимъ дѣламъ. Расхождение во внѣшней политикѣ было такъ велико, что державы-союзницы чуть не на другой же день послѣ изгнанія Бонапарта изъ Франціи едва не начали между собою войны. Связующее начало было однако же найдено—и оно оказалось достаточно прочнымъ, чтобы превратить коалицію въ нѣкоторое подобіе постоянного учрежденія, извѣстнаго подъ именемъ „Священного Союза“. Но оно было найдено не въ области международныхъ отношеній, хотя и маскировалось ими: его основой были общіе интересы союзныхъ правительствъ въ ихъ внутренней политикѣ.

Въ области внѣшней политики то общее, на чемъ могли сойтись члены коалиціи, было сформулировано ужъ при самомъ ея образованіи въ августѣ 1813 года. Это общее заключалось: 1) въ разрушеніи имперіи Наполеона—т. е. въ „освобожденіи“ приблизительно 32 милліоновъ итальянцевъ, швейцарцевъ, голландцевъ, нѣмцевъ и т. д. изъ-подъ „ига“ французскаго „угнетателя“; изъ этого слѣдовало два дальнѣйшія

условія: такъ какъ „освобожденныхъ“ нельзя же было предоставить самимъ себѣ—стоитъ вспомнить, что у многихъ изъ нихъ даже „законныхъ государей“ въ то время не было, и съ точки зрѣнія дипломатіи стараго порядка они представлялись истинными овцами безъ пастыря—то 2) необходимо было или образовать изъ этихъ безпризорныхъ миллионъ новыя государства, притомъ такъ, чтобы коалиціи не приходилось чего-нибудь опасаться отъ этихъ государствъ въ будущемъ, — или распределить ихъ по государствамъ, уже существующимъ. Последнее было очень удобной формой для того, чтобы обезпечить должное вознагражденіе союзникамъ. Съ другой стороны, изъ этого же разрушенія имперіи вытекало, въ-3-хъ,—возвращеніе въ первобытное состояніе Франціи—т. е. сметеніе безъ остатка всѣхъ результатовъ великой революціи, поскольку они выразились въ территоріальныхъ перемѣнахъ: Франція должна была стать такой, какой она была 1 января 1792 года.

Такимъ образомъ, побѣда коалиціи должна была привести къ дипломатической реставраціи. Изъ этого логически еще вовсе не вытекало, что она должна сопровождаться и реставраціей политической,—воскрешеніемъ тѣхъ учрежденій, какія имѣла старая Франція до низверженія монархіи,—со старой династіей включительно. Но, какъ мы увидимъ ниже, одно было довольно тѣсно связано съ другимъ. Однако уже выполненіе этой дипломатической реставраціи наталкивалось на цѣлый рядъ затруд-

неній. Въ числѣ „мятежниковъ“, которые, по крайней мѣрѣ юридически, оставались еще въ 1814 году законопротивными, были такіе, въ существованіи которыхъ были весьма близко заинтересованы наиболѣе вліятельные члены союза, только что одержавшаго побѣду надъ Наполеономъ. Такіе прежде всего въ очень большомъ числѣ оказывались въ Европѣ: всѣ американскія колоніи Испаніи,—Венецуэла, Перу, Боливія, Чили, Ла-Плата, Аргентина*), находились въ полномъ возстаніи противъ своего законнаго государя и явно обнаруживали преступную тенденцію стать республиками. Этого, конечно, нельзя было терпѣть: но добраться до мятежниковъ въ данномъ случаѣ было трудно безъ содѣйствія британскаго флота—и совсѣмъ невозможно при его противодѣйствіи. Но Англія экономически была въ высокой степени заинтересована въ томъ, чтобы колоніи Испаніи ни подъ какимъ видомъ не попадали подъ опеку державъ европейскаго континента. Это были ея новые рынки—ея добыча отъ испанской войны; выпустить ее изъ рукъ она не соглашалась ни въ какомъ случаѣ. Всѣ настоянія императора Александра о возвращеніи заокеанскихъ земель ихъ законному владѣтелю разбивались объ упорное сопротивленіе ея недавней союзницы. Самое большое, на что соглашались англичане, это, ради приличія, поддерживать въ отпавшихъ колоніяхъ монархическій принципъ противъ республиканскаго. Но когда заоке-

*) Вскорѣ къ нимъ присоединилась и Мексика.

анскіе испанцы обнаружили непреодолимое отвращеніе къ монархіи и мексиканцы разстрѣляли смѣлаго человѣка, рѣшившагося воцариться надъ ихъ республикой,—англійское правительство не стало усложнять дѣла своею настойчивостью. Мексиканскій императоръ долго не имѣлъ подражателей, — почти полстолѣтія. По ту сторону океана интересы, оскорбленные революціей, не нашли себѣ удовлетворенія.

Но Америка въ силу уже чисто географическихъ условій не была на первомъ планѣ у спорящихъ союзниковъ. Былъ народъ, на глазахъ всей Европы возставшій противъ своихъ законныхъ владѣтелей,—и о немъ теперь въ первую очередь ставился вопросъ: возвращаться ему въ прежнее состояніе или нѣтъ? Комбинація силъ на этомъ вопросѣ была тѣмъ любопытнѣе, что глава коалиціи, императоръ Александръ, былъ въ данномъ случаѣ противъ реставраціи, а за нее—была Франція; правда, Франція, уже не наполеоновская, революціонная, а Франція Бурбоновъ, контръ-революціонная,—хотя интересы ся и представлялъ бывший министръ иностранныхъ дѣлъ Наполеона, оставшійся ему въ наслѣдство отъ революціи.

Этимъ народомъ были поляки. Въ 1807 году они, прусскіе подданные, рѣшительно возстали по зову счастливаго побѣдителя Пруссіи—и завоевали себѣ первый зачатокъ политической независимости, Варшавское Герцогство. Въ 1809 году то же повторилось съ австрійскими подданными польской національности. Въ 1814 году приходилось вновь повторять польскіе раздѣлы—дробить уже

сложившееся вновь государство. Но уже въ 1812 году, переходя съ войсками границу, Александръ твердо рѣшилъ этого не дѣлать и не допускать, чтобы это сдѣлали другіе. Польша должна была цѣликомъ перейти къ нему,—стать его личной „собственностью“ (его подлинное выраженіе вполнѣдствіи) скорѣе, чѣмъ владѣніемъ Россіи. Онъ хлопоталъ не о томъ, чтобы въ качествѣ русскаго императора получить нѣсколько милліоновъ польскихъ подданныхъ, а о томъ, чтобы, кромѣ русскаго императора, стать еще и польскимъ королемъ. Въ этомъ смыслѣ онъ весьма категорически высказался передъ кн. Чарторыйскимъ, поспѣвшимъ пріѣхать въ русскую главную квартиру.

Такія намѣренія русскаго императора очень дразнили тогдашнихъ патріотовъ,—даже столь просвѣщенныхъ, какъ нѣкоторые изъ декабристовъ *). Не трудно было однако же видѣть, что даже съ узко военной, стратегической точки зрѣнія Александръ поступалъ вполнѣ разумно. Въ своемъ zahraniчномъ походѣ онъ сразу обезпечивалъ этимъ свой тылъ: въ кампаніи 1813—14 гг. никому и въ голову не приходило беспокоиться о нашихъ сообщеніяхъ черезъ Польшу — несмотря на то, что поляки были наиболѣе преданными Наполеону „союзниками“ во время похода на Москву, и даже подъ Лейпцигомъ польская гвардія еще дралась въ рядахъ „Большой арміи“. Стоило вспомнить, что въ 1812 году мы могли бы встрѣтить Наполеона не на Нѣманѣ, а на Вислѣ, что будь Польша за насъ, намъ

*) См. выше главу III: „Декабристы“.

ничего не стоило бы выполнить то требованіе, которое пруссаки выставили непремѣннымъ условіемъ своего присоединенія къ коалиціи,—и, быть можетъ, отъ разоренія двѣнадцатаго года Россія была бы вообще избавлена. Но поведеніе Александра находить себѣ гораздо болѣе глубокое политическое оправданіе. Въ началѣ XIX вѣка онъ превосходно понималъ то, чего не могли понять полстолѣтія спустя русскіе политики муравьевской школы: что разъ польскую націю нельзя уничтожить, надо постараться имѣть ее на своей сторонѣ,—иначе, подъ видомъ подданныхъ, Россія будетъ имѣть на западной границѣ столько же непріятелей. Ненависть къ иноземцу, воспитанную въ полякахъ эпохой раздѣловъ, гораздо практичнѣе было вылить на голову своимъ сосѣдямъ, Австріи и Пруссіи, нежели копить ее для себя. „Польское царство послужитъ намъ авангардомъ во всѣхъ войнахъ, которыя мы можемъ имѣть въ Европѣ“, говорилъ Александръ. „Сверхъ того, для насъ есть еще та выгода, что давно присоединенныя къ Россіи польскія губерніи при могущей встрѣтиться войнѣ не зашевелиятся, какъ то бывало прежде, и что опасности сей подвергнуты Пруссія, которая имѣетъ Познань, и Австрія, у которой есть Галиція“...

Словомъ, съ большою мѣткостью политическаго взгляда, Александръ въ корнѣ уничтожалъ одно изъ двухъ главныхъ реальныхъ послѣдствій Тильзита: разъ навсегда вынималъ польскую занозу изъ своего бока. Такъ какъ другое реальное послѣдствіе тильзитскаго униженія—континентальная блокада, пало само со-

бою еще въ процессѣ войны,—то Россія фактически возвращалась въ то положеніе, какое она занимала до начала наполеоновскихъ войнъ, но при несравненно болѣе выгодныхъ условіяхъ. Національное удовлетвореніе Россія получала полное — и если не смѣшивать національныхъ интересовъ съ грабежомъ явно чужого и ненужного, никакой патріотъ по совѣсти не могъ бы ничего возразить противъ результатовъ третьей коалиціи. Но именно поэтому временные друзья Россіи имѣли возразить очень многое. То соображеніе, которое, съ точки зрѣнія Александра, говорило за сохраненіе политической самобытности бывшаго Варшавскаго Герцогства, должно было для Австріи и Пруссіи служить доводомъ противъ: онѣ желали бы видѣть Россію въ роли соучастницы ограбленія Польши, въ равной съ другими долѣ пользующейся законной ненавистью поляковъ,—а вовсе не въ роли покровительницы воскресшей польской національности, пользующейся дружбою этой послѣдней во вредъ австрійцамъ и пруссакамъ. Меттернихъ ничего не имѣлъ противъ того, чтобы доля—и очень добрая—польской территоріи отошла къ Россіи: но онъ всѣми силами души былъ противъ превращенія Александра въ короля польскаго. Къ весьма непріятному удивленію Александра, на сторонѣ Меттерниха оказался въ этомъ случаѣ и представитель Франціи на Вѣнскомъ конгрессѣ, Талейранъ. Александръ, когда вырабатывались условія мира, щадилъ Францію—надѣясь имѣть въ ней впослѣдствіи извѣстный противовѣсъ жадности своихъ союзни-

17

Иванъ Александровичъ Гончаровъ.

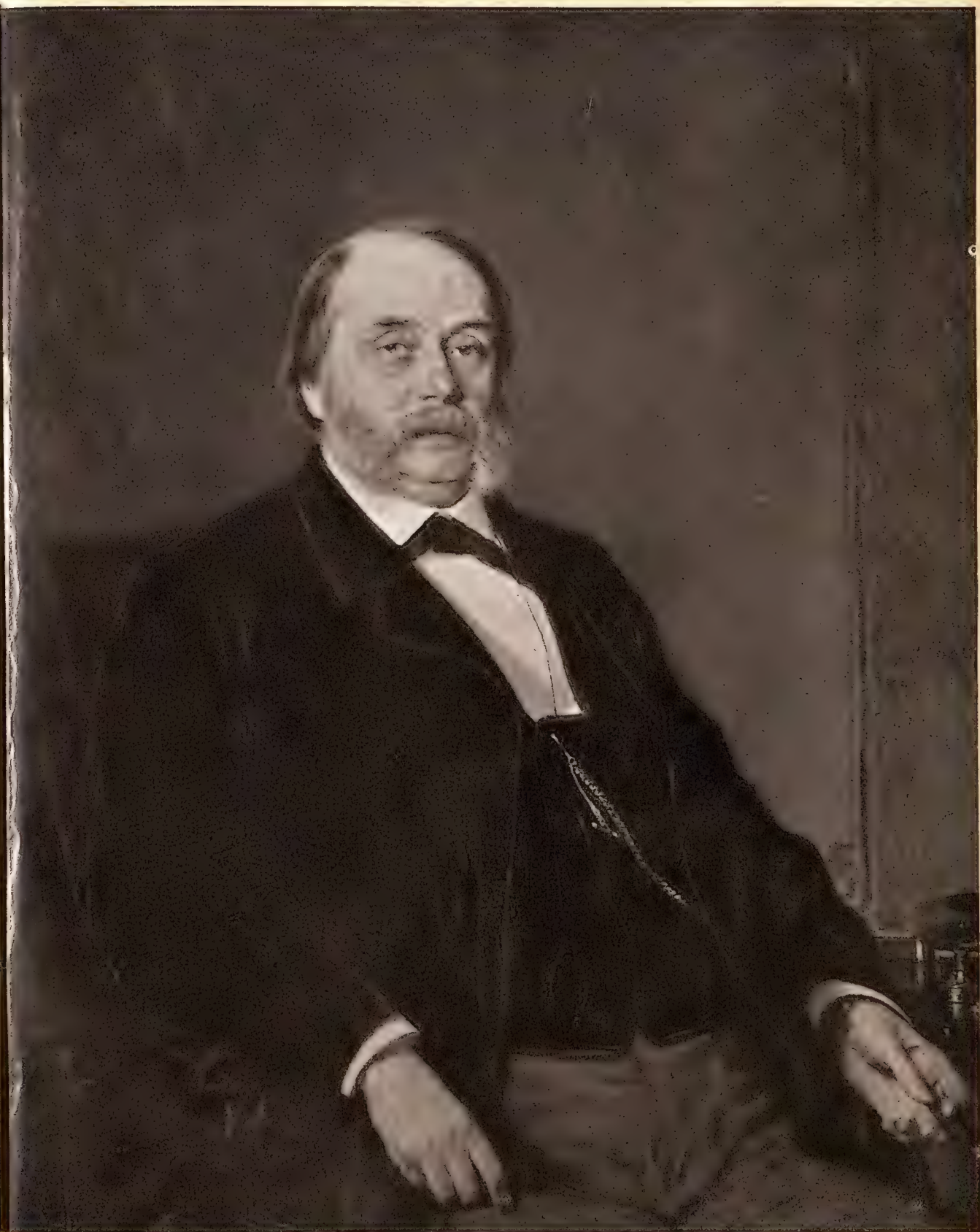
Съ портрета, писаннаго И. Н. Крамскимъ..

Переводъ съ французскаго П. М. Д. Третьякова въ Москвѣ.

ИСТОРИЯ РОССІИ ВЪ ХІІ ВѢКѢ. Изданіе П. М. Д. Третьякова, А. и И. ГРАНАТЪ и К^о

14

1. The first of the three is the
2. The second of the three is the
3. The third of the three is the

ковъ,—особенно Австріи. „Я полагаю, что Франція мнѣ кое-чѣмъ обязана“, съ упрекомъ сказалъ онъ Талейрану при свиданіи *). Но Франція искала вернуть себѣ свободу, а не облегчить рабство. Пока въ массахъ шло глухое броженіе, подготовлявшее возвратъ Наполеона, вторичное изгнаніе Бурбоновъ и Сто дней, верхи французскаго общества въ лицѣ Талейрана добивались дипломатической эмансипаціи, и, какъ сейчасъ увидимъ, добились ея. Спѣшно приходилось искать себѣ новыхъ союзниковъ противъ Австріи и Франціи: и Александръ одного сейчасъ же нашелъ. Продолжая свою политику—парализованіе Германіи посредствомъ умѣлаго распредѣленія территорій на ея восточной окраинѣ—онъ привязалъ къ себѣ Пруссію, предложивъ ей въ обмѣнъ за признаніе его королемъ польскимъ уступку всей Саксоніи. За милліонъ безпечныхъ подданныхъ, которыхъ Фридрихъ-Вильгельмъ терялъ въ бывшемъ Варшавскомъ Герцогствѣ, онъ приобрѣталъ два милліона добрыхъ нѣмцевъ и чрезвычайно завидное округленіе гогенцоллернскихъ владѣній къ югу. Это было такъ соблазнительно, что Пруссія немедленно стала самымъ горячимъ защитникомъ новаго „добраго дѣла“, какимъ являлась теперь передача Польши въ полномъ видѣ въ руки Александра I.

Саксонскій король былъ третьимъ изъ законопреступниковъ, судьба которыхъ должна была затруднить

*) Фактически она была обязана ему извѣщеніемъ отъ контрибуціи: вмѣсто 132 мил. франковъ, которые требовала одна Пруссія, она заплатила 25 мил. всего.

членовъ коалиціи, собравшихся на конгрессъ *). Послѣ Лейпцигской битвы этого несчастнаго союзника Наполеона перевезли въ Австрію и держали тамъ подъ строгимъ надзоромъ. Онъ представлялъ собою странную фигуру административно арестованнаго короля, котораго не рѣшаются судить, несмотря на то, что Александръ громко называлъ его измѣнникомъ, заслуживающимъ умереть въ ссылкѣ. Разговоры, которые происходили у русскаго императора съ Талейраномъ по поводу судьбы Саксоніи и ея государя, должны, казалось бы, разъ навсегда устранить всякіе упреки въ донкихотствѣ и фантазерствѣ, которые все еще иногда повторяются по адресу Александра. Талейранъ пріѣхалъ на конгрессъ принципиально послѣдовательнымъ сторонникомъ „законности“, какъ ее понималъ старый порядокъ: бывший революціонеръ правильно находилъ такую роль наиболѣе выигрышной для только что восстановленныхъ въ своихъ правахъ Бурбоновъ, которыхъ онъ представлялъ въ Вѣнѣ. Съ точки зрѣнія этой „законности“ не могло быть королей-измѣнниковъ, — потому что измѣна заключалась именно въ неповиновеніи волѣ короля и ни въ чемъ другомъ. Такія мысли Талейранъ неустанно развивалъ передъ императоромъ Александромъ,—сердя его этимъ до чрезвычайности. „Вы всегда говорите мнѣ о принципахъ: ваше общественное право (*droit public*) для меня ровно ничего не значитъ;

*) Вѣнскій конгрессъ, открывшійся официально 1 ноября (н. ст.) 1814 г. Александръ и другіе представители державъ коалиціи съѣхались уже въ сентябрѣ.

я не знаю, что это такое. Какое употребление, думаете вы, я могу сдѣлать изъ всѣхъ вашихъ пергаментовъ и трактатовъ?...“ „У меня двѣсти тысячъ человѣкъ въ Герцогствѣ Варшавскомъ“, говорилъ въ тотъ же разъ Александръ по поводу Польши: „пусть же меня выгопять!“ „Необходимо, чтобы въ нихъ (нашихъ дѣлахъ) каждый нашелъ свою выгоду“, бросилъ онъ другой разъ: „я сохраняю то, что занимаю“. Если можно уловить въ этихъ рѣчахъ какой-нибудь „идеальный“ мотивъ, то развѣ тотъ мотивъ личнаго самолюбія, который намъ такъ хорошо знакомъ. „Для меня одно выше всего,—это данное мною слово. Я его далъ и сдержу: я обѣщалъ Саксонію прусскому королю...“, Убѣдите пруссаковъ, чтобы они вернули мнѣ мое слово“, говорилъ Александръ Талейрану позднѣе, когда вопросъ о Польшѣ былъ уже близокъ къ ликвидаціи въ благопріятномъ для русскаго императора смыслѣ—и саксонскій вопросъ начиналъ его тяготить. Последнее звучало почти измѣной по отношенію къ бѣдному Фридриху-Вильгельму, послушно исполнявшему всѣ приказанія Александра по дипломатической части и принуждавшему своихъ оппортунистически настроенныхъ министровъ къ большой „принципіальности“ въ этомъ случаѣ. Характерно, впрочемъ, что оппортунистъ Гарденбергъ, тайно бесѣдовавшій съ Талейраномъ на тему о возможномъ союзѣ противъ Россіи, употреблялъ почти тотъ же языкъ, что и русскій императоръ: „государственное право“ (*droit public*) и для него было нелѣпымъ сочетаніемъ звуковъ, и

онъ очень сердился, когда этотъ терминъ пытались употреблять въ документахъ конгресса.

Но при всей энергіи, съ какой наступали Пруссія и Россія, онѣ не могли ждать отъ австрійскаго правительства уступки въ саксонскомъ вопросѣ. Отдать Саксонію Гогенцоллернамъ, это значило отдать въ руки соперника и возможнаго врага ключъ отъ своего собственнаго дома—это значило сдѣлать пруссаковъ хозяевами тѣхъ горныхъ проходовъ въ Богемію, которыми прусскія войска такъ превосходно воспользовались потомъ, въ 1866 году; словомъ, это значило воткнуть себѣ въ бокъ занозу похуже той, какую Наполеонъ оставилъ Россіи въ Тильзитскомъ трактатѣ. Но австрійцы послѣ побѣды надъ Наполеономъ чувствовали себя вовсе не такъ, какъ Александръ послѣ фридландскаго пораженія. Какъ ни страшны были соединенныя силы русской и прусской армій, при поддержкѣ со стороны Австріи надѣялась выдержать бой; а такую поддержку она нашла не у одной Франціи: Англія, использовавъ Россію до конца, въ сущности уже не нуждалась въ ней послѣ разрушенія первой имперіи; а дѣлать изъ Александра втораго Наполеона, вершителя судебъ континента, вовсе не входило въ ея планы. Александръ уже смѣшивалъ, на словахъ, „выгоды Европы“ со своими собственными: не слѣдовало давать развиваться такому честолюбію.

Къ среднѣй зимѣ 1814—15 гг. отношенія до того обострились, что Пруссія и Россія нашли своевременной военную оккупацию спорныхъ тер-

риторій,—причемъ вновь назначенный главнокомандующій польской арміей, цесаревичъ Константинъ Павловичъ, въ приказѣ призывалъ поляковъ „къ защитѣ отечества“. У Наполеона кое-чему научились... Съ своей стороны, Меттернихъ, Кэстльри и Талейранъ подписали (3 января н. ст. 1815г.) конвенцію, согласно которой Австрія, Англія и Франція обязывались выставить по полутораста тысячъ человѣкъ каждая. Военныя дѣйствія должны были начаться въ мартѣ. Талейранъ могъ поздравить себя съ блестящимъ успѣхомъ; Франція не только не была одинока и поработена, ея полная самостоятельность была признана, и въ защитѣ ея она могла опереться на двухъ главныхъ участницъ только что побѣдившей ея коалиціи.

Кризисъ во Франціи оборвалъ развитіе этого, исторически высоко любопытнаго процесса. Извѣстіе о возвращеніи Наполеона съ острова Эльбы*) сразу смѣшало шашки. Воскресшій императоръ вовсе не былъ расположенъ идти по стопамъ Людовика XVIII вмѣстѣ съ Австріей: беря быка за рога, онъ предложилъ союзъ Александру. Но Александръ, уже умудренный опытомъ послѣдней коалиціи, уже зная, что Наполеона можно побить—совсѣмъ не склоненъ былъ сразу жертвовать половиной достигнутаго успѣха, создавая себѣ соперника. Въ то же время Англія, передъ которой вновь всталъ призракъ континентальной блокады, сразу и рѣшительно повернула къ прежнимъ союзамъ. Четвертая коалиція организовалась гораздо бы-

стрѣе, чѣмъ третья. Поставленные на очередь крупные вопросы заставили быть уступчивѣе въ мелочахъ. Александръ пожертвовалъ частью поляковъ („своей собственностью“) и уступилъ Пруссіи Познань, а Австріи Галицію. Впослѣдствіи, какъ мы видѣли, онъ даже усматривалъ въ этомъ извѣстную для себя выгоду. Но титулъ польскаго короля (или „царя“, какъ довольно нелѣпо перевели титулъ для удовольствія русскихъ патріотовъ) онъ оставилъ за собой. Оставлена была также и самостоятельная польская конституція,—и хотя Александръ понималъ свои конституціонныя права и обязанности довольно своеобразно*),—все же иллюзія политическаго возрожденія польской національности на первыхъ порахъ получалась довольно полная. Сладились и относительно Саксоніи—причемъ въ этомъ спорѣ не только вотчинные интересы и понятія, но и вотчинная терминологія господствовали совершенно явно. Торгуясь съ саксонскимъ королемъ, ему обѣщали сначала 350.000 „душъ“, потомъ 700.000,—наконецъ, перешли за милліонъ: оставляя въ сторонѣ размѣры, можно было подумать, что имѣешь передъ собой добрыхъ русскихъ помѣщиковъ. Сошлись въ концѣ концовъ на томъ, что административно ссыльный король сохранилъ $\frac{3}{5}$ своей вотчины и получилъ возможность умереть съ надлежащимъ церемоніаломъ въ Дрезденѣ,—а не въ русскомъ изгнаніи, какъ сулилъ ему сначала Александръ I. Мы нарочно подробно коснулись

*) См. выше стр. 64 и главу VIII. „Польша въ первой половинѣ XIX вѣка“.

*) въ февралѣ 1815 г.

епора изъ - за Саксоніи: онъ лучше поясняетъ сущность тѣхъ переговоровъ, которые велись въ Вѣнѣ подѣ аккомпаниментъ баловъ и концертовъ, нежели это могъ бы сдѣлать анализъ трактатовъ *). Не смотря на громкія фразы о „благѣ Европы“ или даже о благѣ „всего христіанства“, отъ современниковъ, и притомъ наиболѣе предубѣжденныхъ, не могло укрыться, чѣмъ, собственно, занимались въ Вѣнѣ. Это было „дѣлежъ между побѣдителями имуществъ побѣжденнаго“—по точному опредѣленію правой руки Меттерниха, реакціоннаго публициста Генца. Вотчинники, благополучіе которыхъ было такъ или иначе задѣто французской революціей, побѣдивъ, наконецъ, послѣднюю въ лицѣ военной диктатуры Наполеона, собрались устраивать свои дѣла. Послѣ земельной жадности—главнаго интереса всякаго вотчинника, ихъ слѣдующій ближайшій интересъ былъ въ томъ, чтобы потрясеніе отнюдь не повторялось. Надо было взаимно застраховать полученную добычу отъ новой революціи *). Этой цѣли и отвѣчалъ договоръ, подписанный въ сентябрѣ 1815 года вождами коалиціи—актъ основанія Священнаго Союза.

Внѣшняя форма этого документа, до тошноты пропитаннаго тѣмъ ханжескимъ духомъ, который былъ такъ свойственъ императору Але-

ксандру въ эти годы, такъ же мало даетъ понятія о его дѣйствительномъ значеніи, какъ текстъ любого трактата того времени—и даже еще менѣе: изъ всѣхъ „звучныхъ и пустыхъ“ документовъ эпохи конгрессовъ это наиболѣе „звучный и пустой“,—здѣсь Меттернихъ былъ совершенно правъ. Благочестивое настроеніе овладѣвало тогда Александромъ Павловичемъ по всякому важному и неважному поводу: послѣ удачнаго смотра войскъ при Вертю, напр., онъ такъ умилился, что сердце его, по собственнымъ его словамъ, „наполнилось любовью къ его врагамъ, и онъ могъ горячо молиться за нихъ всѣхъ“. При такомъ интимномъ общеніи съ Богомъ въ каждомъ будничномъ случаѣ своей жизни, могъ ли Александръ не примѣшать религіи къ такому рѣшительному шагу, какъ основаніе „союза государей противъ народовъ“? Но мы жестоко ошиблись бы, если бы стали искать источника новаго союза въ религіозномъ настроеніи русскаго императора. Державы-союзницы могли дѣйствовать вмѣстѣ и совершенно дѣловымъ образомъ, не поминая имени Господа Бога все. Такимъ практическимъ проявленіемъ Священнаго Союза были, на примѣръ, протоколы, подписанные державами-союзниками въ ноябрѣ 1815 г.—и дополняемые инструкціями, полученными главнокомандующимъ оккупационной арміи во Франціи, Веллингтономъ *).

Послѣ вторичной побѣды союзниковъ надъ Наполеономъ, Франція должна была заплатить 600 милл. фр. контрибуціи и, кромѣ того, содержать въ теченіе 5 лѣтъ оккупационную армію союзныхъ державъ въ 150.000 человекъ.

*) Заключительный актъ Вѣнскаго конгресса („l'Acte final“), подписанъ 9 іюня н. ст. 1815 года.

*) Австрія получила 2.300 кв. миль и 10 милл. человекъ, Пруссія—2.217 кв. миль и 5.362 тыс. чел., Россія—2.100 кв. миль и 3 милліона человекъ.

ст.) интересенъ въ томъ отношеніи, что онъ представляетъ собою новое изданіе двухъ договоровъ, заключенныхъ ранѣе—1 марта н. ст. 1814 г. (Шомонскій трактатъ) передъ первымъ взятіемъ Парижа союзниками и 25 марта (н. ст.) 1815 г., передъ началомъ послѣдней войны съ Наполеономъ,—но изданіе дополненное. Дополненіе вызвано именно тѣмъ случаемъ, который далъ поводъ къ возобновленію войны; воскресеніе бонапартизма въ его новомъ—и тѣмъ болѣе опасномъ—видѣ, въ союзѣ съ демократическими идеями. Поэтому, оговоривъ исключеніе навсегда отъ престолонаслѣдія Наполеона и всѣхъ членовъ его семьи, документъ продолжаетъ: „А такъ какъ революціонные принципы могли бы и впослѣдствіи раздирать Францію и угрожать такимъ образомъ спокойствію другихъ государствъ, высокія договаривающіяся стороны, торжественно признавая свою обязанность охранять въ подобныхъ обстоятельствахъ спокойствіе и интересы своихъ народовъ съ удвоеннымъ тщаніемъ, обязуются въ то же время, если бы такое несчастное событіе разразилось снова, условиться между собою и съ его христіаннѣйшимъ величествомъ (королемъ Франціи) о мѣрахъ, которыя онѣ сочтутъ необходимыми для безопасности своихъ государствъ и для общаго спокойствія Европы“. Этотъ еще учтивый языкъ,—вполнѣ однако ясно говорившій о правѣ, присвоенномъ себѣ державами-союзниками, вмѣшиваться во внутреннія дѣла Франціи, поддерживая реакцію въ борьбѣ съ революціей—разъяснялся уже совер-

шенно откровенной инструкціей Веллингтону, гдѣ безъ околичностей заявлялось, что государи коалиціи „формально обѣщали королю (Людовiku XVIII) поддержать его оружіемъ противъ всякой революціонной попытки“. О томъ, когда и какъ можетъ быть осуществлено это вмѣшательство, предоставлялось судить самому англійскому фельдмаршалу,—котораго послы союзныхъ державъ должны были постоянно держать въ курсѣ всѣхъ относящихся сюда вопросовъ.

О подобномъ же военно-полицейскомъ надзорѣ за всѣми европейскими народами пока стѣснялись говорить: французы были уже ославлены, какъ якобинцы; по отношенію къ своимъ добрымъ подданнымъ сохраняли, пока было возможно, слащавый языкъ отеческаго покровительства. На Ахенскомъ конгрессѣ (осенью 1818 г.), по словамъ Генца, „всѣ соображенія стушевывались передъ верховной обязанностью предотвратить крушеніе власти, спасая народы отъ ихъ собственныхъ заблужденій“: но тѣмъ не менѣе, „дабы не подать повода къ злорѣчію и нескромностямъ“, не было сказано ни слова „ни о формѣ правленія, ни о представительной системѣ, ни о поддержаніи или видоизмѣненіи привилегій дворянства, ни о свободѣ печати...“ Скоро однако же добрые подданные произвели столь рѣшительный натискъ на своихъ королей, сначала въ Испаніи, потомъ въ Неаполѣ, потомъ въ Пьемонтѣ, что на слѣдующихъ конгрессахъ пришлось говорить всѣ слова. Наставая на вооруженномъ вмѣшательствѣ въ испанскія и

итальянскія революціи, Александръ впервые провозгласилъ принципъ полицейскаго надзора не только за Франціей, но и за любой страной, гдѣ началось бы революціонное движеніе (Троппаускій конгрессъ осенью 1820 г.). Въ деклараціи конгресса этотъ принципъ получилъ совершенно отчетливую формулировку: было объявлено, что всякое государство, внутри котораго произойдетъ революція, тѣмъ самымъ исключается изъ Союза; что никакія измѣненія въ государственномъ устройствѣ, произведенныя революціоннымъ путемъ, не будутъ признаны Союзомъ; что, наконецъ, въ случаѣ, если бы революція угрожала—или могла угрожать—спокойствію другихъ странъ, державы-союзницы должны вмѣшаться въ дѣло, употребивъ сначала „дружескія увѣщанія“, а потомъ „силу обуздывающую“, съ цѣлью возвращенія заблудшей державы „въ лоно Союза“—т. е. восстановленія стараго порядка.

Троппаускій конгрессъ установилъ, какія измѣненія государственнаго устройства являлись неправомѣрными: это были тѣ, что шли снизу, были послѣдствіемъ требованій народа. Его непосредственный продолжатель, Лайбахскій конгрессъ (весна 1821 года) опредѣлилъ то же въ положительной формѣ, указавъ, какія „полезныя или необходимыя измѣненія въ законодательствѣ и управленіи“ допускаются правилами Союза. Это были тѣ, которые истекали изъ „свободной воли, обдуманнаго и просвѣщеннаго рѣшенія тѣхъ, кому Господь ввѣрилъ власть“. Священный Союзъ вовсе не былъ взаимной

страховкой единоличныхъ деспотовъ для поддержанія абсолютизма въ чистомъ видѣ. Въ его составъ входили конституціонные государи: самъ Александръ Павловичъ былъ таковымъ въ Финляндіи и Польшѣ. И здѣсь не было никакого противорѣчія: нигдѣ, даже въ Россіи, старый порядокъ не выражался въ безграничной власти одного надъ всѣми. А Союзъ былъ взаимной страховкой для поддержанія именно стараго порядка въ его цѣломъ. Сословныя учрежденія средневѣковаго типа, въ родѣ старыхъ финляндскихъ „чиновъ“, были отнюдь не противны „вѣчнымъ законамъ нравственности“, такъ грубо избѣженнымъ демократической испанской конституціей 1812 года*). Даже конституціи болѣе новаго типа могли быть довольно удовлетворительны, если избирательное право въ нихъ было ограничено разумнымъ цензомъ: Александръ, напр., былъ большимъ сторонникомъ французской хартіи 1814 года и до нѣкоторой степени ускорилъ ея опубликованіе, объявивъ Людовику XVIII—колебавшемуся принять на себя опредѣленные политическія обязательства—что русскія войска не выйдутъ изъ Парижа, пока хартія не будетъ опубликована. Но эта хартія вскорѣ же затѣмъ дала Франціи „несравненную палату“ (Chambre introuvable)—сплошь изъ дикихъ помѣщиковъ. А когда буржуазія освоилась съ новыми условіями парламентской борьбы и стала въ большомъ числѣ проникать въ палату—Александръ потребовалъ

*) Она была лозунгомъ всѣхъ тогдашнихъ революцій и образцомъ, между прочимъ, для нашихъ декабристовъ.

измѣненія избирательнаго закона,—помѣщикамъ искусственно былъ данъ перевѣсъ надъ остальными классами населенія—и скоро Франція имѣла „вновь обрѣтенную палату“ (*Chambre retrouvée*). Власть помѣщика надъ низкородившимся такъ же исходила отъ Бога, какъ и власть государя надъ помѣщи-

ками. Священный Союзъ брался охранять весь „порядокъ“, а не только личные интересы коронованныхъ особъ. Это и давало ему значеніе знамени, подъ которымъ шла вся европейская реакція вплоть до того, какъ демократическая революція 1848 года нанесла ей смертельный ударъ.

4.

Восточная политика Николая I.

Въ западно-европейскихъ международныхъ отношеніяхъ послѣ нѣкоторыхъ колебаній Россія заняла ту позицію, какая ей принадлежала по праву. Наиболѣе феодальное изъ европейскихъ государствъ не могло въ концѣ концовъ не оказаться во главѣ всевропейской феодальной реакціи противъ буржуазной революціи. Какія бы формы ни принимала эта послѣдняя—форму ли военной диктатуры Наполеона, или форму либерально-плутократическаго режима Іюльской монархіи—она могла быть увѣрена, что Россію она встрѣтитъ противъ себя. И дѣло нисколько не мѣнялось отъ того, что первый изъ русскихъ государей, которому пришлось грудь съ грудью схватиться съ революціонной Франціей, былъ одно время „другомъ“ Наполеона Бонапарта, а конституціонныя учрежденія „любилъ, и думалъ, что всякій порядочный человѣкъ долженъ ихъ любить“; второй же искренно ненавидѣлъ эти учрежденія и думалъ, что ни одинъ порядочный человѣкъ не можетъ быть ихъ сторонникомъ, — а Бонапарта такъ и не согласился признать

своимъ братомъ до конца жизни: какъ ни различны были политическіе взгляды сыновей Павла, дѣлали они въ области внѣшней политики одно и то же,—дѣлали то, чего можно было ожидать отъ крѣпчайшаго изъ оплотовъ феодализма въ Европѣ.

Казалось бы, эта связь внутренняго строенія государства, его типа, съ его внѣшней политикой должна была меньше чувствоваться въ отдѣльныхъ дипломатическихъ районахъ,—гдѣ преслѣдовались нѣкоторые спеціальныя политическія цѣли. Наши восточныя отношенія, напри- мѣръ, и сами дѣятели, и ихъ историки не прочь были поставить или на почву религіознаго чувства, припоминая старо-московскія легенды о православномъ царѣ всего христіанства, или на почву географической логики, повелительно диктовавшей Россіи будто бы захватъ Константинополя и Дарданеллъ немедленно вслѣдъ за превращеніемъ Чернаго моря въ русское озеро. Но какъ ни привычна первая изъ этихъ комбинацій, какъ ни соблазнительно ясна вторая, мы ничего не поняли бы въ восточной политикѣ Россіи, если бы

взяли за путеводную нить одну из нихъ. Почему православный царь долженъ былъ бросить православныхъ грековъ на произволъ судьбы и приняться за ихъ освобожденіе только подъ вліяніемъ опасности потерять весь свой авторитетъ на Балканскомъ полуостровѣ въ пользу своихъ политическихъ соперниковъ? Почему географическая логика не мѣшала императору Николаю связывать себя обязательствами съ такими государствами, которыя никакъ не могли допустить занятія Царьграда русскими — и тѣмъ ставить на своемъ пути къ этому городу все болѣе и болѣе высокіе барьеры? На эти вопросы мы не получимъ отвѣта, лишь только забудемъ объ охранительной роли Россіи въ тогдашней европейской политикѣ вообще: и мы увидимъ, что „восточный вопросъ“ въ первой половинѣ XIX вѣка тѣснѣйшимъ образомъ связанъ съ общевропейскими отношеніями Россіи и понятенъ только въ связи съ ними.

Самое его возникновеніе или, вѣрнѣе, воскресеніе послѣ пятнадцатилѣтняго перерыва (съ 1791 г., Яскаго мира, до начала войны Александра I съ султаномъ Селимомъ въ 1806 году) было обусловлено второй коалиціей. При Павлѣ и въ первые годы Александра отношенія къ Турціи были мирныя и почти союзническія: египетская экспедиція напугала Порту и, естественно, заставила ее искать поддержки у присяжныхъ враговъ — Французской республики, Англіи и Россіи. Когда французовъ въ Египтѣ смѣнили англичане, то, при всей корректности послѣднихъ относительно правъ султана, — турки уже не могли смотрѣть на дѣло

прежними глазами. Французскіе агенты очень умѣло эксплуатировали эту перемѣну настроенія. Скоро повелительный тонъ русскаго посланника въ Константинополѣ сталъ невыносимъ для султана. Онъ не понималъ, какъ могъ онъ допустить, чтобы невѣрные такъ зазнались — и рѣшилъ какимъ-нибудь крупнымъ актомъ демонстративно проявить свою независимость. Случай скоро представился: господа Молдавіи и Валахіи были фактически ставленниками Россіи; султанъ ихъ смѣнилъ — и не подумалъ снести по этому поводу съ русскимъ правительствомъ. Россія и ея союзница поняли это, какъ случайный капризъ — и, чтобы предупредить его повтореніе, прибѣгли къ мѣрамъ строгости: русская армія вступила въ дунайскія княжества, англійская эскадра, пройдя Дарданеллы, появилась передъ Константинополемъ. Но результатъ получился обратный: то, что сочли капризомъ, на дѣлѣ было серьезнымъ поворотомъ политики. Порты уже успѣла оцѣнить значеніе Наполеона и твердо рѣшила связать свою судьбу съ судьбой побѣдителя при Аустерлицѣ и Іенѣ. Англійская эскадра увидѣла передъ собой батареи, покрытыя сотнями орудій въ полной боевой готовности: инженерные офицеры, которыхъ незадолго передъ тѣмъ присылалъ Наполеонъ въ Константинополь, жили здѣсь, очевидно, не даромъ. Французскій посолъ Себастиани былъ душой обороны. Англичане имѣли въ виду военную демонстрацію, а не настоящую войну: простоявъ нѣсколько дней передъ городомъ, эскадра ушла обратно за Дарданеллы. Это должно было еще

18

Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ.

Съ портрета, писаннаго И. Е. Рѣпинымъ.

(Городская галлерей П. и С. Третьяковыхъ въ Москвѣ).

„ИСТОРИЯ РОССИИ ВЪ XIX ВѢКѢ“. Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАУДТЪ и К“.

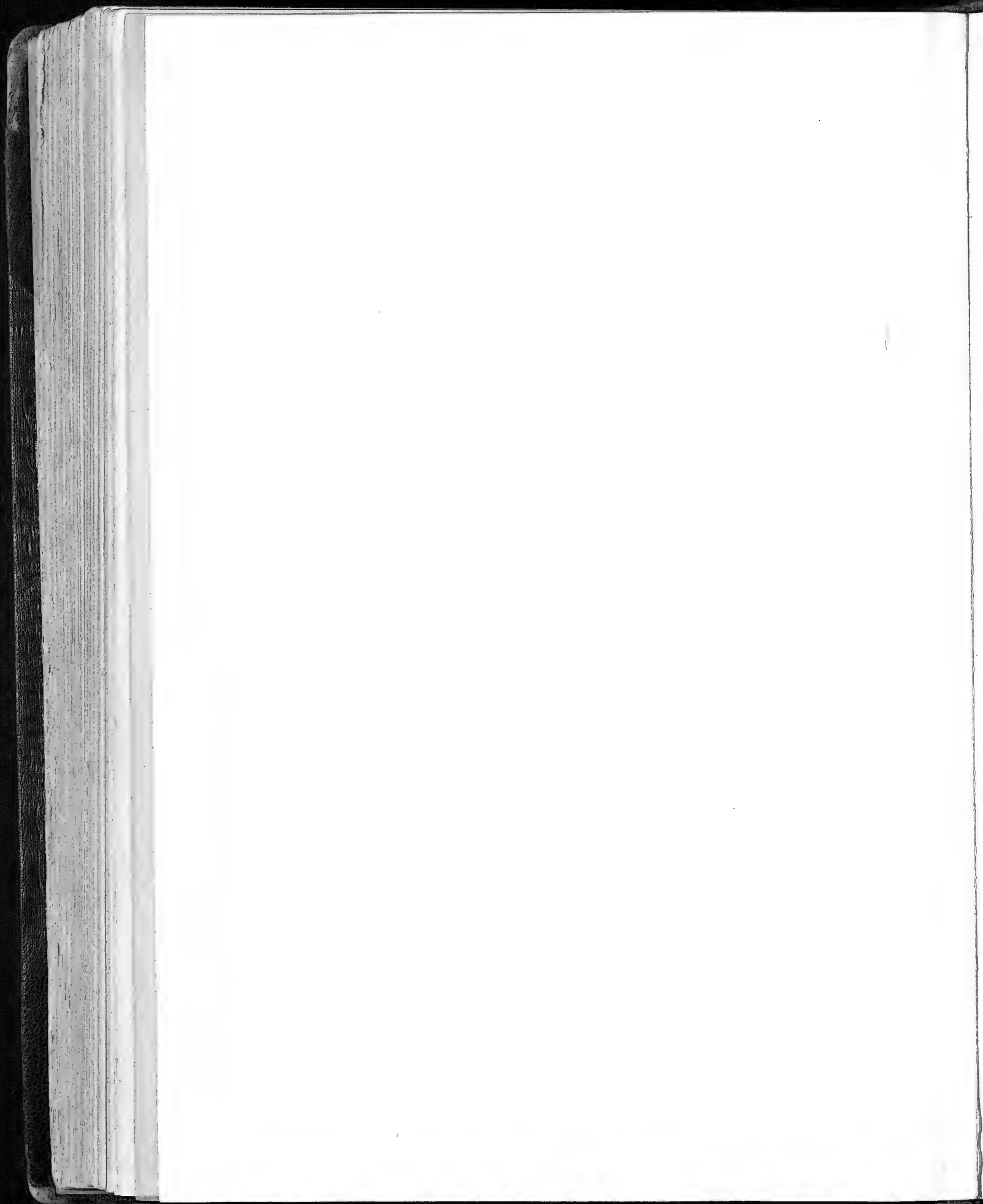
Наварь Гебровина Аксакья.

Съ побѣдѣ, писаннаго Н. Е. Рунинимъ.

(Лободская издана П. и С. Тельяковскими въ Москвѣ).

„ИСТОРИЯ РОССИИ ВЪ XIX ВѢКѢ“ Названа Т-ва „В. и Н. ЛЬВАНОВЪ и К-о“

больше ободрить турокъ: въ отвѣтъ на оккупацию княжествъ Селимъ объявилъ Россіи войну.

Война была еще очень далека отъ конца ко времени тильзитскаго свиданія. Турки годами держали насъ на линіи Дуная, ведя, по обыкновенію, очень упорную и умѣлую крѣпостную войну. Русскія войска штурмовали одну дунайскую крѣпость за другой, часто бывали отбиты, иногда имѣли успѣхъ—но за взятой крѣпостью оказывалась новая—и такъ далѣе безъ конца. Миръ съ Россіей дѣлалъ ненужной для Наполеона турецкую войну, въ качествѣ военной диверсіи: но исполнивъ въ его интересахъ было превратить восточный вопросъ въ диверсію политическую, расширивъ, запутавъ и осложнивъ его по мѣрѣ возможности. Онъ смотрѣлъ на Александра Павловича, какъ на большого ребенка, которому нужно было дать какую-нибудь игрушку, чтобы онъ не мѣшалъ взрослымъ. Одна игрушка скоро нашла—то была Финляндія; но одной было мало. И уже на тильзитскомъ плоту онъ поспѣшилъ поднять большой вопросъ, котораго, какъ онъ могъ надѣяться, хватить русскимъ на долгіе годы. Онъ припомнилъ своему собесѣднику „греческій проектъ“ его бабушки, Екатерины II, и весьма краснорѣчиво и съ большимъ сочувствіемъ распространился о его достоинствахъ. Это было, конечно, не малымъ предательствомъ по адресу Турціи,—которая только что такъ довѣрчиво отдалась подъ покровительство французскаго императора. И, разумѣется, только чисто формальнымъ оправданіемъ могло служить то обстоятельство,

что султанъ Селимъ былъ передъ этимъ свергнутъ съ престола янычарами — и престолъ занимало уже другое лицо. Но „императоръ Наполеонъ не любилъ турокъ: онъ ихъ считалъ варварами“, по словамъ одного изъ его помощниковъ. А по отношенію къ „варварамъ“ все позволительно: особенно, когда единственно цѣнное, что находилъ у нихъ Наполеонъ, ихъ легкая кавалерія, болѣе не была нужна. Какъ бы то ни было, вопросъ о *раздѣлѣ Турціи* впервые поставилъ передъ Александромъ Павловичемъ Наполеонъ въ Тильзитѣ. Мы уже видѣли, съ какою радостью ухватился за него самолюбивый русскій императоръ—передъ которымъ мелькнула надежда съ честью отдѣлаться отъ безславной памяти двухъ первыхъ коалицій. Въ Константинополѣ все можно было позабыть: и Аустерлицъ, и Фридландъ, и тильзитское униженіе. И Константинополь на цѣлыхъ полтора года не сходитъ съ поля зрѣнія императора Александра. Трудно смотрѣть безъ смѣха, какъ лукавый корсиканецъ эксплуатировалъ этотъ „пунктикъ“ своего новаго союзника. Читая нѣкоторыя его письма (напримѣръ, знаменитое письмо отъ 2 февраля 1808 года), можно подумать, что для Франціи не было въ это время вопроса важнѣе восточнаго; что все вниманіе ея императора обращено на Константинополь и восточные берега Средиземнаго моря: что ориентирующимъ началомъ его политики является отнюдь не Испанія—какъ это было на самомъ дѣлѣ—а Турція и Египетъ—съ придачей, можетъ быть, Индіи. Само собою разумѣется, что все это было

разсчитано не только на то, чтобы занять Александра, а и для других цѣлей: надо было сбить съ толку англичанъ, не давая имъ сосредоточить вниманіе на Пиренейскомъ полуостровѣ. Оттого Наполеонъ и не ограничивался одними словами — а, время отъ времени, собиралъ корабли и войска на такихъ пунктахъ, откуда можно было ожидать экспедиціи на востокъ. Но само собою разумѣется также, что экспедиціи этой никогда не суждено было отправиться. Тѣмъ временемъ Румянцевъ съ Коленкуромъ проводили въ Петербургѣ цѣлые дни надъ картой Турціи, серьезно споря изъ-за cadaгочка земли, вовсе не принадлежавшей ихъ государямъ. Александръ настолько былъ увлеченъ дѣломъ, что ставилъ даже сначала свою поѣздку въ Эрфуртъ въ зависимость отъ рѣшенія восточнаго вопроса. Но Наполеону это было отнюдь не нужно: онъ хотѣлъ до безконечности говорить о раздѣлѣ Турціи, а отнюдь не рѣшать что бы то ни было по этому поводу. Коленкуру было поручено убѣдить Александра согласиться на „свиданіе безъ условій“ — и, какъ мы видѣли (см. выше, 1. „Тильзитъ“), онъ въ этомъ успѣлъ. Въ итогѣ вышло, что *на словахъ* Россіи былъ обѣщанъ даже Константинополь (споръ шелъ только о Дарданеллахъ), а *на бумагѣ* за ней, какъ мы видѣли, (см. тамъ же) долго не соглашались закрѣпить даже дунайскія княжества, которыя были однако же заняты русскими войсками еще до Тильзита.

На дѣлѣ и ихъ приходилось еще закрѣплять за собой побѣдами на полѣ битвы, — а это было далеко не

такъ легко, какъ дѣлать карту Турціи въ петербургскомъ кабинетѣ. Послѣ шести лѣтъ войны Александръ былъ фактически почти такъ же далеко отъ Константинополя, какъ и въ ея началѣ. Войнѣ, начавшейся благодаря второй коалиціи, положила конецъ третья. Разрывъ русско-французскаго союза самъ собою ставилъ вопросъ объ отношеніи Порты къ бывшимъ союзникамъ. Но по отношенію къ континентальной блокадѣ у Турціи, какъ у всякой мало развитой экономической страны, общіе интересы были не съ Франціей. Однимъ изъ поводовъ продолжать войну послѣ переговоровъ, начатыхъ на основаніи тильзитскаго соглашенія, было то, что турки продолжали пускать къ себѣ англичанъ и покровительствовали англійской контрабандѣ на Балканскомъ полуостровѣ. И здѣсь, какъ въ Финляндіи, Россія являлась рукой Франціи, — чего турки не могли не видѣть. Къ тому же, всѣми средствами добиваясь мира, русское правительство довело до свѣдѣнія Порты и ту переписку о раздѣлѣ, которая происходила между Наполеономъ и Александромъ. Понятно, что къ новому предложенію союза со стороны Франціи турки отнеслись теперь очень скептически — и, не заключивъ союза съ Россіей (чего очень желалъ императоръ Александръ), согласились однако же заключить съ ней миръ. Условія этого мира (16 мая 1812 г.) были въ высокой степени благопріятны для Турціи — и почти ничего не давали Россіи, хотя послѣднимъ дѣйствіемъ войны была крупная побѣда Кутузова, который здѣсь, дѣйствительно, весьма

удачно „перехитрилъ“ великаго визиря. Всѣ территориальныя пріобрѣтенія Александра послѣ шестилѣтней борьбы свелъсь къ узкой полосѣ земли на лѣвомъ берегу Прута: главный объектъ спора, княжества, остался за Турціей, которая могла на этомъ основаніи считать себя даже побѣдительницей. Прочія статьи Бухарестскаго договора были или повтореніемъ постановленій прежнихъ трактатовъ (какъ статья, неопредѣленно предоставлявшая русскому императору право „покровительствовать“ православнымъ подданнымъ султана, имѣвшаяся уже въ Кучукъ-Кайнарджійскомъ трактатѣ 1774 г.), или возстановляли *status quo ante bellum*, признавая, напримѣръ, тоже весьма неопредѣленно сформулированное право надзора Россіи за ходомъ управленія въ княжествахъ и назначеніемъ господарей. Если припомнить, что даже эти „успѣхи“, по общему убѣжденію того времени, были куплены только цѣною англійскаго золота, рѣдкой лившагося въ карманы турецкихъ дипломатовъ, — то можно понять, почему турецкая война навсегда осталась однимъ изъ самыхъ непріятныхъ воспоминаній Александра Павловича, и онъ всегда старался поскорѣе отогнать отъ себя мысль о возможности возобновленія военныхъ дѣйствій на Дунаѣ. Когда, въ связи съ начинавшимся греческимъ движеніемъ, ему предлагали въ 1816 г. воспользоваться своимъ доминирующимъ положеніемъ на востокѣ Европы и разорвать Бухарестскій трактатъ, который турки къ тому же плохо и соблюдали, онъ отвѣтилъ своему собесѣднику (графу

Каподистрію): „Все это прекрасно обдуманно, но чтобы осуществить вашъ планъ, надо воевать, а я этого не хочу. Довольно съ насъ войнъ на Дунаѣ. Онѣ деморализуютъ армию. Вы сами были тому свидѣтелемъ. Сверхъ того, миръ въ Европѣ еще не упроченъ, и зачинщики революцій ничего бы столь не желали, какъ разрыва между мною и турками“.

Послѣднія слова бросаютъ яркій свѣтъ на отношеніе русскаго правительства—одинаковое, какъ при Александрѣ, такъ и при его преемникѣ—къ крупнѣйшему факту балканской исторіи начала XIX вѣка, греческому возстанію. Возрожденіе Греціи—съ обычной для XVIII вѣка исторической неряшливостью смѣшивавшееся съ возрожденіемъ Византійской имперіи—было центральной идеей того „греческаго проекта“, который достался Александру Павловичу въ наслѣдство отъ Екатерины II. Съ свойственнымъ этой государынѣ политическимъ реализмомъ она разсматривала вооруженное возстаніе грековъ, а за ними и другихъ христіанскихъ народовъ Балканскаго полуострова, какъ необходимый постулатъ для осуществленія ея проекта. „Принятіе оружія, сколько возможно вездѣ въ одно время или вскорѣ одного народа за другимъ“, ставилось главной цѣлью гр. Алексѣю Орлову, командиру русскаго флота въ Архипелагѣ въ 1769 году. Инструкція Екатерины II предписывала ему „соединя въ свое предводительство разные греческіе народы, какъ можно скорѣе составить изъ нихъ нѣчто видимое и между собою къ общему подвигу

соединенное, которое бы свѣту представилось новымъ и цѣлымъ корпусомъ“*). Орлову удалось набрать нѣсколько тысячъ греческихъ ополченцевъ, но это искусственно возбужденное со стороны движеніе не имѣло дальнѣйшихъ послѣдствій,— а Екатерину навело на самыя мрачныя мысли о возрождаемой ею національности: склонность къ рабству, писала она „свойственна грекамъ или лучше сказать врожденна имъ“; обнаруживая въ своемъ характерѣ „совершенное легкомысліе“, они не только не принесли намъ пользы, но и „только пакости намъ причинили“. Для борьбы за національную самостоятельность еще не было почвы. Но тѣ же русско-турецкія войны ее и создавали. Мирные трактаты, Кучукъ-Кайнарджійскій и затѣмъ Ясскій, выговорили обширныя льготы для русской торговли на турецкомъ востокѣ: но русскія торговыя суда составляли здѣсь совершенно ничтожную величину. Въ девяти случаяхъ на десять русскій флагъ прикрывалъ грека. Онъ прикрывалъ его тѣмъ надежнѣе, что и официальный дипломатическій представитель Россіи въ этомъ краю почти всегда былъ тоже грекъ. „Греки стали естественными посредниками между нашими черноморскими портами и рынками юго-западной Европы. Они забрали въ руки всю хлѣбную торговлю южной Россіи съ Австріей, Италіей, Франціей и Испаніей. Богатыя колоніи греческихъ торговцевъ завелись въ приморскихъ городахъ всѣхъ этихъ странъ. Одновременно поднялось и

*) Татищевъ. „Вѣшняя политика императора Николая I“, стр. 229.

развилось благосостояніе Сиріи, Гидры и многихъ другихъ торговыхъ центровъ Архипелага. Изъ безправной дотолѣ райи стали въ значительномъ числѣ выходить люди зажиточные: шкипера, арматоры, негоціанты“*). Словомъ, подъ покровомъ русскаго флага развивалась греческая буржуазія—со всѣми свойственными этому классу стремленіями, въ томъ числѣ и національными. Французская революція закончила ее формировку. Театръ революціонныхъ войнъ почти захватывалъ Грецію; трехцвѣтное знамя появлялось на берегахъ Балканскаго полуострова—въ Каттаро, на Ионическихъ островахъ. Подъ этими впечатлѣніями образуется первая гетерія—тайное націоналистическое общество (въ концѣ 90-хъ гг. XVIII в.). Австрійская полиція помогла туркамъ открыть его и справиться съ нимъ. Въ 1814 году возникло новое общество уже на русской почвѣ и съ участіемъ людей, близко стоявшихъ къ русскимъ официальнымъ сферамъ. Въ него надѣялись втянуть министра Александра I, Каподистрію; его дѣятельнымъ членомъ былъ флигель-адъютантъ русскаго императора, князь Ипсиланти.

„Принятіе оружія греческими народами“, о которомъ такъ хлопотала Екатерина II, становилось фактомъ. Притомъ фактъ этотъ возникалъ самопроизвольно—русскому правительству оставалось только использовать его; не было надобности даже компрометировать себя ролью подстрекателя. Помощь балканскимъ христіанамъ, возстававшимъ противъ

*) Татищевъ, *ibid.*, стр. 233—234.

турецкаго правительства, была уже явленіемъ обычнымъ: во время войны съ Портой Александра I, русскіе постоянно поддерживали и оружіемъ и деньгами возстаніе сербовъ. Бухарестскій миръ обезпечилъ имъ нѣкоторую административную автономію,—которую, впрочемъ, турки плохо уважали. Все это было совсѣмъ недавно,—и, казалось бы, ничего не стоило распространить русское покровительство и на грековъ. Этимъ на первыхъ порахъ нельзя было даже ухудшить своихъ отношеній къ Турціи, которая все равно была убѣждена, что греческое движеніе внушено и поддерживается Россіей. Но русскимъ правительствомъ руководили въ данномъ случаѣ соображенія гораздо болѣе высокаго порядка. „Политика императора Александра сильна своими охранительными началами, а потому она отвергаетъ всѣ косвенныя и частныя вліянія, неподтверждаемыя правами“, писалъ Каподистрія въ отвѣтъ на приглашенія гетеристовъ. „Никакая помощь, ни прямая, ни косвенная, не можетъ быть оказана вамъ государемъ, нбо, повторяю, подкапываться подъ основанія Турецкой имперіи посредствомъ постыднаго и преступнаго дѣйствія тайнаго общества было бы недостойно его“. „Необходимо убѣдиться, что людямъ не дано созидать однимъ словомъ или одною правительственной мѣрой народы или возстановлять тѣ изъ нихъ, которые утратили ихъ прежній блескъ. Эти великія событія содержатся въ предвѣдѣніи всевышняго, совершить ихъ можетъ одна его воля. Отъ насъ зависитъ только помоганіе другъ

другу съ любовью и безо всякой притомъ затаенной мысли, съ чисто-сердечнымъ желаніемъ содѣлаться добрыми чадами нашей церкви и лучшими сынами нашего отечества. Оно находится подъ скипетромъ оттомановъ. Провидѣнію угодно, чтобы подъ этимъ же скипетромъ вы ему служили; этой высшей волѣ должно повиноваться. Всякое другое внушеніе коварно, или оно есть признакъ самаго губительнаго заблужденія страстей“.

Нѣсколько лѣтъ спустя авторъ этихъ краснорѣчивыхъ строкъ былъ президентомъ греческой республики, ведшей ожесточенную борьбу со „скипетромъ оттомановъ“. Но и онъ, и фактически поставившее его въ президенты русское правительство пришли къ этому неизбѣжному концу очень окольнымъ, длиннымъ и запутаннымъ путемъ, стоившимъ грекамъ много лишней крови, а Россіи—утраты всякой популярности въ Греціи. Первые же извѣстія о возстаніи имѣли послѣдствіемъ страшный погромъ въ Константинополѣ и другихъ турецкихъ городахъ: турецкая черная сотня въ патріотическомъ одушевленіи разграбила и перебила множество христіанъ, грековъ и негрековъ, греческій патріархъ Константинополя (незадолго передъ тѣмъ предавшій проклятію гетеристовъ, по требованію турецкаго правительства) былъ повѣшенъ въ полномъ облаченіи на воротахъ патріархата. Соучастіе Порты во всѣхъ этихъ неистовствахъ было совершенно очевидно и нисколько не скрывалось; войска и полиція открыто грабили и убивали, пролагая путь черносотеннымъ шайкамъ. Пред-

ставленія русской дипломатіи не имѣли никакого значенія. Политику Александра турки поняли въ томъ смыслѣ, что русскіе просто не смѣютъ объявить Портѣ войны—и стали обходиться съ нами соотвѣтствующимъ образомъ. „Нашъ флагъ подвергается оскорбленіямъ въ проливахъ“, доносили русскій посланникъ, „нашихъ матросовъ *) убиваютъ или ранятъ и оправдываютъ это преступленіе радостью и усердіемъ мусульманскихъ войскъ... Входъ въ Дарданеллы воспрещается всѣмъ судамъ, нагруженнымъ зерномъ... Исключительному осмотру подвергаются русскія суда въ Дарданеллахъ и на всемъ Архипелагѣ, дабы провѣрить, нѣтъ ли на нихъ военныхъ снарядовъ,—на что я согласился...“ Но когда подобному же осмотру Порты стала подвергаться казенная русскія суда, возившія корреспонденцію посольства, а въ число „безнаказанно оскорбляемыхъ“ попали чины этого послѣдняго, баронъ Строгановъ вынужденъ былъ прервать дипломатическія сношенія—и запросить инструкцій у своего государя, что ему предпринять въ такомъ неслыханномъ случаѣ. „Агамемнонъ Европы“ былъ какъ разъ на Лайбахскомъ конгрессѣ, когда къ нему пришли слезныя жалобы его дипломатовъ на тѣхъ, кому, по недавнимъ еще и, казалось, несомнѣннымъ расчетамъ Александра—даже и существовать вовсе не слѣдовало. Можно было ожидать громового удара: но положеніе всеевропейскаго жандарма обязывало—и вмѣсто громовъ Россія излила свое негодованіе въ депешѣ,

*) Вспомнимъ, что это, по большей части, были тѣ же греки.

гдѣ Порты обвинялась... въ неумѣнн усмирить греческую революцію. „Вмѣсто того, чтобы подавить революціонный духъ, Порты распространяетъ его“, писалъ Каподистрія по порученію императора Александра. „Вмѣсто того, чтобы навсегда погубить дѣло революціи, она, повидимому, задалась цѣлью его облагородить; наконецъ, вмѣсто того, чтобы доказать греческому народу, что зачинщики смутъ соблазняютъ его и увлекаютъ по ложному пути, она доказываетъ ему, свойствомъ и цѣлью мѣръ своихъ, что ему остается только выборъ между отчаяніемъ и смертью...“ Это обвиненіе сопровождалось угрозой: „дать убѣжище“ возставшимъ грекамъ, если русскія требованія (наиболѣе конкретнымъ изъ нихъ было возстановленіе разрушенныхъ православныхъ церквей) не будутъ удовлетворены въ восьми-дневный срокъ. Туркамъ угроза, видимо, вовсе не показалась страшною—и по истеченіи восьми дней Строганову ничего не осталось, какъ уѣхать съ посольствомъ изъ Константинополя. Александръ понималъ, что необходимы шаги, нѣсколько болѣе рѣшительные,—но онъ не смѣлъ ихъ предпринять безъ разрѣшенія державъ Священнаго Союза. Прося своихъ союзниковъ разрѣшить ему вооруженное вмѣшательство въ греко-турецкую распрю, онъ яркими красками изображалъ тѣ бѣды, которыя сулитъ оставленіе дѣла въ прежнемъ видѣ. „Или“, писалъ онъ императору Францу, „восторжествуетъ турецкое правительство, и христіанство будетъ свидѣтелемъ истребленія народа, служившаго единственнымъ посредникомъ между Портой и

христіанскими державами въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, или падеть Оттоманская имперія, и новый очагъ безпорядковъ изольетъ на Европу тѣ бѣдствія, отъ которыхъ было такъ трудно оградить ее“. Въ этомъ же смыслѣ писалъ онъ и англійскому кабинету. На австрійцевъ все это однако же не произвело никакого впечатлѣнія—и пустить русскихъ на Балканскій полуостровъ они не пожелали. На Веронскомъ конгрессѣ Александръ уже не рѣшился вновь поднять вопросъ. Англичане же реагировали на все происшедшее весьма своеобразно. „Россія покидаетъ свой передовой постъ“, заявили Каннингъ: „Англія должна воспользоваться этимъ и занять ея мѣсто тѣмъ болѣе, что человечество этого требуетъ“. Это было въ 1823 году,—а въ августѣ 1825 г. Греція формально стала подъ покровительство короля Великобританскаго.

Это былъ такой ударъ русскому престижу среди балканскихъ христіанъ, какого Россія не испытывала давно. Въ Вѣнѣ совершенно успокоились: „Вліяніе русскаго двора на грековъ потеряно“, съ удовольствіемъ говорилъ Меттернихъ. Надо было поправлять дѣло—но самолюбіе не позволяло прямо признаться въ своихъ ошибкахъ, а традиціи Священнаго Союза не допускали и мысли объ открытомъ союзѣ съ „мятежниками“. Въ Россіи попрежнему конфисковывались деньги, собиравшіяся въ пользу грековъ. Новый русскій государь (Александръ умеръ черезъ три мѣсяца послѣ перехода грековъ подъ англійскій протекторатъ), излагая свою восточную политику передъ

различными высокими особами, пріѣхавшими его привѣтствовать, почти не упоминалъ о грекахъ и не выказывалъ къ нимъ ни малѣйшаго сочувствія. Въ послѣднемъ случаѣ Николай, повидимому, былъ совершенно искрененъ. Онъ понималъ, что свободная Греція не могла быть другомъ самодержавной Россіи, гдѣ первый порывъ къ политической свободѣ только что былъ задавленъ 14 декабря,—и потому отъ всей души не желалъ, чтобы греки, какъ и другія балканскія народности, стали *вполнѣ* свободны. Право заключать союзы и имѣть своихъ дипломатическихъ представителей Николай считалъ для грековъ опасной и слишкомъ дорогой роскошью. „Вѣрно понятые нами интересы наши совѣтуютъ намъ никогда не допускать, чтобы Греція распространила свою территорію и свое политическое вліяніе за предѣлы, нынѣ ей положенные“, писалъ нѣсколько лѣтъ спустя вѣрный истолкователь дипломатическихъ взглядовъ императора, баронъ Брунновъ. „Увеличивать матеріальныя силы греческой державы, *подчиняющейся вліянію учений, управляющихъ политикой морскихъ державъ* (т. е. Англіи и Франціи), *было бы изъ всѣхъ возможныхъ комбинацій наиболѣе для насъ вредною*“. Николаю не нужно было поэтому притворяться, говоря, что столкновеніе съ Турціей есть личное его дѣло. Но какъ разъ въ области мелкихъ столкновеній именно съ Россіей Порто теперь склонна была обнаружить уступчивость: ей не могла улыбаться перспектива нажить себѣ въ качествѣ враговъ сразу и Россію и Англію. Аккерманская конвенція (25 сент.

1826 г.) разрѣшила исключительно въ нашу пользу всѣ мелкія контроверзы, возникавшія на почвѣ Бухарестскаго трактата, причемъ Россія не пришлось даже пускать въ ходъ подготовленной военной демонстраціи. Такой успѣхъ долженъ былъ ободрить къ дальнѣйшимъ шагамъ. Они были тѣмъ легче, что Англія нашла для себя выгоднымъ пойти намъ навстрѣчу. Британское правительство вовсе не расположено было вести войну съ Турціей изъ-за Греціи. Его идеаль состоялъ въ томъ, чтобы вынудить у турокъ всѣ возможные уступки мирнымъ путемъ, путемъ концентрированнаго давленія съ разныхъ сторонъ. Въ этой комбинаціи ближайшія услуги могли оказать Россія или Австрія, какъ двѣ крупнѣйшія сосѣдки Турціи со стороны континента—и Франція, какъ главная средиземноморская держава. Но позиція Австріи, по вполнѣ реальнымъ соображеніямъ поддерживавшей турокъ и status quo на Балканскомъ полуостровѣ, была слишкомъ ясна, чтобы къ ней стоило обращаться; а во Франціи въ это время, въ дни феодальной реакціи Карла X, русское вліяніе было особенно сильно. Каннингъ рѣшилъ начать поэтому съ Россіи: Веллингтонъ, пріѣхавшій вмѣстѣ съ другими привѣтствовать Николая Павловича съ восшествіемъ на престолъ, привезъ въ Петербургъ предложеніе — координировать дѣйствія Англіи и Россіи въ греческомъ вопросѣ. Англія должна была предложить свое посредничество воюющимъ сторонамъ, а Россія — поддерживать Англію. Вполнѣ согласно съ личными взглядами Николая, требованія, предъявляемыя Портѣ, не до-

ходили до полной независимости грековъ. Они получали лишь автономію, немного расширенную сравнительно съ автономіей дунайскихъ княжествъ, но оставались подданными султана и платили ему дань. Это былъ все же нѣкоторый прогрессъ, сравнительно съ первоначальнымъ проектомъ императора Александра, присоединявшимъ ко всему этому еще раздѣленіе Греціи на три совершенно самостоятельныя княжества.

Англо-русское соглашеніе было закрѣплено такъ называемымъ „петербургскимъ протоколомъ“ (23 марта 1826 г.), который черезъ годъ съ небольшимъ, по присоединеніи къ его основнымъ началамъ Франціи, превратился въ формальный договоръ трехъ державъ (Лондонскій договоръ 27 іюня 1827 г.). Къ этому времени борьба достигла высшаго напряженія, и мольбы грековъ о помощи, съ которыми они обращались какъ къ Англіи, такъ и къ Франціи,—но не къ Россіи, — заставляли принять какія-нибудь мѣры, не ограничиваясь дипломатической литературой. Турціи было предложено перемиріе,—она отказалась даже выслушать: ноту пришлось оставить на диванѣ у турецкаго министра иностранныхъ дѣлъ. Тогда союзныя державы рѣшили фактически ограничить военныя дѣйствія, прекратить подвозъ турецкихъ войскъ въ Грецію и добившись удаленія оттуда арміи союзника султана, египетскаго паши. Сопrotивленіе, которое встрѣтили на этомъ пути союзныя эскадры, привело къ извѣстной Наваринской битвѣ (8/20 октября 1827 г.), гдѣ былъ уничтоженъ турецко-египетскій флотъ. Военныя силы законнаго государства, подавлявшаго мятежъ своихъ

19

Яковъ Петровичъ Полонскій.

Съ портрета, писаннаго И. Н. Крамскимъ. 1875 г.

(Городская галлерей П. и С. Третьяковыхъ въ Москвѣ).

„ИСТОРИЯ РОССИИ ВЪ XIX ВѢКѢ“, Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К^о“

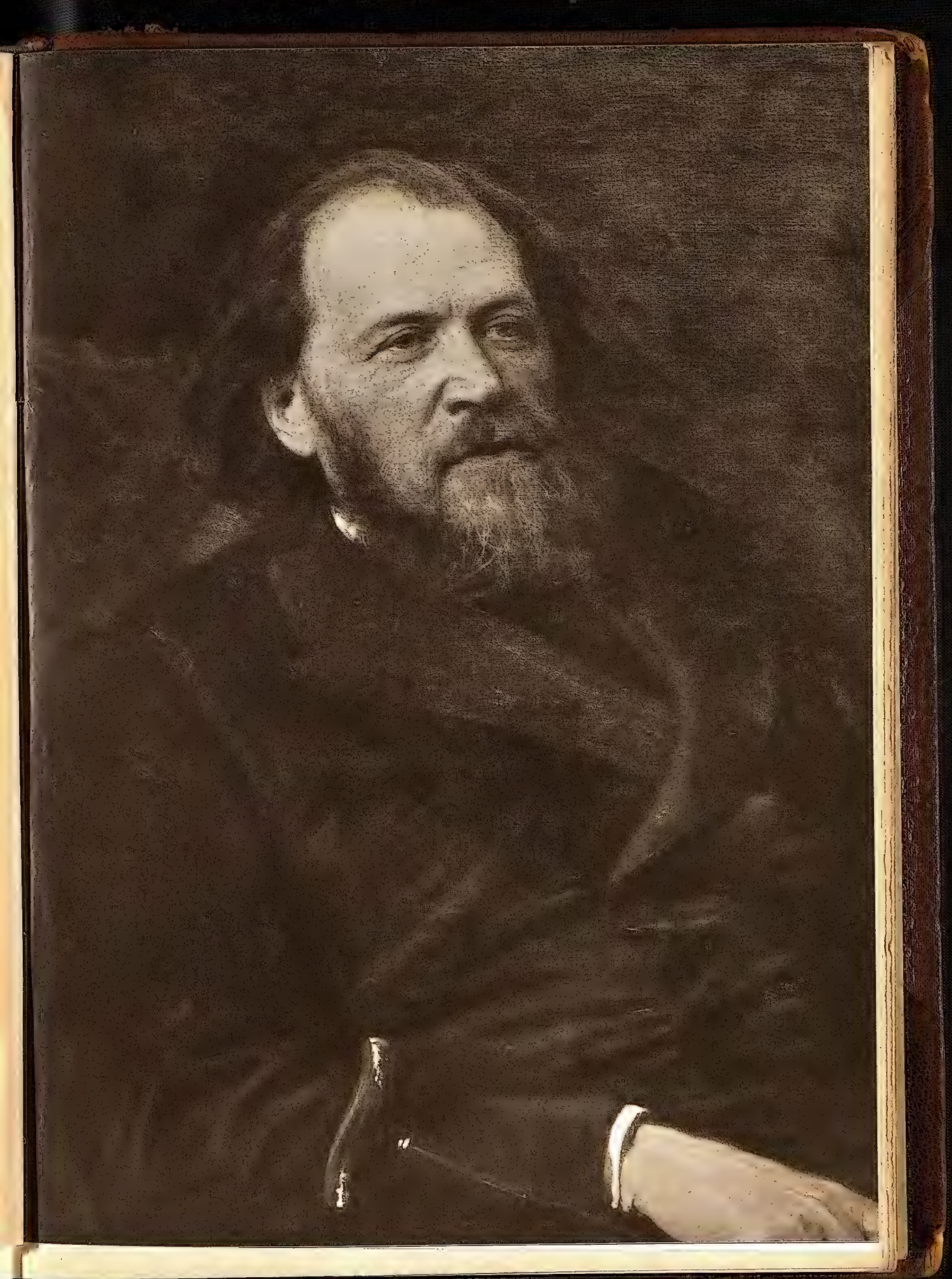
19

Гісторія Польщі. Польські

Од редакції, присвяченої Н. М. Погодіну, 1875 г.

(Литература і стаття Г. М. Погодіна в Москві)

В. П. Погодин. Росія XIX в. В. П. Погодин. Надання Т-ва "В. А. М. ГРАНАТЪ" и К.

подданныхъ, были истреблены, между прочимъ, русскими пушками! Это привело въ ужасъ и негодованіе Меттерниха. Въ другое время это едва ли бы встрѣтило сочувствіе и Николая: но рядъ успѣховъ, сначала дипломатическихъ, потомъ военныхъ, раскрылъ передъ нимъ такіа широкія перспективы, что каждая новыхъ территоріальныхъ пріобрѣтеній заставила молчать на время его легитимизмъ. Несомнѣнно, что съ этого именно времени въ его мозгу воскресаетъ идея, такъ долго занимавшая его старшаго брата — и доставшаяся имъ обоимъ въ наслѣдство отъ Екатерины II — идея раздѣла Турціи. Этого сюжета теперь приходилось касаться съ необыкновенной осторожностью. Русское правительство не уставало заявлять, что оно не имѣетъ ни малѣйшаго интереса ускорить паденіе Оттоманской имперіи, — что, напротивъ, сохраненіе султана на престолѣ соотвѣтствуетъ его живѣйшимъ желаніямъ. Но когда Австрія захотѣла, чтобы союзники формально гарантировали неприкосновенность Турціи, русская дипломатія самымъ рѣшительнымъ образомъ выступила противъ этого требованія, — своей мотивировкой ясно выдавая свои заглавные помыслы и желанія. „Вслѣдствіе нашего географическаго положенія на югѣ, а также положенія Босфора, служащаго какъ бы ключомъ къ нему“, писалъ Нессельроде, „преобладающее вліяніе въ Константинополѣ составляетъ одну изъ нашихъ потребностей“. Это вліяніе Россія могла бы оказывать и черезъ правительство султана, — но что же дѣлать, если послѣдній никакъ не годится? „Не видимъ ли“, спрашиваетъ

въ благочестивомъ негодованіи русскій дипломатъ, „что государь этой имперіи пытается совершить въ ней преобразованія, расшатывающія ея основы, разрушающія ея прежнія силы и не созидаящія силъ новыхъ, грозящія вызвать ужасную революцію?“ Австрія должна была понять, что русскій государь на мѣстѣ такого революціоннаго султана явится настоящимъ выигрышемъ: этого, конечно, прямо не было сказано, но это не трудно было вычитать при нѣкоторомъ вниманіи. Во всякомъ случаѣ — гарантировать цѣлость Турціи значить брать на себя „обязательства неисполнимыя“. Это еще прозрачнѣе комментировалъ Николай Павловичъ въ устной бесѣдѣ съ австрійскимъ посломъ. „Я искренно буду сожалѣть, если недоступныя человѣческимъ расчетамъ обстоятельства доведутъ Порту до края пропасти. Надѣюсь, что ужасная катастрофа эта не совершится“. „Впрочемъ“, продолжалъ онъ, отдавъ долгъ приличіямъ, „никакое препятствіе не заставитъ меня отказаться отъ моего предпріятія, хотя бы оно и имѣло послѣдствіемъ паденіе Оттоманской имперіи. Это было бы, конечно, новымъ несчастіемъ, гибельнымъ усложненіемъ, ибо я не предвижу никакого средства возстановить зданіе въ случаѣ, если бы оно разрушилось...“

2 апрѣля 1828 года появился манифестъ о войнѣ съ Турціей. Въ манифестѣ опять — таки не было ни слова о грекахъ. Благодаря этому, причины войны оказывались чисто экономическими — онѣ сводились къ разнаго рода стѣсненіямъ русской торговли и торговцевъ, чинимымъ турками. Для выполненія обширныхъ

завоевательныхъ плановъ Николай явился въ армію лично. На Дунаѣ были сосредоточены силы, вопреки увѣреніямъ патріотическихъ историковъ, болѣе чѣмъ достаточныя по тогдашнимъ условіямъ: армія Витгенштейна почти равнялась 1-й арміи Барклая-де-Толли 1812 года, силы же Турціи, конечно, были весьма далеки во всѣхъ отношеніяхъ отъ „Большой арміи“ Наполеона. Тѣмъ не менѣе, послѣ нѣсколькихъ легкихъ успѣховъ вначалѣ, дѣло пошло такъ туго, что не только не приходилось думать о походѣ на Константинополь, а, напротивъ, пришлось перенести главную квартиру далеко къ сѣверу отъ Дуная, въ Яссы. Турки, по обыкновенію, отсиживались въ крѣпостяхъ и не шли въ поле; русскія войска, тоже по обыкновенію, оказались плохо подготовленными къ крѣпостной войнѣ—и, кромѣ того, плохо снабженными и плохо приспособленными къ тѣмъ климатическимъ условіямъ, въ которыхъ имъ приходилось дѣйствовать: результатомъ была масса больныхъ. Осаду Силистріи пришлось снять, Шумлу—прикрывавшую доступъ къ балканскимъ переваламъ, даже не рѣшились осаждать. Была взята лишь при помощи черноморскаго флота одна Варна—чтобы хотя чѣмъ-нибудь почтить личное присутствіе Николая Павловича. Впечатлѣніе отъ похода 1828 года было таково, что Россія черезъ посредство датскаго посланника въ Константинополѣ пыталась завязать мирные переговоры—но тщетно. Кампанію 1829 года—при которой Николай лично уже не присутствовалъ—спасло то же самое, что обезпечило конечный успѣхъ Ку-

тузову на Дунаѣ въ 1811 году: переходъ турокъ, которымъ успѣхъ вскружилъ голову, въ наступленіе. Въ полевомъ сраженіи (при Кулевчѣ) турецкая армія была разбита наголову. Дорога за Балканы была открыта, и новый русскій главнокомандующій, Дибичъ, хотя и съ очень слабыми силами (всего около 20 тысячъ человѣкъ) могъ, наконецъ, осуществить мечту своего государя, двинувшись на Константинополь. Николай боялся вѣрить своему счастью, но тѣмъ не менѣе спѣшилъ принять практическія мѣры на случай, если бы Константинополь въ самомъ дѣлѣ достался въ его руки. „Перейдемъ“, писалъ онъ Дибичу, „къ случайностямъ, осуществленія которыхъ я молю Бога не допустить: очутиться намъ владыками Константинополя и тѣмъ, слѣдовательно, вызвать исчезновеніе Оттоманской имперіи въ Европѣ. Однако, я не хочу оставить васъ безъ нѣкоторыхъ общихъ указаній“.... Говоря о томъ, что англичане уже считаютъ насъ „владыками“ Константинополя, Николай подчеркнулъ это слово пять разъ. „Словомъ, полное торжество!“ въ упоеніи восклицалъ онъ и тутъ же, вспомнивъ о приличномъ христіанину смиреніи, добавлялъ: „теперь болѣе, чѣмъ когда-либо отнесемъ все къ Богу“...

Но походъ Дибича къ Адрианополю былъ гораздо больше ловкой военной демонстраціей, чѣмъ прочнымъ успѣхомъ. Стоило туркамъ нѣсколько оправиться—и съ его силами онъ не смогъ бы удержаться за Балканами. Приходилось использовать психологическій моментъ, не теряя ни минуты—и, не ставя себѣ фанта-

стических задач, добиваться условий, реально наиболее выгодных. Дибичъ и поспѣшилъ это сдѣлать, даже не дождавшись окончательныхъ инструкцій Николая. Адрианопольскій договоръ (2/14 сентября 1829 г.) закрѣпилъ за Россіей устье Дуная и все восточное побережье Чернаго моря: не создавая ничего существенно новаго, онъ закончилъ процессъ превращенія этого моря въ русское озеро, начатый Ясскимъ миромъ 1791 года. Дунайскія княжества были фактически отобраны у Турціи и фактически же переданы Россіи: но формальнаго присоединенія этой закованной территоріи не удалось добиться даже въ Адрианополѣ. Наконецъ, Турція обязывалась выплатить Россіи военныя издержки. Но самымъ существеннымъ въ политическомъ отношеніи былъ пунктъ, совсѣмъ не вытекавшій изъ первоначальныхъ требованій Россіи, — гдѣ, какъ мы помнимъ, о Греціи вовсе не говорилось: этимъ пунктомъ Порты принимала главныя основанія Лондонскаго договора 1827 года, — т. е. признавала, если не независимость, то, по крайней мѣрѣ, автономію грековъ. Пунктъ этотъ не былъ продиктованъ Дибичемъ, — онъ заключался въ первоначальныхъ турецкихъ предложеніяхъ, и его оставалось только принять или отвергнуть. Для послѣдняго у русскаго главнокомандующаго не было ни малѣйшихъ основаній. Между тѣмъ очень нетрудно понять, почему Порты напращивалась съ этой по видимости громадной уступкой: Греція ей все равно фактически уже не принадлежала — египетскія войска вынуждены были удалиться оттуда послѣ истребленія флота, и Морея

была занята французскимъ корпусомъ. Въ то же время для западныхъ державъ именно освобожденіе Греціи составляло весь интересъ борьбы — а вовсе не завоеванія императора Николая. Выказывая готовность въ этомъ пунктѣ, Порты привлекала на свою сторону всю европейскую дипломатію.

Съ „владычествомъ“ надъ Константинополемъ приходилось, такимъ образомъ, подождать: зато безъ особенно горячаго желанія съ своей стороны императоръ Николай сдѣлался освободителемъ Греціи. Для возвращенія утраченной Россіей популярности моментъ, во всякомъ случаѣ, былъ несравненный. Но русское правительство такъ воспользовалось своимъ правомъ опеки надъ вновь народившимся, благодаря русскимъ побѣдамъ, государствомъ, что послѣ нѣсколькихъ лѣтъ нашихъ заботъ Греція была дальше отъ насъ, чѣмъ когда бы то ни было.

Мы уже видѣли, что національное движеніе въ Греціи своими корнями тѣсно связано, во-первыхъ, съ развитіемъ греческой буржуазіи, во-вторыхъ, съ вліяніемъ французской революціи. И тѣмъ и другимъ опредѣлялась политическая идеологія руководящихъ слоевъ новаго государства. Первое же собраніе народныхъ представителей Греціи (въ Эпидаврѣ въ 1822 году) провозгласило принципъ народнаго верховенства и выработала конституцію на основѣ раздѣленія властей, гарантировавшую грекамъ неприкосновенность личности, свободу совѣсти, печати, собраній и т. д. Эта конституція была однимъ изъ лишнихъ поводовъ охлажденія Александра къ греческому дѣлу; вскорѣ

послѣ ея изданія Каподистрія вынужденъ былъ оставить русскую службу. Съ тѣхъ поръ національная независимость и политическая свобода разсматривались греческой буржуазіей, какъ нѣчто нераздѣльно. Въ 1827 году Трезенское собраніе, еще разъ провозгласивъ полную независимость Греціи и въ то же время подтвердивъ политическіе принципы, высказанные въ Эпидаврѣ, избрало временнымъ правителемъ или президентомъ Эллады Каподистрію. Бывшій русскій министръ иностранныхъ дѣлъ заявлялъ, что онъ „прежде всего—грекъ“, а потомъ уже русскій чиновникъ. Тѣмъ не менѣе при первыхъ слухахъ, что ему предстоитъ играть роль въ греческихъ дѣлахъ, онъ поспѣшилъ въ Петербургъ—куда къ нему и пришло официальное извѣстіе объ избраніи. Само собою разумѣется, что онъ нашелъ необходимымъ выслушать совѣты императора Николая: тотъ указалъ ему, какъ „главную задачу“—„отчужденіе греческаго движенія отъ сопряженныхъ съ нимъ демагогическихъ элементовъ“*). Отъ него ждали не самоотверженной борьбы за свободу своей родины, внѣшнюю и внутреннюю, даже не обереганія въ Греціи интересовъ его второй родины Россіи—что было бы еще, по слабости человѣческой, понятно,—а полицейскихъ услугъ Священному Союзу. И новый президентъ Эллады оказался необыкновенно воспріимчивымъ къ подобнымъ внушеніямъ—воспринятымъ имъ „съ благоговѣніемъ“, по словамъ историка—панегриста императора Николая. По приѣздѣ въ Грецію онъ началъ съ грубѣйшихъ нарушеній конституціи: онъ

разогналъ сенатъ, избранный Трезенскимъ народнымъ собраніемъ, и составилъ новый изъ своихъ приверженцевъ, имъ самимъ назначенныхъ. Затѣмъ онъ отказался принести присягу, установленную тѣмъ же собраніемъ для президента,—гдѣ послѣдній обязывался охранять независимость Греціи и управлять ею на основаніи конституціи. Въмѣсто этого онъ обѣщался—добиться для Греціи благотвѣній, заключавшихся въ Лондонскомъ договорѣ 1827 года,—какъ извѣстно, не устанавливавшимъ полной независимости Греціи, и оставлявшимъ ее въ вассальныхъ отношеніяхъ къ султану. Неизвѣстно, какъ отвѣтили бы греческій народъ на такія дѣйствія своего президента, если бы всего три мѣсяца спустя послѣ его появленія не вспыхнула русско-турецкая война. Несмотря на то, что она была начата не во имя независимости Греціи, греки приняли въ ней самое энергическое участіе. Съ другой стороны, какъ ни мало былъ расположенъ Николай къ „мятежникамъ“, онъ не могъ не цѣнить содѣйствія греческихъ войскъ и флота—просто, какъ чрезвычайно полезной ему военной диверсіи. Помимо субсидіи, которую стала выплачивать Россія грекамъ пополамъ съ Франціей, русское правительство отъ себя одновременно ассигновало два милліона франковъ—а императрица Александра Феодоровна лично еще 800.000.

Эти „благотвѣнія“, надлежащимъ образомъ популяризованныя Каподистріей, наряду съ военными успѣхами, отвлекшими все вниманіе къ внѣшней политикѣ, заставили на время забыть о неконституціонныхъ поступкахъ президента. Каподистрія поспѣ-

*) Татищевъ, назв. соч., стр. 262.

шилъ воспользоваться благоприятными обстоятельствами, чтобы получить индемнитетъ: весной 1829 года онъ созвалъ народное собраніе въ Аргосѣ, явившись на него въ мундирѣ русскаго статсъ-секретаря и съ русскими орденами. Онъ желалъ этимъ дать понять, что ссориться съ нимъ значитъ ссориться съ императоромъ Николаемъ и Россіей. При такой обстановкѣ греческая буржуазія не нашла удобнымъ поднимать конституціонные споры, — тѣмъ болѣе, что англо-французская дипломатія довольно опредѣленно ручалась за то, что Греція не будетъ лишена политической свободы. Соглашаясь, что самой подходящей для Греціи формой правленія будетъ монархическая, представители Англіи и Франціи добавляли: „Было бы несправедливо и опасно, при учрежденіи наслѣдственнаго правительства, лишить грековъ представительнаго начала, такъ какъ они даже подъ турецкимъ владычествомъ сами избирали свои общинныя власти, и старѣйшины ихъ пользовались правомъ распредѣленія податей“. Характерно, что подъ этимъ заявленіемъ подписался и русскій посоль, — къ великому огорченію Каподистріи, пытавшагося доказать, что для греческаго народа „непригодно правительство, основанное на чисто конституціонныхъ началахъ, несовмѣстимыхъ ни съ чисто социальными стремленіями Греціи, ни съ покоемъ Европы“. Другое требованіе греческаго народа, — требованіе полной независимости, тоже было удовлетворено державами-союзницами: Лондонская конференція, созванная для окончательнаго улаженія греческихъ дѣлъ на основѣ Адрианопольскаго трактата,

пришла къ заключенію о необходимости сдѣлать Грецію совершенно самостоятельнымъ государствомъ *).

Въ обоихъ случаяхъ такимъ образомъ послѣдствія произвола Каподистріи были парализованы — и самъ онъ являлся только временнымъ зломъ. Правда, онъ употреблялъ все усилія для того, чтобы продлить свое управленіе. Когда найденъ былъ подходящий кандидатъ на греческую корону въ лицѣ родственника англійскаго короля, принца Леопольда Саксенъ-Кобургскаго, Каподистрія въ своихъ письмахъ такими яркими красками изображалъ затрудненія, ожидающія его, бѣдность и лишенія, какія придется переносить греческому монарху, — что принцъ, терявшій изъ-за греческаго престола хорошую англійскую пенсію, въ концѣ концовъ раздумалъ и отказался. Скоро однако же нашелся другой кандидатъ, не англійскій, а русско-австрійскій — не совершеннолѣтній баварскій принцъ Оттонъ: управлять этотъ юный государь, конечно, не могъ бы, но что же дѣлать, если болѣе зрѣлаго воплощенія монархическаго принципа не находилось для Греціи.

Но пока проходила кандидатура Оттона, въ Греціи успѣли совершиться крупныя и трагическія событія. Іюльская революція всколыхнула греческихъ либераловъ. Режимъ Каподистріи сталъ для нихъ совершенно невыносимъ — и когда

*) Въ этомъ случаѣ на сторонѣ Англіи съ Франціей была и Австрія — которая не могла не видѣть, что Каподистрія является въ сущности русскимъ намѣстникомъ, и желала возможно скорѣе отъ него избавиться. Но участіе Австріи было равносильно санкціи Священнаго Союза — и Николай успѣшилъ подчиниться.

требованіе немедленнаго созыва народнаго собранія было отклонено президентомъ, поднялось возстаніе. Во главѣ его стали тѣ самые люди, которые передъ этимъ бились съ турками за независимость греческаго народа: флотомъ инсургентовъ командовалъ знаменитый адмиралъ Миаулисъ. Русскія пушки нашли, наконецъ, себѣ достойное примѣненіе: при помощи эскадры адмирала Рикорда Каподистріи удалось подавить возстаніе—но не спасти ни себя, ни введенныхъ имъ порядковъ. 28 сентября 1831 года онъ былъ убитъ—и вмѣстѣ съ нимъ рухнулъ „русскій“ режимъ въ Греціи. Пытавшійся занять его мѣсто братъ Каподистріи долженъ былъ бѣжать, а немного спустя его примѣру пришлось послѣдовать и сенату, составленному изъ креатуръ покойнаго президента. „Русская“ партія была окончательно разбита; вся надежда была на новаго короля. Но когда баварскій принцъ со своими чиновниками явился, наконецъ, въ Грецію (въ 1833 году), то оказалось, что баварцы вовсе не склонны жертвовать популярностью Оттона предразсудкамъ императора Николая. Въ первомъ же обращеніи къ своимъ новымъ подданнымъ король—или, вѣрнѣе, говорившій отъ его имени баварскій министръ иностранныхъ дѣлъ—обѣщалъ созывъ народнаго собранія для выработки конституціи. А въ первое министерство Оттона вошли вожди всѣхъ либеральныхъ группъ—и ни одного члена „русской“ партіи. Съ умиряющимъ грековъ адмираломъ Рикордомъ Оттонъ не пожелалъ даже видѣться, а съ русскимъ посланникомъ обращались такъ, что тотъ самъ не

ѣздилъ во дворецъ. Въ концѣ 30-хъ годовъ Греція была для правительства императора Николая безнадежно потерянной страной и являла собою глазамъ русскихъ дипломатовъ ужасающе мрачную картину. „Ничто не процвѣтаетъ въ Греціи“, писалъ въ это время баронъ Брунновъ. „Администрація впала въ совершенное бездѣйствіе. Графъ Арманспергъ *), подчиняясь вліянію англичанъ, удаляетъ отъ престола всѣхъ, кто мужественно служилъ отечеству во время войны за независимость, и въ то же время покровительствуетъ сторонникамъ разрушительныхъ идей, поощряетъ стремленіе извѣстной партіи, желающей введенія въ Греціи конституціоннаго порядка...“ Но это было зло настоящей минуты: глава нашего министерства иностранныхъ дѣлъ, графъ Нессельроде, старался проникнуть взоромъ въ будущее и съ ужасомъ видѣлъ тамъ, что „государства, основанныя на развалинахъ Оттоманской имперіи, не замедлятъ соперничать съ нами въ могуществѣ, цивилизаціи, промышленности и богатствѣ“.

Отсюда былъ одинъ шагъ до мысли, что нашими естественными союзниками на Балканскомъ полуостровѣ являются не единовѣрные русскимъ славяне и греки,—„неблагодарность“ которыхъ только что была такъ блестяще доказана, а—сами турки. Около этой идеи и вертится восточная политика императора Николая во второмъ фазисѣ ея развитія,—гдѣ наиболѣе яркимъ моментомъ является Ункіаръ-Искелесскій договоръ 26 іюня 1833 г.

Турецкому султану угрожали двоя-

*) Глава регентства, правившаго отъ имени Оттона.

каго рода мятежники. Съ одной стороны, это были борющіеся за свою національную независимость народы Балканскаго полуострова: съ другой, турецкіе губернаторы отдаленныхъ провинцій, плохо связанныхъ съ центромъ, легко сосредоточивали въ своихъ рукахъ крупныя денежныя и военныя средства и становились самостоятельными государями. Въ первые годы XIX вѣка такую роль игралъ губернаторъ Албаніи, Али-паша—союзникъ еще республиканской Франціи. Къ 20-мъ годамъ выросъ въ значительную силу другой французскій союзникъ, губернаторъ Египта, Мегметъ-Али. При помощи французскихъ офицеровъ онъ создалъ себѣ армию, которая была несравненно лучше недисциплинированныхъ полчищъ султана. Французскіе инженеры и моряки построили ему флотъ, съ которымъ приходилось считаться даже европейскимъ державамъ. Къ этому надо прибавить, что онъ выступалъ всегда, какъ ревнитель правосвѣрія—и что въ кругъ его непосредственнаго вліянія входили священные города ислама, Мекка и Медина: и съ этой точки зрѣнія онъ легко могъ стать непосредственнымъ конкурентомъ константинопольскаго государя. Въ борьбѣ съ греками Мегметъ-Али былъ союзникомъ султана,—безъ него турки не продержались бы въ Пелопонесѣ до 1827 года. За свои услуги онъ требовалъ присоединенія къ своему генераль-губернаторству Сиріи—ему отказали. Онъ нашелъ, однако, случай ввести въ спорную область свои войска (подъ предлогомъ спора съ аккскимъ пашою, тоже полу-са-

мостоятельнымъ владѣтелемъ, но болѣе мелкимъ). Порта сочла себя подготовленной для того, чтобы положить конецъ притязаніямъ египетскаго паши—войска султана двинулись въ Сирію. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ они были отброшены почти къ самому Константинополю, и Мегметъ-Али былъ полнымъ хозяиномъ всей страны отъ береговъ Нила до Малой Азіи.

Николай Павловичъ нашелъ, что наступилъ чрезвычайно удобный моментъ проявить свои дружескія чувства къ султану Махмуду. Онъ и раньше пробовалъ сблизиться съ нимъ путемъ разныхъ мелкихъ одолженій—уменьшивъ, на примѣръ, военную контрибуцію, которую по Адрианопольскому трактату должна была выплачивать намъ Порта: контрибуцію, впрочемъ, какъ и всѣ турецкія контрибуціи, довольно безнадѣжную. Кромѣ того, онъ старался быть полезнымъ Махмуду добрыми совѣтами. Одинъ изъ нихъ былъ настолько оригиналенъ, что заслуживаетъ быть отмѣченнымъ. Давая прощальную аудіенцію чрезвычайному посланнику Порты, Халиль-пашѣ, — пріѣзжавшему въ Петербургъ хлопотать о нѣкоторыхъ смягченіяхъ Адрианопольскаго трактата—Николай, кромѣ письма къ султану, пожелалъ дать Халилю еще словесное порученіе по такому предмету, „писать о которомъ нельзя“: то былъ дружескій совѣтъ—перейти въ христіанство. Огорошенный турецкій дипломатъ пролепеталъ, что, конечно, это самое очевидное доказательство дружбы къ султану, какое русскій императоръ могъ дать,—но передать совѣтъ своему повелителю все-таки не обѣ-

ицаль. Осенью 1832 года дѣло не могло уже ограничиваться совѣтами. Николай рѣшился самымъ энергическимъ образомъ вмѣшаться въ споръ изъ-за Сиріи. Дѣло для него было совершенно ясно, — Мегметъ-Али былъ мятежникъ, султанъ законный государь. При первомъ извѣстіи о „мятежѣ“ египетскаго паши было приказано отозвать русскаго консула изъ Александріи и воспретить русскимъ подданнымъ (едва ли ихъ было много) пребываніе въ революціонномъ Египтѣ. А когда арміи султана были безнадежно разбиты, въ Константинополѣ неожиданно появился генералъ Муравьевъ съ письмомъ Николая къ Махмуду и съ приказаніемъ, буде султанъ на это согласится, немедленно ѣхать въ Александрію и призвать египетскаго пашу къ порядку именемъ русскаго государя.

Разговоръ Николая съ Муравьевымъ *), передъ отправленіемъ послѣдняго въ Турцію, бросаетъ яркій свѣтъ не только на отношеніе императора къ этому дѣлу—но и на его политическое міросозерцаніе вообще. „Я хочу показать султану мою дружбу“, говорилъ Николай Павловичъ. „Надобно защищать Константинополь отъ нашествія Мегмета-Али. *Вся эта война не что иное, какъ послѣдствіе возмутительнаго духа, овладѣвшаго нынѣ Европой и въ особенности Франціей.* Самое завоеваніе Алжира есть дѣйствіе безпокойныхъ головъ, которыя къ тому склонили бѣднаго Карла X. Нынѣ они далѣе

распространили вліяніе свое и возбудили египетскую войну. Съ завоеваніемъ Царьграда мы будемъ имѣть въ сосѣдствѣ гнѣздо всѣхъ людей безпріютныхъ, безъ отечества, изгнанныхъ всѣми благоустроенными обществами. Люди сіи не могутъ оставаться въ покоѣ. Они нынѣ окружаютъ Мегметъ-Али-пашу, наполняютъ флотъ и армію его. Надобно низвергнуть этотъ новый зародышъ зла и безпорядка, надобно показать вліяніе мое въ дѣлахъ Востока“.

Итакъ, Россіи предстояло бороться въ лицѣ египетскаго паши ни болѣе, ни менѣе, какъ съ всемірной революціей. Съ точки зрѣнія Николая, это вполне объясняло энергическія мѣры, пущенныя имъ въ ходъ: черноморскій флотъ вошелъ въ Босфоръ, одна русская дивизія была высажена на берегъ возлѣ Константинополя, другая готовилась приплыть вслѣдъ за первой. Но турки разсматривали войну съ Мегметомъ-Али вовсе не со всемірно-исторической точки зрѣнія. Правда, они не прочь были отъ помощи Россіи,—въ особенности одну минуту, когда Порту охватила настоящая паника при видѣ египетской арміи, идущей прямо на Константинополь (9 декабря 1832 года египетскія войска разбили послѣднія военныя силы султана при Иконіи, а въ январѣ они были въ виду Бруссы—въ двухъ шагахъ отъ Босфора). Но паника скоро миновала—и присутствіе въ непосредственной близости къ ничѣмъ не защищенной турецкой столицѣ русскаго флота и русской арміи начало, наконецъ, безпокоить Порту больше, чѣмъ всѣ египетскія

*) Н. Н. Муравьевымъ „Карскимъ“—впослѣдствіи намѣстникомъ на Кавказѣ, котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ М. Н. Муравьевымъ-Виленскимъ.

20

Сергѣй Михайловичъ Соловьевъ.

Съ портрета писаннаго И. Е. Рѣпинымъ, 1880 г.
(Городская галлерей П. и С. Третьяковыхъ въ Москвѣ).

„ИСТОРИЯ РОССИИ ВЪ XIX ВѢКѢ“. Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К“

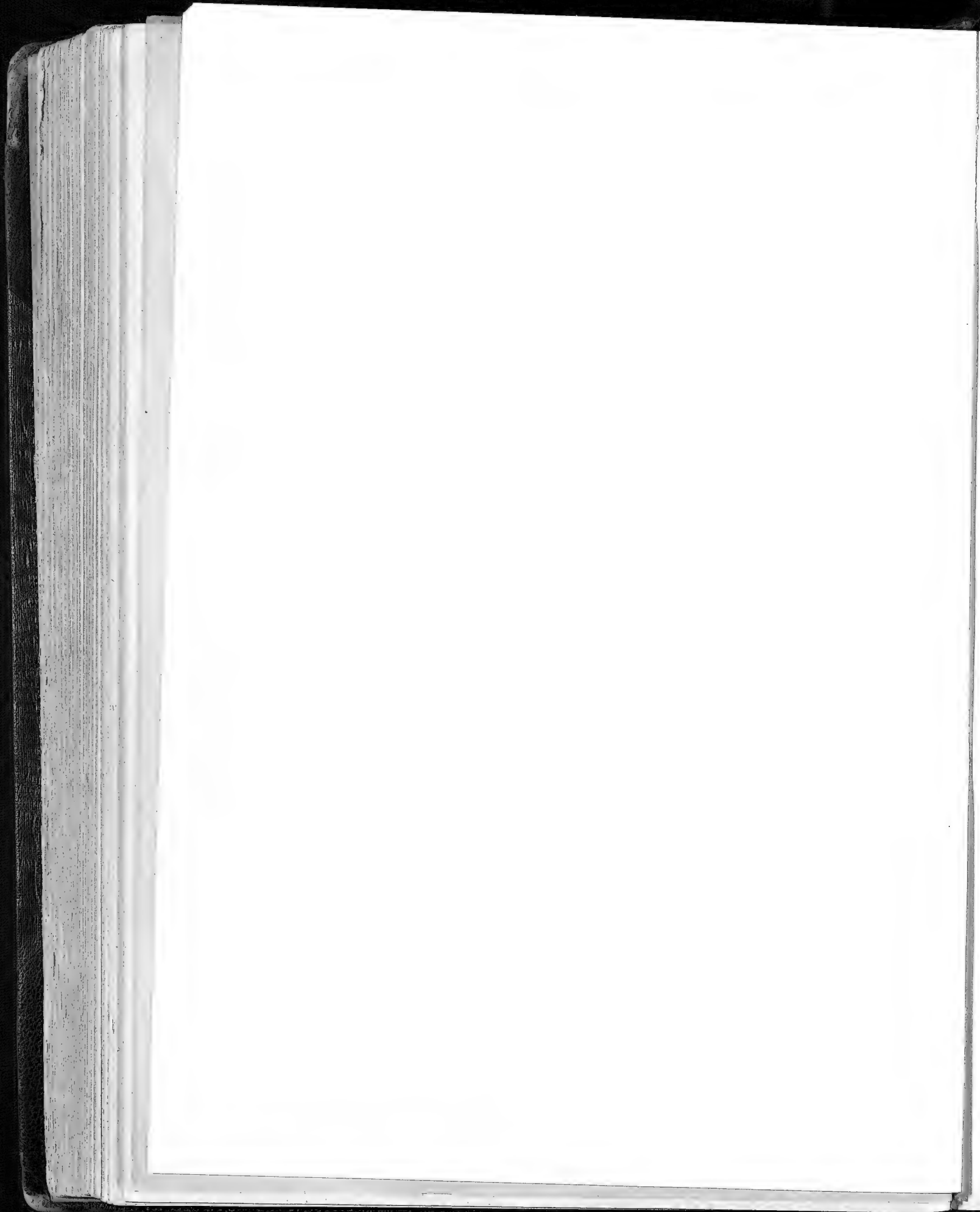
Сербия Михайловича Соловьева.

Ср. публикация в журнале "В. Е. Родников", 1930, № 3.

1. Содержание

.. ИСТОРИЯ РОССИИ В XIX ВЕКЕ". Название Т-ва "Рос. ин. лбн." и т.д.

силы, вмѣстѣ взятыя. Тамъ были все-таки свои, былъ болѣе личный врагъ султана, чѣмъ врагъ Турціи—здѣсь былъ старинный непріятель, гяуръ, еще недавно грозившій разрушеніемъ Оттоманской имперіи. Кромѣ того, турки никакъ не хотѣли вѣрить, что вмѣшательство императора Николая совершенно безкорыстно—и были правы въ этомъ случаѣ: русское правительство было отнюдь не прочь получить „два каменистыхъ уголка на Босфорѣ“—и остаться въ нихъ навсегда. Только нѣсколько наивная лояльность генерала Муравьева, не сумѣвшего прочесть между строкъ въ своихъ инструкціяхъ—а нѣкоторыхъ вещей николаевскіе дипломаты не рѣшались все же написать прямо, всѣми буквами—помѣшала осуществленію этого проекта. Турки стали требовать удаленія нашего флота—имъ въ этомъ отказали, ссылаясь на неблагоприятныя вѣтры, не дающіе судамъ выбраться изъ Босфора; тѣмъ временемъ русскіе офицеры тщательно изучали мѣстность, строили укрѣпленія. Не было другого средства избавиться отъ русскихъ, какъ заключить миръ съ Мегметомъ-Али: Порта рѣшила, что лучше потерять Сирію, чѣмъ дать Россіи прочно засѣсть на берегахъ Босфора. Неожиданнымъ послѣдствіемъ русскаго вмѣшательства оказалось то, что Махмудъ согласился на всѣ желанія своего мятежнаго губернатора,—далъ даже больше, чѣмъ просилъ Мегметъ-Али, въ послѣднюю минуту подъ вліяніемъ Франціи понизившій свои требованія.

Попытка захватить Босфоръ въ качествѣ „друга“ потерпѣла такую же неудачу, какъ и попытка овла-

дѣть имъ въ качествѣ врага въ 1828 году. Притомъ не было никакой надежды на то, чтобы турки когда-нибудь еще обратились къ нашему „дружескому“ содѣйствію. Вновь назначенный главноначальствующій русскими силами на Босфорѣ, гр. Орловъ—одинъ изъ самыхъ близкихъ людей Николая—вѣрно воспроизвелъ настроеніе Порты тотчасъ по заключеніи мира, сказавъ, что „вольною волею турки не позовутъ насъ, а если мы придемъ, то это будетъ равносильно объявленію имъ войны“. Оставалось прикрыть свою неудачу пышными фразами—и это, наконецъ, удалось въ совершенствѣ. Султану были непріятны и опасны, собственно, конкретныя проявленія русской дружбы,—въ родѣ линейныхъ кораблей черноморскаго флота передъ Буюк-Дере. Слыть другомъ русскаго императора—было бы несомнѣннымъ козыремъ въ оттоманской политикѣ на будущее время. Заключенный Орловымъ съ Портой Ункіаръ-Искелесскій *) договоръ свидѣтельствовалъ торжественно передъ всею Европой, что между Россіей и Турціей установленъ вѣчный миръ, дружба и союзъ. Императоръ Николай „въ слѣдствіе искреннѣйшаго желанія обезпечить существованіе, сохраненіе и полную независимость блистательной Порты“ обѣщаль, въ случаѣ надобности, предоставить въ ея распоряженіе необходимое количество сухопутныхъ и морскихъ силъ и содержать ихъ на своей

*) Такъ называлась мѣстность, гдѣ стояли русскія войска: договоръ, собственно, былъ подписанъ въ Константинополѣ.

счетъ. Турція со своей стороны обязывалась не пускать иностранныхъ военныхъ кораблей черезъ Дарданеллы.

Реальное значеніе для Россіи имѣлъ лишь послѣдній пунктъ—но Муравьевъ совершенно основательно сомнѣвался, чтобы у турокъ хватило силъ исполнить принятое ими на себя обязательство: ни прежде, ни послѣ дарданелльскія батареи не въ состояніи были задержать эскадры, которая твердо рѣшила прорваться. Все остальное было лишь тѣмъ барабаннымъ боемъ, который замаскировываетъ отступление. Императоръ Николай, повидимому, самъ въ глубинѣ души сознавалъ это: въ послѣднемъ, третьемъ, фазисѣ своей восточной политики онъ старается добиться своего не путемъ навязыванья въ дружбу къ султану, а посредствомъ соглашеній съ другими державами, имѣвшими интересы на Востокѣ. Это—періодъ русско-англійскаго союза, изъ котораго столько пользы сумѣла извлечь Англія и никакой—Россія.

Соглашенія съ другими европейскими державами по турецкимъ дѣламъ, несомнѣнно, были отступленіемъ отъ традиціонной политики русскаго двора на Востокѣ. Русскіе государи постоянно оберегали свою полную независимость въ сношеніяхъ съ султаномъ. Отступление отъ этого принципа въ 1807 году было однимъ изъ униженій, какія принесъ Александру Павловичу Тильзитскій трактатъ. Соглашенія 1826—27 гг. по греческому вопросу не касались непосредственныхъ отношеній Россіи и султана—и Николай началъ войну съ Турціей, вовсе не считаясь съ

этими соглашениями. Если теперь онъ пошелъ на уступки въ этой области, то это могло значить только, что и для него „побѣдоносный“ Ункіарь-Искелесскій договоръ по существу былъ дипломатической неудачей, и онъ, скрѣпя сердце, долженъ былъ отложить въ сторону свою гордость, заискивая передъ тѣми, къ которымъ онъ хотѣлъ бы командовать. Разъ захватъ не удался въ одиночку—не попытать ли найти въ этомъ дѣлѣ товарищей? По старой привычкѣ, ближайшей заинтересованной стороною считалась Австрія. Уже лѣтомъ 1833 года, посылая свой флотъ и свои войска къ Босфору, Николай зондировалъ почву въ этомъ направленіи. Въ бесѣдѣ съ австрійскимъ посломъ онъ не скрылъ отъ него, какъ тяжела ему жертва, имъ приносимая—помощь Турціи. И, можетъ быть, еще изъ этой жертвы ничего не выйдетъ. „Я желалъ бы поддержать Турецкую имперію; если она падетъ, то я ничего не хочу изъ ея обломковъ. Мнѣ ничего не нужно... Какъ же поступить? Мысль о раздѣлѣ всегда занимала державы“. Посоль отнесся къ этой мысли съ явнымъ несочувствіемъ. Тогда Николай припугнулъ его возстановленіемъ Греческой имперіи—подъ скипетромъ Оттона баварскаго: такое возвеличеніе одного изъ южно-германскихъ принцевъ, фактическихъ вассаловъ Австріи, онъ зналъ, не можетъ понравиться Меттерниху, — который, немного спустя, въ самомъ дѣлѣ заявилъ, что Австрія ничего подобнаго „не допустить“. Но тогда нужно же сговориться о томъ, что дѣлать? На запросы нашихъ дипломатовъ Мет-

тернихъ долго отвѣчали уклончиво: наконецъ, категорически сказали, что Константинополя Россіи не дадутъ. Казалось бы, послѣ этого ничего не оставалось, какъ воротить себѣ полную самостоятельность дѣйствій—изъ перваго же „соглашенія“, очевидно, ровно ничего путнаго для Россіи не выходило. Но послѣ уже начатыхъ переговоровъ это похоже было на разрывъ—а разорвать съ Австріей—это было слишкомъ для государя, такъ преданнаго идеямъ Священнаго Союза, какъ Николай Павловичъ. Два мѣсяца спустя послѣ заключенія Ункіаръ-Искелесскаго договора онъ отправился лично въ Австрію. Въ Мюнхенѣ была подписана формальная конвенція между императорами всероссійскимъ и австрійскимъ по восточнымъ дѣламъ (6 сентября 1833 г.). Гласной цѣлью конвенціи было „не допускать общими силами никакой комбинаціи, которая наносила бы ущербъ независимости верховной власти въ Турціи“: это было направлено главнымъ образомъ противъ Мегмета-Али, какъ и поясняла тайная статья конвенціи. Другая тайная статья предусматривала общее вмѣшательство Австріи и Россіи въ турецкія дѣла въ случаѣ, если бы султану угрожала вышеуказанная опасность. Другими словами, Австрія приобщалась къ проблематическимъ благодѣяніямъ Ункіаръ - Искелесскаго трактата,—безъ какихъ-либо соотвѣствующихъ уступокъ съ своей стороны. Обѣ дипломатіи, и австрійская и русская, хвастались побѣдой; но, кажется, послѣдняя была болѣе права.

Нѣсколькихъ лѣтъ однако было

достаточно даже для русской дипломатіи, чтобы понять, что Австрія отнюдь не является хозяйкой на Балканскомъ полуостровѣ и что дѣлать надо, во всякомъ случаѣ, не съ нею. Въ 30-хъ и 40-хъ годахъ XIX вѣка европейскій капитализмъ быстрыми шагами завоевывалъ Левантъ: Суэзскій перешеекъ еще не былъ прорытъ, но значеніе узкой полосы земли между Азіей и Африкой и ея окрестностей было вѣрно оцѣнено уже Наполеономъ въ концѣ XVIII вѣка. Изъ-за будущаго мірового пути уже загорѣлась между морскими державами борьба, грозившая стать не менѣе упорной, чѣмъ какой была борьба XVIII вѣка изъ-за колоній. Столкновенія Турціи и Египта приобрѣтали европейское значеніе именно на почвѣ этой борьбы: египетскій папа былъ постояннымъ кліентомъ Франціи, въ свою очередь въ Константинополѣ англійскіе послы были чѣмъ-то въ родѣ проконсуловъ, свергавшихъ и назначавшихъ визирей и министровъ. Торговый договоръ Англіи съ Турціей въ 1839 году былъ самымъ яркимъ символомъ побѣды европейскаго капитализма на Востокѣ. Договоръ устанавливалъ европейскія условія торговли на всемъ пространствѣ Оттоманской имперіи. Всѣ мелкія пошлины, стѣснявшія торговлю, отмѣнялись — и замѣнялись единственнымъ имперскимъ таможеннымъ тарифомъ. Монополіи также были упразднены, и, самое главное, договоръ устанавливалъ полное юридическое равенство для всѣхъ торгующихъ: иностранцы получали тѣ же права, что и подданные султана. Немного позже, поставленное англичанами министерство Решидъ-паши пред-

приняло рядъ административныхъ реформъ, имѣвшихъ цѣлью приспособить имперію султана къ потребностямъ буржуазнаго оборота.

Турки довольно легко поддавались британской опеке по очень простой причинѣ: передъ англичанами не приходилось бояться за цѣлость султанской вотчины. Слишкомъ явно было, что имъ нужны не территоріальныя пріобрѣтенія. Напротивъ, французскій кліентъ, Мегметъ-Али, былъ постоянной угрозой именно въ этомъ отношеніи — и поддерживавшая его рука Франція была такъ могущественна, что отъ нея, казалось, никто не могъ спасти, кромѣ англичанъ. Россія въ глазахъ Турціи была своего рода Мегметомъ-Али, только болѣе страшнымъ, потому что она протягивала руки прямо къ Константинополю. Австрія навсегда дискредитировала себя въ глазахъ Порты своимъ поведеніемъ въ греческомъ вопросѣ: она тогда всячески подстрекала султана не исполнять требованій трехъ союзныхъ державъ, — и довела его до Наварина и Адрианопольскаго мира. Когда вновь вспыхнула война между Турціей и Египтомъ (въ томъ же 1839 году), Порта ни на кого больше не надѣялась, кромѣ Англіи — и надѣялась не напрасно: несмотря на всѣ блестящія побѣды египетскихъ войскъ, Мегметъ-Али быстро сдался, какъ только англійскій флотъ вмѣшался въ дѣло. А его покровительница, Франція, не рѣшилась сдѣлать этого съ своей стороны, потому что на сторонѣ Англіи былъ въ это время весь европейскій континентъ, — считая въ томъ числѣ и Россію.

Здѣсь не мѣсто описывать исторію

шумнаго кризиса, едва не приведшаго къ войнѣ на Рейнѣ — и воскресившаго во Франціи наполеоновскую легенду, издавѣка подготовивъ тѣмъ второму Бонапарту. Для насъ интересно только, какимъ образомъ императоръ Николай сталъ союзникомъ Пальмерстона, — того самаго Пальмерстона, который за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ былъ въ его глазахъ сѣятелемъ всякаго революціоннаго нечестія — и съ которымъ онъ долженъ былъ воевать нѣсколько лѣтъ спустя. Когда впервые возникъ вопросъ о защитѣ Турціи и, въ частности, Константинополя союзными силами европейскихъ державъ — и, въ связи съ этимъ, о занятіи ихъ эскадрами Дарданеллъ (вопреки яному смыслу Ункіаръ-Искелесскаго трактата), первымъ чувствомъ русскаго императора было негодованіе — а его первымъ движеніемъ — защищать пограничный трактатъ 1833 года. Россія рѣшительно отказалась принять участіе въ общеевропейскомъ выступленіи *). „Вопросъ о закрытіи Дарданеллъ составляетъ для насъ вопросъ чести“, писалъ Нессельроде, „и мы обязаны защищать его во что бы то ни стало, никогда не останавливаясь ни передъ какой жертвой... Рѣшенія государя по этому предмету приняты безповоротно разнавсегда“. Но западныя державы въ это время уже успѣли привыкнуть къ непреклонному виду императора Николая — и на этотъ разъ не обратили на русскія заявленія никакого вниманія. Мало того, — онѣ сумѣли заставить

*) Въ немъ приняли участіе: Англія, Австрія — также коммерчески заинтересованная въ сохраненіи Турціи, Пруссія и, постоянно колебавшаяся, Франція.

русского посланника въ Константинополѣ подписаться подъ общимъ обращеніемъ къ Мегмету-Али вмѣстѣ съ представителями Англіи и Франціи. На мѣстѣ, такимъ образомъ, русская дипломатія приняла участіе въ шагахъ, которые высшее дипломатическое начальство признавало принципиально недопустимыми. Въ „непреклонность“ Николая не особенно вѣрили даже его собственные дипломаты....

И они были совершенно правы: почти одновременно съ высокомерными заявленіями Нессельроде доверенное лицо императора Николая, баронъ Брунновъ, отправился искать у Англіи помощи и союза именно въ турецкихъ дѣлахъ. Въ Лондонѣ Брунновъ, по словамъ Пальмерстона, говорилъ, что его государь вполне согласенъ съ англійскими видами по отношенію къ дѣламъ Турціи и Египта. Что онъ приметъ участіе во всѣхъ мѣрахъ, признанныхъ необходимыми для приведенія этихъ видовъ въ исполненіе. Что „если мѣры, принятія Мегметомъ, будутъ угрожать опасностью Константинополю и вызовутъ какія-либо морскія, или военныя операціи на Босфорѣ или въ Малой Азіи, то онъ надѣется, что операціи эти будутъ предоставлены ему“,—а сами англичане возьмутъ на себя исполненіе того, что окажется нужнымъ въ Средиземномъ морѣ или вдоль береговъ Сиріи и Египта. О Дарданеллахъ больше не было рѣчи—и въ заключеніе своихъ предложеній русскій уполномоченный формально обѣщалъ упраздненіе Ункіарь-Искелесскаго договора.

Какъ видимъ, Николай Павловичъ началъ терпѣть униженія не подѣ

стѣнами Севастополя. Во Франціи не хотѣли вѣрить, что русское правительство до такой степени отречется отъ всѣхъ своихъ прежнихъ словъ и дѣйствій. Но, говорить историкъ внѣшней политики императора Николая, „въ концѣ декабря 1839 года баронъ Брунновъ вторично прибылъ въ Лондонъ и вручилъ лорду Пальмерстону планъ совокупнаго дѣйствія великихъ державъ, *тщательно соображенный со всеми мнѣніями, видами и даже надеждами англійскаго министра*“ *). Россія поступала на службу Англіи не менѣе добросовѣстно, чѣмъ это было въ дни первой коалиціи противъ Наполеона. Пальмерстонъ могъ теперь выступить противъ французскаго кліента, ничѣмъ болѣе не стѣсняясь,—и судьба Мегмета-Али была рѣшена.

Въ итогѣ пятнадцатилѣтней борьбы за первенство на берегахъ Босфора, Лондонская конференція 1841 года положила конецъ „исключительному протекторату Россіи надъ Портой“, говоря словами Пальмерстона. Неприкосновенность Турціи была гарантирована пятью великими державами: въ случаѣ новой опасности, султану уже не было надобности прибѣгать къ страшной для него помощи своего сѣвернаго сосѣда. Напротивъ, онъ могъ теперь обратиться къ защитѣ всѣхъ остальныхъ державъ противъ самой Россіи. Мы знаемъ, что онъ и воспользовался этимъ въ 1854 году: лондонскія соглашенія начала 40-хъ годовъ подготавливали Крымскую кампанію.

Но надежда живуча въ сердцѣ человека: Николай Павловичъ долго

*) Татищевъ, назв. соч., стр. 498.

не хотѣлъ вѣрить, что онъ проигралъ свою дипломатическую кампанію,—какъ пятнадцать лѣтъ спустя онъ долго не признавался въ своей военной неудачѣ. Ему казалось, что соглашеніе съ Англіей очень подвинуло впередъ вопросъ о раздѣлѣ Турціи. Если дѣло тянется, то виноваты неумѣлые или недобросовѣстные посредники: стоитъ переговорить лично — и всѣ недоразумѣнія устранились. Въ 1844 году онъ поѣхалъ въ Англію. „Я пріѣхалъ сюда не съ политической цѣлью“, говорилъ онъ королевѣ Викторіи и ея мужу. Тѣмъ не менѣе разговоры, которые онъ велъ съ англійскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ были несомнѣнно политическіе: они вертѣлись все около той же навязчивой идеи русскаго императора. „Турція умираетъ“, толковалъ онъ, „сколько бы мы ни старались спасти жизнь ея, мы въ этомъ не успѣемъ. Она умереть, не умереть ей нельзя, это

будетъ критическая минута“. Боже сохрани, конечно, говорить о раздѣлѣ наслѣдства умирающаго: „я не хочу ни единого вершка турецкой земли“. Тѣмъ не менѣе „необходимо условиться на справедливыхъ основаніяхъ, установить вполне искренно добросовѣстное соглашеніе“... Но британскій кабинетъ находилъ, очевидно, совершенно достаточными лондонскія соглашенія 1841 года — и ни въ какіе частные договоры съ русскимъ императоромъ вступить не пожелалъ.

Назрѣвали уже однако событія, которыя должны были дать рѣзкій толчокъ всѣмъ европейскимъ отношеніямъ — и на короткое время вновь сдѣлать русскаго императора вершителемъ судебъ не одной Турціи. Приближалась февральская революція — непосредственная виновница и послѣднихъ успѣховъ и заключительной катастрофы Николаевского царствованія.

Библиографія.

ВВЕДЕНИЕ. РОССИЯ ВЪ КОНЦѢ XVIII В.

Источники. *Кн. Щербатовъ.* Сочиненія. I—II тт. СПб. 1901—4. *А. И. Радищевъ.* Путешествіе изъ Петербурга въ Москву. 1888 г. СПб. *А. Д. Болотовъ.* Жизнь и приключенія Андрея Болотова, описанныя имъ самимъ для своихъ потомковъ. 4 т. СПб. 1871—73 гг. *Письма Императора Александра I* и другихъ особъ царствующаго дома къ Ф. Ц. Лагарпу (Сбор. Русск. Истор. Об-ва, т. V). Дневникъ *Храповицкаго* 1782—1793. Изд. И. П. Барсукова. СПб. 1874 („Русск. Арх.“ 1901 г.). Записки о Екатеринѣ Великой кавалера *А. М. Грибовскаго*. Изд. М. П. Погодина. М. 1847 г. Записки *Державина*. Академическое изданіе сочиненій Державина, 9 т., 1884 г. СПб., и отдѣльныя изданія.

Общія сочиненія. *В. И. Семевскій.* Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II. 2 т. СПб. 1901 г. *Ею же.* Крестьянскій вопросъ въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка. *Ею же.* Изъ исторіи общественныхъ теченій въ Россіи въ XVIII вѣкѣ и первой половинѣ XIX вѣка („Историческое Обзоріе“, т. IX). *Ею же.* Статьи на ту же тему въ „Быломъ“ 1906 г.

М. Туланъ-Барановскій. Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ, Т. I, гл. I—III. *А. Лаппо-Дамилевскій.* Русскія торговля и промышленныя компаніи въ первой половинѣ XVIII ст. („Журн. Министр. Народн. Просвѣщ.“ 1898—99). *А. Семеновъ.* Изученіе историческихъ свѣдѣній о русской торговлѣ и промышленности съ половины XVII ст. по 1858 г. СПб. 1859 г. 3 ч. *Романовичъ-Славатинскій.* Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII вѣка до отмены крѣпостного права. СПб. 1870. *Н. Дитятинъ.* Устройство и управленіе городовъ въ Россіи. Т. I. Города въ XVIII ст. СПб. 1875 г. *А. Д. Градовскій.* Высшая администрація XVIII вѣка и генераль-прокуроры. (Собр. соч. т. 2, СПб. 1866 г.). *Ею же.* Исторія мѣстнаго управленія въ Россіи. *Ө. М. Дмитриевъ.* Сперанскій и его государственная

дѣятельность. (Собр. соч., т. II. М. 1900 г.) *А. А. Васильчиковъ.* Семейство Разумовскихъ. СПб. 1880—87 гг.

ГЛАВА I.

Павелъ I.

Источники. *Schiemann.* Die Ermordung Pauls und die Thronbesteigung Nicolaus I. Berlin. 1902. Записки современниковъ: *Вашилова* („Заря“, 1871, XII), *Гейкина* („Р. Ст.“, 1837), *Державина* (Сочиненія, т. VI. СПб. 1871), *Екатерины II* (1906 г.), *Гр. Дашверова* („Р. Ст.“ 1895), *Долухина* („Рус. Арх.“ 1884), *Реймерса* („Рус. Ст.“ 1883), *Гр. Рибоньера* („Рус. Арх.“ 1877), *Облукова* („Рус. Арх.“ 1869, II), *Туренева* („Р. Стар.“ 1885—7, 1889, 1895), *Фонвизина* (Семевскій, Богучарскій и Щеголевъ. Общественныя движенія въ Россіи въ первой половинѣ XIX вѣка. СПб. 1905 г.)

Общія сочиненія: *Дм. Кобеко.* Цесаревичъ Павелъ Петровичъ. 1754—1796. 3-е изд. СПб. 1887. *Шмидеръ Н.* Императоръ Павелъ I. СПб. 1901 г. *Брикнеръ А.* Смерть Павла I (русс. перев. съ введ. В. И. Семевскаго). СПб. 1905 г. *Евгеній Шумигорскій.* Павелъ I (Рус. Биограф. Словарь), СПб. 1902. *В. Семевскій.* Пожалованіе населенныхъ имѣній при императорѣ Павлѣ I („Рус. Мысль“, 1882, XII). *Bernhardi F. T. von.* Geschichte Russlands in der europäischen Politik 1817—31. 3 т. Лейпц. 1877. *А. Петрушевскій.* Генералиссимусъ князь Суворовъ, 3 т. СПб. 1884 г. *В. Билбасовъ.* Исторія Екатерины II. Т. 1 и 2. СПб. 1890—1891 гг. Т. XII. Берлинъ. 1896 г. *Е. Шумигорскій.* Екатерина Ивановна Нелидова. СПб. 1897 г. *Е. Шумигорскій.* Императрица Марія Ѳеодоровна. Т. I. СПб. 1892 г. *А. Пятинъ.* Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I (2 изд. СПб. 1885 г.). *Лебедевъ.* Преобразование русской арміи въ царствованіе императора Павла Петровича („Р. Ст.“ 1877 г., т. XVIII). *Милотинъ.* Исторія войны 1799 г. *Корсаковъ.* Вспареніе императора Павла („Ист. Вѣст.“ 1906 г.).

ГЛАВА II.

Александръ I.

Общая исторія. *М. Н. Богдановичъ.* Исторія царствованія Александра I и Россіи въ его время, 6 т. СПб. 1869—71 гг. *Н. Шильдеръ.* Александръ I, 4 тт. СПб. 1897. *Н. Шильдеръ.* Александръ I (ст. въ I томѣ „Русскаго Біографическаго Словаря“). *Е. Шумиорскій.* Императрица Марія Ѳеодоровна. СПб. 1892 г. *Ф. А. Терновскій.* Характеристика императора Александра I. Кіевъ. 1878 г. *Николай Гречъ.* Біографія императора Александра I. СПб. 1835 г. *Сергій Глинка.* Исторія жизни и царствованія Александра I. М. 1828 г. *Ch. Eynard.* Vie de madame de Krüdener. Парижъ. 1849 г. *А. И. Пилингъ.* Г-жа Криденеръ („В. Евр.“ 1869 г., VIII и IX). *Великій князь Николай Михайловичъ.* Старецъ Ѳеодоръ Кузьмичъ („Ист. Вѣст.“ 1907 г.) *Schiemann.* Geschichte Russlands unter Kaiser Nicolaus I. Vol. I. Kaiser Alexander I und die Ergebnisse seiner Lebensarbeit. Berlin. 1901 г.

Внутренняя политика. *А. Пилингъ.* Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I. СПб. 1900 г. *Великій князь Николай Михайловичъ.* Графъ П. А. Строгановъ, 3 т. СПб. 1903 г. *Н. Тургеневъ.* La Russie et les russes (русскій переводъ неполный—„Россія и Русскіе“, изд. 1907 г.). *Сперанскій.* Планъ Государственнаго преобразования. М. 1905 г. *Середоминъ.* Историческій обзоръ дѣятельности Комитета Министровъ, т. I. СПб. 1902 г. *Щемеровъ.* Государственный Совѣтъ въ Россіи. 2 т. Ярославль. 1892—5. *Корфъ.* Жизнь графа Сперанскаго. 2 т. СПб. 1861 г. *С. Южаковъ.* Сперанскій (Біограф. бібліотека Павленкова). *Иконниковъ.* Графъ Мордвиновъ. СПб. 1873 г. *Градовскій.* Высшая администрація. *Schiller.* Histoire intime de la Russie sous les Empereurs Alexandre et Nicolas. 2 т. Paris.

Вигель. Воспоминанія Филиппа Филипповича В. Москва. 1866 г. *Н. М. Карамзинъ.* Записка о древней и новой Россіи въ ея политическомъ и гражданскомъ отношеніяхъ („Рус. Архивъ“ 1870 г.).

ГЛАВА III.

Декабристы.

Источники. *Никита Муравьевъ.* Разборъ донесенія Слѣдственной Комиссіи въ 1826 г. *Лукинъ.* Взглядъ на тайное общество въ Россіи 1816—1826 гг. Записки *И. И. Горбачевскаго* („Рус. Арх.“ 1882 г.). Записки *Басаргина* (Девяти, вѣкъ, 1 ч.). Воспоминанія декабриста *А. С. Гамеблота* (М. 1888 г.). „Записки декабриста“ (бар. Розена). 1870 г. *Воспоминанія декабриста* (А. С. Вѣляева) о пережитомъ и пережитомъ, 1805—

1850 гг. СПб. 1882 г. *Завалишинъ.* Записки декабристовъ. 1-е рус. изд. СПб. 1906 г. „Записки декабриста Д. И. Завалишина“ *В. Богучарскаго.* München. 2 т. Записки декабриста кн. *С. П. Трубецкаго.* СПб. Изд. ред. журн. „Всемирный Вѣстникъ“. 1906 г. *И. И. Пестель.* Русская Правда. Наказъ Временному Верховному Правленію. Подлинный текстъ. Редакція и предисловіе П. Е. Щеголева. 1896 г. СПб. *Государственный преступленія въ Россіи* въ XIX в., подъ редакц. В. Богучарскаго. Т. I. (Донесеніе Слѣдствен. Комиссіи, донесеніе варшавск. Слѣд. К-та и др. офиц. документы). *А. К. Бороздинъ.* Изъ писемъ и бумагъ декабристовъ. *М. Довнаръ-Запольскій.* Мемуары декабристовъ. *Шиманъ.* Къ исторіи царствованія Павла I и Николая I. *Семевскій.* *Богучарскій и Щеголевъ.* Общественное движеніе въ Россіи въ первой пол. XIX вѣка. Кн. I. *Записки декабристовъ:* Якушкина, ф.-Визина, Оболенскаго, Штейнгеля, Пущина, Лукина, Муравьева, Волконскаго и Лорера. Въ упомянутой выше книгѣ Шимана между прочимъ напечатаны воспоминанія М. Бестужева о 14 дек., воспом. Фаленберга, воспом. К. Голодниковой (не декабриста)—„Декабристы въ Тобольской губ.“, выписка изъ дневн. шт.-рот. Каульбарса о дѣйствіяхъ конной гвардіи и др. матеріалы.

Общія сочиненія. *Корфъ.* Восшествіе на престолъ Николая I. *Богдановичъ.* Исторія Александра I. Т. VI. *Шильдеръ.* Исторія Александра I (т. IV) и Николая I (т. I). *Герценъ.* La conspiration russe en 1825 г. (отчасти въ сборникѣ Бурцева „За 100 лѣтъ“). *Плещановъ.* 14 дек. 1825 г. *В. Е. Якушкинъ.* Государственная власть и проекты государственной реформы въ Россіи. Съ приложеніемъ проекта конституціи Никиты Муравьева. СПб. 1906 г. *Пилингъ.* Обществ. движеніе.

Монографіи и отдѣльныя статьи. *Щемеровъ.* Первый декабристъ Раевскій. Пестель передъ Верховнымъ Судомъ *Н. П. Сильванскаго.* „Былое“ 1906 г. *Дмитріевъ-Момоновъ А.* Декабристы въ Западной Сибири. Историческій очеркъ по офиц. документамъ. Съ портр. СПб. 1905 г. *Котляревскій Н.* Декабристы кн. А. И. Одоевскій и А. Я. Бестужевъ-Марлинскій, ихъ жизнь и литерат. дѣят. СПб. 1907 г. *Покровский В.* Жены декабристовъ. Сборн. историко-бытов. статей. М. 1906 г. *Декабристы.* 86 портретовъ, видъ Петровскаго завода и 2 бытовыхъ рисунка того времени. Пояснительный біографическій текстъ П. Головачева. Вступительная статья В. Мякотина. М. 1906 г. *Довнаръ-Запольскій М.* Идеалы декабристовъ. М. 1907 г.

Довнаръ-Запольскій М. Мемуары декабристовъ (Записки, письма, показанія, проекты конституціи, извлеченные изъ слѣдств. дѣла, съ вводной статьей). Кіевъ.

Довнаръ-Запольскій М. Тайное общество декабристовъ. Историч. очеркъ. М. 1906 г.

ГЛАВЫ IV—VII.

См. библиографию къ II части, гл. I.

ГЛАВА VIII.

Польша въ первой полови- нѣ XIX вѣка.

Tadeusz Korzon. Wewnętrzne dzieje Polski za Stanisława Augusta. *Aleksander Kraushar.* Książę Repnin; Polska w pierwszym czteroleciu panowania Stanisława Augusta. *I. I. Kraszewski.* Polska w czasie trzech rozbiorów. 1772—1799. *Wal. Kalinka.* Ostatnie lata panowania Stanisława Augusta. *Костомаровъ.* Послѣдніе годы Рѣчи Посполитої. *Одольевъ.* Исторія паденія Польши. *S. Aszkenez.* Dwa stulecia. *Le comte d'Angeberg.* Recueil des Traités, Conventions et actes diplomatiques concernant la Pologne 1762—1862. *Wal. Kalinka.* Sejm czteroletni. *Wł. Smoleński.* Ostatni rok sejmów wielkiego. Его же. Konfederacja Targowicka. *Roman Pilat.* O literaturze politycznej sejmów czteroletnich. *Oswald Balzer.* Reformy społeczne i polityczne konstytucyj 3-go Maja. *Stanisław Smolka.* Stanowisko mocarstw w obec konstytucji 3-go Maja. *Koźłataj.* O ustanowieniu i upadku konstytucji 3-go Maja 1791 roku. *Korzon.* Kościuszkowski, życiorys, z dokumentów osnuty. *F. Smitt.* Die Theilung Polens in den Jahren 1773, 1793, 1796 und 1815. *Ferrand.* Histoire de trois démembrements de la Pologne. *Zajączek.* Histoire de la révolution de Pologne en 1794, par un témoin oculaire. *Raumer.* Polens Untergang. *Leonard Chodźko.* Histoire des Légions polonaises en Italie. *Fryderyk hr. Skarbek.* Dzieje księstwa Warszawskiego. *Wł. Smoleński.* Rządy pruskie na ziemiach polskich. 1793—1807. *Rembowski.* Przyczynek do dziejów konstytucyjnych księstwa Warszawskiego. *Waw. Surowiecki.* O upadku przemysłu i miast w Polsce. *Lelewel.* Polska odradzająca się. *Niemcewicz.* Pamiętniki. Tom I, II. *Ogiński.* Mémoires. *Koźmian.* Pamiętniki. *Fryd. hr. Skarbek.* Królestwo Polskie od epoki początku swego do rewolucji listopadowej. *Stanisław Barzykowski.* Historia powstania listopadowego. *Maurycy Mochnacki.* Powstanie narodu polskiego w r. 1830 i 1831. *Hirschberg.* Zbiór pamiętników do historii powstania 1830 i 1831. *Lud. Mierostawski.* Powstanie narodu polskiego w r. 1830 i 1831. *Ign. Prądzyński.* Pamiętnik historyczny i wojskowy o wojnie polsko-rosyjskiej w r. 1831. *Кн. Щербатовъ.* Генераль-фельдмаршалъ кн. Паскевичъ. Томъ IV. *Józef Soltyskiewicz.* O przyczynach wewnętrznych i najbliższych między włościan naszych (1815). *Jan Ludwik Żukowski.* O państwie i fizycznym stanie ludu naszego (1830). *Teod. Morawski.* Dzieje narodu Pol-

skiego. Tom VI. (Polska pod obcym panowaniem). *Piotr Chmielowski.* Historia literatury polskiej. Tomy III, IV, V. *Wł. Grabieński.* Dzieje narodu polskiego. Część II. *Wiktor Helman.* Demokracja polska na emigracji.

ГЛАВА IX.

Прибалтійскій край въ первой пол. XIX ст.

„Прибалтійскіе сборники“. Тт. I—IV (сборники матеріаловъ по исторіи Прибалтійскаго края). Рига. 1878—80 гг. *Archiv für Geschichte Liv-Esth-Curlands*, v. Bunge. I—VIII, 1840—49. гг. *Budberg.* Wie die persönliche Freyheit den Bauern des Livl. Gouvernements zuertheilen wäre. Riga. 1817. *Storch.* Russland unter Alexander I. Riga. 1804 r. *H. v. Hagemeister.* Materialien zu einer Geschichte der Landgüter Livlands. *W. v. Bock.* Livländische Beiträge. 1870 r. Leipzig. *G. Engelhardt.* Vom Zustande der Bauern in Liv-und Esthland. Mitau. 1818 r. Programm. Nachrichten über den Zustand der Schulanstalten des Mitauischen Schulkreises, I—II. Mitau. 1805—6 rr. Abhandlungen aus und zu der Veranschlagung der Bauernländerien in Liv-und Curland. Mitau. 1835. *O. Müller.* Das Livländische Agrargesetzgebung. Riga. 1892 r. Матеріалы къ изученію аграрныхъ условій Лифляндіи, изд. Ландратской Коллегіи. Рига. 1885. *v. Kampenhausen.* Der Bauernlandverkauf auf den Privatgütern Curlands in den Jahren 1804—72. *A. Орановскій.* Матеріалы для географіи и статистики Россіи. Курляндская губернія, изд. Главнаго Штаба. СПб. 1868 r. *Веймаръ.* Лифляндская губернія. Матеріалы для географіи и статистики Россіи. СПб. *O. Schmidt.* Rechtsgeschichte Liv-Esth-Curlands. Юрьевъ. 1894 r. *М. Харузинъ.* Балтійская конституція. Москва. 1888 r. *Г. Поссартъ.* Къ исторіи православія въ Прибалтійскомъ краѣ. Рига. 1892 r. *F. Bunge.* Liv-Esth-Kurländische Urkundenbuch. Ревель. 1853—73 rr. *S. Busch.* Beiträge zur Geschichte und Statistik der Kirchen und Schulwesen der Ev.-lutherischen Gemeinden in Russland. *I. Kohl.* Die Völker Europas. *Hüeck.* Darstellung der landwirthschaftlichen Verhältnisse in Esth-Liv-und Kurland. 1845 r. *Chr. Brockhausen.* Likkumi Widseemes Semsekeem doti. Mitau. 1820 r. *V. Samson.* Historischer Versuch über die Aufhebung der Leibeigenschaft in den Ostseeprovinzen. *Gulecke.* Geschichte des Livländischen Volksschulwesens. Stryk. Beiträge zur Geschichte der Rittergüter Livlands. 2 Theile. Dresden. 1885 r. *Bunge.* Erörterung aus den in Liv-Kur-und Esthland geltenden Rechten. 1839—49 rr. *Fischenhausen.* Erste Fortsetzung von

Materialien zur Gütergeschichte Livlands. Riga. 1843 г. *G. v. Buddenbrock*. Beiträge zur Kenntniss der Provinzialverfassung und Verwaltung Livlands. СПб. 1804 г. *v. Bunge*. Geschichte des Liv-Esth-und Kurlands Privatsrechts. СПб. 1862 г. *von N. N. Baltische* Zustände. 1863 г. *Ernst Nolcken*. Russland hat allein noch die Wahl. Berlin. 1857 г. *A. Buddens*. Halbrussisches. Leipzig. 1847 г. *Hollman*. Die Volksschule in Livland. Dorpat. 1875 г. *J. Eckardt*. Jungrossisch nud Altlivländisch. Leipzig. 1876 г. *J. Eckardt*. Die Baltischen Provinzen Russlands. Leipzig. *Derschau und Kayserling*. Beschreibung der Provinz Kurland. Mitau. 1805 г. Сочинения *Ю. Самарина*. Т. I—VIII. *A. Тобинъ*. Аграрное законодательство Лифляндии въ XIX ст. *Bunge*. Brieflade. *O. Ruthenberg*. Edelman und Bauer. *O. Ruthenberg*. Mecklenburg in Kurland. *G. Merkel*. Die freien Letten und Esthen. Mittheilungen der Gesellschaft für Geschichte Liv-Esth-Curlands. 13 томовъ. 1836 г. *G. Rennekampf*. Bemerkungen über die Leibeigenschaft in Livland und ihre Aufhebung. *K. Paucker*. Esthlands Landgüter. *J. Sivers*. Zur Geschichte der Bauernfreiheit in Livland. Riga. 1878. *J. Eckardt*. Juri Samarin's Anklage gegen die Ostseeprovinzen. Leipzig. 1869. *Schirren*. Livländische Antwort. Leipzig. 1869. *Аксаковъ*. Прибалтийскій вопросъ. Москва. *Полное Собрание Законовъ*. Томъ XXXVI, прилож. №№ 27, 735, пар. VIII. *Mellin*. Noch einiges über die Bauernangelegenheiten in Livland. *Bunge*. Geschichtliche Entwicklung der Standesverhältnisse in Liv-Esth-Kurland. *Friede*. Bemerkungen über Liv-und-Esthland. *Fr. Rosin*. Latweeschu Semnecks. Riga. 1906 г.; и мн. др.

Кромѣ того, массу интересныхъ статистическихъ свѣдѣній, матеріаловъ и статей можно найти въ слѣдующихъ периодическихъ изданіяхъ, газетахъ, журналахъ, альманахахъ, ученыхъ запискахъ и т. п.: *Dorpatener Kalender* за 1877 г. „*Rigasche Handelszeitung*“ за 1862 г. (I полугодіе) и др. годы. *Livländisches Magazin*, Kampenbausen. Gotha. 1803 г. „*Kurländisches Provinzialblatt*“, за 1810—11 гг. Mitau. „*Mitauscher Almanach*“. 1800—1802 гг. Mitau. *Geopolitika*. Ökonomisches Monatsschrift, за 1798—99 гг. Mitau. I-ый годъ—6 выпусковъ, II-ой годъ—12 выпускъ. „*Ruthenia*“, період. изданіе, 1811 г. выход. въ Ригѣ и Митавѣ; 1807—10 гг.—въ Митавѣ и Петербургѣ; 12 томовъ, изд. *Albers u. Gebrüder*. „*Nordischer Almanach*“. Рига. 1806—1809 гг. Записки Академіи Наукъ за 1859 г. СПб. „*Magazin*“, період. сборники, изд. въ Митавѣ съ 1829 г., за 1829—62 гг. Латвийская газета „*Mabjas Weesis*“ за 1898 г. „*Baltische Wochenschrift*“ за разн. годы. „*Отечественныя записки*“ за 1867 г., статья „*Экономическій и правственный бытъ балтійскихъ крестьянъ*“. *Mitauscher Kalender*, за 1809—1860 гг. *Statistisches Jahrbuch für*

das Gouvernement Kurland за 1860 г. Журналъ „*Ausland*“ за 1871 г. Латвийскій энциклопедическій словарь (*Latweeschu Konversazijas Wahrdrniza*). „*Rigasche Stadtblätter*“ за 1810—21 гг. Рига. „*Livländische Schulblätter*“ за 1813—15 гг. „*Freymütiger*“, журналъ изд. Г. Меркеля, 1807 г. „*Zuschauer*“, изд. Меркеля, за 1817 г. „*Neue Inländische Blätter*“, за 1817—19 гг. Dorpat (Юрьевъ). „*Inländische Blätter*“. Riga. 1814—17 гг. Газета „*Inland*“, съ 1837 по 1862 г., подъ ред. проф. Бунге. „*Zeitung für Stadt und Land*“. Riga. 1872 г. „*Latweeschu Awises*“ (латышская газета) выходитъ въ Митавѣ съ 1829 г. „*Rigascher Almanach*“. 1866—69 гг. Много свѣдѣній имѣется въ слѣд. латышскихъ газетахъ и журналахъ: „*Baltijas Westnesis*“, газета за 1890—1906 гг., „*Deenas Lapa*“—ежедневная газета за 1890—1905 гг. Журналъ „*Austrums*“—ежемесячн. 1880—1905 гг. Газета „*Mahjas Weesis*“—за 1890—99 гг. Журналъ „*Mahjas Weesa Mehneschraksts*“ за 1899—1904 гг. Газета „*Balfs*“, за 1889—95 гг. Газета „*Tebwija*“, за 1890—99 гг. Газета „*Peterburgas Awises*“—за 1868 г., а затѣмъ за 1902—1905 гг. Газета „*Semkapis*“, за 1890—1900 гг. Сборникъ „*Pubrs*“ и другіе. Имѣются также нѣкоторые свѣдѣнія въ слѣдующихъ нѣмецкихъ периодическихъ изданіяхъ—„*Düna Zeitung*“, газета; „*Libausche Zeitung*“, газета; „*Rigaer Tageblatt*“, „*Rigasche Rundschau*“ и др. Schriften der Kurländischen Gesellschaft für Litteratur und Kunst, за 1819—47 гг. „*Baltische Monatsschrift*“, съ 1880 г. Revel; и мн. др.

ГЛАВА X.

Университеты въ первой половинѣ XIX в.

„Сборникъ распоряженій по министерству народнаго просвѣщенія“ за 1802—73 гг. СПб. 1866—73. „Сборникъ постановленій по м. п. пр.“ за 1802—88 гг. СПб. 1864—94.

С. Рождественскій. Историческій обзоръ дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія. 1802—1902 гг. СПб. 1902 г. *С. Рождественскій*. Университетскій вопросъ въ царствованіе императрицы Екатерины II и система народнаго просвѣщенія, по уставамъ 1804 года („Вѣст. Евр.“ за 1907 г., кн. 7—8). *С. Рождественскій*. Словесный вопросъ въ русскихъ университетахъ въ первой четверти XIX в. („Ж. Мин. Нар. Пр.“ 1907 г., 5; и отдѣльно, СПб. 1907 г.) *Десятилетіе* министерства народнаго просвѣщенія: 1833—1843 (записка, представленная государю министр. Уваровымъ). СПб. 1864. *П. Фермодинъ*. Историческій обзоръ мѣръ по высшему образованію въ Россіи. Вып. I. Академія наукъ и университеты. Саратовъ. 1894 г. *В. Иконниковъ*. Русскіе университеты въ связи съ ходомъ общественаго образованія („Вѣстн. Европы“ за

1876 г. № 9—11). *И. Милоков*. Очерки по истории русской культуры. Часть вторая. Церковь и школа. Изд. 2-е. С.-Петербург. 1899. *И. Милоков*. Университеты в России („Энциклопедический Словарь“ Брокгауза и Ефрона, полутомъ 68-ой. С.-Петербург. 1902 г.). *С. Шевыревъ*. История Московскаго Университета. М. 1855 г. *Биографический словарь* профессоровъ Московскаго Университета. Части I—II. М. 1855; *С. Ашевский*. Изъ истории Московскаго Университета (къ полусторолѣтнему юбилею 1755—1905) въ журн. „Миръ Божій“ за 1905 г., 2—6. *Д. Щеткинъ*. Московскій Университетъ въ половинѣ двадцатыхъ годовъ („Вѣстн. Европы“, 1903 г., № 7). *В. Якушкинъ*. Изъ истории русскихъ университетовъ („Вѣстн. Воспитанія“, 1901 г. № 7). *В. Григорьевъ*. Императорскій С.-Петербургскій Университетъ въ теченіе первыхъ пятидесяти лѣтъ его существованія. С.-Петербург. 1870 г. *В. Д. Спассовичъ*. Пятидесятилѣтіе С.-Петербургскаго Университета (Собраніе сочиненій. Т. IV). *П. Залоскинъ*. История Казанскаго Университета за первые сто лѣтъ его существованія. Томы I—III. Казань. 1904 г. *Н. Буличъ*. Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго Университета. Томы I—II (1887—1891 гг.). *Д. Багалъй*. Опытъ истории Харьковскаго Университета. Томы I—II. Харьков. 1894—96. *Краткій очеркъ* истории Харьковскаго Университета за первые сто лѣтъ его существованія, составленный проф. Багалъемъ, Сумцовымъ и Бузескуломъ. Харьков. 1906. *Д. Багалъй*. Удаленіе профессора Шада изъ Харьковскаго Университета. Харьков. 1899 г. *М. Владиміръскій-Будановъ*. История Университета Св. Владимира. Кіевъ. 1884 г. *Е. Пытуховъ*. Императорскій Юрьевскій, бывшій Дерптскій, Университетъ за первые сто лѣтъ его существованія. Юрьевъ. 1902 г. *М. Сухомлиновъ*. Матеріалы для истории образованія въ Россіи въ царствованіе императора Александра I („Исследования и статьи“, Томъ I. СПб. 1889 г.). *Е. Θεоктистовъ*. Магницкій. СПб. 1865 г. *Н. Барсуковъ*. Жизнь и труды Погодина. Томы I—XIV. *А. Никитенко*. Записки и дневникъ. Томъ I. Изд. под. ред. М. Лемке. С.-Петербург. 1905 г. *П. Вилорадовъ*. Т. Н. Грановскій („Р. М.“ 1893, 4). *Витуринскій*. Грановскій и его время. Изд. 2-е. С.-Петербург. 1905 г.). *А. Станисевичъ*. Грановскій и его переписка. Томы I—II. М. 1897 г. *А. И. Герцена*. Былое и думы. *Е. Аксаковъ*. Студенческія воспоминанія. („День“. 1862, № 39—40). *Гончаровъ*. Воспоминанія (изд. Маркса, т. XII). *Прозоровъ*. Бѣлинскій и Московскій Университетъ въ его время. Изъ студенческихъ воспоминаній. „Библіотека для чтенія“. 1859 г., № 12. *Θ. И. Буслаевъ*. Воспоминанія. „В. Евр.“ 1890, 11—12. *Ф. Л. Ляшковъ*. Студенческія воспоминанія. „Р. Арх.“ 1875, III. *Я. И. Костенецкій*. Воспоминанія изъ моей студенческой жизни. „Р. Арх.“ 1887, I и II. *С. Мезюновъ*. Изъ истории студенческихъ

обществъ въ русскихъ университетахъ. М. 1904.

ГЛАВЫ XI, XII, XIII.

Русская литература въ первой половинѣ XIX в.

Подъ рубрикой I названы важнѣйшія справочныя пособія; подъ рубрикой II—главнѣйшія произведенія мемуарной литературы, заключающія въ себѣ данныя относительно общественной и литературной жизни; подъ рубрикой III указаны важнѣйшія историко-литературныя пособія общаго характера. Далѣе дана библиографія по отдѣльнымъ, болѣе крупнымъ писателямъ, причѣмъ подъ рубрикой а) названы лучшія изданія сочиненій, подъ рубрикой б)—переписка и подъ рубрикой в)—болѣе существенныя работы о каждомъ писателѣ.

1. **Справочныя пособія.** *Шторжъ и Ф. Адельми*. Систематическое обозрѣніе литературы въ Россіи въ теченіе пятилѣтія, съ 1801 по 1806 г. СПб. 1810 г.

В. В. Сопиковъ. Опытъ россійской библиографіи. Подъ ред. В. Н. Рогожина. Изд. Суворина. 1905 г. 4 ч.

В. Рогожинъ. Матеріалы для р. библиографіи XVIII и перв. четв. XIX ст. Т. I, вып. I. 1903 г.

Роспись россійскимъ книгамъ изъ библіотеки *Смирдина*. 4 части. СПб. 1828.—4 прибавленія. СПб. 1829—56.

И. П. Вистровъ. Систематическій реестръ р. книгамъ съ 1831 по 1846 г., изд. М. Д. Ольхина.

Г. Геннади. Справочный словарь о р. писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ XVIII и XIX ст. (до буквы М., 2 т., дополн. Н. Собко. 1880 г.).

С. А. Венеровъ. Критико-биографическій словарь р. писателей и ученыхъ. 6 тт.

Его же. Русскія книги, съ биографическими данными объ авторахъ и переводчикахъ. СПб. 1896—99 гг. 3 тт.

— Источники словаря р. писателей. Т. I. СПб. 1900 г. (Ааронъ-Гоголь).

Русскій биографическій словарь.

Кн. Н. Н. Голицынъ. Библиографическій словарь р. писательницъ. СПб. 1889 г.

Д. Д. Языковъ. Обзоръ жизни и трудовъ р. писателей. 10 вып. 1885—1907 гг.

А. Н. Неустроевъ. Историческое разысканіе о р. повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 гг. СПб. 1875 г.

— Указатель къ р. повременнымъ изданіямъ и сборникамъ за 1703—1802 гг. и къ историческому разысканію о нихъ СПб. 1898 г.

— Дополненія къ Неустроеву въ „Очеркахъ литературы XVII и XVIII ст.“ Л. Майкова и у Н. М. Петровскаго въ Ж. М. Н. Пр. 1898, ч. 315, № 1 и въ Изв. Отд. р. яз. и сл. Ак. Н. 1907 г. Т. XII, кн. 2.

- Н. М. Лисовский. Р. периодическая печать 1703—1894 гг.
- Н. М. Лисовский. Списокъ указателей къ р. периодич. изданіямъ XVIII и XIX ст. Литер. Вѣстн. V т., кн. II.
- Геттади. Списокъ р. анонимныхъ книгъ съ именами ихъ авторовъ и переводчиковъ. СПб. 1874 г.
- Карцовъ и Мазасъ. Опытъ словаря псевдонимовъ р. писателей. СПб. 1891 г.
- Межовъ. Исторія р. и всеобщей словесности. СПб. 1872 г.
- Метъеръ. Р. словесность съ XI по XIX ст. Ч. II. СПб. 1902 г.
- Пыпинъ. Исторія р. литературы. Т. IV. Энциклоп. Словарь Брокгауза и Эфрона.
2. Архивы и мемуары. (Мемуары декабристовъ см. особо).
- Остафьевскій Архивъ кн. Вяземскихъ. 2 тт. Переписка кн. II. Вяземскаго съ А. И. Тургеневымъ (1812—1823). Подъ ред. В. И. Сантова. СПб. 1899—1901 гг.
- Шукинскій сборникъ. 7 вып. М. 1902—1908 гг.
- Татевскій сборникъ С. А. Рачинскаго. СПб. 1899 г.
- Девятнадцатый вѣкъ. Историч. сборникъ, издав. П. Бартевымъ. 2 тт. М. 1872 г.
- М. И. Пылевъ. Неопубликованные мемуары. Ист. В. 1890, № 1.
- Н. Дубровинъ. Р. жизнь въ началѣ XIX в. Р. Ст. 1898, 12; 1899, 1—4, 6, 8; 1900 г. 9—11; 1901 г.
- В. Якушкинъ. Изъ литературной и обществ. исторіи 20—30 годовъ. Р. Ст. 1888, 10—12; 1889, 2, 7.
- Е. Колбасинъ. Литерат. дѣятели прежняго времени. СПб. 1859 г.
- В. А. Инсарскій. Записки. 2 ч. СПб. 1898 г.
- Д. Рунинъ. Записки. (1797—1825). Р. Ст. 1896, № 11 и Р. Обзор. 1890, 8—10.
- И. И. Дмитриевъ. Взглядъ на мою жизнь. 3 ч. М. 1866 (и во II т. „Сочиненій И. И. Дм.“ подъ ред. А. А. Флоридова. СПб. 1893 г.)
- Кн. И. М. Доморукій. Капище моего сердца. Чт. Общ. ист. и др. росс. 1872, кн. 3—4; 1873, кн. 1—3; Р. Арх. 1890 г.
- М. А. Дмитриевъ. Записки современника. СПб. 1859 г.—Мелочи изъ запаса моей памяти. М. 1869 г.
- С. Н. Глинка. Записки (1774—1847). СПб. 1895 г.
- М. И. Глинка. Записки. СПб. 1871 г.
- С. П. Жихаревъ. Записки современника. (1805—1819). Ч. I (Дневникъ студента) и ч. II (Дневникъ чиновника). М. 1890 г.
- Н. П. Брусиловъ. Воспоминанія. Ист. В. 1893, № 4.
- А. Шишковъ. Записки. М. 1869 г.
- Гоце. (Петръ - Отто фонъ Goetze). Fürst Alex. Nikol. Golitzyn und seine Zeit. 1882 г.
- О. А. Пржевальскій. Очерки петерб. жизни (1818—1832). Р. Ст. 1874, XI.
- Вѣглые очерки. Р. Ст. 1876, XVI; 1883, XXXIX.
- Гр. О. М. Растворчинъ. Mes mémoires ou moi au naturel écrits en dix minutes (въ „Matériaux en grande partie inédits, pour la biographie future du C—te Th. R.“ Брюссель. 1864 г. Русскій переводъ во II т. „Девятнадцатаго вѣка“ Бартевева).
- Я. И. де-Самленъ. Записки (1776—1831). Р. Ст. 1882, 12; 1883, 1—3, 10.
- А. А. Витбергъ. Записки. 1813—1824. Р. Ст. 1872, 5.
- Арх. Фотій. Записки (автобіографія). Р. Ст. 1894, 3—5, 7, 9, 10; 1895, 2, 3, 7, 8, 11, 12; 1896, 7, 8.
- Д. Н. Свербеевъ. Записки. 1799—1826. 2 тт. М. 1899.
- И. Сушковъ. Изъ записокъ о времени Александра I. В. Евр. 1867.
- Д. И. Ростиславовъ. Записки. Р. Ст. 1880, 1882, 1884, 1887, 1888, 1892—5.
- Н. Г. Устряловъ. Записки. Древняя и новая Россія. 1877—1880 гг.
- Н. И. Панаевъ. Литерат. воспоминанія. 3 изд. СПб. 1888 г. (или въ VI т. „Собранія сочиненій“). Къ нимъ—указатель М. С. Боплановской (СПб. 1903 г.).
- В. И. Панаевъ. Воспоминанія. В. Е. 1867 г. 3 и 4; Р. Ст. 1892, 11 и 12; 1893, 2; 1901, № 6.
- Ф. Ф. Вильсъ. Записки. 7 ч. СПб. 1891—3 гг.
- Н. И. Гречъ. Записки о моей жизни. СПб. 1886 г.
- Ө. Бумаринъ. Огрывки изъ видѣннаго, слышаннаго и испытаннаго въ жизни. 6 ч. СПб. 1846—9 гг.
- А. О. Смирнова. Записки (1824—1845). СПб. 1895 г.
- А. В. (С. С. Уваровъ). Литературныя воспоминанія. Соврем. 1851, № 6.
- А. В. Старчевскій. Воспоминанія стараго литератора (1837—1887). Ист. В. 1886 г.
- Гр. В. А. Соллогубъ. Воспоминанія. Ист. В. 1886 г.
- А. Ф. Фроловъ. Воспоминанія и замѣтки. Р. Ст. 1882, 5 и 7.
- А. М. Фадѣевъ. Воспоминанія (1790—1867). Одесса. 1897 г.
- М. К. Чалый. Воспоминанія. Вып. I. (1826—1844). Кіевъ. 1890 г. (изъ „Кіевской Старины“). Вып. II (1844—1852). Кіевъ. 1895 г. (изъ „Кіевской Старины“).
- В. Р. Зотовъ. Петербургъ въ 40-хъ гг. Ист. В. 1890 г. №№ 1—6.
- Л. Н. Павлищевъ. Изъ семейной хроники. Ист. В. 1888 г. 1—12.
- Гр. А. Д. Блудова. Записки. М. 1889 г.
- Гр. П. Хр. Граббе. Изъ памятныхъ записокъ. Р. Арх. 1873 г.
- Записная книжка (1828—1869 г.) Р. Арх. 1888 и 1889, прилож.
- М. М. Коренинъ. Памятныя записки. Р. Арх. 1891 г., кн. II.
- И. С. Жирковъ. (1789—1848). Записки. Р. Ст. 1874, тт. IX—XI; 1875, XIII; 1876, XVI—XVII; 1878, XXII—XXIII; 1890, LXVII
- Арх. В. Кочубей. Семейная хроника или записки (1790—1873). СПб. 1890 г.

- Ө. П. Лубиловскій. Замѣтки за границею (1840—43). 1845 г.
 — Воспоминанія (1797—1834). 1872 г.
 А. М. Тургеневъ. Записки. Р. Ст. 1885, 9—12; 1886, 1, 10; 1887, 1, 2; 1889, 2, 4.
 П. Ө. Карабановъ. Историч. рассказы и анекдоты. Р. Ст. 1872, 6 и 11.
 П. Липранди. Изъ дневника и воспоминаній. Р. Арх. 1866, 8—10.
 Г. И. Филипповъ. Воспоминанія. М. 1885 г.
 К. Н. Лебедевъ. Москва въ послѣдніе годы николаевскаго царствованія (1852—1855). Р. Арх. 1888, I—III; 1889, I.
 А. И. Подоліискій. Воспоминанія. Р. Арх. 1872, 3 и 4.
 С. Д. Полторацкій. Альбомъ (1820—1852). Р. Ст. 1887, 10 и 11.
 — Русскіе достопамятные люди. Замѣтки и воспоминанія. Р. Ст. 1892, 5, 6 и 7.
 С. М. Соловьевъ. Мои записки для дѣтей моихъ, а если можно, и для другихъ. В. Евр. 1907, кн. 3 и слѣд.
 Н. И. Пироговъ. Дневникъ стараго врача. (Сочин., т. II).
 О. М. Бодилскій. Выдержки изъ дневника (1852—1855). Сборникъ Общ. л. р. сл. 1891 г.
 Н. П. Макаровъ. Мои семидесятилѣтнія воспоминанія и съ тѣмъ вмѣстѣ моя полная предсмертная исповѣдь. 4 части. СПб. 1881—2 гг.
 — Калейдоскопъ. Рассказы и очерки изъ первой половины XIX в. Дополненіе къ „Моимъ семидесятилѣтнимъ воспоминаніямъ“. СПб. 1883 г.
 М. Ө. Каменская. Знакомые. Время. 1861 г.—Воспоминанія. Ист. В. 1894 г.—50 лѣтъ назадъ. Романъ. СПб. 1861 г.
 Кн. П. А. Вяземскій. Старая записная книжка. (Сочиненія. Тт. VIII—X).
 Кс. Полевой. Записки. СПб. 1888.
 А. Д. Галаховъ. Сороковые годы. Ист. В. 1891, № 6; 1892, 1 и 2.
 А. Милковъ. Литературныя встрѣчи и знакомства. СПб. 1890 г.
 А. Я. Головачева-Панаева. Писатели и артисты. Воспоминанія (1824—1870). 1890 г.
 А. В. Никитенко. Моя повѣсть о самомъ себѣ и о томъ, чему свидѣтель въ жизни былъ (1804—1877). Изд. 2-е, подъ ред. М. Лемке. 2 тт. 1905 г.—Къ 1-му изд. указатель М. С. Бояновской (СПб. 1903 г.)
 Н. Н. Захаринъ (Якуминъ). Встрѣчи и воспоминанія. 1903 г.
 С. Т. Аксаковъ. Литературныя и театральныя воспоминанія (Сочин., т. IV).
 Д. В. Григоровичъ. Воспоминанія. Изд. Маркса, т. XII.
 Д. Ашарумовъ. Изъ моихъ воспоминаній (1849—1851). 1905 г.
 Ө. И. Буслаявъ. Мои воспоминанія. СПб. 1897 г.
 Н. А. Огарева-Гучкова. Воспоминанія (1848—70). М. 1903 г.
 А. И. Герценъ. Былое и Думы.
 И. С. Тургеневъ. Литературныя воспоминанія. (Соч., т. X).
 А. Фетъ. Ранніе годы моей жизни. М. 1893 г.
 — Мои воспоминанія (1840—1889). 2 ч. М. 1890 г.
 3. Историко-литературныя пособія общаго характера. А. Галаховъ. Исторія р. словесности. Т. II. М. 1894 г.
 И. Порфирьевъ. Исторія р. словесности. Ч. II, отд. 3. Казань. 1891 г.
 А. Пытинъ. Исторія р. литературы. Т. IV. Изд. 2-е.
 А. М. Скабичевскій. Исторія новѣйшей р. литературы. 5-е изд. СПб. 1903 г.
 А. von Reinholdt. Geschichte der russischen Litteratur von ihren Anfängen bis an die neueste Zeit. Leipzig. 1886.
 А. Brückner. Geschichte der russischen Litteratur. Leipzig. 1905.
 А. Н. Веселовскій. Западное вліяніе въ новой р. литературѣ. Изд. 3-е. М. 1906.
 К. Ө. Головинъ. Русскій романъ и р. общество. Изд. 2-е. СПб. 1904 г.
 Иванова-Разумникъ. Исторія русской обществ. мысли. 2 изд. СПб. 1908 г.
 Ев. Соловьевъ (Андреевичъ). Очерки по исторіи р. литературы XIX в. Изд. 3-е. СПб. 1907 г.
 — Опытъ философіи р. литературы. СПб. 1905 г.
 В. Саводникъ. Очерки по исторіи р. литературы XIX в. 2 ч. Изд. 4-е. М. 1907 г.
 П. Кропоткинъ. Идеалы и дѣйствительность въ р. литературѣ. СПб. 1907 г.
 Н. Буличъ. Очерки по исторіи р. литературы и просвѣщенія съ начала XIX в. Т. I. СПб. 1902 г. Т. II. СПб. 1905 г.
 А. Пытинъ. Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I. Изд. 3-е. СПб. 1900 г.
 — Характеристики литературныхъ мнѣній отъ двадцатыхъ до пятидесятыхъ годовъ. Изд. 3-е. СПб. 1906 г.
 Н. А. Котляревскій. Литературныя направленія александровской эпохи. СПб. 1907 г.
 П. Милковъ. Главныя теченія р. исторической мысли. Т. I. М. 1898 г.
 Н. И. Замотинъ. Романтизмъ двадцатыхъ годовъ XIX ст. въ русской литературѣ. Варшава. 1903 г.
 — Романтическій идеализмъ въ рус. обществѣ и литературѣ 20-30-хъ годовъ XIX ст. СПб. 1908.
 М. И. Сухоминовъ. Изслѣдованія и статьи по р. литературѣ и просвѣщенію. 2 тт. СПб. 1889 г.
 А. П. Пятковский. Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія. 2 части. СПб. 1888 г.
 С. Весинъ. Очерки исторіи р. журналистики двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ. СПб. 1881 г.
 Д. Н. Овсянко-Куликовскій. Исторія р. интеллигенціи. Ч. I. 2 изд. М. 1907 г.
 Ө. Ө. Нелидовъ. Очерки по исторіи новѣйшей р. литературы. Ч. I. Изд. 2-е. М. 1907 г.
 Ч. Вятрискій. Т. Н. Грановскій и его время. Изд. 2-е. СПб. 1905 г.
 — Въ сороковыхъ годахъ. М. 1899 г.

- П. В. Анненковъ. Воспоминанія и критич. очерки. Отдѣлъ третій. СПб. 1881 г.
- П. В. Анненковъ и его друзья. Изд. Суворина. 1892 г.
- А. Н. Веселовскій. Этюды и характеристики. Изд. 3-е. М. 1907 г.
- А. И. Кирпичниковъ. Очерки по исторіи новой р. литературы. Изд. 2-е. 2 тт. 1903 г.
- Н. С. Тихонравовъ. Сочиненія. Т. III. Ор. Миллеръ. Русскіе писатели послѣ Гога. 3 тт. СПб. 1906 г.
- С. А. Венеровъ. Очерки по исторіи русской литературы. СПб. 1907 г.
- А. Е. Бороздинъ. Литературныя характеристики. 2 тт. СПб. 1903—7 гг.
- П. Морозовъ. Минувшій вѣкъ. СПб. 1902 г.
- В. Богучарскій. Изъ прошлаго р. общества. СПб. 1904 г.
- П. Н. Милоковъ. Изъ исторіи р. интеллигенціи. СПб. 1902 г.
- Н. Котляревскій. Старинные портреты. СПб. 1907 г.
- М. О. Гершензонъ. Исторія молодой Россіи. М. 1908 г.
- Ю. И. Айхенвальдъ. Силуэты р. писателей. Вып. I. М. 1906 г.
- Проф. Ев. Вобровъ. Литература и просвѣщеніе въ Россіи XIX в. 4 тт. Казань. 1900—1903 гг.
- Философія и литература. Т. I. Казань. 1898 г.
- Философія въ Россіи. Вып. I—V. Казань. 1899—1901 гг.
- А. М. Скабичевскій. Очерки исторіи р. цензуры. СПб. 1892 г.
- М. Лемке. Очерки по исторіи р. цензуры и журналистики XIX ст. СПб. 1904 г.
- Николаевскіе жандармы и литература 1826—1855 гг. по подлиннымъ бумагамъ С. Е. И. В. Канцеляріи. СПб. 1907 г.
- П. Ивановъ. Исторія русской критики. 2 тт. СПб. 1898—1900 гг.
- Пытинъ. Исторія русской этнографіи. Т. I. 1890. Т. II. 1891 г.
- П. Н. Милоковъ. Очерки по исторіи р. культуры. Т. II. Изд. 4-е. 1905 г.
- В. И. Семевскій. Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX в. 2 тт. СПб. 1888 г.
- Н. П. Барсуковъ. Жизнь и труды Погодина. Кн. I—XXI. СПб. 1888—1907 гг.
- С. Невъдлинскій. Катковъ и его время. СПб. 1888 г.
- Н. Колопановъ. А. И. Кошелевъ. 3 тт. М. 1889 г.
- Е. Ковалевскій. Гр. Блудовъ и его время. СПб. 1866 г. (или въ „полномъ собр. сочиненій“, т. I. СПб. 1874).
- Заблудинъ-Десятовскій. Гр. Киселевъ и его время. 4 тт. СПб. 1882 г.
4. Отдѣльные писатели и направленія.
- Н. М. Карамзинъ. (1766—1826).
- а) Сочиненія, изданіе 4-е. СПб. 1834—5 гг., 9 том.; изданіе 5-е (Смирдина). СПб. 1848 г. 3 том.; переводы, особ. изданіе 4-е. СПб. 1833—35 4 том.; „Избранныя сочиненія“ подъ ред. Л. И. Поливанова (съ примѣчаніями), ч. I. М. 1884 г.; „Исторія государства російскаго“, изд. Эйнерлинга. СПб. 1842—3, 3 книги; къ нему „Ключъ“ П. Строева. СПб. 1844 г.; стихотворенія К. въ „Русской поэзіи“ Венгерова, вып. VII.
- б) Неизданныя сочиненія и переписка К. СПб. 1862 г.
- Изъ бумагъ К. Сборникъ „Старина и Новизна“. Кн. II. СПб. 1898 г.
- Письма К. къ И. И. Дмитріеву. СПб. 1866 г.
- Письма К. къ кн. П. А. Вяземскому (1810—1826). Съ предисловіемъ и примѣчаніями Н. Барсукова. СПб. 1897 г.
- М. Погодинъ. К. въ его сочиненіяхъ, письмахъ и отзывахъ современниковъ. 2 т. М. 1865 г.
- Письма К. къ А. Θ. Малиновскому. Изд. О. л. р. сл. 1860 г.
- Валдманъ и Гротъ. Переписка К. съ Лафатеромъ. Сборникъ 2 отд. Ак. Н., т. LIV. Переписка К. также: Р. Арх. 1866, 11—12; 1867, 3; 1868, 11; 1869, 3, 10; Библ. Зап. 1858, 19; Атеней. 1858, 19—28; В. Е. 1897, май.
- в) С. Пономаревъ. Матеріалы для библиографіи литературы о К. (1783—1883). Сборникъ Отд. р. яз. и слов. Ак. Н. Т. XXXII, № 8. СПб. 1883 г.
- Н. Тихонравовъ. Четыре года изъ жизни К. (1785—1788). Сочиненія, т. III, ч. I.
- Я. Гротъ. Очеркъ дѣятельности и личности К. Сборникъ 2 отд. Ак. Н. 1867 г., т. I, № 10.
- Филологическія разысканія. Изд. 4-е, т. I. 1899 г.
- Θ. И. Буслаевъ. Мои досуги. Ч. II. М. 1866 г.
- Д. Анучинъ. Столѣтіе „Писемъ р. путешественника“. Р. М. 1891, 7 и 8.
- В. Сиповскій. К., авторъ „Писемъ р. путеш.“ СПб. 1899 г.
- А. Бороздинъ. Литературныя характеристики. Т. I. СПб. 1903 г.
- И. Ивановъ. Исторія р. критики. Т. I. СПб. 1898 г.
- П. Милоковъ. Главныя теченія историч. мысли. М. 1898 г.
- А. Пытинъ. Общественное движеніе при Александрѣ I. Изд. 3-е. СПб. 1900 г.
- А. С. Шишковъ. (1754—1841).
- а) Сочиненія. Изд. Росс. Ак. СПб. 1819—39, 17 частей.
- б) „Записки, мѣпія и переписка III.“ Изд. Н. Киселева и Ю. Самарина. Берлинъ. 1870 г. 2 том.
- Письма III. Р. Арх., 1866 г., № 11—12. Бумаги III. (1816—1824 г.)—Р. Арх. 1870 г., № 2.
- в) В. Стоюнинъ. А. С. III. СПб. 1880 г.
- Щебальскій. III., его союзники и противники. Р. В. 1870 г., № 11.
- А. Кочубинскій. Адмиралъ Шишковъ и канцлеръ гр. Румянцевъ. Начальные годы р. славяновѣдѣнія. Одесса. 1887—1888 гг.

- В. А. Озеровъ.** (1770—1816).
 а) Сочиненія. Изд. Вольфа. 1856 г.
 б) Письма Озерова къ А. Н. Оленину (1808 и 1809 г.)—Р. Арх. 1869 г., № 1.
 в) **Кн. П. Вяземскій.** Сочиненія, т. I. СПб. 1878 г.
Л. Майковъ. Кн. Вяземскій и Пушкинъ объ Озеровѣ (въ книгѣ „Пушкинъ“. СПб. 1899 г.).
Проф. А. И. Семинъ. Значеніе Озерова въ исторіи р. литературы. Кіевъ. 1870 г.
А. 6. Мерзляковъ. (1778—1830).
 а) Сочиненія. Изд. Общества любителей р. слов., подъ ред. М. Полуденскаго. М. 1867 г. 2 том.
 Краткое начертаніе теоріи изящной словесности. М. 1822 г.
 Краткая риторика. Изд. 4-е. М. 1828.
 б) Письма: М. Библиогр. Зап. 1859, № 11, т. II; Р. Арх. 1865, № 1; 1866, № 1; Р. Ст. 1879, XXIV.
 в) **И. М. Бьлоруссовъ.** Зачатки р. литер. критики. Вып. II. М., какъ теоретикъ и критикъ. Воронежъ. 1888 г.
И. Ивановъ. Исторія р. критики. Ч. II. СПб. 1898 г.
Н. Мизко. Біографическо - критическій очеркъ. Р. Ст. 1879 г., янв.
И. А. Крыловъ. (1768—1844).
 а) Полное собраніе сочиненій, съ біографіей Плетнева. 3 части, СПб. 1847. 2 изд. 1859 г.
 Полное собраніе сочиненій подъ ред. В. В. Каллаша. Изд. Т-ва „Просвѣщеніе“, СПб. 1905, 4 том. Рецензія на это изданіе Л. К. Ильинскаго въ Изв. отд. р. яз. и сл. Ак. Н. 1907, т. XII, кн. I.
 б) Письма въ III т. изд. В. В. Каллаша.
 в) **В. Межовъ.** Юбилей Ломоносова, Карамзина и Крылова. СПб. 1871 г.
В. Кеневичъ. Библиографич. и историч. примѣчанія о басняхъ Кр—ва въ VI т. Сборникъ Отд. р. яз. и слов. Ак. Н.
 — Указатель статей о К—вѣ, съ 1808 по 1871 г.
 — Хронологич. списокъ басенъ и ихъ изданій. 1819—1843. Р. Арх. 1865, № 8.
В. В. Каллашъ. О хронологіи басенъ К. Изв. отд. р. яз. и слов. Ак. Н., т. XII (1907) кн. I.
 Сборникъ р. отдѣленія Ак. Н. СПб. 1869, т. VI (статьи Грота, Никитенка, Срезневскаго, Кеневича и др.).
Л. Майковъ. Первые шаги К—ва на литерат. поприщѣ (въ „Историко-литер. очеркахъ“. СПб. 1895 г.).
В. Перетичъ. И. А. К., какъ драматургъ. СПб. 1895 г.
Н. М. Терновскій. И. А. К. Воронежъ. 1896 г.
И. Владимировъ. Кр. и его басни. Кіевъ. 1895 г.
В. В. Синоускій. Загадочный писатель. Образованіе. 1895, № 2.
Аммонъ. Жизненная правда и теоретич. взгляды въ басняхъ Кр. Ж. М. Н. Пр. 1895, 8.

- П. Драгановъ.** Международное значеніе Кр. и новыя свѣдѣнія о переводахъ его басенъ на иностр. языки и нарѣчія. Ж. М. Н. Пр. 1895, № 7.
К. Н. Батюшковъ. (1787—1855).
 а) Сочиненія, со статьей Л. Н. Майкова и примѣчаніями Л. Майкова и В. И. Салтова. СПб. Т. I, 1887, т. II. 1885, т. III. 1886 г.
 Изданіе общедоступное, въ одномъ томѣ, М. 1898 г.
 б) Письма, въ III т. названнаго выше изданія.
 в) **Л. Н. Майковъ.** „О жизни и сочиненіяхъ К. Н. Б—ва“ при I т. названнаго выше изданія.
Л. Н. Майковъ. Б., его жизнь и сочиненія. Изд. 2-е. СПб. 1896 г.
С. А. Венеровъ. Критико-біографическій словарь. Т. II.
В. А. Жуковский. (1783—1852).
 а) Сочиненія: изданіе 10-е подъ ред. П. А. Вѣрмова, въ одномъ томѣ. СПб. 1901 г.; подъ ред. проф. Архангельскаго въ приложеніи къ „Нивѣ“ за 1902 г.; подъ ред. А. Д. Алферова, изд. Сытина, 2 тт. М. 1902 г. (съ иллюстраціями).
 б) **Н. Бычковъ.** Бумаги Ж., поступившія въ Имп. П. Библ. въ 1884 г. СПб. 1887 г.
К. Л. Гротъ. Нѣсколько дополненій къ рукописямъ Ж. СПб. 1901 г.
 Письма Ж. въ VI т. изд. 7-го (подъ ред. Вѣрмова).
 Письма Ж. къ А. И. Тургеневу (1805—1844 гг.). М. 1895 г. (изд. „Р. Арх.“).
 Памяти В. А. Ж. и Н. В. Гоголя. Вып. I. Изд. отд. р. яз. и слов. Ак. Н. СПб. 1907 г.
 Письма Ж. къ Гоголю и гр. А. П. Толстому. Сборникъ О. л. р. слов. 1891 г.
 Письма Ж. къ имп. Александру Николаевичу. (1832—1847 гг.). Р. Арх. 1883, 1, 3, 4; 1885, 1, 4, 7.
 Переписка съ Плетневымъ въ III т. „Сочиненій и переписки Плетнева“. (СПб. 1885 г.)
 Уткинскій Сборникъ, подъ ред. А. Е. Груазинскаго. М. 1904 г. (о немъ статья П. Сакулина, М. А. Протасова-Мойеръ по ея письмамъ“ въ Изв. Отд. р. яз. и сл. Ак. Н. 1907 г., т. XII, кн. I и 2).
 Письма Ж. къ Е. Г. Пушкиной въ I т. „Десятипятидесяти вѣка“ Бартечева (М. 1872 г.)
Проф. Пятуховъ. Письмо В. А. Ж. къ канцлеру фонъ-Миллеру. Второй юбилейный сборникъ въ честь Ламанскаго. 1905 г.
 Запѣтки В. А. Ж. въ Р. Арх. 1908, № 1.
 в) **К. Е. Зейдлицъ.** Жизнь и поэзія Ж. по личнымъ воспоминаніямъ и неизданнымъ источникамъ. СПб. 1883 г.
К. von Seidlitz. W. A. Joukoffsky. Mitau. 1870 г. *Записки (Поливановъ).* Ж. и его произведенія. 2 тт. М. 1883 г.
Н. Тихомировъ. В. А. Ж. (Сочиненія, т. III, ч. I).
Н. К. Козминъ. О переводной и оригинальной литературѣ конца XVIII и начала XIX в. въ связи съ поэзіей В. А. Ж. СПб. 1904 г.

- Вс. Чешининъ. Ж., какъ переводчикъ Шиллера. Рига. 1895 г.
- И. Сакулинъ. Взглядъ Ж. на поэзію. В. Восп. 1902 г., № 5.
- А. Н. Пытинъ. Характеристики лит. мнѣній отъ двадцатыхъ до пятидесятихъ годовъ. Изд. 3-е. 1906 г.
- Акад. А. Н. Веселовскій. В. А. Ж. Поэзія чувства и „сердечнаго воображенія“. СПб. 1904 г.
- Арзамасъ. А. Пытинъ. Общественное движеніе при Александрѣ I. Изд. 3-е. СПб. 1900 г.
- Характеристики литерат. мнѣній отъ 20-хъ до 50-хъ годовъ. Изд. 3-е. СПб. 1906 г.
- Л. Майковъ. О жизни и сочиненіяхъ К. Н. Батюшкова; при I т. изданія „Сочиненія К. Н. Б.“ 1887 г.
- Е. Ковалевскій. Гр. Блудовъ и его время. СПб. 1866 г. (или—Полное собраніе сочиненій. Т. I. СПб. 1874 г.).
- А. П. Кирпичниковъ. Новые материалы для исторіи Арзамаса (уставъ Арзамаса). Р. Ст. 1899 г., кн. 5.
- Проф. Халанскій. Къ исторіи возникновенія Арзамаса. Мирный Трудъ. 1902 г., № 1.
- Е. Сидоровъ. Литературное общество „Арзамасъ“. Ж. М. Н. Пр. 1901 г., № 6 и 7.
- Русскій романтизмъ. Вильямскій. Сочиненія А. С. Пушкина. (VIII т. изд. Солдатенкова, III т. изд. Павленкова).
- Ал. Григорьевъ. Сочиненія. Т. I. СПб. 1876 г.
- Н. Чернышевскій. Очерки гоголевскаго періода р. литературы. (Полное собраніе сочиненій. Т. II. СПб. 1906 г.).
- А. Скабичевскій. Сорокъ лѣтъ р. критики. (Сочиненія. Т. I).
- Н. Буличъ. Очерки по исторіи р. литературы и просвѣщенія. Т. II. СПб. 1905 г.
- А. Пытинъ. Исторія р. литературы. Т. IV. — Общественное движеніе при Александрѣ I. Изд. 3-е. СПб. 1900.
- Характеристики литературныхъ мнѣній отъ двадцатыхъ до пятидесятихъ годовъ. Изд. 3-е. СПб. 1906.
- К. Ө. Головинъ. Русскій романъ и р. общество. 2-е изд. СПб. 1904 г.
- И. Ивановъ. Исторія р. критики. 2 тт. СПб. 1898—1900 гг.
- А. Н. Веселовскій. Западное вліяніе въ новой р. литературѣ. Изд. 3-е. М. 1906 г.
- А. Бороздинъ. Литературныя характеристики. Т. I. СПб. 1903 г.
- Ев. Соловьевъ (Андреевичъ). Опытъ философіи р. литературы. СПб. 1905 г.
- Аскольдъ. О романтизмѣ. „Вопросы Жизни“. 1905 г., № 1 и 2.
- С. А. Адріановъ. Что такое романтизмъ. „Вѣстникъ и Вибл. Самообразованія“. 1904 г., № 10.
- Ивановъ-Разумникъ. Исторія р. общественной мысли. 2-е изд. Т. I. СПб. 1908 г.
- Ак. А. Н. Веселовскій. В. А. Жуковский. СПб. 1904 г.
- Н. А. Котляревскій. Литературныя направленія александровской эпохи. СПб. 1907 г.
- И. Замотинъ. Романтизмъ двадцатыхъ годовъ XIX ст. въ р. литературѣ. Варшава. 1903 г.
- Ею же. Романтическій идеализмъ въ русскомъ обществѣ и литературѣ 20—30-хъ годовъ XIX столѣтія. СПб. 1908.
- И. Козьминъ. Очерки изъ исторіи р. романтизма. П. А. Полевой, какъ выразитель литерат. направленій современной ему эпохи. СПб. 1903 г.
- М. Zdzichowski. Byron i jego wiek. T. II. Kraków. 1897.
- Ал. Н. Веселовскій. Этюды и характеристики (очерки о байронизмѣ). Изд. 3-е. М. 1907 г.
- А. Brückner. Geschichte der russischen Literatur. Leipzig. 1905.
- А. С. Пушкинъ. (1799—1837).
- а) Сочиненія: 1) изд. Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, подъ ред. П. О. Морозова, 7 тт. СПб. 1887; 2) изд. Т-ва „Просвѣщеніе“, подъ ред. П. О. Морозова, 8 тт. СПб. 1903—1905 г.; 3) изд. А. Суворина, подъ ред. П. А. Ефремова, 8 тт., СПб. 1903—1905 гг.; 4) изд. Акад. Наукъ, т. I, подъ ред. Л. Н. Майкова, изд. 2-е, 1900 г., т. II подъ ред. В. Е. Якушкина, 1905 г.; 5) изд. Брокгауза и Эфрона, подъ ред. С. А. Венгера (вышелъ пока т. I, 1907 г.).
- б) Л. Майковъ. Матеріалы для академич. изданія сочиненій П. СПб. 1903 г.
- И. А. Шаянскій. Изъ неопубликованныхъ бумагъ П. СПб. 1903 г.
- В. Брюсовъ. Лицейскія стихотворенія П. Къ критикѣ текста. М. 1907 г.
- Письма П. въ названныхъ выше изданіяхъ.
- Сочиненія П. Переписка. Подъ ред. В. И. Саитова. Изд. Ак. П. Т. I. СПб. 1906.
- Письма П. и къ П. Подъ ред. В. Брюсова. М. 1903 г.
- в) Puschkiniana. Библиографич. указатель статей о жизни А. С. П., его сочиненій и вызванныхъ ими произведеній литературы и искусства. СПб. 1886 г.
- В. В. Каллашъ. Русскіе поэты о П. Сборникъ стихотвореній. М. 1899 г.
- Puschkiniana. I. Библиографич. труды о П. II. Стихотворенія о П. Кіевъ. 1902 г.
- Puschkiniana. Матеріалы и изслѣдованія объ А. С. П. Вып. II. Кіевъ. 1903 г.
- В. Зелинский. Р. критич. литература о произведеніяхъ П. 7 частей. М. 1887—1899 гг.
- Трубачевъ. П. въ р. критикѣ. СПб. 1889 г.
- П. Владимировъ. П. въ р. критикѣ. 1899 г.
- В. Сиповскій. Пушкинская юбилейная литература. Изд. 2-е. СПб. 1902 г.
- П. В. Анисимовъ. Матеріалы для біографіи П. Изд. 2-е. СПб. 1873 г.
- П. въ Александровскую эпоху. СПб. 1874 г.
- Общественные идеалы А. С. П. (въ III ч. „Воспоминаній и критич. очерковъ“).
- Я. Гротъ. П., его лицейскіе товарищи и наставники. Изд. 2-е. 1899 г. (п въ III-емъ т. „Трудовъ“ Грота. СПб. 1901 г.).
- Л. Майковъ. П. Біографич. матеріалы и ис-

- торико-литературные очерки. СПб. 1899 г. П. и его современники. Изд. Ак. Н. 5 вып. 1907 г.
- Н. Лернеръ.* А. С. П. Труды и дни. М. 1903 г.
- Н. Сумцовъ.* Этюды объ А. С. П. 10 вып. Варшава. 1893—1899 гг.
- В. Якушкинъ.* О П. Статьи и замѣтки. М. 1899 г.
- М. Лемке.* Николаевскіе жандармы и литература 1826—1835. СПб. 1908 гг.
- И. Владимировъ.* П. и его предшественники. 1899 г.
- А. Н. Веселовскій.* П. и европейская поэзія (въ „Этюдахъ и характеристикахъ“).
- В. В. Никольскій.* Идеалы П. Изд. 3-е. СПб. 1899 г.
- Слютинскій.* Политическіе идеалы П. Ист. В. 1905, 6.
- В. О. Ключевскій.* Евг. Олѣгинъ и его предки. Р. М. 1887 г., № 2.
- В. Осиповскій.* Очерки пушкинской Руси. Изд. 2-е. СПб. 1897 г.
- Вл. С. Соловьевъ.* Судьба П. СПб. 1898 г. (Сочиненія, Т. VII).
- П. Коробка.* Личность въ р. обществѣ и литературѣ начала XIX в. П. и Лермонтовъ. СПб. 1903 г.
- Мережковский.* Вѣчные спутники. Изд. 3-е. СПб. 1906 г.
- Ю. Айхенвальдъ.* Силуэты р. писателей. Вып. I. М. 1906 г.
- В. Г. Вильямскій.* Сочиненія А. С. П. (VIII т. изд. Солдатенкова, III т., изд. Павленкова).
- В. Стотонинъ.* А. С. П. СПб. 1881 г.
- Пезденновъ.* А. С. П. въ его поэзіи. СПб. 1882 г.
- Шесть статей о П. СПб. 1892 г.
- А. Пыпинъ.* Характеристика литерат. мѣстной отъ 20-хъ до 50-хъ гг. Изд. 3-е. СПб. 1906 г.
- В. Сиповскій.* П. Жизнь и творчество. СПб. 1907 г.
- П. Драгановъ.* Кто впервые принялся переводить А. С. П. и прототипы переводовъ его на 50 языковъ и нарѣчій міра. Ист. В. 1899 г., май (ср. также перечень переводовъ главнѣйшихъ произведеній П. на иностранные языки въ Энц. Слов. Брокгауза, тт. 50, стр. 848—9).
- П. Кулаковскій.* Стихотворенія А. С. П. въ славянскихъ переводахъ. Варшава. 1899 г.
- Писатели — декабристы.** Собраніе стихотвореній декабристовъ. Изд. II. И. Оомина. Т. I. М. 1906 г. Т. II. М. 1907 г.
- Е. О. Рылѣевъ.* (1795—1826). Сочиненія и переписка, подъ ред. П. Ефремова. 3-е изд. СПб. 1874 г.—Полное собраніе сочиненій въ „Библиотекѣ декабристовъ“ 1906 г., вып. I и III.—О немъ: *Якушкинъ.* Изъ исторіи литературы 20-хъ гг. В. В. 1888, XI. *Сироткинъ,* въ Р. Арх. 1890 г., № 6. *Бороздинъ* въ I т., „Литерат. характеристикъ“, *Н. Котляревскій,* въ Р. Бог. 1904—1905 г. *Г. Валицкій,* въ I вып., „Библ. декабристовъ“, *Ивановъ,* въ „Исторіи р. критики“
- В. Сиповскій.* Пушкинъ и Рылѣевъ. СПб. 1905 г. *Айхенвальдъ.* Силуэты р. писателей. Т. I.
- Кн. А. И. Одоевскій* (1803—1839). 1) Полное собраніе стихотвореній. Подъ ред. бар. Розена. СПб. 1883 г. 2) Подъ ред. М. Н. Мазаева. СПб. 1893 г. (въ прилож. къ „Сѣверу“). О немъ: *А. Сироткинъ,* въ И. В. 1883, 5. *Н. Котляревскій.* Декабристы. СПб. 1907 г.
- В. К. Кюхельбекеръ.* (1797—1846). Сочиненія: въ „Собраніи стихотвореній декабристовъ“ (Лейпцигъ. 1863 г.), въ изданіи Оомина т. II; во „Всемир. Вѣстн.“ за 1903 г.; въ Лит. В. 1902 г. т. III. Вѣчный Жидъ. Р. Ст. 1878 г. 3. Мистерія „Ижорскій.“ СПб. 1825 г.
- Переписка и Дневникъ (1881—45)—Р. Ст. 1870. Т. I; 1875. Т. XII, XIII—XIV; 1878. Т. XXI, XXII; 1883, 7 и 8; 1884, 1 и 2; 1890, 8; 1891, 10; Р. Арх. 1881, 1; 1871 г. О немъ: *Ю. В. Косовъ.* Биографич. очерки и переписка (1817—1825). Р. Ст. 1875, 7. *Н. А. Котляревскій.* Литерат. дѣятельность декабристовъ. Р. Бог. 1901 г. № 3 и 4. *Ивановъ.* Исторія р. критики. Т. I. *И. Замотинъ.* Романтическій идеализмъ. СПб. 1908.
- А. Вестружневъ - Маралискій* (1795—1837). Полное собраніе сочиненій въ 12 ч., изд. 4-е, СПб. 1847 г. О немъ: *Венгеровъ.* Критико-биографич. словарь. Т. III. *Ивановъ.* Исторія р. критики. Т. I. *Волгарскій.* Изъ прошлаго р. общества *Н. Котляревскій.* Декабристы. СПб. 1907.
- А. О. Грибоѣдовъ.* (1796 или 1795—1829).
- а) Полное собраніе сочиненій, подъ ред. Н. А. Шляпкина СПб. 1889 г. 2 тт.
- „Горе отъ ума“, изд. московскаго Историч. музея подъ ред. В. Е. Якушкина. 1906 г.
- б) Письма, въ I т., изданіе подъ ред. Шляпкина.
- Письма къ Н. Каховскому въ „Сборникъ О. люб. р. слов.“ М. 1891 г.
- в) *Н. Е. Писановъ.* Матеріалы для библиограф. указателя произведеній А. С. Гр. и литературы о немъ. Юрьевъ. 1903 г. А. С. Гр. Библиографическій указатель произведеній Гр. и литературы о немъ подъ ред. Н. Лисовскаго (1814—89). СПб. 1889 г.
- А. Окибичевскій.* А. С. Гр., его жизнь и литерат. дѣятельность. СПб. 1893 г.
- И. А. Гончаровъ.* Милльонъ терзавій. (Собр. сочиненій, изд. Маркса. Т. XI).
- А. Суворинъ.* „Горе отъ ума“ и его критики (при изд. „Горе отъ ума“. СПб. 1886 г.).
- Алексей Н. Веселовскій.* Этюды и характеристики. Изд. 3. М. 1907 г.
- А. И. Смирновъ.* Грибоѣдовъ, его жизненная борьба и судьба комедій его (Варш. Унив. Изв. 1895 г. Т. VI).
- П. Е. Щеголевъ.* А. С. Гр. и декабристы. По архивн. матеріаламъ. Съ приложеніемъ

- факсимиле дѣла о Гр. СПб. Изд. Суворина 1905 г.
- Olga Kravtzeva*, A. S. Griboiédov. Sa vie—ses oeuvres. Paris. 1907.
- В. Н. Кулижскій.** Языкъ и слогъ „Горя отъ ума“ (съ словаремъ). Отчетъ коллегіи Галагана. 1890—94 гг. (отдѣльно Кіевъ 1894 г.).
- В. Т. Нарѣжнѣй.** (1780—1826). Сочиненія, 10 частей, изд. Смирдина. СПб. 1835—6.
- Россійскій Жилблзъ или похождения князя Гаврилы Семеновича Чистякова. 6 ч. 1814 г. (три послѣднія части уничтожены цензурой).
- О немъ: *Н. А. Блюзерская*. В. Т. Н. Изд. 2-е. СПб. 1896 г.
- Н. В. Гоголь** (1809—1852).
- а) Сочиненія: 1) подъ ред. Н. С. Тихонова и В. И. Шенрока. СПб. 1889—1896. 7 тт.; подъ тою же редакцію, изд. Маркса, въ приложеніи къ „Нивѣ“ за 1900 г. въ 12 тт.; изд. Сытина подъ ред. А. И. Кирпичникова, М. 1902 г.; „Ревизоръ“, первоначальный сценический текстъ, извлеченный изъ рукописей Н. С. Тихоновымъ. М. 1886 г.
- б) Письма Н. В. Г., подъ ред. В. Шенрока, 4 тт. СПб. 1901 г.
- в) *С. А. Венеровъ*. Источники словаря писателей. Т. I. СПб. 1900 г.
- Горожанскій*. Библиографич. указатель о Н. В. Г. отъ 1829 по 1882 г. Р. М. 1883 г. прилож.
- С. Пономаревъ*. Обзоръ литературы о Г. въ „Изв. Нѣжинскаго филологич. института“ за 1882 г.
- В. И. Шенрокъ*. Матеріалы для біографіи Г. 4 тт. М. 1892—8 гг.
- Спорные вопросы въ біографіи Г. В. Е. 1904 г. № 9 и сл.
- А. И. Кирпичниковъ*. Опытъ хронологич. канвы къ біографіи Н. В. Г. (при изданіи Сытина).
- Сомнѣнія и противорѣчія въ біографіи Г. (Комментарій къ біографич. канвѣ). Изв. Отд. р. яз. и сл. Ак. Н. Т. V.
- А. Веселовскій*. Этюды и характеристики. Изд. 3-е. М. 1907 г.
- Н. В. Г.* Рѣчи, посвященные его памяти (Пыпина, Арсеньева, Бороздина и Перетца). СПб. 1902 г.
- Н. И. Петровъ*. Новые матеріалы для изученія религіозно-правственныхъ воззрѣній Н. В. Г. Кіевъ. 1902 г.
- Пыпинъ*. Характеристики литерат. мнѣній. Изд. 3-е. 1906 г.
- С. А. Венеровъ*. Писатель-гражданинъ (въ „Очеркахъ по исторіи р. литературы“).
- Д. Мережковский*. Гоголь и чортъ. СПб. 1906 г.
- Н. Котляревскій*. Н. В. Г. СПб. 1903 г.
- Д. Н. Овсянко-Куликовский*. Г. Изд. 2-ое. СПб. 1907 г.
- Г. Мандельштамъ*. О характерѣ гоголевскаго стиля. Гельсингфорсъ. 1902 г.

М. Ю. Лермонтовъ. (1814—41).

- а) Первое полное собраніе сочиненій, подъ ред. П. Висковатова. М. 1891 г. 6 тт. (съ обширной біографіей въ VI т.). Полное собраніе сочиненій, подъ ред. Арс. Введенскаго. СПб. 1891 г. 4 тт.
- б) Письма — въ названныхъ выше изданіяхъ.
- в) Библиографія при III т. изд. подъ ред. Висковатова.
- Бѣлинскій*. Полное собраніе сочиненій, подъ ред. Венгерова. Т. V. и VI.
- В. Острогорскій*. Мотивы лермонтовской поэзіи. М. 1891 г.
- С. А. Андреевскій*. Литерат. очерки. СПб. 1902 г.
- В. Спасовичъ*. Байронизмъ у Л. (Сочиненія. Т. II).
- П. Владиміровъ*. Историческіе и народно-бытовые сюжеты въ поэзіи М. Ю. Л. Кіевъ. 1892 г.
- Н. И. Коробка*. Личность въ р. обществѣ и литературѣ начала XIX в. Пушкинъ, Лермонтовъ. СПб. 1903 г.
- Н. Михайловскій*. Герой безвременія (Сочиненія. Т. IV, и отдѣльно).
- Н. Котляревскій*. М. Ю. Л. Изд. 2-е. СПб. 1905 г.
- А. В. Кольцовъ.** (1808—1842).
- а) Сочиненія: 1) подъ ред. А. И. Ляшенка. СПб. 1893 г.; 2) подъ ред. Арс. Введенскаго, 2 изд. СПб. 1895 г.
- б) Письма — въ названныхъ выше изданіяхъ.
- в) *Бѣлинскій*. XII т. изд. Солдатенкова или IV т. Павленкова.
- Вал. Майковъ*. Сочиненія, изд. Фукса. Т. I.
- М. Де-Пуа*. А. В. К. въ его житейскихъ и литерат. дѣлахъ и въ семейной обстановкѣ. СПб. 1878 г.
- В. Огарковъ*. К., его жизнь и литерат. дѣятельность. СПб. 1891 г.
- В. К. Армершtedтъ*. Міросозерцаніе кружка Станкевича и поэзія К. Вопр. фил. и псих. 1893, 5.
- П. Владиміровъ*. К., какъ человекъ и какъ поэтъ. Кіевъ. 1894 г.
- В. Острогорскій*. Художникъ р. пѣсни. А. В. К. М. 1893 г.
- С. Н. Прядкинъ*. Очерки поэзіи А. В. К. Воронежъ. 1906 г.
- Вл. Ф. Одоевскій** (1803—1869).
- а) Сочиненія. 3 части. СПб. 1844 г.
- Мнемозина. Альманахъ въ 4 кн. 1824 г. Изд. кн. Вл. Ф. Од. и Кюхельбекеромъ. Сказки и рассказы дѣдушки Ирины. 3-е изд. СПб. 1895 г.
- б) Бумаги кн. Вл. Ф. Од. въ приложеніи къ Отчету Имп. Публ. б. за 1884 г. (СПб. 1887 г.).
- Изъ бумагъ кн. Вл. Ф. Од. Р. Арх. 1864, 7 и 8; 1874, 1; 1871, 1; 1897, 6.
- Изъ переписки кн. Вл. Ф. Од.: Р. Ст. 1904 г. май и сл.; Кіевск. Ст. 1883, 4; Р. Арх. 1879, II; 1878, II; 1890, II; Р. Ст. 1892, 4; Р. Обзор. 1894, 3.

- в) *Вьминскій*. Т. III изд. Павленкова, Т. IX изд. Солдатенкова.
Пятковский. Кн. Вл. Θ. Од. СПб. 1870 г.
 — Кн. Вл. Θ. Од. и Д. В. Велевитиновъ. Изд. 3-е.
Н. Сумцовъ. Кн. Вл. Θ. Од. Харьков. 1884 г.
Ч. Вьтрилскій. Въ сороковых годахъ, М. 1899.
А. Θ. Кони. Очерки и воспоминанія. 1905 г.
Н. Котляревскій. Старинные портреты. СПб. 1907 г.
Б. А. Лезинъ. Краткій обзоръ просвѣтит. дѣятельности кн. Вл. Θ. Од. и его педагогич. принципъ. Р. Ш. 1904 г., дек.
И. А. Яичукъ. Кн. В. Θ. Одоевскій и его значеніе въ исторіи р. церковной и народной музыки. Т. I Труды музыкально-этнографич. Комиссіи И. О. люб. ест., антр. и этногр. М. 1906 г.
Б. А. Лезинъ. Очерки изъ жизни и литер. дѣятельности кн. Вл. Θ. Од. Записки Харьк. ун-в. 1905, 2; 1906, 1, 2, 3, 4.
И. И. Замотинъ. Романтическій идеализмъ. СПб. 1908.
П. Я. Чаадаевъ (1793 или 1796—1856).
 а) Oeuvres choisies de Pierre Tchaadaïeff, publiées pour la première fois par le P. Gagarin. Paris. Leipzig. 1872 г.
 „Философическія письма“ и „Апология сумасшедшаго“ въ приложеніи къ книгѣ М. О. Гершензона „П. Я. Ч.“ СПб. 1908 г.
 б) Орывки изъ ненаданныхъ бумагъ Ч. въ В. Е. 1873, 11; 1871, 11. Переписка Ч.—па: Сочиненія Дениса Давыдова, ч. 3; Н. Сумцовъ. „Моск. ун-в. благор. пансіонъ“; Библ. Зап. 1861, № 1; Р. Арх. 1866 № 7; 1872, VI; 1881, 1. Р. Ст. 1870, т. I, 1902, 3; В. Е. 1906, 4; 1874, VII; Гершензонъ. „П. Я. Ч.“
 в) *Пытинъ*. Характеристики литературн. мѣній отъ 20-хъ до 50-хъ гг. 3-е изд. 1906 г.
А. Веселовскій. Этюды и характеристики. Изд. 3-е. М. 1907.
П. Н. Милоковъ. Главныя теченія р. исторической мысли. Изд. 2-е.
Ив. Бобровъ. Философія и литература. Т. I. Казань. 1898 г.—Его же. „Философія въ Россіи“. Вып. IV.
Белятовъ. Критика нашихъ критиковъ. СПб. 1906 г.
Пузановъ. П. Я. Ч. Труды Киевск. Дух. Ак. 1906, кн. 5 и 6.
М. О. Гершензонъ. П. Я. Ч. Жизнь и мышленіе. СПб. 1908 г. Въ приложеніи: Письмо В. Д. Пановой къ Чаадаеву, „Философическія письма“ Ч.—ва, „Апология сумасшедшаго“, три письма къ А. И. Тургеневу, письмо къ Сиркуру и письмо къ неизвѣстному.
Н. В. Станкевичъ. (1813—1840).
 а) Стихотворенія. Трагедія. Проза. М. 1890 г.
 б) Письма въ книгѣ Аппенкова „Н. В. Ст.“ М. 1857 г.
 в) *Аппенкова*. Н. В. Станкевичъ. М. 1857 г.
 — Очерки и воспоминанія, т. III.
А. Станкевичъ. Т. Н. Грановскій и его переписка. М. 1897 г.
Добролюбовъ. Сочиненія. Т. II.
Скабичевскій. 40 лѣтъ р. критики. (Сочин. Т. I).
Пытинъ. Бѣлинскій. Жизнь и переписка. Изд. 2. СПб. 1908 г.
Филипповъ. Судьбы р. философіи. Р. Бог. 1894, 11.
А. Веселовскій. Кружокъ Ст.—ча. В. Е. 1882, 5.
С. А. Венеровъ. Бѣлинскій. Т. I и III.
 — Очерки по исторіи р. литературы Т. I. СПб. 1907 г.
М. Гершензонъ. Исторія молодой Россіи. М. 1908 г.
Петрашевцы. „Политич. процессы Никол. эпохи“. Петрашевцы. М. 1907 г. Изд. Саблина.
В. И. Семевскій. Изъ исторіи обществ. идей въ Россіи въ концѣ 40-хъ гг. Ростовъ на Дону. 1905 г.
Д. Д. Ахшарумовъ. Изъ моихъ воспоминаній конца 40-хъ гг. В. Е. 1901 г., № 11 и 12.
Арефьевъ. Буташевичъ—Петрашевскій въ Сибири. Р. Ст. 1902 г., № 1.
 По дѣлу Петрашевскаго. Р. Ст. 1905 г., февр.
А. Н. Плещеевъ. (1825 — 1893). Стихотворенія. Изд. 3-е (съ биографич. очеркомъ Быкова). О немъ: *Валер. Майковъ*. Сочиненія, т. II (изд. Фукса). *Добролюбовъ*. Т. II. *К. К. Арсеньевъ*. Критическіе этюды. Т. II. *П. А. Заболотскій*. Поэтъ гуманизма и свѣтлыхъ идеаловъ. Записки О-ва ист., филог. и права при Варш. ун. 1904 г., вып. 3.
Вал. Ник. Майковъ. (1823—1847).
 Критическіе опыты. 3-е изд. СПб. 1901 г.
 Сочиненія, изд. Фукса, подъ ред. Г. В. Александровскаго. Киевъ. 1901 г., 2 тома.
 О немъ: *К. К. Арсеньевъ*. Критическіе этюды. Т. II. СПб. 1888 г.
Л. Н. Майковъ. Въ предисловіи къ „Критическ. опытамъ“.
А. Скабичевскій. 40 лѣтъ р. критики. (Сочин., т. I).
И. Ивановъ. Исторія р. критики. Т. II (ч. 3).
Славянофильство. *П. Г. Виноградовъ*. И. Кирѣевскій и начало московскаго славянофильства. В. фил. и псих. 1891 г., кн. XI.
Мих. Бор-ишъ. Происхожденіе славянофильства. СПб. 1891 г.
К. Н. Бестужевъ-Рюминъ. Славянофильское ученіе и его судьбы въ р. литературѣ. От. Зап. 1862 г., 2, 3 и 4.
Ор. Миллеръ. Основы ученія первоначальныхъ славянофиловъ. Р. М. 1880 г., 1 и 3.
Г. А. Максимовичъ. Ученіе первыхъ славянофиловъ. Киевъ. 1907 г.
И. Пановъ. Славянофильство, какъ философское ученіе. Ж. М. Н. Пр. 1880 г., 11.
Кавелинъ. Собраніе сочиненій. Т. III.

- Вл. С. Соловьевъ.* Очерки изъ исторіи р. сознания. (Сочиненія. Т. V).
- М. О. Коллосимъ.* Исторія р. самосознания. Изд. 3-е. СПб. 1901 г.
- А. Д. Градовскій.* Сочиненія. Т. VI. (СПб. 1901 г.).
- Н. Колпаковъ.* Очеркъ философской системы славянофиловъ. Р. Обзор. 1894 г., 7, 8, 9, 10 и 11.
- А. Пытинъ.* Характеристики литерат. мнѣній. Изд. 3-е. 1906 г.
- А. Бороздинъ.* Литературныя характеристики. Т. II.
- Ивановъ-Разумникъ.* Исторія р. общественной мысли. Т. I. 2 изд. СПб. 1908.
- Витринскій.* Грановскій и его время. 2 изд. СПб. 1905 г.
- Барсуковъ.* Жизнь и труды Погодина. 21 кн. 1888—1907 гг.
- В. Семевскій.* Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII в. и первой половинѣ XIX в. Т. II. СПб. 1888.
- Я. Колубовскій.* Матеріалы для исторіи философіи въ Россіи. В. Ф. и Пс., кн. VI.
- Писатели-славянофилы.** *Ив. В. Киртескскій.* (1806—1856). Сочиненія. 2 тт. М. 1861 г. О немъ: *И. Г. Виноградовъ.* И. К. и начало московскаго славянофильства. В. Фил. и Псих. 1891 г., кн. XI. *В. Ласковскій.* Вр. Киртескскіе. СПб. 1899 г.
- Е. С. Аксаковъ.* (1817—1860). Полное собраніе соч. Вышло 3 тома (М. 1861, 1875, 1880).—Освобожденіе Москвы въ 1812 г. М. 1848 г.—Князь Лутовионскій или пріѣздъ въ деревню. М. 1851—Нѣсколько словъ о поэмѣ Гоголя: „Похожденія Чичикова или Мертвыя Души“. М. 1842. О немъ: *В. Смирновъ.* Аксаковы, ихъ жизнь и литер. дѣятельность. СПб. 1895.—Венгеровъ. „Критико-біографич. словарь“, т. I и „Очерки по исторіи р. литературы“ (ч. I).—Пыпинъ. „Исторія р. этнографіи“. Т. II.
- И. С. Аксаковъ.* (1823—1886). Полное собраніе сочиненій. 7 тт. М. 1886—7.—Сборникъ стихотвореній. Изд. 2-е. М. 1886 г.—И. С. Акс. въ его письмахъ. 2 тт. М. 1888.—О немъ: *Венгеровъ.* „Критико-біографическій словарь“, т. I.—*Арсеньевъ.* Критич. этюды. Т. I.—*М. Сухомлиновъ.* И. С. Акс. въ сороковыхъ годахъ (въ II т. „Исслѣдованій и статей“). *В. Смирновъ.* Аксаковы, ихъ жизнь и литерат. дѣятельность. СПб. 1895 г.
- Ю. О. Самаринъ.* (1819—1876). Сочиненія. 10 тт. М. 1877—1896. О немъ: Въ память Ю. О. С. СПб. 1876 г.—*Градовскій.* Трудные годы. СПб. 1880 г.
- А. С. Хомяковъ.* (1804—1860). Собраніе сочиненій. 8 тт. М. 1900—1 гг. О немъ: *В. Ласковскій.* А. С. Х. СПб. 1898 г. *В. З. Завитиневичъ.* А. С. Х. Т. I. Кіевъ. 1902 г.—Его же. Х., какъ богословъ. 2 тт. Кіев. 1905 г. *Л. Е. Владимировъ.* А. С. Х. и его этико-соціальное ученіе. М. 1904 г.
- С. А. Венгеровъ.* Молодая редакція „Москвитянина“. В. Е. 1886 г. № 2. *Л. И. Лобовъ.* Славянофильство и его литерат. представители (Алмазовъ, Эдельсонъ и др.). Слав. Извѣстія. 1906 г. № 4 и сл.
- Ал. Григорьевъ.* (1822—1864). Сочиненія. Т. I. СПб. 1876 г. О немъ: *И. Ивановъ.* Исторія р. критики. Т. II.—*Шазъ-Наро-нианъ.* Критикъ-самобытникъ. Ал. Ал. Гр. СПб. 1899 г.—*Д. Михайловъ.* Ал. Гр.; жизнь въ связи съ характеромъ литер. дѣятельности его. СПб. 1900 г.
- В. Г. Бѣлинскій.** (1810—1848).
а) Сочиненія: 1) подъ ред. С. А. Венгеровъ (пока вышло 8 тт.); 2) изд. Солдатенкова и Щепкина въ 12 тт.; 3) изд. Павленкова въ 4 тт. (съ 1906—7 гг.—изданіе 3-е).
б) Переписка: въ книгѣ Пыпина „В. Г. Б., его жизнь и переписка“ (см. ниже); при изданіи Павленкова; Русь, 1881, 8. Р. М. 1891, 1; 1892, 1; Отчетъ Имп. П. Библ. за 1889 г.; Сборникъ Общ. люб. росс. слов. 1891 г.; Лепта В. въ пользу голодающихъ, 1892; книга „Анненковъ и его друзья“; Р. Обзор. 1894, кн. 5; сборникъ „Почипъ“. М. 1896 г.; сборникъ „Братская помощь“; сборникъ „Дѣло“ (1899 г.).—Письмо В. къ Гоголю. Изд. „Свѣточа“. СПб. 1905 г.
- Чернышевскій.* Очерки гоголевскаго періода р. литературы (Полное собраніе сочиненій. Т. II. СПб. 1906 г.).
- Ал. Григорьевъ.* Сочиненія. Т. I.
- И. Анненковъ.* Воспоминанія и критич. очерки. Т. III.
- И. Анненковъ* и его друзья. СПб. 1892 г.
- А. Скабичевскій.* 40 лѣтъ р. критики. (Сочиненія. Т. I).
- Памяти В. Г. Б. Сборникъ. 1899 г.
- А. Пытинъ.* В. Г. Б., его жизнь и переписка. Изд. 2-е („Колоса“). Въ одномъ томѣ. СПб. 1908 г.
- Характеристики литерат. мнѣній. Изд. 3-е.
- И. Ивановъ.* Исторія р. критики. Т. II.
- М. Филипповъ.* Судьбы р. философіи. Р. Бог. 1894, 9 и 11.
- Философскія убѣжденія Б. Научное Обзор. 1897, 5, 6, 8, 9.
- С. Венгеровъ.* Великое сердце (въ „Очеркахъ по исторіи р. литературы“).
- Евн. Соловьевъ.* Б. въ его письмахъ и сочиненіяхъ. СПб. 1898 г.
- Ч. Витринскій.* Грановскій и его время. Изд. 2-е. СПб. 1905 г.
- Ивановъ-Разумникъ.* Исторія р. обществ. мысли. Т. I.
- Бельтовъ.* За 20 лѣтъ. Изд. 2-е. СПб. 1906 г.
- Г. Плехановъ.* Рѣчь о Б. Одесса. 1906 г.
- Т. Н. Грановскій.** (1813—1855).
а) Сочиненія: 1) 4-е изд. М. 1900 г., въ одномъ томѣ; 2) изданіе Библиотеки „Свѣра“, 1906 г.

- б) Т. Н. Грановскій и его переписка, Т. II. М. 1897 г.
- в) Т. Н. Грановскій и его переписка. Т. I. М. 1897 г. Биографическій очеркъ А. Станкевича.
- Анненковъ. Воспоминанія и критич. очерки. Т. III.
- Кавелинъ. Т. Н. Грановскій (Сочиненія. Т. III).
- II. Г. Виноградовъ. Т. Н. Грановскій. М. 1893 г. апр., и въ „Сборникъ въ пользу воскресной школы“ (М. 1894 г.).
- II. Милоковъ. Изъ исторіи р. интеллигенціи. СПб. 1902.
- Ч. Витрицкий. Т. Н. Грановскій и его время. Изд. 2-е. СПб. 1905 г.
- Н. Карповъ. Историческое міросозерцаніе Т. Н. Грановскаго. Изд. 3-е. СПб. 1905 г.
- Д. М. Левшинъ. Т. Н. Грановскій. Опытъ историч. синтеза. Изд. 2. 1902 г.
- В. А. Мясоминъ. Изъ исторіи р. общества. 2 изд. СПб. 1906 г.
- Р. Ю. Випперъ. Общественно-историч. взгляды Грановскаго. М. Б. 1905 г. № 11.
- М. Гершензонъ. Исторія молодой Россіи. М. 1908.
- А. И. Герценъ. (1812—1870).
- а) Сочиненія: 1) Женева. 1857—1880, 11 тт.; 2) Колоколъ и Полярная Звѣзда; 3) изд. Ф. Павленкова въ 7 тт., СПб. 1905 г.; 4) тою же фирмою въ 1907 г. издано въ болѣе исправной редакціи нѣсколько отдѣльных произведеній; 5) Du développement des idées révolutionnaires en Russie. Изд. 2-е. Лондонъ. 1853 г. (въ р. переводѣ издано Сытинъ подъ заглавіемъ „Движеніе общест. мысли въ Россіи“. М. 1907 г., и Саблинъ подъ заглавіемъ „Къ развитію революц. идей въ Россіи“. М. 1906 г.); 6) новая глава изъ „Былого и Думъ“ въ журн. „Былое“, 1907 г., май; 7) незаданная статья А. И. Г. въ журналѣ „Былое“ 1906 г., февраль.
- б) Дневникъ А. И. Г. въ VI т. изд. Павленкова.—Переписка А. И. Г. съ Н. А. Захарьиной—ib., т. VII.—Переписка А. И. Г.: Р. Ст. 1876, т. 17; 1889, т. 61; Р. М. 1888, 7, 9—11; 1889, 1, 4, 10—12; 1890, 3, 4, 8—10; 1891, 6, 7, 8; 1892, 7—9; 1902, 11, 12; Р. Арх. 1887, II; Сѣв. В. 1894, 7, 8; В. Евр. 1907, № 6 и сл.; сборникъ „Помощь голодающимъ“ (1892).—М. Бакунинъ. Его письма къ А. И. Г. и Н. Огареву. СПб. 1907 г.
- в) Т. II. Пассекъ. Изъ дальнихъ лѣтъ. 3 тт. СПб. 1878—9, 1889.
- Н. Огарева-Тучкова. Воспоминанія. М. 1903.
- II. В. Анненковъ. Воспоминанія и критич. очерки. Ч. III. СПб. 1881.
- II. В. Анненковъ и его друзья. СПб. 1892.
- В. Батуринскій. Г., его друзья и знакомые. Т. I. СПб. 1904 г.
- А. Пытинъ. В. Г. Бѣлинскій, его жизнь и переписка. Изд. 2-е. СПб. 1908 г.
- II. Милоковъ. Изъ исторіи р. интеллигенціи. СПб. 1902.

- Е. Некрасова. Юпошескіе литер. труды Г. Сѣв. В. 1895 г., сент.
- М. Лемке. Очеркъ жизни и дѣятельности Г., Огарева и ихъ друзей. М. Б. 1906 г., июль.
- М. Гершензонъ. Г. и Западъ. Р. М. 1907, № 3. — Западные друзья Г. Былое. 1907 г., апрѣль.
- М. Лемке. Г. въ Европѣ. Совр. Міръ. 1906 г., октябрь.
- Н. Стразовъ. Борьба съ Западомъ. СПб. 1887 г.
- Бородкинъ. Славянофильство Тютчева и Г. 1902 г.
- С. Булаковъ. Душевная драма Г. (въ книгѣ „Отъ марксизма къ идеализму“. СПб. 1904 г.).
- Otto von Sperber. Die socialpolitischen Ideen A. Herzens. Leipzig. 1894.
- М. Гершензонъ. Соціально - политическіе взгляды А. И. Г. М. 1906 г.
- Вл. Н. Ивановскій. Г., какъ социалистъ. Образованіе. 1907, 1 и 2.
- Д. В. Смирновъ. Жизнь и дѣятельность А. И. Г. СПб. 1897 г.
- Ч. Витрицкий. Въ сороковыхъ годахъ. М. 1899 г.
- II. Морозовъ. Минувшій вѣкъ. СПб. 1902 г.
- В. Бончарскій. Изъ прошлаго р. общества. СПб. 1904 г.
- Десперовъ. А. И. Г. 1906 г.
- Ивановъ - Разумникъ. Исторія р. обществен. мысли. Т. I. 2-ое изд. СПб. 1908.
- II. Боборыкинъ. А. И. Г. Р. Мысль. 1907, № 11.
- Д. Н. Овсянко-Куликовскій. А. И. Г. СПб. 1908.
- Н. Пл. Огаревъ (1813—1877).
- а) Стихотворенія 2 тт. Подъ ред. М. О. Гершензона. М. 1904 г.
- б) Переписка. Р. М. 1888—1892 (см. о Герценѣ).
- в) Анненковъ и его друзья. СПб. 1892 г.
- В. Боткинъ. Сочиненія, т. II. II. Перцовъ. Философскія теченія р. поэзіи. 2 изд. СПб. 1900 г. Ю. Айзенвальдъ. Служацы р. писателей. Вып. I. М. Гершензонъ. Исторія молодой Россіи. М. 1908 г.

ГЛАВА XIV.

Внѣшняя политика Россіи въ первыя десятилѣтія XIX вѣка.

Источники. Ө. Мартенсъ. Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіей съ иностранными державами. Т. XIV. СПб. 1905. Сергій Соловьевъ. Дипломатическія сношенія между Россіей и Швеціей въ первые годы царствованія Александра I. (Сбор. Имп. Русск. Ист. О—ва, т. II). Записки графа Каподистрии о его служебной дѣятельности (Сбор. Имп. Русск. Ист. О—ва, т. III). По-

литическая переписка Наполеона съ генераломъ Савари 1807 г. (Собр. Имп. Русск. Ист. О—ва, т. LXXXIII). Посольство графа П. А. Толстого въ Парижъ въ 1807 и 1808 гг. (Собр. Имп. Русск. Ист. О—ва, т. LXXXIX). *Переписка герцога Ришеле* (Сб. Имп. Русск. Ист. О—ва, т. LIV). *Донесенія* А. И. Чернышева, князя Куракина, барона Сухтелена и пр. (Собр. Имп. Русск. Ист. О—ва, т. XXI). *Metternich. Mémoires*, 8 т. 1884. *Correspondance de Napoléon I* (тт. XV, XVI, XVII и XVIII). Paris. 1858—70, изд. A. Du-Casse. *Talleyrand. Mémoires*. 1890—92. Донесенія князя Куракина Александру I о его бесѣдахъ съ Наполеономъ 1809—1811. (Русск. Арх. 1870). *К. К. Злобинъ*. Дипломатическія сношенія между Россіей и Швеціей со времени вступленія на престолъ императора Александра I до присоединенія Финляндіи (Собр. Имп. Русск. Ист. О—ва, т. II). *Поццо-ди-Борго*. Запѣтки и воспоминанія о самомъ себѣ, адресованныя гр. Разумовскому. 1804. (Сб. И. Р. И. О. т. II). *Pozzo di Borgo. Correspondance diplomatique*. Paris. 1890. *Prince Adam. Czartorysky. Mémoires et correspondance avec Alexandre I*, 2 т. Paris. 1887. *Graf von Toll. R.-Denkwürdigkeiten*. 2-е изд. 4 т. Leipzig. 1865—6. *И. П. Липранди*. Опытъ каталога всѣмъ отдѣльнымъ сочиненіямъ по 1872 г. объ Отечественной войнѣ 1812 г. Бумаги, относящіяся до Отечественной войны 1812 г., собранныя и издавныя П. И. Шуклинымъ, ч. I—VII. Москва. 1897—1903. *Матеріалы Военно-Ученаго Архива Главнаго Штаба*. Отечественная война 1812 г., части I и II. СПб. 1900—3. *И. Дубровина*. Отечественная война въ письмахъ современниковъ 1812—15 гг. (Записки Имп. Академіи Наукъ, т. XLIII). СПб. 1882 г. *В. Харкевичъ*. 1812 г. въ дневникахъ, запискахъ и воспоминаніяхъ современниковъ. Вильна. 1900—3. *Tchitchagoff. Mémoires inédits*. Campagnes de la Russie in 1812 contre la Turquie, l'Autriche et la France. Berlin. 1855. *А. И. Ермоловъ*. Записки о войнѣ 1812 г. Лондонъ и Брюссель, 1863 г. и Москва, 1865 г. *Rostopchine*, le comte. La vérité sur l'incendie de Moscou. Paris. 1823. *Ségur. Histoire de Napoléon et de la grande armée pendant l'année 1812*; 2 v. Paris. 1826. *Klüber. Acten des Wiener Kongresses*. 9 томовъ, 1815—19 и 1835. *De Maistre. Correspondance diplomatique 1811—17*. 2 тома. Парижъ. 1858 г. *Герцогъ Ришеле*. Переписка съ Александромъ I, Поццо-ди-Борго, Каподистріей, Нессельроде и др. (Сб. Р. И. О., т. LIX). *Растопчинъ, гр. Ф. В.* Переписка съ императоромъ Александромъ I. (Русск. Стар. 1893). *А. А. Половцева*. Дипломатическая переписка посланниковъ, 1814—1830. (Сб. И. Р. И. О. 1902 г.). Мемуары о 12 годѣ. Д. Давыдовъ. „Дневникъ партизанскихъ дѣйствій“. И. И.

Муравьевъ. Русск. Архивъ, 1885—93 гг. Перовскій. Ibid. 1865, № 3.

Общія сочиненія. *L'alliance russe sous le premier Empire. Albert Vandal. Napoléon et Alexandre I*. 3 тома. Paris. 1891—6. *Трачевскій*. Дипломатическія сношенія Россіи съ Франціей въ эпоху Наполеона I. Введеніе къ документамъ архивовъ Парижскаго и Петербургскаго за 1800—1808 гг. (Сб. И. Р. И. О. 1890—1894 гг.). *Шильдеръ*. Александръ I. 1901 г. *Богдаповичъ*. Исторія Отечественной войны 1812 г. 3 тома. СПб. 1859—1860. *Богдаповичъ*. Исторія войны 1813 г. до независимости Германіи. 2 тома. СПб. 1863 г. *Богдаповичъ*. Исторія войны 1814 г. СПб. 1865 г. *Сергій Соловьевъ*. Императоръ Александръ I. Политика. Дипломатія. СПб. 1877 г. *A. Thiers. Histoire du Consulat et de l'Empire*. 2 т. 1845—62 (русскій переводъ Ф. А. Кони. СПб. 1849 г.), *Landfrey. Histoire de Napoléon 1868—69* (русск. перев. Карѣева, изд. Вольфа). *S. Tatistcheff. Alexandre I et Napoléon d'après leur correspondance inédite 1801—1802*. Парижъ. 1891 г. *The Cambridge. Modern History*, v. IX, Napoléon. Кембриджъ. 1906 г. (въ особенности т. XVI, Russia under Alexander I and the invasion of 1812. Е. Щепкина). Въ приложеніи подробная библіографія. *Лависсъ и Рамбо*. Исторія XIX вѣка. Пер. съ французскаго, тт. I, II и III. М. 1907 г. изд. Т-ва Бр. А. И. Гранатъ и К°. Приложена подробная библіографія. *T. Bernhardi. Geschichte Russlands und der europäischen Politik im XIX-ten Jahrhundert*, 4 т. Leipzig. 1863—77. *Jomini. Vie politique et militaire de Napoléon. Гервингусъ*. Исторія XIX в. Переводъ съ нѣмец. Т. I. *Debidour. Histoire diplomatique de l'Europe*. Т. I. *Treitschke. Deutsche Geschichte*. Т. I. Berlin. 1882.

Важнѣйшія монографіи и отдѣльныя статьи. *A. Vandal. La France et la Russie pendant la campagne de 1809. (Annales de l'Ecole des Sciences Politiques. 1892).* *E. Driault. La question d'Orient en 1807* (ib. V, XIV, XV). Paris. 1900—1. *E. Driault. La politique orientale de Napoléon*. (1806—8). Paris. 1904. *В. Харкевичъ*. 1812 г. Березина. Военно-историческое изслѣдованіе. СПб. 1893 г. *В. Харкевичъ*. Война 1812 г. отъ Нѣмана до Смоленска. Вильна. 1901 г. *А. Н. Поповъ*. Москва 1812 г. (Русск. Арх. 1875—6). *Окуаревскій*. 1812 г. отъ начала войны до Смоленска включительно. Казань. 1898 (библіографія). *Градовскій*. Система Меттерниха. (Вѣст. Европ. 1894, I и II тт.). *Sorel. Le traité de Paris du 20 novembre 1815* г. *С. Соловьевъ*. Вѣнскій конгрессъ. (Р. Вѣст. 1865 г. II). *Strobec von Kavelersbers. Metternich und seine Zeit*. Вѣна и Лейпцигъ. 1906 г.

Оглавление.

Россія въ концѣ XVIII вѣка.

(М. Н. Покровскаго).

	Стр.
1. Хозяйство. Отмѣна натуральныхъ податей. Слабое развитіе внѣшней и внутренней торговли. Низкій уровень техники сельскаго хозяйства. Зарожденіе плантаціоннаго хозяйства. Помѣщичья фабрика	1
Слабое распространеніе сельско-хозяйственнаго капитализма.	4
Денежный оброкъ. Ростъ потребностей помѣщичьяго класса	5
Ростъ населенія и его вліяніе на переходъ къ новымъ формамъ хозяйства. Переселенія. Усиленная смертность. Эпидемія	6
2. Общество. Дворянство. Помѣстья были государствомъ въ миниатюрѣ. Неограниченная власть помѣщиковъ надъ крестьянами въ XVIII в. Право суда и наказанія каторгой. Пытки. Помѣщичьи судебники	8
Законодательная власть помѣщика. Его дворъ и администрація.	9
Просвѣтительный абсолютизмъ помѣщиковъ	11
Вліяніе дворянства на управленіе. Въ царствованіе Екатерины дворянство становится во главѣ мѣстнаго управленія и не стремится захватить центрального. Составъ общества—помѣщики и ихъ „подданные“. Казенные крестьяне	12
Русскій городъ XVIII вѣка носитъ еще болѣе средневѣковый характеръ, чѣмъ деревня. Незначительность городского населенія. Недостатокъ капитала въ нарождавшейся промышленности . .	14
3. Государственная власть. Государство было вотчиной въ большомъ размѣрѣ	15
Эволюція государственныхъ учреждений XVIII вѣка. Паденіе коллегіальнаго начала. Возрастающее вліяніе чиновниковъ во всѣхъ областяхъ управленія центрального и мѣстнаго. Генераль-прокуроръ.	16
Вмѣшательство Екатерины II во всѣ сферы и мелочи управленія. Общій безпорядокъ и полное финансовое разстройство къ концу ея царствованія. .	19

ГЛАВА I.

Павелъ Петровичъ.

(М. Н. Покровскаго).

	Стр.
Характеристика Павла	21
Развинченность нервной системы . . .	23
Вліяніе гатчинской обстановки	24
Самодурство Павла по вступленіи на престолъ и его грубость	25
Столкновеніе самодержавія съ дворянскими привилегіями. Гоненіе на дворянъ. Распространяетъ тѣлесное наказаніе на дворянъ лишенныхъ своего званія, отнимаетъ право петицій, не разрѣшаетъ губернскихъ дворянскихъ собраній. Любовь къ Павлу низшихъ слоевъ населенія. Указъ о трехдневной барщинѣ. Ненависть дворянства .	27
Убіиство Павла I. Роль Папина	28
Роль Александра и всей царской семьи въ заговорѣ 11 марта 1801 г.	30

ГЛАВА II.

Александръ I.

(1801—1815).

(М. Н. Покровскаго).

Консервативный характеръ первой русской революціи XIX вѣка. Желаніе дворянъ получить гарантію противъ личнаго произвола	31
Первые шаги новаго правительства. Александръ учредилъ совѣтъ непремѣнный изъ лицъ „довѣренностью нашей и общему почтенныхъ“. Дворянскій характеръ совѣта. Возстановленіе жалованной грамоты. Вліяніе Лагарпа и французской революціи на Александра I	32
Совпаденіе взглядовъ Александра на крѣпостное право со взглядами крупнаго землевладѣнія	33
Крупныя вотчины были на оброкѣ. Выгодность постепеннаго освобожденія съ выкупомъ	34
Стремленіе прогрессивныхъ дворянъ къ выгодной для нихъ конституціи. Мордвиновъ.	35
Негласный комитетъ. Запрещеніе издавать крѣпостныхъ поштучно, безъ земли	36

	Стр.
Указъ овольныхъ хлѣбонашцахъ. Споры о политическихъ реформахъ	38
Проекты устройства сената Воронцова, Мордвинова и Строганова. Дворянский характеръ правыхъ и лѣвыхъ проектовъ	39
Конституціонныя стремленія	40
Исходъ первой серіи преобразовательныхъ попытокъ. Сохраненіе самодержавія, какъ орудія дальнѣйшихъ реформъ. Бюрократическій характеръ сената и комитетъ министровъ	42
Начало реакціи. Возрожденіе Тайной экспедиціи. Возвращеніе къ режиму XVIII столѣтія	44
Реформы 1808—1812 годовъ	45
Отраженіе виѣшней политики на народныхъ массахъ	46
Военныя неудачи и стремленія опереться на народный патріотизмъ. Второе пораженіе и губительный для русскаго капитализма разрывъ съ Англіей (Тильзитскій миръ). Дефицитъ	47
Всеобщее недовольство. „Публичныя установленія“, какъ средство снять часть отвѣтственности съ верховной власти	48
Введеніе въ Уложеніе Государственныхъ Законовъ, Сперанскаго. Радикализмъ введенія. Половинчатость и неприкосновенность всего плана	49
Практическое осуществленіе	50
Нежеланіе государя ограничивать свою власть. Учрежденіе государственнаго совѣта	53
Рѣчь Александра при его открытіи. Компетенція совѣта. Законодательство. Бюджетъ. Важнѣйшіе факты виѣшней политики	54
Записка Карамзина о древней и новой Россіи, какъ программа средняго дворянства. Традиціи личнаго управленія. Ихъ связь съ крѣпостнымъ правомъ	56
Консервативный характеръ социальныхъ и политическихъ взглядовъ Карамзина	58
Группировка дворянства. Умѣренность и дворянскій характеръ либерализма декабристовъ. Консерватизмъ большинства дворянъ	60
Отставка Сперанскаго и конецъ „конституціонныхъ иллюзій“	61
Двѣнадцатый годъ и его вліяніе. Отсутствіе національнаго подъема. Разложеніе крѣпостного хозяйства послѣ войны	62
Злоупотребленія и хищенія	63
Перемены въ настроеніи общества. Александръ, какъ представитель этихъ переменъ. Отношеніе къ Польнѣ. Отношеніе къ Россіи. Строгости въ арміи	64

	Стр.
Воспныя поселенія. Стремленіе Александра первенствовать въ Европѣ. Аракчеевъ. Дѣловой характеръ религіозности Александра	65
ГЛАВА III.	
Декабристы.	
(К. Н. Левина и М. Н. Покровскаго).	
1.	
<i>Союзъ Спасенія. Союзъ Благодѣтелей. Южное и Северное Общества. Планы возстаній.</i>	
Послѣдствія наполеоновскихъ войнъ — тайныя общества въ арміи. Союзъ Спасенія	67
Идея царевѣдства. Отсутствіе всякой положительной работы	70
Закрытіе Союза. Учрежденіе Союза Благодѣтелей	71
Главная цѣль Союза — уничтоженіе самодержавія и установленіе представительнаго правленія	72
Организація Союза, Управы. Верховный Совѣтъ. Вліяніе Союза на передовые элементы арміи	73
Неспособность Союза выполнить свою основную задачу. Разногласіе по вопросу о республикѣ между сѣверными и южными отдѣлами	76
Московский съѣздъ 1821 года. Закрытіе Союза	77
Сѣверное и Южное Общество	78
Ихъ взаимныя отношенія	82
Планы возстаній	84
2.	
<i>Мечты Александра I объ отреченіи отъ престола. Отказъ Константина отъ правъ на царство и актъ о престолонаслѣдіи. Смерть Александра I. Междуцарствіе. Приготовленіе Севернаго Общества къ возстанію</i>	
	87
3.	
<i>Идеологія декабристовъ.</i>	
Критика источниковъ „Донесенія Слѣдственнаго Комиссіи“. Мемуары. Проекты декабристскихъ конституцій; слѣдственные показанія Пестеля, Рылѣева и др.	99
Черты буржуазности въ идеологіи декабристовъ; ихъ происхожденіе. Оно не типично для русскаго революціоннаго движенія. Декабристы, какъ представители дворянскаго радикализма: Каховскій	100—104
Бестужевъ, Батенковъ	105
Конституція Муравьева. Ея формальная сторона; вліяніе Соединенныхъ Штатовъ, Испаніи, французской конституціи 1791 г. Ея социальная подкладка	106—107
Широта политическихъ требованій и крайній консерватизмъ въ социальной области	108
Взгляды Пестеля и П. П. Тургенева	116

4.	Стр.
14 Декабря 1825 г. в С.-Петербурге.	
Возстаніе на югъ	119
5.	
Слѣдствіе по дѣлу декабристовъ. Роль Николая I въ дознаніи. Приговоръ по дѣлу декабристовъ. Декабристы въ Сибири	130

ГЛАВА IV.

Экономическое развитіе Россіи въ первой половинѣ XIX вѣка.

(Н. А. Рожкова).

Развитіе денежнаго хозяйства. Ростъ внѣшней торговли. Вывозъ хлѣба, пшеницы и льняного сѣмени	138
Усиленный ростъ торговли внутренней.	139
Начало желѣзнодорожнаго строитель- ства и пароходства по Волгѣ, Днѣпру и др. рѣкамъ. Раздѣленіе труда между сѣверной и средней неземледѣльче- скими и южной земледѣльской и скотоводственной полосами	140
Отраженіе денежнаго хозяйства на фор- махъ землевладѣнія. Господство со- словной дворянской земельной соб- ственности въ первой половинѣ XIX вѣка	142
Появленіе и ростъ не-дворянскаго земле- владѣнія	143
Сильная задолженность дворянскаго землевладѣнія	144
Мобилизація и концентрація дворян- скихъ земель. Вліяніе новыхъ хозяй- ственныхъ условій на крестьянскую массу. Возникновеніе передѣловъ	145
Черезполосица. Принудительный сѣво- оборотъ крестьянской общины	147
Отношеніе между трудомъ и капита- ломъ. Упадокъ крѣпостного хозяй- ства	148
Тенденціи въ сторону все большаго при- мѣненія свободнаго труда въ сельско- хозяйственномъ производствѣ. То же явленіе въ обрабатывающей промыш- ленности	155
Концентрація производства на фабри- кахъ и заводахъ	156
Процессъ перехода главной части фа- брикъ въ руки разбогатѣвшихъ кре- стьянъ	158
Уровень хозяйственной техники въ пер- вомъ періодѣ развитія денежнаго хо- зяйства. Ручной трудъ въ области обрабатывающей промышленности. Экстенсивныя системы земледѣлія въ сельскомъ хозяйствѣ	159
Дѣятельность Вольнаго Экономическа- го О-ва по усовершенствованію спо- собовъ обработки земли	161
Правительственныя попытки въ томъ же направленіи	162

Стр.
Подъемъ земледѣльской техники къ концу второй половины XIX столѣтія. 164
Вліяніе особенностей хозяйственнаго развитія въ первой половинѣ XIX вѣка на распредѣленіе народнаго расхода между отдѣльными группами населе- нія 165
Половина крестьянскаго дохода шла на оброки и подати. Разница въ иму- щественномъ положеніи крестьянъ помѣщичьихъ и государственныхъ . 167

ГЛАВА V.

Внутренняя политика въ царствованіе Николая Павловича.

(А. А. Кизеветтера).

1.

Задачи и средства правительства импера- тора Николая I.

Отношеніе правительства Николая I къ вопросу о государственныхъ рефор- махъ. Вліяніе декабристовъ и ихъ показаній на дальнѣйшую дѣятель- ность правительства	170
Основные черты свода, составленнаго изъ показаній декабристовъ для пред- ставленія государю	172
Роль Секретныхъ Комитетовъ въ раз- работкѣ плановъ государственныхъ нововведеній	174
Стремленіе Комитетовъ не доводить обсуждаемыхъ реформъ до осущест- вленія	175

2.

Комитетъ 6 декабря.

Его рѣшающее значеніе для работы остальныхъ комитетовъ. Реформатор- скія задачи Комитета 6 декабря. Стремленіе Комитета усовершенство- вать существующій порядокъ посред- ствомъ пѣкоторыхъ частныхъ пере- мѣнъ и дополненій	176
Раздѣленіе властей съ точки зрѣнія Комитета	177
Недовѣріе правительства какъ къ на- роду, такъ и чиновничеству—высшему и низшему	182
Пересмотръ высшихъ учрежденій. Улуч- шенія въ мѣстномъ управленіи	183
Духовенство	186
Дворянство. Законъ о состояніяхъ. Крестьянство. Крѣпостное право	188
Практическіе результаты трудовъ Ко- митета 6 декабря	192

3.

Центральныя учрежденія. Мѣстное управле- ніе. Самоуправленіе дворянскаго и городскаго. Фактическое положеніе государствен- наго совѣта при Николаѣ Павловичѣ. 193
Переходъ большаго числа отраслей

	Стр.
администраціи въ непосредственное вѣдѣніе государя. „Собственная Его Императорскаго Величества Канцелярія“	195
Стремленіе Николая I всякое крупное государственное начинаніе провести внѣ общаго порядка, подѣ своимъ личнымъ надзоромъ. Бюрократическая система въ области мѣстнаго управленія. Необходимость вводить общественные элементы въ мѣстныя учрежденія	196
Выдѣленіе въ мѣстномъ управленіи отдѣльных учреждений съ наполовину выборнымъ составомъ. Ничтожная роль, отведенная общественнымъ элементамъ	197
Дворянскія собранія и городскія думы. Превращеніе органовъ городского самоуправления въ послушное орудіе короннаго начальства	198
Составленіе новаго городского положенія. Идея привлечь къ дѣйствительному участию въ городскомъ самоуправленіи живущихъ въ городахъ дворянъ	201
Практическое ея проведеніе въ положеніи 1846 г.	202
Отдача всего городского управленія подѣ главное наблюденіе и вѣдѣніе военнаго генералъ-губернатора	203
4.	
<i>Сословныя реформы: дворянство, почетное гражданство, крестьянскій вопросъ.</i>	
Законъ о состоящихъ	208
Мѣры къ расширенію и къ ограниченію дворянскихъ правъ	210
Цѣль созданія разряда „почетныхъ гражданъ“. Гражданство почетное и личное	211
Крѣпостное право. Попытки смягчить его	212
Комитетъ 1835 г. Намѣреніе нечувствительно возвести крестьянъ отъ состоянія крѣпостного до состоянія свободы	213
Вліяніе Киселева на разработку крестьянскаго вопроса. Законъ 1842 г. объ обязанныхъ крестьянахъ	214
Отсутствіе въ немъ принудительной силы и реального жизненнаго содержанія	217
Спеціальныи четвертый комитетъ 1846 г. для разрѣшенія вопроса о крѣпостномъ правѣ. Результаты его работы. Ухудшеніе въ положеніи крестьянъ. Пятый, шестой и седьмой секретные комитеты, обсуждавшіе крестьянскій вопросъ	218
Восьмой и девятый—о дворовыхъ людяхъ. Правительство Николая Павловича упорно избѣгало дѣйствительныхъ осязательныхъ мѣропріятій	220
222	

	Стр.
Рѣшительность правительства при урегулированіи крѣпостныхъ отношеній въ Юго-западномъ и Сѣверо-западномъ краѣ	223
Инвентарныя правила	224

5.

Кодификація.

„Полное собраніе законовъ“. „Сводъ законовъ Россійской Имперіи“. Попытка Сперанскаго исправить и дополнить существующее законодательство	226
Желаніе императора сохранить законы въ прежнемъ видѣ	227

6.

Заключеніе.

Безостановочное усиленіе реакціи послѣ 1849 года. Общее уныніе. Полное разстройство государственной жизни. Докладная записка генералъ-адъютанта Кутузова Николаю Павловичу послѣ объѣзда имъ нѣсколькихъ губерній. Итоги правительственной дѣятельности въ царствованіе Николая Павловича	228
---	-----

ГЛАВА VI.

Финансовая реформа Канкринна.

(Н. А. Рожкова).

Связь финансовъ и экономическаго развитія	231
Вліяніе политическихъ обстоятельствъ	232
Манифестъ 2 февраля 1810 г.; колебаніе финансовой политики правительства. Проектъ Мордвинова и мѣропріятіе Гурьева; ихъ результаты	233
Канкринъ. Мѣра къ восстановленію металлическаго обращенія. Борьба противъ „лажа“; его происхожденіе и значеніе	234
Манифестъ 1 іюля 1839 г. Депозитная касса и депозитныя свидѣтельства. Фиксація курса ассигнацій	234
Манифестъ 1 іюля 1843 г. Кредитные билеты и свободный размѣнъ. Дѣйствительная сущность реформы: девальвація, какъ ея основной приѣмъ. Неизбѣжность и необходимость реформы Канкринна. Ея непригодность и причины этого	235

ГЛАВА VII.

Государственные крестьяне при Николаѣ I.

(М. М. Богословскаго).

1.

Отношеніе государя къ крестьянскому вопросу при вступленіи на престолъ	236
--	-----

	Стр.
Попытка разрѣшить весь вопросъ при помощи только секретныхъ комитетовъ. Забота о крестьянахъ государственныхъ	237
Черносошные крестьяне на сѣверѣ. Волости — общины. Государственные крестьяне русскаго юга, запада, Польши и др.	238
Ихъ юридическое положеніе	239
Волости. Сходы	240
Обязанности волостныхъ и сельскихъ властей	241
Вмѣшательство въ хозяйственную жизнь. Наблюденіе за правами	242
Учрежденіе новыхъ волостей. Фискальная дѣятельность сельскихъ властей. Государственные крестьяне, какъ плательщики податей. Отсутствіе учреждений, дѣйствующихъ въ интересахъ государственныхъ крестьянъ. Подчиненіе волости казенной палатѣ и нижнему земскому суду	243
Высшая инстанція: департаментъ государственныхъ имуществъ при министерствѣ финансовъ. Герценъ о департаментахъ. Паденіе благосостоянія государственныхъ крестьянъ. Канкринъ и Сперанскій о государственныхъ крестьянахъ. Записка Киселева	244
2.	
Біографія Киселева	246
Порученіе Киселеву реформировать бытъ государственныхъ крестьянъ	247
Намѣреніе Киселева поднять благосостояніе крестьянъ при помощи хорошаго административнаго аппарата	249
Фискальные интересы отступили на 2-й планъ. Учрежденіе министерства государственныхъ имуществъ. Мѣстныхъ учреждений. Палата государственныхъ имуществъ	250
Волостной сходы и волостное правленіе	251
Сельская и волостная расправа	253
3.	
Оцѣнка дѣятельности Киселева	254
Расширеніе состава казенныхъ крестьянъ. Мѣры противъ пожаровъ. Взаимное страхованіе	255
Строительныя правила. Санитарная полиція. Хозяйственное устройство. Надѣленіе землею безземельныхъ	256
Надѣленіе лѣсомъ. Переселеніе. Вспомогательныя и сберегательныя кассы. Организациія продовольствія. Податная реформа. Замѣна подушной подати поземельной. Преобразованіе рекрутской повинности	257
Мѣры для поднятія нравственности	258
Распространеніе образованія. Увеличеніе благосостоянія государственныхъ крестьянъ	259

ГЛАВА VIII.

Польша въ первой половинѣ XIX вѣка

(З. Ленскаго).

I.

Последніе годы Рѣчи Посполитой.

1. Польша въ концѣ XVIII вѣка	
Политическій строй Рѣчи Посполитой. Сеймъ и сенатъ. Ихъ шляхетскій составъ	260
Выборный король. Государственное безсиліе Рѣчи Посполитой	261
Основные законы, принятые сеймомъ 1868 года подъ давленіемъ Россіи	262
Барская конфедерація и ея реакціонный характеръ. Первый раздѣлъ Польши	263
Постоянный совѣтъ. Сеймъ 1788 г. Программа партіи реформы. Публицисты. Коллонтай и Сташницъ	264
Соціальныя реформы. Ксендзъ Взерскій, какъ защитникъ правъ мѣщанъ	265
Отношеніе сейма къ вопросу о равноправіи мѣщанскаго сословія	266
Конституція 3 мая, какъ выраженіе стремленій средней шляхты. Конституція 3 мая почти ничего не дала крестьянамъ	268
Магнатская партія. Потоцкій и Ржевускій	269
Законы о продажѣ государственныхъ имуществъ	270
Обращеніе польскихъ магнатовъ къ Екатеринѣ. Тарговицкая конфедерація. Объявленіе войны Польшѣ	271

2. Возстаніе Костюшки.

Непригодность польскихъ войскъ. Усиленіе вліянія Тарговицкой конфедераціи. Эмиграція главныхъ дѣятелей 3 мая. Переходъ прусскихъ войскъ черезъ польскую границу	272
2-й раздѣлъ Польши	273
Вліяніе французской революціи. Избраніе руководителемъ возстанія Костюшки. Участіе крестьянъ	274
Битва при Рацлавицахъ. Возстаніе Варшавы и Вильны. „Универсалъ поланецкій“. Роль мѣщанства въ возстаніи	275
Столкновеніе интересовъ шляхты съ интересами всего народа. Плѣнъ Костюшки	276
Штурмъ Праги, пораженіе при Кѣльцахъ и 3-й раздѣлъ Польши	277
Оцѣнка возстанія Костюшки Заіончковъ и Корзонамъ. Причины неудачи возстанія	278

II.

Переходное время.

1. Легіоны	
Эмиграція	279

Образование легионовъ въ Ломбардіи	Стр. 280
Участіе польскихъ легионовъ въ Итальян- ской кампаніи Наполеона. Круше- ніе надеждъ польскихъ легионеровъ. Печальный конецъ легионовъ.	281
Участіе остатковъ легионовъ въ борьбѣ Наполеона съ Пруссіей.	282
2. Герцогство Варшавское. Политика онѣмеченія. Насажде- ніе прусскихъ крестьянъ и дворянъ въ Польшѣ	283
Усиленіе хлѣбнаго экспорта изъ Поль- ши. Кредитъ и ростъ задолженности помѣщичьихъ имѣній. Пораженіе Пруссіи и возникновеніе Герцогства Варшавскаго.	284
Наполеонъ даетъ конституцію	285
Формальное уничтоженіе личной зави- симости крестьянъ. Тягости конти- нентальной блокады и прекращеніе хлѣбнаго вывоза	286
Присоединеніе западной Галиціи	287

III.

Конституціонное Царство Польское. (1815—1830).

1. Возникновеніе Царства Поль- скаго. Русскій захватъ	288
Отсутствіе рѣзкой руссификаторской по- литики. Возвращеніе свободъ при Пав- лѣ. Политика Александра I. Чарто- рыйскій	289
Стремленіе части польскаго дворянства объединить всѣ части Польши подъ скипетромъ Александра.	290
Надежда крупной литовской шляхты. Огинскій. Отрицательное отношеніе „пановъ“ къ Наполеону	291
Вѣнскій конгрессъ и 6-ой раздѣлъ Поль- ши. Образованіе Царства Польскаго	292
2. Конституція и правительство Царства Польскаго. Сходство конституціи Царства Поль- скаго и Герцогства Варшавскаго. Сеймъ получаетъ большія права. Исполнительная власть. Воеводскіе совѣты. Нарушеніе конституціонной хартіи. Намѣстникъ Царства Поль- скаго Заіончекъ	293
Великій князь Константинъ Павло- вичъ—фактическій правитель Цар- ства Польскаго. Противорѣчіе между польскимъ конституціонализмомъ и русскимъ абсолютизмомъ. Рѣчь Але- ксандра при открытіи перваго сейма. Первое столкновеніе сейма съ Але- ксандромъ	294
Ростъ оппозиціи. Константинъ уничто- жаетъ неприкосновенность личности и свободу печати. Жестокое обращеніе Константина съ солдатами и офице- рами.	295

Возникновеніе „Національнаго или во- еннаго франкъ-масонства“. Гоненіе на масовство. Образованіе Націо- нальнаго Патріотическаго Общества. Аресты организаторовъ. Оппозиція въ сеймѣ. Нѣмцоевскіе	Стр. 296
Рѣчь Александра при закрытіи сейма. Реакціонная и клерикальная политика русскаго правительства. Новосиль- цевъ, Грабовскій и Шанивскій	297
Оппозиція помѣщиковъ и ея связь съ экономической и финансовой поли- тикой правительства (Друцкой-Лю- бецкій)	298
Правительственные законопроекты: 1) организація долгосрочнаго кредита и 2) отмѣна права выкупать чиншъ. Примирительный характеръ сейма 1825 г.	299
Судъ надъ виленскими „филаретами“. Связь польскаго Патріотическаго Об- щества и русскаго Южнаго тайнаго. 2 конференціи въ Кіевѣ	300
Правительственный терроръ въ Варшавѣ послѣ петербургскаго декабрьскаго возстанія. Судъ надъ комитетомъ польскаго Патріотическаго Общества. Сеймовый судъ	301
Отношеніе Николая къ приговору	302
Тайное общество подиранорщиковъ въ 1828 году	304
Нападеніе на дворецъ Константина 29 ноября 1830 года. Пассивность Константина	305
Воззваніе совѣта министровъ	306
3. Возстаніе и война 1830—1831 г. Страхъ междоусобной войны	306
Контръ-революціонный характеръ дѣй- ствій польскаго правительства. Армія. Новый составъ административнаго со- вѣта	307
Роль совѣта, какъ посредника между революціей и монархомъ. Депутація, отправленная Константину и отвѣтъ Константина	308
Аристократическая партія. Револю- ціонно-патріотическіе элементы. Мох- нацкій и „Новая Польша“	309
Собраніе въ ратушѣ 1 декабря. Воору- женное собраніе 2 декабря и. выра- ботка требованій правительству	310
Новый составъ административнаго со- вѣта. Къ возставшимъ присоеди- няются войска. Удаленіе Константина и его войскъ. Временное правитель- ство	312
Диктатура Хлопицкаго; его прокла- маціи	313
Переговоры съ русскимъ правитель- ствомъ и пассивность Хлопицкаго и его письмо государю	314
Отношеніе Николая, его прокламація къ полякамъ, суровый пріемъ поль- ской делегаціи. Манифестъ къ рус- скому народу съ призывомъ бороться	

	Стр.
съ поляками. Прокламація къ полякамъ Дибича Забалканскаго . . .	315
Бесѣда Хлопицкаго съ депутатами сейма. Подтвержденіе сеймомъ диктатуры Хлопицкаго. Манифестъ сейма 20 декабря	316
Сеймъ созывается вторично. Избраніе главнокомандующимъ Радаивилла вмѣсто Хлопицкаго	317
Сеймовый актъ детронизаціи Николая. Національное правительство изъ 5 лицъ. 7-мѣсячная война 2-хъ армій . . .	319
Гроховская битва и вызванное ею замѣшательство. Возстаніе въ Литвѣ и Волыни и ихъ подавленіе	320
Причины пораженія польской арміи . . .	321
Програмная рѣчь Адама Чарторыйскаго на засѣданіи сейма 29 января 1831 г. Пассивное отношеніе къ Польшѣ европейскихъ правительствъ	322
Отношеніе сейма къ крестьянамъ. Слабая сторона польской революціи. Отсутствіе классовыхъ различій въ группировкѣ партій	323
Взгляды Мохнацкаго на характеръ революціи	325
Отношеніе сейма къ аграрной реформѣ. Немошь „революціонной“ партіи въ социальномъ отношеніи	326
Причины пораженія польской революціи	327

ГЛАВА IX.

Прибалтійскій край въ первой половинѣ XIX вѣка.

(К. И. Ландера).

1. Соціально-экономическое положеніе края въ XVIII столѣтіи. Нѣмецкое завоеваніе и образованіе класса феодаловъ-помѣщиковъ	328—329
Положеніе крестьянъ во время шведскаго владычества и усиленіе крѣпостного права при русскомъ правительствѣ	329
Земельныя отношенія въ краѣ наканунѣ освобожденія крестьянъ въ Эстляндіи и Лифляндіи. Дѣленіе земель на вотчинныя, патримоніальныя, казенныя и церковныя, виды или пастораты	330
Запрещеніе „не-дворянамъ“ владѣть землей на правахъ собственника или арендатора съ началомъ русскаго господства. Компетенція ландтага. Его аристократическій составъ	331
Ландратская коллегія. Комитетъ и конвентъ, какъ органы дворянскаго самоуправленія	331—332
Церковныя дѣла и народное образованіе	333
Судебныя учрежденія. Преимущественное право нѣмцевъ-помѣщиковъ на	

занятіе всѣхъ должностей въ краѣ. Характеристика мѣстныхъ аграрно-экономическихъ отношеній. Крестьянскія повинности. Усиленіе крѣпостной эксплуатаціи послѣ Сѣверной войны. Законъ 1762 года, слагающій съ помѣщика отвѣтственность за убійство крѣпостного	334—337
---	---------

2.

Царствованіе Александра. Аграрныя реформы въ Лифляндіи и Эстляндіи, ихъ неудовлетворительность. Голодовки. Забастовки. Вліяніе крестьянскаго движенія на ландтагъ. Сельскохозяйственный кризисъ и необходимость реформы	337—340
---	---------

3.

Крестьянская реформа 1816—1817 и 1819 гг. Переустройство крестьянскаго самоуправленія. Промышленный переворотъ. Значительныя ухудшенія въ положеніи крестьянъ-усадебовладѣльцевъ въ связи съ освободительной реформой. Образованіе сельскохозяйственнаго пролетаріата. Ростъ городовъ послѣ войны 12 года и появленіе городского пролетаріата	341—344
---	---------

4.

Крестьянскіе беспорядки въ 40-хъ годахъ. Массовый переходъ крестьянъ въ православіе, вызванный общаціями православнаго духовенства. Обратное теченіе	344—347
--	---------

5.

Аграрная реформа, произведенная дворянствомъ. Аграрный законъ 45 года. Крестьянское и поземельное уложеніе 49 года	347
Переходъ къ новымъ капиталистическимъ формамъ хозяйства и крѣпостнические пережитки	348

ГЛАВА X.

Университеты въ Россіи въ первой половинѣ XIX в.

(Н. Н. Бороздина).

Введеніе. Основныя начала правительственной политики по народному просвѣщенію въ XVIII вѣкѣ. Основаніе Московскаго университета. „Планъ“ университетовъ, составленный при Екатеринѣ II. Общество и университетъ въ XVIII вѣкѣ	349
1. Университетскій уставъ 1804 г.; анализъ его основныхъ положеній. Тенденціи правительственной политики. Дворянское общество и его отношеніе къ основанію новыхъ университетовъ. Открытіе и первоначальная дѣятельность Казанскаго и Харьковскаго университетовъ	352
2. Реакціонный поворотъ во вторую	

половину правления Александра I, его отраженіе на жизни и судьбахъ высшихъ учебныхъ заведеній. Магницкій и его дѣятельность въ Казанскомъ университетѣ. Реакція въ Петербургскомъ университетѣ (эпоха Рунча). Виленскій университетъ и его общественно-политическая роль. Общество и университеты въ періодъ реакціи 20-хъ годовъ.	Стр. 360
3. „Николаевская эпоха“ въ исторіи русскаго просвѣщенія. Основныя начала правительственной политики по высшему образованію. Главнѣйшія мѣропріятія до введенія новаго устава. Уваровъ и его образовательная система. Университетскій уставъ 1835 г., его основныя положенія. Вопросъ объ ограниченіи доступа въ университеты лицъ не дворянскаго сословія. Общество и университеты въ эпоху 30-хъ и 40-хъ годовъ. Московскій университетъ и его культурно-историческая роль. Грановскій. Реакція конца 40-хъ годовъ. Университеты наканунѣ Севастопольскаго разгрома	368

ГЛАВА XI.

Русская литература до Пушкина. (П. Н. Сакулина).

Дворянское происхождение русскихъ писателей и значеніе этого факта. Составъ и характеръ русской интеллигенціи	379
1.	
Итомъ Екатерининской эпохи	380
2.	
Идейныя стремленія въ Александровскую эпоху.	
Идейныя традиціи. Радищевъ послѣ ссылки. Его дѣятельность въ комиссіи сочиненія законовъ. Самоубійство Радищева	382
Кружокъ Пнина. „Опытъ о просвѣщеніи относительно къ Россіи“ Пнина	383
Французское, нѣмецкое и англійское вліяніе на идейныя направленія эпохи.	384
Внутреннія причины, вызывавшія общественный либерализмъ	385
Безрезультатность либерально-оппозиціоннаго движенія	386
Прочность старыхъ формъ жизни. Различныя проявленія консерватизма. Патріотизмъ во время Отечественной войны. Гр. О. В. Растопчинъ. Патріотическая литература	387
Идеологи консервативнаго націонализма. Карамзинъ и Шишковъ	388
Патетическій обскурантизмъ. Заключение	391
3.	
Борьба литературныхъ теченій. Сантиметализмъ въ русской литературѣ.	

Его основныя черты. „До-романтизмъ“.	Стр.
Разложеніе сантиментализма	392
Противники сантиментализма.	395
Вопросъ о литературномъ направленіи Жуковского.	396
Судьба ложноклассицизма	398
Неоклассицизмъ	400
Кружокъ Оденіина. Батюшковъ	401
Образованіе Арзамаса и его символическое значеніе	402

ГЛАВА XII.

Очеркъ Пушкинскаго періода.

(Е. В. Аничкова).

Типъ офицера, созданный Отечественной войной	403
Историческія задачи, возложенныя на служилое дворянство, въ государственномъ переустройствѣ Россіи	404

1.

Русскій романтизмъ.

Лирика Карамзина и Жуковского. Ея эволюція у Батюшкова и Дельвига.	405
Лирика Пушкина. Лирика задора и кутежа.	
Разгульно дворянское настроеніе во времена Лермонтова, Герцена и Огарева. Политическое вольномысліе	407—8

2.

Чуждое и живописное.

Знакомство съ западнымъ романтизмомъ въ 20-хъ годахъ	408
Здравый смыслъ не сдерживаетъ больше воображенія. Страсть къ чудесному и страшному	409
Распространеніе мистическихъ ученій въ обществѣ. Красочность романтическаго творчества	410
Вліяніе Кавказа, Крыма и Бессарабскихъ степей.	

3.

Байронизмъ.

Поэтический недугъ русскаго романтизма. Одиночество поэта. Отношеніе къ толпѣ	411—12
Шатобрианъ, Байронъ, Шелли и русскій байронизмъ. Байронизмъ Кюхельбекера. „Алеко“ Пушкина. Лермонтовъ: Демонъ и Измаиль-Бей	414

4.

Народность и „мѣстность“.

Пробужденіе національнаго сознанія въ Германіи. Офіціальный патріотизмъ праславянофиловъ и народность въ пониманіи Уварова	417
Сущность консервативной народности и офіціальнаго патріотизма заключались въ оправданіи насилія и провозвола	418
Русскіе офицеры выросли послѣ похода 14 года Романтизмъ гражданской скорби въ поэзіи Рылѣева. „Думы“ Рылѣева	419

	Стр.
Вліяніе Николая I на русскую литературу. Личное участие его въ слѣдственномъ производствѣ по дѣлу декабристовъ	420
Ударъ, нанесенный Николаевскимъ режимомъ конституціоннымъ идеямъ. Удрученное состояніе общества	421
Стремленіе выразить въ поэзіи народное самосознаніе. Изученіе всего національнаго	422
Поэзія въ лицѣ Пушкина, Гоголя и Лермонтова научилась и чувствовать и изображать по-русски. Разладъ въ душѣ Пушкина, вызванный отношеніемъ къ нему Николая I. Русский духъ въ сказкахъ Пушкина и Купцѣ Калашниковѣ Лермонтова	424
Эстетическое совершенство и красота поэтическаго творчества, какъ выходъ для національнаго самосознанія, переплетеннаго романтическими увлеченіями	425
5.	
<i>Натуральная школа.</i>	
Причина ранняго возникновенія у насъ натуральной школы	426
Нарожденіе реализма. Евгеній Онѣгинъ, Чацкій и Печоринъ. Автобіографическій характеръ этихъ произведеній	428
6.	
<i>Гоголь и новый театр.</i>	
Отношеніе Гоголя къ реализму. Формулировка реалистической эстетики	432
Появленіе въ литературѣ разночинца. „Именины“ Павлова, „Иванъ Выжигинъ“ Булгарина	434
„Ничій“ и др. произведенія Погодина. Юморъ Гоголя. Гоголь о театрѣ. Значеніе Ревизора. Комедіи Квитки	435—46
7.	
<i>Философскія исканія и публицистика.</i>	
Журналистика 30-хъ годовъ въ борьбѣ съ цензурой. Нарожденіе публициста. Чаадаевъ. Западничество. Чаадаева. Его религіозность. Религіозность Гоголя. Москва, какъ колыбель философскихъ исканій. Общество любителей	441
Новое западничество въ кружкѣ Станкевича. Отношеніе Пушкина къ новымъ вѣяніямъ. Смерть Пушкина и Лермонтова	442

ГЛАВА XIII.

Русская литература во второй четверти вѣка.

(П. Н. Сакулина).

Общій характеръ періода	443
-----------------------------------	-----

1.

Официальная идеология и ея послѣдователи. Сущность официальной идеологии	444
Николаевская цензура	445

	Стр.
Отношеніе общества къ официальной народности	447
Консервативная пресса. Официальная народность въ наукѣ и беллетристикѣ	447
Общественныя и политическія идеи Жуковского и Гоголя	449
Настроеніе Пушкина въ Николаевскую эпоху	452

2.

<i>Философскія теченія тридцатыхъ годовъ.</i>	
Лермонтовъ, какъ поэтъ интеллигентской рефлексіи	453
Стремленіе молодежи выработать новое міросозерцаніе. Общій характеръ идейныхъ кружковъ тридцатыхъ годовъ	453
Н. В. Станкевичъ. Его личность, творчество и философскія исканія	454
Романтическій идеализмъ Бѣлинскаго въ до-гегельянскій періодъ (драма „Дм. Калининъ“ и „Литературныя мечтанія“)	456
Вліяніе Гегеля. Московскій кружокъ гегельянцевъ. Ихъ настроеніе и идеи, въ частности мысль о „примиреніи съ дѣйствительностью“	458

3.

<i>Славянофильство.</i>	
Философское воспитаніе славянофиловъ. Идея самобытно-національнаго развитія. Славянофильство, какъ философско-романтическая доктрина самобытности	460
Ближайшіе предшественники славянофиловъ	462
Взглядъ славянофиловъ на самобытныя черты русской исторіи	463
Религія и просвѣщеніе въ древней Руси и на Западѣ	463
Сравненіе государственнаго быта древней Руси и Запада	464
Отрицаніе петербургскаго періода нашей исторіи	466
Идеалы славянофиловъ и ихъ практическая программа. Сліяніе съ народомъ. Панславизмъ. Всемирно-историческій мессіаниззмъ	466
Молодая редакція „Москвитянина“. Ап. Григорьевъ и Островскій	470
Слабыя и положительныя стороны славянофильства	471

4.

<i>Западничество и ранній русский социализмъ.</i>	
Терминъ „западничество“	473
Связь западничества съ декабризмомъ	473
Кружокъ Сунгурова	473
Кружокъ Герцена. Арестъ и ссылка Герцена и Огарева. Ихъ сближеніе съ московскими гегельянами. Изученіе Герценомъ Гегеля и социалистической литературы	473
„Социализмъ“ Бѣлинскаго	476
Грановскій и его философско-историческіе взгляды. Грановскій, Бѣлинскій	

и Герценъ, какъ вожди западниковъ	Стр. 477
Полемика западниковъ съ славянофилами	477
Основные черты міросозерцанія западниковъ. Ихъ отношеніе къ обличительной части ученія славянофиловъ. Идея народности. Взглядъ на древнюю Русь, Петра Великаго и европейское просвѣщеніе	478
Личное и общее, по возрѣніямъ западниковъ	480
Политическій идеалъ западниковъ. Церковь и государство	481
Соціальныя требованія западниковъ	483
Развитіе социалистическихъ идей въ 40-хъ годахъ. Кружокъ петрашевцевъ. Плещеевъ, какъ трубадуръ петрашевцевъ. Арестъ петрашевцевъ	484—485
Широкое распространеніе въ обществѣ социализма и позитивизма. Герценъ, какъ синтезъ идейныхъ теченій сороковыхъ годовъ. Позитивизмъ, индивидуализмъ и социализмъ, какъ основы герценовскаго міросозерцанія. Отношеніе Герцена къ славянофиламъ и западникамъ. Эмиграція Герцена	488
Общіе пункты въ соціальной программѣ разныхъ прогрессивныхъ фракцій русскаго общества 40-хъ годовъ	489
б.	
<i>Соціальныя мотивы художественной литературы сороковыхъ годовъ.</i>	
Литература становится реальной и соціальной	489
„Натуральная школа“ Гоголя. Ея общественное значеніе	490
Бѣлинскій о Гоголѣ и натуральной школѣ. Послѣдніе завѣты его критики	491
Вліяніе Пушкина и Гоголя на писателей 40-хъ годовъ. Связь литературы съ общественными теченіями	492
Эстетика славянофиловъ	493
Художественное творчество славянофиловъ. „Партизанная“ лирика	494
Историческое прошлое въ произведеніяхъ славянофиловъ. Бюрократія и интеллигенты—западники въ изображеніи славянофиловъ	495
Крестьянская жизнь подъ перомъ славянофиловъ	496
Бѣдность художественной литературы славянофиловъ	497
Литературныя силы западниковъ. Богатство ихъ художественной литературы и ея идейная высота. Народная жизнь въ произведеніяхъ западниковъ	498
„Кающійся дворянинъ“ и типъ „лиціиного челоуѣка“. Обличеніе барской культуры и новые идеалы	501
Женскій вопросъ въ литературѣ сороковыхъ годовъ	503

Изображеніе не-дворянскихъ элементовъ общества. Проблема о богатствѣ и бѣдности. Островскій, какъ бытописатель русскаго купечества	Стр. 506
Общественное значеніе литературы сороковыхъ годовъ	507
Усиленіе реакціи послѣ 1848 г. и Севастопольская катастрофа	508

ГЛАВА XIV.

Внѣшняя политика Россіи въ первыя десятилѣтія XIX вѣка.

(М. Н. Покровскаго).

1.

Тильзитъ.

Савари о вліяніи Англіи на русскую торговлю и промышленность. Зависимость судебъ русскаго капитализма отъ союза съ Англіей	508
Первая попытка русско-французскаго союза. Мысль перенести центръ тяжести русской торговли на югъ. Письмо Наполеона къ Александру (1802г.).	510
Отношеніе Англіи къ возможности союза Россіи съ Наполеономъ. Въ Петербургѣ отношеніе къ Франціи измѣняется изъ-за двусмысленной политики Наполеона на Востокѣ. Выгодность союза съ Австріей для общихъ дѣйствій на Востокѣ	511
Недовѣріе Австріи къ Россіи. Новыя внѣшнія условія готовятъ ихъ союзъ. Борьба Англіи и Франціи разгорается, и это вселяетъ надежды вытѣснить Францію изъ центральной Европы	512
Австрія, какъ оплотъ легитимизма, стремится ослабить Наполеона. Союзъ Австріи съ Россіей 1804 г. Настроеніе Александра сдѣлается въ сторону Англіи. Подготовка общеевропейской коалиціи противъ Наполеона. Пруссія не хочетъ вступить въ коалицію	513
Уговоры и угрозы Александра съ цѣлью втянуть Пруссію въ коалицію остаются безрезультатными. Пруссія не участвуетъ въ коалиціи, и Александръ добивается лишь согласія пропуска русскихъ войскъ черезъ Пруссію	514
Русское правительство преувеличиваетъ силы коалиціи. Численный перевѣсъ обезпеченъ за арміей Наполеона. Безнадежность кампаніи. Коалиція стремится опереться на реакціонные элементы во Франціи. Неудача кампаніи	515
Австрія выбываетъ изъ строя, русская армія бѣжитъ. Коалиція превращается въ единоборство Россіи съ Франціей	516
Отступленіе русской арміи и его положительныя стороны. Пріѣздъ Александра въ дѣйствующую армію.	

Кутузовъ лишается фактической власти. Перевѣсъ придворныхъ соображеній надъ военными. Австрійцы стремятся ускорить развязку. Аустерлицъ. Неудача не отрезвляетъ Александра. 517—518

Пруссія примыкаетъ къ Франціи. Англійская блокада. Прусская буржуазія и дворянство хотятъ войны съ Наполеономъ. Сочувствіе войнѣ королевы Луизы. Перспективы созданія второй коалиціи. Манифестъ 3 сент. 1806 г. о началѣ второй войны съ Франціей. 519

Неудача второй коалиціи. Прусская армія разбита, а русская обособлена. Иллюзія возможной побѣды надъ Наполеономъ. Сформированіе милиціи и ея дурное вооруженіе. Дезорганизація арміи. Дезертирство 520

Случайная полу-побѣда Беннигсена подъ Пултускомъ. Беннигсенъ назначенъ главнокомандующимъ. Тройственная схизма. Беннигсенъ принимаетъ командованіе. Благопріятныя для русскихъ климатическія условія. „Шестая стихія“—грязь 521

Фридландская неудача. Финансовое истощеніе коалиціи. Наполеонъ подписываетъ въ Берлинѣ декретъ о „континентальной системѣ“. Англія объявляетъ въ блокадѣ гавани всѣхъ континентальныхъ государствъ. Англіи не выгодно содержать континентальныя арміи, терпящія пораженія. Александру не удается сдѣлать заемъ въ Англіи, и англійскій кабинетъ отказывается въ какомъ-либо содѣйствіи . 523

Быстрый поворотъ русской политики. Бартештейская конвенція (апрѣль 1807) и тильзитское свиданіе (въ іюнѣ 1807). Союзъ Александра съ Наполеономъ. Временная уступчивость Александра. Невыгодное для Россіи присоединеніе къ „континентальной системѣ“ 524

Союзъ этотъ не приноситъ вреда Англіи и остается только на бумагѣ . 525

Польша. Однимъ ударомъ Наполеонъ уничтожаетъ результаты русской политики XVIII вѣка. Заблужденіе Александра о выгодахъ для Россіи Тильзитскаго мира. Отношеніе Наполеона къ русско-турецкой войнѣ. Нейтралитетъ завоеванныхъ Россіей дунайскихъ княжествъ. Желаніе Наполеона обезсилить Швецію при помощи Россіи . 526

Внѣшній союзъ Наполеона съ Александромъ и игнорированіе русскихъ интересовъ. Оппозиція союзу въ Россіи. Александръ стремится ко второму свиданію съ Наполеономъ, чтобы поддержать интересы Россіи на Востокѣ. 528

Ничтожное пораженіе въ Испаніи и его огромное моральное значеніе. Ослабленіе французскаго вліянія въ Прус-

сіи, Россіи и Австріи. Благопріятныя условія для образованія новой коалиціи и борьбы съ Наполеономъ . . . 529

Наполеонъ устраиваетъ демонстративное свиданіе съ Александромъ въ Эрфуртѣ и привлекаетъ его на свою сторону уступкой въ восточномъ вопросѣ. Александръ думаетъ примириться съ дворянствомъ, проводя проекты Сперанскаго. Оппозиція русской политикѣ въ высшихъ кругахъ русскаго общества и въ Вѣнѣ . . . 530

Свиданіе въ Эрфуртѣ, шереховатости этой встрѣчи. 531

Наполеону удается предупредить возможность коалиціи. 532

2.

Война «за освобожденіе Европы».

1. Разрывъ русско-французскаго союза.

Отношенія между Франціей и Англіей обостряются къ 1810 г. Для Англіи особенно чувствительны результаты континентальной блокады . . . 533

Англійской же промышленности нанесенъ сильный ударъ, банкротства и безработица увеличиваются. Путь, по которому шла англійская контрабанда. Значеніе Россіи и Швеціи для англійской торговли. Наполеонъ стремится воспрепятствовать контрабандѣ черезъ Испанію, но безрезультатно. Двѣ стороны блокады: Колоніальный товаръ и англійскіе фабрикатъ. Европа не можетъ обходиться безъ сырья, доставлявшагося изъ колоній Англіей. Необходимость этой контрабанды для промышленности. 533—534

Трианонскій тарифъ и система „разрѣшеній“. Причиной разрыва между Франціей и Россіей. Трианонскій декретъ 535

Наполеонъ даетъ понять своимъ союзникамъ, что для него вопросъ о континентальной блокадѣ есть вопросъ жизни и смерти. Отказъ отъ блокады долженъ былъ повести за собой войну. Вредъ блокады для экономическаго благосостоянія Россіи. Александръ отказывается Наполеону въ требованіи не допускать англичанъ и признать новый французскій тарифъ. Александръ отвѣчаетъ русскимъ тарифомъ на Трианонскій тарифъ. Таможенная война 536

Тарифъ 1810 г. стѣсняетъ ввозъ предметовъ роскоши. Экономическій миръ съ Англіей. Фактическое нарушеніе Тильзитскаго договора. 537

Наполеонъ съ своей стороны нарушаетъ договоръ присоединеніемъ къ Франціи герцогства Ольденбургскаго . . 538

Но война уже рѣшена Александромъ

до захвата Наполеономъ Ольденбургскаго герцогства. Отношеніе Наполеона и Александра къ Польшѣ. Александръ мечтаетъ о восстановленіи Польши Россіей и о переходѣ польской арміи на сторону Россіи и на этомъ строитъ планъ кампаніи . . . 539

Онъ ведетъ переговоры съ поляками и обѣщаетъ даровать имъ конституцію, если они перейдутъ на его сторону. Понятовскій выдаетъ замыслы Александра Наполеону. 540

2. Двѣнадцатый годъ.

Походъ на Россію долженъ поднять престижъ Франціи и устрашить ея враговъ 540

Размѣры французской арміи. Приемы, къ которымъ прибѣгаетъ Наполеонъ съ цѣлью произвести впечатлѣніе на Европу. Промышленный кризисъ и нищета народныхъ массъ во Франціи . . . 541

Опасность возстанія. Населеніе уклоняется отъ воинской повинности; насильственная вербовка рекрутовъ. Наполеонъ сознаетъ всю трудность положенія. Подготовка „Большой арміи“. Технические затрудненія 542

Слишкомъ большой размѣръ экспедиціи, какъ причина неудачи 544

Ненадежность союзныхъ войскъ. Во французскихъ войскахъ много недоброжелательныхъ 545

Дезорганизованная армія таетъ. Время и климатъ главные союзники Россіи. Русская армія 546

Ея незначительность и финансовыя затрудненія. Сформированіе и состояніе ополченія. Петербургское ополченіе . . . 547

Плохое управленіе арміей. Плохая организація продовольственнаго дѣла. Мародерство солдатъ и хищенія начальства. Разказы о нихъ Ермолова . . 548

Отсутствіе опредѣленнаго плана кампаніи послѣ потери надежды на поддержку Польши. Тактика заманиванія не рѣшена заранѣе 549

Наполеонъ стремится занять экономическій и историческій центръ-Москву. Неподготовленность Александра къ переходу французскихъ войскъ черезъ границу. Неудачная попытка Александра выиграть нѣсколько дней для отступленія арміи. Дожди замедляютъ движеніе французовъ; появленіе другихъ затрудненій 551

Русскіе успѣшно отступаютъ. Вторая армія отрѣзана отъ первой. Для Наполеона возникаетъ задача не дать имъ возможности соединиться. Русскія арміи соединяются подъ Смоленскомъ. Переходъ русскихъ войскъ въ наступленіе. Обостренное отношеніе между главнокомандующими 553

Мюратъ даетъ русскимъ возможность сосредоточиться подъ Смоленскомъ.

Стр.

Осада Смоленска. Условія складываются для русскихъ благоприятно. Угачныя дѣйствія Барклая-де-Толли. Наполеонъ, хотѣлъ бы мира и готовъ сдѣлать уступки въ области континентальной блокады. Вѣсти съ театра войны приходятъ въ Петербургъ слишкомъ поздно 554

Главнокомандующимъ вмѣсто Барклая, въ уступку общественному мнѣнію, назначается бывшій въ числѣ оппозиціи Кутузовъ. Конституціонная комедія при его назначеніи. Планы Кутузова и связанныя съ его назначеніемъ измѣненія въ составѣ руководителей. Давленіе дворянскихъ „патріотовъ“, увѣренныхъ въ возможности побѣды для русскихъ. (Подъ Бородиною русскіе занимаютъ невыгодную позицію). Результаты Бородинскаго боя. Подсчетъ потерь французовъ и русскихъ 556

Пораженіе русскихъ даетъ Наполеону возможность вступить въ Москву. Распечатавъ, чтобы не дать возможности Наполеону зимовать въ Москвѣ, сжигаетъ ее. Дезорганизованность французской арміи въ Москвѣ. Мародерство вызываетъ партизанскую войну. Факты, характеризующіе царившій въ русской арміи хаосъ. Вынужденное 2-хнедѣльное перемиріе . . 557

Причины, не дающія Наполеону возможности прокормить свою армію въ Москвѣ. Необходимость перемѣнить мѣсто зимовки. Планъ передвиженія въ Смоленскъ по новой дорогѣ . . 558

Случайное столкновеніе на рѣкѣ Чернишнѣ обѣихъ армій и побѣда русскихъ. Русскіе переходятъ въ наступленіе. Столкновеніе при Малоярославцѣ. Наполеонъ не рѣшается принять сраженіе. Французская армія мѣняетъ свой путь и идетъ въ Смоленскъ черезъ Можайскъ 560

Бѣгство французовъ, нерѣшительныя дѣйствія Кутузова и преувеличенное представленіе о силахъ французовъ. Наполеонъ опережаетъ русскую армію. Витгенштейнъ и Чичаговъ, ихъ нежеланіе дѣйствовать общими силами. Бой Чичагова съ Наполеономъ при переправѣ черезъ Березину. Планъ, составленный Александромъ въ началѣ кампаніи не осуществляется. Потери Наполеона 561

3. Третья коалиція.

Мотивы, заставляющіе Александра продолжать войну въ 13-мъ и 14-мъ годахъ. Необходимость создать коалицію и поддержать своихъ союзниковъ . 562

Положеніе дѣлъ одного изъ „союзниковъ“, Швеціи. Письмо Бернадота къ Александру, въ которомъ онъ предлагаетъ составить новую коалицію

Стр.

при его посредничествѣ и въ вознагражденіе себѣ требуетъ присоединенія Норвегіи къ Швеціи 563

Союзъ съ Швеціей даетъ Александру возможность сократить линію обороны. Заключеніе союзнаго договора между Швеціей и Россіей 23/III—5/IV 1812 г. Нота Александра, требующая отступленія французовъ за Эльбу 564

Посредничество Швеціи для оформленія отношеній Россіи съ Англіей. Англія обязывается выплачивать Россіи военную субсидію. Открытіе для англійской торговли русскихъ гаваней. Отношеніе Наполеона къ Пруссіи и его стремленіе ослабить ея военныя силы 565

Боязнъ прусскаго правительства потерять свою самостоятельность. Колебанія Пруссіи между желаніемъ союза то съ Россіей, то съ Франціей. Условія союза, предложенныя Шарнгорстомъ Александру, его требованіе ввести русскія войска въ Пруссію. Александръ боится открыть этимъ Наполеону южную дорогу въ Россію черезъ Австрію. Переговоры Шарнгорста съ Австріей. Отказъ Австріи отъ дружественнаго нейтралитета и ея союзъ съ Франціей. 566

Союзъ Пруссіи съ Франціей въ февралѣ 1812 г. Участіе Пруссіи въ походѣ на Россію, недовѣріе Наполеона къ пруссакамъ. Нѣмецкіе союзники уцѣлѣли, когда французское войско было разбито. Новые колебанія Фридриха-Вильгельма: онъ не вѣритъ въ возможность побѣдить Наполеона. Проекты прусскихъ дипломатовъ. 567

Разрѣшеніе вопроса помимо Фридриха-Вильгельма. Горкъ отдѣляется отъ французскихъ войскъ. Ландтагъ восточной Пруссіи производитъ мобилизацію. Колебанія Фридриха-Вильгельма. Приближеніе русскихъ войскъ прекращаетъ эти колебанія. Заключеніе союзнаго договора съ Россіей въ Калишѣ. Союзъ увеличиваетъ военныя силы Александра и обезпечиваетъ нейтралитетъ Австріи. Нейтрализація австрійскихъ войскъ и трехмѣсячное перемиріе съ Россіей. Австрія занимаетъ выжидательное положеніе. Необходимость для коалиціи имѣть на своей сторонѣ Германію. Первые шаги складываются въ этомъ отношеніи благоприятно 568

Воскресеніе въ Германіи „Большой арміи“. Первое сраженіе неудачно, союзники отступаютъ. Наполеонъ не хочетъ мира. Спасительное для союза 2-хмѣсячное перемиріе 570

Колебанія Наполеона и его уступчивость, какъ показатель его слабости. Австрія рѣшается наконецъ присоеди-

Стр.

ниться къ коалиціи. Подсчетъ увеличенія силъ союзниковъ. Назначеніе главнокомандующимъ Шварценберга—хорошаго дипломата, но плохого военачальника. Его ошибка подъ Дрезденомъ 571

Штурмъ Дрездена отбитъ. Союзники отъ нападенія думаютъ перейти къ оборонѣ. Побѣда русскихъ и рѣшеніе наступать. Побѣда подъ Лейпцигомъ. Германія въ рукахъ коалиціи. Конецъ кампаніи 572

3.

Священный Союзъ.

Неизбѣжность распаденія коалиціи послѣ взятія Парижа. Расхожденіе союзниковъ во внѣшней политикѣ и связъ въ интересахъ внутренней политики. Вопросъ о дипломатической реставраціи союзниками разрушенной имперіи Наполеона 573

Вопросъ о политической реставраціи. Тренія. Мятенныя американскія колоніи Испаніи 574

Озлобленіе союзниковъ противъ Польши. Желаніе Александра получить всю Польшу въ собственность 575

Франція, противъ ожиданія Александра, высказывается вмѣстѣ съ остальными союзниками противъ возстановленія Польши. Александръ покупаетъ согласіе Пруссіи уступкой ей Саксоніи. Практичность Александра. Его разговоръ съ Талейраномъ. Австрія не соглашается на присоединеніе Саксоніи къ Пруссіи и боится взятой на себя Александромъ роли—вершителя судебъ Европы. Обостреніе отношеній на Вѣнскомъ конгрессѣ. Оккупация Россіей и Пруссіей спорныхъ областей. Участіе Франціи въ готовящейся борьбѣ. Возвращеніе Наполеона и примиреніе союзниковъ, ихъ взаимныя уступки. 4-я коалиція. Пониманіе Александромъ конституціонализма. Соглашеніе съ саксонскимъ королемъ. Вотчинный характеръ Вѣнскаго конгресса. Земельная жадность и желаніе застраховать себя отъ новыхъ потрясеній. Основаніе Священнаго Союза. Его религіозная форма и реакціонная сущность. Трактатъ 20 ноября. Проявленіе полицейско-реакціоннаго характера конгресса въ его деклараціи. Троппаускій и Лайбахскій конгрессы. Конституціонализмъ и Священный Союзъ; политическіе взгляды Александра; союзъ—оплотъ стараго порядка вообще, а не только личнаго абсолютизма 582

4.

Восточная политика Николая I. Самое феодальное государство въ Европѣ—Россія становится во главѣ

европейской реакции. Связь восточного вопроса съ обще-европейскими отношениями Россіи 583

Воскрешеніе восточнаго вопроса связано со второй коалиціей. Мирныя отношенія съ Турціей, которая боясь Франціи, ищетъ поддержки у Россіи и Англіи. Зависимость отъ Россіи начинается тяготить Порту; она сближается съ Наполеономъ 584

Объявленіе войны Россіи. Союзъ Наполеона и Александра и ненужность русско-турецкой войны. Наполеонъ въ Тильзитѣ предлагаетъ Александру раздѣлъ Турціи, выдвигая восточный вопросъ для того, чтобы занять Александра и отвлечь вниманіе англичанъ отъ Пиренейскаго полуострова. 585

Обѣщаніе Наполеона и дѣйствительность. Третья коалиція и окончаніе войны. Отношеніе Турціи къ блокадѣ невыгодно для Россіи. Миръ съ Турціей. Бухарестскій договоръ. Александръ навсегда уже теряетъ охоту вмѣшиваться въ восточный вопросъ. Постановка греческаго вопроса при Екатеринѣ II и Александрѣ I и смѣшеніе съ вопросомъ о возстановленіи Византійской имперіи 586

Русско-турецкія войны создаютъ почву для борьбы грековъ за національную независимость. Россія способствуетъ развитію греческой буржуазіи 587

Идеологія греческой буржуазіи, стремленіе къ національной независимости и вліяніе идей французской революціи, подъ вліяніемъ которой и образуется первая гетерія (тайное национальное общество). Расправа съ ней Турціи. Второе общество открывается при участіи русскихъ официальныхъ сферъ 588

Поддержка Россіей возстанія балканскихъ христіанъ. Россіи легко было бы распространить свое вліяніе на Грецію, но это противорѣчитъ охранительной политикѣ Александра. Отвѣтъ Каподистріи гетеристамъ 589

Звѣрства турокъ во время греческаго возстанія надъ греками и оскорбленіе русскихъ. Прекращеніе дипломатическихъ сношеній и депеша, въ которой Порты обвиняется въ неумѣнн усмирить грековъ. Россія проситъ Священный Союзъ разрѣшить ей вооруженное вмѣшательство въ греко-турецкую распрю 590

Нежеланіе Австріи пустить Россію на Балканскій полуостровъ. Объявленіе надъ Греціей англійскаго протектората. Индифферентность Николая къ восточному вопросу. Невозможность дружбы свободной Греціи съ самодержавной Россіей. Турція идетъ на

Стр.

уступки, боясь Англіи и Франціи. Аккерманская конвенція 591

Соглашеніе Англіи и Россіи по греческому вопросу. Закрѣпленіе его Петербургскимъ протоколомъ. Присоединеніе Франціи и Лондонскій договоръ. Борьба Греціи и Турціи достигаетъ высшаго напряженія. Союзныя державы предлагаютъ Турціи перемиріе. Турція отказывается выслушать поту Европы. Союзники стремятся ограничить военныя дѣйствія. Турція оказываетъ сопротивленіе союзникамъ. Наваринская битва 592

Военныя успѣхи разжигаютъ въ Николаѣ жажду военныхъ приобрѣтеній. Русская дипломатія не соглашается на требованіе Австріи гарантировать неприкосновенность Турціи. Манифестъ о войнѣ съ Турціей 28 г., въ которомъ ничего не говорится о Греціи 593

Экономическія причины войны. Николай присутствуетъ на войнѣ. Трудность войны съ Турціей, несмотря на слабость турецкой арміи. Русскіе не подготовлены къ крѣпостной войнѣ, которую ведутъ турки 694

Россія напрасно пытается черезъ датскаго посланника завязать въ Константинополѣ мирныя переговоры. Удачный походъ 29-го года. Турки разбиты при Кулевчѣ. Дорога за Балканы открыта, и Дибичъ можетъ двинуться на Константинополь. Николай мечтаетъ о взятіи Константинополя. Походъ Дибича къ Адрианополю имѣетъ характеръ военной демонстраціи. Онъ стремится, возможно выгоднѣе использовать успѣхи русскихъ. Адрианопольскій договоръ 595

Устье Дуная и восточное побережье Чернаго моря отходятъ къ Россіи. Фактический, а не формальный переходъ дунайскихъ княжествъ въ руки Россіи. Признаніе греческой автономіи, не продиктованное Дибичемъ, а предложенное самой Турціей. Русское правительство не сумѣло воспользоваться своей ролью освободителя Греціи. Провозглашеніе греческими народными представителями принципа верховенства народа и выработанная ими конституція приводятъ къ охлажденію къ нимъ Николая. Триентское собраніе подтверждаетъ греческую независимость и избираетъ президентомъ Каподистрію. Инструкція, данная Каподистріи въ Петербургѣ. Каподистрія нарушаетъ конституцію. Неизбѣжность конфликта между греческимъ народомъ и Каподистріей предотвращается русско-турецкой войной. Участіе въ ней грековъ. Субсидіи и ассигновки, даруемыя Россіей Греціи, отвлекаютъ вниманіе

Стр.

	Стр.		Стр.
отъ Каподистрии. Созывая народное собрание, онъ даетъ понять, что ссориться съ нимъ—значитъ ссориться съ Россіей. Произволъ Каподистрии парализуется желаніемъ Франціи и Англіи дать Греціи независимость и представительное правленіе. Каподистрія отговариваетъ принца Саксенъ-Кобургскаго занять греческій престолъ.	597	ищетъ союзниковъ для захвата Турціи. Его попытка пойти объ руку съ Австріей. Разговоръ съ австрійскимъ посломъ	602
Кандидатъ Россіи и Австріи—принцъ Оттонъ Баварскій. Возстаніе грековъ противъ режима Каподистрии. Усмиреніе возстанія. Паденіе русской партіи. Принцъ Оттонъ, ставъ греческимъ королемъ, управляетъ въ интересахъ грековъ, а не русскихъ. Отношеніе русскихъ дипломатовъ къ положенію вещей въ Греціи. Мысль о союзѣ съ турками. Опасность для Турецкой имперіи со стороны входившихъ въ ея составъ христіанскихъ народовъ и стремившихся къ самостоятельности губернаторовъ отдаленныхъ провинцій. Али-Паша и Мегметъ-Али. Помощь послѣдняго турецкому султану въ борьбѣ съ греками. Его требованія вознагражденія за услуги. Борьба султана съ Мегметомъ-Али и успѣхъ Али.	598 599	Николай грозитъ возстановить греческую имперію подъ скипетромъ Оттона Баварскаго. Испуганный Меттернихъ возобновляетъ переговоры о Турціи. Австрія заявляетъ о своемъ нежеланіи отдать Константинополь Россіи. Конвенція Россіи и Австріи по восточнымъ дѣламъ	603
Николай вступается за поправныя Мегметомъ-Али права султана. Разговоръ Николая съ Муравьевымъ о турецкой борьбѣ; въ Мегметъ-Али ему чудится революціонеръ. Тайные планы Николая. Турки больше боятся русскихъ, чѣмъ Мегмета. Султанъ заключаетъ миръ и уступаетъ Мегмету Сирію	601	Россія сознаетъ безсиліе Австріи и усиливающееся значеніе европейскаго капитализма на Балканскомъ полуостровѣ. Договоръ Англіи съ Турціей 39 г., какъ показатель усиленія значенія европейскаго капитализма. Отношеніе Турціи къ европейскимъ державамъ. Расположеніе къ Англіи, которой не нужны территоріальныя пріобрѣтенія. Недовѣріе къ Франціи, дѣйствовавшей черезъ Мегмета-Али. Боязнь претендующей на Константинополь Россіи. Австрія дискредитировала себя своимъ поведеніемъ въ греческомъ вопросѣ. Помощь Англіи въ борьбѣ съ Мегметомъ-Али. Исторія союза Николая съ Пальмерстономъ.	605
Недовѣріе турокъ къ русскимъ. Ункіаръ-Искелесскій русско-турецкій договоръ, торжественно заявляющій о союзѣ и мирѣ. Нереальность взаимныхъ обязательствъ. Періодъ русско-англійскаго союза. Невыгодность для Россіи занятой ею позиціи. Николай		Вопросъ о защитѣ Турціи европейскими державами противъ Мегмета-Али и о занятіи ими Дарданеллъ, чѣмъ нарушался трактатъ 33 года. Протестъ Нессельроде. Одновременно Брунновъ ищетъ союза съ Англіей. Лондонская конференція. Унизительныя для Россіи условія этого союза. Теперь Англія можетъ свободно дѣйствовать противъ Мегмета-Али. Николай не хочетъ сознаться въ своей дипломатической неудачѣ. Его побѣдка въ Англію. Неудачная попытка переговоровъ съ англійскимъ правительствомъ о восточномъ вопросѣ	606

Снимки съ портретовъ, помѣщенные въ первой части.

Къ главѣ при страни.		Къ главѣ при страни.	
Аксаковъ, Иванъ Сергѣевичъ (1823—1886). Съ портрета, писаннаго И. Е. Рѣпинымъ (1878). Третьяковская гал- лерей въ Москвѣ	XIII 585	Грановскій, Тимофей Николае- вичъ (1813—1855). Съ пор- трета, писаннаго П. З. За- харовымъ (1845). Третья- ковская галлерей. Гелио- гравюра англ. типа	X, XIII 305
Аксаковъ, Сергѣй Тимофеевичъ (1791—1859). Съ портрета, писаннаго съ фотографіи И. Н. Крамскимъ (1878). Третьяковская галлерей	XIII 480	Грибодовъ, Александръ Сер- гѣевичъ (1795—1829). Съ портрета, писаннаго съ ори- гинальнаго акварельнаго портрета И. Н. Крамскимъ (1873). Третьяковская гал- лерей. Гелиогравюра англ. т.	XII, XI. 33
Императоръ Александръ I. Съ портрета, писаннаго В. Л. Боровиковскимъ. Историче- скій музей въ Москвѣ	I—III, VIII—XI 48	Григорьевъ, Аполлонъ Алексан- дровичъ (1822—1881). Съ портрета карандашомъ Ѳ. А. Бруни (1846). Третьяков- ская галлерей	XIII 529
Аранчевъ, Алексѣй Андреевичъ, графъ (1769—1834). По гра- вюрѣ К. Афанасьева изъ коллекціи Историческаго музея	II, III 368	Достоевскій, Федоръ Михайло- вичъ (1821—1881). Съ пор- трета, писаннаго В. Г. Пе- ровымъ (1872). Третьяков- ская галлерей. Гелиогра- вюра англ. типа	XIII 561
Батюшковъ, Константинъ Ни- колаевичъ (1787—1855). Съ акварели П. Ф. Соколова. Третьяковская галлерей	XI 337	Ермоловъ, Алексѣй Петровичъ (1772—1861), генералъ	XIV 209
Бенкендорфъ, Александръ Хри- стофоровичъ, графъ (1783— 1844), шефъ жандармовъ и начальникъ III отдѣленія	V, XIII 224	Жуковскій, Василій Андреевичъ (1783—1852). Съ портрета, писаннаго К. П. Брюло- вымъ. Третьяковская галле- рей. Гелиогравюра. англ. т.	XI, XII, XIII 17
Бѣлинскій, Виссарионъ Гри- горьевичъ (1810—1848). Съ портрета карандашомъ И. А. Астафьева (1881). Третья- ковская галлерей. Гелио- гравюра англ. типа	XI, XIII 177	Канкринъ, Егоръ Францевичъ, графъ (1774—1845). По гра- вюрѣ съ портрета Крюгера. Изъ коллекціи Историче- скаго музея	V, VI 27
В. Г. Бѣлинскій передъ смертію. Съ картины А. А. Наумова. Гелиогравюра англ. типа	XIII 193	Карамзинъ, Николай Михайло- вичъ (1766—1826). Съ пор- трета, писаннаго В. А. Тро- пининымъ. Третьяковская галлерей	II, XI 81
Герценъ, Александръ Ивано- вичъ (1812—1870). Съ пор- трета, писаннаго Н. Н. Ге (1867). Третьяковская гал- лерей. Гелиогравюра англ. т.	X, XIII 401	Киселевъ, Павелъ Дмитриевичъ, графъ (1788—1872). Съ гра- вюры изъ коллекціи Исто- рическаго музея	V, VII 465
Гоголь, Николай Васильевичъ (1809—1852). Съ портрета, писаннаго А. А. Ивано- вымъ. Румянцевскій музей въ Москвѣ	XII, XIII 161	Кольцовъ, Алексѣй Васильевичъ (1809—1842). Съ акварели К. А. Горбунова (1838). Третьяковская галлерей	XIII 433
Гончаровъ, Иванъ Александро- вичъ (1812—1891). Съ пор- трета, писаннаго И. Н. Крам- скимъ (1874). Третьяков- ская галлерей	XIII 577	Крыловъ, Иванъ Андреевичъ (1768—1844). Съ портрета, писаннаго К. П. Брюло-	

	къ главѣ	при стран.
вымъ. Румянцевскій музей.		
Гелиография англ. типа	XI	1
Кузольникъ, Несторъ Васильевичъ (1812—1868). Съ портрета, писаннаго К. П. Брюловымъ. Третьяковская галерея	XIII	449
Лабзинъ, Александръ Сеодоровичъ, масонъ (1766—1825). Съ портрета, писаннаго В. Л. Боровиковскимъ. Румянцевскій музей	XI	61
Лажечниковъ, Иванъ Ивановичъ (1792—1869). Съ портрета, писаннаго А. В. Тырановымъ (1837). Третьяковская галерея	XIII	321
Лермонтовъ, Михаилъ Юрьевичъ (1814—1841). Копія В. Г. Перова, съ оригинала художника Заболоцкаго. Третьяковская галерея. Гелиография ан. т.	XII	128
Майковъ, Аполлонъ Николаевичъ (1821—1897). Съ портрета, писаннаго В. Г. Перовымъ (1872). Третьяковская галерея	XII, XIII	385
Мординовъ, Николай Семеновичъ, графъ (1754—1845). Съ портрета масляными красками	II	112
Императоръ Николай I. (1796—1855). Съ портрета масляными красками. Оружейная палата въ Москвѣ	I, III, V, VII, VIII, X	257
Островскій, Александръ Николаевичъ (1823—1886). Съ портрета, писаннаго В. Г. Перовымъ (1871). Третьяковская галерея. Гелиография англ. типа	XIII	481
Императоръ Павелъ I. (1754—1801). Съ портрета масляными красками. Оружейная палата	I, II	241
Пестель, Павелъ Ивановичъ (1792—1826)	III	80
Писемскій, Алексѣй Теофиловичъ (1820—1881). Съ портрета, писаннаго И. Е. Рѣпинымъ (1880). Третьяковская галерея	XIII	545
Погодинъ, Михаилъ Петровичъ (1800—1875). Съ портрета, писаннаго В. Г. Перовымъ		

	къ главѣ	при стран.
(1872). Третьяковская галерея	XI, XII, XIII	353
Полонскій, Яковъ Петровичъ (1820—1898). Съ портрета, писаннаго И. И. Крамскимъ (1875). Третьяковская галерея	XIII	593
Пушкинъ, Александръ Сергѣевичъ (1799—1837). Съ портрета, писаннаго О. А. Кипренскимъ (Копія Н. Н. Ге). Третьяковская галерея. Гелиография ан. т.	XI, XII, XIII	96
Ростопчинъ, Сеодоръ Васильевичъ, графъ (1763—1826). Съ портрета В. Л. Боровиковскаго. Румянцевскій музей	XI, XIV	55
Рылѣевъ, Кондратій Сеодоровичъ (1795—1826)	III, XII, XIII	73
Соловьевъ, Сергѣй Михайловичъ (1820—1879). Съ портрета И. Е. Рѣпина (1880). Третьяковская галерея	X, XIII	601
Сперанскій, Михаилъ Михайловичъ, графъ (1772—1839). Съ акварели А. П. Брюлова. Третьяковская галерея	II, III V	144
Станкевичъ, Николай Владимировичъ (1813—1840). Съ акварели Л. Беккера. Коллекція А. И. Станкевича въ Москвѣ	XII, XIII	497
Митрополитъ Филаретъ (1782—1867). Съ портрета масляными красками. Историческій музей	II, V	160
Архимандритъ Фотій, настоятель Юрьевско-Новгородскаго монастыря (1792—1838). Съ портрета Т. Дау. Историческій музей	II	66
Чаадаевъ, Петръ Яковлевичъ (1794—1856). Съ литографіи изъ коллекціи Историческаго музея	XII	416
Чарторыйскій, Адамъ, князь (1770—1861). Съ портрета, писаннаго Ю. Олешкевичемъ. Румянцевскій музей.	II, VIII	289
Щепкинъ, Михаилъ Семеновичъ (1788—1863). Съ портрета, писаннаго Н. В. Невревымъ (1862). Третьяковская галерея	XIII	513

ИСТОРИЯ РОССИИ въ XIX вѣкѣ.

Въ изданіи принимаютъ участіе: прив.-доц. Е. В. Авичковъ, С. М. Блекловъ, проф. М. М. Богословскій, И. Н. Бороздинъ, прив.-доц. С. А. Венгеровъ, В. В. Водовозовъ, А. К. Дживелеговъ, проф. В. Я. Желѣзновъ, Н. Н. Жордани, Вл. Ильинъ, В. Я. Канель, проф. А. А. Кизеветтеръ, М. Н. Коваленскій, А. Л. Коллонтай, К. И. Ландеръ, К. Н. Левинъ, З. Ленскій, Л. Мартовъ, В. Д. Медемъ, Н. М. Никольскій, проф. Д. Н. Овсяннико-Куликовскій, М. Н. Покровскій, проф. Э. Л. Радловъ, Н. А. Рожковъ, С. Θ. Русова, прив.-доц. П. Н. Сакулинъ, проф. К. А. Тимирязевъ, проф. М. П. Туганъ-Барановскій, прив.-доц. В. М. Фриче, С. Я. Цейтлинъ, В. И. Чарнолускій, проф. М. П. Чубинскій, Г. А. Шрейдеръ, Ю. Д. Энгель и др.

СОДЕРЖАНІЕ. Часть I. (1800—1840): 1. Россія въ концѣ XVIII вѣка. Хозяйство. Общество. Государственная власть. 2. Павелъ I. 3. Александръ I. 4. Декабристы. 5. Экономическое развитіе Россіи въ первой половинѣ XIX вѣка. 6. Внутренняя политика въ царствованіе Николая Павловича. 7. Финансовая реформа Канкринъ. 8. Государственные крестьяне при Николаѣ I. 9. Польша въ первой половинѣ XIX вѣка. 10. Прибалтійскій край въ первой половинѣ XIX вѣка. 11. Университеты въ первой половинѣ вѣка. 12. Русская литература Александровской эпохи. 13. Очеркъ Пушкинскаго періода. 14. Русская литература во второй четверти вѣка. 15. Внѣшняя политика Россіи въ первыя десятилѣтія XIX вѣка. Часть II (1840—1866): 1. Конецъ Николая и Крымская кампанія. 2. Крестьянская реформа. 3. Земская реформа. 4. Судебная реформа. 5. Общественное движеніе въ 60-хъ годахъ. 6. Польское возстаніе. 7. Положеніе евреевъ въ первой половинѣ XIX вѣка. 8. Кавказскія войны. 9. Литература 50-хъ и 60-хъ годовъ. 10. Университеты. 11. Религіозное движеніе. 12. Пластическія искусства. 13. Русская музыка. Часть III (1866—1892): 1. Народное хозяйство въ Россіи во второй половинѣ XIX вѣка. 2. Государственное хозяйство Россіи. 3. Мѣстное самоуправленіе. 4. Правительство и судъ. 5. Восточный вопросъ. 6. Общественное движеніе въ 70-хъ и 80-хъ годахъ. 7. Журналистика въ 70-хъ и 80-хъ годахъ. 8. Литература съ 70-хъ по 90-е годы. 9. Народное образованіе. 10. Научное движеніе. 11. Религіозное движеніе. 12. Пластическія искусства. 13. Музыка. Часть IV (1892—1903): 1. Аграрный вопросъ въ концѣ вѣка. Крупная индустрія. 3. Государственное хозяйство въ концѣ вѣка. 4. Рабочій вопросъ и рабочее движеніе. 5. Фабричное законодательство. 6. Фабричная гигиена и земская медицина. 7. Аграрное законодательство. 8. Крестьянское движеніе. 9. Народное образованіе. 10. Университетское движеніе. 11. Земское движеніе. 12. Революціонныя организаціи и партіи. 13. Польскій вопросъ. 14. Прибалтійскій край. 15. Еврейскій вопросъ. 16. Кавказъ. 17. Финляндія. 18. Литература конца вѣка. 19. Внѣшняя политика эпохи.

Изданіе составитъ около 35 выпусковъ въ 80 стр. большого формата, въ общей сложности около 2,800 стр. текста и, кромѣ того, будетъ заключать до 200 художественно исполненныхъ снимковъ съ портретовъ выдающихся дѣятелей и съ картинъ и скульптуръ русскихъ художниковъ, въ томъ числѣ до 60 гелиографуръ англійскаго типа.

Принимается предварительная подписка на слѣдующихъ условіяхъ: 1) либо при подпискѣ уплачивается 2 р. и при полученіи каждаго выпуска—по 1 р. (съ пересылкой), за переводъ платежа уплачивается 10 коп.; 2) либо при подпискѣ уплачивается 5 руб. и при полученіи каждаго 5-го выпуска, т. е. 5, 10, 15-го и т. д. также по 5 руб. до полной оплаты всего изданія (при такомъ способѣ полученія устраняются почтовые формальности и лишніе расходы, связанныя съ полученіемъ книгъ наложеннымъ платежомъ). Цѣна отдѣльнаго выпуска 1 р. 35 қ.

Главная контора изд. Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К^о“: МОСКВА, Б. НИКИТСКАЯ, 5.

Отдѣленіе въ С.-Петербургѣ: Загородный пр., 14.

